

Текст взят с психологического сайта <http://psylib.myword.ru>

На данный момент в библиотеке MyWord.ru опубликовано более 2500 книг по психологии.

Библиотека постоянно пополняется. Учитесь учиться.

Удачи! Да и пребудет с Вами.... :)

Сайт psylib.MyWord.ru является помещением библиотеки и, на основании Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" (в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ), копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных в данной библиотеке, в архивированном виде, категорически запрещен.

Данный файл взят из открытых источников. Вы обязаны были получить разрешение на скачивание данного файла у правообладателей данного файла или их представителей. И, если вы не сделали этого, Вы несете всю ответственность, согласно действующему законодательству РФ. Администрация сайта не несет никакой ответственности за Ваши действия.

Фундаментальная психология

Д.А.Леонтьев

ПСИХОЛОГИЯ СМЫСЛА

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Д.А.Леонтьев

ПСИХОЛОГИЯ СМЫСЛА

ПРИРОДА, СТРОЕНИЕ И ДИНАМИКА
СМЫСЛОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

2-е, исправленное издание

*Рекомендовано Советом по психологии УМО
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по направлению и специальностям психологии*

МОСКВА
СМЫСЛ
2003

УДК 159.9
ББК88
Л 478

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
факультет психологии

Рецензенты:

д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО *Б.С.Братусь*
д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО *В.А.Иванников*
д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАН *В.Ф.Петренко*
д-р психол. наук, проф. *И.А.Васильев*

Леонтьев Д.А.

Л478 Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. — М.: Смысл, 2003. — 487 с.

Монография посвящена всестороннему теоретическому анализу смысловой реальности: аспектов проблемы смысла, форм его существования в отношениях человека с миром, в сознании и деятельности человека, в структуре личности, в межличностном взаимодействии, в артефактах культуры и искусства.

Адресуется психологам и представителям смежных дисциплин.

Рукопись подготовлена при поддержке
Российского Гуманитарного научного фонда,
исследовательский проект № 95-06-17597

Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных
исследований по проекту № 98-06-87091

ISBN 5-89357-082-0

Д.А. Леонтьев, 1999, 2003.
Издательство "Смысл",
оформление, 1999.

ВВЕДЕНИЕ

«Проблема смысла ... — это последнее аналитическое понятие, венчающее общее учение о психике, так же как понятие личности венчает всю систему психологии»

А.Н.Леонтьев

В последние два десятилетия психология переживает кризис своих методологических оснований, связанный с очередным размыванием не только границ ее предмета, но и границ науки и представлений о науке вообще, с разрушением основополагающих и в предыдущий период весьма четких бинарных оппозиций «житейская психология — научная психология», «академическая психология — прикладная психология», «гуманистическая психология — механистическая психология», «глубинная психология — вершинная психология», а также концептуальных оппозиций «аффект — интеллект», «сознание — бессознательное», «познание — действие» и т.п. Активизировалась работа по методологическому осмыслению оснований психологии и построению нового ее образа, что в российской психологии выразилось в первую очередь в возрождении принадлежавшей Л.С.Выготскому идеи «неклассической психологии» (Эльконин, 1989; Асмолов, 1996 б; Дорфман, 1997 и др.) или «органической психологии» (Зинченко, 1997), а в западной — в обсуждении идеи «постмодернистской психологии» (например, Shotter, 1990). Неклассическая психология еще не получила четкого определения; это скорее идея, чем конкретная теория. Можно, однако, обозначить общий вектор движения от классической психологии к неклассической: от статического представления о человеке к динамическому и от изучения его в виде изолированного «препарата» к осознанию его неразрывной связи с миром, в котором протекает его жизнедеятельность.

Неслучаен в этом контексте интерес к понятию смысла многих ученых, как у нас в стране, так и за рубежом. Это понятие пришло в психологию из философии и наук о языке и до сих пор не вошло в основной тезаурус психологии личности, если не считать отдель-

ных научных школ; вместе с тем интерес к нему нарастает, растет и частота использования этого понятия в самых разных контекстах и в рамках различных теоретических и методологических подходов. В отечественной психологии понятие личностного смысла, введенное А.Н.Леонтьевым еще в 40-е годы, уже давно и продуктивно используется в качестве одного из основных объяснительных понятий, причем не только в психологии, но и в смежных научных дисциплинах. Не случайно это понятие получило столь широкое признание именно у нас в стране — ведь в российской культуре, российском сознании поиск смысла всегда являлся главной ценностной ориентацией. Менее известно, что понятие смысла стало в последние десятилетия популярным и на Западе — оно занимает весьма важное место в логотерапии В.Франкла, психологии личностных конструктов Дж.Келли, этогеническом подходе Р.Харре, феноменологической психотерапии Ю.Джэндлина, теории поведенческой динамики Ж.Нюттена и других подходах, несмотря на трудность адекватного перевода этого понятия на английский и многие другие языки. Редким исключением является немецкий, и закономерно, что раньше всего это понятие появилось в философии, психологии и науках о языке именно у немецкоязычных (Г.Фреге, Э.Гуссерль, В.Дильтей, Э.Шпрангер, З.Фрейд, А.Адлер, К.Юнг, М.Вебер, В.Франкл) и русскоязычных (Г.Г.Шпет, М.М.Бахтин, Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев) авторов.

Интерес к понятию смысла вызван, на наш взгляд, тем фактом, хоть и еще неотрефлексированным, что это понятие, как показывает со всей отчетливостью даже беглый взгляд на практику его употребления, позволяет преодолеть перечисленные выше бинарные оппозиции. Это становится возможным благодаря тому, что понятие смысла оказывается «своим» и для житейской и для научной психологии; и для академической и для прикладной; и для глубинной и для вершинной; и для механистической и для гуманистической. Более того, оно соотносимо и с объективной, и с субъективной, и с интерсубъективной (групповой, коммуникативной) реальностью, а также находится на пересечении деятельности, сознания и личности, связывая между собой все три фундаментальные психологические категории. Тем самым понятие смысла может претендовать на новый, более высокий методологический статус, на роль центрального понятия в новой, неклассической или постмодернистской психологии, психологии «изменяющейся личности в изменяющемся мире» (Асмолов, 1990, с. 365).

Столь широкие возможности, однако, порождают и трудности в работе с этим понятием. Его многочисленные определения зачастую несовместимы. Сам смысл имеет, если воспользоваться попу-

лярной в последнее время метафорой, природу Протея — он изменчив, текуч, многолик, не фиксирован в своих границах. Отсюда немалые трудности в понимании этого явления, разночтения в определениях, нечеткости в операционализации... Когда автор этой книги, еще будучи студентом факультета психологии МГУ, заинтересовался проблемой смысла (примерно в 1979—1980 годах), большая группа преподавателей и сотрудников факультета — прямых учеников А.Н.Леонтьева — активно и с большим энтузиазмом занималась разработкой этой проблемы. Их число сейчас уменьшилось. Из тех, кто внес в этот период основной вклад в разработку этого понятия, одних уже нет с нами (Б.В.Зейгарник, Е.Ю.Артемьева), другие достаточно резко сменили свою проблематику и область исследований (В.В.Столин, А.У.Хараш), третьи, разочаровавшись в понятии смысла, фактически отказались от него (В.К.Вилюнас, Е. В. Субботе кий), четвертые не отказались, но впоследствии направили свои непосредственные научные изыскания на другие, хоть и близкие проблемы (А.Г.Асмолов, Е.Е.Насиновская, В.А.Петровский). Вместе с тем отнюдь не ощущается снижение интереса к этому понятию (скорее, наоборот) среди психологов всех школ и направлений.

Разработка общепсихологических представлений о смысловом измерении человеческого бытия ведется автором этой книги с начала 1980-х годов. Основной задачей (можно сказать, сверхзадачей) было собрать цельную картину смысловой реальности из завораживающих кусочков мозаики, образованной имеющимися идеями и публикациями по этой теме. Первым промежуточным результатом стала кандидатская диссертация «Структурная организация смысловой сферы личности», защищенная нами в 1988 году. В ней была предложена классификация смысловых структур и модель структуры личности, основанная на общем понимании смысловых структур личности как превращенной формы жизненных отношений. Мы разработали также концепцию смысловой регуляции жизнедеятельности, показав специфические функции в этой регуляции различных смысловых структур. Этот промежуточный результат соответствовал первой из трех выделенных Н.А.Бернштейном (1966, с. 323—324) стадий развития любых теоретических представлений — стадии объединения и логического упорядочения разрозненных фактов. Мы осознавали и неизбежную ограниченность предложенной в той работе схемы. Эта ограниченность проявилась не только в том, что смысловая сфера личности рассматривалась в статическом морфологическом срезе, но и в том, что само выделение дискретных смысловых структур во многом условно. Мы не располагали другим языком описания, но создавали, что за используемыми нами понятиями реально стоят не

столько смысловые структуры, сколько смысловые процессы. Понимая отдаленность перспективы разработки процессуального языка, мы сформулировали в заключении к упомянутой диссертации и задачи на ближайшую перспективу. В их числе были: анализ условий и механизмов актуалгенетического развития и критических перестроек сложившихся смысловых структур и динамических смысловых систем; анализ интериндивидуальной трансляции смыслов, в том числе в формах материальной и духовной культуры; анализ развития смысловой сферы личности в онтогенезе, а также психологических предпосылок и механизмов аномального развития смысловой сферы; разработка методов исследования и воздействия на смысловую сферу. Решение этих задач позволило бы перейти от статичной морфологической схемы смысловой сферы личности к концепции динамической смысловой реальности, естественной формой существования которой является непрерывное движение, к концепции, имеющей предсказательную силу, что присуще второму этапу развития теории по Н.А.Бернштейну (1966, с. 323—324).

Эта программа-минимум, как нам представляется, выполнена в данной работе, которая являет собой итог почти двух десятилетий научных исследований. Она посвящена решению задачи построения единой общепсихологической концепции смысла, его природы, форм существования и механизмов функционирования в структуре деятельности, сознания, личности, межличностной коммуникации и в предметно воплощенных формах. В ней мы постарались наполнить конкретным психологическим содержанием мысль А.Н.Леонтьева (1983 *a*) о том, что проблема личности образует особое психологическое измерение, иное, чем то измерение, в котором идет изучение психических процессов, а также мысль В.Франкла (*Frankl*, 1979) о смысловом измерении человека, надстраиваемом над биологическим и психологическим измерениями.

* * *

Завершая это введение словами благодарности, нельзя не перейти от академического «мы» к осознанному и «участному» (М.М.Бахтин) «я».

Я посвящаю эту книгу моему деду, Алексею Николаевичу Леонтьеву. Было бы неточным сказать «его памяти», потому что его присутствие — и прежде всего в этой работе — памятью отнюдь не ограничивается. Научная работа всегда в каком-то смысле преодолевает время — мы можем вести весьма содержательный диалог с Декартом и Спинозой, Гиппократом и Аристотелем. Я отчетливо ощущаю присутствие Алексея Николаевича в одном со мной «на-

учном времени» и надеюсь, что моя книга внесет свой вклад в его долголетие в этом временном измерении. Он был и остается для меня образцом научной добросовестности и преданности науке.

Я всегда был жадным до знаний и старательным учеником, я учился у многих, и нелегко перечислить всех, кто повлиял на мое профессиональное становление — не только тех, с кем я общался лично, но и тех, с которыми я не встретился и не встречусь никогда. В числе последних Л.С.Выготский, М.М.Бахтин, А.Адлер, Г.Олпорт, Р.Мэй, М.К.Мамардашвили и другие Учителя. Из числа же тех, у кого я учился в традиционном смысле этого слова, хотелось бы, не принижая ничей вклад, отдельно поблагодарить двоих, влияние которых на мою работу (и не только работу) еще со студенческих лет переоценить невозможно. Александр Григорьевич Асмолов во многом способствовал возникновению и укреплению моего первого интереса к психологии личности и к проблеме смысла, постоянно давал методологические ориентиры и помогал мне решать задачу на смысл того, что я делаю. Елена Юрьевна Артемьева учила, что кроме концепции, должна быть еще позиция, она ненавязчиво способствовала стиранию граней между научными изысканиями и пониманием жизни вообще, формированию у меня методического мышления.

У любого исследователя есть свой ближний референтный круг — люди, работающие рядом в проблемном поле, профессиональное взаимодействие с которыми особенно продуктивно. Полный список тех, кто своими исследованиями особенно сильно помог мне продвинуться в моих, был бы очень длинным. Я благодарен очень многим, а в особенности Б.С.Братусю, Ф.Е.Василюку, В.П.Зинченко, В.А.Иванникову, А.М.Лобку, Е.В.Эйдману. Общую композицию этой книги помогли выстроить теоретические идеи моего друга и коллеги Л.Я.Дорфмана. Я благодарен также всем тем друзьям и коллегам, которые морально поддерживали и поддерживают меня в моем прокладывании новых маршрутов на плохо изученной территории.

Отдельная благодарность — моим ученикам, студентам и аспирантам. Не только потому, что чтобы что-то понять, надо это кому-то объяснить. Без их участия мне не удалось бы в одиночку вывести многие из теоретических идей на уровень эмпирической проверки и практического приложения. Я особенно благодарен тем из них, чей вклад также есть в этой книге: Ю.А.Васильевой, М.В.Снетковой, В.Н.Бузину, Н.В.Пилипко, М.В.Калашникову, О.Э.Калашниковой, А.П.Попогребскому, М.А.Филатовой.

Наконец, еще одна благодарность — моим близким, у которых эта работа на протяжении долгого времени отнимала изрядную часть меня, и которые относились к этому настолько стоически, насколько это было возможно.

ГЛАВА 1.

Подходы к ПОНИМАНИЮ СМЫСЛА в психологии И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

И представлял государю, что у аглицких мастеров совсем на все другие правила жизни, науки и продовольствия, и каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет, и через то в нем совсем другой смысл.

Н. С. Лесков

1.1. ПОНЯТИЕ СМЫСЛА В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

В большинстве общих толковых, философских и лингвистических словарей смысл определяется как синоним значения. Это относится не только к русскому слову «смысл», но и к его немецкому аналогу «Sinn». В английском языке ситуация сложнее: хотя в языке существует этимологически близкое понятие «sense» (смысл), используемое, в частности, в расхожих словосочетаниях «common sense» (здравый смысл), «to make sense» (иметь смысл), тем не менее в абсолютном большинстве случаев в научном дискурсе, равно как и в обыденном языке, русские понятия «значение» и «смысл» переводятся одним и тем же словом «meaning». Французское «sens», напротив, распространено гораздо шире, чем сугубо академический термин «signification» (значение).

Этимология этого понятия также не совпадает в разных языках. Русское «смысл» означает «с мыслью». Немецкое «Sinn», как указывает М.Босс, ведет свое происхождение от древненемецкого литературного глагола «sinnan», означавшего «быть на пути к цели» (Boss, 1988, p. 115). В связи с этим Э.Крэйг замечает, что связь с интенциональной направленностью, присутствующая в слове «Sinn», теряется при переводе его на английский как «meaning», и перевод его словом «sense» был бы адекватнее (Craig, 1988, p. 95—96). С другой стороны, Дж.Ричлак со ссылкой на словари утверждает, что и слово «meaning» происходит от англосаксонских корней с семантикой «желать» и «намереваться» и является, соответственно, понятием целевой природы, обозначающим соотносительную связь

между несколькими конструктами, которые он называет полюсами смысла (Rychlak, 1981, p. 7).

Исторически изначальным проблемным контекстом, в котором понятие смысла возникло как научное понятие, не совпадающее с понятием значения, было изучение понимания текстов, а первой теоретической парадигмой — герменевтика. Задача разграничения герменевтики с философией, с одной стороны, и языкознанием, с другой, очень сложна и выходит далеко за рамки данной работы; как констатировал В.Г.Кузнецов, герменевтика, гуманитарные науки и философия «развиваются в едином историко-культурном контексте, зависят друг от друга, оказывают влияние друг на друга» (1991 а, с. 4). Герменевтика возникла как учение о толковании скрытых смыслов Священного писания, став постепенно учением о понимании скрытых смыслов в более широком контексте и слившись в начале нашего столетия с философской мыслью в работах таких ее представителей как В.Дильтей, Х.-Г.Гадамер и др. Поэтому, относя те или иные воззрения на проблему смысла к герменевтической традиции, мы будем пользоваться лишь чисто историческими критериями.

Пожалуй, первое значимое в нашем контексте понимание смысла мы обнаруживаем у Матиаса Флациуса Иллирийского (XVI век). Флациус предлагает разрешение одной из ведущих герменевтических дилемм, — имеет ли слово один смысл или много, — введя различение значения и смысла: слово, выражение, текст имеют одно значение, но различные контексты могут задавать различные его смыслы. Вне контекста слово смысла не имеет; в каждом конкретном контексте смысл однозначен. Таким образом, проблема смысла сводится к проблеме контекста (Кузнецов, 1991 а, с. 25). «Герменевт, работая с различными контекстами, должен вскрывать в них единственное божественное значение и истолковывать его смысловые оттенки, внесенные в библейские тексты их авторами. Такого типа интерпретации учитывают субъективные особенности авторской позиции. Задача герменевта заключается в выявлении цели и замысла автора» (там же, с. 26). Понятие контекста, введенное Флациусом в концептуальный аппарат герменевтики, позволило, пожалуй, впервые разделить понятия значения и смысла как несинонимичные.

Дальнейшее развитие проблема соотношения, точнее, различения значения и смысла текстов и речевых выражений получила в конце XIX — первой половине XX века в науках о языке — лингвистике, семиотике и логической семантике. Как мы, впрочем, увидим дальше, отождествление значения и смысла и сегодня еще отнюдь не стало достоянием истории. Употребление понятия смысла

в этом контексте далеко от окончательной определенности. Существуют две принципиально различающиеся между собой традиции использования понятия «смысл». В одной из них смысл выступает как полный синоним значения; эти два понятия взаимозаменяемы. Мы не будем специально останавливаться на таких определениях. Во второй традиции понятия «смысл» и «значение» образуют более или менее выраженную концептуальную оппозицию. В свою очередь, вторая традиция также отнюдь не является однородной.

Родоначальником концептуальной оппозиции «значение — смысл» в науках о языке принято считать Готлиба Фреге. В своей классической работе столетней давности «Смысл и денотат» (Фреге, 1977; 1997) он вводит ее следующим образом: денотат, или значение текста (знака) — это та объективная реалья, которую обозначает или суждение о которой высказывает текст (знак); смысл — это способ задания денотата, характер связи между денотатом и знаком или, выражаясь современным языком, «информация, которую знак несет о своем денотате» (Мухелишвили, Шрейдер, 1997, с. 80). Текст может иметь только одно значение, но несколько смыслов, или же не иметь значения (если в реальности ему ничто не соответствует), но иметь при этом смысл. «В поэтическом употреблении достаточно того, что все имеет смысл, в научном — нельзя упускать и значений» (Фреге, 1997, с. 154—155). В текстах Фреге есть указания на связь смысла с контекстом их употребления. Все же, по мнению, в частности, Е.Д.Смирновой и П.В.Таванец (1967), Фреге не создал теории смысла. Тем не менее, его работа до сих пор остается наиболее цитируемой там, где ставится вопрос разведения смысла и значения.

Приведем еще несколько подходов к соотношению значения и смысла речевых выражений. К.И.Льюис (1983), анализируя виды значения, различает языковое и смысловое значение. Языковым значением слова можно овладеть при помощи толкового словаря, сначала найдя его определение, затем определив все слова, которые в это определение входят, и т.д. То, что при этом ускользает — это смысловое значение, связанное со знанием всех вариантов правильного употребления слова в разных контекстах. М.Даммит (1987) рассматривает теорию смысла как одну из составных частей теории значения, наряду с теорией референции. Теория смысла «...связывает теорию истины (или референции) с умением говорящего владеть языком, соотносит его знание суждений теории с практическими лингвистическими навыками, которые он проявляет» (там же, с. 144). Она должна «...не только определить, что знает говорящий, но также и то, как проявляется его знание» (там же, с. 201).

Смысл, таким образом, определяется более широким контекстом, чем значение.

По-иному расставляются акценты в работах представителей современной французской школы анализа дискурса, в которой проблема смысла всегда находится в центре внимания, но при этом рассматривается вне традиционного для лингвистики противопоставления смысла и значения (*Гийому, Мальдидье*, 1999, с. 124, 132). Специфика данного подхода заключается в анализе взаимосвязи дискурса и идеологии. Понятие дискурса выступает здесь как уточняющее идею контекста. Так, М.Пешё и К.Фукс (1999), констатируя неоднозначность связи текста с его смыслом, связывают это с тем, что текстовая последовательность привязана к той или иной дискурсивной формации, благодаря которой она наделяется смыслом; возможна и привязка одновременно к нескольким дискурсивным формациям, что обуславливает наличие у текста нескольких смыслов. Ж.Гийому и Д.Мальдидье (1999) утверждают, что «тексты, дискурсы, дискурсивные комплексы приобретают определенный смысл только в конкретной исторической ситуации» (с. 124). Анализируя тексты эпохи Великой Французской революции, авторы показали, что хотя смысл выражения далек от того, чтобы целиком определяться его внутренней структурой, как традиционно считала лингвистическая семантика, другая крайность — считать смысл полностью обусловленным извне — также себя не оправдала. Авторы формулируют сбалансированный вывод: «Смысл не задан *a priori*, он создается на каждом этапе описания; он никогда не бывает структурно завершен. Смысл берет свое начало в языке и архиве; он одновременно ограничен и открыт» (*там же*, с. 133). Другой автор так видит процесс производства открытого смысла: «Один смысл развертывается в другом, в других; или же он запутывается в самом себе и не может освободиться от себя. Он дрейфует. Он теряется в самом себе или умножается. Что касается времени, то здесь речь идет о мгновениях. Смысл нельзя приклеить. Он нестабилен, все время блуждает. Смысл не имеет длительности. Долго существует лишь его "каркас", фиксируемый и увековечиваемый при своей институционализации. Сам же смысл блуждает по разным местам... Конкретная ситуация означивания, в которой взаимодействуют смысл и его удвоение: не-различение, не-значимость, не-дисциплинированность, не-постоянство. При таком подходе смысл в значительной мере не-контролируем» (*Пульчинеллы Орланди*, 1999, с. 215—216). Постоянства смысла возможно достичь на основе функционирования парафразы и метафоры; таким путем «смысл приобретает "плоть" как смысл исторический, возникающий в условиях напряженного отношения между фиксированностью и изменчивостью» (*там же*, с. 216—217).

Оригинальным путем подходит к определению смысла Г.П.Щедровицкий (1995), отказывающийся видеть в смысле предмет или продукт понимания. Смысл для Г.П.Щедровицкого есть элемент системы деятельности, который может быть задан только через организацию соответствующей системы деятельности, системы акта коммуникаций, включающей в себя: «(1) *Действия* первого индивида в конкретной "практической" ситуации, (2) *целевую установку*, делающую необходимой передачу определенного сообщения второму индивиду, (3) *осмысление* ситуации с точки зрения этой целевой установки и построение соответствующего *высказывания-сообщения-текста*, (4) *передачу* текста-сообщения второму индивиду, (5) *понимание* текста-сообщения вторым индивидом и *воссоздание* на основе этого некоторой *ситуации возможного действия*, (6) *действия* в воссоздаваемой ситуации, соответствующие исходным целевым установкам второго индивида и содержанию полученного им сообщения (*там же*, с. 556). В этой схеме, как считает Г.П.Щедровицкий, «не существует никакого "смысла", отличного от самих процессов понимания, соотносящих и связывающих элементы текста-сообщения друг с другом и с элементами восстанавливаемой ситуации» (*там же*, с. 559).

Г.Л.Тульчинский (1995) усматривает глубинные параллели и взаимосвязи между семиотическими проблемами, философскими идеями М.Бахтина, Г.Шпета, П.Флоренского и А.Лосева и методологическими основаниями психологической школы Л.С.Выготского—А.Н.Леонтьева. «Распаковав» весь этот комплекс идей, он выделяет следующие уровни или слои опыта, которые могут быть выявлены в любом знаке или тексте: 1) материальная форма знака, 2) предметное значение, 3) смысловое значение, 4) оценочное отношение, 5) переживание. «В социально-психологической модели 1-й уровень — знак, 2-й и 3-й образуют социальное значение, 4—5-й — личностный смысл.... Прохождение от 5-го уровня к 1-му есть воплощение, опредмечивание опыта, его объективация. Обратный путь — субъективация, распредмечивание, путь понимания, причем каждый из уровней соответствует и уровню понимания смыслового содержания текста» (*Тульчинский*, 1995, с. 51).

При всем разнообразии конкретных трактовок смысла и его соотношения со значением в контексте проблемы понимания текстов и языковых выражений, можно выделить общее: в отличие от значения, смысл всегда указывает на замысел, задачу, интенцию автора высказывания, на неязыковый контекст, ситуацию употребления знака. Позволим себе проиллюстрировать это различие анекдотом про учительницу младших классов, распекающую ученика за произнесение неприличного слова. «Где ты слышал это слово? Ты ведь

даже не знаешь, что оно значит!» — «Знаю, его говорил папа, а значит оно, что машина не заводится!» В этом анекдоте ухвачен феномен смысла языкового выражения, автономного по отношению к его значению.

Вторым (исторически) проблемным контекстом, в котором понятие смысла вошло в гуманитарные науки, стала проблематика феноменологического анализа сознания, представленная работами, в частности, основателя феноменологической парадигмы Э.Гуссерля и его учеников и последователей: Г.Шпета, творчески интерпретировавшего и развивавшего феноменологию, синтезировав ее с герменевтикой, М.Хайдеггера, К.Ясперса, Ж.-П.Сартра и М.Мерло-Понти.

В работах Э.Гуссерля проблема соотношения значения и смысла неоднозначна; четкое эксплицитное их различение отсутствует и употребляются эти два понятия иногда синонимично, иногда не совсем. Напомним, исходным требованием феноменологического анализа является феноменологическая редукция или «эпохэ» — сосредоточение только на том, что является сознанию и отказ от всякой попытки суждения о возможном мире, находящемся за пределами сознания, трансцендентном ему. Мир как бы заключается в скобки. «Является не мир или часть его, но "смысл" мира» (*Гуссерль*, 1939/1991 б, с. 14). «Неопределенно общий смысл мира и определенный смысл его компонентов есть нечто, что мы сознаем в процессе восприятия, представления, мышления, оценки жизни, то есть нечто "конституированное" в том или ином субъективном генезисе» (*там же*, с. 17). «Между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла» (*Гуссерль*, 1913/1994 а, с. 11).

Источником, приписывающим смысл вещам, является сознание, актуальный упорядоченный опыт (*Гуссерль*, 1913/1994 а, с. 4, 30). Именно наше бытие и жизнь нашего сознания придают миру смысл, именно в жизни сознания «впервые получает свой смысл и свою бытийную значимость весь мир и я сам как объект, как сущий в мире человек» (*Гуссерль*, 1929/1991 а, с. 10). Каждый смысл, по Гуссерлю, «интенционально содержится во внутренней сфере нашей собственной испытывающей, мыслящей, оценивающей жизни и формируется в нашем субъективном генезисе сознания» (*Гуссерль*, 1994 б, с. 10). Таким образом, смысл предстает у Гуссерля как основная образующая ткань сознания; явления, феноменологически данные сознанию, «уже не суть "объекты", но "единицы" "смысла"» (*Гуссерль*, 1939/1991 б, с. 14). При этом как сознание в целом, так и отдельные феномены интенциональны. «Всякий феномен имеет свою собственную интенциональную структуру, анализ которой показывает, что она есть постоянно расширяющаяся система

индивидуально интенциональных и интенционально связанных компонентов» (*там же*, с. 13). Именно интенциональность конституирует предметы как «смысловые единства» (Гуссерль, 1929/1991 а, с. 16—17), причем любые реальные единства суть единства смысла (Гуссерль, 1913/1994 а, с. 30).

Гуссерль выделяет два направления феноменологического анализа: нозетическое, или описание акта переживания, и нозматическое, или описание «того, что пережито» (Гуссерль, 1939/1991 б, с. 14—15). Под нозисом Гуссерль понимает осмысливающую интенциональную направленность сознания на объект, под нозмой — сам переживаемый объект как носитель смысла. «Обладание смыслом... — это основной характер сознания вообще, которое благодаря этому есть не только переживание, но и переживание, обладающее смыслом, переживание "нозетическое"» (Гуссерль, 1913/1994 а, с. 82). Феноменологическое объяснение, подчеркивает Гуссерль, занимается ничем иным как истолкованием смысла, которым этот мир обладает для нас до всякого философствования — «смысла, который может быть философски раскрыт, но никогда не может быть изменен и который ... на каждом этапе нашего опыта содержит в себе горизонты, нуждающиеся в фундаментальном прояснении» (Гуссерль, 1931/1998, с. 283).

Подробнейший структурный анализ переживания в этих понятиях дан учеником Гуссерля Г.Шпетом (1914/1996). «Нозза» — это компонент сознания, конституирующий его предметность, интенциональность, указывающий на то, сознание чего мы рассматриваем. Г.Шпет связывает с этим также функцию осмысления, имея в виду под смыслом предметный смысл, «так как основной характеристикой сознания является "иметь смысл", обладать чем-нибудь осмысленно» (*там же*, с. 117). Предметный смысл «относится к тому постоянно пребывающему в предмете, что остается тождественным, несмотря на все перемены интенциональных переживаний и несмотря на колебания аттенциональных актов чистого Я» (*там же*, с. 122). Переходя от естественной установки к феноменологической, мы переходим от ноззы к нозме, в структуре которой вокруг чистого «предметного смысла» группируются другие ее слои. Именно через смысл нозма относится к своему предмету (см. *там же*).

Далее, однако, констатируя, что у Гуссерля понятия «смысл» и «значение» употребляются как равноценные, Шпет со своей стороны обосновывает их несовпадение: «Осмысление и логизация — по существу и принципиально не тождественны» (*там же*, с. 121). Значение, по Шпету, характеризует выразительный слой нозмы, план высказывания. «"Смысл" как "значение" — по преимуществу логическое значение, — поскольку он ... не выходит за границы опреде-

ляемого "содержания", тогда как мы говорим о смысле самого предмета, или онтологически: *о смысле вещи*» (там же, с. 166). «Смысл явления ... заключает в себе правило раскрытия вещи в ее действительном бытии» (там же, с. 174).

Шпет считает необходимым видеть разницу «между "предметным смыслом", тождественным, являющимся как такое, с тождественной "объективной" квалификацией явления, с одной стороны, и меняющимися видами "представления" в их различии способов данности» (там же, с. 127—128). Окончательное разделение, которое он вводит, еще сложнее: смысл *an sich* (сам по себе), выражающий определенную квалификацию предмета, смысл *in sich* (в себе), выражающий способы его данности, и смысл *for sich* (для себя), выражающий формообразующее начало нозмы (там же, с. 132). Последний из них Шпет обозначает также как «внутренний смысл», выражающий энтелехию, характеристику предмета со стороны его целеотношения или телеологичности: «внутренний смысл» секиры в том, что секира «рубит» (там же, с. 160—161). Именно благодаря внутреннему смыслу в нас возникает «чувство собственного места в мире и всякой вещи в нем» (там же, с. 181). Раскрытие смысла как присущего определенной сфере идей «есть обнаружение внутренне присущей ему мотивации» (Шпет, 1991, с.219).

Понятие внутреннего интимного смысла или энтелехии представляет собой оригинальное развитие Шпетом идей Гуссерля, существенное усложнение гуссерлианского понимания структуры нозмы (Борисов, 1996). Согласно собственным воззрениям Шпета, смысл объективен, «укоренен в бытии», это особая область бытия, особый предмет (см. Кузнецов, 1991 б).

К пониманию смысла как объективной сущности вещей, объекта специально направленного особого познания, склоняется и другой ученик Гуссерля, М.Хайдеггер, который называет смыслом «артикулируемое в языке и речи» (Зайцева, 1991, с. 174). «О смысле можно каждый раз говорить только тогда, когда мы имеем дело с обдумыванием, соображением, конструированием, определением... Форма, в которой смысл выступает в действительности, — это значимость, т.е. форма процесса суждения» (Heidegger, 1914, S. 96; цит. по: Зайцева, 1991, с. 163). Другой формой воплощения смысла является произведение или текст — это не сам смысл, но «место смысла, такое особым образом устроенное место, на котором вновь и вновь возникает — пусть и изменяемый — смысл» (Мухайлов, 1993, с. XL). Таким образом, у Хайдеггера смысл проявляется или строится также в пространстве сознания, является феноменом сознания, результатом познавательной деятельности, хотя и относится к явлениям мира как к своему предмету. Мир предстает как

глобальный смыслообразующий контекст: все осмысленное «получает свой смысл именно в мире как живом пространстве человеческой деятельности» {Михайлов, 1993, с. XXI}.

«Понять направление, в каком вещь уже движется сама по себе — значит, увидеть ее смысл. Во вникании в такой смысл — суть осмысления. Осмыслением подразумевается больше, чем просто осознание чего-либо. Мы еще далеки от осмысления, пока просто что-то создаем. Осмысление требует большего. Оно — отданность достойному вопрошания» (Хайдеггер, 1993 а, с. 251). В параграфе 32 «Бытия и времени», который называется «Понимание и истолкование» (или, в другом переводе, «Понимание и толкование») понятию смысла посвящен довольно обширный и чрезвычайно темный фрагмент; он опубликован в двух разных русских переводах (Хайдеггер, 1993 б, с. 13; Хайдеггер, 1997, с. 151). Насколько можно понять, в нем Хайдеггер также говорит о смысле чего-либо как о характеристике «фаскрытого» бытия, как о его интенциональной направленности, только исходя из которой оно и может быть понято как таковое. Это объединяет взгляды Хайдеггера и Шпета на смысл.

Если Шпет и Хайдеггер используют понятие смысла в контексте проблемы познания внешней реальности, то еще один, не менее прославленный ученик Гуссерля — К. Ясперс — говорит о смысле преимущественно как о понятии, характеризующем взаимосвязь психических явлений в душевной жизни человека, в его «личностном мире». «Мы *понимаем* психические взаимосвязи изнутри, как нечто значащее, как некоторый смысл; и мы *объясняем* их извне, как регулярные или существенно важные параллелизмы или последовательности» (Ясперс, 1997, с. 546). Вместе с тем смысл не является сущностной характеристикой самих психических феноменов как таковых; напротив, он «*вкладывается* в них индивидом, обуславливается его осознанными намерениями, реализуется им самим» (там же, с. 337).

Смысл, по Ясперсу, предмет не объяснения, а понимания. «Прежде чем понять самую душу, мы должны понять этот смысл» (там же). Понимание объективных порождений психической жизни, однако, возможно лишь на основе более широкого контекста. Для их постижения необходимо «широкое понимание духовного мира человека и достаточно богатый опыт. Прийти к широкому пониманию — это значит сделать первый шаг; уже после этого мы приобретаем способность к непосредственному постижению смысла как выражения данной и именно данной, отдельно взятой души» (там же), в частности, через ее произвольные психические проявления и сновидения. Примером работы по пониманию Ясперс считал

психоанализ: «Фактически Фрейд занимался *понимающей* психологией, а вовсе не *причинным* объяснением (как ему самому казалось)» (*там же*, с. 651).

Из того же более широкого контекста Ясперс выводил и понимание смысла жизни, который «определяется тем, как мы определяем свое место в рамках целого» (*Ясперс*, 1991, с. 271).

Следующую развернутую философскую концептуализацию смысла в той же экзистенциально-феноменологической традиции мы находим у Ж.-П.Сартра, испытавшего сильное влияние Гуссерля и Хайдеггера.

Уже в одной из ранних феноменологических работ, посвященной образности, Сартр говорит об аффективном смысле как о чувстве, возникающем в процессе восприятия некоторого объекта и проецируемом на этот объект, приклеивающемся к нему. «Именно этот аффективный смысл обеспечивает синтез различных признаков, который оживляет их замерзшую наготу, придает им жизнь и какое-то наполнение» (*Sartre*, 1972, р. 31).

Более общие представления о смысле сформулированы Сартром в его основополагающем труде «Бытие и ничто» (*Sartre*, 1943). «Сознание всегда может выйти за пределы существующего, отнюдь не к его бытию, а к смыслу этого бытия, — писал Сартр. — ... Смысл бытия существующего, поскольку он сам открывается сознанию, — это феномен бытия. Этот смысл сам обладает бытием, на основании которого он обнаруживается» (*Sartre*, 1943, р. 30).

Но какова природа и происхождение этого трансцендентного смысла? Сартр выводит этот смысл из создаваемого индивидом проекта своего бытия в мире. Этот проект, «заставляющий существовать ценности, зовы, ожидания и вообще мир», представляется «по ту сторону мира как логические и абстрактные смысл и значение моих действий» (*там же*, р. 77). Человеческий проект, по Сартру, представляет собой имплицитный смысл ситуации.

Как указывает Л.И.Филиппов, звеном, соединяющим сознание и мир, является для Сартра восприятие, постигающее внешнее как целостность, в которую вписывается смысл. Смысл придается как ситуации, так и внешним предметам; он выбирается сознанием. Происходит систематическая субъективация внешней реальности. Внешняя реальность как вместилище смыслов — это мир очеловеченной природы. «Смыслы, — разъясняет Сартр, — современные объектам: они даже суть вещи лично», и поэтому «смысл ни в коем случае не может быть ассимилирован с субъективностью. Все изменения, которые восприятие может зарегистрировать в нем, есть в действительности объективные изменения» (цит. по: *Филиппов*, 1977, с. 149-150).

В более поздних работах Сартр обращается к постижению смысла человеческих поступков через понимание, которое «объясняет действие через его конечное значение, исходя из отправных условий» {Сартр, 1994, с. 188}. «Смысл поступка и его значимость могут быть постигнуты только в перспективе через движение, которое реализует возможности, разоблачая данное. Человек является для самого себя и для других существом значащим, так как ни один из его поступков нельзя понять, не превосходя чистое настоящее и не объясняя его через будущее» {там же, с. 187}.

Наконец, еще одну развернутую философскую концепцию смысла мы находим в работах другого крупнейшего представителя французского экзистенциализма М.Мерло-Понти, прежде всего в его фундаментальных работах «Структура поведения» и «Феноменология восприятия», опубликованных в первой половине 1940-х годов. В книге «Структура поведения» (Merleau-Ponty, 1963) вводится понятие смысла как основного организующего принципа поведения живых систем. «Единица физических систем есть *связь*, единица живых организмов — *значимость*. Координация на основе законов, привычная для физического мышления, не исчерпывает феномены жизни, оставляя остаток, подчиняющийся иному виду координации — координации на основе *смысла*» {Merleau-Ponty, 1963, р. 168—169}. Для Мерло-Понти очевидно, что витальные акты имеют смысл по определению. Стимулы не вызывают автоматически единую стереотипную поведенческую реакцию. Напротив: «Реакция зависит не столько от материальных свойств стимулов, сколько от их жизненной значимости. Таким образом, среди переменных, от которых действительно зависит поведение, нам видится смысловая связь, имманентное отношение» {там же, р. 174}. Как отмечает анализирующая работы Мерло-Понти Т.М.Тузова, человек может преодолевать данность именно потому, что его «высшие реакции» зависят не от стимулов, но скорее от «смысла ситуации», они предполагают определенный «взгляд» на эту ситуацию {Тузова, 1987, с. 66}.

Источником смыслов вещей выступает действующий субъект. «Поскольку именно он, появляясь, заставляет проявиться смысл и ценность в вещах, и поскольку всякая вещь может приобрести их, только сделавшись для него смыслом и ценностью, то нет воздействия вещей на субъекта, а есть лишь сигнификация (в активном смысле), центробежное *Sinngebung* (наделение смыслом)» {Мерло-Понти, 1997, с. 176}. Нам принадлежит «универсальная власть наделения смыслом» {там же, с. 179}. Это наделение происходит не преднамеренно, а спонтанно: «Коль скоро у меня есть руки, ноги, тело, мир, я разношу вокруг себя интенции, которые не имеют

решающего значения и которые воздействуют на мое окружение такими свойствами, которые не я сам выбираю» (*там же*, с. 180).

Подобно Хайдеггеру, Шпету, Сартру и Ясперсу, для Мерло-Понти смысл явления выводится из его интенциональной направленности. «Слова "смысл течения воды" ничего не выражают, если я не предполагаю субъекта, который смотрит с какого-то места в определенном направлении... Подобно этому, и "смысл ткани" воспринимается только субъектом, который может подойти к предмету с одной или с другой стороны, и ткань обладает каким-то смыслом лишь благодаря моему появлению в мире. Так же и "смысл фразы" — это то, что в ней сказывается, или ее интенция, что предполагает какую-то исходную и конечную точку, что-то имеющееся в виду и какую-то точку зрения... Под всеми приложениями слова "смысл" мы обнаруживаем то же фундаментальное понятие бытия, ориентированного или поляризованного на то, что оно не есть, и мы, таким образом, все время возвращаемся к пониманию субъекта как эк-стаза и к отношению активной трансценденции между субъектом и миром. Мир неотделим от субъекта, но субъекта, который не может быть ничем иным, как проектом мира, и субъект неотделим от мира, но мира, который он сам проецирует» (*Мерло-Понти*, 1991, с. 289).

Помимо упомянутой черты, общей для всех рассмотренных философов экзистенциально-феноменологической ориентации, Мерло-Понти также роднит с Сартром рассмотрение смысла как порождения индивидуальных проектов. «Говорят, что события обладают смыслом, когда они представляются нам как реализация или выражение какого-то единого замысла. Смысл для нас существует, когда одна из наших интенций наполняется или, наоборот, когда какое-то многообразие фактов или знаков готово к схватывающему постижению с нашей стороны» (*там же*, с. 288). Экзистенция, по Мерло-Понти, и есть та операция, «посредством которой то, что не имело смысла, получает смысл» (*Merleau-Ponty*, 1945, p. 198).

Третий контекст употребления понятия смысла в гуманитарных науках связан с проблематикой экзистенциального смысла человеческого бытия. Этот аспект был затронут уже в работах К.Ясперса и Ж.-П.Сартра. Еще один видный представитель экзистенциальной философии П.Тиллих, оказавший большое влияние на американскую гуманистическую психологию в 1950—1960-е годы, в своей наиболее известной работе «Мужество быть» отмечает, что человек есть человек лишь потому, что он обладает способностью понимать и формировать свой мир и самого себя в соответствии со смыслами и ценностями (*Тиллих*, 1995, с. 40). С этим связано духовное самоут-

верждение человека. «Человек живет "внутри" смыслов, внутри того, что имеет логическую, эстетическую, этическую, религиозную значимость» (*там же*, с. 61). Отношение к смыслам или интенциональность — направленность на осмысленные содержания — прямо связана с витальностью, жизненной и творческой силой человека.

Утрата человеком смысла вызвана утратой духовного центра и порождает специфическую форму тревоги. В отличие от экзистенциальной тревоги судьбы и смерти, которая носит неустрашимый, онтологический характер, патологические или невротические формы тревоги, проистекающие из чувства пустоты или отсутствия смысла, связаны с уходом от вопроса о смысле. Невротик не допускает вопроса о смысле во всем его радикальном значении, не обладает мужеством принять на себя экзистенциальную тревогу (*там же*, с. 56-58).

Тревогу сомнения и отсутствия смысла П.Тиллих считает тревогой нашей эпохи, отразившейся в литературе, искусстве и философии нашего столетия. Единственный позитивный выход — это принять отсутствие смысла, сохраняя мужество быть собой. Сам акт принятия отсутствия смысла есть осмысленный акт веры. Переживаемое человеком отсутствие смысла содержит в себе опыт «силы приятия». «Витальность, способная выстоять перед бездной отсутствия смысла, осознает присутствие скрытого смысла внутри разрушения смысла» (*Тиллих*, 1995, с. 123).

Проблематика бытийных смыслов занимает важное место в ранних работах М.М.Бахтина (мы остановимся здесь лишь на наиболее общих моментах бахтинской трактовки смысла). «Мы уверенно поступаем тогда, когда поступаем не от себя, а как одержимые имманентной необходимостью смысла той или другой культурной области» (*Бахтин*, 1986 а, с. 97). Понятие смысла для Бахтина означает, однако, укорененные в культуре смыслы, трансцендентные индивидуальному существованию, хоть и играющие в нем важную роль благодаря тому, что смысл сливается с фактом в человеческом поступке. Индивидуальная же динамичная смысловая реальность, проявляющаяся в различных формах по ходу действия, обозначается у М.М.Бахтина несколько сложным, но довольно точным понятием «эмоционально-волевой тон». Этот эмоционально-волевой тон «обтекает все смысловое содержание мысли в поступке», «ориентирует в единственном бытии, ориентирует в нем и действительно утверждает смысловое содержание» (*там же*, с. 107). «Все, с чем я имею дело, дано мне в эмоционально-волевом тоне, ибо все дано мне как момент события, в котором я участвую.... Предмет неотделим от своей функции в событии в его соотношении со мной. Но эта функция предмета... есть ...эмоционально-волевой тон его» (*там же*,

с. 106). Эмоционально-волевой тон не есть пассивная реакция, это скорее активная установка сознания, момент активности в переживании, «переживание переживания как моего» (*там же*, с. 109). Наконец, надо отметить, что эмоционально-волевое отношение есть по своей сути отношение, возникающее в любой деятельности: «Уже тем самым, что я заговорил о предмете, обратил на него внимание, выделил и просто пережил его, я уже занял по отношению к нему эмоционально-волевою позицию, ценностную установку...» (*там же*, с. 152).

В другой работе, также относящейся к 1920-м годам, М.М.Бахтин характеризует «смысловой ряд жизни» как «познавательно-этическое напряжение жизни изнутри ее самое». «Я живу — мыслю, чувствую, поступаю — в смысловом ряду своей жизни» (*Бахтин*, 1979, с. 96). М.М. Бахтин противопоставляет смысловую организацию жизни организации ее во времени, указывая, что смысл дает человеку непосредственную вневременную опору (*там же*, с. 97). «Совокупность всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя» (*там же*, с. 98) Бахтин отождествляет с духом. Как духовное образование, смысл есть нечто внешнее по отношению к моему сознанию, он противостоит мне; субъективное переживание есть отношение к смыслу и предмету, след смысла в бытии, хотя смысл «подчиняется ценности индивидуального бытия, смертной плоти переживания» (*там же*, с. 102).

Будущее, по М.М.Бахтину, есть преимущественно смысловая категория; «осознавать себя самого активно — значит освещать себя предстоящим смыслом» (*там же*, с. 105). Смысловое будущее чужеродно, враждебно настоящему и прошлому, ибо для него принципиальна незавершенность. «Смысловое абсолютное будущее есть будущее не в смысле временного продолжения *той же жизни*, но в смысле постоянной возможности и нужности преобразовать ее *формально*, вложить в нее новый смысл» (*там же*, с. 107). «В каждом моем акте, моем действии, внешнем и внутреннем, в акте-чувстве, в познавательном акте, оно противостоит мне как чистый значимый смысл и движет моим актом, но никогда для меня самого не осуществляется в нем, всегда оставаясь чистым требованием для моей временности, историчности, ограниченности» (*там же*, с. 108).

Этот смысл играет ключевую роль и в моем понимании себя самого. В том, что касается моего смысла и ценности для себя самого, я «отброшен в мир бесконечно требовательного смысла» (*там же*). «Мое определение самого себя дано мне (вернее, дано как задание, данность заданности) не в категориях временного бытия, а в категориях *еще-не-бытия*, в категориях цели и смысла, в смысловом будущем, враждебном всякой наличности моей в прошлом и

настоящем» (*там же*, с. 109). Мое внутреннее бытие сплошь создано этим предстоящим смыслом; если оно, в своем самодовольстве, отрывается от него, пребывая в своей наличности, то оно впадает в глубокое противоречие с самим собой (*там же*). В другом месте М.М.Бахтин указывает, что слепота к смысловому идеальному бытию, к смыслу в себе есть обман, приводящий к овеществлению человека (*Бахтин*, 1996, с. 70).

В своих поздних работах М.М.Бахтин вновь возвращается к уточнению понятия смысла. Он подчеркивает разведение семантической (значенческой) стороны произведения и его ценностно-смыслового момента, который порождается приобщением к высшей ценности (*Бахтин*, 1979, с. 368—369). В отличие от значения, смысл диалогичен. «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла... Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам. Не может быть "смысла в себе" — он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним» (*там же*, с. 350). Наконец, смысл не может действовать как материальная сила, влиять на физические явления, но он и не нуждается в этом; осуществляя смысловое преобразование бытия, он оказывается сильнее всякой силы (*там же*, с. 367).

Наконец, четвертый контекст употребления понятия смысла в гуманитарных науках подразумевает постановку проблемы смысла человеческих действий и других невербальных проявлений. В числе авторов, заложивших основы такого понимания смысла, следует назвать в первую очередь В.Дильтея, Э.Шпрангера и М.Вебера, работы которых предшествовали упоминавшимся выше работам К.Ясперса, Ж.-П.Сартра и М.Мерло-Понти.

В.Дильтей, введя понятие живых переживаний как единиц анализа жизни в целом, приписывает им осмысленность, обусловленную их местом в контексте жизни как целого. «Моя актуальная концепция жизни определяет, как я вижу сегодня каждую значимую ее часть. Через нее эта часть соотносится с другими значимыми частями; она принадлежит к определенному контексту, обусловленному отношением между значимыми моментами жизни и моей нынешней интерпретацией их. Эти смысловые соотношения конституируют мой актуальный опыт и пронизывают его» (*Dilthey*, 1961, р. 100). Индивидуальная структура психической жизни может быть понята только с помощью интерпретации смысла жизненных проявлений. Как отмечают анализирующие поздние работы Дильтея К.Будт и Л.Мос, герменевтический поворот в методологии Дильтея привел его к осознанию того, что понять человека возможно только

через понимание смысла его жизненных проявлений в физических, внешне объективированных формах. Только те психологические процессы, которые получают культурно обусловленную объективированную форму выражения, могут быть ключом к пониманию человеческой индивидуальности, как других, так и себя самого; в их смысле выражается наша сущность (*Boodt, Mos, 1993*).

Близкие взгляды мы находим и у ученика Дильтея Э.Шпрангера (1914/1980). Шпрангер вводит понятие смысловой связи, понимая под ней связь с ценностью, выступающей объяснительной инстанцией по отношению к смыслу: «какой-нибудь механизм, например, можно назвать осмысленным, поскольку все осуществляемые им отдельные процессы скоординированы в направлении к общему результату, который имеет какую-то ценность. Организм является полным смысла, поскольку все его собственные функции направлены на сохранение своего состояния в данных жизненных условиях и поскольку само это сохранение может рассматриваться как ценное для него. Но прежде всего полна смысла жизнь души в индивидууме, так как она в самой себе имеет значение всей своей активности и значение связи частных функций, переживая их как ценное или, наоборот, не имеющее ценности» (*Шпрангер, 1914/1980, с. 294—295*) «Лишь внутри структуры душевные элементы получают смысловую связь подобно тому, как в имманентных смысловых связях находятся части организма» (*там же, с. 299*).

Э.Шпрангер говорит о надындивидуальном смысле, лежащем в основе смысловых связей, как о специфической форме объективности, хотя надындивидуальный смысл объекта определяется его смысловыми связями с теми или иными установками сознания. «Когда я рассматриваю книгу ... как предмет купли-продажи, я тем самым включаю ее в хозяйственную смысловую связь; рассматривая ее как продукт познания, я включаю ее в научную связь; если я обращаю внимание на оформление книги — в эстетическую связь. Несомненно, в моем сознании имеются различные установки, из которых исходят эти смыслы, и каждое такое смысловое направление подлежит особому закону» (*там же, с. 288*). Надындивидуальный смысл существует в мире духа, который развивается по историческим законам. Он, однако, может быть объективирован в языке, произведениях искусства, технических сооружениях, и через эти объективированные формы быть воспринятым другими людьми. «В качестве смыслосозидающей и смысловопереживающей индивидуальная душа переходит отсюда в надындивидуальный дух» (*там же, с. 300*). Понимание смысла, необходимое для того, чтобы понять психологию человека, предполагает, по Шпрангеру, знание

смысловых связей, выходящих за пределы субъективности и непосредственных переживаний самого человека, который может и не осознавать смысл своих действий (см. *Рубинштейн*, 1997, с. 164).

В «понимающей социологии» М.Вебера понятие смысла является одним из центральных. Вебер называет действием понятное отношение к объектам, которое имело или предполагало субъективный смысл для действующих индивидов, независимо от степени выраженности последнего. Через этот смысл поведение может быть, во-первых, соотнесено с поведением других людей (если по своему смыслу действие соотносится с действием других людей и ориентируется на него, то мы имеем дело с социальным действием), во-вторых, определено и, в-третьих, понятно объяснено (*Вебер*, 1990, с. 497, 602—603). Вебер различает два значения понятия «смысл». Смысл может быть действительно субъективно предполагаемым неким действующим лицом или же теоретически конструируемым (*там же*, с. 603). Вебер подчеркивает, что понимающая социология не есть психология, ведь с точки зрения первой рациональная целесообразная структура поведения являет собой наиболее четкий и понятный случай смысловой структуры, а «чем однозначнее действие ориентировано по типу рациональной правильности, тем менее смысл его может быть понят с помощью каких-либо психологических соображений» (*там же*, с. 500). Иррациональные же, эмоционально обусловленные смысловые связи легче всего понимаются через соотнесение их с чисто целерационально сконструированным действием, в качестве «отклонений» от последнего (*там же*, с. 605). Мера целерациональности, по сути, выступает у Вебера как мера осмысленности действия.

Необходимым моментом понимания действия выступает, наряду с непосредственным пониманием его содержательного смысла, также объясняющее понимание — понимание рациональной мотивации через включение действия в понятную смысловую связь, в которой они находят свое объяснение (*там же*, с. 608). «"Мотивом" называется некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия» (*там же*, с. 611). Хотя М.Вебер ставит во главу угла рациональность, он осознает, что нельзя полагаться на суждения людей о своих мотивах, что истинные мотивы часто скрыты, искажены, замаскированы. В основе внешне схожего поведения могут лежать совершенно различные мотивы и смысловые связи. Именно смысловая связь действий является, по мнению Вебера, объектом постижения для социологии и истории (*там же*, с. 614). К современной ему психологии М.Вебер относится без особого уважения, критикуя ее, в

частности, за то, что она не стремится истолковать человеческое действие с точки зрения его предполагаемого смысла, довольствуясь естественнонаучным анализом (*там же*, с. 621).

Смысл является для Вебера ключевым понятием в понимании не только человеческих действий, но и человеческой культуры.

«Трансцендентальная предпосылка всех наук о культуре состоит ... в том, что мы сами являемся людьми культуры, что мы обладаем способностью и волей, которые позволяют нам сознательно занять определенную позицию по отношению к миру и придать ему смысл. Каким бы этот смысл ни был, он станет основой наших суждений о различных явлениях совместного существования людей, заставит нас отнестись к ним (положительно или отрицательно) как к чему-то для нас значительному» (Вебер, 1990, с. 379). Смысл в этой цитате раскрывается также как осознанно творимый человеком.

В заключение коснемся трансперсонального подхода к проблеме смысла В.В.Налимова (1989 *а, б*), который стоит особняком по отношению ко всем рассмотренным выше подходам. В.В.Налимов утверждает, что человек «существует лишь в той мере, в какой он погружен в мир смыслов» (1989 *а*, с. 247), понимая под смыслами «все то, что когда-либо было проявлено в культурах будущего» (1989 *б*, с. 85). Они существуют изначально. Смыслы организуются в тексты — «структуры, организуемые вероятностным взвешиванием смыслов. Взвешивание — это придание элементарным смыслам вероятностной меры» (Налимов, 1995, с. 123). Природа смыслов может быть схвачена только через их проявление в Бытии, содержащем сознание; сознание «предстает перед нами как некоторое устройство, непрестанно и по-новому раскрывающее смыслы» (Налимов, 1989 *б*, с. 85).

Сущность раскрытия смыслов состоит, по В.В.Налимову, в наложении на универсальный всеобщий континуум смыслов определенных фильтров, которые проявляют те или иные смыслы с той или иной вероятностной мерой. Такими фильтрами выступают, например, научные, философские и религиозные концепции, языки, другие культурные образования. Таким фильтром является и личность. «Архитектоника личности — это архитектоника смыслов, воплощенных в личности — демиургической носительнице смыслов» (Налимов, 1989 *а*, с. 120). Личность выступает как генератор и преобразователь смыслов. Она открыта миру и способна преобразовывать его своими действиями, порожаемыми новыми смыслами (*там же*, с. 166—167). В.В.Налимов характеризует открытого миру человека как «фабрику по переработке смысловых оценок» (*там же*, с. 186).

Хотя смыслы, по В.В.Налимову, отнюдь не являются атрибутом только лишь человеческого существования, он приписывает им

весьма существенную антропологическую функцию. «Человек всегда стремится к утверждению смыслов — своих или чужих, ставших для него своими» (Налимов, 1989 а, с. 252). Смыслы делают нас активными, психически здоровыми, но если они не обновляются постоянно в соответствии с меняющейся ситуацией («Быть — это значит иметь способность облекаться в новые смыслы» — *там же*, с. 235), они могут играть и негативную роль — угнетать, подавлять, догматизировать человека. Тот поиск смыслов, который ведет личность, приводит ее к соприкосновению с предельной реальностью Мира. Раскрывая смыслы Мира, активно участвуя в раскрытии потенциально заложенных в нем смыслов, человек расширяет и гармонизирует смысловую ткань своей собственной личности, трансцендируя, выходя за ее пределы (*там же*, с. 250—251).

Если попытаться обобщить все многообразие трактовок смысла в философии и гуманитарных науках, вкратце рассмотренное в данной главе, можно обратить внимание на две основных черты, объединяющие практически все эти трактовки (подход В.В.Налимова является, пожалуй, единственным исключением), несмотря на гораздо более многочисленные их различия. ***Смысл (будь то смысл текстов, фрагментов мира, образов сознания, душевных явлений или действий) определяется, во-первых, через более широкий контекст, и, во-вторых, через интенцию или энтелехию (целевую направленность, предназначение или направление движения).***

По-видимому, следует рассматривать эти две характеристики — контекстуальность и интенциональность — как два основополагающих атрибута смысла, инвариантных по отношению к конкретным его пониманиям, определениям и концепциям. По сути именно эти два атрибута наиболее четко отражены в идеях Дж.Ричлака, разрабатывающего философско-методологические вопросы психологии, а также А.А.Брудного. Дж.Ричлак утверждает, что теорией, адекватно объясняющей человеческое поведение, может быть только телеологическая теория, теория интенциональности. Идея интенциональности основана на том, что организм действует ради неких смыслов; смыслы же есть не что иное как отношения, указания на то, в связи с чем, в контексте чего данный поведенческий паттерн оказывается значим (Rychlak, 1984). А.А.Брудный характеризует смысл как «место в структуре», отмечая, что он находит выражение в «направленном характере движения» (Брудный, 1998, с. 122, 126).

Завершив наш краткий очерк представлений о смысле в философии и гуманитарных науках, мы переходим к более детальному анализу представлений о смысле в психологии.

1.2. ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СМЫСЛА В ПСИХОЛОГИИ

Поставив перед собой задачу сделать обзор основных подходов к проблеме смысла в психологии, мы с самого начала сталкиваемся с затруднением. Суть его в том, что понятие смысла не является достоянием только науки; оно является элементом обыденного языка и обыденного сознания. По этой причине многие авторы используют это понятие не терминологически, давая ему определение в соответствии с научными канонами, а в его житейском словоупотреблении, как например, мы использовали слово «причина» в начале этой фразы. Концепции, берущие понятие смысла как «готовое» и считающие его значение не требующим пояснений, мы не включили в наш обзор, хотя порой и в них понятие смысла занимает весьма важное место (например, в теории К.Роджерса). Мы также, за редкими исключениями, не касались конкретных исследований, в которых понятие смысла выступало как объяснительное, ограничившись изложением и анализом теоретических представлений о смысле как таковом.

1.2.1. ПРЕДЫСТОРИЯ СМЫСЛА КАК ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО ПОНЯТИЯ В ПСИХОЛОГИИ: РАННИЕ ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ личности

Понятие смысла пришло в психологию из донаучных попыток объяснения человеческого поведения, основывавшихся на здоровом смысле и представлениях обыденного сознания. Сущность такой формы объяснения, оставшейся единственной на протяжении многих веков, «...заключается в том, что действия и психические феномены наделялись смыслом благодаря установлению их связи с намерением. Выявить связь чего-либо с преследуемой субъектом целью, с содержанием мысли или с намерением — значит раскрыть его смысл, значит обеспечить определенное понимание... наиболее примитивное и наиболее фундаментальное» (*Nuttin*, 1961, p. 9).

Первой системой научной психологии, обратившейся к понятию смысла для объяснения поведенческих проявлений человека (преимущественно произвольных), закономерно стал психоанализ. Направленность на раскрытие смысла поступков и произвольных реакций человека является главной характеристикой психоаналити-

ческого подхода как с точки зрения представителей самого этого подхода (Klein, 1982), так и с точки зрения «внешних» критиков этого течения (Nuttin, 1956). Однако роль психоанализа в разработке идеи смысла не сводится лишь к распространению сферы смыслового объяснения на такие формы поведения, как фобии, аффективные реакции, сновидения, феномены забывания и т.п., которые раньше рассматривались как лишённые смысла. В работах Фрейда мы впервые встречаемся с понятием смысла, включенным в ряд объяснительных понятий научной психологии.

Последнее утверждение требует, однако, оговорки в связи с разделяемым нами мнением о «двух теориях» Фрейда — клинической теории и метапсихологии, согласованность между которыми оставляет желать лучшего (Klein, 1982). Революционные достижения психоанализа автор этого различия Дж.Клейн связывает преимущественно с клинической теорией, с «...объяснением в терминах смыслов, воспринимаемых наблюдателем и переживаемых субъектом» (там же, р. 27—28). «Психоанализ относится к классу теорий... пытающихся утверждать, что поведение имеет определенный смысл, который можно вывести из истории этого смысла в жизни личности» (там же, р. 56). «Ориентация на поиск смысла и используемые концептуальные орудия позволяют аналитику видеть закономерности, отличные от тех, которые обычно видят другие психологи, наблюдающие то же самое поведение» (там же, р. 52). Фрейд разработал таксономию смыслов личностных отношений.

Однако постепенно создававшаяся метапсихологическая теория психоанализа вступила в противоречие с объяснением в терминах смыслов, заменив его объяснением в терминах энергии, сил, механизмов и физических аналогий. В философской системе Фрейда, стремившегося к формулированию закономерностей поведения на языке строгой науки, не нашлось места для понятия смысла и даже сама задача раскрытия смыслов была отброшена (Klein, 1982). В работах Фрейда, написанных в 1920—1930-е годы, понятие смысла практически исчезает и возрождается в психоанализе лишь позже, в публикациях ряда его последователей.

Обратимся теперь к содержанию, которое вкладывал Фрейд в понятие смысла в своих ранних работах. Соответствующие его высказывания не позволяют прийти к однозначному выводу. В специальном исследовании, посвященном анализу понятия смысла в работах Фрейда (Shope, 1973), Р.Шоп выделяет четыре несовпадающих трактовки смысла в различных контекстах. В первом понимании смысл сновидения или смысл символа — это мыслительный процесс, психическое содержание, которое данным сновидением

или символом замещается¹. Второе понимание отождествляет смысл с целью или намерением данного психического акта². Третье понимание отличается от второго добавлением указания на значимость этого акта³. И, наконец, четвертое понимание отождествляет смысл действия с лежащими за ним скрытыми мотивами⁴. Как правило, эти мотивы не осознаются, однако не всегда. Критикуя видного представителя ортодоксального психоанализа Ч.Бреннера за выведение смысла лишь из неосознанных мотивов⁵, Р.Шоп отмечает, что смысл действиям могут придавать и осознанные интенции. Сам Фрейд утверждает, однако, что смысл симптомов содержится именно в бессознательных процессах, осознание которых приводит к исчезновению симптома (*Фрейд, 1922 а, с. 69*).

Рассматривая цитированные выше высказывания Фрейда как попытки дефиниции смысла, Р.Шоп приходит к выводу о том, что Фрейд постоянно перескакивал с одного понимания на другое, что облегчалось значительным пересечением всех четырех определений и размытостью значения слова «смысл» в обыденной речи (*Shope, 1973, р. 284*). Нам, однако, кажется, что Фрейд обладал цельным представлением о смысле, однако это понятие, заимствованное из обыденного языка, еще не стало у Фрейда полноправным научным термином и не получило однозначной дефиниции. Высказывания его отражают, скорее, различные грани, которыми поворачивается описываемое явление (смысл) в тех или иных контекстах. Совмеще-

¹ «"Истолковать" сновидение значит раскрыть его "смысл", заменить его чем-либо, что в качестве полноправного и полноценного звена могло бы быть включено в общую цепь наших душевных процессов» (*Фрейд, 1913, с. 80*).

² «"Смыслом" мы называем цель, к которой стремится такое явление, и его взаимоотношение с другими психическими процессами. В большинстве случаев слово смысл при наших исследованиях можно заменить словом намерение, тенденция» (*Фрейд, 1922 а, с. 46*).

³ «Под словом "смысл" мы понимаем известное значение, намерение, тенденцию и определенное место в ряду других психических явлений» (*там же, с. 66*).

⁴ «Я подметил свои желания и намерения, осуществившиеся в сновидении и бывшие, очевидно, мотивами последнего. ...Его содержание является, таким образом, осуществлением желания, его мотив — желание» (*Фрейд, 1913, с. 98*). «Сновидение имеет действительно тайный смысл, означающий всегда осуществление желания» (*там же, с. 118*).

⁵ «...Нам приходится зависеть от случая в том, получим ли мы в распоряжение достаточно фактов, чтобы иметь возможность более или менее точно отгадать "смысл" ошибочного действия, неосознаваемые мотивы, которые его породили» (*Brenner, 1973, р. 141*).

ние всех описанных Р.Шопом характеристик смысла в понимании Фрейда (и еще некоторых, прошедших мимо его внимания) позволяет нам воссоздать следующее непротиворечивое представление. Когда Фрейд говорит об осмысленности определенного психического акта или содержания, это означает следующее:

а) данный акт обладает для субъекта значимостью в силу того, что

б) он замещает собой другой психический акт, который не может непосредственно проявиться в поведении в силу личностных цензур и который указывает нам на

в) цель или интенцию, лежащую в основе данного акта. Интенция, в свою очередь, порождается

г) мотивом осуществления желания, обладающего побудительной силой⁶. Сама же связь данного психического акта с мотивом генетически восходит к

д) аффективным переживаниям, имевшим место в истории жизни субъекта и наложившим отпечаток на формирование и реализацию его мотивов⁷.

Интересна трактовка «двух теорий» психоанализа через призму герменевтики, данная П.Рикёром (1995). «С одной стороны, Фрейд действительно создал свою теорию интерпретации в противовес физикализму и биологизму, господствовавшим в психологии. Интерпретировать значит идти от явного смысла к смыслу скрытому. Интерпретация полностью принадлежит сфере смысла и **содержит** в себе отношения силы (вытеснение, возврат вытесненного) только как отношения смысла (цензура, маскировка, сгущение, перемещение); отныне ничто так не требуется от Фрейда, как преодолеть ослепленность **фактом** и признать универсум **смысла**. Но Фрейд продолжает вписывать все сделанные им открытия в рамки позитивизма, что сводит их на нет... Его открытие принадлежит плану смысловых действий, а он продолжает концептуализировать их и излагать на языке своих венских и берлинских учителей» (Рикёр, 1995, с. 226-227, 260).

⁶ В одном месте Фрейд прямо отождествляет смысл с побудительной силой: «Смысл сновидений, связанных с зубной болью... долгое время казался мне загадочным... Наконец, я категорически убедился в том, что побудительную силу этим сновидениям дают у мужчин онанистические наклонности периода зрелости» (Фрейд, 1913, с. 211).

⁷ «Как мы узнали, смысл симптома кроется в его связи с переживаниями больного» (Фрейд, 1922 б, с. 60). «Под понятием "смысл" симптома мы объединили двоякого рода представления: откуда он берется и куда, к чему он ведет, т.е. впечатления и переживания, которые его порождают, и цели, которым он служит» (там же, с. 74).

Выдвинутая Фрейдом и поддерживаемая частью его последователей задача объяснения поведенческих проявлений человека в терминах их смысла не стала, однако, отличительным признаком психоаналитического направления, а получила довольно широкое распространение в различных так называемых «операциональных» (т.е. клинических) подходах к личности. Первое альтернативное по отношению к фрейдовскому развернутое понимание смысла сформулировано в поздних (1929—1934) работах одного из основных оппонентов Фрейда — Альфреда Адлера⁸, которые во многом близки современному экзистенциально-гуманистическому направлению в психологии.

Адлер характеризует свою систему индивидуальной психологии как учение о смысле человеческих действий (*Adler, 1982 б, S. 23*) и экспрессивных проявлений, движений (*Adler, 1973, S. 66*), о смысле, который индивиды придают миру и самим себе (*Adler, 1980, p. 48*), хотя полностью к этим смыслам предмет изучения индивидуальной психологии не сводится. Трактовка Адлером самого смысла, однако, принципиально отличается от психоаналитической трактовки. Психоаналитической каузальной схеме детерминации Адлер противопоставляет финалистскую, и если Фрейд и его прямые последователи искали истоки смысла в прошлой истории жизни личности, в ее аффективных переживаниях и желаниях, то Адлер связывает поведенческие смыслы со смыслом всей жизни личности, с ее жизненным стилем, жизненным планом, с вопросом «Зачем?», поставленным по отношению к анализируемым поступкам, в противоположность фрейдовскому вопросу «Почему?». «Без представления о цели индивидуальная деятельность потеряла бы всякий смысл» (*Adler, 1978, S.15*).

Именно индивидуальный смысл жизни, понимание которого служит, по Адлеру, ключом к пониманию всей личности в целом (*Adler, 1980, p. 22*), выступает у него как одно из центральных объяснительных понятий. Смысл жизни первичен по отношению к смыслам отдельных действий. Смыслу жизни Адлер посвятил еще в 1924 году специальную статью (*Adler, 1982 а, S. 79—83*), в которой писал: «Смысл жизни нельзя вывести из каузальных отношений, и тем более из личных воображаемых представлений, а лишь... из преследования цели, из поиска решения задачи, заданного через ее условия» (*Adler, 1982 а, S. 82-83*). Адлер связывает здесь смысл жизни со своими представлениями о трех фундамен-

⁸ Все работы А.Адлера мы цитируем здесь по позднейшим переизданиям.

тальных жизненных проблемах, вытекающих из трех объективных аспектов человеческого бытия (трех «связей»). Факт жизни человека на Земле в конкретных условиях существования порождает проблему труда и профессионального самоопределения; факт жизни человека в обществе порождает проблему межличностных отношений, кооперации и дружбы; факт существования двух полов порождает проблему отношений между ними, любви и брака (*Adler, 1973; 1980; 1982 а, б; 1983*). Смысл жизни, по Адлеру, определяется этими тремя связями, заключен в них, и правильное решение трех жизненных проблем помогает нам найти его (*Adler, 1982 а, б*). Он практически складывается уже в первые четыре-пять лет жизни, выступая, естественно, не в виде словесной формулировки, знания о смысле, а пронизывая наподобие мелодии весь стиль жизни личности и определяя направленность поведенческих проявлений (*Adler, 1980, р. 57-58*).

Адлеровская концепция смысла жизни не безразлична к содержанию этого смысла. «Если бы мы поняли смысл жизни, — пишет он, — то целенаправленный взлет человеческого рода нельзя было бы остановить. У нас была бы общая цель, и все направили бы все свои силы на служение задаче осуществить этот смысл. ...Смысл нашей жизни был бы компасом для нашего стремления. ...Пока же мы не обладаем таким смыслом, наши повседневные смыслы во всем своем многообразии кажутся нам — не столько рассудку, сколько чувствам — неустойчивыми и легко взаимозаменяемыми. Мы меняем свою одежду, свой образ мыслей, свою профессию, своих мужей и жен, своих друзей, и ищем в них ценности, которые сами же потом отвергнем» (*Adler, 1982, S. 79*).

Как психолог, Адлер признает, что никто не может похвастаться обладанием истинным, абсолютным смыслом жизни: смыслов столько же, сколько людей, и ни один смысл жизни, сколько-нибудь выполняющий свою интегрирующую функцию, не может быть назван ложным (*Adler, 1980, р. 4*). Вместе с тем он выделяет психологический критерий «истинности» смысла: «Признак всех истинных "смыслов жизни" — это то, что они являются общими, т.е. такими смыслами, которые другие могут разделять и принимать для себя» (*там же, р. 9*). Напротив, отклоняющиеся личности — невротики, психотики, преступники, наркоманы и т.п. обладают лишь приватным смыслом жизни, который замыкается на них самих и «...по сути не является смыслом вообще» (*Adler, 1982 б, S. 83*). «Смысл возможен лишь в коммуникации: слово, которое означает что-то лишь для одного человека, было бы лишено смысла. То же относится к нашим целям и действиям; их единственный смысл — смысл

для других»⁹ (Adler, 1980, p. 8). В другом месте Адлер, занимая уже этическую позицию, содержательно характеризует смысл жизни как творческий вклад, служение общему делу (Adler, 1982 б, S. 83).

Итак, согласно представлениям Адлера, именно смысл жизни — правильный или ложный — находит отражение во всех поведенческих проявлениях, установках, психических процессах и чертах характера индивида и является источником их смысла. Для того чтобы определить смысл отдельных действий, психолог должен уметь оценить смысл жизни индивида.

Однако Адлер идет дальше Фрейда еще в одном отношении. Для него смыслом обладают не только человеческие действия и переживания, но и явления внешнего мира. «Люди живут в мире смыслов, — пишет он, — Мы не воспринимаем обстоятельства сами по себе; мы всегда воспринимаем их в их значении для людей. "Дерево" означает "дерево в его отношении к человечеству", а "камень" означает "камень, как он может быть включен в человеческую жизнь". ...Ни один человек не может уйти от смыслов. Мы воспринимаем действительность всегда через призму смысла, который мы ей придаем» (Там же, p. 14). Такое понимание смысла внешних обстоятельств и ситуаций как их субъективной интерпретации, оставшееся у Адлера неразвернутым, предвосхитило более поздние теоретические модели, которые будут разобраны ниже. Следует лишь добавить, что в последней своей книге «Смысл жизни» (Adler, 1973) он вводит новое понятие, содержательно близкое к только что рассмотренному понятию смысла действительности, а именно «мнение». Адлер говорит про мнение человека о себе и о внешнем мире, о жизни и о ее существенных явлениях, указывая на то, что оно «...лежит в основе картины мира человека и определяет его мышление, чувства, желания и действия» (там же, S. 32). Мнение, в свою очередь, определяется смыслом жизни и жизненным стилем индивида. Смысл и мнение, по Адлеру, почти никогда не бывают мысленно или понятийно репрезентированы (там же, S. 34).

Таким образом, в работах Адлера представлен другой подход к проблеме смысла, существенно отличающийся от психоаналитического. Как и Фрейд, Адлер не уделял специально внимания понятийному определению смысла человеческих действий и смысла ситуаций; исходным объяснительным и наиболее проработанным понятием для него выступало понятие смысла жизни.

⁹ Данная цитата взята из книги, опубликованной Адлером лишь на английском языке, в котором «смысл» и «значение» обозначаются одним и тем же словом, что позволяет по-разному прочесть этот текст.

Отдельные положения, во многом близкие ко взглядам Адлера, содержатся в некоторых работах К.-Г.Юнга. Юнг обращался как к проблеме смысла жизни, так и к проблеме интерпретации смысла сновидений, продуктов фантазии и т.п., хотя нигде понятие смысла не выступало у него предметом специального систематического анализа¹⁰.

В 1917 году Юнг, критикуя односторонность подходов Фрейда и раннего Адлера к проблеме движущих сил поведения и развития личности, выдвигает положение о том, что люди стоят перед задачей обнаружить смысл, благодаря которому они вообще могут жить (*Jung*, 1953, р. 73)". «Человек может претерпеть тяжелейшие испытания, если он видит в них смысл. Вся трудность заключается в создании этого смысла» (*Юнг*, 1991, с. 182). Юнг пишет, что смысл этот нельзя вывести из природных, естественных условий существования человека, из необходимости добывать свой хлеб насущный, кормить семью и воспитывать детей. Смысл жизни связан лишь с постановкой духовных или культурных целей, стремление к которым является необходимым условием душевного здоровья (*Jung*, 1953, р. 73; 1954 б, р. 86; 1967, S. 57). «Чувство ширящегося смысла существования выводит человека за пределы обыденного приобретения и потребления. Если он теряет этот смысл, то тотчас же делается жалким и потерянным» (*Юнг*, 1991, с. 80). Хотя отчасти это положение перекликается с положениями Адлера о взаимосвязи смысла жизни с уникальным стилем жизни индивида, существует принципиальное отличие. Если согласно Адлеру тот или иной смысл жизни автоматически складывается к определенному возрасту у всех людей и может при этом не осознаваться, то для Юнга нахождение и реализация смысла жизни выступает как специфическая потребность и задача. Более того, он приходит к мнению, что «...природа, в своей доброте и терпении, никогда не вкладывает фатальный вопрос о смысле их жизни в уста большинства людей. А там, где некому спрашивать, незачем отвечать» (*Jung*, 1967, S. 183). В другой работе Юнг затрагивает возрастные и дифференциально-психологические аспекты смысла жизни. Он отмечает, что в моло-

¹⁰ Мы оставляем без рассмотрения введенное Юнгом в одной из поздних работ (1952) спекулятивное понятие трансцендентального смысла, конституирующего особого рода акаузальные связи между явлениями — так называемые синхронические связи, призванные, в частности, объяснить соотношение психических и психофизических процессов (см. *Jung*, 1967, S. 475-591).

¹¹ Все цитируемые здесь по более поздним переизданиям работы Юнга были впервые опубликованы в 1917—1934 годах.

дом возрасте сильнее ориентация на действие, а познание смысла жизни становится важнее в старшем возрасте; важность смысла жизни могут отрицать люди с низкими запросами или не вполне социально приспособленные, а те, кто к этим категориям не относится, столкнутся с этим вопросом наверняка (Юнг, 1993, с. 84, 86).

Насколько можно судить по опубликованным высказываниям, смысл жизни для Юнга не является чем-то сугубо субъективным. Юнг предостерегал от опасности отчуждения личности (self), утраты ее реальности в случае ориентации либо на навязанные извне социальные роли, либо на выдуманный, внушенный самому себе смысл (Jung, 1953, p. 171).

Наряду с проблемой смысла жизни и вне прямой связи с ней Юнг рассматривает также проблему толкования смысла сновидений, высказывая взгляды, по сути совпадающие с позицией Адлера по этому вопросу: о недостаточности каузального подхода к толкованию сновидений, об их предвосхищающем характере, о тесной связи смысла сновидений с контекстом непосредственных жизненных обстоятельств и с установкой сознания (Jung, 1954 a, p. 143—144; 1954 б, p. 101, 155). Вместе с тем, Юнг указывает еще на один важный момент, необходимый для понимания скрытого смысла фантазии: «Психологию отдельного человека никогда нельзя исчерпывающе объяснить из него самого, но надо ясно понять, что индивидуальная психология обусловлена современными ему историческими обстоятельствами и как именно. Она не есть лишь нечто физиологическое, биологическое или личное, но и некая проблема истории того времени» (Юнг, 1929, с. 459). Воплощением этой мысли и является понятие архетипа, ставшее одним из центральных в аналитической психологии Юнга. Понятия архетипа и символа позволяют ответить на вопрос об источниках смысла жизни. «Формами придания смысла нам служат исторически возникшие категории, восходящие к туманной древности, в чем обычно не отдают себе отчета. Придавая смысл, мы пользуемся языковыми матрицами, происходящими, в свою очередь, от первоначальных образов» (Юнг, 1991, с. 121). Юнг прямо называет архетипы и в особенности символы источниками, придающими смысл нашей жизни.

В психодинамических теориях Фрейда, Адлера и Юнга содержатся в зачаточной форме практически все основные идеи, присущие более поздним подходам к проблеме смысла. Фрейд показал осмысленный характер произвольных поведенческих проявлений и фантазий, проследил связь смысла с актуальными мотивами и историей жизни личности. Адлер обратил внимание на финальные связи поведенческих смыслов со смыслом жизни, с общей ее направлен-

ностью, разработал первую психологическую теорию смысла жизни и его влияния на психические процессы, а также обратил внимание на субъективный смысл, который приобретают для человека обстоятельства его жизнедеятельности. Юнг еще раньше, чем Адлер, отметил (правда, в самых общих фразах) фундаментальную направленность человека на отыскание смысла своей жизни, представив ее как специальную задачу и потребность, а также подчеркнул социокультурную обусловленность как индивидуального смысла жизни, так и смысла сновидений и продуктов фантазии.

Характерно, что у Адлера и Юнга смысл предстает как бы двояким образом: с одной стороны, это базисное интегральное образование, детерминирующее содержание и направленность всей жизнедеятельности индивида, а с другой — производный от мотивов и ряда других факторов частный структурный элемент деятельности и сознания индивида. Фактически здесь мы имеем дело с двумя психологическими реальностями, хотя и взаимосвязанными (как это показал Адлер). И не случайно, что в дальнейшем пути исследования этих двух реальностей разошлись: в одних подходах смысл предстает как интегральное образование, в других — как производный структурный элемент. Рассмотрим эти две группы теорий по отдельности.

1.2.2. Смысл КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ ОСНОВА личности

Значительное повышение интереса к проблеме смысла в западной психологии личности и психотерапии приходится на 1950—1960-е годы. В определении причины этого все авторы проявляют редкое единодушие. «Пока жизнь осмысленна, — пишет один из авторов, — люди склонны размышлять и говорить о ее смысле относительно мало. Но как только возникает нехватка или отсутствие смысла, проблема смысла начинает играть важную роль в сознании и самовыражении личности» (*Weisskopf-Joelson*, 1968, р. 359). Ощущение смыслоутраты, по признанию многих философов, социологов, психологов и литераторов, является отличительной чертой западного общества в послевоенные десятилетия. Осознание проблемы смысла как общественной проблемы не могло не повлиять и на развитие психологической теории. Помимо простого признания роли смысла жизни для душевного здоровья, возник ряд подходов, сделавших сам смысл предметом теоретического анализа.

В специальной статье «Смысл как интегративный фактор» Э.Вайскопф-Джолсон отмечает, что имеющиеся определения смысла группируются преимущественно вокруг трех: смысл как интегра-

ция личной и социальной действительности, смысл как объяснение или интерпретация жизни и смысл как жизненная цель или задача. Первое определение самое широкое и включает в себя второе, которое, в свою очередь, включает в себя третье, самое узкое определение (*Weisskopf-Joelson*, 1968). Наиболее развернутые теоретические представления о смысле представлены в теории Ф.Феникса в рамках первого понимания, Дж.Ройса в рамках второго и В.Франкла в рамках третьего понимания смысла. Рассмотрим их в обратном порядке, начиная с самой узкой трактовки смысла как жизненной задачи.

Представление о смысле как о жизненной задаче подробно разработано в теории личности и психотерапии Виктора Франкла. В своем учении Франкл выделяет три основные части: учение о стремлении к смыслу, учение о смысле жизни и учение о свободе воли.

Стремление к поиску и реализации человеком смысла своей жизни Франкл рассматривает как врожденную мотивационную тенденцию, присущую всем людям и являющуюся основным двигателем поведения и развития личности. Это «наиболее человеческий феномен, так как животное никогда не бывает озабочено смыслом своего существования» (*Франкл*, 1997, с. 14). Из жизненных наблюдений, клинической практики и разнообразных эмпирических данных Франкл заключает, что для того, чтобы жить и активно действовать, человек должен верить в смысл, которым обладают его поступки. «Даже самоубийца верит в смысл — если не жизни, то смерти» (*Frankl*, 1979, S. 236), в противном случае он не смог бы шевельнуть и пальцем для того, чтобы реализовать свой замысел.

Отсутствие смысла порождает у человека состояние, которое Франкл называет экзистенциальным вакуумом. Именно экзистенциальный вакуум, согласно наблюдениям Франкла, подкрепленным многочисленными клиническими исследованиями, является причиной, порождающей в широких масштабах специфические «ноогенные неврозы», распространившиеся в послевоенный период в странах Западной и Восточной Европы и в еще больших масштабах в США, хотя некоторые разновидности таких неврозов (например, «невроз безработицы») были описаны еще раньше. Необходимым же условием психического здоровья является определенный уровень напряжения, возникающего между человеком, с одной стороны, и локализованным во внешнем мире объективным смыслом, который ему предстоит осуществить, — с другой (*Франкл*, 1990, с. 63—65). Смысл должен всегда находиться впереди бытия (*Frankl*, 1967, p. 12), и его основная функция, «смысл смысла — задавать темп бытию» (*Frankl*, 1969, p. 51). Итак, человек

стремится обрести смысл и ощущает фрустрацию или вакуум, если это стремление остается нереализованным.

Учение о смысле жизни учит, что смысл «в принципе доступен любому человеку, независимо от пола, возраста, интеллекта, образования, характера, среды, а также религиозности и вероисповедания» (Frankl, 1985, p. 274). Однако нахождение смысла — это вопрос не познания, а призвания. Не человек ставит вопрос о смысле своей жизни — жизнь ставит этот вопрос перед ним, и человеку приходится ежедневно и ежечасно отвечать на него — не словами, а действиями. Смысл не субъективен, человек не изобретает его, а находит в мире, в объективной действительности, именно поэтому он выступает для человека как императив, требующий своей реализации. В психологической же структуре личности Франкл выделяет особое «ноэтическое измерение», в котором локализованы смыслы. Это измерение, как явствует из построенной Франклом чрезвычайно наглядной «дименсиональной онтологии» (Франкл, 1990, с. 49—53), несводимо к измерениям биологического и психологического существования человека; соответственно, смысловая реальность не поддается объяснению через психологические и, тем более, биологические механизмы и не может изучаться традиционными психологическими методами. Смысл жизни может быть невыразим словесно или даже вообще невыразим (Frankl, 1973, p. 27).

Утверждая уникальность и неповторимость смысла жизни каждого человека, Франкл тем не менее отвергает некоторые из «философий жизни». Так, смыслом жизни не может быть наслаждение, ибо оно есть внутреннее состояние субъекта (Frankl, 1979, S. 223). По той же логике человек не может стремиться к счастью, он может искать лишь причины для счастья. Борьба за существование и стремление к продолжению рода также оправданы постольку, поскольку сама жизнь уже обладает каким-то независимым от этого смыслом.

Положение об уникальности смысла не мешает Франклу дать также содержательную характеристику возможных позитивных смыслов. Для этого он вводит представление о ценностях — смысловых универсалиях, кристаллизовавшихся в результате обобщения типичных ситуаций, с которыми общество или человечеству пришлось сталкиваться. Это позволяет обобщить возможные пути, посредством которых человек может сделать свою жизнь осмысленной: «Во-первых, с помощью того, *что мы даем жизни* (в смысле нашей творческой работы); во-вторых, с помощью того, *что мы берем от мира* (в смысле переживания ценностей) и, в-третьих, посредством *позиции, которую мы занимаем по отношению к судьбе, которую мы не в состоянии изменить*» (Frankl, 1967, p. 15). Соответственно это-

му членению, выделяются три группы ценностей: ценности творчества, ценности переживания и ценности отношения.

Приоритет принадлежит ценностям творчества, основным путем реализации которых является труд. При этом «...смысл и ценность приобретает труд человека как его вклад в жизнь общества, а не просто как его занятие» (Франкл, 1990, с. 233). Смысл труда человека заключается прежде всего в том, что человек делает сверх своих предписанных служебных обязанностей, что он приносит как личностными и важными, но не необходимыми. Смысл жизни может, согласно Франклу, придать задним числом одно-единственное мгновение, одно ярчайшее переживание. Из числа ценностей переживания Франкл подробно останавливается на любви, которая обладает богатым ценностным потенциалом. Любовь — это взаимоотношения на уровне духовного, смыслового измерения, переживание другого человека в его неповторимости и уникальности, познание его глубинной сущности. Вместе с тем и любовь не является необходимым условием или наилучшим вариантом осмысленности жизни. «Индивид, который никогда не любил и не был любим, тем не менее может сформировать свою жизнь весьма осмысленным образом» (*там же*, с. 253).

Основной пафос и новизна подхода Франкла связаны у него, однако, с третьей группой ценностей, которым он уделяет наибольшее внимание — с ценностями отношения. К этим ценностям человеку приходится прибегать, когда он оказывается во власти обстоятельств, которые он не в состоянии изменить. Но при любых обстоятельствах человек свободен занять осмысленную позицию по отношению к ним и придать своему страданию глубокий жизненный смысл. «Как только мы добавляем ценности отношения к перечню возможных категорий ценностей, — пишет Франкл, — становится очевидным, что человеческое существование никогда не может оказаться бессмысленным по своей внутренней сути. Жизнь человека сохраняет свой смысл до конца — до последнего дыхания» (*там же*, с. 175). Пожалуй, наибольшие практические достижения логотерапии связаны как раз с ценностями отношения, с нахождением людьми смысла своего существования в ситуациях, представляющихся безвыходными и бессмысленными. Франкл считает ценности отношения в чем-то более высокими, хотя их приоритет наиболее низкий — обращение к ним оправдано, лишь когда все остальные возможности более активного воздействия на собственную судьбу исчерпаны (Frank/, 1973; 1979).

Правильной постановкой вопроса, однако, является, согласно Франклу, не вопрос о смысле жизни вообще, а вопрос о конкрет-

ном смысле жизни данной личности в данный момент. «Ставить вопрос в общем виде — все равно, что спрашивать у чемпиона мира по шахматам: "Скажите, маэстро, какой ход самый лучший?"» (Frankl, 1984, p. 113). Каждая ситуация несет в себе свой смысл, разный для разных людей, но для каждого он является единственным и единственно истинным. Не только от личности к личности, но и от ситуации к ситуации этот смысл меняется (Frankl, 1969; 1979).

Вопрос о том, как человек находит свой смысл, является ключевым для практики логотерапии. Франкл не устает подчеркивать, что смыслы не изобретаются, не создаются самим индивидом; их нужно искать и находить. Смыслы не даны нам, мы не можем выбрать себе смысл, мы можем лишь выбрать себе призвание, в котором мы обречены на смысл. В нахождении и отыскании смыслов человеку помогает совесть, анализу которой Франкл посвятил книгу «Подсознательный Бог». Франкл определяет совесть как смысловой орган, как интуитивную способность отыскивать единственный смысл, кроющийся в каждой ситуации (Frankl, 1969, p. 63; 1979, S. 156). Совесть помогает человеку найти даже такой смысл, который может противоречить сложившимся ценностям, когда эти ценности уже не отвечают быстро изменяющимся ситуациям. Именно так, по Франклу, зарождаются новые ценности. «Уникальный смысл сегодня — это универсальная ценность завтра» (Франкл, 1990, с. 296).

В самом процессе усмотрения смысла Франкл не видит ничего, что не сводилось бы к общепсихологическим закономерностям человеческого познания. В наиболее общем виде Франкл характеризует познание смысла как нечто среднее между «Ага-переживанием» по Карлу Бюлеру и восприятием гештальта по Максу Вертхаймеру (Frankl, 1984, p. 145). Проводя параллель с закономерностями выделения фигуры из фона, Франкл пишет, что восприятие смысла есть «осознание возможности на фоне действительности или, проще говоря, осознание того, что можно сделать по отношению к данной ситуации» (Frankl, 1985, p. 260).

Из закономерностей нахождения смысла человеком вытекают и специфические задачи и ограничения логотерапии. Никто, и логотерапевт в том числе, не может дать нам тот единственный смысл, который мы можем найти в нашей жизни, в нашей ситуации. Однако логотерапия ставит своей целью расширение возможностей клиентов видеть весь спектр потенциальных смыслов, которые может содержать в себе любая ситуация. «Все, что мы можем делать — это быть открытыми для смыслов, сознательно стараться увидеть все возможные смыслы, которые предоставляет нам ситуация, и затем выбрать один, который, насколько нам позволяет судить наше

ограниченное знание, мы считаем истинным смыслом данной ситуации» (*Frankl, 1969, p.51*).

Однако найти смысл — это полдела; необходимо еще осуществить его. Человек несет ответственность за осуществление уникального смысла своей жизни. Осуществление смысла — процесс не простой и далек от того, чтобы совершаться автоматически, коль скоро смысл найден. Франкл характеризует стремление, порождаемое смыслом (в отличие от влечений, порождаемых потребностями), как то, что требует постоянного принятия индивидом решения, желает ли он осуществить его в данной ситуации, или нет (*Франкл, 1990, с. 63*). Осуществление смысла является для человека императивной необходимостью по причине конечности, ограниченности и необратимости бытия человека в мире, невозможности отложить что-то на потом, неповторимости тех возможностей, которые предоставляет человеку каждая конкретная ситуация. Осуществляя смысл своей жизни, человек тем самым осуществляет себя; так называемая самоактуализация является лишь побочным продуктом осуществления смысла. Тем не менее, человек никогда так и не знает, до самого последнего мгновения, удалось ли ему действительно осуществить смысл своей жизни.

Поскольку стремление к реализации уникального смысла своей жизни делает каждого человека уникальной личностью, Франкл говорит также о смысле самой личности человека, его индивидуальности. Смысл человеческой личности всегда связан с обществом; в своей ориентации на общество смысл индивида трансцендирует себя (*там же, с. 198—200*). И наоборот, смысл общества, в свою очередь, конституируется существованием индивидов.

Нам остается охарактеризовать лишь еще одно введенное Франклом понятие, а именно понятие сверхсмысла. Речь идет о смысле того целого, в свете которого приобретает смысл человеческая жизнь, т.е. о смысле Вселенной, о смысле бытия, о смысле истории. Этот смысл трансцендентен человеческому существованию, поэтому никакой ответ на вопрос о сверхсмысле дать невозможно. Франкл подчеркивает, что из этого не следует вывод о бессмысленности или абсурдности бытия, с чем, якобы, приходится мириться человеку. Человеку приходится мириться с другим — с невозможностью охватить бытие в целом, с невозможностью познать его сверхсмысл. Естественно, что сверхсмысл осуществляется независимо от жизни отдельных индивидов. Так, «...история, в которой осуществляется сверхсмысл, происходит либо через посредство моих действий, либо наперекор моему бездействию» (*Frankl, 1979, S. 275*).

Итак, основной тезис учения Франкла о смысле жизни: *жизнь человека не может лишиться смысла ни при каких обстоятельствах; смысл жизни всегда может быть найден.*

Основной тезис третьего учения Франкла — учения о свободе воли — гласит, что *человек свободен найти и реализовать смысл жизни, даже если его свобода заметно ограничена объективными обстоятельствами.* Признавая очевидную детерминированность человеческого поведения, Франкл отрицает его пандетерминированность. «Необходимость и свобода локализованы не на одном уровне; свобода возвышается, надстроена над любой необходимостью» {Франкл, 1990, с. 106}. Франкл говорит о свободе человека по отношению к своим влечениям, к наследственности и к факторам и обстоятельствам внешней среды.

Свобода по отношению к влечениям проявляется в возможности сказать им «нет», принять или отвергнуть их. Даже когда человек действует под влиянием непосредственной потребности, он позволяет ей определять свое поведение и сохраняет свободу не позволить этого. Аналогичным образом обстоит дело и тогда, когда речь идет о детерминации человеческого поведения ценностями или моральными нормами — человек позволяет или не позволяет себе быть ими детерминированным. Свобода по отношению к наследственности — это отношение к ней как к материалу, возможность свободного духа строить из этого материала то, что ему необходимо. Франкл характеризует организм как инструмент, как средство, которым пользуется личность для реализации своих целей. Похожие отношения существуют между личностью и характером, который также сам по себе не определяет поведения. Напротив, в зависимости от личности характер может претерпевать изменения или сохранять свою неизменность. Свобода человека по отношению к внешним обстоятельствам, хотя и не беспредельна, но существует, выражаясь в возможности занять по отношению к ним ту или иную позицию. Тем самым само влияние обстоятельств на человека опосредуется позицией человека по отношению к ним.

Человек свободен благодаря тому, что его поведение определяется прежде всего ценностями и смыслами, локализованными в нозтическом измерении и не испытывающими детерминирующих воздействий со стороны рассмотренных выше факторов. «Человек — это больше, чем психика: человек — это дух» (Frankl, 1967, p. 63). В этом своем качестве человек характеризуется двумя фундаментальными онтологическими характеристиками: способностью к самотрансценденции и способностью к самоотстранению. Первая выражается в постоянном выходе человека за пределы самого себя, в направленности его на что-то, существующее вне его. Вторая вы-

ражается в возможности человека подняться над собой и над ситуацией, посмотреть на себя со стороны. Эти две способности позволяют человеку быть (не абсолютно, а в определенных пределах) самодетерминирующимся существом; механизмы этой самодетерминации принадлежат к ноэтическому измерению человека.

Наконец, важным вопросом учения о свободе воли является вопрос, для чего человек обладает свободой. В разных работах Франкл предлагает несовпадающие формулировки, однако общий их смысл — это свобода взять на себя ответственность за свою судьбу, свобода слушать свою совесть и принимать решения о своей судьбе. Это свобода изменяться, свобода от того, чтобы быть именно таким, и свобода стать другим. Франкл определяет человека как существо, которое постоянно решает, чем он будет в следующий момент. Свобода — это не то, что он имеет, а то, что он есть. «Человек решает за себя; любое решение есть решение за себя, а решение за себя — всегда формирование себя» (Франкл, 1990, с. 114).

Принятие такого решения — акт не только свободы, но и ответственности. Свобода, лишенная ответственности, вырождается в произвол. Эта ответственность сопряжена с бременем выбора человеком, какие таящиеся в мире и в нем самом возможности заслуживают реализации, а какие нет. Это ответственность человека за аутентичность его бытия, за правильное нахождение и реализацию им смысла своей жизни. По сути, это ответственность человека за свою жизнь.

Таким образом, идея смысла жизни как интегрирующего фактора человеческой жизни, намеченная в работах А.Адлера и К.Г.Юнга, легла у В.Франкла в основу теории личности и была разработана им весьма детально. В отличие от Адлера, для которого смысл жизни выступал как нечто произвольно и неизбежно складывающееся в первые годы жизни, для Франкла обретение и реализация смысла выступает как стоящая перед человеком задача, на решение которой он направляет все свои усилия, причем успех в ее решении не гарантирован, а неудача приводит к серьезным нарушениям личностного развития. Нам представляется важным положение Франкла об особой смысловой реальности, смысловом измерении, не сводимом к психической реальности.

Иная трактовка смысла (точнее, личностного смысла) в его интегрирующей функции — как интерпретации жизни — представлена теорией личности и индивидуальных различий, разработанной канадским философом и психологом Дж.Ройсом совместно с А.Пауэллом (Royce, 1964; Royce, Powell, 1983). Ройс и Пауэлл считают, что понятие личностного смысла является не только наиболее молярным и диффузным, но также и наиболее важным психологичес-

ким понятием. «Осознанно и неосознанно смысл проникает во все, что индивиды делают, думают, чувствуют и во что верят, и вызывает огромный диапазон реакций... Несмотря на трудности исследования личностного смысла с эмпирических научных позиций, любая теория личности и индивидуальных различий, осознающая всю сложность своего предмета, не может обойтись без него в качестве важной первичной данности. Этим мы хотим сказать, что теория личности должна начинаться с постулата, что люди переживают свою жизнь в свете того, что они считают "осмысленным", то есть в свете индивидуальных подходов к жизни» (*Royce, Powell, 1983, p. 234*).

Понятие личностного смысла ассоциируется у Ройса и Пауэлла с понятием значимости, «которую каждый индивид приписывает критическим аспектам бытия» (*там же*). Хотя, в отличие от психодинамических теорий Фрейда, Адлера и Юнга и ноодинамической теории Франкла, Ройс и Пауэлл работают в парадигме академической науки, это не мешает им содержательно концептуализировать понятие личностного смысла, несмотря на всю его диффузность. В построенной ими иерархической системно-факторной модели личности личностный смысл занимает вершину иерархии. Основной функцией интегративной сверхсистемы, обозначаемой термином «личность», является, по Ройсу и Пауэллу, поддержание, оптимизация и стабилизация личностного смысла, который рассматривается как чисто субъективное образование. Позиция Ройса и Пауэлла прямо противоположна в этом отношении позиции Франкла. «Личностный смысл не есть нечто существующее во внешнем мире или противостоящее индивидам извне и диктующее, какой шаг им предпринять. Это видение, которое каждый из нас должен создавать для себя заново» (*Royce, Powell, 1983, p. 8*). В поиске личностного смысла человек сталкивается с тремя вопросами: 1) в каком мире я живу? 2) как я могу прожить свою жизнь, чтобы наилучшим образом удовлетворить мои потребности и ценности? И 3) кто я? Отвечая на эти вопросы, человек формирует свою картину мира, стиль жизни и образ своего Я (*там же, p. 3—4*).

Связь смысла с мировоззрением является для Ройса ключевой. Еще в книге «Инкапсулированный человек» (*Royce, 1964*) он развил своеобразный подход к проблеме упомянутой выше смыслоутраты, связав ее с гносеологической инкапсуляцией человека, т.е. с ограниченностью его видения мира, склонностью на основании частных данных делать выводы о целом. Результатом подобной инкапсуляции является неудача в нахождении смысла вследствие неудовлетворительности и ограниченности субъективной картины мира. Путь к обретению смысла связан, по Ройсу, с более высоким уровнем осознания действительности (*там же, p. 84*). Ройс отмеча-

ет роль ценностей, выступающих как «мост между смыслом и личностью» (*там же*, р. 103). На литературных примерах он показывает, что глубина смысла обусловлена ориентацией на ценности, согласующиеся с индивидуальностью конкретной личности. Ройс также указывает на связь смысла с наличием структурной организации. Пытаясь в целом ответить на вопрос, откуда берется смысл, Ройс пишет: «...Он возникает как функция внутренней структуры индивида, структуры вне его и структуры взаимодействия организм—среда... Ключ к личностному смыслу заложен в структуре эпистемологических и ценностных иерархий каждого индивида» (Royce, 1964, р. 100). В одной из статей того же времени Ройс делает важное добавление, что жизнь воспринимается нами не только в свете повседневных активностей и не только в свете глобального смысла всей жизни, но и в свете еще более глобального смысла существования человечества (см. Royce, Powell, 1983, р. 248).

Ройс и Пауэлл отмечают, что личностный смысл развивается в течение жизни, смещаясь с физиологических потребностей в младенческом возрасте на ценности в возрасте более старшем; в целом с возрастом усиливается его экзистенциальная ориентация (Royce, Powell, 1983, р. 247). Наконец, как и многие другие авторы, Ройс считает фрустрацию потребности в смысле причиной ряда психологических расстройств, образующих ядро того, что принято называть психическими заболеваниями. Он пытается даже объяснить широким распространением смыслоутраты факт бурного роста психологии и психиатрии в нашем столетии (Royce, 1964, р. 76).

С идеями Дж.Ройса во многом перекликается достаточно оригинальный подход М.Чиксентмихали. Он посвятил проблеме смысла последнюю главу книги, в которой излагает свою теорию «потока» и «текучего переживания» (Csikszentmihalyi, 1990). М.Чиксентмихали начинает с констатации того, что наивно полагать, будто жизнь может иметь единый всеохватывающий смысл, в свете которого приобретает смысл любая активность в настоящем, прошлом и будущем, если под смыслом понимать глобальную, общую для всех цель. Но если такого априорного смысла нет, это не значит, что жизни не может быть придан смысл. «Большая часть того, что мы называем культурой и цивилизацией, состоит в предпринимавшихся людьми попытках, обычно с минимальными шансами на успех, создать ощущение смысла и цели для себя и своих потомков» (*там же*, р. 215). Констатируя трудности с определением понятия «смысл», М.Чиксентмихали связывает смыслообразование (meaning making) с внесением порядка в содержание сознания через интеграцию своих действий в единое переживание потока (*там же*, р. 216). Это, в свою очередь, может быть достигнуто тремя

путями. Первый — наличие цели. Все культуры содержат в себе системы смыслов, которые могут служить целевыми ориентирами, на которые человек направляет свои текущие цели. Второй — воплощение цели в действиях. Любая цель влечет за собой ряд последствий, и если человек не готов иметь с ними дело, цель лишается смысла. И третий, являющийся результатом первых двух, — внесение гармонии в сознание. «Тот, кто находится в гармонии, неважно, что он делает, неважно, что с ним происходит, знает, что его психическая энергия не растрачивается на сомнения, сожаления, вину и страх, но всегда применяется с пользой. Внутреннее согласие в конечном счете приводит к той внутренней силе и спокойствию, которое восхищает нас в людях, пришедших, по-видимому, к согласию с самими собой» (*там же*, с.217).

Наиболее развернутым подходом к смыслу в аспекте интеграции личной и социальной действительности является теория Ф.Феникса (*Phenix*, 1964). Поставив своей задачей философское обоснование принципов построения системы образования, Феникс строит в своей книге «Миры смысла» всесторонне разработанную философски-психологическую теорию смысла.

Как и ряд рассмотренных выше авторов, Феникс связывает саму сущность человека с его направленностью на осуществление смысла. «Человек — это существо, отличительная особенность жизни которого заключается в обладании смыслами и основной целью которого является их реализация. ...Его постоянно волнуют желания, чуждые животному существованию. В действительности он стремится к смыслу и, осознает он это или нет, все его стремления, каков бы ни был их видимый объект, направлены на расширение и углубление смысла» (*Phenix*, 1964, р. 344). В другом месте он определяет человека как существо, «создающее, открывающее, воспринимающее смыслы, наслаждающееся ими и действующее по отношению к ним» (*там же*, р. 48). Феникс утверждает даже, что «...нет человека, для которого развитие внутренней жизни смысла не являлось бы реальной целью всех его стремлений» (*там же*, р. 345), противореча тем самым собственному утверждению, что «сущность человека» характеризует лишь идеал, а не реальные факты (*там же*, р. 232).

Феникс пишет, что о смыслах следует говорить во множественном числе. Все возможное многообразие человеческих смыслов сводится к шести смысловым реальностям: символической, эмпирической, эстетической, синноэтической, этике и синоптике. Символика включает в себя языковые и другие, в том числе недискурсивные символические структуры, служащие для выражения и коммуникации любых смыслов. Эмпирика содержит фактическое знание о действительности. Эстетика охватывает разные виды искусства, содержанием

которых является воплощенная в значимых смыслах уникальная субъективность автора. Синноэтика охватывает сферу значимых межличностных отношений. Этика связана со смыслами человеческих моральных обязанностей и добровольно принимаемых решений. Наконец, синоптика имеет дело с интегративными смыслами, объединяющими в единую перспективу смыслы, принадлежащие ко всем остальным реальностям. Синоптика объединяет такие области знания, как историю, религию (в широком смысле слова) и философию, каждая из которых осуществляет смысловую интеграцию в своем особом ракурсе. Различение шести реальностей выступает как чисто теоретическое; «любой конкретный смысл может рассматриваться как выражение одного из фундаментальных смыслов или как комбинация двух или более из них. На практике смыслы редко выступают в чистой и простой форме; они почти всегда образованы из нескольких элементарных» (*Phenix*, 1964, р. 8). Шесть смысловых реальностей взаимосвязаны и являются частями единой иерархической смысловой системы.

Из всех авторов, рассматривавших смысл как интегративную структуру личности, Феникс дает наиболее подробное аналитическое описание самого смысла, хотя определение смысла у него, как и у других, отсутствует. Он выделяет четыре параметра смысла: 1) переживание, рефлексивное самоосознание, опосредующее поведенческие реакции; 2) логические принципы структурирования этого переживания; 3) выбор значимых смыслов из множества потенциальных комбинаций и разработка их в русле сложившихся в цивилизации традиций и 4) выражение смысловых структур посредством соответствующих символических форм (*Phenix*, 1964, р. 22—25). Очень важна такая принципиальная характеристика смыслов, как их социальность: «Они являются общими. Никто не может жить осмысленно в изоляции. Общность смысла характеризует все реальности без исключения. Любая смысловая структура является совместным способом понимания» (*там же*, р. 13).

Смыслы выступают у Феникса как предмет обучения. «Различные структуры знания суть различные смыслы» (*там же*, р. X). Обучение призвано обеспечить развитие смыслов во всем их разнообразии и обеспечить их интеграцию в иерархическую систему. Вместе с тем над людьми постоянно висит угроза смыслоутраты, в каждой из шести реальностей порождаемая своими специфическими факторами. Кроме них, Феникс выделяет еще такие общие факторы, способствующие утрате смысла, как распространение духа критицизма и скептицизма, деперсонализация и фрагментация жизни, обилие культурной продукции, подлежащей усвоению, и быстрый темп изменений условий жизни (*там же*, р. 5). «Люди одновремен-

но сопротивляются и отрекаются от смыслов и ищут и утверждают их, культуры одновременно разрушают смыслы и творят их» *{там же, р. 30}*). Все же в целом Феникс занимает скорее оптимистическую позицию, формулируя в качестве цели образования осуществление человеческой жизни посредством расширения и углубления смысла.

В заключение этого раздела остановимся еще на двух подходах к смыслу как интегративной структуре личности, которые, однако, нельзя с уверенностью отнести к какой-то одной из трех рубрик, выделенных Э.Вайскопф-Джолсон (*Weisskopf-Joelson, 1968*). Первый из них — это экзистенциальная персонология С.Мадди (*Maddi, 1971; 1983*), который также отводит смыслу роль высшего интегративного начала личности, почти не поясняя, однако, при этом, что такое смысл. «Человек не может стать взрослым, не решив, что является стоящим, что интересным, что истинным, чем стоит заниматься. Если человек работает, растит семью, вступает в клубы, собирает гостей, влюбляется, принимает вызов, то это потому, что все это — виды деятельности, приносящие ему какой-то смысл. Как только мы примем, что любая деятельность может иметь или не иметь для нас смысл, нам уже не избежать экзистенциального вопроса о том, почему мы вообще встаем с постели по утрам и, далее, почему мы продолжаем жить» *{Maddi, 1971, р. 137}*). Мадди постулирует у человека врожденную потребность в поиске смысла, выделяя три общих группы человеческих потребностей, — физиологические, социальные и психологические. Нахождение смысла обеспечивается благодаря основным психологическим потребностям: потребностям символизации, воображения и суждения. «В конечном счете цель или объект всех трех психологических потребностей, вместе взятых — увеличение смысла. Отчетливо что-то осознать — значит вложить в это больше смысла, чем оно бы имело, будучи неосознанным. Стремиться к изменениям — значит пытаться повысить осмысленность переживания, делая его более волнующим, менее скучным. Наконец, упорядочивать опыт в свете ценностных суждений и предпочтений — значит повышать его осмысленность, помещая его в личностный контекст» *(там же, р. 153)*.

Разное соотношение трех групп потребностей лежит в основании выделения Мадди двух путей развития личности: конформистского и индивидуалистского. Индивидуалист характеризуется развитыми психологическими потребностями, которые обеспечивают возможность понимать и контролировать социальные и биологические побуждения. Такой человек обладает собственным смыслом и проходит свой жизненный путь, будучи в состоянии контролировать свою

жизнь. Конформист воспринимает себя (и других) как не более чем воплощение социальных ролей и биологических нужд. Психологические потребности являются для него источником тревоги и подавляются им. Такой человек «...принимает смысл, налагаемый на него обществом и собственным телом, которые он воспринимает как абсолюты, требующие от него служения им без малейшей возможности выбора. Такой человек подвержен стрессам, которые способны пошатнуть эту смысловую ориентацию» (*Maddi, 1971, p. 183*). Итогом является развитие различных форм «экзистенциального недуга» — под этим термином у Мадди фигурирует уже неоднократно рассматривавшаяся нами смыслоутрата. Человек встает на один из двух путей развития — конформистский или индивидуалистский — в результате выбора между будущим (неизвестность) и прошлым (неизменность). Делая этот выбор, человек создает смысл (*Maddi, 1983*).

Подход к смыслу в экзистенциально-аналитической теории Дж. Бьюдженталя (*Bugental, 1981*) также отличается от всех рассмотренных выше. Бьюдженталь не соглашается ни с теми, кто считает, что смыслы (*meanings*) мы находим в мире как нечто данное, ни с теми, кто считает смысл порождением самой личности, проецируемым в мир. «Мы напрасно ищем предустановленную значимость в нас самих или в нашем мире» (*Bugental, 1981, p. 304*). Смыслы, по Бьюдженталю, производны от нашего бытия в мире. «Мы конструируем смыслы событий, исходя из того, кем мы являемся и чем являются объекты, включенные в это событие» (*там же, p. 403*). Смыслоутрата или ощущение ее угрозы как раз и является осознанием того, что мир не обеспечивает человека смыслом автоматически. Тем самым на человека ложится ответственность за создание своими действиями осмысленности и сопровождающая эту ответственность экзистенциальная тревога за последствия своего выбора. Хотя смысл у Бьюдженталя уже не выступает как нечто первичное, независимое от личности, он не теряет при этом роли интегративной личностной структуры, характеризующей одно из основных свойств человека: его интенциональность.

В более поздних работах на первый план для Бьюдженталя выходит понятие жизненности. «Каждый из нас знает, что он живой, и каждый стремится быть более живым, поскольку он знает, что слишком часто он не такой живой, каким мог бы быть и каким он хочет быть» (*Bugental, 1988, p.1*). Ключом к нашей более полной, витальной жизненности является смысл (*sense*). Это «внутреннее зрение», которое позволяет нам осознавать, насколько наш внешний опыт экзистенциально согласуется с нашей внутренней природой (*там же, p. 2*). Оно настроено на нашу уникальную жизнь.

«Полагаться в принятии решений на правила и установления, зависеть от абстрактных принципов (например, "справедливость") и перекладывать ответственность на других — все это способствует подавлению осознания нашего внутреннего смысла, который нужен нам, чтобы ощущать витальность нашей жизни. Мои выборы должны находиться в гармонии с моим внутренним смыслом для того, чтобы они имели для меня силу» *{там же, р. 100}*.

Обобщить пять теоретических подходов к проблеме смысла, представленных в данном разделе, — непростая задача. Хотя все они продолжают заложенную Юнгом и Адлером традицию, согласно которой принципиальной особенностью человека является его направленность на поиск и реализацию смысла, тем не менее конкретные представления о смысле и его интегративном воздействии на личность весьма различны. Не удивительно, что все рассмотренные авторы крайне редко ссылаются в своих работах друг на друга. Феникс понимает смысл как нечто чисто объективное, существующее в мире, но уникальное и единственное для каждого субъекта; Ройс — как субъективное видение, накладываемое на мир, а Бьюдженталь — как продукт взаимодействия субъекта с миром или как глубинное внутреннее чувство. Феникс говорит о смыслах во множественном числе, Мадди и Ройс — в единственном, а Франкл и Бьюдженталь объединяют и то и другое. По Франклу, задачей человека является найти и реализовать смысл; по Фениксу — расширять и углублять его; по Ройсу, наоборот, стабилизировать; по Мадди — создавать смысл в процессе принятия решений, а по Бьюдженталю — осознавать его и ориентироваться на него.

Понять такие расхождения можно, если вспомнить о роли, отводимой этими авторами смыслу в понимании личности. Практически у всех смысл выступает как предельная категория, которую невозможно определить в рамках данной конкретной психологической теории, и природу смысла остается лишь постулировать, выводя уже из этих постулатов остальные положения теории. Поэтому те подходы, в которых смысл выступает как высшая интегративная основа личности, характеризующая ее сущность, не могут помочь нам в определении того, что есть смысл, хотя отвечают на целый ряд вопросов, касающихся влияния смысла на поведение и развитие личности. Для того, чтобы найти ответ на вопрос о самой природе смысла, обратимся ко второй группе подходов, а именно к тем, в которых смысл выступает как *структурный элемент процессов сознания и деятельности человека*.

1.2.3. СМЫСЛ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОЗНАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вторая большая группа теоретических подходов, к рассмотрению которых мы обратимся, апеллирует к смыслам во множественном числе, рассматриваемым как неотъемлемая часть самих механизмов функционирования сознания и деятельности человека. Приведенное ниже высказывание характеризует то общее, что объединяет эти подходы, и что отличает их от первой группы теорий, рассмотренных выше: «Человек устроен и функционирует так, что он перерабатывает и производит смыслы. В таком случае, пока человек жив и здоров, он не может не иметь дела со смыслами и не вычерпывать их из своего опыта. Говорить, что у него есть потребность найти смысл, столь же некорректно и столь же вводит в заблуждение, как и утверждение, что автоматическая вязальная машина обладает потребностью вязать, или что у семени есть потребность прорасти. ...Я убежден, что для структуры нервной системы человека, заложенной в организме, порождение смыслов столь же естественно, как и выделение пота потовыми железами» (*Holt, 1976, p. 192*).

Вместе с тем, разделяющие эту общую позицию авторы представляют не менее широкий спектр конкретных представлений о смысле, чем спектр теорий, рассматривающих смысл как интегративную основу личности. Условно «рассортировать» все эти подходы в целях удобства анализа нам помогает выдвинутое одним из авторов положение о трех источниках критериев для внутреннего оценивания субъективных смыслов: 1) внешний мир, включая других людей, рассматриваемых как объекты; 2) внутренний мир и 3) другие люди как носители общего смысла (*Thomas, 1985, p. 246*). Отталкиваясь от этого, нам представляется удобным разделить рассматриваемые нами подходы на три группы: 1) подходы, в которых смысл действий и ситуаций для субъекта задается объективными отношениями; 2) подходы, в которых смысл выступает как чисто субъективная интерпретация действительности и 3) подходы, в которых смысл задается социальной общностью, рассматривается в плоскости отношений с другими людьми. Содержательно это членение оказывается подобным членению теорий, рассмотренных в предыдущем разделе в соответствии со схемой Э.Вайскопф-Джолсон; более подробно мы остановимся на этом в конце главы.

Теоретическая основа исследований смысла под объективным углом зрения была заложена в 1920—1930-е годы авторами, не пользовавшимися понятием «смысл». Главная роль в этом

принадлежит, несомненно, теории личности К. Левина, описывающего интересующие нас явления в терминах валентности или требовательного характера объектов. Теоретическое объяснение механизмов поведения в терминах валентности очень близко объяснению в терминах смыслов, например, теории Ж.Нюттена, которая будет рассмотрена несколько ниже. Поэтому мы включили в наш обзор некоторые теоретические подходы к объяснению механизмов поведения в терминах валентности и требовательного характера, относимые Х. Хекхаузенем (1986 *a*) к числу теорий ожидания-привлекательности. Речь идет прежде всего о теориях К.Левина и Э.Толмена.

К.Левин уже в первой своей большой теоретической работе «Намерение, воля и потребность» (Levin, 1926) вводит понятие требовательного характера, которое занимает одно из центральных мест в объяснении им механизмов поведения. Констатируя известный факт, что мы всегда воспринимаем предметы пристрастно, они обладают для нас определенной эмоциональной окраской, Левин замечает, что помимо этого они как бы требуют от нас выполнения по отношению к себе определенной деятельности. «Хорошая погода, определенный ландшафт влекут нас к прогулке. Ступеньки лестницы побуждают двухлетнего ребенка подниматься и спускаться; двери побуждают его открывать и закрывать их, мелкие крошки — собирать их; собака — ласкать ее; ящик с кубиками побуждает к игре; шоколад, кусок пирожного хочет быть съеден и т.д.» (*там же*, S. 60). Требовательные характеры могут различаться по интенсивности и по знаку (притягательный или отталкивающий), но это, по Левину, не главное. Гораздо более характерно то, что требования побуждают к определенным, более или менее узко очерченным действиям, и что эти действия могут быть чрезвычайно различными, даже если ограничиться только положительными требовательными характерами. На последующих страницах Левин дает богатое описание феноменологии требовательных характеров: они меняются в зависимости от ситуации, а также в результате осуществления требуемых действий. Так, например, как показали проведенные под руководством Левина эксперименты А.Карстен {Karsten, 1928}, насыщение ведет к потере объектом и действием требовательного характера, а пресыщение выражается в смене положительного требовательного характера отрицательным; одновременно положительный требовательный характер приобретают посторонние вещи и занятия, особенно в чем-то противоположные исходному. Требовательный характер может фиксироваться на определенных объектах, которые в результате приобретают особенно сильный требовательный характер, а другие образования его полностью или

частично утрачивают (*Lewin*, 1926, S. 67). Действия и их элементы также могут утрачивать свой естественный требовательный характер в результате автоматизации.

Понятие требовательного характера являлось у Левина отнюдь не описательным. Оно органично вставало в ряд основных объяснительных понятий теории поля. В этом контексте Левин описывает эффект требовательного характера так: «Уже существующее состояние напряжения, проистекающее из намерения, потребности или наполовину завершенной деятельности, направляется на определенный предмет или явление, которое воспринимается, например, как нечто привлекательное, так что именно эта напряженная система получает теперь господство над моторикой... Подобные требовательные характеры... действуют как силы поля в том смысле, что они оказывают регулирующие влияния на психические процессы, в частности на моторику» (*Lewin*, 1926, S. 28).

Источником требовательного характера объектов внешнего окружения для Левина выступает потребность (или квазипотребность, что, как он неоднократно оговаривает, несущественно в данном контексте). Фактически требовательный характер объектов оказывается оборотной стороной потребности, однозначно указывая на ее наличие. «До известной степени выражения "существует такая-то и такая-то потребность" и "такое-то и такое-то множество объектов обладает требовательным характером, побуждающим к тем-то и тем-то действиям" эквивалентны» (*Lewin*, 1926, S. 63). В определенных случаях вещи, обладающие требовательным характером, есть не что иное как прямые средства к удовлетворению потребностей. Однако наряду с такими самостоятельными или первичными требовательными характерами, Левин выделяет также производные требовательные характеры объектов, которые прямо не удовлетворяют никакой потребность, но находятся в определенном отношении к ее удовлетворению, например, приближают его. Левин, впрочем, подчеркивает относительность границы между первичными и производными требовательными характерами, поскольку требовательный характер вообще подвержен изменениям. Приводимые Левином факты свидетельствуют о прямой связи изменений требовательного характера объектов с динамикой потребностей и квазипотребностей субъекта, а также его жизненных целей. Более того, с повышением интенсивности потребностей не только усиливается требовательный характер отвечающих им объектов, но и расширяется круг таких объектов (голодный человек становится менее привередливым).

Развитие взглядов Левина в последующих работах было, как известно, связано прежде всего со стремлением к формализации описания поведения. Формализация коснулась и понятия «требо-

вательный характер», которое уступило место понятию валентности¹². Новое понятие сохранило в себе основное содержание старого, за исключением одной вещи — того, что Левин считал в 1926 году наиболее существенным. Если понятие «требовательный характер» учитывало качественную определенность действий, совершения которых требовал данный предмет, то понятие «валентность» указывало лишь на сам факт притягательной или отталкивающей силы.

Из круга вопросов, связанных с понятием валентности, в 1930-е годы Левина интересует преимущественно влияние валентности на поведение и вообще система факторов, детерминирующих поведение индивида в конкретной ситуации. Так, например, в экспериментальном исследовании С.Фаянс (*Fajans*, 1933) было обнаружено, что у младенцев в возрасте от шести месяцев до года сила валентности (интенсивность аффективных реакций) прямо связана с физическим расстоянием до цели, в то время как для детей постарше такой прямой зависимости не обнаружилось. Оказалось, что для них экспериментальная ситуация выступает не как чисто инструментальная, а как социальная: ребенок обращается за помощью к присутствующему в помещении экспериментатору, и, не дождавшись от него этой помощи, реагирует на его поведение либо как на розыгрыш, либо как на проявление недружелюбия, либо как на нечто не вполне для него понятное.

Факт социальной обусловленности поведения ребенка нашел отражение, в частности, во введенном Левином понятии «индуцированная валентность» (*Lewin*, 1935). Левин указывает, что многие объекты внешнего окружения, многие формы поведения и многие цели приобретают валентность не на основе собственных потребностей ребенка, а посредством запрета, приказа или примера со стороны взрослого. «Отрицательная валентность запретных вещей, которые сами по себе привлекательны для ребенка, порождается обычно индуцирующим силовым полем взрослого. Если это силовое поле перестает психологически существовать для ребенка (например, если взрослый уходит или теряет свой авторитет), отрицательная валентность также исчезает» (*Lewin*, 1935, р. 98—99).

Много общего с понятием валентности у Левина имеет понятие требования (*demand*), введенное практически одновременно Э.Толменом для объяснения целенаправленного поведения животных. Толмен определяет требование как «врожденное или при-

¹² Термин «валентность» был принят Левином по предложению Э. Толмена с целью унификации терминологии обоих авторов, описывавших сходные явления (см. об этом ниже).

обретенное побуждение достичь или избавиться от определенного рода внешних объектов, физиологического состояния равновесия или напряжения» (*Tolman, 1932 a, p. 441*). Приятие требования было сформулировано на основе цикла экспериментальных исследований, показавших, что, с одной стороны, при неизменном состоянии физиологического влечения разные типы целевых объектов по-разному влияют на поведение, а с другой стороны, различия в поведении определяются не самим по себе характером целевого объекта, а его отношением к состоянию физиологического влечения. Так, например, если по ходу эксперимента сила влечения у подопытных животных уменьшается, то, соответственно, уменьшается и интенсивность требования к соответствующим целевым объектам, что отражается на характеристиках поведения (*там же, p. 67-68*).

В статье, датированной 1935 годом (*Tolman, 1958, p. 94—114*), Толмен строит классификацию видов требований. В первую очередь он подразделяет требования на первичные и производные. Первичные требования, в свою очередь, подразделяются на: а) требования достижения положительных целевых объектов, б) требования избегания отрицательных целевых объектов и в) требования коротких путей достижения первых и избегания вторых. При этом, так же как и у Левина, речь идет не о пространственной близости, а о психологической дистанции. Производные требования подразделяются на требования специфических видов целевых объектов и требования специфических объектов-средств. Последнее играет особенно большую роль у человека за счет привыкания к строго определенным видам пищи или даже сортам сигарет.

Несмотря на сходство взглядов Левина и Толмена, которое неоднократно подчеркивалось обоими авторами, между ними существовали разногласия, касающиеся вычленения конкретных детерминант поведения. Толмен, строго разводящий когнитивные и мотивационные процессы, стоящие за выбором определенного поведения, подверг критике слияние Левином первичных требований цели, производных требований различных путей достижения цели и когнитивной оценки психологических расстояний до цели и направлений в единое нерасчлененное понятие вектора (*Tolman, 1932 б*). Показав на конкретных примерах необходимость различения указанных переменных, Толмен указывает на требование как на непосредственную причину поведения, которая, в свою очередь, определяется характером взаимодействия когнитивных и мотивационных переменных.

Хотя в ответной статье (*Lewin, 1982, S. 99—131*) Левин утверждает, что задача анализа заключается для него не в том, чтобы вскрывать механизмы, лежащие за силами поля, однако в дальнейшем

он признает эту критику и предпринимает отдельные попытки специально рассматривать зависимость валентности от когнитивных представлений, в том числе на примере межкультурных различий (*там же*, S. 178—179). В формализованное описание валентности Левин включает в качестве одного из ее детерминантов переменную G — воспринимаемую природу целевого объекта. Формула $V_a = F(t, G)$ (Lewin, 1938, p. 106—107; см. также Хекхаузен, 1986 а, с. 192—194), где V_a — валентность, а t — напряжение потребности, представляет собой окончательный итог постепенной формализации идеи требовательного характера.

Помимо этого, в своих поздних работах Левин не внес больше ничего нового в разработку теоретических представлений о валентности. Немного нового внес и Толмен, в работах которого 1940—1950-х годов усиление интереса к психологии человека сочетается с интенсивной формализацией теоретических положений по образцу топологической психологии Левина, которую он ранее критиковал. «Как я полагаю, — пишет Толмен, — интенсивность силы поля прямо пропорциональна произведению давления потребности и детерминирующей валентности, рассматриваемой в данном случае, и обратно пропорциональна квадрату пространственно-поведенческой дистанции между районом локализации субъекта в данный момент и районом локализации соответствующей валентности» (Tolman, 1951, p. 340). Следует отметить лишь введение Толменом в схему детерминации поведения двух новых переменных — ожидания и ценности, благодаря чему валентность приобретает новую содержательную характеристику. «Если образ определенного типа объектов обладает ценностью, то воспринимаемый конкретный объект, относящийся к данному типу, обладает валентностью» (*там же*, p. 296). Построение матриц взаимодействия ожидания и ценности конкретных поведенческих выборов в определенных ситуациях положило начало группе теорий, опиравшихся преимущественно на методы количественного анализа побудительной силы (см. Хекхаузен, 1986 а, гл. 5); в нашем контексте они не представляли специального интереса.

Остановимся лишь еще на одной попытке содержательного теоретического осмысления понятия валентности. Критикуя формальные модели, Э.Бош отмечает: «Конечно, мы согласны с тем, что валентности выражают определенную силу притяжения или избегания, однако необходимо добавить, что валентность содержит также специфическую качественную характеристику» (Boesch, 1980, S. 176—177). Валентность, согласно Бошу, определяется взаимодействием актуально воспринимаемого содержания ситуации с оценкой протекания действия и с оценкой возможных альтернативных действий,

хотя характер этого взаимодействия конкретизировать затруднительно. Бош опирается на представление о «сверхдетерминированности» (избыточной детерминации) действия в целом, а также валентностей, относящихся как к цели, так и к различным аспектам протекания действия. Эта множественность валентностей, присутствующих в одном действии, и обуславливает, в частности, его сверхдетерминированность. Возникающие в рамках действия валентности различных объектов, людей или идей также порождены взаимодействием валентностей различных значимых аспектов действия. Сверхдетерминированность валентности актуальной цели вытекает из того, что данная ситуация содержит в себе возможности реализации различных целей. Тем самым Э.Бош связывает детерминацию действия с целой системой действий, в которую оно включено, и даже с более широким контекстом структур потенциального взаимодействия индивида со средой.

Негативные валентности, предстающие перед нами как барьеры или границы (когда барьер непреодолим), выступают как то, что нарушает ход протекания действия. Существуют также «абсолютные негативные валентности» — фиксированные опасения и страхи, не связанные с конкретным действием и конкретной ситуацией, а характеризующие скорее личность. «Они символизируют для субъекта границы возможностей действовать» (Boesch, 1980, S. 198). Негативные валентности, однако, оборачиваются и положительной стороной: они очерчивают границы возможностей субъекта, предохраняют от неудач, указывают на опасности. Позитивная валентность, как и негативная, тоже всегда амбивалентна. «Амбивалентность положительной валентности заключается в опасности неудачи, в отказе от других в равной степени привлекательных альтернативных целей и, возможно, вдобавок еще в том, что действительное переживание часто не может сравниться с тем, что мы предвосхищали в воображении» (Boesch, 1980, S. 202).

Таким образом, валентность можно в наиболее общем виде определить как свойство целей и других аспектов действия, порождаемое специфическим сочетанием внешней ситуации и актуального состояния потребностей субъекта и выражающееся в притягательном или, наоборот, отталкивающем влиянии на субъекта, а также в своеобразном структурировании воспринимаемой действительности.

Чем вызвано включение в наш обзор группы подходов, апеллировавших не к смыслу, а к валентности — концепций К.Левина, Э.Толмена и Э.Боша? Мы отождествляем валентность и требовательный характер, фигурирующий в этих подходах, с предметом нашего анализа, потому что эти понятия в работах трех упомянутых

авторов по своему содержанию не совпадают с общепринятым сегодня понятием «валентность», будучи шире и богаче его. Они стоят гораздо ближе к понятию смысла, обрисованному в первом приближении в вводной главе — как структурного элемента деятельности, сознания и личности, связывающего между собой эти три психологические реальности, а также объективную действительность.

Правомерность рассмотрения указанных концепций в нашем контексте подтверждается еще и анализом теории поведения Ж.Нюттена (*Nuttin*, 1956; 1957; 1961; 1973; 1984 и др.), которая во многом опирается на идеи К. Левина. Понятие смысла выступает у Нюттена фактически в том же качестве, что и понятия требовательного характера и валентности в работах К.Левина, Э.Толмена и Э.Боша. Именно смысл объектов или ситуаций лежит, согласно Нюттену, в основе того, что «восприятие объекта часто становится приглашением, ожиданием начала релевантного поведения» (*Nuttin*, 1984, p. 171).

Согласно теории Нюттена, поведение вообще соотносится с осмысленной ситуацией в осмысленном мире. Окружающие нас объекты осмыслены. Когда мы спрашиваем «Что это?», мы спрашиваем о цели, которой служит данный объект, о его роли в поведении, иными словами, о его смысле. «Процесс, в результате которого объект воспринимается как имеющий смысл, включает актуализацию роли этого объекта в общем поведенческом гештальте» (*Nuttin*, 1984, p. 30).

Среда, объекты и ситуации имеют смысл лишь в отношении к действующему субъекту. Смысл, по Нюттену, конституируется отношением между ситуацией и мотивацией. В конечном счете он коренится «...в типах отношений, существующих между определенными фрагментами мира, обладающими специфическими функциональными свойствами... и, с другой стороны, субъектом, который сам испытывает потребность в таких взаимоотношениях с миром» (*Nuttin*, 1973, S. 183). Вместе с тем смысл задается не абстрактным вневременным отношением — это конкретное «...интеллектуальное отношение между тем, что субъект делает, и определенной формой осознанной или неосознанной потребности, цели, намерения или плана» (*там же*, S. 165). Истоки смыслов, по Нюттену, следует искать не столько в прошлой истории субъекта, сколько в актуальных поведенческих структурах. Вместе с тем выявление инвариантных смыслов в различных формах поведения служит ключом к раскрытию фундаментальных потребностей (*Nuttin*, 1957, p. 190).

Смыслы объектов и ситуаций не «усматриваются» непосредственно. Осмысленные ситуации конструируются человеком в процес-

се обработки информации и построения концептуального образа мира. Смыслом ситуаций и объектов побуждается и направляется конкретное поведение. «Осмысленный объект потенциально содержит схему поведения» (*Nuttin*, 1973, S. 182). Более того, само поведение — «... это не "движение плюс когнитивный смысловой элемент", а смысл, инкорпорированный в двигательные реакции» (*Nuttin*, 1984, p. 171). Смысл самого поведения конституируется его конечной целью; отдельные поведенческие акты или «сегменты» приобретают смысл в контексте того целого, частью которого они являются.

Нюттен отмечает также стремление человека строить систему представлений о Вселенной, о мире в целом и о своем месте в нем, найти смысл своего существования (*Nuttin*, 1973; 1984). В контексте этой системы представлений для людей приобретают тот или иной смысл такие ценности, как свобода, истина, солидарность и др.

С теорией Нюттена отчасти перекликается экзистенциальная теория человеческого поведения Р.Мэй (*May*, 1969). Мэй использует другой, феноменологический язык для описания поведения, говоря не о потребностях, мотивах и объектах, а о воле, желаниях и намерениях (интенциях). Желания он рассматривает как форму слияния силы (энергии) и смысла. Именно их слияние придает желанию побудительную силу. Если не учитывать смысловой компонент при анализе желаний, мы приходим к искаженной картине. Р.Мэй иллюстрирует это примером избирательности сексуальных желаний, которая нарушается и превращается в простую канализацию либидозной энергии в двух случаях: в искусственной ситуации длительной фрустрации, как у солдат, размещенных на крайнем Севере вдали от поселений, и в случае психопатологии (*May*, 1969, p. 209—210). Структуру, которая придает смысл опыту, Мэй называет интенциональностью. Интенциональность — это мостик, связывающий ядро сознания с объектами, частично преодолевающий дихотомию субъекта и объекта (*там же*, p. 223—226). В какой-то степени человек сам создает свои смыслы, но на основе более широкой социальной смысловой матрицы, в которой он живет.

Соответственно, чтобы понять поведение человека, надо раскрыть его смысл. В частности, задача психотерапевта состоит в том, чтобы как можно лучше осознавать интенциональность клиента во время текущей сессии. При этом любое взаимопонимание основывается на совместной смысловой матрице, общей для психотерапевта и пациента, которая строится на основе их индивидуальных матриц. «Я должен быть способен принимать участие в смыслах моего пациента, но в то же время сохранять мою собственную смысловую матрицу, и таким образом, неотвратно и обоснованно,

давать ему интерпретацию того, что он делает — часто по отношению ко мне. То же самое верно и для всех других человеческих отношений: любовь и дружба требуют, чтобы мы участвовали в смысловой матрице другого, не отказываясь от своей. Таким путем человеческое сознание понимает, растет, меняется, становится просветленным и осмысленным» (May, 1969, p. 262).

Сравнивая теории Нюттена и Мэя с подходами к объяснению поведения, опиравшимися на понятие валентности, видно, что помимо сходства, которое уже отмечалось выше, существуют и заметные отличия. Главное из них заключается, на наш взгляд, в том, что если понятие валентности относится к непосредственному воздействию на поведение (по аналогии с физическими силами), то смысл у Нюттена и Мэя влияет на поведение опосредованно, через процессы когнитивной репрезентации действительности в сознании. Теории Нюттена и Мэя являются поэтому отчасти как бы связующим звеном между группой подходов, интерпретировавших смысл объектов и ситуаций в терминах поведенческой валентности, и другой группой подходов, в которых смысл рассматривается исключительно в контексте репрезентации действительности в сознании, как феномен сознания. К рассмотрению этой группы подходов мы и переходим.

Первым из таких подходов является теория личностных конструкторов Дж.Келли (Kelly, 1955; 1969; 1970), которую ряд его последователей прямо называют теорией личностных смыслов (Procter, Parry, 1978; Fransella, 1982; см. также Mair, 1970; Salmon, 1978; Harri-Augstein, 1978; Bannister, 1979). В основополагающем труде Келли — двухтомной «Психологии личностных конструкторов» (Kelly, 1955) термин «смысл» практически не фигурирует; модель субъективной интерпретации внешних событий излагается полностью на языке личностных конструкторов. Вместе с тем, в более поздних работах (Kelly, 1969; 1970) Келли активно использует понятие личностного смысла в том значении, которое позволяет нам без колебаний отнести его теорию ко второй группе подходов к рассмотрению смысловых механизмов сознания и деятельности.

Философская позиция Келли, которую он обозначает словами «конструктивный альтернативизм», сводится к следующим положениям. Объективная действительность существует и движется во времени, однако она открывает возможности для различных ее интерпретаций. Жизнь необходимо подразумевает способность отражения живым существом окружающей действительности. У человека это отражение носит характер построения системы конструкторов, через призму которых он воспринимает мир. Конструкторы представляют собой субъективные параметры категоризации и оценки событий,

которые не обязательно могут быть выражены в словесной форме. В реальном поведении человека валидность этих конструктов подвергается проверке; в тех случаях, когда имеющиеся конструкты не позволяют эффективно предсказать результаты поведения, система конструктов подвергается более или менее значительной перестройке. Развитие личности заключается, по сути, в развитии, обогащении, уточнении и иерархизации системы личностных конструктов. Этот процесс происходит непрерывно у каждого человека. Келли так формулирует фундаментальный постулат своей теории: «Психологические процессы индивида направляются механизмами предвосхищения им событий» (*Kelly, 1955, p. 103*). Фактически вся общепсихологическая теория личности и психотерапевтический подход Келли представляют собой раскрытие этого постулата.

Основной пафос Келли был направлен на познание конкретной индивидуальности каждого человека, на отказ от практики прикладывания общих аршинов к разным людям (*Kelly, 1955, p. 206—207*). Позже Келли особенно подчеркивает, что «психология должна иметь дело с переменными, которые могут что-то значить в жизни человека. В этом случае у психолога будет то, к чему, по-моему, стоит стремиться» (*Kelly, 1969, p. 123*). В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов Келли дополняет свою теорию положением о том, что конструкты придают личностный смысл событиям, к которым они прикладываются, а также планам, воспоминаниям и высказываниям — для того, чтобы понять сообщение, необходимо знать систему конструктов говорящего. Система конструктов человека предоставляет ему свободу принятия решений именно благодаря тому, что позволяет ему иметь дело со смыслом событий, вместо того, чтобы быть механически вовлеченным в них (*Kelly, 1969*).

Смыслы событий являются, по Келли, чисто субъективными и лишь проецируются в мир. «События не говорят, что нам делать, у них на лбу не написан их смысл, который мы могли бы открыть. Хорошо это или плохо, но мы сами создаем на протяжении своей жизни те единственные смыслы, которые они для нас несут» (*Kelly, 1970, p. 3*). Смыслы, которые мы приписываем событиям, коренятся в субъективной оценке причин и следствий этих событий, в их временной динамике. Вместе с тем смысл определяется не только самим предвосхищаемым следствием оцениваемого события, но и всей цепью умозаключений, лежащих в основе этого предвосхищения (*Kelly, 1970, p. 3*). Это положение вновь возвращает нас к конструктам как основному детерминанту смысла событий. Осмысленность жизни Келли связывает со способностью видеть настоящее в прошлом и будущее в настоящем (*там же, p. 11—12*).

Ряд последователей Келли также взяли понятие смысла на вооружение. Так, Ф.Франзелла указывает на определяющую роль контекста в формировании смысла (*Fransella*, 1982, p. 49). В другом месте она говорит о смысле самих личностных конструкторов, выводя его из отношений данного конструктора с другими (*Fransella*, 1970, p. 76). Д.Хинкл пишет о смысле поведения, отождествляя его с внутренним содержанием этого поведения (*Hinkle*, 1970). Центральное место понятие смысла занимает в концепции самообучающейся личности Ш.Харри-Аугстайн и Л.Томас, которая, являясь с одной стороны прямым развитием теории Келли, по своему содержанию относится скорее к третьей группе подходов к рассмотрению смысла как структурного элемента сознания и деятельности и будет рассмотрена нами несколько ниже.

На некоторые положения теории Келли опираются представители интеракционистского подхода к объяснению детерминации поведения (*Endler, Magnusson*, 1974; *Magnusson*, 1976; 1978; 1982; *Nystedt*, 1981). В рамках этого подхода различается анализ среды и ситуаций как таковых, под объективным углом зрения, и субъективно воспринимаемых и осмысляемых нами ситуаций. «Очевидно, "реальный мир", в котором мы испытываем ощущения, чувствуем, думаем и действуем, — это мир, который воспринят нами и наделен нами смыслом» (*Magnusson*, 1982, p. 232). Л.Нистедт указывает на то, что ситуация всегда структурируется и осмысляется индивидом в зависимости от внешнего ситуационного контекста, характеристик субъективной семантики, текущих состояний субъекта и влияния перечисленных «систем» на селекцию входной информации (*Nystedt*, 1981). Д.Магнуссон называет такие более фундаментальные моменты, детерминирующие субъективный смысл ситуаций как опыт и историю жизни личности, знания, хранящиеся в его долговременной памяти (*Magnusson*, 1976; 1978). По этой причине восприятие ситуаций глубоко индивидуально: возможно столько интерпретаций одной и той же ситуации, сколько в ней присутствует действующих лиц, хотя разные ситуации обладают разной степенью неоднозначности субъективной интерпретации. Положение о детерминированности поведения человека в некоторой ситуации психологическим смыслом, который имеет для него эта ситуация, является одним из основных положений интеракционизма в психологии личности (*Endler, Magnusson*, 1974; *Magnusson*, 1976).

Сходные и вместе с тем несколько более разработанные представления о смысле внешних ситуаций предлагает Э.Петерфройнд, синтезировавший клиническую теорию психоанализа с современными процессуальными моделями переработки информации (*Peterfreund*, 1971; 1976; *Peterfreund, Franceschini*, 1973). «Каждый

из нас более или менее различно интерпретирует имеющуюся информацию, — пишет он. — Мы отбираем и перерабатываем ее, приходя к нашим индивидуальным взглядам на мир, к нашей индивидуальной "действительности". Посредством таких интерпретаций информация обретает значение — общепринятые денотативные и коннотативные значения плюс уникальные личностные смыслы, представляющие для психоанализа особый интерес» (*Peterfreund*, 1976, р. 63—64). Петерфройнд пытается выделить две группы смыслов: смысл входной информации о внешнем мире и смысл информации, соответствующей различным феноменам переживания (*Peterfreund*, 1971). Это различие, однако, методологически некорректное; на уровне конкретного анализа Петерфройнд к нему реально не прибегает. Общая идея, выдвигаемая Петерфройндом, заключается в том, что информация приобретает смысл лишь в отношении к некоторому более широкому информационному контексту. Этот смысл непосредственно определяется характером переработки соответствующей информации, в частности генерализацией информации и классификацией ее в долговременной памяти. С другой стороны, переходя на язык клинического психоанализа, Петерфройнд указывает на обусловленность личностных смыслов личным опытом, на неотделимость их от мотивов, а также на зависимость смысла травмирующих событий для ребенка от уровня его развития и зрелости, уровня интеллекта и эмоционального состояния. Смыслы могут изменяться во времени; одни и те же события могут подвергаться реинтерпретациям различными способами в зависимости от опыта, развития способностей к переработке информации, изменения контекста и возникновения новых смыслов в процессе психоанализа (*Peterfreund*, 1971, р. 235).

Сам психоанализ, по Петерфройнду, направлен именно на раскрытие уникальных, часто не осознаваемых личностных смыслов (*Peterfreund*, 1976). В этом отношении психоанализ имеет некоторую специфику, поскольку если в повседневном общении мы оперируем, как правило, общепринятыми денотативными и коннотативными значениями слов, то психоаналитику нередко приходится сталкиваться с весьма специфичными, глубоко индивидуальными смыслами, игнорирование которых (в частности, ориентация исключительно на универсальные символы) является достаточно распространенной ошибкой.

Мы видим, что в большей части подходов, относящихся к рассматриваемой нами сейчас группе, смысл, хоть и предстает как детерминированный преимущественно со стороны субъекта, однако определенным образом при этом связывает субъекта с действительностью. Другую позицию занимает феноменологическая психология,

опирающаяся на философские идеи Э.Гуссерля, М.Мерло-Понти и др. и описывающая жизнь замкнутого в себе сознания. На это принципиальное расхождение неоднократно указывал Дж.Келли, стремившийся размежеваться с феноменологическим подходом (*Kelly*, 1969).

Рассмотрение смысла с позиций феноменологической психологии представлено в работах Ю.Джендлина, прежде всего в его теоретической монографии «Переживание и смыслотворчество»: «Смысл формируется во взаимодействии переживания и чего-либо, выполняющего символическую функцию» (*Gendlin*, 1962, р. 5). Решающая роль в этом взаимодействии принадлежит, однако, не столько смыслу, выраженному в символических формах, сколько непосредственно ощущаемому «допонятийному» смыслу, хотя последний является «неполным» без воплощения в символических формах. «Смысл всегда включает в себя некоторые неявные аспекты, которые в данный момент не символизированы» (*там же*, р. 65). Джендлин прослеживает функционирование непосредственно ощущаемых невербализованных смыслов в речи, мышлении, наблюдении, действии, в работе памяти и понимании, приходя к выводу о том, что решающим является отношение между вербально символизированным смыслом и ощущением, «из» которого рождается смысл (*там же*, с. 83—84).

В центре работы Джендлина находится теоретический анализ различных видов функциональных отношений между символами и непосредственно ощущаемыми смыслами (*Gendlin*, 1962, р. 90—138). Джендлин выделяет три типа функциональных отношений, не сопровождающихся смысловой перестройкой — отношения прямой соотнесенности, узнавания и экспликации, и четыре типа отношений, в которых рождаются новые смыслы или же существующие смыслы получают новое символическое воплощение и обогащаются новым содержанием — отношения метафоры, схватывания, релевантности и иносказания. Эти четыре типа функциональных отношений и обеспечивают непрерывную динамику смыслов, их развитие и обогащение в потоке переживания, который, по Джендлин, и есть личность. Основные характеристики переживаемых смыслов связаны с их потенциальной неисчерпаемостью, возможностью вступать в разнообразные функциональные отношения с другими смыслами, порождая новые смыслы; отдельные аспекты переживаний также могут получать новые символические воплощения, вступать в новые отношения и т.д. Более того, каждый смысл может рассматриваться не только под углом зрения его специфического содержания, как элемент определенного класса, но и как частный случай самого себя (*an instance of itself*), переживание как

такое. В последнем случае мы опять сталкиваемся с процессом порождения новых смыслов.

Концепция Джендлина разработана весьма детально, однако мы ограничимся лишь уже сказанным, поскольку в его рассуждениях трудно провести границу между философским и психологическим содержанием. Последующие его работы были посвящены разработке методов психотерапевтической работы со смыслами. Основным итогом этой работы стала разработка им оригинальной психотерапевтической техники фокусирования (*Gendlin, 1981*), которая приобрела широкую известность и популярность в 1980-е годы. В книге, посвященной фокусированию, Джендлин вводит понятие «чувственного смысла» (*felt sense*), который он определяет как телесное ощущение смысла (*meaning*) (*там же*, р. 10). Чувственный смысл невыразим словесно, это нечто глубинное, смутное, нечеткое, более сложное, чем эмоция, и более личностное, чем разум. «Чувственный смысл, подобно гобелену, сплетается из многих переплетающихся нитей, однако переживается... как одно целое» (*там же*, р. 84). Чувственный смысл представляет собой единство тела и души, предшествующее их разделению.

Техника фокусирования представляет собой метод доступа к этим чувственным смыслам. Но их нельзя увидеть как они есть. Они изначально неоформленны, и в процессе их осознания они претерпевают трансформации, уже не остаются теми же, что были. Но это отнюдь не недостаток техники, а напротив, ее преимущество. «Когда Ваш чувственный смысл ситуации меняется, меняетесь Вы — и, соответственно, Ваша жизнь» (*Gendlin, 1981, р. 32*).

Чувственный смысл переживается не в душе, а в теле. «Это незнакомый, очень глубокий уровень осознания, который психотерапевты (и кто бы то ни было) обычно не обнаруживали» (*там же*, р. 33). Обычно когда мы готовы сказать что-то, у нас есть чувственный смысл того, что мы хотим выразить, прежде, чем придут подходящие слова. Он включает в себя десятки, а то и сотни компонентов: значение, которое мы хотим выразить, эмоциональную окраску, которую мы хотим ему придать, причины, по которым мы хотим сказать это данным конкретным людям, реакцию, которую мы надеемся от них получить, и т.д. (*там же*, р. 85). «Этот целостный смысл может быть пережит далее; он обладает своей собственной направленностью. Это Ваше ощущение вещи в целом, включая то, что Вы знаете, думали, выяснили. Он включает и то, что Вы, по-Вашему, "должны", и то, что еще не решено. В нем можно выделить мысль и чувство, долг и желание» (*там же*, р. 160). Смысл нельзя вычислить и пересказать. Его надо встретить, открыть, почувствовать, прислушаться к нему и дать ему возможность проявиться (*там же*, р. 156).

Концепция Джендлина стоит несколько особняком от всех прочих, хотя по формальным основаниям мы ее относим ко второй группе подходов к анализу смысловых механизмов сознания.

Последний из подходов этой группы, который, однако, можно рассматривать и как переход к третьей группе подходов — психоаналитическая феноменология Дж.Этвуда и Р.Столорова, которую эти авторы определяют как глубинную психологию человеческой субъективности, посвященную прояснению смыслов в личном опыте и поведении (*Atwood, Stolorow, 1984, p. 1*). Любое психоаналитическое понимание — это интерпретативное понимание, направленное на схватывание смысла. Сам смысл «принадлежит к личному субъективному миру индивида и доступен пониманию через посредство эмпатии психоаналитика» (*там же, p. 4*). Тем самым психоаналитическая феноменология обращается к герменевтической природе и функции психоанализа, которую усматривали в нем многие авторы, в частности, К.Ясперс и П.Рикёр (см. об этом выше). Смысловые структуры связывают в единое целое различные части индивидуального мира.

Вместе с тем, хотя сам смысл относится к субъективной реальности, процесс его постижения — процесс интерсубъективный, предполагающий диалог между двумя личными универсумами, что роднит этот подход с подходами третьей группы (см. ниже). «Различные паттерны смысла, которые возникают в психоаналитическом исследовании, высвечиваются на специфическом психологическом поле, локализованном в месте пересечения двух субъективностей» (*Atwood, Stolorow, 1984, p. 6*).

Теперь мы переходим к анализу третьей и последней группы подходов к рассмотрению смысловых механизмов сознания и деятельности — к анализу тех подходов, в которых смысл рассматривается под интерсубъектным или социальным углом зрения, в плоскости отношений индивида с другими людьми или с социокультурным целым, к которому он принадлежит.

Как и две другие рассмотренные в этом разделе группы подходов не противоречат друг другу, но лишь акцентируют разные измерения смысла как наиболее существенные, так и третья группа подходов не противостоит ни первой, ни второй, но выделяет новое измерение, которое представители этих подходов рассматривают как наиболее существенное при анализе смысла. В каком-то смысле переходным звеном между подходами первых двух и третьей группы служит важная теоретическая статья Я.Смедслунда (*Smedslund, 1969*).

Смедслунд исходит из общего положения о том, что объективные стимульные ситуации обладают для субъектов индивидуально-

специфичным смыслом, который определяет характер реагирования на эти ситуации. Он считает, что отношение между стимульной ситуацией и смыслом не подчиняется каким-либо универсальным законам, поэтому предсказать смысл стимула по его характеристикам невозможно. Смысл связан лишь с активностью субъекта (*Smedslund*, 1969, р. 1—2). Смедслунд логически выделяет три вида смыслов действия X для индивида P в ситуации S в момент времени t . Прямой смысл X определяется набором всех утверждений, которые для P в S и в t эквивалентны утверждению, что произойдет X . Узкий смысл X определяется набором утверждений, которые для P логически следуют или исключаются при условии, что произойдет X . Наконец, полный смысл X определяется тем же плюс еще набором утверждений, вероятность истинности которых для P изменяется в результате X . Наряду с различием прямого, узкого и полного субъективного смысла событий, Смедслунд вводит другое, не менее важное различие. Он определяет прямой социальный смысл, узкий социальный смысл и полный социальный смысл действия X для общности Y в S и в t как соответственно часть прямого, узкого и полного смысла X , разделяемую всеми членами Y , т.е. общую для них (*там же*, р. 6). Поскольку социальные смыслы ограничены пределами данной конкретной общности, индивиду доступны лишь смыслы, принадлежащие общности, в которую он входит или входил ранее. Из этого следуют принципиальные ограничения возможностей межличностного познания, в частности, для психологов, поскольку общность смыслов является необходимым, хоть и не достаточным условием такого познания. «...Социальный смысл является единственным мостиком между личным миром наблюдателя и личным миром наблюдаемого» (*там же*, р. 7). Поэтому если психолог незнаком с социальными смыслами, присущими той общности, к которой принадлежит его клиент, то возможности взаимопонимания будут сильно ограничены.

Статья Смедслунда привлекла внимание к факту множественности смыслов действия, в результате чего встал вопрос о том, какие смыслы — социальные или личностные — должны стать предметом изучения психологов и социологов. Так, Г. Менцель (*Menzel*, 1978), убедительными примерами демонстрируя множественность смыслов одного и того же действия или ситуации даже для самого субъекта, приходит к выводу о том, что бессмысленно искать «истинный» смысл действия; продолжая исследование, можно открывать все новые и новые смыслы, и этот процесс бесконечен. Более того, он не считает, что решающим является смысл действия для самого субъекта, хоть он и немаловажен. Наиболее важным для научного исследования Менцель считает смысл изучаемого действия для

нас, для исследователей, т.е. для тех, кто поставил вопрос о смысле этого действия. Смыслы того же действия для субъекта и для других участников рассматриваемого процесса социального взаимодействия могут помочь нам ответить на этот вопрос, но сами по себе не столь существенны.

Противоположную позицию занимает Р.Ромметвейт (*Rommetveit*, 1980), обстоятельно критикующий представления Я.Смедслунда о социальном смысле. Ромметвейт считает поиск истинного социального смысла поступка столь же тщетным, как и поиск единственного буквального значения словесного текста. В отличие от Смедслунда, он считает, что индивидуальные смыслы конкретных действий и ситуаций пересекаются даже для членов одной социальной группы настолько незначительно, что их общий компонент сводится к трюизму. Решающая роль при оценке смысла действия принадлежит, согласно Ромметвейту, позиции самого субъекта, его собственной честной интроспективной оценке.

При всем различии изложенных позиций мы видим и то общее, что их объединяет: анализируемое действие помещается не просто в плоскость отношений субъекта с внешним миром, но в плоскость социальных взаимодействий, отношений с другими субъектами, которые также обладают способностью атрибутировать смысл своим и чужим действиям. Три развернутых подхода к анализу смысла под этим углом зрения сложились в 1970-е годы в английской психологии. Это концепция самообучающейся личности Л.Томас и Ш.Харри-Аугстайн (*Harri-Augstein*, *Thomas*, 1979; *Harri-Augstein*, 1978; 1985; *Thomas*, 1978; 1985) и группа методологически единых, хотя теоретически различающихся подходов, выступающих за новую социально ориентированную методологию познания личности, из которых проблема смысла наиболее разработана в этогеническом подходе Р.Харре (*Harregg*, 1974; 1977; 1978; 1979; 1982; 1983; *Hani*, *Clarke*, *DeCarlo*, 1985) и в социальной экологии Дж.Шоттера (*Shoter*, 1974; 1976; 1978; *Gauld*, *Shoter*, 1977).

Психолого-педагогическая концепция самообучающейся личности Ш. Харри-Аугстайн и Л.Томас, опираясь на теоретические положения теории личностных конструктов, делает акцент на социальной природе смыслов, которая не нашла отражения в работах самого Дж.Келли. Эта концепция также исходит из положения, что центральным для понимания человека и для познания людьми самих себя является истолкование личностных смыслов (*Thomas*, 1985, р. 238). Процесс обучения с позиций теории личностных конструктов рассматривается как конструирование новых смыслов и реконструирование уже существующих в направлении повышения их соответствия личным целям и реальным отношениям, в которые

вступает индивид (Thomas, 1978, р. 47). «Люди ищут смыслы. Созидание смыслов, процесс достижения личностного знания и есть обучение» (Harri-Augstein, Thomas, 1979, р. 119).

Однако смысл является не только личностным, но может также передаваться и обмениваться (Thomas, 1978, р. 50). Личностные смыслы — всегда часть более широкой системы. Реальным пространством, в котором существует личностный смысл, является пространство диалога (conversational space), переживаемое как контекст личностного смысла. «У него нет фиксированных измерений, оно возникает там, где имеются хотя бы две системы личностных смыслов. Оно задается экспрессивными формами, посредством которых происходит обмен этими смыслами. Именно характер взаимной соотнесенности этих двух систем личностных смыслов определяет мерность пространства и тем самым возможности распада или развития» (Harri-Augstein, Thomas, 1979, р. 128—129).

Взаимодействие смысловых систем, однако, не ограничивается ситуацией межличностного взаимодействия. Всевозможные объекты культуры «...отражают способы, которыми индивиды и группы пытались выразить и зафиксировать смысл... Эти объекты представляют собой хранилище наиболее мощных и устойчивых систем социальных смыслов данного общества, интеллектуальный фонд культуры» (Harri-Augstein, 1978, р. 87). Тем самым в центре внимания оказывается процесс взаимодействия индивидов с этим интеллектуальным фондом, служащий задаче конструирования индивидами личностно значимых и жизнеспособных смыслов, позволяющих им эффективно взаимодействовать с событиями, людьми и объектами, образующими их мир (*там же*).

К этому взаимодействию и обмену смыслами и сводится обучение как таковое, заполняющее всю жизнь человека. Однако эффективность этого непрерывного обучения требует обучения обучению, которое связано с развитием способности контролировать и перестраивать в определенные периоды жизни сами процессы конструирования смыслов (*там же*, р. 100—101). Обладающая такой способностью самообучающаяся личность, во-первых, обладает свободой взаимодействия со смысловой системой интеллектуального фонда культуры и воздействия на нее; во-вторых, конструирование новых смыслов выступает для нее не просто как приобретение нового знания, но и как процесс познания, ценный и обогащающий сам по себе, вне зависимости от результата (Harri-Augstein, 1985).

Формы, в которых может существовать смысл, разнообразны. Л.Томас (Thomas, 1985) иллюстрирует это идеей операционального невербального смысла (умение ездить на велосипеде); Ш.Харри-Аугстайн перечисляет ряд систем (кинестетическая, зрительная,

слуховая, тактильная и обонятельная сенсорные системы, символические системы), в которых может выражаться смысл в процессе межличностного взаимодействия. «Акцент, делаемый на каждую из этих форм в рамках целостной системы смысла, будет различаться, но каждая играет свою роль в процессе индивидуального конструирования» (*Harri-Augstein*, 1978).

Значительно более глубоко социальные корни смыслов человеческих действий раскрываются в теории социального поведения Р.Харре. Харре, в частности, рассматривает поведение человека как детерминированное системой функционирующих в данной культуре и в отдельных субкультурах правил, которые аналогичны грамматическим правилам, в соответствии с которыми строится речь. Ключевая роль принадлежит не внешним физическим характеристикам отдельных элементов и единиц поведения, а их социальным смыслам. «Именно между социальными смыслами устанавливаются социальные законы, если они есть, и именно из них строятся социальные структуры (patterns)» (*Harre*, 1977, р. 36). Социальные смыслы являются относительно универсальными, независимыми от конкретной культуры, в отличие от специфических физически описываемых систем, служащих для выражения этих смыслов в каждой отдельной культуре, например, жестов. Функцию выражения смыслов в принципе может выполнять любая система физически различаемых состояний; при этом от самой этой системы зависит сравнительно мало (*там же*, р. 37—38).

В анализе конкретного социального взаимодействия Харре исходит из положения, что само действие как психологическая реальность конституируется смыслом, которым субъект наделяет поведенческую структуру, и который может быть понят остальными участниками взаимодействия; социальные действия социальны постольку, поскольку они осмыслены (*Haagё*, 1974; 1978). Харре выделяет курсивом как общий принцип то положение, что люди стремятся, помимо всего остального, придать смысл своему социальному опыту (*Haagё*, 1974, р. 256); придавая смысл своему действию, человек тем самым относится к другому как к человеку; тем самым это отношение становится социальным (*там же*, р. 255).

В потоке поведения Харре выделяет такие единицы анализа, как действия (преднамеренные последовательности движений, словесная реплика, экспрессивные проявления) и поступки (acts) — действия, рассматриваемые под углом зрения их социального смысла. Поступки приобретают социальный смысл благодаря своей включенности в более широкий социальный контекст; смысл же отдельных элементов поведенческой цепочки определяется их местом в этой цепи. «Так, например, понимание социального смысла

улыбки требует не только феноменологического различения между одной улыбкой и другой, но и знания различных поведенческих цепочек, в контексте которых улыбка данного типа уместна, и тех, в которых она выглядела бы странной» (Haggē, 1978, p. 49). Наряду с окружением, «сценой», задающей социальный контекст действия, Харре выделяет в качестве детерминант социального смысла интенции субъекта; действия строятся не только под влиянием социокультурных шаблонов, большую роль играет также содержание и «социо-грамматика» процессов оценивания (accounts), служащих для выделения смысла действия и коррекции и стабилизации непрерывного потока межличностного взаимодействия посредством реинтерпретации или исправления ошибок и неудач (Haggē, 1976; 1978; 1979).

Харре выделяет пять иерархических уровней смыслов, присутствующих в социальных взаимодействиях. Низший уровень задается самым преднамеренным действием, второй — реализацией преднамеренного поступка, третий — его косвенным эффектом, четвертый — преднамеренными будущими последствиями поступка и пятый, «герменевтический» уровень связан с выходом за пределы практических эффектов поступка и приобретает смысл лишь в плоскости анализа экспрессивного плана действия¹³. Именно экспрессивный аспект, а не практический, определяет скрытую значимость действия, его уже не социальный, а личностный смысл, хотя последний и не может существовать иначе как соотносясь с системой социальных смыслов (Haggē, 1982). Именно личностные смыслы, производные от социальных, во многом определяют уникальность психики каждого индивида (Haggē, 1983, p. 281). Они представляют собой фактически метафорическую переработку социальных семиотических систем (Haggē, 1982, p. 21). В качестве основного детерминанта личностных смыслов указывается экспрессивный аспект жизненного пути личности, обозначаемый понятием «моральная карьера» (Haggē, 1979, p. 33-34).

В качестве одной из основных задач этогенический анализ Харре ставит понимание смысла человеческих действий и их элементов, опираясь во многом на здравый смысл и житейские представления (Haggē, 1978). По проблеме смысла проходит граница между социальной и личностной психологией. «В социальной психологии интенции субъекта имеют значение лишь постольку, поскольку они понятны... В личностной психологии важны интенции субъекта и их отношение к его или ее системе убеждений, и уже независимо от

¹³ Подробно о разведении практического экспрессивного плана действия см. Haggē, 1979, гл. 1.

этого — их истолкование интерпретатором и его убеждения» (*Haagë, Clarke, DeCarlo, 1985, p. 105*). Под этим углом зрения теория Харре предстает как социально-психологическая, уделяющая лишь относительно небольшое внимание собственно личностным аспектам действия. Личностные аспекты действия получили более полное раскрытие в теории Дж.Шоттера, принадлежащей к тому же общему методологическому направлению.

Теоретические основания, на которые опирается эта теория при анализе смыслов человеческих действий, изложены в книге А.Голда и Дж.Шоттера «Человеческое действие» (*Gauld, Shotter, 1977*). Критикуя господствующие механистические подходы к объяснению действия, авторы противопоставляют им «герменевтический» подход, направленный на раскрытие смыслов действий для субъекта. Как правило, эти смыслы очевидны, однако не всегда. Есть действия, смысл которых неясен и самому субъекту. Задача психолога — пролить свет на смысл этих действий.

Смысл текста для его автора или действия для его субъекта можно понять, согласно Голду и Шоттеру, лишь зная, как он видит мир и свое место в нем, поскольку смысл действиям придает их локализация в некой «более широкой схеме вещей» (*там же, p. 5*). «Для того, чтобы понять "смысл" чьих-то действий, почему он сделал то, что он сделал, необходимо составить представление об его актуальных взглядах на мир и на текущую ситуацию, а также о моральных и социальных правилах, регулирующих его поведение» (*там же, p. 89*). Помимо этого необходимого «фона», Голд и Шоттер считают неизбежным использование телеологических понятий, объясняя смысл действий субъекта на языке его целей, намерений и мотивов. Герменевтическая интерпретация смыслов действий, по Голду и Шоттеру, не может быть проверена традиционными методами наблюдения и эксперимента и не относится к научным данным в традиционном их понимании.

Шоттер подчеркивает, что смысл следует понимать «как глагол, а не как существительное» (*Shotter, 1978, p. 46*). Действия, обладающие смыслом, тем самым включают в себя или указывают на другие действия, будучи логической частью которых, они сами выступают как действия. Смысл данного действия, по Шоттеру, состоит из двух компонентов: один определяется действиями, являющимися логическими следствиями данного, другой, напротив, предшествовавшими действиями, логическим следствием которых является данное рассматриваемое действие (*Ginsburg, 1980, p. 339*). Тем самым смыслы действий указывают на направление развертывания поведения из прошлого в будущее (*Shotter, 1978, p. 76*). «Интерпретируя смысл ситуации для человека, необходимо оценить, что ситуация значит для

его поведения в будущем. Любой навык предполагает понимание того, как использовать орудия для достижения своей цели; необходимо понимать смысл того, что ты делаешь, как это связано с тем, что уже сделано, и что вытекающее из этого еще требуется доделать» (Shotter, 1975, p.66).

Шоттер уделяет особое внимание онтогенезу способности придавать смысл своим действиям, делать их понятными для других, с тем чтобы координировать свои действия с действиями других людей и делать тем самым возможным социальное взаимодействие. Эту способность Шоттер рассматривает как специфический практический навык, приобретаемый путем научения в раннем возрасте (Shotter, 1975; 1976; 1978). Ключевая роль в этом процессе принадлежит матери, точнее, процессам взаимодействия в неразделимой психологической целостности ребенок—мать. «Задача матери — так реагировать на то, что он делает, чтобы придавать его действиям смысл» (Shotter, 1975, p. 100). Именно интерпретация матерью действий ребенка в терминах смыслов (которая сама во многом определена непосредственным поведенческим контекстом) определяет соответствующую интерпретацию своих действий самим ребенком (Shotter, 1975; 1978); можно сказать, что на ранних стадиях онтогенеза осмысление ребенком своего поведения развивается по известному механизму «самоосуществляющегося пророчества». В более старшем возрасте эта зависимость от материнской интерпретации исчезает, обучение превращается в самообучение и смысл некоторых действий ребенка коренится теперь уже в стремлении расширить поле смыслов своих действий, развивать способность к осмысленным действиям (Gauld, Shotter, 1977, p. 213-214).

Общее развитие этой способности идет в направлении «прогрессивной рационализации действия» (Shotter, 1978, p. 43). Автономная личность, способная сама определять направленность своего поведения и нести ответственность за свои действия, характеризуется способностью действовать произвольно и осмысленно, в том числе и с точки зрения других, но при этом не завися от них (Shotter, 1974; 1976; 1978). По Шоттеру, чтобы быть самим собой, человеку нужен другой, мне нужен ты — чтобы видеть, что мои движения отзываются в тебе, чтобы быть уверенным, что мои действия имеют смысл (Shotter, 1975, p. ПО). В этом пункте вновь происходит соприкосновение личной и социальной действительности. «Идея интерсубъективности, понятие об общих системах представлений и их следствиях, придающих смысл всему, что происходит в обществе, становится центральным понятием любой науки о сознании» (Shotter, 1975, p. 41). Согласно позиции Шоттера, социальные миры суть совместные продукты взаимодействия индивидов

и, в частности, общих смыслов, создаваемых в этом взаимодействии. «Чтобы понять действие, необходимо понять личный и социальный миры, в которых это действие осуществляется и имеет смысл... Оно не существует независимо от них» (*Ginsburg, 1980, p. 324*). В одной из работ Шоттер идет еще дальше, связывая смысл человеческого действия с его ролью в реализации общекультурных целей (*Shotter, 1974, p. 61*).

В заключение этого раздела мы воспользуемся для обобщения подходов Р.Харре и Дж.Шоттера уже цитировавшейся обзорной статьей Дж.Гинзбурга (*Ginsburg, 1980*), которая содержит и развитие указанных подходов. Гинзбург критикует подходы Харре и Шоттера, а также Р.Ромметвейта, за опору исключительно на языковые смыслы, считая это неоправданным ограничением, и формулирует обобщенную модель социального действия так:

«Действия обладают смыслом, и для того, чтобы взаимодействие сопровождалось пониманием, смыслы действий должны стать общими для участников взаимодействия, хотя и не обязательно полностью...

Процесс взаимодействия имманентно включает в себя активное формирование временной и как правило лишь частично общей для всех схемы социальной действительности... Формирование схемы ... может включать обмен смыслами между участниками взаимодействия. Эта общая схема как динамическое пересечение смыслов является продуктом совместного действия и не может быть объяснена или понята в категориях любого отдельно взятого участника... Обмен смыслов может быть осуществлен и ретроактивно. Действительно, принимая во внимание ветвящийся характер человеческих действий, смысл любого действия может быть всегда изменен последующим включением этого действия в новый, более общий акт» (*Ginsburg, 1980, p. 338*).

* * *

Попытаемся теперь сделать некоторое обобщение всех рассмотренных подходов к проблеме смысла в зарубежной психологии личности. Сложность этой задачи обусловлена тем, что представления о смысле во всех рассмотренных подходах разрабатывались независимо друг от друга, если не считать некоторых отдельных эксплицитных связей и влияний: Левин — Толмен — Левин; Левин — Нюттен; Фрейд — Нюттен; Фрейд — Клейн — Петерфройнд; Келли — Магнуссон; Харре — Шоттер. Сравнительно недавно исследователи стали рефлексировать многозначность понятия «смысл». «С замечательной ясностью обнаружилось, что слово "смысл"

(meaning) относится к такому количеству разных понятий, конструкторов, функциональных систем, процессов и областей "опыта", что требуется сноровка горной козы, чтобы скакать с одного уровня на другой» (*Creelman*, 1966, р. 209). Автор основанного на идее смыслообразования подхода к психотерапии М.Б.Карлсен характеризует смысл как «...процесс и идеал, структуру и последовательность, возможность и ограничение, достижение и намерение, существительное и глагол, формирующиеся и трансформирующиеся на протяжении всех стадий жизни взрослого человека» (*Carlsen*, 1988, р. 5). Она различает три взгляда на смысл: под углом зрения частей, процесса и целого, отмечая искусственность этого разделения, которое, однако, полезно для лучшего понимания. Основной характеристикой смысла является указание на его источник. В понятие смысла М.Б.Карлсен включает системы всех уровней абстракции, отмечая теснейшую связь смыслообразования с аффективными процессами. В общем, в это понятие входит почти все. «Смысл как существительное включает элементы конструкторов, систем слов, когнитивные схемы, матрицы убеждений, ориентировочные механизмы, паттерны значимости... Предикативные качества смысла — процесс, движение, рост, намерение, эволюция личностных синергии, рост и развитие "от—к"... Таким образом, "смысл" есть одновременно *смысл и осмысление, интенция и интендирование, существо и существование*» (там же, р. 23).

В таблице 1 представлена схема членения и изложения нами рассмотренных подходов, которая поможет более объемно, но при этом структурированно представить весь спектр имеющихся подходов к проблеме смысла в зарубежной психологии личности. Напомним, что после работ К.Г.Юнга и А.Адлера проблема смысла разрабатывалась в двух независимых направлениях: первое трактовало смысл как высшую интегративную основу личности, второе — как структурный элемент сознания и деятельности. Каждое из этих направлений мы, в свою очередь, подразделили еще на три группы: первое — в соответствии с членением Э.Вайскопф-Джолсон (*Weisskopf-Joelson*, 1968), и второе — согласно критериям, предложенным Л.Томас (*Thomas*, 1985).

При взгляде на таблицу видно, что эти дальнейшие подразделения каждого из направлений оказались тесно взаимосвязанными между собой, изоморфными, сводимыми к одному основанию. Если основанием для первого разделения всех подходов на два направления служит роль или функция, приписываемая смыслу в деятельности личности, то вторым основанием выступает та реальность, в которой существует смысл, та система отношений, которая порождает смысл как психологическую реальность. В первом случае это объек-

Таблица 1

Логическая классификация подходов
к проблеме смысла в зарубежной психологии

Функциональная характеристика	Высшая интегративная основа личности	Структурный элемент сознания и деятельности
Онтологическая характеристика		
Феномен объективной действительности	Жизненная задача, объективное требование жизни (Франкл)	Побуждение к деятельности со стороны внешних предметов (Левин, Толмен, Нюттен, Мэй)
Феномен субъективной действительности	Интерпретация мира и жизни в целом (Ройс), способ упорядочивания сознания (Чиксентмихали)	Интерпретация и понимание конкретных ситуаций (Келли, Магнуссон, Петерфройнд, Этвуд и Столоров)
Феномен интерсубъективных взаимодействий (в т.ч. через фиксацию в предметах культуры)	Связующее звено между личностью и социокультурной действительностью (Феникс)	Единица межличностного взаимодействия (Томас и Харри-Аугстайн, Харре, Шоттер)

тивная действительность, объективные отношения, мир, независимый от его отражения субъектом. Во втором случае это субъективная действительность, внутренний мир, данный субъекту в его отражении. И в третьем случае это интерсубъектное пространство, социальные и межличностные отношения, социальная действительность, существующая независимо от сознания каждого индивида в отдельности, однако обусловленная уникальной совокупной практикой данного конкретного социума, лишь для членов которого она выступает как объективная и неизменная. Тем самым мы можем от исторической схемы перейти к логической, в которой шесть логических определений смысла образуются пересечением трех возможных онтологических его характеристик и двух возможных функциональных характеристик. Наше убеждение в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности этих шести логических определений, рассматривавшихся ранее как альтернативные, будет обосновано в последующих главах. Сейчас мы попытаемся лишь выделить в описанных подходах

относительно инвариантные положения, повторяющиеся независимо друг от друга в разных концепциях, ориентирующих на разные логические определения смысла.

Во-первых, отметим такие характеристики смысла, как его *связь со значимостью для субъекта определенных объектов, явлений, действий* и событий и его *индивидуальную неповторимость*. Первый момент особенно подчеркивается у З.Фрейда, В.Франкла, Дж.Ройса, Ф.Феникса, С.Мадди, Дж.Бьюдженталя, Ж.Нюттена, Дж.Келли, Э.Петерфройнда. Второй отмечают почти все; особый акцент на него делают А.Адлер, В.Франки, Дж.Ройс, Дж.Келли, Э.Петерфройнд, Ю.Джендлин, Р.Роммтвейт, Л.Томас и Ш.Харри-Аугстайн, А.Голд и Дж.Шоттер.

По вопросу о том, что именно придает смысл конкретным объектам, явлениям и действиям, единодушие не столь велико, но все же заметно. Вместе с тем такое наиболее общее положение, как *обусловленность смысла предмета или действия его местом в более широком контексте* объединяет Ж.Нюттена, Ф.Франзеллу, Л.Нистедта, Э.Петерфройнда, Р.Харре, А.Голда и Дж.Шоттера. На *отношение между субъектом и миром* как на детерминант смысла указывают А.Адлер, Дж.Ройс, Дж.Бьюдженталь, Ж.Нюттен, А.Голд и Дж.Шоттер. *Потребности, мотивы и интенции субъекта* рассматривают как *источники смысла* З.Фрейд, А.Адлер, К.Левин, Э.Толмен, Ж.Нюттен, Р.Мэй, Э.Петерфройнд, Р.Харре, А.Голд и Дж.Шоттер. *Зависимость смысла от когнитивных процессов переработки информации и построения образа мира* отмечают Дж.Ройс, С.Мадди, Э.Толмен, Э.Бош, Ж.Нюттен, Дж.Келли, Л.Нистедт, Э.Петерфройнд, Ю.Джендлин, Р.Харре. *Обусловленность смыслов уникальным опытом и биографией субъекта* отмечают З.Фрейд, А.Адлер, Дж.Клейн, Д.Магнуссон, Э.Петерфройнд, Л.Томас и Ш.Харри-Аугстайн, Р.Харре, причем З.Фрейд, Дж.Клейн и Э.Петерфройнд придают особое значение аффективным переживаниям раннего детства. *Роль активности самого субъекта* в порождении смыслов особенно подчеркивают В.Франкл, М.Чиксентмихали, С.Мадди, Дж.Бьюдженталь, Дж.Келли, Л.Томас и Ш.Харри-Аугстайн, Дж.Шоттер. *Социокультурную детерминацию смыслов* отмечают К.Г.Юнг, М.Чиксентмихали, Ф.Феникс, Р.Мэй, Я.Смедслунд, Л.Томас и Ш.Харри-Аугстайн, Р.Харре, причем особую *роль обучения и самообучения* в порождении смыслов отмечают Ф.Феникс, Л.Томас и Ш.Харри-Аугстайн, а также Дж.Шоттер; К.Левин указывает на влияние других людей на порождение смыслов (валентностей) в виде приказа, запрета или примера.

Взгляды разных авторов на характер влияния смысла на сознание и деятельность отличаются меньшей разработанностью и

меньшим разнообразием. Сам факт того, что *поведение определяется смыслами ситуаций, предметов и явлений*, отмечают А.Адлер, В.Франкл, С.Мадди, К.Левин, Э.Толмен, Ж.Нюттен, Н.Эндлер и Д.Магнуссон, Я.Смедслунд, Л.Томас и Ш.Харри-Аугстайн, Р.Харре, причем В.Франкл и С.Мадди подчеркивают, что без смысла невозможна никакая активность вообще, отсутствие смысла приводит к заболеванию. *Влияние смысла на протекание познавательных процессов* отмечают А.Адлер, К.Левин, Ю.Джендлин. А.Адлер, В.Франкл и Дж.Шоттер связывают со смыслами *способность человека к самодетерминации*.

Среди представлений разных авторов о внутреннем строении и динамике смыслов трудно выделить общие положения, за исключением идеи *ситуативной изменчивости смысла и зависимости его от актуального состояния субъекта* (К.Левин, Л.Нистедт, Э.Петерфройнд) и подчеркивания того, что *смысл не всегда понятийно репрезентирован, не всегда осознан и не всегда может быть четко выражен доступными средствами* (З.Фрейд, А.Адлер, В.Франкл, Л.Томас и Ш.Харри-Аугстайн, Дж.Гинзбург). Среди попыток классификаций смысловых образований повторяется лишь классификация по основанию индивидуальные—общие (т.е. разделяемые другими) смыслы — у А.Адлера, В.Франкла и Я.Смедслунда.

Повторяющиеся в различных разрабатывавшихся независимо друг от друга подходах положения о природе смысла свидетельствуют о том, что смысловая проблематика отнюдь не является изобретением или внутренним делом лишь одной научной школы. Напротив, вся совокупность рассмотренных в очерке подходов убеждает в том, что *смысл является особой психологической реальностью, игнорируя которую или сводя ее к другим (например, эмоциональным) явлениям, невозможно построить достаточно полную теорию ни личности, ни сознания, ни деятельности*.

1.3. ПОНИМАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ СМЫСЛА В ДЕЯТЕЛЬНОСТНОМ ПОДХОДЕ

В отечественной психологической традиции мы обнаруживаем понятие смысла в работах Л.С.Выготского 1930-х годов. Введя это понятие в своих поздних работах (в частности, в седьмой главе «Мышления и речи») в контексте анализа сознания, Выготский, впрочем, еще сохраняет семантическую его трактовку, используя применительно лишь к вербальным, словесным смыслам. Однако

уже в первых (как и во всех последующих) работах А.Н.Леонтьева, посвященных проблеме смысла, это понятие трактуется совершенно иначе. Оно десемантизировано, вынесено за пределы контекста речевого мышления и вообще сознания в плоскость дорефлексивных практических отношений субъекта с миром, в плоскость его реальной жизнедеятельности. Поэтому мы начнем наш исторический обзор с работ Л.С.Выготского и попытаемся проследить как изменение содержания этого понятия по мере его дальнейшей разработки в русле деятельностного подхода, так и пути его дифференциации, включая перспективы разработки на этой основе адекватного концептуального аппарата для построения общепсихологической теории смысла.

Выготский вводит понятие смысла в виде оппозиции «смысл-значение», ставшей уже в современной ему лингвистике почти классической. Вводя эту оппозицию, он ссылается на французского психолога Ф.Полана и, по сути, принимает его положения. «Смысл слова, как показал Полан, представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову... Значение есть только одна из зон того смысла, который приобретает слово в контексте какой-либо речи... Это значение является только камнем в здании смысла» (*Выготский*, 1934, с. 305). Смысл слова, по Полану, определяется тем целым, частью которого он является, то есть фразой, которая, в свою очередь, приобретает смысл в контексте абзаца и т.д. до бесконечности. Соответственно, смысл слова неисчерпаем.

Выготский анализирует соотношение значения и смысла в разных видах речи, выделяя, в частности, такой своеобразный феномен, как влияние смыслов: «Смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга, так что предшествующие как бы содержатся в последующем или его модифицируют... Такие слова, как Дон Кихот и Гамлет, Евгений Онегин и Анна Каренина выражают этот закон влияния смысла в наиболее чистом виде. Здесь в одном слове реально содержится смысловое содержание целого произведения» (*там же*, с. 308). В этом своем анализе Выготский остается в рамках психолингвистического понимания смысла, однако уже здесь он делает важный шаг на пути к расширению такого понимания, подчеркивая в качестве главной заслуги Полана то, что последний сумел показать относительную независимость смысла и слова. «Смысл так же может быть отделен от выражающего его слова, как легко может быть фиксирован в каком-либо другом слове... Смысл отделяется от слова и таким образом сохраняется. Но если слово может существовать без смысла, смысл в одинаковой мере может существовать без слова» (*там же*, с. 306).

Таким образом, хотя в «Мышлении и речи» определены достаточно конкретные задачи, а именно задачи анализа структуры и динамики речевого мышления, анализ Выготским проблемы смысла (хотя, конечно, не только он) выводит его в более широкий контекст — в контекст проблемы строения человеческого сознания. «Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» (*там же*, с. 318) — этой фразой заканчивается книга «Мышление и речь». Более общие положения Выготский выдвигает в 1933—1934 годах в дискуссиях по проблеме сознания со своими учениками: «Сознание в целом имеет смысловое строение. Мы судим о сознании в зависимости от смыслового строения сознания, ибо смысл, строение сознания — отношение к внешнему миру... Смыслообразующая деятельность значений приводит к определенному смысловому строению самого сознания» (*Выготский*, 1982, с. 165).

Тем не менее, практически все тексты Л.С.Выготского, в которых он говорит о смысле, могут быть прочитаны сегодня двояким образом. В них можно усмотреть, по желанию исследователя, или новое содержание, вкладываемое Выготским в это понятие, или традиционное употребление слова «смысл» как синонима слова «значение». Мы ранее исходили из первой интерпретации, пытаясь увидеть в этих мыслях Л.С.Выготского корни концепции личностного смысла, развернутой А.Н.Леонтьевым менее чем десятилетие спустя. Но обнаруженная И.В.Равич-Щербо в 1997 году в архивах РАО неизвестная ранее рукопись А.Н.Леонтьева (1937/1998) заставила нас пересмотреть это мнение. Из нее видно, что истоки понятия смысла, введенного А.Н.Леонтьевым, действительно обнаруживаются у Выготского, однако отнюдь не в понятии смысла, а в другом понятии — понятии переживания.

Переживание Выготский рассматривает как единицу изучения личности и среды в их единстве. «Переживание ребенка... есть такая простейшая единица, относительно которой нельзя сказать, что она собой представляет — средовое влияние на ребенка или особенность самого ребенка; переживание и есть единица личности и среды, как оно представлено в развитии... Переживание надо понимать как внутреннее отношение ребенка как человека к тому или иному моменту действительности. Всякое переживание есть всегда переживание чего-нибудь. Нет переживания, которое не было бы переживанием чего-нибудь... Но всякое переживание есть мое переживание... Переживание имеет биосоциальную ориентировку, оно есть что-то, находящееся между личностью и средой, означающее отношение личности к среде, показывающее, чем данный момент среды является для личности. Переживание является определяющим с точки зрения того, как тот или иной момент среды влияет

на развитие ребенка... В переживании, следовательно, дана, с одной стороны, среда в ее отношении ко мне, в том, как я переживаю эту среду; с другой — сказываются особенности развития моей личности. В моем переживании сказывается то, в какой мере все мои свойства, как они сложились в ходе развития, участвуют здесь в определенную минуту. Если дать некоторое общее формальное положение, было бы правильно сказать, что среда определяет развитие ребенка через переживание среды... Отношение ребенка к среде и среды к ребенку дается через переживание и деятельность самого ребенка; силы среды приобретают направляющее значение благодаря переживанию ребенка. Это обязывает к глубокому внутреннему анализу переживаний ребенка, т.е. к изучению среды, которое переносится в значительной степени внутрь самого ребенка, а не сводится к изучению внешней обстановки его жизни» (Выготский, 1984, с. 382-383).

Комментируя эти положения, А.Н.Леонтьев (1937/1998) пишет: «Введение Л.С.Выготским понятия переживания скорее запутывает, чем решает здесь вопрос, так как для того, чтобы раскрыть в психологии действительное единство человеческой личности, нам нужно решительно отказаться от рассмотрения человека как субъекта переживания *par excellence*. Переживание, будучи вторичным и произвольным фактом, как раз не определяется **прямо и непосредственно** ни физиологическими свойствами субъекта, ни свойствами самого предмета переживания. То, как я переживаю данный предмет, в действительности определено содержанием моего отношения к этому предмету, или, точнее говоря, содержанием моей деятельности, осуществляющей это отношение; именно в этом содержании и снимаются собственно физиологические закономерности. Следовательно, только рассматривая человека как субъекта деятельности, мы сможем раскрыть конкретное единство физиологического и психологического, "внутреннего" и "внешнего" в его личности.

В непосредственной связи с этим стоит и второй центральный вопрос: можем ли мы рассматривать переживания в качестве исходного психологического факта и в том смысле, что именно переживание определяет меру и характер воздействия на субъекта данной ситуации или, вообще говоря, данного предмета действительности? Мы утверждаем, что нет. Ведь то, как выступает данный предмет в переживании, само определяется деятельностью субъекта по отношению к этому предмету. Переживание действительно выступает в каждом конкретном акте человеческой деятельности, но оно не есть ни сама эта деятельность, ни ее причина, ибо прежде чем стать причиной, она сама является следствием. В переживании, в этом

своеобразном состоянии субъекта, с которым он вступает в то или иное отношение к действительности, лишь кристаллизована его прошлая деятельность, подобно тому, как она кристаллизована и в любом функциональном состоянии органов его действия, — в наметанности глаза, в привычном движении руки, в работающем аппарате мысли. Напуганный фантастическими рассказами ребенок испытывает страх в темной комнате; можно сказать, что он "переживает" комнату не как обычную для него обстановку, не как свою комнату, но как нечто чуждое, таинственное, пугающее. Это переживание ребенка является действительно той призмой, через которую преломляется для него в данный момент вся ситуация темной комнаты, но оно, как всякое переживание, само является неустойчивым и трансформирующимся под влиянием своего противоречия с объективными свойствами данной ситуации, которые реально выступают в деятельности субъекта. В этой диалектике взаимопереходов переживания и деятельности **ведущей** является деятельность. Значит, влияние внешней ситуации, как и вообще влияние среды, определяется всякий раз не самой средой и не субъектом, взятым в их абстрактном, внешнем отношении друг к другу, **но и не переживанием** субъекта, а именно содержанием его деятельности. В деятельности, а не в переживании осуществляется, следовательно, действительное единство субъекта и его действительности, личности и среды» (*Леонтьев А.Н.*, 1937/1988, с. 123—124)

Основное расхождение между трактовкой переживания у Выготского и Леонтьева заключается, как мы видим из двух приведенных отрывков, в том, что Леонтьев вводит деятельность как необходимое опосредующее звено, обуславливающее качественную определенность переживания. Но в данном контексте для нас главное не это, а то, что, заменив слово «переживание» в вышеприведенных текстах и Л.С.Выготского и, особенно, А.Н.Леонтьева, словом «смысл», мы получаем концепцию смысла, очень близкую к той, которую мы действительно находим в работах А.Н.Леонтьева, написанных в предвоенные годы. По-видимому, именно такая замена и произошла; налицо все основания рассматривать понятие переживания в вышеприведенных трактовках как непосредственный источник и предшественник понятия смысла. Приведем одну фразу, в которой взаимосвязь переживания и смысла эксплицирована: «Формы переживания суть формы отражения *отношения субъекта к мотиву*, формы переживания *смысла деятельности*» (*Леонтьев А.Н.*, 1994, с. 48-49)

Собственно понятие смысла А.Н.Леонтьев вводит в своей докторской диссертации «Развитие психики» и в писавшихся параллельно «Методологических тетрадах» (см. *Леонтьев А.Н.*, 1994),

причем у него это понятие изначально характеризует реальные жизненные отношения как человека, так и животного. «Смысл выступает в сознании человека как то, что непосредственно отражает и несет в себе его собственные жизненные отношения» (Леонтьев А.Н., 1977, с. 278). «Смысл в нашем понимании есть всегда смысл *чего-то* и для *кого-то*, — смысл определенных воздействий, фактов, явлений объективной действительности для конкретного, живущего в этой действительности субъекта» (Леонтьев А.Н., 1994, с. 96). Тем самым проблема смысла была вынесена из плоскости сознания в плоскость порождающих это сознание реальных жизненных отношений субъекта.

«Проблему смысла надлежит ставить исторически, — писал А.Н.Леонтьев. — Понятие смысла означает *отношение*, возникающее вместе с возникновением той формы жизни, которая необходимо связана с психическим отражением действительности, т.е. вместе с психикой. Это и есть *специфическое* для этой формы жизни отношение. Осмысленная, т.е. подчиняющаяся этому отношению деятельность *и есть* деятельность психическая. ...Это есть деятельность, посредствованная отражением воздействующих свойств действительности, объективно связанных с теми свойствами действительности, которые непосредственно определяют жизнь, существование. Объективное отношение этих свойств, подчиняющее себе, *определяющее* деятельность субъекта, и вместе с тем *выступающее* и возникающее в ней и есть отношение *смысла*, есть *смысл*. Смысл есть, следовательно, не категория самой действительности, взятой абстрактно, отвлеченно от субъекта, но и не категория чисто субъективная. Это есть субъективно-объективная категория» (Леонтьев А.Н., 1994, с. 207-208).

В качестве одной из основных черт смысла А.Н.Леонтьев отмечает его неустойчивость, подверженность изменениям. Многочисленные факты позволили ему прийти к заключению о том, что динамика смысла обусловлена динамикой деятельности субъекта. «Смысл принадлежит не предмету, а деятельности. Лишь в деятельности предмет выступает как смысл» (там же, с. 167). «Смысловые связи — это те связи, которые не осуществляют деятельность, а осуществляются ею. Процесс их образования и есть тот чрезвычайный процесс, в результате которого возникает психологическое содержание поведения» (там же, с. 101). Тем самым было введено отсутствовавшее у Выготского необходимое звено между объективным отношением между субъектом и условиями его существования, с одной стороны, и, с другой стороны, пассивно отражающим это объективное отношение сознанием. Смысл сам по себе не может связать сознание с внешним миром; реально эту функцию выпол-

няет деятельность, которая хоть и направляется смыслом, однако осуществляется реально в столкновении с предметом в его объективных и устойчивых свойствах и изменяется в соответствии с реальным предметом и реальными свойствами (*там же*, с. 110).

Понятие смысла изначально оказалось введено в контексте зоопсихологии и эволюционной психологии. Различая смысловые механизмы у животных и у человека, А.Н.Леонтьев использовал для обозначения первых понятие «инстинктивный смысл» (впоследствии «биологический смысл»), а для вторых — «сознательный смысл» (впоследствии «личностный смысл»). Но различие между ними заключается отнюдь не только в терминах. Задача генетического исследования, по А.Н.Леонтьеву, состоит в том, чтобы показать развитие и трансформацию *смысла деятельности*. На низших ступенях развития психики животных это всегда смысл отдельных воздействующих свойств, у более развитых животных — смысл отдельных предметов; на еще более высокой стадии — смысл межпредметных связей, смысл ситуаций. Вместе с тем есть и инвариантные особенности инстинктивных смыслов животных, отличающие их от человеческих. «Главная, весьма общая характеристика инстинктивного смысла — 1: *его неконстантность*: для пресыщенного животного пища утрачивает смысл пищи, для животного весной и летом особи противоположного пола имеют различный смысл... 2: для животного не все имеет смысл [ср. Гельб: "для человека даже бессмысленное имеет смысл — бессмысленного"]» (*там же*, с. 208)

У человека биологический, инстинктивный смысл превращается в смысл сознательный. Но это превращение имеет непрямой характер. Оно опосредовано возникновением феномена общественного сознания и его элементов — значений, не имеющих аналогов в животном мире. «Значение есть категория *общественного* сознания... оно, отражая отношение предмета не к индивиду, но к коллективу, отражает устойчивое *в предмете* и устойчивое в потребности субъекта, теперь человеческой, т.е. общественной его *потребности*. Субъект здесь = коллектив.

Смысл выступает теперь как смысл для коллектива и лишь тем самым и для субъекта: он осознается. ...Прямые инстинктивные биологические связи с природой сосуществуют, не могут не сосуществовать некоторый период с отношениями к природе, уже ставшими общественными. Сосуществуют инстинктивные смыслы и общественные значения.

Возникновение в ходе развития общественных отношений сознания "Я" и есть возникновение *сознательного смысла*. Первичное значение раздваивается: появляется отношение смысл—значение. Смысл и есть "для меня значение" \ ...Так возникает *мое обществен-*

ное сознание, возникает общественный предмет, предмет *моего общественного сознания*» (там же, с. 209).

Понятие смысла в работах А.Н.Леонтьева практически с самого начала вошло в систему основных понятий складывающейся теории деятельности. Один из первых вариантов деятельности трактовки смысла в контексте других понятий теории содержится в недавно опубликованных тезисах А.Н.Леонтьева, относящихся к 1940 году. «Предмет действия, — пишет А.Н.Леонтьев, — выступает для субъекта всегда в определенном отношении к мотиву... Это сознаваемое отношение предмета действия к его мотиву и есть *смысл действия*; форма переживания (сознавания) смысла действия есть сознание его *цели*. (Поэтому предмет, имеющий для меня смысл, есть предмет, выступающий как предмет возможного целенаправленного действия; действие, имеющее для меня смысл, есть, соответственно, действие, возможное по отношению к той или иной цели).

Изменение смысла действия есть всегда изменение его мотивации» (там же, с. 49).

Начиная с этого времени понятие смысла прочно становится одним из ключевых объяснительных понятий психологической теории деятельности. Для того чтобы проследить его дальнейшее развитие, целесообразно, на наш взгляд, разграничить три аспекта рассмотрения смысла: структурный, генетический и функциональный. Структурный аспект включает в себя представления о месте личностного смысла в структуре деятельности, сознания и личности, соотношении его с другими психологическими образованиями, а также уточнение определения самого понятия и его дифференциацию. Генетический аспект охватывает выявление закономерностей, факторов и детерминант порождения смысла, процессов и механизмов, лежащих в основе его формирования, развития и изменения. Функциональный аспект рассмотрения смысла отражает представления о месте и роли смысла в процессах сознания и деятельности, о влиянии его на протекание деятельности и на особенности психических процессов. Мы проследим развитие этих линий до середины 1970-х годов, когда понятие личностного смысла перестало быть единственным, описывающим смысловую реальность.

Обратимся вначале к генетической линии исследований. Основные положения, касающиеся порождения смыслов, были сформулированы в цикле статей А.Н.Леонтьева 1940-х годов, посвященных проблеме развития психики ребенка (Леонтьев А.Н., 1947; 1948; 1959). В этих работах последовательно проводится мысль о том, что конечным источником смысла выступают реальные жизненные

отношения, в которые включен субъект; непосредственным же смыслообразующим фактором выступает мотив деятельности. «Вопрос о смысле есть всегда вопрос о мотиве» (*Леонтьев А.Н.*, 1947, с. 28). Одно и то же действие, входя в разные деятельности, то есть будучи мотивировано разными мотивами, приобретает разный смысл. «По своему объективному содержанию действие может остаться почти тем же самым, но если оно приобрело новый мотив, то психологически оно стало уже иным. Оно иначе протекает, иначе развивается, ведет к совсем другим, субъективно, следствиям; оно занимает другое место в жизни личности» (*там же*, с. 29). Цепочка детерминации прослеживается А.Н.Леонтьевым до ее объективной основы: «Развитие смыслов — это продукт развития мотивов деятельности; развитие же самих мотивов деятельности определяется развитием реальных отношений человека к миру, обусловленных объективно-историческими условиями его жизни» (*там же*, с. 28). Понятие смыслообразования, введенное А.Н.Леонтьевым, однозначно связывается у него с мотивами, их смыслообразующей силой или функцией (*Леонтьев А.Н.*, 1959; 1971).

В отдельных случаях отношение между действием и мотивом деятельности, в которую оно входит, может быть весьма неоднозначным и сложным. Так, многие сложные виды деятельности отвечают одновременно не одной, а нескольким потребностям и побуждают, соответственно, несколькими мотивами. В этом случае деятельность обладает многосторонним смыслом (*Леонтьев А.Н.*, 1956, с. 360). Ранее, еще в 1940 году А.Н.Леонтьев ввел понятие поступка для обозначения действия с амбивалентным смыслом: «В случае, когда действие входит в двоякую деятельность, но мотивация обеих этих деятельностей, будучи различной, не является, однако, противоположной по своему знаку, мы называем такое действие поступком. Поступок требует сознания отношений, существующих между обеими деятельностями, и учета обоих мотивов; поступок есть, следовательно, действие сложномотивированное, имеющее сложный смысл» (*Леонтьев А.Н.*, 1994, с. 50). В дальнейшем, однако, это понятие развития не получило.

Еще более сложные отношения характеризуют так называемый отраженный смысл. В этом случае ребенок (в примерах А.Н.Леонтьева) «... может стремиться к достижению цели, которая сама по себе не привлекательна для него, ради чего-нибудь другого, или, наоборот, отказаться от чего-нибудь непосредственно приятного для того, чтобы достичь более важного или избежать нежелательного» (*Леонтьев А.Н.*, 1948, с.8—9). Подобный отраженный смысл связывает действие не просто с одним или даже несколькими мотивами, а уже с некоторой их иерархией.

Дальнейшее развитие представлений о смыслообразовании касается больше мотивов, чем собственно смыслов. Вводится понятие смыслообразующей функции мотива наряду с побудительной его функцией (Леонтьев А.Н., 1966; 1971) и различение смыслообразующих мотивов и мотивов-стимулов (Леонтьев А.Н., 1971). Само понятие мотивов-стимулов возникло несколько раньше (Леонтьев А.Н., 1956). Мы остановимся на этом подробно в разделе, посвященном мотивам. Здесь же необходимо отметить, что, признавая, как отмечалось выше, длинную цепочку детерминации в процессе порождения смыслов, А.Н.Леонтьев в конкретном анализе практически не выходил за пределы связки смысл—мотив. Расширение рамок анализа смыслообразования произошло уже вместе с дифференциацией понятия личностного смысла и возникновением во второй половине 70-х годов ряда родственных понятий, о которых речь пойдет ниже, поэтому здесь мы обрываем анализ этой линии развития концепции смысла и обращаемся ко второй линии — линии функционального анализа.

Эта линия исследований опирается на достаточно разнообразный эмпирический материал, а понятие смысла выступает в качестве объяснительного. Ряд экспериментальных исследований, описанных, в частности, в работах А.Н.Леонтьева (1947; 1948; 1959) и А.В.Запорожца (1960; 1986 а) демонстрируют на различном материале зависимость эффективности различных действий от деятельности, в которую эти действия включены, от отношения между мотивом деятельности и целью действия. Пожалуй, наиболее выпукло эта зависимость проявилась в работе А.Н.Леонтьева и А.В.Запорожца (1945), посвященной восстановлению функций руки после ранения. Было обнаружено, что характер движения определяется соотношением двигательной задачи с личностной установкой больного. В результате ранения у больных формируется установка на щажение руки, которая ограничивает диапазон субъективно приемлемых движений руки в период выздоровления по сравнению с диапазоном объективно возможных движений. Эту установку оказалось возможным преодолеть с помощью воздействия на мотивы больных, они приобрели большую свободу в своих движениях, что позволило существенно ускорить процесс выздоровления и возвращения их в строй.

В этом исследовании, как и в ряде других экспериментов (Д.Б.Эльконин, А.В.Запорожец, Я.З.Неверович, З.М.Истомина и Др.), объяснительный потенциал понятия смысла был относительно невелик, поскольку изменение смысла практически везде отождествлялось с изменением мотива; связь смысла с мотивом была однозначной. Хотя А.Н.Леонтьев подчеркивал, что решающим фактором

является не сила мотива, а содержательная смысловая связь между побуждением и действием (1948; 1959), операционально эта связь задавалась лишь мотивом как таковым. Вместе с тем, в некоторых работах удалось показать несовпадение, расхождение между мотивом деятельности и смыслом, возникавшее тогда, когда в деятельность вмешивались другие мотивы. В качестве примера можно назвать известный феномен «горькой конфеты» (Леонтьев А.М., 1947): ребенок, обманом получив желанное вознаграждение (нарушив правила при выполнении задания), переживает внутренних конфликт и отказывается от несправедливо заработанной конфеты; она приобретает для него отрицательный, или, по меньшей мере, амбивалентный личностный смысл. Подобного рода феномены оказалось легче всего продемонстрировать на детях дошкольного возраста, поскольку их мотивы еще не образуют устойчивой иерархии.

Четкое разведение мотива и смысла в психологическом эксперименте удалось осуществить Я.З.Неверович (1986), которая варьировала не только мотив, но и цель действия. В ее опытах дошкольники усердно и старательно делали флажки для подарка малышам; когда им предлагалось сделать флажок в подарок маме, это вызывало у них недоумение и лишь немногие доводили работу до конца. В то же время они горячо откликнулись на предложение сделать в подарок маме салфетку, но изготовить ту же салфетку для малышей отказывались. Здесь ясно видно, что не только эффективность одного и того же действия зависит от мотива, но и побудительная сила одного и того же мотива зависит от характера его связи с целью действия.

В семидесятые годы наметился новый уровень теоретического осмысления влияния смыслов на протекание деятельности и психических процессов. Этот новый уровень связан с разработкой в трудах А.В.Запорожца, Я.З.Неверович и их сотрудников представления о механизмах эмоциональной коррекции поведения и мотивационно-смысловой ориентировки. Эмоциональная коррекция поведения характеризуется «...приведением общей направленности и динамики поведения в соответствие со смыслом проблемной ситуации и производимых в ней действий для субъекта, для удовлетворения его потребностей и интересов, для реализации его ценностных установок» (Запорожец, 1986 а, с. 265). По мере развития эмоциональной сферы ребенка эмоциональная коррекция сдвигается от конца к началу деятельности, приобретает предвосхищающий характер, позволяющий «...не только предварительно представить отдаленные результаты своих действий, но и заранее прочувствовать тот смысл, который они будут иметь для окружающих, а вместе с тем, и для него самого» (Запорожец, 1986 б, с. 19). Складываются особые механизмы мотивационно-смысловой ориентировки, которая вначале осуществляется в

плане непосредственного восприятия, а потом переходит в план воображения. «В процессе такого рода деятельности решаются сложные смысловые задачи путем своеобразных мысленных преобразований данной ситуации, позволяющие обнаружить ранее скрытую положительную или отрицательную ценность для субъекта как сложившихся обстоятельств, так и действий, которые в этих обстоятельствах могут быть выполнены» (*там же*, с. 28). Эти представления легли в основу цикла экспериментальных исследований, опубликованных в вышедшей под редакцией А.В.Запорожца и Я.З.Неверович коллективной монографии «Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста» (1986).

К линии развития представлений о личностном смысле под функциональным углом зрения относится также многолетний цикл исследований мыслительной деятельности, ведущийся под руководством О.К.Тихомирова (см., например, *Тихомиров*, 1984; *Васильев, Поплужный, Тихомиров*, 1980). Этот цикл исследований имеет прямую связь с идеями, развиваемыми нами в настоящей работе, и основные его результаты будут изложены нами в разделах 2.6. и 3.7. в контексте проблемы системной организации смысловой сферы личности.

Вернемся теперь к третьей, наиболее важной в нашем контексте, линии развития концепции личностного смысла, а именно линии развития представлений о сущности смысла, о месте этого понятия в системе психологических понятий.

В первой главе мы уже охарактеризовали в общих чертах понятие личностного смысла, как оно выступило в первых публикациях на эту тему А.Н.Леонтьева, относящихся к 1944—1947 годам. А.Н.Леонтьев ставил акцент на разведении личностного смысла и значения, подчеркивая, в частности, что смысл не является атрибутом значения, вопреки тому, как это кажется в интроспекции, и демонстрируя коренные изменения отношений между смыслами и значениями в ходе исторического развития сознания человека (1972). Смысл и значение, прежде всего, имеют разные источники: значения усваиваются субъектом в ходе распремечивания человеческой культуры, они являются дериватом совокупной общественной практики, в то время как смыслы производны от реальных жизненных отношений конкретного субъекта, от его индивидуальной практики. П.Я.Гальперин (1945), в отличие от А.Н.Леонтьева, определяет и смысл, и значение сквозь призму индивидуальной практики: значение характеризует вещь в ее отношении к другим вещам, а смысл — ту же вещь в ее непосредственном отношении к индивиду. Похожее мы встречаем и у А.В.Запорожца (1960, с. 387).

Как мы указывали в самом начале, понятие личностного смысла с самого начала выступало у А.Н.Леонтьева как связующее звено между сознанием и деятельностью. С другой стороны, все основные положения, описывающие личностный смысл в структурном аспекте, были высказаны А.Н.Леонтьевым в контексте анализа сознания; личностный смысл неизменно рассматривался как одна из его главных образующих (*Леонтьев А.Н.*, 1947; 1966; 1977). Диспропорция здесь вполне понятна, если учесть, что по отношению к деятельности смысл выступал преимущественно как продукт, детерминат ее структуры, в то время, как в контексте анализа сознания смысл представал как существенный его детерминант, понятие смысла становилось объяснительным. В наиболее законченном виде отношения между сознанием и смыслом представлены в книге «Деятельность. Сознание. Личность» (*Леонтьев А.Н.*, 1977), где личностный смысл описывается как одна из составляющих сознания, наряду с двумя другими — значением и чувственной тканью. Наиболее существенным, однако, в этой работе является рассмотрение смысла в новом контексте — в контексте проблемы личности. Личность характеризуется в этой работе не только как конфигурация «...главных, внутри себя иерархизированных, мотивационных линий» (с. 221), но и как связная система личностных смыслов (с. 212). Рассмотрение того, как именно личностные смыслы входят в структуру личности, в книге ограничивается лишь анализом иерархических взаимоотношений мотивов.

Как мы видим, само понятие личностного смысла не претерпело заметных изменений за время, прошедшее с середины сороковых годов до середины семидесятых. Вместе с тем, развивались и обогащались представления об отношениях между смыслом и деятельностью, смыслом и сознанием, смыслом и значением, смыслом и мотивом, смыслом и личностью. Понятие смысла включалось во все более широкие и разнообразные контексты, приобретало все большие объяснительные возможности. Усложнение содержания этого понятия требовало его дифференциации. Поэтому на смену первому этапу развития концепции личностного смысла, когда это понятие было единственным, описывавшим смысловую реальность, в середине 1970-х годов закономерно пришел второй этап, характеризующийся появлением ряда родственных понятий, описывающих различные, не совпадающие друг с другом, аспекты смысловой реальности.

Чрезмерная обобщенность понятия «смысл» и необходимость его дифференциации были впервые отмечены в работе В.К.Виллонаса (1976). Введя обобщающий родовый термин «смысловые образования», основной характеристикой которых является то, что они от-

ражают не объективные свойства вещей, а отношение их к удовлетворению потребностей субъекта, В.К.Вилюнас проводит несколько существенных различий. Во-первых, анализируя механизмы смыслообразования, он отмечает, что «смыслообразует не некоторое объективное отношение и не мотив как объективное, а *смысл мотива*, как бы переливающийся по объективным связям ко всему, что имеет к мотиву отношение» (1976, с. 97—98). Смысл мотива он характеризует как ведущий смысл по отношению к производным смыслам, которыми ситуативно наделяются представленные в сознании цели. Второе разведение относится к вербализованным и невербализованным смыслам. (Несколько раньше это разведение было введено в другом контексте *О.К.Тихомировым*, 1969.) Первые являются продуктом и результатом осознания последних, решения «задачи на смысл». Вербализованный смысл шире и богаче, только он является подлинной «единицей» сознания (*Вилюнас*, 1976, с. 94, 99). В то же время невербализованный смысл истиннее, поскольку осознание смысла не всегда бывает полностью адекватным. Осознаваться могут только производные смыслы. В последующих работах, однако, В.К.Вилюнас не развивает дальше эту линию, фактически отказываясь от использования понятия смысла как объяснительного (*Вилюнас*, 1986).

Одновременно А.Г.Асмолов (1976; 1977 а, б; 1979) вводит понятие смысловой установки, развивая высказанную когда-то А.В.Запорожцем мысль о том, что именно в форме установки получают выражение личностно-смысловые отношения (*Запорожец*, 1960, с. 387). Если личностный смысл, по А.Г.Асмолову, функционирует в плане сознания, то смысловая установка является выражением личностного смысла в плане деятельности и представляет собой готовность к совершению определенной деятельности. «Смысловая установка непосредственно проявляется в различных действиях человека, выражая в них тенденцию к сохранению общей направленности деятельности в целом» (*Асмолов*, 1979, с. 69). Смысловая установка может быть как осознаваемой, так и неосознаваемой. В иерархической уровневой модели установочной регуляции деятельности (*Асмолов*, 1979) смысловая установка образует верхний уровень, обладая фильтрующей функцией по отношению к установкам нижележащих уровней.

Первая статья, специально посвященная проблеме смысловых образований, принадлежит Е.В.Субботскому (1977), который использовал это обобщающее понятие для объяснения поведения ребенка в социальной ситуации (*Субботский*, 1976; 1977). Е.В.Субботский дает следующее определение смыслового образования: «...это составляющая сознания, которая непосредственно связывает

человека с действительностью и является дериватом объективных функций этой действительности в жизни и деятельности субъекта» (1977, с. 63). Не ставя задачи выделения видов смысловых образований, Е.В.Субботский детально анализирует их проявления в ситуации психологического эксперимента. «Задача на смысл» встает перед экспериментатором «...тогда, когда поведение субъекта отклоняется от оптимальной линии достижения цели в границах, выходящих за пределы "интеллектуалистической" презумпции объяснения... При изучении же смысловых образований необходимо научиться экспериментально вызывать и контролировать подобные "отклонения"» (*там же*, с. 64).

Е.В.Субботский указывает на многомерность смысловых образований, выражающуюся в различной степени их влияния на поведение и в различной степени их осознанности; задача на смысл возникает лишь по отношению к «непрозрачным», скрытым мотивам. Анализируя возможности влияния на смысловые образования ребенка в лабораторном эксперименте, Е.В.Субботский описывает методический прием, который должен лежать в основе формирующего эксперимента, а именно изменение позиции ребенка в ситуации, в системе его взаимоотношений с другими людьми, что влечет за собой изменение для него смысла ситуации. Чисто научное исследование сливается в подобном эксперименте с формирующим воспитательным воздействием. Позже Е.В.Субботский подчеркивал связь смысловых образований с «прагматической» базовой мотивацией субъекта (Субботский, 1984, с. 11, 42).

Новые представления о смысловой организации личности отвечали существовавшей у многих исследователей потребности в концептуальном аппарате для разработки различных аспектов проблемы личности — проблемы в то время еще относительно новой. Это, в свою очередь, требовало дальнейшей разработки представлений о смысловых образованиях, что привело к созданию в 1977 году на факультете психологии МГУ межфакультетальной научно-исследовательской группы по исследованию личности. Смысловое образование выступило в работах группы как «специфическая базовая единица личности» (Асмолов, Братусь и др., 1979). За несколько лет своего существования группа выработала основные принципы подхода к анализу смысловых образований, изложенные в программной статье (*там же*, 1979), в которой были отмечены такие свойства смыслового образования, как его производность от реального бытия субъекта, его объективной позиции в обществе; предметность; независимость от осознания и неcodифицируемость в системе значений. В статье были также систематизированы методические приемы исследования смысловых образований и сформу-

лирован методический и методологический принцип опосредования изменений смысловых образований изменениями самой деятельности субъекта. Более полно, на наш взгляд, методические принципы исследования смысловых образований были изложены в другой работе (Асмолов, Насиновская, Васина, 1979), в которой также дано наиболее удачное, на наш взгляд, определение смысловых образований: «Смысловые образования — это порожденные развитием деятельности субъекта психические образования, в которых в специфической форме отражено пристрастное, индивидуализированное отношение субъекта к миру» (*там же*, с. 219). В этой же статье были впервые перечислены конкретные структуры, объединенные понятием «смысловые образования», а именно смыслообразующие мотивы, личностные смыслы и смысловые установки; этот перечень не был закрыт.

Во многом благодаря усилиям группы по исследованию личности понятия, описывающие смысловую реальность, прочно вошли в обиход психологов, работающих в самых разных областях. В восьмидесятые годы основной прогресс в развитии представлений о структурной организации смысловой сферы личности связан с работами Е.Е.Насиновской, Б.С.Братуся, В.В.Столина и А.Г.Асмолова.

Согласно Е.Е.Насиновской, смысловое образование — «...это психическое образование (презентированное или непредставленное сознанию), характеризующее собственно личностное развитие человека и определяющее личностно-смысловую сторону его мотивации. Смысловые образования формируются в индивидуальной жизни субъекта, несут в себе субъективное отношение индивида к разнообразным объектам (данным во внешнем или внутреннем планах) и неизбежно участвуют в жизни личности, то есть являются одновременно и эмоционально-оценочными, и действенными образованиями» (Насиновская, 1988, с. 3—4). В качестве одного из основных признаков смыслового образования Е.Е.Насиновская рассматривает слитность с областью «Я», ощущение внутренней необходимости действия. Активно-действенный характер смысловых образований особенно подчеркивался Е.Е.Насиновской, рассматривающей их в контексте исследования механизмов мотивации.

Особый интерес для нас представляет выделение Е.Е.Насиновской видов смысловых образований: смыслообразующих мотивов, смысловых установок и личностно-значимых эмоциональных переживаний. «Если смыслообразующие мотивы представляют собой относительно стабильные смысловые образования, характеризующие структуру личности, то смысловые установки и личностно-значимые эмоциональные переживания — это динамические, ситуационные смысловые образования, складывающиеся в конкретных

условиях развертывания деятельности и прекращающие существование с исчезновением этих условий, что, однако, не лишает их статуса "представителей" личности» (Насиновская, 1982, с. 5). Два вида динамических смысловых образований различаются в свою очередь тем, что если личностно-значимые переживания являются формой субъективной презентации личностного смысла, то смысловая установка представляет собой объективную форму его существования.

Позднее Е.Е.Насиновская несколько видоизменила представления о соотношении этих трех структур; собственно к смысловым образованиям она стала относить смыслообразующие мотивы и личностные смыслы, приписав смысловой установке и эмоциональным переживаниям статус разных форм существования личностного смысла. К ним она добавила третью — вербальную форму, возникающую как результат решения «задачи на смысл» (Насиновская, 1988). Кроме этого, она ввела важную дифференциацию смысловых установок, различив «смысловую установку как фиксированное образование» и «конкретно-ситуативную смысловую установку», а также ввела нетрадиционное понятие прагматического смысла, понимая под ним релевантное внешним мотивам-стимулам значение, выполняющее по отношению к ним те же функции, что и личностный смысл по отношению к смыслообразующим мотивам (*там же*). В работах Е.Е.Насиновской представлена первая развернутая попытка представить дифференцированную картину смысловой сферы личности, соотнести между собой и интегрировать в единую модель представления о различных смысловых структурах.

Б.С.Братусь, введя понятие «смысловая сфера личности» (1981), в то же время отказался от использования понятия «смысловое образование» как родового, обобщающего и дал ему более узкое определение — как «...отношение мотива более общего к... мотивам менее общим и соответственно деятельности более общей и широкой к деятельности менее общим» (Зейгарник, Братусь, 1980, с. 117). Такое узкое понимание смыслового образования выводится Б.С.Братусем из более широкого, чем у А.Н.Леонтьева, понимания смыслообразования, которое, согласно Б.С.Братусю, не ограничивается связкой мотив—цель, а представляет собой цепь отношений меньшего к большему, в которых и порождается смысл: отношения действия к мотиву, мотива к более широкому смыслообразующему мотиву и т.д. вплоть до смысла жизни, который определяется ее отношением к тому, «что больше нашей жизни и не оборвется с ее физическим прекращением (дети, счастье будущих поколений, прогресс науки, поиск истины и т.д.)» (Братусь, 1983, с. 216). Смысловое образование, как и личностный смысл, является частной

конкретизацией этого глобального смыслообразующего отношения на определенном уровне. Вместе с тем, именно в смысловом образовании — отношении внутри пучка мотивов — Б.С.Братусь видит единицу анализа личности, смысловое строение которой и образует ее психологическую субстанцию, ее «тело» (*Братусь*, 1983). В отличие от личностного смысла — отношения мотива к цели, — смысловые образования лежат «за» мотивами, имеют более общий характер; к смысловым образованиям Б.С.Братусь относит и ценности.

Принципиально важным, на наш взгляд, является выдвигаемое Б.С.Братусем положение о том, что смысловые образования, как и личностные смыслы, порождаются не единичными изолированными отношениями, а целой разветвленной системой подобных отношений. В результате единица анализа личности предстает как сложная, многомерная смысловая структура. Так, например, в связи с приведенным нами выше высказыванием о смысле жизни Б.С.Братусь указывает, что «не сами по себе как таковые дети, счастье будущих поколений или прогресс науки являются смыслами жизни, а те многочисленные и сложные связи, принципы, соотношения, которые порождаются этими мотивами и образуют связную систему смыслов» (*Братусь*, 1985, с. 25). Существенным вкладом Б.С.Братуся в рассматриваемую нами проблематику является выделение им двух функций смысловых образований — функции создания эскиза будущего и функции нравственной оценки действий (*Братусь*, 1981; 1983; 1985) — а также различение нескольких уровней смысловой сферы личности (*Братусь*, 1985; 1988).

Воплощением идеи многомерной системной организации смысловых образований стало введенное А.Г.Асмоловым (1983; 1984) понятие динамической смысловой системы. Понятие динамической смысловой системы является воплощением выдвинутой Л.С.Выготским идеи единства аффекта и интеллекта. Согласно А.Г.Асмолову (1984), динамическая смысловая система характеризуется не только производностью от деятельности субъекта и от занимаемой им позиции, но обладает и собственным внутренним движением, своей динамикой, определяемой сложными иерархическими отношениями между составляющими динамической смысловой системы — личностными смыслами, смысловыми установками и др. А.Г.Асмолов рассматривает динамическую смысловую систему как единицу анализа личности, сохраняющую в себе содержательные характеристики личности как целого и описывает ее с разных сторон, не давая, однако, рабочего определения этого понятия.

Три класса смысловых образований — общие смысловые ориентации, частные смысловые образования и актуальные смысловые

содержания, — образующие три иерархических уровня смысловой сферы личности, выделяются Е.З.Васиной (1986) по параметру обобщенности, устойчивости, характеру их участия в процессах смыслообразования, побуждения и регуляции деятельности. Наиболее обобщенными и стабильными являются смысловые ориентации, к которым относится система доминирующих мотивов и ценностей, мировоззрение, самосознание личности. Смысловые ориентации внеситуативны; они релевантны целостному жизненному пути личности. Частные смысловые образования производны от смысловых ориентации и задают смысловую сторону побуждения и регуляции конкретных деятельностей, а также основное содержание внутренней жизни личности. К ним относятся смысловые установки, конкретные мотивы, чувства. Актуальные смысловые содержания понимаются как выражение личностного смысла в непосредственно переживаемой форме. Они ситуативны и определяются более общими смысловыми образованиями (Басина, 1986).

В работах А.Г.Асмолова, Е.З.Васиной, Б.С.Братуся, В.К.Вилюнаса, Е.Е.Насиновской, Е.В.Субботского и др. смысловые образования рассматриваются преимущественно в плоскости отношений «личность—деятельность». Другую плоскость анализа — плоскость отношений «личность—сознание» — представляют работы В.В.Сталина и его сотрудников, которые развивают идеи А.Н.Леонтьева (1948; 1956) о сложных формах взаимоотношений между смыслом действия и несколькими рядоположенными соподчиненными мотивами деятельностей, на пересечении которых оказывается анализируемое действие.

Исходным пунктом анализа выступает логическое различение четырех видов смыслов. «Можно рассматривать четыре возможных отношения, в качестве которых может выступать то или иное явление в структуре деятельности: 1) явление выступает в качестве мотива, 2) явление представляет собой условие, способствующее достижению мотива, 3) явление представляет условие, препятствующее достижению мотива, 4) явление представляет собой условие, содействующее достижению одного мотива и препятствующее достижению другого. Этим четырем отношениям соответствуют и четыре возможных смысла явления: смысл мотива, позитивный смысл, негативный смысл, конфликтный смысл» (Кальвиньо, 1981, с. 19). Основными объектами исследования В.В.Сталина и его сотрудников стали почти не изучавшиеся ранее в рамках личностного подхода негативные и конфликтные смыслы. Содержательной характеристикой негативных смыслов стали понятия личностной преграды, преградных смыслов, а также преградной функции мотива (Сталин, 1980; 1983 а, б; Пилипейненко, 1984).

Выделение преградной функции мотива и преградных смыслов опирается на тот факт, что отказ человека от совершения определенных действий столь же содержательно характеризует его личность, как и совершение им других действий. Экспериментальные исследования позволили выделить классы внутренних преград (Столин, 1983 а, б), изучить их специфику у правонарушителей (Пилипейченко, 1984). Представление о преградных смыслах позволило по-новому подойти к теоретическому обоснованию проективных методов исследования личности (Соколова, Столин, 1980).

С конфликтными личностными смыслами действия мы сталкиваемся в тех случаях, когда действие выступает как условие реализации одного мотива и одновременно как препятствие к реализации другого. Такое действие В.В.Столин называет поступком (1983 а). Он рассматривает конфликтный смысл как единицу строения самосознания личности, поскольку именно совершение поступка, смысловой конфликт порождает необходимость рефлексивного самосознания, решения задачи на смысл. Эффективное переживание и разрешение конфликтных смыслов в деятельности самосознания приводит к перестройке системы личностных смыслов, творческому преобразованию прежних связей (Столин, 1983 а, б). В экспериментальном исследовании А.В.Визгиной (1987) были выявлены взаимосвязи между различными структурами конфликтных смыслов Я и особенностями строения внутреннего диалога. Обобщенный анализ проблемы самоотношения как смысла Я был дан С.Р.Пантелеевым (1991), который обосновал несводимость самоотношения к самооценке, выделив также особое измерение эмоционально-ценностного отношения к себе. В более поздних исследованиях была подтверждена независимость эмоционально-ценностного или «смыслового» самоотношения от форм презентации самооценки и от характерологических особенностей, а также его «внутренне-диалогическая» природа (Зимачева, 1997).

Положения В.В.Столина и его сотрудников тесно перекликаются с идеями Ф.Е.Василюка (1984) о специфической внутренней деятельности переживания критических ситуаций, которая представляет собой смыслостроительство, направленное на устранение возникающего рассогласования между смысловой сферой личности и субъективной действительностью.

Анализ связи сознания и смысла неотделим от вопроса о форме, в которой личностные смыслы устойчиво фиксируются в сознании. В цикле исследований В.В.Столина и М.Кальвиньо (Столин, Кальвиньо, 1979; 1982; Кальвиньо, 1981; Столин, 1983 а, б) было выявлено, что «...уже отдельно взятое значение, если оно выражает тот или иной личностный смысл, приобретает в сознании

семантические компоненты, не предполагаемые словарным значением слова. Различными оказываются и эмоциональный тон (констативный, или аффективный компонент значения) и особенности противопоставления значения другим значениям» (*Столиц*, 1983 б, с. 226). Результаты экспериментального исследования позволили ввести понятие смысловых конструкторов как формы существования личностного смысла в сознании. В отличие от личностных конструкторов в понимании Дж.Келли, смысловые конструкторы не первичны по отношению к личностным смыслам, а наоборот, производны от них (*Кальвиньо*, 1981).

В конце восьмидесятых годов исследования смысловых образований и смысловой сферы личности пошли на спад, который продолжается до настоящего времени. Этот спад был обусловлен отходом ряда авторов от смысловой проблематики, который не компенсировался достаточным числом новых общетеоретических идей. Основной прогресс в понимании смысла и смысловых процессов в плоскости сознания был связан в этот период с работами Е.Ю.Артемьевой (1986; 1987; 1999), в плоскости деятельности — с работами Б.В.Зейгарник (*Зейгарник*, 1986; *Зейгарник, Холмогорова, Мазур*, 1989), а также В.А.Иванникова (1989; 1991) и его учеников (*Эйдман*, 1986), а в плоскости собственно личности — с работами Б.С.Братуся (1988; 1994). В это же время было опубликовано большое количество наших работ, однако мы не будем уделять им здесь специальное внимание, поскольку все они в той или иной форме вошли в последующие разделы данной книги.

Целью исследований Е.Ю.Артемьевой, посвященных проблеме структурирования субъективной реальности, было «связать реальность деятельности предьстории с реальностью образующих образа мира: связать опыт и смысл» (*Артемьева*, 1987, с. 3). Смысл Е.Ю.Артемьева определяет как «след взаимодействия с объектом, явлением, ситуацией в виде отношения к ним» (*там же*, с. И). Системы смыслов она называет субъективными семантиками. Многочисленные экспериментальные исследования, проведенные Артемьевой и ее учениками, позволили прийти к выводам о наличии механизмов опознания и сопоставления объектов по их смысловой характеристике — семантическим кодам, имеющим амодальную природу и легко проецируемым на семантику любой модальности. В частности, было доказано, что при встрече с объектом прежде всего актуализируется его недифференцированный смысл, согласно которому настраиваются сенсорные системы, осуществляющие на следующем этапе собственно перцептивную обработку стимула. Исследования Е.Ю.Артемьевой оказали, впрочем, влияние на пос-

ледующие работы не столько в плане теории, сколько в плане методологии и методов изучения субъективной реальности.

В работах Б.В.Зейгарник этого периода (1981; 1986) на первый план выступают исследования саморегуляции и опосредствования в норме и патологии. Она впервые эксплицитно сформулировала принципиально важное в контексте нашей работы положение о том, что смысловые образования осуществляют функцию контроля за жизнедеятельностью, образуют регуляторную систему, что «именно благодаря наличию смысловых образований оказывается возможной саморегуляция при постановке целей, при осознании своих поступков» (Зейгарник, 1986, с. 108). С этой идеей связана и другая, столь же важная — о том, что смыслообразование связано с выходом за пределы ситуации. «Опосредованное поведение — это всегда поведение зрелой личности. Это подчинение целям, которые стоят перед человеком. Опосредованность формируется, если имеет место осознание не только своих поступков, но и своих мотивов, стоящих за ними. Вместе с тем процесс смыслообразования, выделения целей возможен только при наличии опосредованности, умения выходить за рамки ситуационного поведения» (там же, с. 109). Человек способен «стать над ситуацией», изменив ее психологический смысл для себя; эта способность постепенно развивается в онтогенезе, но может нарушаться при психической патологии. Не случайно, как замечает Б.В.Зейгарник, содержание психотерапевтических и психокоррекционных мероприятий состоит обычно в том, чтобы помочь пациенту осознать истинный смысл своих действий; только при этом становится возможной адекватная регуляция поведения (там же, с. ПО).

Предметом исследований В.А.Иванникова являлась волевая регуляция, под которой он понимает «намеренную регуляцию побуждения к действию, сознательно принятому по необходимости (внешней или внутренней) и выполняемому человеком по своему решению» (Иванников, 1991, с. 80). Механизмом такой регуляции выступает изменение или создание дополнительного смысла действия, что позволяет усилить или ослабить побудительную силу тех или иных мотивов. В.А.Иванников перечисляет целый ряд приемов, позволяющих целенаправленно изменить смысл действия: 1. Переоценка значимости мотива или предмета потребности. 2. Изменение роли, позиции человека. 3. Предвидение и переживание последствий действия или отказа от его осуществления. 4. Обращение к внешним символам, напоминающим о последствиях действий, к ритуалам, Укрепляющим значимость совершаемых действий, к другим людям или божеству за поддержкой. 5. Соединение заданного и принятого Действия с новыми мотивами или с новыми целями и за счет этого переосмысление действия. 6. Включение заданного действия в

другое более широкое и значимое для человека действие. 7. Связывание заданного действия с возможностью затем осуществить другое желаемое человеком действие. 8. Связывание действия с общаниями и клятвами другим людям и себе, с самооценкой и самоодобрением, со сравнением себя с другими людьми или литературными героями при выполнении необходимого действия (Иванников, 1989; 1991).

В.А.Иванников подчеркивает, что изменение смысла действия может быть осуществлено не только через реальную, но и через воображаемую ситуацию. Более того, генетическая последовательность развития приемов и средств волевой саморегуляции подчиняется общей закономерности развития психических функций по Л.С.Выготскому: от внешних, развернутых, совместно распределенных форм деятельности — к внутренним, интрапсихическим, свернутым. «В своих начальных формах волевая регуляция обеспечивается ситуативным созданием дополнительного побуждения к действию через изменение смысла действия, достигаемого изменением реальной ситуации другими людьми, затем самим человеком, и, наконец, через воображаемую ситуацию» (Иванников, 1991, с. 92). Поэтому В.А.Иванников справедливо отмечает большую роль познавательных процессов в образовании и изменении смыслов, в котором участвует и практически вся познавательная, и аффективно-потребностная сфера. «Смысл действия задается мотивами человека, но не определяется ими автоматически, а образуется в результате самостоятельного процесса его построения... Он не может формироваться вне познавательных процессов, в частности вне понимания ситуации, отношения действия и цели к мотиву, вне предвидения последствий действий. В формировании смысловых образований участвует и мышление, работа которого иногда проявляется в ложных смыслах, в разочарованиях и "прозрениях" человека при осознании им подлинных мотивов своего поведения. Само по себе сознание не может породить смысл действий, но оно может принимать ложные смыслы за истинные, порождать ложные цели, создавать их неадекватную привлекательность, представлять ложные последствия действий» (там же, с. 119—120). В эксперименте, проведенном Е.В.Эйдманом (1986), удалось показать, что развитие воли как произвольной и опосредствованной формы мотивационной регуляции идет через интериоризацию изначально внешних средств формирования побуждения к действию, подчиняясь универсальному принципу «параллелограмма развития» (Леонтьев А.Н., 1972).

Б.С.Братусь (1988) рассматривает порождение смыслов как одну из важнейших сторон человеческого бытия. В структуре психического аппарата он выделяет особый (высший) уровень, отвечающий

«за производство смысловых ориентации, определение общего смысла и назначения своей жизни, отношений к другим людям и себе» (с. 71). (Другими уровнями являются индивидуально-исполнительский и психофизиологический.) С этим уровнем Б.С.Братусь связывает ядро личности, задаваемое системой общих смысловых образований. Важно, что Б.С.Братусь рассматривает не отдельные смысловые образования, а смысловую сферу личности как целое, подчеркивая значение смысловых связей и говоря о психологических смысловых системах, которые «рождаются в сложных, многогранных соотношениях меньшего к большему, отдельных ситуаций, актов поведения к более широким (собственно смыслообразующим) контекстам жизни» (*там же*, с. 86). Причем, «чем выше по иерархическим ступеням смысловые образования, тем труднее работа по их осознанию, поскольку все шире и неопределеннее становится область смыслопорождающей действительности, все сложнее и опосредствованнее те связи и отношения, из которых завязывается динамическая смысловая система» (*там же*, с. 88). В более поздней работе (Братусь, 1994) соотносительный, «межпредметный» характер смысла акцентируется еще сильнее вплоть до утверждения, что смысл — «...не жестко заданный предмет, вещь или действие, а вариативная связь между предметами, вещами, действиями, точнее, вырабатываемый личностный принцип связи, соединения» (*там же*, с. 33).

Б.С.Братусь выделяет в смысловой сфере личности ряд качественно своеобразных уровней. Низший, нулевой уровень — это прагматические, ситуационные смыслы, определяемые предметной логикой достижения цели в данных конкретных условиях. Следующий, первый уровень — эгоцентрический, определяемый личной выгодой, удобством, престижностью и т.п. Второй уровень — группоцентрический; на нем смысловое отношение к действительности определяется референтной малой группой, близким окружением человека. Третий уровень — просоциальный; он включает в себя общественную и общечеловеческую, то есть собственно нравственную смысловую ориентацию (Братусь, 1988, с. 100—101). Позже к этим уровням был добавлен еще один — уровень, на котором смысловое отношение вытекает из ощущения связи с Богом (Братусь, 1994). Впоследствии Б.С.Братусь уточняет его характеристику как уровня, «на котором определяются субъективные отношения человека с беспредельным, устанавливается его личная религия, т.е. отношение к конечным вопросам и смыслам жизни. Эта личная религия может быть даже атеистической, исключаяющей Бога, но она всегда продукт некой веры, поскольку основания смыслов здесь уже не подлежат проверке, это область метафизических

умопостроений, а не опытного знания» (*Братусь*, 1999, с. 293). Эти уровни смысловой сферы Б.С.Братусь характеризует как смысловую вертикаль личности, которая, оставаясь невидимой, образует ее стержень (*Братусь*, 1994, с. 35; см также *Братусь*, 1999).

Обзор развития представлений о смысле в отечественной психологии был бы неполным без анализа еще одной своеобразной ветви этого развития, а именно концепции Ф.В.Бассина, развивавшейся хоть и вне рамок деятельностной концепции смысла, но в постоянном взаимодействии и диалоге с ней. Анализируя современное состояние психологии, Ф.В.Бассин противопоставляет господствующей тенденции к формализации психологической теории и методов указание на первостепенную важность принципиально неформализуемых психологических реальностей, имеющих смысловую природу. Объединив их общим термином «значачие переживания», Ф.В.Бассин постулирует «значачие переживания» как преимущественный предмет психологии и призывает к усиленному их изучению специальными методами, которые психологии в основном еще предстоит разработать (*Бассин*, 1971). Ф.В.Бассин особо подчеркивает, с одной стороны, нерасторжимость их связи с реальными жизненными ситуациями, в которых они наделяются смыслом и, с другой стороны, существование специфических закономерностей, определяющих их динамику. Многие положения, выдвигаемые Ф.В.Бассиным, сближают его представления о «значачих переживаниях» с концепцией личностного смысла А.Н.Леонтьева, на которую он в первую очередь указывает как на попытку подойти к неформализуемой психологической реальности. Вместе с тем он дискутирует по ряду вопросов с концепцией А.Н.Леонтьева, утверждая, в частности, что смыслы как таковые не существуют как психологическая данность непосредственно, в «голом» виде. Предметом психологии они становятся только в форме переживаний. Идея «значачих переживаний» интегрирует в себе два ключевых понятия и поэтому именно «значачие переживания», но не смысл как таковой, могут выступать в качестве предмета психологической науки (*Бассин*, 1973).

Полувековая история развития представлений о смысловой сфере личности в русле деятельностного подхода, изложенная в данном разделе, позволяет говорить о том, что концепция личностного смысла — смысловых образований — смысловой сферы личности занимает прочное место в системе научной психологии. Развитие представлений о смысле в деятельностном подходе можно разделить на три основных этапа.

Первый этап — с конца 1930-х годов до середины 1970-х — это введение А.Н.Леонтьевым понятия смысла (личностного смысла) как объяснительного понятия и его всесторонняя теоретическая и экспериментальная разработка в генетическом, структурном и функциональном аспектах.

Второй этап — с середины до конца 1970-х годов — это введение рядом авторов (А.Г.Асмолов, Б.С.Братусь, В.К.Вилюнас, Е.Е.Насиновская, В.В.Столин, Е.В.Субботский, О.К.Тихомиров) новых, родственных понятий: смысловое образование, смысловая установка, смысловой конструкт, операциональный смысл и др., ознаменовавших переход от одного объяснительного понятия к дифференцированному кусту понятий.

Наконец, **третий этап** — с начала 1980-х годов — этап интеграции этих представлений, знаменующийся возникновением классификаций смысловых образований (Е.Е.Насиновская и др.), синтетических понятий, таких как «динамическая смысловая система» (А.Г.Асмолов), «смысловая сфера личности» (Б.С.Братусь), концепций смысловой динамики (Ф.Е.Василюк), смысловой саморегуляции (Б.В.Зейгарник, В.А.Иванников). Стало возможным говорить о смысловой реальности, включающей в себя самые разные структуры и механизмы.

Единство и устойчивость рассмотренных представлений, контрастирующие с пестротой подходов к смыслу в западной психологии личности, обусловлены тем, что авторы, участвующие в разработке смысловой проблематики, делают это, исходя из разных теоретических моделей, но опираясь на единые методологические принципы. Мы не ставили задачи дать полный обзор всех отечественных исследований по проблеме смысла. Во-первых, мы ограничились анализом общетеоретических представлений и экспериментальных исследований, представляющих общетеоретический интерес; во-вторых, анализ многих работ мы включили не в общий обзор, а в соответствующие тематические разделы собственно теоретических глав книги. Вместе с тем исследования, приведенные в данном разделе, позволяют сформулировать ряд общих положений деятельностного подхода к проблеме смысла, с которыми, вероятно, могли бы согласиться все авторы, работы которых мы рассматривали в данном разделе, при всем различии предлагаемых ими конкретных теоретических моделей.

1. Смысл порождается реальными отношениями, связывающими субъекта с объективной действительностью. Сама значимость объектов, явлений и состояний, порождающих психологические феномены, относящиеся к классу «значащих переживаний», является не априорной, как это явно или скрыто постулируется во многих

западных теориях, но определяется объективным местом и ролью этих объектов, явлений и состояний в жизнедеятельности данного конкретного субъекта. Уникальность системы отношений с действительностью любого индивида обуславливает уникальность системы его смысловых образований.

2. Непосредственным источником смыслообразования являются потребности и мотивы личности. Конкретизация этого положения требует специального рассмотрения природы и сущности потребностей и мотивов, что будет сделано в последующих главах. Здесь же нам важно отметить, что потребности и мотивы являются как **бы** связующим звеном между личностью и объективной действительностью.

3. Смысл обладает действенностью. Он характеризует не только особенности понимания, осознания и концептуализации субъектом действительности, но и выполняет функции регуляции практической деятельности.

4. Смысловые образования не существуют изолированно, а образуют единую систему. Между частями этого целого возможны конфликтные отношения, но тем не менее все они «сообщаются» друг с другом через ведущие смысловые структуры, образующие ядро личности. Подробно этот тезис, как и следующий, будет рассмотрен в последующих главах.

5. Смыслы порождаются и изменяются в деятельности, в которой только и реализуются реальные жизненные отношения субъекта. Это положение является общим для исследования смысла с позиций деятельностного подхода; вместе с тем, оно нуждается в существенном уточнении. Введенное Ф.Е.Василиюком (1984) понятие переживания как внутренней деятельности позволяет распространить этот тезис на процессы, не связанные с внешне наблюдаемой предметно-преобразовательной активностью.

Таким образом, мы видим, что в рамках единого подхода на общем методологическом и теоретическом фундаменте были разработаны достаточно дифференцированные представления о смысловой сфере личности. Вместе с тем, как уже было упомянуто, разрабатывавшие эту проблематику авторы остановились перед задачей интеграции разработанных ими представлений в единую общетеоретическую модель. В результате перед нами оказывается достаточно пестрая и противоречивая картина. Чтобы свести все эти относительно независимые друг от друга, хоть и выросшие из единого корня представления в единую систему, необходимо прежде всего попытаться содержательно понять специфическую природу и онтологию смысловой реальности как реальности особого рода. Этой характеристике посвящена следующая глава.

1.4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ГЛАВЕ 1

Первая глава носит обзорный характер и посвящена изложению, анализу и систематизации различных трактовок смысла.

Обращение к истории использования понятия «смысл» в философии и науках о языке там, где оно не использовалось как синоним «значения», позволило сформулировать две наиболее общих инвариантных характеристики смысла: контекстуальность (смысл чего-либо определяется всегда через отнесение к более широкому контексту) и интенциональность (смысл чего-либо указывает на предназначение, целевую направленность или направление движения). Опираясь на эти две характеристики, можно в первом приближении определить *смысл* чего-либо как *место и роль (назначение) в более общей структуре*.

Рассмотрение психологических подходов, в той или иной степени опирающихся на понятие смысла и разрабатывающих это понятие, обнаруживает крайнюю пестроту подходов. Под смыслом одни авторы понимают высшую интегративную основу личности, другие — более универсальный базовый механизм сознания и поведения; одни — объективную реальность, другие — субъективную интерпретацию или конструкт, третьи — феномен межсубъектных взаимодействий. Эта разногласия усугубляется тем, что понятие смысла разрабатывается разными авторами независимо друг от друга, в разных проблемных и теоретических контекстах. Множественность определений смысла, одинаково убедительных и одинаково эвристичных, наводит на предположение, что *за понятием смысла скрывается не конкретная психологическая структура, допускающая однозначную дефиницию, а сложная и многогранная смысловая реальность, принимающая различные формы и проявляющаяся в различных психологических эффектах*.

В наибольшей степени многогранность смысловой реальности нашла отражение в деятельностном подходе, где понятие смысла выступает в качестве одного из ключевых объяснительных понятий начиная с 1940-х годов. В рамках этого подхода был постепенно разработан целый ряд родственных понятий (личностный смысл, смысловое образование, смысловая установка, смысловой конструкт и др.), в том числе понятия, дающие целостную характеристику смысловой реальности (смысловая сфера личности, динамическая смысловая система), сформулированы общие методологические и методические принципы изучения смысловых образований. Таким образом, на общем методологическом и теоретическом фундаменте

были разработаны достаточно дифференцированные представления о смысловой сфере личности.

Вместе с тем, разрабатывавшие эту проблематику авторы остановились перед задачей интеграции разработанных ими представлений в единую общетеоретическую модель. В результате перед нами все еще достаточно пестрая и противоречивая картина. Чтобы свести все эти относительно независимые друг от друга, хоть и выросшие из единого корня представления в единую систему, необходимо прежде всего попытаться содержательно понять специфическую природу и онтологию смысловой реальности как реальности особого рода. Этой характеристике посвящена следующая глава.

ГЛАВА 2.

Онтология смысла

Ибо духовную пищу доставляют ему не вещи, а узы, которыми связаны вещи. Не бриллиант, но какие-то отношения между людьми и бриллиантом могут его напитать. И не песок, а какие-то отношения, которые устанавливаются между песком и племенами. Не слова в книге, но какие-то отношения, существующие в книге между словами и представляющие собою любовь, поэму и мудрость господню.

А. де Сент-Экзюпери

2.1. ГРАНИ СМЫСЛА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ, ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА СМЫСЛОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Как мы отмечали во введении, задачей нашего исследования является интеграция представлений о смысле, наработанных в русле разных теоретических подходов и проблемных контекстов, в единую систему представлений, наполнение категории смысла новым содержанием и наделение ее новым методологическим статусом. Предпринятый нами обзор показал всю трудность этой задачи, вызывающую даже сомнения в ее принципиальной выполнимости. Смысл многолик, он поворачивается к исследователю (к разным исследователям) различными своими гранями, и разные его определения и описания оказываются противоречащими друг другу. В большинстве случаев авторы, использующие понятие смысла, как и производные от него понятия, не озадачиваются его (их) определением или же дают поверхностные, логически нестрогие определения (наподобие известного определения человека как двуногого существа без перьев), которые столь же легко опровергнуть. В.П.Зинченко (1983) справедливо характеризовал понятие смысловых образований как абстракцию, не имеющую отчетливого онтологического статуса.

Сравнительно полное описание и определение смысла вряд ли возможно выразить одной фразой; как нам представляется, оно должно явиться основным итогом всей данной книги. В.П.Зинченко усматривает причину трудности определения смысла в том, что

он представляет собой главное измерение человеческого сознания и бытия (Зинченко, 1998, с. 99). Тем не менее, мы должны иметь предварительное определение понятия смысла и смысловой реальности уже на данном этапе работы, поскольку «кто не имеет в качестве исходного определенное понятие, тому даже не дан объект» (Фейербах, 1967, с. 10).

В предыдущих главах мы проследили традиции использования понятия смысла в философии, других гуманитарных науках, зарубежной и отечественной психологии, наиболее подробно изложив деятельность трактовку смысла. На этой основе мы, во-первых, сформулировали предельно общее определение смысла как места и роли (назначения) в более общей структуре, во-вторых, констатировали многообразие форм, которые может принимать смысловая реальность, и в-третьих, обосновали адекватность концептуального аппарата деятельностного подхода в психологии для решения поставленной нами задачи.

Теперь нам предстоит совладать с разнообразием рассмотренных трактовок и дать обоснованную онтологическую характеристику смысла и смысловой реальности. Под онтологической характеристикой мы понимаем, вслед за современными философами (см. например, Мотрошилова, 1967; Юдин Э.Г., 1978; Юдин Б.Г., 1986), место нашего объекта в той общей модели реальности, картине мира, которая является инструментом научного познания и осмысления действительности. Философия XX века полностью преодолела характерный для классической философии отрыв онтологии от гносеологии; поэтому, когда мы говорим о задаче построения онтологии, мы имеем в виду, конечно же, не движение от познавательных конструкций к тому, как «на самом деле», а движение от феноменологии и поверхностно ухватываемых закономерностей к общей объяснительной концепции, которая сохраняет статус теоретической конструкции, но при этом увязывает представления о формах и закономерностях существования смысла с системой общепсихологических и даже еще шире, общеантропологических представлений.

Трудность задачи онтологической характеристики смысла находит отражение не только в разнообразии трактовок, но и в противоречивости формулировок одних и тех же авторов. Так, А.Н.Леонтьев определяет смысл, смысловое отношение то как отношение между системой значимых для жизни воздействий, отношение абиотических факторов к биотическим (то есть как внешнюю, объективную реальность), то как субъективное отношение к предметному содержанию, отражающемуся в сознании (то есть как субъективную, психическую реальность), то как отношение мотива деятельности к

цели действия (то есть как субъектную, не рефлекслируемую в сознании, но проявляющуюся в активности субъекта реальность). Первая трактовка, в которой смысл выступает как «отношение того воздействия или ряда воздействий, то есть вообще предмета, на который направлена деятельность животного, к свойствам, отвечающим определенной биологической необходимости» (Леонтьев А.Н., 1994, с. 97), была характерна для работ А.Н.Леонтьева, посвященных проблемам эволюции психического и развития психики животных. Вторая трактовка личностного смысла как образующей сознания была связана в основном с психолого-педагогическим контекстом, с проблемой несовпадения объективного содержания сознания (знания), представленного в первую очередь значениями, и субъективного отношения к нему, или смысла (Леонтьев А.Н., 1983 а, с. 348 и далее). Наконец, третья трактовка смысла была связана с проблематикой структуры и динамики деятельности. В этом контексте отношения между мотивами и целями действия рассматривались как «психологически решающие», поскольку основное регулирующее влияние мотивов на протекание деятельности заключается в том, что они сообщают личностный смысл целям и обстоятельствам деятельности, «оценивая» таким образом их жизненное значение для субъекта (Леонтьев А.Н., 1977, с. 150). Интересно, что хронологически все три контекста и все три трактовки развивались параллельно.

Разумеется, было бы неверно рассматривать эти три *характеристики* личностного смысла, раскрывающие различные его грани, как три независимых и альтернативных *определения* этого понятия. Наоборот, понятие смысла воплощает принцип единства деятельности, сознания и личности, находясь на пересечении всех трех фундаментальных психологических категорий. Как указывает Ф.Е.-Василук, смысл — «...пограничное образование, в нем сходятся сознание и бытие, идеальное и реальное, жизненные ценности и бытийные возможности их реализации» (Василук, 1984, с. 129). Действительно, «деятельностная» характеристика личностного смысла как отношения мотива к цели означает, что любое целенаправленное действие всегда — прямо или непрямо — направлено на реализацию того или иного мотива, и цель этого действия, отражающаяся в сознании, содержит «ссылку» на этот мотив, выступающую в форме личностно-смысловой окраски. «Субъективная» характеристика личностного смысла как пристрастной составляющей индивидуального сознания основана на представлении о том, что «... смысл порождается не значением, а жизнью» (Леонтьев А.Н., 1977, с. 279), то есть о том, что источником этой пристрастности является предметная деятельность субъекта в мире, реализующая его реальные

жизненные отношения, в частности те отношения, о которых идет речь в третьей, «объективной» характеристике. Ведь именно динамизм жизненных отношений лежит в основе динамики самой личности (см. *Анциферова*, 1990).

Указанная мысль, которую можно было бы обозначить как *идея бытийного опосредования (или мироопосредования)¹ смысловых образований*, представляет собой расширенную интерпретацию уже получившего признание принципа деятельностного опосредствования познавательных процессов и смысловых образований (см. *Асмолов*, 1986 б). Действительно, категория деятельности, как отмечал Ф.Е.Васильюк (1984), представляет собой теоретическую абстракцию от целостной реальности жизни, подобно тому, как предмет представляет собой единицу мира, абстрагированную от его целостности. После плодотворного этапа изучения смысла в контексте деятельности наступила пора расширить контекст рассмотрения и вернуться от абстракции деятельности к целостности жизни и жизненного мира. Только в этой концептуальной рамке представляется возможным найти продуктивное разрешение отмеченных нами противоречий в понимании смысла и пути решения поставленных нами задач. Пытаясь по-новому увидеть место и роль понятия смысла в становящейся новой, неклассической психологии, мы неминуемо выдвигаем на первый план анализа категорию жизненного мира, которая выступает смыслозадающим контекстом для самого понятия смысла.

Не удивительно, что сложность и многомерность смысла долгое время оставалась незамеченной. Как правило, авторы видели и абсолютизировали лишь какую-то одну из граней смысла. Даже А.Н.Леонтьев, видевший смысл, как мы показали выше, по меньшей мере под тремя разными углами зрения, не смог эксплицировать собственные разночтения и прямо поставить задачу их интеграции в многомерном образе смысла, ограничившись сосуществованием явно различных трактовок. Поэтому его взгляды нередко получают одностороннюю интерпретацию. Введенное им понятие личностного смысла трактуется порой просто как субъективное отражение некоторого объекта в индивидуальном сознании человека, в отличие от представления об этом объекте, сложившемся в определенной социальной среде (см., например, *Котик*, 1985).

Такая поверхностная и односторонняя интерпретация закономерно приводит к обвинению концепции личностного смысла в субъективизме (*Брушлинский*, 1982). На самом деле данная интерпретация ухватывает лишь одну из граней личностного смысла, отнюдь не исчерпывающую этого понятия. Как мы стремимся пока-

¹ Термин предложен в личной беседе А.Г.Асмоловым.

зать, принципиальное значение понятия смысла заключается как раз в том, что оно выводит объяснение за пределы индивидуально-го сознания, в плоскость реальной жизнедеятельности субъекта. Этим оно отличается, в частности, от понятия коннотативного значения (Ч.Осгуд, Дж.Диз и др.), замыкающего объяснение индивидуальной окраски значений в рамках индивидуального сознания. Другими словами, это понятие отражает личностность человеческого сознания, укорененность его в реальных жизненных отношениях, в практике субъекта. «Личностный смысл — индивидуализированное отражение действительного отношения личности к тем объектам, ради которых разворачивается ее деятельность, осознаваемое как "значение-для-меня" усваиваемых субъектом безличных знаний о мире...» (Личностный смысл, 1985, с.164).

Для того, чтобы рассмотреть и понять феномен смысла во всем многообразии его проявлений, мы воспользуемся димензиональным методом, которым пользуется В. Франкл при демонстрации отношений между разными гранями или аспектами человеческого бытия (например, *Frankl*, 1985). Представим себе, говорит Франкл, учебник, на страницах которого изложены разные, несопоставимые между собой теории, допустим, личности. Символически это можно изобразить в виде раскрытой книги, на одной странице которой нарисован квадрат, а на другой — круг. Между ними трудно найти связь — ведь задача на квадратуру круга, как известно, нерешаема. Но возьмем эту книгу, продолжает Франкл, и разместим эти страницы под прямым углом друг к другу, так, чтобы они лежали на двух перпендикулярных плоскостях, пересекающихся в районе корешка книги. Тогда можно без труда вообразить трехмерную фигуру, проекция которой на одну плоскость (страницу) образует круг, а проекция на другую, ей перпендикулярную, образует квадрат. Этой фигурой будет цилиндр с высотой, равной диаметру основания. Задача, таким образом, решается, если построить общее пространство разных определений и увидеть за разными взглядами частные проекции сложного многомерного объекта — в нашем случае, смысла, — на разные плоскости его рассмотрения.

Вернемся к поставленной нами проблеме онтологии смысла. Для того, чтобы продвинуться в ее решении, необходимо, во-первых, очертить сам феномен, во-вторых, выделить и описать по отдельности различные формы (плоскости) существования смысла, и, в-третьих, понять реальные психологические механизмы их взаимосвязей, переходов смысла из одной формы существования в другую, отношений между выделенными плоскостями или гранями. Эти механизмы явно намного более сложны, чем позволяет увидеть использованная нами стереометрическая аналогия.

В качестве иллюстрации, позволяющей выпукло обрисовать феномен смысла во всех его аспектах, обратимся к экспериментальному исследованию Е.В.Эйдмана (*Эйдман*, 1996; см. также *Леонтьев, Эйдман*, 1987). В этом исследовании дети разных возрастов и взрослые спортсмены выполняли задачу задержки дыхания на максимальный срок с соревновательной мотивацией. Примечательным фактом, полученным в этом исследовании, была зависимость результатов от условий соревнования и инструкции (просто задержать дыхание как можно дольше; побить свой рекорд; соревноваться в парах с конкретным соперником; соревноваться с воображаемым соперником). Вторая и особенно третья инструкции существенно улучшали результаты по сравнению с первой; что касается четвертой инструкции (воображаемое соревнование), то ее эффективность сильно зависела от возраста; соотношение влияния реального и воображаемого соревнования на результаты обнаружило возрастную динамику, воспроизводящую известный «параллелограмм развития» А.Н.Леонтьева (1972). В раннем возрасте эффекта нет в обоих случаях, в следующей возрастной группе только реальное соревнование дает прирост результатов, и, наконец, в старшей группе воображаемое соревнование догоняет по своей эффективности реальное и даже несколько превосходит его.

О чем говорят нам эти результаты? Во-первых, одна и та же задача (задержка дыхания) давалась испытуемым в разных интенциональных контекстах — деятельностных и, шире, жизненных. Варьировалось место и роль задачи в более широком контексте — можно сказать, что варьировался ее смысл. Во-вторых, эти изменения приводили к изменению результатов выполнения задания даже не на психологическом, а на физиологическом уровне — перед нами эффект регуляции деятельности, который можно объяснить усилением мотива, смысловой установкой или указанием на какие-то другие образования, встроенные в исполнительные механизмы деятельности. В-третьих, на результаты влияет не только объективная, но и воображаемая ситуация, то есть произвольные изменения в картине мира, создание воображаемого контекста и воображаемого смысла деятельности.

На этом примере мы можем выделить и вкратце охарактеризовать три плоскости, в которых психологический анализ обнаруживает существование смыслов — в каждой из них в своей особой форме. Ниже мы опишем их более подробно.

Первая из них — это плоскость объективных отношений между субъектом и миром. В этой плоскости объекты, явления и события действительности, входящие в жизненный мир субъекта, в том числе его собственные действия, обладают для него *жизненным смыс-*

лом в силу того, что они объективно безразличны для его жизни, сказываются на ее протекании. Жизненный смысл есть объективная характеристика места и роли объектов, явлений и событий действительности и действий субъекта в контексте его жизни. Жизненный смысл объективен, ибо не зависит от его осознания; при этом он индивидуален, неповторим. Это не психологическое, а скорее метафизическое понятие, без которого, однако, не обойтись психологическому анализу. Жизненный смысл и отражающаяся в нем динамика жизненных отношений — это **онтологический аспект** смысла.

Вторая плоскость — это образ мира в сознании субъекта, одним из компонентов которого является **личностный смысл**. Личностный смысл является формой познания субъектом его жизненных смыслов, презентации их в его сознании. Личностный смысл объектов, явлений и событий, отражающихся в сознании субъекта, презентуется ему через посредство эмоциональной окраски образов, либо их структурной трансформации. Этим, однако, сознание лишь выделяет и подчеркивает то, что значимо для субъекта, и ставит перед ним задачу на смысл, на осознание того, какое конкретно место в его жизни занимают соответствующие объекты или события, с какими мотивами, потребностями и ценностями субъекта они связаны и как именно. Ответ на этот вопрос, решение этой задачи требует специальной внутренней деятельности осмысления. Личностный смысл и отражающаяся в нем динамика субъективно-го образа реальности — это **феноменологический аспект** смысла.

Наконец, третья плоскость — это психологический субстрат смысла — неосознаваемые механизмы внутренней регуляции жизнедеятельности. В этой плоскости смыслонесущие жизненные отношения принимают форму **смысловых структур личности**, образующих целостную систему и обеспечивающих регуляцию жизнедеятельности субъекта в соответствии со специфической смысловой логикой — логикой жизненной необходимости, о которой пойдет речь ниже. Смысловые структуры и отражающаяся в них динамика деятельности (жизнедеятельности) — это **деятельностный** или **субстратный** аспект смысла. Термин «субстратный» представляется нам не очень удачным, но когда мы переходим от рассмотрения внутриличностных форм существования смысла к межличностным и внеличным, он оказывается единственно применимым.

Итак, смысл предстает перед нами как отношение, связывающее объективные жизненные отношения субъекта, предметное содержание сознания и предмет и строение его деятельности. Это пристрастное отношение процессов психики к процессам жизни

субъекта, его сознания к основам его бытия, опосредованное его практической жизнедеятельностью. Таким образом, смысл имеет троичную природу, он включен разными своими гранями в три разных движения.

Принимая во внимание все три плоскости существования смысла, образующие его грани, можно в первом приближении определить смысл как *отношение между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет этот объект (явление) в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (явлению).*

Перейдем теперь к более детальной характеристике каждой из трех граней смысла. Заметим, что три выделенных грани, формы существования или плоскости анализа смысла; соотносятся не только с тремя его трактовками, но и с философскими категориями онтологического, феноменального и онтического, а также с тремя такими фундаментальными общепсихологическими категориями как личность, сознание и деятельность.

2.2. ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СМЫСЛА: СМЫСЛ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Онтологический (в узком понимании этого слова) аспект или грань смысла предполагает рассмотрение смысла как элемента системы отношений человека с миром. Эти отношения представляют собой не психологическую реальность, а скорее реальность виртуальную, то есть не коренящуюся в неких структурах, которые ее порождают и воспроизводят, и поэтому нефиксируемую (Носов, 1997). Вместе с тем только с нее можно начинать познание смысловой реальности. «Смысл, существующий в сознании и воплощенный в деятельности, вторичен. Смысл, существующий как потенциал развития, — первичен. Возможность первична, действительность вторична, ведь развитие есть не что иное как реализация возможностей. Действительность — всегда лишь часть того, чем она могла быть» (Брудный, 1998, с. 128). Начнем поэтому с всестороннего анализа самих этих отношений.

Постановка этой задачи была вряд ли возможна в русле традиционного подхода, в соответствии с которым «и субъект, и объект мыслятся изначально существующими и определенными до и вне какой бы то ни было практической связи между ними, как самое-

стоятельные натуральные сущности. Деятельность, которая практически свяжет субъект и объект, еще только предстоит; чтобы начаться, она должна получить санкцию в исходной ситуации разъединенности субъекта и объекта» (Василюк, 1984, с. 83). Такой подход, который Ф.Е.Василюк позже назвал «онтологией изолированного индивида», С.Л.Рубинштейн (1973) выводил из порожденного идеалистической философией традиционного гносеологического противопоставления субъекта и объекта. В рамках этого противопоставления человек более или менее эксплицитно отождествляется с его сознанием, изымается тем самым из бытия, из объективной действительности и ставится как бы вне этой действительности.

Представления о человеке как о «замкнутом в себе существе» С.Л.Рубинштейн называет «фикцией». Позитивная альтернатива такой исходной онтологии должна начинаться с признания того, что «человек находится внутри бытия, а не только бытие внешне его сознанию. В этом отношении бытие обступает нас со всех сторон...» (Рубинштейн, 1973, с. 262). Весьма выразительно эту онтологическую картину обрисовал М.М.Бахтин: «Человек окружен миром, своей комнатой, квартирой, природой, пейзажем, — он живет внутри мира и в нем действует; вокруг него плотные и теплые массы мира; он внутри внешнего мира, а не на границах его» (Бахтин, 1996, с. 74). Однако с появлением человеческого бытия мир также нельзя рассматривать в абстракции от человека — происходит коренное преобразование всего онтологического плана. «Значит, стоит вопрос не только о человеке во взаимоотношении с миром, но и о мире в соотношении с человеком как объективным отношением. Только таким образом реально и может быть преодолено отчуждение бытия от человека» (Рубинштейн, 1973, с. 259). А.Н.Леонтьев также вполне определенно высказывался на этот счет: «Субъект... находится изначально не перед миром, а в самом мире... составляет часть его и вне этого мира вообще не существует» (Леонтьев А.Н., 1999, с. 148).

Контуры позитивной «онтологии жизненного мира», преодолевающей отчуждение бытия от человека, которое является следствием онтологизации гносеологической схемы «субъект—объект», намечены Ф.Е.Василюком, констатирующим, что мы «нигде не находим живое существо до и вне его связанности с миром. Оно изначально вживлено в мир, связано с ним материальной пуповиной своей жизнедеятельности. Этот мир, оставаясь объективным и материальным, не есть, однако, физический мир... это — жизненный мир» (Василюк, 1984, с. 86). Если же рассматривать мир вне связи с субъектом, он лишается своей психологической характеристики и

предстает как безжизненный мир. Напротив «мир, каков он для человека, — это его объективная характеристика» (*Рубинштейн*, 1973, с. 382).

Не только мир конституируется человеком, но и человек — миром. Л.С.Выготский указывает, ссылаясь на Гельба, что «в то время, как для животного существует только окружение (*Umwelt*), для человека возникает представление о мире (*Welt*). История возникновения этого представления о мире имеет своим началом человеческую практику и возникающие в ней значения и понятия, свободные от непосредственного восприятия предмета» (*Выготский*, 1982 а, с. 280). Х.-Г.Гадамер говорит о противоположности понятия *мира* (*Welt*) и понятия *окружающего мира* или среды (*Umwelt*), которым обладают все живущие в мире существа. «Иметь мир — значит иметь отношение к миру. Но отношение к миру требует такой свободы от того, что встречается нам в мире, которая позволила бы нам ставить это встречающееся пред собою таким, каково оно есть. Эта возможность представления означает одновременно обладание миром и обладание языком» (*Гадамер*, 1988, с. 513). «Животное не относится ни к чему и вообще не "относится", — отмечали К.Маркс и Ф.Энгельс (1955, с. 29). — Для животного его отношение к другим не существует как отношение». И очень близкую формулировку мы находим у В.Франкла: «Животное не является личностью, потому что оно не может встать над самим собой, противостоять самому себе. Поэтому для животного не существует и мир, противостоящий личности; для него существует лишь среда» (*Frankl*, 1982, с. 116). Таким образом, **человек оказывается единственным из живых существ, которому дан мир как единое связанное целое, простирающееся в пространстве и времени за пределы наличной ситуации и при этом предлежащее или предстоящее субъекту, а не просто его окружающее.** Эта антропологическая характеристика человека оказывается, как мы увидим ниже, ключом к пониманию сущности личности.

Итак, в «онтологии жизненного мира» отношения, связывающие субъекта с миром, наделяются статусом особой реальности, первичной, в частности, по отношению к характеристикам субъекта, формирующимся в процессе реализации этих отношений (в частности, приобретаемым психологическим, в том числе личностным характеристикам). Схематически соотношение двух обозначенных онтологических картин представлено на рисунке 1. Опираясь на эту общую онтологическую модель, мы можем попытаться задать основания логики жизни человека в мире, описав через систему специальных понятий реальность практических взаимоотношений человека с миром.

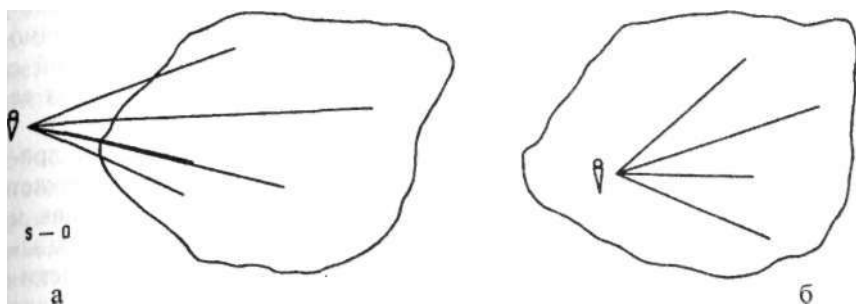

Рис. 1. Схематическое изображение
"онтологии изолированного индивида" (а)
и "онтологии жизненного мира" (б)

Исходным для нас выступает понятие *жизненного отношения*, под которым мы будем понимать объективное отношение между субъектом и каким-либо объектом или явлением действительности, характеризующееся потенциальной возможностью качественно определенной формы взаимодействия между ними. «Жизненные отношения исходят от меня по всем направлениям, у меня есть известные отношения к вещам и людям, известные позиции по отношению к ним, я исполняю их требования по отношению ко мне и ожидаю чего-то от них. Одни содействуют моему счастью, делают мое бытие шире, усиливают меня, а другие производят на меня давление и ограничивают меня. И при определенности того или другого движения вперед в известном направлении человек всегда замечает и чувствует эти соотношения. Друг — для него сила, возвышающая собственное его существование, каждый член семьи занимает определенное место в его жизни, и все, что его окружает, он понимает как жизнь и дух, которые в этом окружающем объективировались. Скамья у двери его жилища, тенистое дерево, дом и сад получают все свое значение и силу в этой объективности. Так жизнь каждого индивидуума творит сама из себя свой собственный мир» (Дильтей, 1995, с. 217).

Жизненное отношение субъекта с объектом или явлением возникает как результат столкновения между ними в форме либо практического, либо теоретического освоения. Кажущийся порочный круг (практика строится по логике жизненных отношений и одновременно оказывается их основой) размыкается там, где сама деятельность находится в процессе становления. Взаимодействие с миром у маленького ребенка происходит отчасти спонтанно,

не будучи обусловлено какой-либо конкретной жизненной необходимостью, кроме необходимости самого взаимодействия, частично же протекает в форме деятельности, совместно распределенной с матерью (подробнее об этом см. раздел 5.3), которая организует ее в соответствии с логикой своих жизненных отношений.

Мы говорим об объективности жизненного отношения, подразумевая, что оно не зависит от осознания его субъектом и может быть познано внешним наблюдателем с таким же успехом, как и самим субъектом. Жизненное отношение определяется объективными свойствами объекта или явления, объективными характеристиками субъекта и фактом их столкновения, в котором на основе соотношения этих объективных свойств и характеристик выявляется потенциальная возможность взаимодействия между ними в той или иной форме. При этом оно в принципе носит индивидуально-специфический характер, хотя многие жизненные отношения совпадают у больших групп людей или даже у всего человечества в меру общности тех или иных их объективных характеристик.

Из сказанного, в частности, вытекает, что круг жизненных отношений человека имеет тенденцию к бесконечному расширению. Действительно, возникновение любого нового жизненного отношения влечет за собой усложнение организации субъекта, что в свою очередь расширяет диапазон возможных взаимодействий с миром и способствует возникновению все новых жизненных отношений.

Организованная совокупность всех объектов и явлений действительности, связанных с данным субъектом жизненными отношениями, представляет собой его **жизненный мир**. Жизненный мир любого субъекта отличается от объективного мира в целом только своими границами; если последний включает в себя все сущее, весь универсум, то жизненный мир субъекта — лишь какую-то часть его. Жизненные миры разных субъектов характеризуются как общим, так и индивидуально-специфическим содержанием; мера их общности определяется, в частности, мерой сходства объективных условий существования субъектов и мерой сходства их организации.

Вся совокупность жизненных отношений субъекта образует потенциальную сторону его жизнедеятельности; актуальная сторона его жизнедеятельности образуется совокупностью деятельностей, в которых жизненные отношения находят свою реализацию.

Многообразие форм взаимодействия субъекта с миром служит основанием для выделения *модусов жизнедеятельности*, каждый из которых задается какой-либо качественно определенной формой такого взаимодействия: кислородный обмен, терморегуляция, отношения полов, познавательное отношение, эстетическое отношение. Каждое конкретное жизненное отношение может быть отнесено к

одному из модусов жизнедеятельности; соответственно, каждый модус жизнедеятельности представлен определенным множеством жизненных отношений, скажем, множеством отношений с объектами и явлениями, релевантными эстетическому или пищевому модусу.

Поскольку жизненные отношения связывают субъекта и с теми объектами или явлениями, взаимодействие с которыми может быть неблагоприятным для него, каждый модус жизнедеятельности характеризуется в каждый момент времени определенным **состоянием жизненных отношений**. Состояние жизненных отношений конкретного модуса есть характеристика того, насколько объективно возможный при наличных условиях характер взаимодействия субъекта с миром в данном модусе способствует продолжению существования и развитию субъекта. Состояние жизненных отношений определяется как внутренним состоянием субъекта, так и возможностями, относящимися к его жизненному миру. При этом субъект, которому мы приписываем активность, способен влиять на состояние своих жизненных отношений. Под **реализацией жизненных отношений** в определенном модусе мы будем понимать активность субъекта, направленную на установление оптимального состояния жизненных отношений в данном модусе, то есть такого состояния, которое максимально способствует продолжению существования и развитию субъекта.

Однако реализация жизненных отношений возможна не в любом модусе жизнедеятельности. Определенные формы взаимодействия субъекта с миром осуществляются автоматически, без участия активности целостного субъекта в форме его деятельности, а лишь за счет саморегулирующей активности отдельных органов или функциональных систем. В качестве отличительного признака деятельности мы будем рассматривать то, что она непосредственно отвечает такому воздействию (объекту, явлению), которое значимо для жизни субъекта не само по себе, а в силу своей объективной устойчивой связи с другими, уже непосредственно значимыми воздействиями (Леонтьев А.Н., 1940, с. 371). Деятельностью в этом смысле, например, не является кислородный обмен, происходящий без участия активности субъекта, если не считать отдельных экстремальных ситуаций. Заданное различие позволяет ввести понятие **потребности**, которое мы определим как соответствующее одному из модусов жизнедеятельности объективное отношение между субъектом и миром, требующее для своей реализации активности субъекта в форме его деятельности. Понятие требования означает, что при отсутствии требуемой активности состояние жизненных отношений соответствующего модуса будет неблагоприятным для сохранения существования и развития субъекта.

Понимание потребности не как внутреннего состояния «изолированного индивида», а как объективного по своей сути отношения, связывающего субъекта с миром, не являясь общепринятым, постепенно получает признание в философской и психологической литературе (см., например, *Дилигенский*, 1976; 1977; *Иванников*, 1983; *Леонтьев Д.А.*, 1991). В таком понимании потребность предстает не как негативная характеристика индивида, определяемая через отсутствие, нужду в чем-либо, а как позитивная характеристика, отражающая присутствие данной формы взаимодействия с миром, данной формы деятельности, «действительных отношений», формы «человеческих проявлений жизни», в полноте которых К. Маркс справедливо усматривал признак внутреннего богатства человека (*Маркс, Энгельс*, 1955, с. 36; *Маркс*, 1974, с. 125). Применительно к человеку только такое понимание потребностей делает возможным приведение к единому знаменателю множества различных движущих человеком побуждений, направленных как на предмет, так и на саму деятельность; как на восстановление гомеостатического равновесия, так и на его нарушение; объединяет такие внешне разные вещи, как потребность в кислороде, движении, пище, стремление к самоутверждению, жажду денег, жажду творчества, потребность быть личностью.

По определению, необходимым условием формирования потребности должно выступать отсутствие постоянной непосредственной данности релевантного предмета. Как показал Ф.Е.Василюк (1984) на примере модели внешне легкого и внутренне простого жизненного мира, при непосредственной данности предмета потребности нет необходимости в деятельности субъекта, который не может быть даже, строго говоря, назван субъектом. Более того, постулируемая Ф.Е.Василюком потребность в этой ситуации теряет право называться потребностью. Потребность в нашем понимании конституируется необходимостью реализации жизненных отношений посредством деятельности, или, другими словами, отвечает лишь модели внешне трудного жизненного мира, который характеризуется атрибутом «протяженности», то есть пространственной удаленности жизненных благ и временной длительности, необходимой для преодоления этой удаленности. Соответственно, реализация любой потребности может быть представлена как путь. Поскольку удаленность предмета, связанного с субъектом потребностным отношением, не сводится в общем случае к пространственно-временной удаленности, а определяется также наличием средств и преград самой разной природы, единственной адекватной мерой этой удаленности может выступать деятельность субъекта. Единичны этой деятельности выступают мерами пути, который необходимо

преодолеть для осуществления конечного, конституирующего потребность, акта деятельности.

В условиях протяженности жизненного мира множество объектов и явлений действительности, не входящие в круг предметов какой-либо потребности, становятся безразличны для жизнедеятельности субъекта в силу своих объективных свойств и определенной локализации в мире, а именно локализации на пути к реализации той или иной потребности. Объективная связь этих объектов и явлений с реализацией потребности может быть различной: они могут выступать как предпосылка (условие) реализации потребности, как средство, как преграда, как сигнал, как отвлекающая помеха и др., а также как средство реализации предпосылки, как преграда к овладению средством, как сигнал возникшей преграды, как преграда на пути действия отвлекающей помехи и т.д. Таким образом, если мы рассмотрим даже единственную потребность и единственный путь к ее реализации, то увидим, что в необходимую для реализации потребности деятельность вовлекается большое число разнообразных объектов и явлений действительности, многократно возрастающее, если принять во внимание множественность объектов, релевантных каждой конкретной потребности, и множественность путей к каждому из них, которая наглядно отражена в «модели линзы» Э.Брунsvика (см. рис. 2).

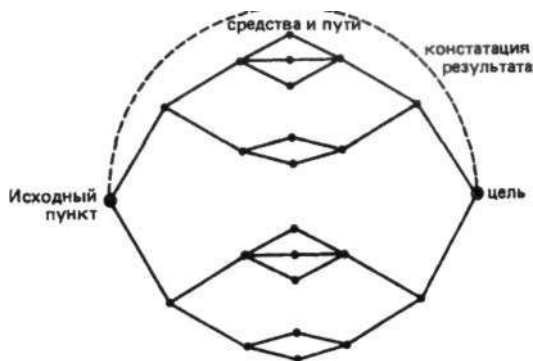

Рис. 2. Модель линзы Брунsvика, иллюстрирующая так называемую эквифинальность, в которой выражается целенаправленность поведения. Совершенно различные пути и средства, которые мы наблюдаем в процессе осуществления действия, могут вести к одной и той же цели (Хекхаузен, 1986 а, с.37)

При этом сравнительные характеристики путей к реализации потребности могут влиять даже на выбор конкретного предмета: лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Таким образом, в жизнедеятельность субъекта включено, часто многократно опосредованным путем, множество объектов и явлений действительности, характеризующихся определенным отношением к реализации потребностей субъекта, а именно смысловыми связями. **Смысловая связь** — это такое объективное отношение между двумя объектами или явлениями, в силу которого если один (одно) из них (или какая-либо грань его) имеет отношение к реализации какой-либо потребности субъекта, то и второй объект или явление также становится безразличным к реализации этой потребности, включается в цепь ее реализации. Цепь смысловых связей прямо соотносится с деятельностным путем реализации потребности: каждое звено пути направляется одной из смысловых связей. Например, если для реализации моей познавательной потребности мне необходимо записаться в некоторую библиотеку, то на пути к этому встает еще необходимость сфотографироваться для читательского билета. В силу этой объективной смысловой связи фотоателье включается в систему реализации познавательной потребности.

Приведем еще один пример, на котором лучше видна индивидуальная специфичность смысловых связей, их субъектный характер. Так, исследования противоправного поведения (Волков, 1982) показали, что хулиганские действия, ранее рассматривавшиеся как «немотивированные», в действительности мотивированы потребностью в самоутверждении, присущей и законопослушным людям. Хулиганы, однако, реализуют эту потребность путем унижения других; у большинства же людей унижение других не находится в смысловой связи с утверждением собственной личности. Важно подчеркнуть, что речь идет не об отражении определенных связей в сознании, которое может быть и иллюзорным, а о связях, реальность которых подтверждается практическими действиями, направляемыми соответствующими смысловыми связями: унижение других действительно приносит хулигану чувство собственной значимости. Смысловые связи — это связи, реальность которых обнаруживается или проверяется в результате практической деятельности.

Понятие смысловых связей неотделимо от понятия смыслообразования. Смыслообразование, если рассматривать его в плоскости жизненных отношений субъекта с миром, представляет собой процесс расширения смысловых связей. Если за точку отсчета взять реализацию индивидуальной потребности, то смысловые связи первого порядка будут указывать предметы, релевантные данной потребности; эти предметы выступают в этом случае смыслообразующим нача-

дом по отношению к смысловым связям второго порядка, определяющим цели, достижение которых необходимо для овладения соответствующими предметами; конечные цели, в свою очередь, приобретают смыслообразующую силу по отношению к промежуточным целям, образуя связи третьего порядка, и т.д. Все эти связи образуются в ходе практической деятельности субъекта, в которой вскрываются пути к реализации тех или иных потребностей, определяется место тех или иных объектов и явлений в жизни субъекта благодаря включению их в структуры смыслового опыта. Строго говоря, деятельность не создает смысловых связей: образует смысл «не предметная деятельность, а некоторый субъективный эффект, ею обусловленный» (Виллюнас, 1976, с. 88). Однако этот эффект — открытие субъектом места каких-либо объектов и явлений в его жизнедеятельности — невозможен вне и помимо практической предметной деятельности. Конечно, человек способен раскрывать объективные взаимосвязи и теоретически, в своем мышлении, и формировать идеаторные представления о смысловых связях, однако они далеко не всегда, проходя проверку на практике, оказываются адекватными.

Объективной характеристикой места или роли объектов и явлений в жизнедеятельности данного конкретного субъекта является их жизненный смысл для него, определяемый системой (системами) смысловых связей, распространяющейся (распространяющимися) на данный объект или явление. Если жизненные отношения характеризуют возможность взаимодействия с теми или иными объектами или явлениями, то жизненный смысл отражает более или менее императивную необходимость такого взаимодействия. Жизненный смысл одного и того же объекта или явления будет в общем случае не совпадать для разных субъектов, поскольку разным будет место данного объекта или явления в их жизнедеятельности. На наш взгляд, мы вправе говорить о **жизненном смысле как единице анализа жизненного мира**. «Сращенность смыслов с жизненными процессами человеческого существования, их тесная связь с человеческим миром обуславливают то обстоятельство, что в смысле открываются те горизонты мира, которые выражаются в проективной потенции человеческого опыта, в жизненной практике людей» (Козловский, 1990, с. 22).

Реальность практических жизненных отношений человека с миром, описываемая с помощью системы введенных нами понятий, и есть, на наш взгляд, объективная, вытекающая из императивов жизненной необходимости основа, в соответствии с которой субъект строит свою деятельность. «Связь деятельности и жизни — основа включенности индивидов в мировые отношения, в тот круг условий и предпосылок, которые входят в состав жизненного мира» (там же,

с. 21). Осмысленная деятельность и есть деятельность, регулируемая ее смыслом, деятельность, протекающая по особой логике, которая задается местом отдельных предметов, событий, поступков и т.п. в жизненном мире субъекта, то есть их смыслом. Однако изложенное в данном разделе понимание смысла в онтологическом аспекте еще не приблизило нас к пониманию его психологической природы и механизмов функционирования. Как справедливо отмечал В.К.Вилюнас, понятие «смысл», определяемое через отношение объективных явлений к потребностям живого существа, представляет собой «абстракцию, привлекаемую для обозначения всякого без исключения такого отношения, без уточнения его особенностей и качества» (Вилюнас, 1976, с. 90). Это — «чисто логическая конструкция» (Бассин, 1973, с. 22), не имеющая реального психологического эквивалента.

Психологической реальностью смысл становится при рассмотрении его в двух других аспектах — феноменологическое и деятельностном (субстратном). При этом субъективной основой построения деятельности на основании смысловой логики жизненной необходимости выступает не столько прямое отражение в сознании жизненных смыслов объектов и явлений (феноменологический аспект смысла), сколько преломление их в превращенной форме смысловых структур личности (деятельностный аспект), которые, не будучи даны субъекту в образе, функционируют как внутренние регуляторные механизмы, воздействующие на протекание самих процессов деятельности и психического отражения. К их анализу мы непосредственно и переходим.

2.3. ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СМЫСЛОВЫХ СТРУКТУРАХ И СМЫСЛОВОЙ СФЕРЕ ЛИЧНОСТИ

Выполненный нами в предыдущем разделе философский анализ жизненных отношений, связывающих субъекта с миром и конкретизирующихся в жизненных смыслах объектов и явлений действительности, позволяет дать ответ на вопрос о природе и онтологическом статусе смысловых образований и вплотную подойти к психологическому исследованию форм существования смысла в структуре личности, сознания и деятельности, превращающих его в регулятор жизненных процессов, то есть к исследованию собственно смысловой сферы личности. Нам предстоит раскрыть суть отношения между объективно-содержательной стороной смысловых образований, охарактеризованной в предыдущем разделе, и конк-

ротно-психологическими формами и механизмами их существования и функционирования, феноменология которых будет описана и систематизирована в последующих главах.

Это отношение есть отношение *превращенной формы*. Понятие превращенной формы, разработанное в трудах М.К.Мамардашвили (1968; 1970), описывает инобытие некоторой реальности в инородном субстрате, характеризующееся ее подчинением формообразующим закономерностям последнего. «На место предмета как системы отношений становится квазипредмет, привязывающий проявление этих отношений к какой-либо субстанции, конечной и нерасчленимой, и восполняющей их в зависимости от ее "свойств"» (*Мамардашвили*, 1970, с. 388). В отличие от классического отношения формы и содержания, в случае превращенной формы отсутствуют обособленные содержательные определения: «... форма проявления получает самостоятельное "сущностное" значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы (например, в случаях символизма) и становится на место действительного отношения» (*там же*, с. 387). В результате этого превращения и слияния само исходное содержание претерпевает определенные трансформации: исходная система отношений сворачивается, редуцируются и выпадают опосредующие звенья и промежуточные зависимости; обнажаются одни характеристики предмета, функционально значимые в данной превращенной форме, и стираются другие, не имеющие значения для соответствующих аспектов его функционирования. Все эти трансформации определяются не чем иным, как свойствами субстрата, в котором получает воплощение исходное предметное содержание.

Понятие превращенной формы привлекалось как объяснительное при анализе структур сознания и их соотношения с порождающей их системой реальных бытийных отношений (см. *Мамардашвили*, 1968). Лишь претерпевая ряд трансформаций, обусловленных формообразующими закономерностями самого сознания, реальность «...определяет сознание, представляется в нем тем или иным определенным образом, содержанием, смыслом, значением, скрывая в то же время от него самое себя и механику преобразований» (*там же*, с. 21). Во всех этих формах «...реальные отношения объективно опущены и заменены определенными преобразованиями (до и независимо от сознания)» (*там же*, с. 20). Сознание при этом понимается в самом широком смысле, практически отождествляясь со всей сферой психического у человека; в качестве примеров превращенной формы М.К.Мамардашвили называет не только значения, смыслы и символы, но и, в частности, мотивы. Если, однако,

применительно к проблеме значения идея превращенной формы давно и продуктивно эксплуатируется в психолингвистических исследованиях (Леонтьев А.А., 1975; Тарасов, 1979 и др.), то по отношению к собственно личностным структурам — в частности, к тем же мотивам и смыслам — эту работу еще предстоит проделать.

Анализ смысловых образований под этим углом зрения целесообразно начать с отказа от самого термина «смысловое образование». Как явствует из предыдущей главы, понятие смыслового образования получило уже несколько существенно различающихся определений; более того, это понятие то относится к конкретным качественно определенным структурам, то используется как обобщающее родовое понятие, объединяющее целый ряд конкретных разновидностей смысловых образований, то описывает некоторую сложную систему, включающую целый ряд смысловых элементов. Нам же крайне важно все эти моменты различать, поскольку наше исследование предполагает последовательное движение от описания функционально специализированных элементов к организации смысловой сферы личности как целого. Поэтому вместо понятия смысловых образований мы вводим два новых понятия: смысловых структур и смысловых систем. Понятие смысловых структур выступает как обобщающее родовое понятие для описываемых ниже специфических элементов структурной организации смысловой сферы личности; понятие смысловых систем относится к особым образом организованным целостным многоуровневым системам, включающим в себя целый ряд различных смысловых структур.

В наиболее общем определении ***смысловые структуры являются превращенными формами жизненных отношений субъекта***. Жизненные смыслы и стоящие за ними более или менее сложные системы действительных жизненных отношений субъекта даны его сознанию и включены в его деятельность в превращенной форме смысловых структур, которые в совокупности образуют систему смысловой регуляции жизнедеятельности субъекта. Эта система обеспечивает подчинение деятельности субъекта логике жизненной необходимости, логике отношений с миром; в то же время, как отмечалось выше, развитие и усложнение смысловой регуляции расширяет возможности человека произвольно строить свои отношения с миром.

Как уже говорилось выше, специфика превращенной формы во многом определяется субстанцией, к которой привязываются превращенные отношения. Исходный предмет замещается квазипредметами или квазисубъектами, существующими объективно, дискретно и самостоятельно. М.К.Мамардашвили приводит в качестве примера таких квазисубъектов «...труд и капитал, имеющие цену; материальные знаки различных видов языков, несущие в себе непосредственное

значение объектов; запоминающие и кодирующие устройства в электронных машинах и т.п. В этих предметах нет и на деле не может быть непосредственной связи между стоимостью и трудом, между знаком и объектом и т.д. Но именно из этого прямого замыкания связи на некоторого "носителя" и развивается новое, восполненное (или восполняющее) отношение, которое дает структуру и последовательность объективной видимости и которое обозначает или косвенно реализует процесс, не простирающийся прямо в этом явлении» (*Мамардашвили*, 1970, с. 388). Такими квазиобъектами, замещающими в структуре личности ее действительные жизненные отношения, и являются смысловые структуры.

Согласно изложенным представлениям, классификация смысловых структур должна опираться на выделение видов психологических квазиобъектов, которые могут служить субстратом для превращенной формы жизненных отношений. В роли таких квазиобъектов может выступать психический образ и стоящие за ним индивидуально-специфические измерения субъективного опыта, определяющие его организацию; актуальные установки, задающие направленность предметно-практической и психической деятельности и стоящие за ними обобщенные латентные диспозиции, определяющие спектр потенциальных поведенческих реакций по отношению к определенным объектам и ситуациям; конкретные предметы жизненного мира, требующие осуществления по отношению к ним определенной деятельности и стоящие за ними идеальные модели должного, обладающие способностью многократно порождать деятельность, выступая перед субъектом каждый раз в виде новых и новых конкретных предметов. Соответственно, мы можем выделить шесть видов смысловых структур: личностный смысл в узком значении термина, понимаемый как составляющая сознания (*Леонтьев А.Н.*, 1977), смысловой конструкт, смысловую установку, смысловую диспозицию, мотив и личностную ценность.

Выделение этих шести разновидностей смысловых структур не является продуктом чисто логического анализа. В следующей главе мы поочередно обоснуем на эмпирическом материале необходимость выделения каждой из этих структур и объяснительную ценность соответствующих понятий. При всем различии характера и Функциональных проявлений перечисленных структур они теснейшим образом связаны между собой. Один и тот же жизненный смысл, преломляясь в структуре личности, может принимать различные превращенные формы и выступать в разном обличьи. Например, объективное место и роль денег в жизни человека (их жизненный смысл) может проявляться в экспериментальных эффектах субъективной переоценки физических размеров монет

(личностный смысл), в забывании долгов (смысловая установка), в готовности взяться за тяжелую и нудную, но хорошо оплачиваемую работу (мотив), в преувеличенно бережном обращении с дорогими вещами (смысловая диспозиция), в выборе знакомств или супруга по признаку материальной обеспеченности (смысловой конструкт), в жизненной ориентации на достижение материального благополучия, богатства (личностная ценность). Каждая из этих психологических структур является специфической превращенной формой одного и того же жизненного смысла; в целостной системе смысловой регуляции жизнедеятельности личности все они взаимосвязаны. Вместе с тем это все же разные психологические структуры, существенно различающиеся по своим структурным и функциональным характеристикам. Можно сказать, что взаимосвязи этих структур принадлежат к личностному измерению, к плоскости жизненных отношений, в то время как различия между ними обусловлены спецификой их строения и функционирования как регуляторных образований психики. По сути, смысловые структуры личности представляют собой точки взаимопроникновения двух плоскостей или измерений человеческой жизни — психического и личностного. Это взаимопроникновение происходит путем воплощения смысловой реальности в превращенной форме в определенных структурах психики. Тем самым смысловые структуры личности могут быть названы одновременно смысловыми структурами психики, поскольку им присуща как бы двойная природа. Они вовлечены одновременно в две системы взаимосвязей, в два движения. Своим смысловым содержанием они причастны сфере жизненных отношений и включены в локализованную в ней сеть смысловых связей. Своей формой, с которой связаны различия между разными смысловыми структурами, они обязаны своему специфическому месту и роли в структуре механизмов регуляции процессов деятельности и психического отражения, в которой они тесно переплетаются с другими, бессмысловыми регуляторными структурами и механизмами.

На рисунке 3 изображена схема функционирования взаимосвязей вышеназванных смысловых структур, то есть тех взаимосвязей, которые реализуются в процессах смыслообразования. Как следует из схемы, эмпирически регистрируемые воздействия на сознание и деятельность оказывают только личностные смыслы и смысловые установки конкретной деятельности, порождаемые как мотивом этой деятельности, так и устойчивыми смысловыми конструктами и диспозициями личности. Мотивы, смысловые конструкты и диспозиции образуют второй иерархический уровень смысловой регуляции. Высший уровень систем смысловой регуляции образуют

Рис. 3. Функциональные взаимосвязи смысловых структур. Треугольником на схеме обведены структуры и их связи, существующие и реализующиеся в пределах одной отдельно взятой деятельности

ценности, выступающие смыслообразующими по отношению ко всем остальным структурам. Иначе выглядят связи между теми же структурами в генетическом разрезе, однако генезис смысловых систем и структур представляет собой отдельную проблему.

Коснемся вначале различий между этими структурами. Во-первых, половина из перечисленных личностных структур не может быть, строго говоря, отнесена к структуре личности из-за того, что личностный смысл, смысловая установка и мотив (согласно определениям, которые будут даны в следующей главе), не являются устойчивыми, инвариантными образованиями. В отличие от смысловых конструкторов, смысловых диспозиций и ценностей, обладающих трансситуативным и «наддеятельностным» характером, они складываются и функционируют лишь в пределах конкретной отдельно взятой деятельности; выход их за рамки этой деятельности и приобретение устойчивости означает трансформацию их в другие, устойчивые структуры. Вместе с тем теснейшие генетические связи между

структурами актуальной деятельности и устойчивыми элементами структуры личности не позволяют разорвать их даже в теоретическом анализе.

Второе различие связано с плоскостью функционирования каждого из выделенных квазиобъектов. Установки и диспозиции релевантны плоскости предметно-практической и психической деятельности; их эмпирическое изучение возможно посредством фиксации (объективной или путем внешнего наблюдения) особенностей протекания этой деятельности. Личностные смыслы и смысловые конструкты релевантны плоскости сознания, образа мира субъекта; их эмпирическое изучение возможно на основе анализа различных форм самоотчетов испытуемых. При этом необходимо учитывать, что непосредственные регуляторные воздействия на структуры деятельности и образа мира оказывают, как мы увидим в следующей главе, только личностные смыслы и смысл/овые установки; изучение же смысловых конструктов и диспозиций возможно лишь путем экспериментального разделения устойчивых и ситуативных компонентов систем смысловой регуляции.

Еще более опосредованным образом связаны с сознанием и процессами деятельности мотивы и ценности; специфическим свойством мотива выступает, в частности, то, что он задает границы отдельной деятельности и тем самым границы функционирования личностных смыслов и смысловых установок. Фактически единственным методом, позволяющим экспериментально выделить влияние мотива, является навязывание испытуемому более или менее искусственного мотива; естественные же мотивы крайне трудно отделить в эксперименте от личностных смыслов и смысловых установок, исключительно через посредство которых они и проявляются. То же, но еще в большей степени, относится к ценностям. Вместе с тем трудности эмпирического изучения некоторых из перечисленных смысловых структур не мешают нам рассматривать их как элементы единой системы объяснительных понятий. Подробно эта система будет представлена в следующей главе.

2.4. ПУТИ И МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ СМЫСЛОВ

Вернемся теперь к онтологическому плану анализа, в частности, к вопросу о механизмах порождения смыслов. В разделе 2.2. мы представили в самых общих чертах онтологическую картину жизненных отношений и строящихся на них смысловых связей, на основе кото-

рых происходит приобретение все новыми объектами и явлениями действительности жизненного смысла для субъекта. Эти представления о смыслообразовании, детализируемые и уточняемые в последующих главах, описывают динамику саморазвития смысла в форме переходов от одного носителя к другому. Этот процесс подразумевает заданность смыслообразующих источников; в нем, строго говоря, не возникают новые смыслы, а уже существующий смысл переходит в новую форму существования или на новый носитель. Источником изменений выступает при этом некоторая априорно существовавшая высшая смысловая инстанция, высший смысл.

Но откуда берутся эти высшие смыслы, по отношению к которым уже нельзя обнаружить смыслообразующие связи, ведущие еще дальше? На уровне самых общих смысловых ориентации (к нему мы относим такие психологические образования как потребности, личностные ценности, мировоззрение, смысл жизни и самоотношение) смыслообразование невозможно, ибо смысловые структуры этого уровня не наполняются смыслом из какой-то еще более высокой смыслообразующей инстанции — такой инстанции нет. Процессы смыслообразования на этом уровне берут свое начало, они определяются общими смысловыми ориентациями с содержательной стороны, но не определяют их. Развернутая в разделе 2.2. модель жизненных отношений и смысловых связей позволяет объяснить формирование смысловой регуляции жизнедеятельности *после того*, как в жизненном мире субъекта выделились смысловые узлы, точки дальнейшей кристаллизации смыслов, то есть после того, как некоторые точки жизненного мира оказались выделены, получили особый для субъекта статус.

На какой основе происходит это выделение? В разделе 2.2. мы ограничились указанием на потенциальную возможность взаимодействия между субъектом и объектом или явлением, определяемую соответствием их объективных свойств и характеристик. Это указание, однако, не объясняет того, почему именно те, а не иные точки приобретают особую значимость. Здесь уместно вспомнить метафорическое понимание В.В.Налимовым (1989 *а, б*) личности как фильтра, который, накладываясь на бесконечный континуум смыслов, образующий мир, проявляет лишь некоторые из них. Чем же определяются качественные особенности этого фильтра? В одной из работ (Леонтьев Д.А., 1992 *а*) мы попытались сформулировать критерии необходимости потребностей — сохранение и развитие субъекта и социального целого, к которому он принадлежит. Однако, по меньшей мере для человека, эти критерии могут объяснить порождение лишь какой-то части, но отнюдь не всех ключевых для его жизнедеятельности смыслов.

Наиболее глубокий анализ этой проблемы мы находим в работе А.М.Лобка. «Представим себе живое существо, у которого есть интерес ко всему на свете, и у которого всякий без исключения предмет вызывает равновеликий интерес. Иначе говоря, представим, что у этого живого существа есть только мотивированность к окружающему его предметному миру, но при том нет никаких механизмов отбора, нет никаких механизмов внутренней редактур. Такого рода живое существо не сможет сделать ни шагу, как знаменитый буриданов осел. Или будет с тупым упорством умалишенного последовательно и внимательно изучать каждый предмет, который будет попадаться ему на пути: на что ни упадет в очередную секунду его взгляд, то и будет предметом его очередного аффектированного или вялотекущего интереса» (Лобок, 1997, с. 53).

Для реального животного, как указывает А.М.Лобок, проблема решается просто: абсолютной точкой отсчета всей его жизнедеятельности выступает генетическая видовая программа, а все, что выходит за ее пределы, является ничего не значащим фоном. «Набрасывая на мир сетку своей, биологической размерности, животное вычленяет из мира некий свой, видовой фрагмент и подчеркнуто игнорирует все остальное... Для двух представителей одного и того же вида мир упорядочен принципиально одинаково» (там же, с. 41—42). «Нормальное животное — это то, которому интересна лишь та часть окружающего его мира, которая имеет непосредственное отношение к осуществлению его видовых биологических потребностей. Животное, которое рискнуло бы выйти за границы такого рода интереса, просто невозможно» (там же, с. 54—55).

Именно таким «невозможным животным» является, по мнению А.М.Лобка, человек, у которого «мы сталкиваемся с феноменом индивидуально-неодинаковой упорядоченности мира» (там же, с. 43). Характерным для человека является то, что его потребности, привычки и интересы носят принципиально надвидовой, личностный, то есть неповторимый и невоспроизводимый характер и не могут быть объяснены какой-либо универсальной матрицей. Как же возможно объяснить организацию человеком своих отношений с миром «по индивидуальному проекту»? А.М.Лобок вводит в качестве объяснительного понятия категорию мифа — мифа культурного и мифа индивидуального. «Миф как принципиально иллюзорная, сочиняемая самой человеческой культурой точка отсчета, позволяющая человеку выбрать там, где привычные для животного средства выбора не помогают... Именно миф оказывается тем высшим регулятором, который упорядочивает отношение человека к всепредметному миру и позволяет человеку не сойти с ума перед лицом открывающихся ему бесконечных предметных возможностей... Именно миф расставляет

перед человеком систему своеобразных "указателей": что должно являться более ценным, а что — менее, что должно являться более значимым, а что — второстепенно и третьестепенно по своей значимости. Именно миф — иллюзорная и нелепая конструкция с точки зрения внешнего наблюдателя — создает систему тех базовых ориентиров, которые позволяют представителю той или иной культурной общности твердо знать, каким факторам окружающего предметного мира следует отдавать предпочтение» (там же, с. 56—57).

Другими словами, **выделение в жизненном мире субъекта ведущих смысловых ориентиров, которые становятся в дальнейшем смыслообразующими основаниями его жизнедеятельности, осуществляется на основании индивидуально-неповторимых актов смыслопорождения**, лишь небольшая часть которых может быть описана в понятиях объективной или витальной необходимости. Еще раз подчеркнем, что психологической основой формирования и изменения общих смысловых ориентации личности являются не процессы смыслообразования — порождения смысла от какого-то более общего смысла, — а порождение смысла в непосредственном взаимодействии с миром. Смыслообразование и смыслопорождение можно метафорически сопоставить соответственно с зажиганием огня от другого огня (факела от костра) и с высечением искры из кремня. В первом случае уже существующий огонь (смысл) просто переносится на новый носитель, во втором — он возникает по естественным закономерностям из источника, который сам не имеет огненной (смысловой) природы.

Теоретический анализ позволяет говорить о следующих психологических механизмах порождения смысла: **замыкание жизненных отношений, индукция смысла, идентификация, инсайт, столкновение смыслов, полагание смысла**. Этот перечень является, насколько нам известно, первой попыткой систематизации механизмов смыслопорождения. Он представляет собой эмпирическое обобщение и, следовательно, не является закрытым.

1. **Замыкание жизненных отношений**. Сутью замыкания (как мы его будем далее называть для краткости) является встреча субъекта с объектом или явлением, результатом которой становится неожиданное спонтанное обретение этим объектом весомого жизненного смысла, то есть важного места в жизни субъекта. Этот механизм отчасти схож с такими механизмами как импринтинг (см., например, Виллюнас, 1990), опредмечивание потребности (Леонтьев А.Н., 1971), фиксация установки (Узнадзе, 1966). Отличие заключается в том, что во всех этих трех случаях потребность в объекте полагается уже имеющейся к моменту встречи; она лишь находит свой предмет, который приобретает смысл в свете ее, то есть здесь речь идет

о смыслообразовании. В случае же замыкания нет основания предполагать наличие априорной потребности, более того, в ряде случаев такое замыкание приводит к фрустрации имевшихся потребностей.

Одним примером является любовь с первого взгляда, которая не всегда бывает опредмечиванием имевшейся романтической потребности («душа ждала кого-нибудь»), но порой, напротив, вступает в конфликт с имевшимися потребностями и оказывает разрушительное воздействие на сложившуюся структуру жизни зрелого человека, не дав ничего взамен. Другой пример — формирование наркотических и квазинаркотических зависимостей (собственно наркотики, алкоголизм, курение, азартные игры, компьютерные игры и другие зависимости). Третий пример — увлечение рискованными видами спорта (альпинизм, виндсерфинг, авто- и мотогонки и т.п.), которое не выводимо из структуры иных потребностей (см. об этом *Rheinberg*, 1987; *Csikszentmihalyi*, 1990); смысл этой деятельности самодостаточен и порожден переживанием уникальных ощущений, с которыми человек сталкивается в этой деятельности («Весь мир на ладони, ты счастлив и нем, / И только немного завидуешь тем, / Другим, у которых вершина еще впереди» — В.Высоцкий). Вспомним, наконец, такую замечательную литературную иллюстрацию как новеллу О.Генри «Фараон и хорал» (1955). Бродяга промозглой осенью пытается, как обычно, попасть в тюрьму, где тепло и кормят. После нескольких неудачных попыток, проходя мимо церкви, он слышит доносящуюся оттуда органную музыку, которая переворачивает его душу, и он решает бросить бродяжничать, пойти работать и вообще начать жизнь сначала. В этот момент его арестовывают и сажают в тюрьму за бродяжничество. Примеры замыкания жизненных отношений можно было бы множить, но и приведенных уже достаточно для того, чтобы увидеть: в результате такого замыкания рождается качественно новый жизненный смысл, невыводимый из имевшихся ранее у субъекта смыслов, потребностей и ценностей.

2. *Индукция смысла* представляет собой придание смысла (смысловую рационализацию) деятельности, изначально лишенной смысла, которую человеку приходится выполнять под теми или иными внешними принуждениями. Механизм индукции выражен формулой «стерпится — слобится» и основан на потребности человека придавать смысл всему, что он делает. Так, работа, выполняемая по принуждению, может постепенно затягивать и даже начать нравиться, жена и муж, сосватанные родителями в патриархальной модели брака, познакомившись на своей свадьбе, постепенно строят вторичную смысловую основу фактически уже осуществляющихся по ритуалу семейных отношений. Есть и примеры творческой индукции

оригинального смысла бессмысленной деятельности, в частности, следующая легенда из жизни группы декабристов, сосланных на каторгу (Л.Я.Гозман, личное сообщение). Один из надзирателей, ненавидевший декабристов и не упускавший случая поиздеваться над ними, однажды заставил их перетаскивать большую кучу камней с одного места на другое. Когда куча была перенесена, он заставил переносить камни обратно. Затем еще и еще раз. Его целью было бессмысленной работой расшатать дух заключенных, вывести их из себя. Но они смогли придать этой работе смысл, задавшись целью вывести из себя надзирателя прилежным перетаскиванием камней. Легенда гласит, что им это удалось. Экспериментально-психологическим эквивалентом этой ситуации можно считать тот факт (обнаруженный А.Карстен в ее известных экспериментах по пресыщению), что эффект пресыщения не наступал, когда испытуемый ставил свою собственную цель — утомить экспериментатора! (*Зейгарник*, 1986, с. 89).

Особая роль принадлежит индукции смысла как механизму формирования смысловой регуляции в раннем онтогенезе. На это обратил внимание еще Л.С.Выготский, отметивший, что вначале мать осмысливает спонтанное движение ребенка как указание; оно становится жестом для других, не будучи еще жестом для себя. «Первоначальный смысл в неудавшееся хватательное движение вносят, таким образом, другие... Ребенок приходит... к осознанию своего жеста последним» (*Выготский*, 1983 а, с. 144). Как показывают, например, исследования во многом опирающегося на работы Выготского Дж.Шоттера, способность ребенка осмыслять свои действия, переживать их как имеющие смысл, а не просто причинно обусловленные, выступают как практический навык, формирующийся в результате индуктивного приписывания им смысла его матерью (*Shotter*, 1975; 1976; 1978).

3. *Идентификация* с определенной социальной группой или общностью в процессе социогенеза приводит к присвоению смысловых ориентации, характеризующих культуру данной социальной группы. Осознание себя, скажем, православным, мужчиной, болельщиком «Спартака», ставит человека лицом к лицу с системой смыслов, выработанных соответствующей социальной группой. Наиболее концентрированной формой выражения смысловых ориентации социальной группы служит система групповых ценностей. Механизмы усвоения индивидом ценностей группы были подробно рассмотрены нами ранее (*Леонтьев Д.А.*, 1996 б, 1997 б; см. также ниже раздел 3.6). Как правило, к моменту осознания индивидом своей принадлежности к определенной социальной группе он уже разделяет заметную часть ее смысловых ориентации, что, собствен-

но, и служит основанием для отождествления себя с данной группой. Следствием такого отождествления является, однако, принятие и других смыслов и ценностей, входящих в «ценностное ядро» (Леонтьев Д.А, 1997 б) данной группы.

А.М.Лобок считает, что основой присвоения смыслов «своей» социальной общности является общий миф. «Люди, погруженные в один и тот же миф, понимают друг друга с полуслова.... Миф — это тайный язык смыслов, сама суть которого состоит в том, чтобы сделать данную культуру эзотеричной, непроницаемой для представителей других культур» (Лобок, 1997, с. 21). А.М.Лобок рассматривает миф как «смыслонесущую» реальность, как то, что дарует человеку смысл. «Любой миф предлагает человеку некую условную ценностную систему отсчета, весьма и весьма условное представление о приоритетах, весьма и весьма условную систему представлений о том, что является самым важным, что — менее ЕЯЖНЫМ, а что — совсем ничего не значащим фактором человеческого существования» (там же, с. 73). Условность смыслообразующей иерархии, заключенной в культурном мифе, состоит в том, что нет никаких причин, рациональных оснований, объясняющих именно такую, а не иную ценностную иерархию. Но вместе с тем эта система ценностей не является произвольной: будучи создан, миф становится основанием общей идентичности представителей данной культуры, социальной группы. Вопрос о правильности или истинности мифа лишен смысла; принимая, разделяя миф, я тем самым ставлю себя внутрь той культуры, социума, который сплочен именно этим мифом, а усомнившись в нем или в производном от него смысле, я просто оказываюсь в позиции чужого по отношению к ней. «Смысл есть высшее знание не потому, что он несет в себе объективную истину, а потому, что он несет в себе знак принадлежности той или иной культуре» (там же, с. 86).

4. *Инсайт*, или просветление — внезапное усмотрение смысла там, где только что еще ничего не было. Смысл возникает в сознании как бы ниоткуда, почти мистическим образом. Каждому знакомы такие переживания, большие или малые по своей значимости и влиянию на жизнь. М.К.Мамардашвили в своей психологической топологии пути вводит два нетрадиционных постулата, проливающих свет на феномены смыслового инсайта. Во-первых, в каком-то смысле истина всегда уже есть около нас в любой момент. Во-вторых, мы не приходим к ней в результате прямого и целенаправленного движения. Мы можем войти в состояние, из которого эта истина вдруг откроется, лишь «по кривой, выйдя в другое измерение, которое открывается тем, что мы делаем с собой сами» (Мамардашвили, 1995, с. 332). Мамардашвили говорит в этой связи о

том, что сознание находится, как правило, в неструктурированном состоянии, не дающем увидеть истину, и привести к истине может не движение, не исследование, а определенная структура, которую может придать сознанию какое-то переживание, текст, произведение искусства и т.п. «Истина появляется тогда, когда твоя, действительно тобою испытанная жизнь как бы всплывает в тебе очищенная и ясная» (*там же*, с. 15).

5. *Столкновение смыслов* происходит при встрече субъекта — носителя внутреннего смыслового мира — с другими смысловыми мирами. Перед субъектом встает проблема сопоставления разных вариантов осмысления действительности, которые могут различаться по степени полноты, разработанности, а также содержательно, и характеризоваться разной степенью противоречивости. Столкновение с иным смысловым миром приводит к осознанию относительности своего, и результатом взаимодействия двух смысловых миров может являться либо обогащение смыслового мира субъекта, либо его более или менее радикальные перестройки, связанные не только с обретением новых смыслов, но и с разрушением старых. Возможно, конечно, и безрезультатное столкновение. Различные ситуации и эффекты столкновения смысловых миров будут приведены ниже, в разделе 4.1., на материале диалогического общения со значимыми другими — носителями иных смысловых миров — и взаимодействия с искусством — активности, направленной не только и не столько на усвоение информации, сколько на ознакомление с альтернативными смысловыми перспективами, смысловыми мирами.

6. *Полагание смысла* — это особый экзистенциальный акт, в котором субъект своим сознательным и ответственным решением устанавливает значимость чего-либо в своей жизни. Обратимся к примерам. «Уильям Джеймс испытывал периоды глубокой депрессии, когда ему было около тридцати. В это время он учился в Европе, изучая психологию. Потеряв веру в свободу волеизъявления, он был совершенно подавлен мыслью, что все его поступки не более, чем простые реакции, как у павловских собак, и тогда невозможно достижение никаких целей. Состояние депрессии длилось несколько месяцев, и он уже подумывал о самоубийстве. Наконец, ему пришлось в голову поставить на свободу. Он решил, что, просыпаясь утром, он будет верить в свободу хотя бы на один день. Он выиграл свою ставку. Вера в свободу обернулась самой свободой.

В качестве другого примера можно назвать Блэза Паскаля, французского физика семнадцатого века. Свое открытие он тоже назвал ставкой. Он поставил на то, что во Вселенной есть смысл. Как он сам писал, он решил, что если он прав, постулируя существование

Бога, то это принесет ему счастье и наполнит жизнь смыслом, а если ошибается, он ничего не теряет, кроме жизни» (Мэм, 1994, с. 130).

То, что Джеймс и Паскаль, а вслед за ними и Р.Мэй называли ставкой, есть не что иное как осознанно выбранная вера во что-то, принятая по собственному решению. Это может быть вера в Бога, свободу, коммунизм, добро, зло, прогресс и т.д. и т.п. Такая сознательно выбранная вера не имеет внешнего обоснования, что отражено в знаменитом афоризме Тертуллиана: «Верую, ибо абсурдно». Абсурдно — значит, не имеет никакого рационального обоснования. Вера обоснована только самим решением верить, в котором полагается смысл. Но парадоксальным образом само это решение создает тот смысл, который ложится в основание всей дальнейшей жизни.

Теперь, охарактеризовав настолько подробно, насколько это возможно на нынешнем этапе исследования, онтологию и механизмы порождения смыслов, вернемся к двум другим планам существования смыслов — в превращенных формах.

2.5. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СМЫСЛА: СМЫСЛ В СТРУКТУРЕ СОЗНАНИЯ

Переходя от онтологического и деятельностного к феноменологическому аспекту рассмотрения смысловой реальности, мы тем самым переходим от гипотетически конструируемых реалий и обнаруживаемых в психологическом эксперименте, но скрытых от самого субъекта психологических механизмов к смысловым содержаниям, данным самому субъекту в качестве элементов его картины мира и себя в мире.

Мы начнем рассмотрение этого аспекта с выстраивания общего представления о структуре сознания. Любое конкретно-психологическое исследование неизбежно опирается на какое-либо явное или неявное представление о природе и строении сознания. Эксплицируя наше представление, прежде всего оговоримся, что мы отнюдь не онтологизируем его; речь идет лишь о рабочей схеме, удобной для рассмотрения через ее призму конкретно-психологических проблем.

Если психика является регулятором деятельности, то сознание есть регулятор бытия. Оно не сводится к психике, как и бытие не сводится к деятельности, а включает в себя также активность внутреннего мира. Сознание — это нечто большее, чем психика, причем

психика не входит в сознание как один из его блоков, а снимается им, изменяя свои свойства и находя в новом качестве свое место в системном строении человеческого сознания.

Современные представления о сознании существенно отличаются от традиционных. Сознание осмысливается, во-первых, как несводимое к осознанию, как «уровень, включающий в себя "механизмы" многих уровней разной "бессознательности"» (Леонтьев А.Н., 1991 а, с. 184), во-вторых, как бытийствующее сознание, постоянно выходящее за пределы самого себя и не укладываемое ни в одно определение (Мамардашвили, 1990), и в-третьих, как направленное не только вовне, но выполняющее также существеннейшую функцию (точнее, систему функций) соотнесения, упорядочивания, трансформации ценностно-смысловых структур, определяющих бытие человека в мире (Василюк, 1984).

А.Н.Леонтьев (1977) рассматривал личностный смысл — пристрастное отношение к объектам и явлениям действительности — как одну из трех основных образующих человеческого сознания, наряду с чувственной тканью и значением. Этот тезис не ставили под сомнение и авторы более поздних, более многомерных и детализированных моделей структуры сознания (Василюк, 1993; Зинченко, Моргунов, 1994). Вместе с тем в рассмотрении конкретного места и механизмов функционирования личностного смысла и других смысловых образований в феноменальной структуре субъективной реальности они не продвинулись дальше общих теоретических положений. Единственным направлением исследований смысловой регуляции образа мира, далеко продвинувшимся в конкретном экспериментальном изучении смыслового слоя субъективной реальности человеческого сознания, является психология субъективной семантики, разрабатывавшаяся Е.Ю.Артемьевой (1986; 1999) на стыке психосемантики, с одной стороны, и теории образа мира А.Н.Леонтьева, с другой.

Е.Ю.Артемьева (вместе с Ю.К.Стрелковым и В.П.Серкиным) различает три слоя субъективного опыта: перцептивный мир, образуемый системой модальных образов упорядоченных друг относительно друга объектов, семантический слой — структурированную совокупность отношений к актуально воспринимаемым объектам — и образ мира в узком смысле, являющийся наиболее глубинным слоем амодальных структур, образующихся при «обработке» семантического слоя (Артемьева, 1999, с. 19—21). Элементы семантического слоя субъективного опыта, являющегося основным объектом исследований в психологии субъективной семантики, понимаются как «следы деятельности, зафиксированные в отношении к предметам, объектам манипуляции и условиям этих деятельности» (там же, с. 23).

Е.Ю.Артемьева констатирует близость такого определения понятиям значения и личностного смысла, обозначая понятием «смысл» «след взаимодействия с объектом, явлением, ситуацией, зафиксированный в виде отношения к ним» (*там же*, с. 29).

Характеризуя смыслы в ее понимании, Е.Ю.Артемьева отмечает, что смысл предмета для субъекта является следом деятельности предьстории отношений между ними, который зафиксирован в отношении к предмету, в его «для-субъекта-бытии» (*там же*, с. 24). Она также делает оговорку, касающуюся несовпадения, хотя и близости, введенного ею понятия смысла с понятием личностного смысла по А.Н.Леонтьеву: они не тождественны по уровню сформированноеTM и этапу генеза. «Необходимо дополнительное звено обрабатывающей след системы, превращающее наш "смшл" в "личностный смысл"» (*там же*, с. 29). По ступеням генеза Е.Ю. Артемьева различает «предсмыслы — образные следы, зафиксированные в модальных свойствах (слой перцептивного мира), смыслы — следы внутри семантического слоя и личностные смыслы — составляющие образа мира, элементы ядерных структур субъективного опыта» (*там же*, с. 30). На наш взгляд, то, что Е.Ю.Артемьева характеризует как смыслы, отчасти близко к таким понятиям как операциональный смысл (*Тихомиров*, 1984) или предметные значения (см. *Зинченко, Смирнов*, 1983, с. 132—133), описывающим функциональные свойства, ситуативно приобретаемые объектами в контексте текущей деятельности.

Разработанный Е.Ю.Артемьевой (1980; 1986; 1999) экспериментально-методический подход к изучению семантического слоя субъективного опыта с помощью модифицированного метода семантического дифференциала и ряда других методов дал основания утверждать, что «оценка объектов человеком в условиях свободных инструкций осуществляется не в модальном, а в семантическом коде, едином (или, по крайней мере, сильно пересекающемся) для объектов разных модальностей» (*Артемьева*, 1999, с. 78). Под семантическим кодом понимается набор (профиль) оценок по шкалам семантического дифференциала, которым Е.Ю.Артемьева пользовалась в своих исследованиях. В наших более поздних исследованиях было показано, что семантический код может быть выявлен и с помощью других методических инструментов, например, цветового теста отношений (*Эткинд*, 1987) или методики ценностного спектра (*Леонтьев Д.А.*, 1997 в). Цветовой и ценностный коды обладают своей спецификой по сравнению с семантическим, однако подчиняются общим закономерностям психологии субъективной семантики. Был выявлен феномен семантических или семантико-перцептивных универсалий (хотя Е.Ю.Артемьева отмечает, что они имеют не

столько перцептивную, сколько эмоциональную природу) — сходных оценок одних и тех же объектов разными испытуемыми. Мера межиндивидуального сходства семантических кодов получила название напряженности семантического кода (Артемьева, 1999).

Е.Ю.Артемьевой (1980; 1999) было экспериментально показано, что при решении задач опознания, запоминания, собственно оценивания объектов ключевым рабочим кодом является именно семантический код, а не перцептивные признаки (цвет, форма). Экспериментально подтвердилась также выдвинутая ею гипотеза «первовидения» — предположение о том, что поаспектному «аналитическому» восприятию образа актуалгенетически предшествует его недифференцированное целостное семантическое оценивание. Эксперименты с варьированием времени предъявления визуальных стимулов показали, что, во-первых, для характеристики объекта вначале используются эмоционально-метафорические категории, обозначающие отношение к объекту, и лишь позднее, с увеличением времени экспозиции дается его логико-категориальная характеристика; во-вторых, точность оценивания по ряду значимых эмоционально-оценочных шкал в условиях дефицита времени восприятия не только не ниже, но даже выше. Таким образом, сделан вывод о том, что по меньшей мере в зрительной модальности первой по времени является обработка семантического кода объекта, обеспечивающая его «допредметную» эмоционально-оценочную квалификацию, и лишь позднее происходит категориально-понятийная репрезентация объекта (Артемьева, 1999, с. 121). И наоборот: при локальных поражениях мозга именно семантические коды сохраняются от распада дольше всего, обеспечивая адекватную семантическую квалификацию объектов, когда все остальные механизмы опознания уже не работают (*там же*, с. 301).

Обработка семантического кода оказалась также тесно связана с процессами метафоризации; было экспериментально доказано, что субъективно предпочтительный тип метафоризации (характер преимущественно используемых метафор) связан с точностью семантического оценивания. Было также экспериментально показано, что удельный вес эмоционально-оценочных координат субъективного опыта по сравнению с предметно-денотативными резко возрастает в условиях эмоционального шока и снижается по мере знакомства с объектом (*там же*, с. 154).

Возвращаясь к теоретическому осмыслению полученных результатов, Е.Ю.Артемьева указывает, что, как явствует из полученных Данных, «предметами в субъектно-объектных отношениях являются не вещи, не объекты, ситуации, явления, а свернутые следы взаимодействия с ними, некоторое состояние, реализация в здесь-и-сейчас

образа мира» (*там же*, с. 136). Природу семантического оценивания она усматривает в идентификации воспринимаемого объекта или ситуации со следом эмоционального состояния, а семантические оценки на уровне глубинной семантики «суть оценки эмоций, возникших в процессе контактов с объектом в личном опыте испытуемого, или оценки тех же эмоций, присвоенные при освоении общественного опыта» (*там же*, с. 156).

Сближаясь по своей природе с личностными смыслами, семантические оценки (семантические коды) изначально не связаны с ними структурно. В ситуации первовидения или «первовосприятия» опознается генерализованный смысл нового объекта, который, при наличии достаточного времени для детального опознания объекта, или при обнаружении высокой значимости этого объекта (например, его опасности) регулирует настройку сенсорных систем, вычерпывающих информацию об объекте; если же времени мало и опознанный генерализованный смысл не привлекает особого внимания к объекту, новый смысл не образуется. В процессе вторичной обработки осуществляется восстановление полного смысла объекта. «Далее принимается решение о том, является ли "новый" смысл конфликтным по отношению к ядерной системе смыслов и если является, то конфликт разрешается на основании информации об успешности деятельности, в которой он возник, и в случае неадекватности "старого" смысла перестраивается сама ядерная структура» (*там же*, с. 204). Полный смысл «меняет или не меняет состояние глубинного слоя. "Образ мира" в зависимости от согласия или конфликтности со "старым смыслом", становится личностным смыслом» (*там же*, с. 306). Если же конфликта между «старым» и «новым» смыслом нет, перестройки не происходит и взаимодействие с объектом «проходит вхолостую для формирования субъективного опыта» (*там же*, с. 162).

Мы видим, что в психологии субъективной семантики получает подробное описание и объяснение феноменология непосредственного формирования субъективного отношения в актуальном взаимодействии с объектами, поверхностный, недифференцированно-эмоциональный слой смыслов. Семантические оценки (коды), действительно, нельзя отождествлять со смысловыми оценками до тех пор, пока в процессе восприятия не восстановлен тот жизненный контекст, из которого они черпают свою значимость. Изолированные оценки не являются смыслами; смыслами они становятся, будучи интегрированы субъектом в картину мира, себя и своей жизнедеятельности, найдя в ней свое место. Вместе с тем не вызывает сомнения связь механизмов семантического кодирования со смысловой регуляцией. Нам представляется правомерным рас-

смаатривать семантические коды как главные индикаторы смыслов в феноменологической плоскости рассмотрения последних.

Вернемся теперь к общим рабочим представлениям о сознании. Что мы можем выделить, в первом грубом приближении, в его структуре?

Во-первых, образ мира, воспринимаемый нами как мир. Этот компонент или подсистема сознания соответствует в общих чертах его классическому пониманию как идеального субъективированного отражения, или перцептивного мира, в терминах Е.Ю.Артемьевой (1999). Здесь работают антитеза сознание—бессознательное и многие закономерности, хорошо изученные классической психологией.

Но образ, как хорошо известно, не тождественен информации, поступающей в мозг на нейрофизиологическом уровне. Построение этого образа из наличной стимуляции — это активный процесс, истинная работа сознания. Психологические механизмы, осуществляющие эту работу, образуют *вторую* подсистему сознания — то в нем, что «обладает бытийными (и поддающимися объективному анализу) характеристиками по отношению к сознанию в смысле индивидуально-психологической реальности» (Зинченко, 1981, с. 132). Ядерные структуры образа мира, рассматриваемые Е.Ю.Артемьевой (1999) как наиболее глубокий слой субъективной реальности, можно соотнести отчасти с этой, отчасти с четвертой подсистемой сознания.

Образ, далее, не безотносителен к потребностям, мотивам, установкам субъекта, поскольку сознание не самодостаточно, а обслуживает бытие, жизненные процессы, осуществляющие реализацию мотивов, установок и т.п. Целесообразно поэтому выделить *третью* подсистему, осуществляющую соотнесение образа мира со смысловой сферой личности и сообщающую компонентам образа личностно-смысловую окраску. С некоторыми оговорками ее можно соотнести с семантическим слоем субъективного опыта в модели Е.Ю.Артемьевой. Эта подсистема, как и предыдущая, относится к закулисной стороне сознания. Б.С.Братусь говорит в этой связи о смысловом поле или смысловом строении сознания, которое «и составляет особую психологическую субстанцию личности, определяя собственно личностный слой отражения» (Братусь, 1988, с. 99).

Все три рассмотренных подсистемы сознания описывают пока только собственно психическое отражение. Их недостаточно для выполнения сознанием функции регулятора бытия. Принимая как аксиому сложность внутреннего мира человека (Василюк, 1984), то есть наличие в нем ряда разнонаправленных мотивационных линий, необходимо предположить также наличие системы механизмов,

выполняющих работу по соотнесению, упорядочению, иерархизации, и, в случае необходимости, перестройке мотивационно-ценностно-смысловой сферы личности. Эта четвертая подсистема сознания может быть с тем же правом отнесена и к структуре личности; по сути, она связывает личность и сознание и соответствует тому, что в обывденном языке называется «внутренний мир человека». Это наиболее глубокие, интимные и индивидуальные структуры и процессы, которым просто нет места в традиционном понимании сознания. Внутренний мир имеет свое специфическое содержание, свои законы формирования и развития, которые во многом (хотя не полностью) независимы от мира внешнего. Основными составляющими внутреннего мира человека являются присущие только ему и вытекающие из его уникального личностного опыта устойчивые смыслы значимых объектов и явлений, отражающие его отношение к последним, а также личностные ценности, которые являются, наряду с потребностями, источниками этих смыслов.

Наконец, любое представление о сознании будет по меньшей мере неполным, если не учесть в нем пятую подсистему — уникальную человеческую способность произвольно манипулировать образами в поле сознания и направлять луч осознания на объекты и механизмы, обычно остающиеся вне этого поля. Речь идет о рефлексии. Это понятие многозначно, разные исследователи подразумевают под рефлексией совершенно разные вещи, которые можно в целом свести к четырем основным пониманиям. Первое — это понимание рефлексии как объективации в смысле Д.Н.Узнадзе (1966), то есть как осознания определенных аспектов внешней ситуации, задачи и т.п. и идеального преобразования этой ситуации. Такое понимание распространено в исследованиях по психологии мышления (см., например, Семенов, Степанов, 1983). Второе понимание связывает рефлексию с понятием самосознания или интроспекции — это «взгляд в себя», изучение содержания собственного сознания. Такое понимание, в частности, имплицитно присутствует в концепции В.В.Столина (1983). Третье понимание связывает рефлексию с решением «задачи на смысл» (Леонтьев А.Н., 1977). Наконец, четвертое описывает ее как процессы разрешения внутренних конфликтов в смысловой сфере, как критическую переоценку ценностей, наиболее общим выражением которой и является вопрос о смысле жизни (Кон, 1967, с. 168).

Если сопоставить между собой эти четыре трактовки, в них можно найти общее и различное. Общее — это процессуальный план. Во всех случаях это осознание и произвольное оперирование в идеальном плане с определенными содержаниями сознания. Разное — это содержания сознания, на которые направлены эти процессы.

Они могут быть направлены на «экран» сознания, на элементы образа — тогда мы имеем объективацию. Они могут быть направлены на механизмы сознания, на процессы, протекающие за «экраном», то есть на вторую подсистему — тогда мы имеем самонаблюдение, классическую интроспекцию как метод изучения собственного сознания. Они могут быть направлены на третью, «осмысляющую», подсистему сознания — тогда мы имеем решение задачи на смысл. Наконец, они могут быть направлены на четвертую подсистему — на внутренний мир — тогда мы имеем «ценностно-ориентационную деятельность» (Каган, 1974), переоценку ценностей. Рефлексивные процессы в двух последних случаях могут и не осознаваться в полном объеме; общим является не факт их осознания, а то, что они направлены на решение особой задачи, расположены «перпендикулярно линии реализации жизни» (Василюк, 1984, с. 25). Рефлексия «как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее» (Рубинштейн, 1997, с. 79). В наиболее заостренной форме эта мысль выражена В.И.Слободчиковым, который говорит о двух основных способах существования человека. Один из них — это «жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек», когда «весь человек находится внутри самой жизни; всякое его отношение — это отношение к отдельным явлениям жизни, а не к жизни в целом» (Слободчиков, 1994, с. 22). Второй способ существования «связан с появлением собственно внутренней рефлексии», которая «прерывает этот непрерывный поток жизни и выводит человека за его пределы. С появлением такой рефлексии связано ценностно-смысловое определение жизни» (там же, с. 23). Тем самым становится отчетливо видна неразрывная связь функции рефлексии с функцией смысловой регуляции как регуляции жизнедеятельности в целом.

Пять описанных подсистем сознания, скорее всего, не исчерпывают его граней даже на уровне столь поверхностного анализа, каким мы сочли возможным здесь ограничиться. Но еще раз отметим, что предложенная модель — не онтологическая картина, а рабочая схема, которая обслуживает определенный круг конкретных задач. В частности, она позволяет достаточно конкретно охарактеризовать место, роль и форму существования смысла в сознании. По сути, смыслы и смысловые механизмы присутствуют почти во всех обозначенных выше подструктурах. Во-первых, это внутренний мир, смысловые структуры которого выступают как смыслообразующие источники или инстанции по отношению к более поверхностным, образным структурам сознания. Во-вторых, это подструктура осмысления образа.

Рис. 4. Рабочая схема структурной организации сознания

В-третьих, это сами образы, признание наличия в структуре которых личностного смысла стало в последнее время общим местом в теоретических исследованиях сознания (Леонтьев А.Н., 1977; Василюк, 1993; Зинченко, Моргунов, 1994). И, в-четвертых, это механизмы рефлексии, по отношению к которым смысловые содержания выступают в качестве одного из возможных объектов или мишеней. Результатом рефлексивной проработки смыслов выступают трансформации последних, описанные нами как эффекты смыслоосознания (см. об этом раздел 4.1.).

Психологическое изучение движения смыслов в этой плоскости феноменологической представленности смысловых содержаний и их динамики (если не считать описанных выше исследований Е.Ю.Артемовой, в которых раскрывается лишь один из пластов смысловой реальности) только начинается. Одним из примеров является работа А.С.Сухорукова (1997), различающего в этой плоскости анализа три «смысловых горизонта» — очевидные смыслы, конфликтные смыслы и потенциальные смыслы, а также описывающего четыре формы содержательной динамики смыслов в этой плоскости. Другой пример — работа Н.Н.Королевой (1998), в которой исследуются функции смысловых образований в картине мира субъекта. Соотношение между жизненным миром, картиной мира и смысловой реальностью представлено в ней в следующей итоговой формулировке: «Картина мира личности представляет собой сложную, многоуровневую субъективную модель жизненного мира как совокупности значимых для личности объектов и явлений; базисными образующими картины мира личности являются инвариант-

ные смысловые образования как устойчивые системы личностных смыслов, содержательные модификации которых обусловлены особенностями индивидуального опыта личности» (Королева, 1998, с. 5).

2.6. ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ АСПЕКТ СМЫСЛА: СМЫСЛ В СТРУКТУРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Последние десятилетия характеризуются увеличением числа работ, в которых предметная деятельность предстает не как теоретический объяснительный конструкт, а как предмет конкретно-психологического экспериментального исследования. При этом «морфологический» подход к психологическому анализу деятельности в терминах ее структуры все больше оттесняется на задний план «динамическим», связанным с изучением тех моментов, которые характеризуют «собственно динамику, движение самой деятельности и ее структурных образующих» (Асмолов, Петровский, 1978, с. 72). Динамический подход охватывает широкий круг психологических проблем, к которым можно отнести изучение механизмов самодвижения деятельности, ее стабилизации, ситуативного развития мотивации, формирования мотива деятельности и его трансформации, регуляции операционально-исполнительной стороны деятельности. Все эти проблемы сводятся к трем основным аспектам динамики деятельности: порождение, формирование деятельности и ее мотива; регуляция деятельности по ходу ее протекания; развитие и трансформация деятельности.

Любое регуляторное воздействие определяется внешними или внутренними по отношению к регулируемому явлению критериями, специфика которых и служит главным основанием для различения видов регуляции, в частности, регуляции человеческой деятельности. Включая в себя субъект и объект как два противоположных полюса, деятельность обладает двусторонней пластичностью, чувствительностью к воздействиям и со стороны субъекта и со стороны объекта, что отражается в наличии двух форм ее регуляции. Первая, которую мы назовем предметной регуляцией, связана с обеспечением адекватности операциональных характеристик деятельности особенностям ее предмета (объекта) и особенностям предметной действительности вообще. Второй формой регуляции деятельности является ее смысловая регуляция — согласование целей и средств деятельности с мотивами, потребностями, ценностями и установками субъекта.

Эти две формы регуляции деятельности соотносятся с двумя фундаментальными характеристиками деятельности: предметностью и осмысленностью (Зинченко, Мунипов, 1976), или, в другом варианте, предметностью и субъектностью (Асмолов, 1984). Данные характеристики отражают двоякую детерминацию самой деятельности — со стороны ее субъекта и со стороны объекта (предмета). Интенциональная сторона деятельности определяется смысловым содержанием, распространяющимся от полюса объекта «сверху вниз» на все уровни деятельности, согласно закономерностям процессов смыслообразования. «Вышележащие уровни наполняют нижележащие неповторимой субъективной окраской: мотивами, целями и смыслами. Именно поэтому любая самая мелкая единица деятельности, будь то операция или функциональный блок, должна анализироваться как единица психологическая, а не физиологическая» (Зинченко, Мунипов, 1976, с. 53).

Операциональная сторона деятельности, в отличие от интенциональной, в большей степени определяется предметными характеристиками объекта, подчиняющего своей логике логику действия. В.В.Давыдов (1979) использует термин «универсальная пластичность», говоря об уподоблении деятельности предметным характеристикам ее всевозможных объектов. Наполнение деятельности предметностью идет как бы в обратном направлении, «снизу вверх». «Оба эти свойства деятельности [предметность и осмысленность. — Д.Л.] имеют разный источник и идут как бы навстречу друг другу. Их встреча и рождает деятельность» (Зинченко, Мунипов, 1976, с. 53). На различных уровнях рассмотрения, как отмечают В.П.Зинченко и В.М.Мунипов, предметность и осмысленность по-разному соотносятся между собой и проявляют себя в разных формах. Обе стороны тесно взаимосвязаны; более того, возможны их взаимные трансформации (*там же*).

В контексте указанного различения двух полюсов **или** сторон деятельности ее **смысловая регуляция может рассматриваться как система психологических механизмов, обеспечивающих разнообразие протекания деятельности интенциональной сфере ее субъекта**. Применительно к регуляции конкретной деятельности нельзя, однако, говорить о двух независимых друг от друга регуляторных механизмах. В системе внутренней регуляции конкретной деятельности, складывающейся вместе с самой деятельностью, предметная и смысловая подсистемы слиты в единое целое. Главенствующую роль в этой системе играет смысловая регуляция, поскольку «сцепление отдельных действий в целостную, а, следовательно, и эффективную деятельность ...обеспечивается ...смыслом» (Зинченко, 1983, с. 9).

Наиболее полно смысловые аспекты внутренней регуляции конкретной деятельности были изучены в цикле исследований ситуативной смысловой регуляции конкретной деятельности на примере решения мыслительных задач (см. *Тихомиров и др.*, 1999), процесс которого описывается в рамках этого цикла исследований как «формирование, развитие и сложное взаимодействие операциональных смысловых образований разного вида» (*Тихомиров, Терехов*, 1969, с. 81). К этим образованиям относятся, в частности, операциональные смыслы элементов, операциональные смыслы ситуации и операциональные смыслы цели (*там же*). «Операциональный смысл является точкой "состыковки" двух фундаментальных характеристик человеческой деятельности — ее предметности и осмысленности... Операциональный смысл — это форма смысловой регуляции, которую непосредственно приобретает предметное содержание деятельности субъекта, когда ею осуществляются смысловые связи. Эта форма находится под непосредственным влиянием личностного смысла...» (*Васильев*, 1998, с. 54).

Термин «динамическая смысловая система» в этих работах отражает тот факт, что «развитие смысла конечной цели, промежуточной цели и подцелей, зарождение замыслов, а также формирование смыслов элементов и смысла ситуации в целом непрерывно осуществляются в единстве и взаимодействии познавательного и эмоционального аспектов» (*Васильев, Поплужный, Тихомиров*, 1980, с. 163).

В качестве центрального структурного образования динамической смысловой системы решения задач рассматривается смысл конечной цели (*там же*), который проходит ряд этапов становления и формирования (*Васильев*, 1977; *Терехов*, 1977; *Большунов*, 1985). Под воздействием смысла конечной цели происходит развитие смысла ситуации, опосредствованное развитием операциональных смыслов элементов ситуации. «В свою очередь, на основе вербализованных смыслов ситуации только и могут осуществляться конкретизации смысла цели. Этапы конкретизации смысла цели закономерно чередуются с этапами формирования смыслов ситуации» (*Васильев, Поплужный, Тихомиров*, 1980, с. 152). Одновременно смысл конечной цели определяет формирование смыслов промежуточных целей (*Васильев*, 1977), которые, в свою очередь, определяют избирательность и регуляцию деятельности на стадии поиска решения и, в конечном счете, формирование и развитие операционального смысла ситуации (*Терехов*, 1977) в направлении, прежде всего, его сужения. Позднее в качестве системообразующей смысловой структуры, которая определяет смысловое развитие и связанное с ним эмоциональное развитие в соответствующих ДСС, стали рассматривать уже не смысл цели, а мотив (*Васильев*, 1998; *Тихомиров и др.*, 1999).

Были получены данные о влиянии разных типов мотивации на смысловую динамику деятельности (*Тихомиров* и др., 1999).

Само развитие смыслов протекает под регулирующим влиянием процесса целеобразования (*Васильев*, 1977, с. 69). Цель «опосредствует движение смысла в деятельности, и от нее в решающей степени зависит, как сложится судьба смысла в деятельности» (*Большунов*, 1985, с. 2). Целеобразование, в свою очередь, трактуется как «процесс постоянного развития смысла цели путем ее конкретизации и обогащения за счет выявления новых предметных связей и отношений. Понимаемое таким образом целеобразование опосредствовано развитием смыслов разного рода образований: элементов и действий с ними, ситуации в целом, смыслов попыток и переобследований ситуации. Мыслительный процесс представляет собой единство процессов целеобразования и смыслообразования» (*Васильев*, *Поплужный*, *Тихомиров*, 1980, с. 128; см. также *Бибрих*, 1987).

Описанные в самых общих чертах закономерности смысловой динамики в ходе регуляции решения мыслительных задач являются проявлением единого процесса смыслового развития, протекающего на разных, но непрерывно взаимодействующих между собой уровнях (*Васильев*, 1979, с. 60), что и зафиксировано понятием «динамическая смысловая система».

Однако, если авторы, которые ввели это понятие, рассматривали в качестве центрального структурного образования динамической смысловой системы смысл конечной цели, то мы считаем необходимым несколько расширить его содержание этого понятия. Данные ряда исследований позволяют утверждать, что динамическая смысловая система (ДСС) регуляции конкретной деятельности складывается вместе с возникновением самой деятельности, мотив которой можно рассматривать как системообразующий фактор ДСС. Мотивом является не переживаемое побуждение, а внешний предмет, отвечающий некоей потребности (или одновременно ряду потребностей), на который направлена деятельность в целом. Формой интрапсихической репрезентации мотива выступает мотивационная установка, представляющая собой специфическую модификацию целостного субъекта, ориентирующую его на осуществление релевантной мотиву деятельности.

ДСС регуляции любой конкретной деятельности должна выполнять по меньшей мере две функции: 1) стабилизацию ее протекания, сохранение устойчивости деятельности до тех пор, пока ее мотив остается в силе, иными словами, обеспечение ее «самозащиты»² от внешних помех; 2) обеспечение естественного прекращения деятель-

² Термин «самозащита деятельности» предложен В.А.Петровским.

ности, когда она себя исчерпала, ее мотив реализовался и тем самым потерял свою побудительную силу, или искусственного прекращения деятельности в тех случаях, когда актуализировались другие, более значимые и неотложные мотивы, требующие немедленного осуществления иной деятельности. Она является, по сути, разновидностью функциональной системы, которую мы понимаем как «стро-го очерченную группу процессов и структур, объединенных для выполнения какой-либо определенной качественно своеобразной функции организма или акта его поведения» (Анохин, 1978, с. 128). функциональная система строится по принципу взаимосодействия ее элементов для достижения конечного результата, который выступает как системообразующий фактор (*там же*, с.71—78). В рамках теории функциональных систем был сформулирован также принцип системного квантования поведения, который также хорошо согласуется с идеей динамической смысловой системы как единицы регуляции деятельности. В соответствии с этим принципом весь поведенческий континуум может быть разделен на «кванты», каждый из которых включает «доминирующую потребность, возникающую на ее основе мотивацию, поведение, направленное на удовлетворение исходной потребности и постоянную оценку субъектом промежуточных и конечного результатов, удовлетворяющих исходную потребность» (Судаков, 1986, с. 20). Каждый одиночный «квант» поведения, согласно К.В.Судакову, строится специальной функциональной системой. В ДСС регуляции деятельности смысловые и бессмысловые структуры сплетены самым непосредственным образом, поскольку она строится всегда с учетом конкретной специфики данной ситуации и детерминирована как высшими личностными структурами, так и предметными особенностями ситуации. Вместе с тем главенствующая роль в системах, регулирующих осуществление конкретной деятельности, принадлежит именно смысловым структурам и процессам.

В.П.Зинченко и Е.Б.Моргунов указывают, что смысловая оценка включена также в биодинамическую и чувственную ткань, она нередко осуществляется не только во время, но и до формирования образа или совершения действия, хотя механизм этого не вполне ясен (Зинченко, Моргунов, 1994, с. 174). О смысле двигательной задачи как важнейшей характеристике сенсомоторного действия говорил еще Н.А.Бернштейн (1947), а А.Н.Леонтьев и А.В.Запорожец (1945) одновременно с этим раскрыли роль смысловых факторов в восстановлении нарушенных движений руки. В последнее время смысловая регуляция движений активно изучается С.В.Дмитриевым с соавторами в контексте «антропоцентрической биомеханики» (Дмитриев, Кузнецов, Семенов, 1992; Донской, Дмитриев, 1993; 1997; Дмитриев, Скитневский, 1997). В русле этого на-

правления исследований на материале спортивных движений была вычленена, наряду с другими его аспектами, смысловая структура двигательного действия, включающая в себя ценностно-оценочное отношение. В процессе решения двигательных задач, отмечают авторы, человек руководствуется ценностями и смыслами, а не только критериями полезности и продуктивности. «В разных ситуациях двигательной задачи одни и те же элементы действия по-разному интерпретируются, получают различный целеориентирующий смысл и по-разному влияют на организацию системы движений» (Дмитриев, Кузнецов, Семенов, 1992, с. 34). Авторы вводят важное понятие смыслоорганизованности, понимая под нею единство смысловых и биомеханических связей в системе движений, ее структурно-смысловую упорядоченность в сознании спортсмена. «Одно и то же двигательное действие можно рассматривать через "сетку" различных значений и "ценностно-смысловых ядер". Таким образом, смысловая структура это и отражение объекта, и его проектный образ, и конструкция мысли (творческий конструкт), и психосемантическая реконструкция человеческого опыта» (там же, с. 24). Смысловое содержание действия, необходимое для самоконтроля, включает в себя общую цель действия, подцели каждой его подсистемы, оптимизирующие задачи и требования к блокам движений. «Смысловое содержание формируется во внутренней задаче спортсмена на основе внешней задачи (тренер, окружение) как личностное собственное отношение ко всем слагаемым задачи действия. Осмысливание двигательной задачи охватывает все составляющие программы действия» (Донской, Дмитриев, 1993, с. 39). На этой основе упомянутыми авторами разработаны подробные концептуальные схемы анализа, а также методология и конкретные дидактические программы формирования способностей решения двигательных задач.

2.7. СМЫСЛОВАЯ РЕГУЛЯЦИЯ КАК КОНСТИТУИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЛИЧНОСТИ. СМЫСЛ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ

Будучи личностью, человек выступает как автономный носитель и субъект общественно выработанных форм деятельностного отношения к миру (подробнее см. *Леонтьев Д.А., 1989 а*). Это качество с психологической точки зрения выступает как способность овладения собственным поведением, которая, как убедительно показал в своих

теоретических и экспериментальных исследованиях Л.С.Выготский, является порождением социального по своему характеру образа жизни человека. «Личность... не врожденна, но возникает в результате культурного развития, поэтому "личность" есть понятие историческое. Она охватывает единство поведения, которое отличается признаком овладения» (Выготский, 1983 а, с. 315).

Овладение своим поведением предполагает формирование специфической системы регуляции поведения. С этим положением парадоксальным образом перекликается мысль, высказанная Д.Б.Элькониным в личной беседе (февраль 1984г.): «Личность — это не регуляция, а, напротив, преодоление всяческих регуляций». В опубликованных посмертно научных дневниках эта мысль выражена им следующим образом: «Личность — высшая психологическая инстанция организации и управления своим поведением, заключающаяся в преодолении самого себя» (Эльконин, 1989, с. 517). Дело в том, что становление личностных механизмов овладения собственным поведением, как показал, в частности, Л.С.Выготский (1983 а), преодолевает характерную для животных непосредственную детерминацию поведения внешними стимулами и актуальными потребностями, внося в нее новые, высшие закономерности, подчиняющие себе действие низших. Соотношения этих высших закономерностей детерминации с низшими блестяще выражены формулой Гегеля: «Обстоятельства или мотивы господствуют над человеком лишь в той мере, в какой он сам позволяет им это» (1971, с. 26).

Рассмотрим соотношение психики и личности с точки зрения их функций в регуляции деятельности. Функциональную роль психики в наиболее общем виде можно охарактеризовать как регуляцию жизнедеятельности на основе ориентировки в объективном мире посредством построения субъективных образов действительности (см. Леонтьев А.Н., 1972, 1983 б; Гальперин, 1976). Иными словами, психика как форма отражения соотносится с самой объективной действительностью, данной субъекту в образе. Более конкретно функция познавательных процессов определяется как опознание инвариантов внешнего окружения (Royce, Powell, 1983, с. 11). Психическая регуляция жизнедеятельности имеет всецело адаптивную направленность; полностью сводясь к приспособлению к окружающему миру, она не порождает необходимости выделения субъектом себя из этого мира. Здесь мы имеем дело лишь с «самоорганизацией», присущей всем живым системам и не специфичной для человека.

Овладение человеком своим поведением — это поворот в процессе эволюции человека, на котором «...свойство *самоорганизации*

живых систем уступает место механизму *самоконтроля*, что означает возникновение "отношения" к самому себе, становление "самости", субъективности с ее имманентной способностью быть "для себя"» (Иванов, 1977, с. 83—84). Регуляция его жизнедеятельности со стороны объективных отношений, связывающих его с миром, принимает форму саморегуляции, осуществляемой личностью — психологической структурой, в которой в специфической форме представлены и упорядочены эти отношения.

Личностная регуляция жизнедеятельности возникает в процессе антропогенеза, когда сама жизнедеятельность становится предметом отношения со стороны ее носителей (Иванов, 1977; Абишев, 1978). Возникает новая система отношений субъекта — отношения к собственным непосредственным отношениям с миром. В сознании человека отражается не только объективная действительность, но и (в специфической форме) сами отношения, связывающие его с ней. Эти отношения могут быть различной степени осознанности; их репрезентация в сознании образует особый план субъективной реальности, присущий «внутренне сложному жизненному миру» (Василюк, 1984). Если функцию психики мы охарактеризовали в общих чертах как ориентировку в объективной действительности, в ее инвариантных свойствах, то функцию личности можно охарактеризовать как ориентировку в отношениях, связывающих субъекта с объективной действительностью, и подчинение деятельности иерархии этих отношений. Целостность личности тем самым определяется степенью интегрированности ее отношений с миром, а не структурных ингредиентов (Иванов, 1986).

Таким образом, *личность как психологическое образование, как регуляторная система конституируется функциями выделения субъектом себя из окружающего мира, выделения, презентации и структурирования им своих отношений с миром и подчинения своей жизнедеятельности устойчивой структуре этих отношений, в противовес спонтанным импульсам и внешним стимулам.*

Эту систему функций осуществляет главная, конституирующая подструктура личности — ее смысловая сфера. **Смысловая сфера личности** — это особым образом организованная совокупность смысловых образований (структур) и связей между ними, обеспечивающая смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта **во всех ее аспектах**. Личность в своей основе представляет собой целостную систему смысловой регуляции жизнедеятельности, реализующую через отдельные смысловые структуры и процессы и их системы логику жизненной необходимости во всех проявлениях человека как субъекта жизнедеятельности.

Чтобы лучше понять соотношение смысловой регуляции с другими системами регуляции жизнедеятельности, надо рассмотреть вопрос: *почему люди делают то, что они делают?* Это ключевой вопрос психологии личности, поскольку личность вбирает в себя и интегрирует различные механизмы регуляции деятельности и жизни в целом. Возможны по меньшей мере шесть ответов на этот вопрос, которые определяют шесть разных систем отношений человека с миром и, соответственно, шесть разных систем регуляции поведения, жизни человека в мире. Эти системы переплетаются друг с другом, тем не менее их достаточно четко можно логически выделить в чистом виде.

Первый ответ на этот вопрос: «Потому что я хочу». Это *логика удовлетворения потребностей*. У меня есть желание, влечение, его надо удовлетворить. Второй ответ, вторая логика поведения: «Потому что он первый начал». Это *логика реагирования на стимул*. Третий ответ: «Потому что я всегда так делаю». Это логика *предрасположенности*, стереотипа, диспозиции, которая охватывает, пожалуй, большую часть психологии личности. С ней связаны такие понятия, как «характер», «стиль», «установка», «научение». Очень большая часть нашей жизни протекает именно по этой логике. Три названных системы или механизма — общие для человека и животного. Любое животное может себя вести в русле этих трех логик или их констелляции.

Четвертый ответ уже специфичен для человека, но не специфичен для личности: «Потому что все так делают». В.В.Столин (1983 *а*) ввел в свое время несколько спорное понятие «социальный индивид», которое описывает именно эту логику — *логику социальной нормативности*, социальных ожиданий, где критерием регуляции выступает соответствие определенным ожиданиям социально значимой группы. Крайним выражением этой логики является тотальный конформизм. Но, разумеется, строя отношения с миром, учитывать в той или иной мере социальные ожидания, интересы социального целого необходимо.

Пятый ответ: «Я это сделал, потому что мне это важно». Эта логика — описанная выше *логика смысла* или *логика жизненной необходимости*, специфичная для личности и конституирующая личность. Можно утверждать, что человек является личностью в той мере, в какой его жизнь определяется именно этой логикой. Первые три системы регуляции деятельности не нуждаются в представлении о мире как о целом. Для того, чтобы реагировать на стимул, достаточно стимула. Для того, чтобы удовлетворять свои потребности, достаточно потребностей. Чтобы вести себя по стереотипу, достаточно стереотипа. Детерминанты всех этих форм поведения не выходят за пределы конкретной ситуации. Действуя в рамках этих

трех логик, субъект не может сделать что-то, чего нет в ситуации. Логика социальной нормативности расширяет контекст деятельности, учитывая то, чего нет здесь-и-теперь, в данной ситуации, но она все равно не связана с миром как целым, она связана с расширением контекста жизнедеятельности, с включением значимых социальных групп в жизненную структуру этих отношений. Действие же, ориентирующееся на смысл — это действие, которое ориентируется на всю систему отношений с миром в целом. Это поведение, в котором учитывается определенным образом вся система отношений с миром и вся дальняя временная перспектива. Если я ориентируюсь на смысл действия для меня, я не могу сделать что-то, **что** разрушительно для моей жизни в дальней перспективе. Подобно тому, **как** по любому маленькому кусочку голограммы можно восстановить целое, в смысле любого конкретного действия отражается весь жизненный мир как целое. Ориентируясь на смысл, человек поднимается над ситуацией.

Наконец, шестой ответ: «А почему бы и нет?». В нем отражается *логика свободного выбора*. Если первые пять логик поведения (в описательных терминах) или систем регуляции деятельности (в объяснительных конструктах) в той или иной степени присущи всем психически здоровым и полноценным людям, то шестая логика или система присуща не всем людям и отражает, на наш взгляд, меру личностной зрелости как ее основную дифференциально-психологическую характеристику (подробнее см. об этом *Леонтьев Д.А.*, 1993).

Исчерпывают ли шесть описанных логик все возможные регуляторные принципы человеческого поведения? Теоретических оснований настаивать на этом нет. Более того, в одной аудитории, где автор представлял эту модель, ему был задан вопрос про Христа, поведение которого не укладывается в рамки этой модели. Возможно, действительно, поведение, управляемое высшим призванием, миссией, когда человек ощущает высшую свободу именно потому, что для него (субъективно) нет выбора, представляет собой еще один, высший тип регуляции деятельности. Если это так, то носители этой логики поведения чрезвычайно малочисленны. В силу этого проблема седьмого уровня предстает столь же принципиальной в теоретическом плане, сколь малоактуальной в плане практическом. На данный момент мы воздержимся от попыток как-то его содержательно охарактеризовать и ограничим дальнейшее рассмотрение шестью логиками, которые допускают их развернутый психологический анализ.

Рассмотрим теперь взаимоотношения между различными регуляторными системами. Хотя, по всей видимости, за ними лежат раз-

личные психологические механизмы, в конкретном поведении они, как уже упоминалось, функционируют не порознь, а интегрируются в единых многоуровневых функциональных системах регуляции деятельности и ее отдельных единиц. В принципе можно рассматривать шесть описанных логик как шесть измерений человеческого действия; соответственно, любое действие может быть разложено на шесть векторов, соответствующих этим шести логикам и выступающих как проекции целостного действия на каждое из шести измерений. Взгляд на личность через призму этих шести измерений составляет основу того, что мы считаем оправданным называть **мультирегуляторной моделью личности**; нам в данном случае дает основание говорить о теоретической модели то обстоятельство, что принятие этого угла зрения позволяет увидеть ответы на ряд достаточно важных и актуальных теоретических вопросов психологии личности.

Действительно, если посмотреть на личность через призму предлагаемой мультирегуляторной модели, мы, во-первых, можем констатировать заметные индивидуальные различия в выраженности каждой из шести логик. Есть люди, в большей или меньшей степени влекомые своими актуальными потребностями; более или менее легко реагирующие на внешние стимулы; более или менее механически прикладывающие готовые схемы и стереотипы; более или менее чувствительные к социальным ожиданиям и давлению; более или менее учитывающие (сознательно либо интуитивно) множественные контексты и отдаленные следствия своих действий; более или менее способные (или неспособные вовсе) преодолеть заданные детерминанты своих действий и осуществить свободный поступок.

Во-вторых, достаточно наглядно можно проследить генетическую последовательность становления различных регуляторных систем. Первые три логики начинают развиваться параллельно с момента рождения (если не раньше). Логикам социальной нормативности и жизненной необходимости младенца также начинают обучать на первом году жизни, но реально проявляются в поведении они не ранее 1 года, и лишь после 3 лет занимают более или менее заметное место в спектре логик поведения. Критический период становления логики свободного выбора — подростковый возраст. Сущность подросткового кризиса заключается как раз в конфликте между стремлением к автономии и недостаточным развитием психологических механизмов автономной регуляции поведения. Разрешение этого кризиса — либо формирование этих механизмов, либо отказ от автономии (Калитеевская, 1997; см. также Леонтьев ДА., 1993). Эта модель позволяет также дать внятные

ответы на вопросы о том, когда рождается личность и возможно ли измерить ее количественно, то есть говорить, у кого «больше личности», а у кого «меньше». Действительно, если принять, что личность конституируется одной из шести логик поведения, а именно логикой жизненной необходимости или смысловой логикой, то удельный вес этой логики в спектре механизмов регуляции поведения и будет служить «количественной мерой личности». Соответственно, можно утверждать, что отдельные проявления личности можно наблюдать примерно с 1 года, а ее устойчивое влияние на поведение (хоть и в конкуренции с другими регуляторными механизмами) — с 3 лет. В горниле подросткового кризиса имеет шанс родиться зрелая, автономная, самодетерминируемая личность, хотя это происходит отнюдь не со всеми.

Наконец, клиническая психология дает достаточно свидетельств существования специфических нарушений отдельных регуляторных систем. Так, нервная анорексия — это явный пример нарушения системы удовлетворения потребностей, аутизм — системы реагирования на стимулы, и т.д. Задача психотерапии может в этой связи рассматриваться как восстановление нарушенного баланса регуляторных систем. Вообще способность к самоконтролю, присущая здоровой личности, основывается, на наш взгляд, как раз на сбалансированном развитии всех шести регуляторных систем (или, по меньшей мере, первых пяти) при доминирующей роли высших, специфически человеческих регуляторных систем — логики смысла и логики свободного выбора. Не случайно попытки манипулировать поведением людей могут использовать одну из четырех «нижних» логик (соблазнение, провокация, формирование установки и наложение обязательств) и должны в максимальной степени блокировать две высшие.

Рассмотрим теперь соотношение смысловой сферы личности с другими сферами, системами и компонентами, образующими ее структуру.

Наиболее теоретически и эмпирически обоснованной моделью структуры личности нам на сегодняшний день представляется модель Б.С.Братуся (1988). Б.С.Братусь выделяет следующие уровни структуры личности: 1) собственно личностный или личностно-смысловой уровень, «ответственный» за производство смысловых ориентации, определение общего смысла и назначения своей жизни, отношений к другим людям и к себе; 2) индивидуально-исполнительский уровень или уровень реализации, на котором смысловые ориентации реализуются в конкретной деятельности — этот уровень несет на себе печать характерологических черт, особенностей и свойств и 3) психофизиологический уровень, характеризующий

особенности строения и динамики, режимов функционирования психических процессов.

Уровни структуры личности, выделенные Б.С.Братусем, хорошо согласуются с введенным А.Г.Асмоловым (1984) различием в личности плана содержания — плана смысловых образований, характеризующих личность с содержательной стороны, со стороны ее мотивов, жизненных целей, общей направленности и т.д. — и плана выражения, к которому относятся такие структуры, как способности и черты характера, отвечающие за особенности проявлений личности в деятельности. Эти проявления в плане выражения А.Г.Асмолов подразделяет на экспрессивные и инструментальные. Психофизиологический уровень, обеспечивающий функционирование личностных структур, А.Г.Асмолов относит не к самой личности, а к ее предпосылкам.

Принимая за основу основную общую логику подходов А.Г.Асмолова и Б.С.Братуся к пониманию структуры личности, мы усматриваем в их теоретических моделях один принципиальный общий недостаток, который, впрочем, связан с общим состоянием психологии личности на сегодняшний день. Этот недостаток заключается в недифференцированном представлении о высшем, специфически человеческом уровне структурной организации личности. Нам представляется, что здесь необходимо выделять не один, а по меньшей мере два различных уровня, содержанием которых будут являться принципиально разные по своей природе структуры и механизмы. Поэтому мы считаем необходимым выделять три уровня структурной организации личности (см. *Леонтьев Д.А.*, 1993): 1) уровень ядерных механизмов личности, которые образуют несущий психологический скелет или каркас, на который впоследствии нанизывается все остальное; 2) смысловой уровень — отношения личности с миром, взятые с их содержательной стороны, то есть, по сути, то, что обозначается понятием «внутренний мир человека»; 3) экспрессивно-инструментальный уровень — структуры, характеризующие типичные для личности формы или способы внешнего проявления, взаимодействия с миром, ее внешнюю оболочку. (Психофизиологический уровень — уровень телесных и мозговых механизмов — мы, вслед за А.Г.Асмоловым, склонны отнести к предпосылкам личности, а не к составным частям ее структуры).

Понимание нами экспрессивно-инструментального уровня принципиально не отличается от того понимания, которое А.Г.Асмолов вкладывал в понятие «план выражения», а Б.С.Братусь в понятие «уровень реализации», с тем лишь отличием, что в качестве структур этого уровня мы рассматриваем, наряду с чертами характера и способностями, также роли, включенные человеком в свой репертуар.

Смысловой уровень мы понимаем также сходным образом — как пласт смысловых структур, в которых кристаллизованы конкретные содержательные отношения человека с миром, и которые регулируют его жизнедеятельность. Этот уровень будет подробно рассмотрен в последующих главах. На этом уровне действительно осуществляется «производство смысловых ориентации», но лишь один его вид — производство смысловых ориентации в процессе реальной жизнедеятельности человека, реализации его отношений с миром.

За критические же процессы изменения смысловых ориентации путем свободного выбора или направленной на себя рефлексивной смыслотехники отвечают ядерные механизмы личности — механизмы высшего уровня. Эти ядерные механизмы — свобода и ответственность. Трудность их постижения вытекает из того, что в личности мы не найдем некоей структуры, которую можно назвать «свобода», или «ответственность», или «выбор». Это не элементы или подструктуры личности как, скажем, способности, потребности, роли или отношения. Это именно способы, формы ее существования и самоосуществления, которые не имеют своего содержания. В процессе становления и формирования личности они занимают (или не занимают) центральное место в отношениях человека с миром, становятся (или не становятся) стержнем его жизнедеятельности и наполняются (или не наполняются) ценностным содержанием, которое придает смысл им самим. Наполняясь содержанием смыслового уровня они, в свою очередь, определяют линии развития смысловой сферы, создают то силовое поле, в котором она формируется (подробнее см. *Леонтьев Д.А.*, 1993; *Калитеевская*, 1997).

2.8. Смысл и эмоция

Если несводимость смысловой реальности к познавательным процессам и механизмам очевидна и не требует специальных доказательств, то несводимость ее к механизмам эмоциональным не столь очевидна на первый взгляд и требует специального рассмотрения. Поэтому данный раздел мы посвятим соотношению между понятиями «смысл» и «эмоция».

Неоднократно подчеркивалось, что эмоции представляют собой механизм непосредственной презентации субъекту личностного смысла отражаемых им объектов, явлений и целостных ситуаций (*Леонтьев А.Н.*, 1971; 1999; *Вилюнас*, 1976; 1983; 1986). Эта очевидная связь эмоциональных и смысловых явлений привела к тому,

что в психологической литературе эмоциональные и смысловые явления и механизмы часто смешиваются, что нашло отражение даже в довольно распространенном прилагательном «эмоционально-смысловой», обе части которого зачастую мыслятся как синонимы. Специальный анализ соотношения смысла и эмоции, проведенный В.К.Вилюнасом, привел его к выводу, «что обе системы терминологии — "эмоциональная" и "смысловая" — описывают в психологии одни и те же явления и поэтому в большой степени взаимозаменяемы» (Вилюнас, 1976, с. 66). Различия между ними, согласно В.К.Вилюнасу, заключаются лишь в меньшей обобщенности и большей описательности понятия «эмоция». Утверждая, «что между смысловыми и эмоциональными явлениями не может быть прослежена отчетливая различительная грань, что эмоциональные отношения составляют основу смысловых образований, а понятие смысла служит лишь для специфической концептуальной интерпретации этих отношений, интерпретации, подчеркивающей прежде всего то особое развитие, которое явления эмоциональной природы получают в системе сознания» (Вилюнас, 1983, с. 199), автор в дальнейшем полностью отказывается от смысловой терминологии в своих работах.

Мы считаем неверными те выводы, к которым пришел В.К.Вилюнас, поскольку о принципиальном несовпадении эмоциональной и смысловой реальности говорит несколько разных групп аргументов.

Во-первых, понятие «эмоция» при его корректном употреблении относится лишь к субъективным переживаниям, в отличие от понятия смысла, допускающего более широкое употребление. Как констатирует, например, Ф.Е.Василюк (1984), среди разных авторов существует единодушие в понимании эмоции как своеобразной формы психического отражения, субъективной реальности. Ж.-П.Сартр подчеркивал свойство эмоции всегда обозначать (*signifier*) что-либо, отличное от нее самой. «Для психолога [классической традиции]. — Д.Л.] эмоция не означает ничего, поскольку он изучает ее как факт, т.е. изолировав от всего остального» (Sartre, 1960, p. 16). Полноценный же анализ эмоциональных явлений с позиций феноменологии исходит, согласно Сартру, из положения, что эмоция своеобразным образом означает «...целостность сознания или, если брать в экзистенциальном плане, человеческую действительность» (там же, p. 17). Эта человеческая действительность, отличная от самой эмоции, и есть, как мы стремились показать, специфическая смысловая реальность. Этот аргумент, апеллирующий к онтологическому статусу самой эмоции, подкрепляется однозначными определениями эмоций в словарях и энциклопедиях и вряд ли может быть опровергнут стремлением некоторых авторов

(Эткинд, 1979; 1981; 1984; Вилюнас, 1986) к употреблению понятия «эмоция» в расширенном значении, охватывающем все отношения пристрастности и значимости, как субъективные, так и объективные, жизненные отношения, то есть собственно смысловые. Словами «эмоция», «эмоциональный» допустимо обозначать только реакцию, но не стимул, только переживание или репрезентацию, но не события или связи явлений в жизненном мире. Эмоции коренятся в сенсорике и обладают пространственно-временными, модальными и интенсивностными характеристиками (Веккер, 1998); характеристики же смысловых явлений совсем иные.

Во-вторых, в отличие от эмоций, которые всегда носят неспецифический характер, личностный смысл всегда конкретен и содержит явное или скрытое указание на те мотивы или другие смыслообразующие структуры, которые придают личностную значимость данному объекту или явлению, а также на содержательное отношение между ними. Смысл не только всегда смысл чего-то, но и всегда по отношению к чему-то (в отличие от эмоции), и это отношение всегда конкретно. Различные личностные смыслы могут вызывать одинаковые эмоции. В то же время специфическая качественная модальность — удовольствие, гнев, любопытство, горе, скука, волнение и др. — это характеристика собственно эмоции; личностный смысл сам по себе такой модальности не имеет. «Предмет, имеющий смысл боли, — пишет В.К.Вилюнас, — может вызвать как бегство, стремление от него удалиться, так и агрессивную реакцию, направленную на его уничтожение» (Вилюнас, 1976, с.91). Нам, однако, представляется, что в данном примере боль — это неспецифическая эмоциональная реакция, предмет же может иметь смысл либо угрозы, либо преграды, что и обуславливает различие поведенческих реакций.

В-третьих, эмоция является главной, но не единственной формой субъективной презентации в образе личностного смысла объектов и явлений. Смысл может находить выражение и в других, неэмоциональных формах, например, в эффектах пристрастного структурирования и искажения психического образа, а также в феноменах сгущения образа (в сновидениях), метафоры (в языке), монтажа (в кино), имеющих единую природу. И искажение в образе содержательных характеристик отражаемых объектов или явлений «в угоду» потребностям и ценностям субъекта, и возникновение нового смысла из неожиданного сочетания образов, взятых из разных контекстов, могут не сопровождаться каким-либо эмоциональным выделением и не замечаться субъектом. Более подробно феноменология подобных трансформаций образа будет рассмотрена ниже, в разделе 3.1.

В-четвертых, несовпадение эмоций и смысла выпукло проявляется при психологическом анализе искусства (подробнее см. *Леонтьев Д.А., 1998 а*). Традиционно искусство связывали с эмоциональной сферой человека, противопоставляя его по этому параметру, в частности, науке. Однако неадекватность описания искусства только на языке эмоций подтверждается тем фактом, что наиболее прямое, интенсивное и очевидное воздействие на эмоции в чистом виде оказывает как раз не «высокое» искусство, а квазихудожественные коммерческие суррогаты. Что же касается подлинного искусства, то оно соотносится не с эмоциями, а с личностью, которая несводима ни к интеллектуальной, ни к эмоциональной сфере. Надо сказать, что в прокрустово ложе дихотомии аффект—интеллект, все еще характерной для современной психологии, особенно на Западе, не укладывается не только искусство, но и многое другое.

Различение квазиискусства и истинного искусства по критерию «для эмоций—для личности» хорошо согласуется с выделением двух классов эмоциональных процессов в восприятии искусства — рефлексии и реакции (*Cupchik, Winston, 1992*). Реактивная модель предполагает, что «интерпретативная активность сознания редуцируется, а акцент делается на простом эмоциональном отклике» (*там же*, р. 70). Авторы этого различения Дж.Купчик и Э.Уинстон приводят в качестве иллюстрации реактивно ориентированного искусства сентиментальные романы, строящиеся по жестко стереотипным схемам. «Когда интерпретация направляется стереотипами или прототипами, требуется меньше интерпретативной переработки и легко может быть вызван простой аффективный отклик» (*там же*, р.75). Реакция осуществляется в основном на уровне простых телесных (физиологических) проявлений, связанных с рассмотренными нами выше настройками. Напротив, рефлексивный тип восприятия связан со сложными процессами когнитивной переработки, интерпретации и оценивания, присущими эстетически развитым реципиентам. Проведенные Дж.Купчиком и Э.Уинстоном эксперименты показывают, что два различных типа восприятия, которые демонстрируют эстетически развитые и неразвитые реципиенты, выпукло проявляются даже в языке, которым те и другие описывают художественные произведения.

В-пятых, разведение личностного смысла и эмоции и демонстрация влияния первого на вторую оказалось возможным в психологических экспериментах. Так, обусловленность различий в формах эмоционального реагирования различиями соответствующих смыслов была показана Н.И.Наенко (1976). Задавая испытуемым различный личностный смысл выполняемой ими деятельности (ак-

туализируя разные мотивы), она зафиксировала соответствующие им различия в форме психической напряженности, возникающей у испытуемых в процессе деятельности. Отчасти схожие эксперименты проводила М.В.Ермолаева (1980; 1984). Изучая состояния удовлетворения от работы, она обнаружила зависимость этого состояния от активности субъекта и от структурных характеристик деятельности, придя к выводу о том, что трансформации личностно-смыслового вектора определяют качество эмоционального аспекта функциональных состояний при изменении мотива деятельности и условий ее протекания. Аналогичные результаты были получены ею при изучении тревоги. Общий вывод формулируется ею вполне однозначно: «Трансформации личностного смысла — опосредующее звено влияния мотивов и условий деятельности на содержание эмоциональных состояний» (Ермолаева, 1984, с. 89).

В экспериментах М.И.Лисиной и С.В.Корницкой (1974) обнаружилась зависимость эмоционального отношения детей раннего возраста и дошкольников к взрослому от того, насколько содержание общения между ними соответствовало уровню потребности в общении у ребенка на данной возрастной ступени. Б.Вайнер с соавторами обнаружили качественные различия эмоционального переживания успехов и неудач в зависимости от того, каким факторам испытуемые атрибутировали успех или неудачу, то есть в какие системы смысловых связей они их помещали (см. Хекхаузен, 1986 б, с. 166—167). Зависимость эмоциональной оценки дошкольниками собственной деятельности от того, оценивался ли ими центральный фрагмент деятельности, несущий в себе ее главный смысл, или же относительно периферийный фрагмент той же деятельности, зафиксирована в опытах Т.П.Хризман с соавторами (1986, с. 130). Четкое теоретическое и экспериментальное разведение смысловых и эмоциональных аспектов регуляции деятельности и раскрытие их соотношения дано в цикле исследований регуляции мыслительной деятельности под руководством О.К.Тихомирова (см. Виноградов, Долбнев, Стеклов, 1977; Бреслав, 1977; Васильев, 1979; 1998; Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980; Тихомиров, 1984).

Примеры, наглядно демонстрирующие зависимость эмоционального переживания некоторого события от целостной иерархической системы жизненных отношений, в которую это событие включено, от его психологического контекста, легко найти и в повседневной жизни. Таким образом, оснований для различения смысловой и эмоциональной феноменологии более чем достаточно. Мы видим, что эмоциональная реакция, как правило, сигнализирует нам о личностном смысле. Можно говорить о том, что эмоции выполняют вспомогательную функцию презентации личностного

смысла на осознаваемом уровне, не столько содержательно отображая его (это невозможно, поскольку смысл гораздо сложнее и глубже эмоции), сколько привлекая к нему внимание и ставя задачу на его содержательное раскрытие. Характеристика эмоций как чувственной ткани смысла (Василюк, 1993) представляется нам весьма точной.

Таким образом, *понятие смысла, выводя анализ за пределы сознания, в плоскость жизненного мира, позволяет преодолеть бинарную оппозицию аффекта и интеллекта, познания и чувства*, в плену которой человекознание продолжает оставаться еще со времен античности.

2.9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ГЛАВЕ 2

Глава 2 носит наиболее обобщенный характер во всей работе и по уровню рассматриваемых в ней проблем, и по уровню абстракции в теоретическом анализе. В ней в большинстве рассматривались вопросы такого уровня обобщенности, который не позволяет использовать конкретный эмпирический материал для обоснования выдвигаемых положений. Об обоснованности этих положений можно судить лишь косвенно — по тому, насколько предлагаемые теоретические построения позволяют продвинуться в решении имеющихся проблем и повысить объяснительный потенциал понятия смысла.

В разделе 2.1. задана общая методологическая установка на рассмотрение смысловой реальности как многомерной, одновременно включенной в несколько систем отношений и движущейся в них по специфическим законам этих систем. Мы выделили три плоскости рассмотрения смысловой реальности и, соответственно, три аспекта смысла — онтологический, феноменологический и деятельностный, из которых важнейшим является онтологический аспект — рассмотрение смысла в контексте жизненного мира и жизненных отношений субъекта. Это позволило нам сформулировать ключевой для развиваемого нами подхода принцип бытийного опосредования смысловой реальности. Смысл с учетом этого был определен как отношение между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет этот объект (явление) в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (явлению).

Следующие три раздела посвящены подробному анализу онтологического плана смысловой реальности — жизненного мира субъекта — и переходу от этого плана к деятельностному плану анализа. Последнее стало возможным благодаря введенному М.К.Мамардашвили понятию превращенной формы. Смысловые структуры личности, регулирующие процессы жизнедеятельности субъекта на конкретно-психологическом уровне рассмотрения, понимаются нами как превращенные формы жизненных отношений. Была построена классификация видов смысловых структур и представление об их взаимосвязях. Специально были рассмотрены пути и механизмы порождения смыслов в жизненных отношениях, выделено и описано шесть таких механизмов.

Три следующих раздела посвящены определению места смысловой реальности в сознании, деятельности и личности человека. Было обосновано наличие смысловой стороны или аспекта, постоянно присутствующего в каждой из этих трех реальностей, показано конкретное место, которое она занимает, и функция, которую он выполняет. Наконец, в последнем разделе получило всестороннее обоснование положение о несводимости смысловой реальности к эмоциональной. Тем самым понятие смысла позволяет преодолеть бинарную оппозицию аффекта и интеллекта.

Работа, выполненная в этой главе, позволяет нам говорить о смысловой реальности не только как о полиформной реальности, проявляющей себя в разных конкретных формах, но и как о реальности многомерной, на которую можно смотреть под разными углами зрения. При рассмотрении ее в разных аспектах получаются разные, не совпадающие между собой картины, совместить которые в непротиворечивое целостное представление позволяют положения о тройственной природе смысловой реальности и о ключевой роли бытийного опосредования. Содержание данной главы задает концептуальную рамку для построения понятия смысла на новой методологической основе. Теперь, однако, предстоит наполнить эту рамку конкретно-психологическим содержанием, обратившись к анализу движения смысла в процессах регуляции жизнедеятельности субъекта: к рассмотрению функционирования отдельных смысловых структур, их взаимосвязей, взаимопереходов и закономерностей структурной организации.

ГЛАВА 3.

СМЫСЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ, ИХ СВЯЗИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Мотивы, отношения, среда
и прочее — все это жизнь. А к жизни
нас приучили относиться как
к объекту наших умозаключений

И.Бродский

3.1. Личностный смысл: ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ИНДИКАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ОБРАЗА

Мы начнем наш анализ отдельных структурных составляющих смысловой сферы личности с личностного смысла по двум причинам. Во-первых, это понятие долгое время было единственным, служившим для описания смысловой реальности в ее как объективных, так и субъективных аспектах. Поставив и начав решать задачу более дифференцированного описания смысловой реальности, мы должны, во избежание недоразумений, позаботиться о четком определении границ понятия личностного смысла, которые оно принимает, входя составной частью в разрабатываемый нами понятийный аппарат. Во-вторых, личностный смысл, наряду со смысловой установкой, входит в подкласс регуляторных смысловых структур, непосредственно влияющих на процессы деятельности и психического отражения, и может быть тем самым описан без обращения к другим смысловым структурам, на основании одних лишь эмпирически наблюдаемых регуляторных эффектов.

Исходным для нас выступает узкое понимание личностного смысла как составляющей индивидуального сознания, выражающей пристрастность этого сознания, обусловленную связью последнего с потребностно-мотивационной сферой субъекта, с реальностью его жизни в мире (*Леонтьев А.Н.*, 1977, с. 152—153). В психическом образе необходимо присутствует момент субъективно-личностной пристрастности, отражение не только самих явлений

или предметных отношений, но и их жизненного смысла для человека, отношения к его потребностям (*Рубинштейн*, 1959, с. 124; *Леонтьев А.Н.*, 1977; *Виллюнас*, 1983 и др.) В непосредственном восприятии и представлении объекты и явления действительности предстают перед нами «окрашенными» в тот личностный смысл, который они имеют для нас вследствие своего объективного места в нашей жизнедеятельности, отношения к реализации наших потребностей. И даже рефлексивная дифференциация предметного содержания и эмоционального отношения возможна не всегда. Часто не удается отделить от объекта его смысл, рассматривать его беспристрастно, «со стороны»; отчетливее всего это видно на примере восприятия других людей, хорошо нам знакомых.

Личностный смысл объектов и явлений действительности — это характеристика, которую они приобретают, будучи презентированы субъекту в образе. «Образ — отражение предмета, и отражается в образе предмет так, как он выступает в реальных жизненных отношениях, в которые вступает с ним субъект» (*Рубинштейн*, 1957, с. 230). Личностный смысл не совпадает с жизненным смыслом. Если жизненный смысл — это объективная характеристика отношения объектов и явлений действительности к жизнедеятельности субъекта, то личностный смысл — это форма субъективного отражения этого отношения в сознании субъекта, в его образе мира. Различие жизненного и личностного смысла объектов и явлений можно проиллюстрировать примерами неадекватного по тем или иным причинам отражения жизненного смысла в личностном — преувеличения или преуменьшения субъективно воспринимаемой значимости объекта (явления) по сравнению с его объективной ролью в жизни субъекта. Так, в пословицах «У страха глаза велики» и «Пуганая ворона куста боится» отражена психологическая закономерность, состоящая в преувеличении кажущейся опасности объектов и явлений, не столь опасных на самом деле. В качестве обратного примера можно привести «слепоту» многих курильщиков по отношению к объективной информации о вреде курения; в их сознании курение не окрашено негативным личностным смыслом.

За понятием личностного смысла стоит конкретная психологическая реальность, конкретная феноменология. Эта феноменология иллюстрирует специфическую функцию личностного смысла как одного из элементов системы смысловой регуляции жизнедеятельности — функцию презентации субъекту в образе роли и места отражаемых объектов и явлений действительности в его жизнедеятельности. Эта функция личностного смысла реализуется через посредство двух различных психологических механизмов — механизма эмоциональной индикации и механизма трансформации образа.

Механизм эмоциональной индикации неотделим в сознании психолога от самого понятия личностного смысла, которое, как правило, иллюстрируется феноменами специфической эмоциональной окраски значимых образов восприятия и представления (см. *Леонтьев А.Н.*, 1971; *Вилюнас*, 1976; 1983 и др.). Мы замечаем что-то, вспоминаем или думаем о чем-то с радостью, с грустью, с удивлением, с отвращением и т.д.; эмоции, таким образом, сообщают нам на своем специфическом «языке» непосредственную оценку значимости сопровождаемых ими образов, то есть оценку отношения соответствующих объектов и явлений к реализации потребностей субъекта. А.В.Запорожец использует специальное понятие эмоциональных образов для обозначения образов, «в структуре которых значительное место занимают особо значимые для субъекта объекты, события, отмеченные ярко выраженным личностным отношением» (*Запорожец*, 1986 б, с. 23). В несколько ином значении то же понятие использует А.М.Эткинд (1979). Итак, эмоциональная индикация является ведущей формой презентации субъекту личностного смысла объектов и явлений действительности.

Нам нет необходимости приводить здесь конкретные примеры эмоциональной индикации — они общеизвестны. Более того, в предыдущем разделе мы специально рассмотрели проблему соотношения личностного смысла и эмоции, которые нередко мыслятся как синонимы. Эмоции есть своеобразная форма отражения, однако это «вторичное» отражение, отражение определенных характеристик самого чувственного образа, а именно тех, которые выражаются понятием «личностный смысл». «Сами переживания... еще не открывают субъекту своей природы... Их реальная функция состоит лишь в наведении субъекта на их действительный источник, в том, что они сигнализируют о личностном смысле событий, разыгрывающихся в его жизни» (*Леонтьев А.Н.*, 1977, с. 157).

С этим же связаны и феноменологические различия между непосредственной эмоциональной индикацией и рефлексивным осознанием личностного смысла, стоящего за эмоциональным переживанием. Личностный смысл всегда конкретен; явно или скрыто он содержит указание на те мотивы, которые придают личностную значимость данному объекту или явлению, и на содержательное отношение между ними: смысл не только всегда смысл чего-то, но и всегда по отношению к чему-то, и это отношение всегда качественно определено. Эмоция, напротив, дает лишь общую, поверхностную характеристику личностного смысла; эмоция упрощает реальную сложность жизненных отношений, что является своеобразной платой за яркость их презентации в субъективной реальности при отражении в форме эмоции.

Эмоциональная окраска не является единственной формой презентации в образе личностного смысла. Последний проявляется также в виде эффектов трансформации психического образа. Эти эффекты лишь недавно начали обращать на себя внимание авторов, принадлежащих к различным школам и направлениям (*Эткинд*, 1981; 1984; *Петренко*, 1983; *Иосебадзе*, *Иосебадзе*, 1985; *Запорожец*, 1986 б и др.), но еще не стали предметом специального исследования. Трансформации, о которых идет речь, представляют собой структурирование образов целостной ситуации, в которой одни объекты и явления выступают на передний план, другие, напротив, затушевываются; меняются субъективные связи между элементами ситуации и искажаются отдельные соотношения (пространственные, временные и др.). Ю.К.Стрелков отмечает, что попытка описать перцептивное пространство-время в чисто когнитивном аспекте реальна лишь как научно-аналитическая абстракция. «В жизни, в условиях реальных действий перцептивное пространство-время пронизано смыслами. Если перед субъектом, решающим задачу в знакомой ситуации, вдруг появляется опасный предмет, то все пространство-время стягивается к месту и времени критического события. Когда опасность проходит, то в зоне восстанавливаются прежние дифференциации» (*Стрелков*, 1989, с. 19).

Причиной этих трансформаций выступает личностный смысл, характеризующий те или иные элементы ситуации в аспекте их связи с жизнедеятельностью субъекта, места и роли в ней; при этом трансформация образа может сопровождаться, а может и не сопровождаться эмоциональной индикацией. Мы считаем необходимым остановиться подробно на описании и систематизации эффектов трансформации образа по причине их неизученности, ограничившись при этом анализом искажений отдельных параметров воспринимаемых объектов и явлений, и не затрагивая структурирование образов целостной ситуации. Непревзойденным по сей день феноменологическим описанием такого структурирования является анализ восприятия одного и того же ландшафта в мирной обстановке и в условиях военных действий, выполненный К.Левином почти 70 лет назад (см. *Lewin*, 1982, с. 315—325).

Остается сделать еще одну оговорку. Трансформации образа могут быть порождены как устойчивыми особенностями структурирования личностью целостной картины мира, так и преходящим влиянием сиюминутных мотивов. Немало зависит также от самих воспринимаемых объектов и явлений. По отношению ко многим из них мы уже обладаем определенным априорным отношением, которое является следом опыта взаимодействия с этими объектами и явлениями, отражает их жизненный смысл и фиксируется в лично-

сти в форме диспозиционных структур и структур субъективной семантики (Артемова, 1986; 1999). В то же время и новые для нас объекты и явления также с самого начала вызывают пристрастное к себе отношение, оцениваются под углом зрения их личностного смысла. В данном разделе, описывая феноменологию структурирования и искажения образа его личностным смыслом, мы не будем различать трансформации, обусловленные устойчивыми и ситуативными причинами; это различие — различие факторов, которые могут порождать личностный смысл — будет раскрыто в последующих разделах.

Описание феноменов личностно-смысловых трансформаций образа мы начнем с рассмотрения **трансформаций пространственных измерений в картине мира**, которые, как показал А.М.Эткинд (1979), сами по себе несут мощный аффективно-смысловой потенциал. Примером такого искажения, кочующим из одной публикации в другую и из одного контекста в другой, являются результаты выполненного в 1947 году эксперимента Дж.Брунера и К.Гудмэна (см. Брунер, 1977, с. 65—80), в которых был зафиксирован факт преувеличения детьми видимого размера монет по сравнению с аналогичными картонными кружками, причем степень искажения была тем больше, чем больше достоинство оцениваемых монет. Эффект преувеличения оказался существенно выше для детей из бедных семей, чем для детей из семей богатых. Преувеличение размера оказалось характерным не только для объектов, обладающих устойчивым, фиксированным смыслом: Лэмберт, Соломон и Уотсон получили эффект преувеличения размеров жетонов, за которые дети могли получить конфеты в специальном автомате. Характерно, что когда дети перестали получать что-либо, эффект переоценки величины исчезал (см. Рейковский, 1979, с. 215).

Тенденция к преувеличению значимых объектов распространяется и на объекты, отношение к которым является отрицательным. Так, Брунер и Постман, исследуя восприятие величины символических изображений, обнаружили эффект преувеличения по сравнению с нейтральным изображением изображений как знака доллара, так и свастики, хотя для свастики преувеличение было меньше, чем для знака доллара (Bruner, Postman, 1958). Этот эффект, которому Брунер и Постман не дают убедительного объяснения, можно рассматривать как отражение их смысла как потенциальной угрозы (ср. понятие «значимость-тревожность» у М.А.Котика (1985)).

Трансформациям подвергаются отнюдь не только символические изображения. Так, исследования образа «физического Я» показали, что женщины с нормальной комплекцией, позитивно оценивающие собственную внешность, склонны видеть себя более тонкими, чем

они есть на самом деле, а женщины, недовольные своей внешностью, воспринимают свою талию более широкой, чем в действительности. В обоих случаях искажение образа служит подтверждению исходной оценки (*Дорожеев*, 1986, с. 9).

Другой вариант искажения образа — образа другого человека — продемонстрирован в интересном исследовании П. Уилсона, который «представлял студентам нескольких классов своего колледжа одного и того же мужчину, называя его "мистер Инглэнд"». В одном классе "мистер Инглэнд" выступал как студент из Кэмбриджа, во втором — как лаборант, в третьем — как преподаватель психологии, в четвертом — как "доктор Инглэнд, доцент из Кэмбриджа", а в последнем — как "профессор Инглэнд из Кембриджа". После того, как иностранный гость ушел, студентов попросили максимально точно оценить рост "мистера Инглэнда". Оказалось, что по мере своего подъема по лестнице научных званий, "мистер Инглэнд" неуклонно увеличивался в росте, так что последняя группа оценила его рост на пять дюймов выше, чем первая. Рост преподавателя, который ходил вместе с "мистером Инглэндом" и звание которого не менялось, во всех классах оценили совершенно одинаково» (см. *Кон*, 1979, с. 37—38). В этом случае, однако, более вероятно, что личностно-смысловые искажения имеют место не в процессе восприятия, а в процессе извлечения образа из памяти, что, впрочем, почти не влияет на оценку и интерпретацию результатов этого эксперимента в нашем контексте. Тот же эффект в утрированном виде отображен в одном из рассказов Дж. Родари (1985). Его герой — профессор Грозали — всегда становился выше ростом в дни опроса своих студентов, обычно не меньше, чем на четверть метра. Брюки становятся ему коротки, а в кульминационный момент опроса он даже ударяется головой о потолок и набивает себе шишку. Когда, однако, изобретательным студентам удастся посеять в нем сомнения в своих знаниях, поколебать его самоуверенность, он сразу уменьшается в росте и в весе так, что в конце концов ему приходится даже встать на стул и подпрыгивать, чтобы увидеть весь класс.

Интересно, что особый личностный смысл тех или иных объектов может являться не только причиной искажений их образов, но и, напротив, препятствием к их искажению! Этот эффект обнаружился в серии экспериментов У. Виттрайха (*Wittrich*, 1959). Серия экспериментов проводилась с использованием специальных искажающих линз различной силы. В одном из них испытуемыми были больные с ампутированными конечностями: при определенной силе линз, искажающей облик обычных здоровых людей, незнание товарищи по несчастью — такие же инвалиды, как и они сами — воспринимались ими без искажений. В другом эксперименте ис-

пытуемыми были матросы-новобранцы; искажение облика другого такого же новобранца имело место при линзах в 1,5 раза более слабых, чем те, при которых возникало искажение облика человека с офицерскими знаками различия. Исследования самовосприятия через те же линзы с помощью обычного зеркала показали, что девочки, которых больше заботит собственная внешность, воспринимают себя с меньшими искажениями, чем мальчики того же возраста; вообще, собственный облик воспринимается обычно лишь с мелкими, частными искажениями, в отличие от облика других людей.

К трансформациям в образе пространственных отношений принадлежат также феномены искажения расстояний и субъективного структурирования топографических характеристик среды обитания в масштабе города или отдельного его района (см., например, об этом *Добрицына*, 1984; *Величковский*, *Блинникова*, *Латин*, 1986; *Стрелков*, 1989; и др.). Общие закономерности, выявленные в этих исследованиях, сводятся к тому, что функциональные участки города или городского района в представлении живущих или работающих на этой территории горожан группируются в пространстве по параметру их места в системе жизнедеятельности испытуемых, то есть по их личностно-смысловой характеристике, не обязательно презентированной в эмоциональной форме. «Изображая карту-путь, человек сильно искажает местность: в начале пути предметы преувеличены, в конце — приуменьшены, начало располагается ближе к рисуемому субъекту, конец — дальше» (*Стрелков*, 1989, с. 41). Эффект группировки выражается в субъективном сокращении расстояний между функционально взаимосвязанными объектами и, наоборот, преувеличении расстояний между объектами, входящими в разные группы.

Второй класс феноменов структурирования образа — это **трансформации временных параметров действительности**, которые, так же как и пространственные, тесно связаны с выражением пристрастности отношения человека к миру (*Эткинд*, 1979). В определенном отношении временное измерение более нагружено для человека личностным смыслом, чем пространство, потому что человеческая деятельность не всегда протекает в пространстве (например, теоретико-познавательная деятельность, логическое мышление), но всегда — во времени. Время, таким образом, всегда выступает для человека как универсальный ресурс любой деятельности, или же, в случае ожидания событий, не зависящих от собственной деятельности субъекта, время становится барьером, отделяющим субъекта от осуществления этого события. Тем самым время никогда не бывает иррелевантным по отношению к человеческой жизнедея-

тельности и всегда нагружено для человека личностным смыслом. Личностный смысл временных отрезков отражается как в их непосредственной эмоциональной оценке, так и в феноменах субъективной переоценки или недооценки скорости течения времени.

Обратимся вначале к экспериментальным исследованиям закономерностей оценивания небольших отрезков времени — секунд и минут (Элькин, 1962; Фресс, 1978). Феномены субъективной переоценки и недооценки скорости течения времени в различных значимых ситуациях обратили на себя внимание ученых задолго до нашего века, однако их экспериментальное изучение началось относительно недавно. П.Фресс выделяет три различных типа ситуаций, влияющих на субъективную оценку времени. Первая из них — ситуация ожидания, которая «не требует от нас никакой специфической активности, все наши помыслы сосредоточены на предстоящей деятельности» (Фресс, 1978, с. 115). В этом случае наблюдается переоценка длительности временных интервалов, время течет медленнее, особенно в ситуации ожидания неприятного события. П.Фресс приводит результаты эксперимента Дж.Фолка и Д.Биндры, обнаруживших эффект переоценки длительности временных интервалов, завершающихся ударом электротоком; в контрольной группе, где вместо тока давался звуковой сигнал, эффект переоценки не наблюдался (Фресс, 1978, с. 116). Аналогичный эффект возникает при оценке временных промежутков, заполненных неприятными ощущениями: так, Уотс и Шэррок зафиксировали у испытуемых-фобиков переоценку длительности временных интервалов, в течение которых им приходилось разглядывать крупного паука в стеклянной банке (Watts, Sharrock, 1984). У контрольной группы испытуемых наблюдалась скорее обратная тенденция.

Вторая описываемая П.Фрессом ситуация — это ситуация выполнения деятельности, не поглощающей субъекта полностью, то есть включающей в себя также момент ожидания. Эффект в этом случае оказывается подобен предыдущему, то есть субъективное течение времени замедляется, что выражается в переоценке длительности временных интервалов. Дж.Лозлин обнаружил существенную корреляцию между оцениваемой длительностью и непривлекательностью задачи (см. Фресс, 1978, с. 116). Повышение интереса к выполняемой деятельности приводит к уменьшению оценки субъективной длительности временных интервалов. Также влияет на оценку времени переживание успеха в выполняемой деятельности; наоборот, предчувствие неудачи заставляет время течь более медленно, причем этот эффект тем более выражен, чем сильнее испытуемые мотивированы на выполнение задания (см. Фресс, 1978, с. 117).

Наконец, третья ситуация возникает при выполнении деятельности, которой мы полностью поглощены. В этом случае время субъективно течет очень быстро и длительность временных интервалов недооценивается. Отличие третьей ситуации от первых двух демонстрируют эксперименты Д.Г.Элькина. В одном из них сравнивалось оценивание временных интервалов учащимися вечерней школы в период экзаменационной сессии и во время выпускного вечера. В первом случае имела место стойкая недооценка длительности временных интервалов, во втором — столь же выраженная переоценка (Элькин, 1962, с. 263—265). Этот эксперимент иллюстрирует различия между первым и третьим типом ситуаций по П.Фрессу. Другой эксперимент Д.Г.Элькина иллюстрирует различия между ситуациями второго и третьего типа. Группа испытуемых читала рассказ Горького «Старуха Изергиль», а на другой день — страницы русско-французского словаря, в течение того же времени, которое заняло у них чтение рассказа. При оценке времени обоих занятий 95 % испытуемых недооценили время, ушедшее на чтение рассказа и 90 % переоценили время, ушедшее на чтение словаря (там же, с. 265—266). Обобщая наш поверхностный обзор исследований восприятия и оценки коротких интервалов времени, мы можем заключить, что временные интервалы оцениваются как более длинные в тех случаях, когда они имеют личностный смысл барьера, отделяющего субъекта от значимых событий, либо личностный смысл ресурса, расходуемого впустую, без пользы. Те же интервалы оцениваются как более короткие в тех случаях, когда они имеют личностный смысл продуктивно используемого ресурса.

Схожие закономерности можно наблюдать и при оценке временных соотношений между событиями в масштабе всей жизни субъекта. Имеющиеся данные немногочисленны и неоднозначны; вместе с тем есть эмпирические подтверждения зависимости переживания «сжатости» времени, переживания его непрерывности и психологического возраста от различных характеристик смысловых связей между основными событиями жизни субъекта, присутствующих в субъективной картине жизненного пути (Головаха, Хроник, 1984).

К третьей группе феноменов трансформации образа относятся **трансформации причинно-следственных отношений**. А.М.Эткинд (1984), описывая характеристики субъективной реальности, относит причинно-следственные отношения к более высокому уровню, чем пространственно-временные характеристики. Причинно-следственные отношения и их отражение человеком также выступают важнейшим аспектом его жизнедеятельности, поскольку они определяют границы возможностей человека как субъекта предметно-

практической деятельности воздействовать на мир, создавать, строить и изменять условия своей собственной жизни.

Эффект личностно-пристрастного искажения причинно-следственных связей прекрасно демонстрирует проведенное на старших дошкольниках исследование Е.В.Субботского. Пользуясь специально сконструированной шкатулкой с двойным дном, позволявшей устраивать «исчезновение» положенных в нее плоских предметов и их «появление из ничего», Е.В.Субботский (*Subbotsky*, 1991) изучал соотношение у дошкольников представлений о противоестественности подобных переходов («норма перманентности стабильного объекта») и представлений об их возможности, подкрепляемых демонстрируемыми эффектами («норма неперманентности»). Было, в частности, обнаружено, что в ситуациях появления в пустой шкатулке марки (которую ребенок мог забрать себе) дети всех возрастных групп гораздо чаще признавали возможность магического объяснения случившегося, чем в обратных случаях, когда положенная в шкатулку марка исчезала. В последнем случае дети решительно отвергали возможность такого невыгодного «волшебства» и упорно стремились раскрыть секрет устройства шкатулки.

Эмпирическим материалом, на котором наиболее наглядно выступает зависимость отражения причинно-следственных связей от их личностного смысла, являются психологические исследования каузальной атрибуции (см. *Хекхаузен*, 1986 б, гл.10, с. 11). Когнитивные схемы, на основании которых люди объясняют причины тех или иных исходов наблюдаемых ими ситуаций, работают эффективно до тех пор, пока оцениваемые ситуации остаются индифферентными к жизни самого испытуемого субъекта. Когда же приходится объяснять собственное поведение, то «логико-рациональные правила использования информации могут искажаться в угоду субъективно-значимым интересам» (*Хекхаузен*, 1986 б, с. 98). Х.Хекхаузен приводит большое число экспериментальных свидетельств такого искажения. Общая закономерность сводится к тому, что при оценке собственных действий люди склонны в большей степени объяснять успехи личностными, а неудачи — ситуационными факторами, чем при оценивании действий других людей. Этот эффект асимметрии атрибуции, проявляющийся в тех ситуациях, когда у испытуемого нет оснований ожидать, что его атрибуция будет подвергнута другими критической проверке, служит стабилизации самооценки (*Хекхаузен*, 1986 б, с. 98—102). Интересно, что испытуемые, у которых доминирует тенденция избегания неудачи, демонстрируют обратную зависимость: они больше склонны приписывать себе ответственность за неудачи, а ответственность за успех

относить за счет везения (*там же*, с. 145). Аналогичные индивидуальные различия в асимметрии атрибуции успехов в общении были обнаружены для учеников с высоким и низким социометрическим статусом (*там же*, с. 181). В обоих случаях асимметрия атрибуции «работает» на сохранение сложившейся Я-концепции и самооценки — как высокой, так и низкой.

Личностно-смысловая обусловленность искажений причинно-следственных связей связана, как нам представляется, прежде всего с тем, что причинно-следственные связи являются наиболее естественной когнитивной основой для установления смысловых связей, то есть смысл того или иного явления во многом определяется его причинным объяснением. Применительно к описанным выше феноменам это, в частности, означает, что успех в решении задачи будет иметь личностный смысл личного достижения лишь в том случае, если в качестве его причины будут рассматриваться способности и старания, а не везение; неудача, соответственно, только в этом случае будет иметь личностный смысл поражения. В обоих случаях причинно-следственные связи субъективно отражаются таким образом, чтобы личностный смысл результата согласовывался с отношением субъекта к себе, которое представляет собой «наиболее интегральный личностный смысл» (*Столин*, 1981, с. 104).

К четвертой группе феноменов личностно-смысловых трансформаций образа мира мы относим **трансформации вероятностных характеристик действительности**. Жизненная значимость этого измерения событий, происходящих в мире, обусловлена тем, что мы живем в чрезвычайно сложном, многомерном мире и не можем точно прогнозировать события, которые будут происходить даже в самом ближайшем будущем. Однако без предвосхищения результатов наших действий, производимых ими изменений во внешнем мире, да и просто контролируемых нами событий мира человеческая деятельность просто не могла бы осуществляться. Готовность субъекта к предстоящим событиям во многом обеспечивается механизмом вероятностного прогнозирования, учитывающим два основных параметра события: его значимость и вероятность (*Фейгенберг, Иванников*, 1978).

Исследования субъективного отражения значимости и вероятности событий в индивидуальной картине мира показывают, однако, что субъективная значимость и субъективная вероятность не являются независимыми друг от друга (*Котик*, 1978; 1981; *Котик, Сиртс*, 1983). Субъективная вероятность событий оценивается людьми посредством отнесения их под одну из рубрик нечеткого множества, образуемого понятиями «никогда», «редко», «иногда»,

«часто», «всегда», границы между которыми отсутствуют. Оперирование этой шкалой по отношению к тем или иным событиям определяется не только объективной вероятностью событий, но и их значимостью: чем значимее событие, тем при меньшей вероятности его появления оно расценивается как «частое» (Котик, 1978). На оценку субъективной вероятности событий оказывает влияние опыт и индивидуальные особенности испытуемых. В частности, М.А.Котик показал, что электрики, часто нарушающие технику безопасности и получающие травмы, оценивают травмы средней тяжести как частые при вероятности их получения в данной ситуации в 30 %, а осторожные электрики — уже при вероятности 20 % (Котик, 1981).

В других исследованиях было получено аналогичное преувеличение субъективной вероятности значимых событий в числовой оценке. В наибольшей степени это касается оценивания вероятности собственных успехов и неудач. К.Шнайдер показал, что испытуемые в этих условиях демонстрируют сдвиг шкалы субъективной вероятности успеха в сторону объективно более сложных заданий (см. Хекхаузен, 1986 б, с. 15). В ситуации оценки случайных событий сдвига шкалы субъективной вероятности обнаружено не было.

Интерпретация закономерностей искажения субъективной оценки вероятности исходит из роли этого параметра в преднастройке субъекта к определенной деятельности. «Ожидание (или сознательное неожидание) события и есть одна из форм воздействия на характер взаимодействия человека с событием» (Асеев, 1982, с. 239). Готовность реагировать на высокозначимые события столь же важна, как и готовность реагировать на высоковероятные события: за неадекватное реагирование на высокосignификантное, пусть даже почти невероятное событие приходится иногда расплачиваться дорогой ценой. Поэтому, как отмечает В.Г.Асеев (1981), человек практически не ожидает малозначимые и маловероятные события и, напротив, ожидает высокосignификантные или высоковероятные. Эти два параметра тем самым оказываются тесно взаимосвязанными: «Одно и то же по внешнему проявлению поведение... может быть следствием либо преувеличения (преуменьшения) значимости события, либо... субъективной его вероятности» (Асеев, 1981, с. 317). Искажение субъективной вероятности может быть вызвано и иными факторами. Так, нередко (как, например, в описанных выше экспериментах К.Шнайдера) оно отражает факт принятия желаемого за действительное. «Здесь содержательно-смысловые образования как бы проецируются на действительность...» (Асеев, 1982, с. 41). За действительное может приниматься и то, чего человек сильно опасается.

Четыре описанных класса личностно-смысловых искажений образа представляют лишь искажения отдельных параметров объектов или явлений. Несколько особняком стоят случаи искажения самих объектов, *ошибки их узнавания*, когда одно принимается за другое. Из числа экспериментальных подтверждений личностно-смысловой детерминации ошибок узнавания сошлемся на исследование Е.Ф.Бажина (1971), который предъявлял своим испытуемым записанные на магнитофон слова с инструкцией повторять их. Оказалось, что больные алкогольным психозом, острым алкогольным галлюцинозом и белой горячкой с удивительным постоянством ошибочно воспринимали некоторые слова. Вместо слова «зарисовка» они слышали «за решетку», вместо «клуб» — «глуп», вместо «пушистый» — «душить» и т.д. Вместе с исчезновением острой симптоматики исчезали и ошибки восприятия, хотя некоторые из них были у больных алкогольным психозом довольно устойчивыми («штопать» — «штопор»). Другое проявление тех же ошибок узнавания — очитки. З.Фрейд (1926) убедительно показал, что многие кажущиеся случайными очитки имеют глубокий смысл, связаны сложным образом с мотивами, установками и конфликтами личности.

Еще одной формой личностно-смыслового структурирования образа является *субъективная интерпретация неопределенной информации*. Одним из примеров является способ видения двусмысленного изображения, на который можно повлиять, сообщив одному из вариантов изображения положительный или отрицательный личностный смысл (*Чхартшвили, 1971 б*). Другим примером является психодиагностическая методика ТАТ (см. *Леонтьев Д.А., 1998 б*), позволяющая квалифицированному психодиагносту по характеру искажений и особенностям интерпретации и структурирования стимульного материала сделать выводы о мотивационно-смысловых детерминантах этих искажений. Наконец, множество примеров подобного рода можно найти в исследованиях по социальной перцепции, где давно известно, что черты и поведенческие проявления других людей имеют тенденцию восприниматься и интерпретироваться в соответствии с уже имеющимся представлением об этих людях или с заданной в ситуации эксперимента установкой (см. *Бодалев, 1965; 1970; Курячий, 1984*). Эти эффекты хорошо известны в психологии; мы не будем на них останавливаться, тем более, что соответствующие примеры интерпретации не позволяют говорить об искажениях, поскольку объективные характеристики оцениваемого объекта использовать для сравнения невозможно; Можно лишь сравнивать интерпретации различных групп испытуемых между собой.

Богатый феноменологический материал для анализа смысловых трансформаций образа дают произведения искусства, в которых наиболее интересным является как раз индивидуальное своеобразие видения художником или писателем привычных для нас вещей. При этом, как мы стремились показать в данном разделе, субъективность образа, в том числе художественного образа, строится по объективным законам. Кроме объективной истины положения вещей в мире есть еще субъективная истина восприятия мира человеком: «Сказать, что он врет, нельзя — он так видел» (*Тендряков*, 1980, с. 434). Наиболее наглядно смысловое структурирование и искажение содержательных характеристик художественных образов, служащее цели выражения художником задуманного им смысла, выступает в изобразительном искусстве, начиная уже с палеолита. Это искусство всецело концентрировалось вокруг изображения «доминант бытия» первобытного человека, сводясь к двум основным сюжетам: наскальные изображения животных — объектов охоты — и скульптурные женские фигуры. Искусству палеолита, как отмечают исследователи, присущ глубокий реализм, однако он отличается своеобразными чертами. «Изображения женщин реалистичны именно тем, что в них подчеркиваются черты зрелой женщины-матери, то есть те черты, которые в глазах художника имели, видимо, важнейшее значение. При этом он полностью пренебрегал или исполнял небрежно все другие, с нашей точки зрения, существенные детали. Преувеличенные груди, бедра, живот, переданные тем не менее очень живо и правдиво, резко контрастируют с суммарной трактовкой лица и примитивной передачей ног ниже колен» (*Абрамова*, 1966, с. 31; см. также *Елинек*, 1982; *Столяр*, 1985). Эти особенности изображения женской фигуры, устойчиво присущие фигуркам, найденным в самых разных регионах планеты, интерпретируются исследователями по-разному: как выражение сексуального отношения к изображаемому объекту, как символика, связанная с культом плодородия, или же как анимистическая символика (см. об этом *Столяр*, 1985, гл. 7); вне зависимости от этого указанные особенности свидетельствуют о том, что в художественном образе утрированно подчеркиваются детали, наиболее значимые с точки зрения любой из этих трех интерпретаций, и игнорируются незначимые.

Подобные изобразительные приемы, естественно, свойственны не только палеолиту. Искусство XX века, с его стремлением к поиску новых форм, дает не меньше иллюстраций смыслового структурирования картины мира, заслуживающих специального анализа с психологической точки зрения (см. *Леонтьев Д.А.*, 1998 а, а так-

же раздел 5.6.). В основном речь идет о структурировании пространства. Эффекты структурирования времени для передачи смысла используются в современном кинематографе и, в меньшей степени, в театре.

В заключение необходимо остановиться на одном сугубо теоретическом моменте. Дело в том, что большинство описанных нами феноменов традиционно интерпретируется в терминах влияния мотивов и установок личности на восприятие. Является ли наша интерпретация, опирающаяся на понятие личностного смысла, альтернативной по отношению к традиционным или же, напротив, лишь воспроизводит их в новом терминологическом обличий? Ни то, ни другое. В данном разделе, как указывалось выше, мы описывали только непосредственные эффекты личностно-смысловых трансформаций образа, не прослеживая цепь смысловой детерминации этих эффектов до мотивов и установок личности. Если апелляция к мотивам и установкам личности дает нам информацию о психологических причинах искажения образа некоторого объекта или явления, лежащих в самой личности, то личностный смысл является характеристикой самого трансформированного образа конкретного объекта или явления, объясняя тем самым, почему трансформации подвергается именно он (оно). Вводя представления о личностно-смысловой трансформации образа, мы тем самым не отрицаем и не повторяем, но дополняем и уточняем известные положения о влиянии на восприятие мотивов и установок личности. Мы подчеркиваем то обстоятельство, что личностный смысл характеризует само содержание образа; процессам познавательной деятельности, участвующим в построении образа, релевантен другой вид смысловых структур, а именно смысловые установки. Более четкое разведение места и роли этих двух структур в регуляции восприятия мы постараемся дать в следующем разделе после подробной характеристики смысловой установки и ее взаимоотношений с личностным смыслом.

Закончим определением личностного смысла. *Личностный смысл объектов и явлений действительности — это составляющая образов восприятия и представления соответствующих объектов и явлений, отражающая их жизненный смысл для субъекта и презентующая его субъекту посредством эмоциональной окраски образов и их трансформаций.*

3.2. СМЫСЛОВАЯ УСТАНОВКА: РЕГУЛЯЦИЯ НАПРАВЛЕННОСТИ АКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Регулирующее воздействие жизненных смыслов объектов и явлений действительности на протекание деятельности субъекта не обязательно сопряжено с какой-либо формой их презентации в его сознании. Хорошо известно, что немалая часть регулирующих воздействий такого рода передается непосредственно на исполнительные механизмы деятельности, минуя сознание, и осуществляется произвольно и, как правило, неосознанно. Тем самым возникает необходимость говорить о смысловых структурах, встроенных в эти исполнительные механизмы и служащих проводниками и реализаторами соответствующих воздействий.

Таковыми регуляторными структурами являются смысловые установки. Еще в 1960 году А.В.Запорожец выдвинул тезис о том, что личностно-смысловые отношения, в которых находятся предметы человеческой деятельности к субъекту, к его жизненным потребностям и интересам, отражаются в форме установки (*Запорожец*, 1960, с. 387). Это положение нашло свое развернутое воплощение в иерархической модели установочной регуляции деятельности А.Г.Асмолова (1979). Однако прежде чем приступить к характеристике эффектов установочно-смысловой регуляции деятельности, нам необходимо очертить понимание смысловой установки, которое позволило бы ввести это понятие в развиваемую нами схему смысловой организации личности.

В качестве исходного определения установки зафиксируем определение, предложенное Д.Н.Узнадзе: «Это — целостное отражение, на почве которого, в зависимости от условий, может возникнуть или созерцательное, или действенное отражение. Оно заключается в таком налаживании, такой настройке целостного субъекта, когда в нем проявляются именно те психические или же моторные акты, которые обеспечивают адекватное созерцательное или же действенное отражение ситуации. Это... первичная модификация субъекта, соответствующая определенной ситуации» (Д.Н.Узнадзе; цит. по: *Норакидзе*, 1966, с. 27). «Однажды образовавшаяся установка не исчезает, она остается у субъекта как *готовность к повторной актуализации* в случае повторения надлежащих условий» (Д.Н.Узнадзе; цит. по: *Чхартшвили*, 1971 а, с. 13). В последнем случае говорят о фиксированной установке (см. подробнее *Чхартшвили*, 1971 а).

Как явствует из этих определений, первичная и фиксированная установка генетически тесно взаимосвязаны. Вместе с тем, как под-

черкивает А.С.Прангишвили (1975), конституирующие характеристики установки не связаны со стереотипными формами реагирования, возникшими на основе ее фиксации. Определяющим, напротив, является первичный модус установки. Функцию управления актуальной деятельностью осуществляет только первичная установка; фиксированная же установка существует латентно, не имея непосредственного выхода в поведение (*Чхартишвили, 1971 а; Прангишвили, 1975*). Первичной и фиксированной установке в нашей модели соответствуют различные виды смысловых структур: смысловая установка актуальной деятельности и смысловая диспозиция. В данном разделе речь поэтому пойдет лишь об эффектах первичной (в терминологии Д.Н.Узнадзе) установки.

Основной функцией установки как «первичного модуса реагирования» является актуальное управление уже реализующейся активностью субъекта. Являясь компонентом самой деятельности, установка отражает в своей структуре структуру условий деятельности, включая актуальную ситуацию, мотивацию и операционные возможности (*Имедадзе, 1986 б*), благодаря чему она способна осуществить гибкое целесообразно-адаптивное управление всей актуально протекающей деятельностью (*Прангишвили, 1975*).

А.С.Прангишвили (1966, с. 41) и Ф.В.Бассин (1968, с. 266) указывали на то, что установка детерминирована смыслом объективной ситуации. Вместе с тем, понятие первичной установки не тождественно понятию смысловой установки. Более дифференцированная по сравнению с работами представителей школы Д.Н.Узнадзе иерархическая уровневая модель установочной регуляции деятельности А.Т.Асмолова (1979) описывает установки трех уровней: смысловые, релевантные мотиву деятельности и стабилизирующие направленность деятельности в целом, целевые, релевантные отдельному действию и его цели, и операциональные, релевантные условиям деятельности и способам ее осуществления. Мы разделяем в целом предложенную А.Т.Асмоловым классификацию, хотя и видим несколько иначе ее основание. Регуляция человеческой деятельности осуществляется в соответствии одновременно с целым рядом критериев. Деятельность должна отвечать поставленной цели, она должна соотносываться с внешними условиями и ее направленность должна согласовываться с общей направленностью личности. Целевые, операциональные и смысловые установки и отражают особенности регуляции деятельности в соответствии с каждым из этих трех критериев. Если целевую установку можно рассматривать как «распредмеченную форму существования целей» (*Зинченко, 1978*), то, соответственно, операциональную — как распрепредмеченную форму существования условий деятельности, их психологического «присут-

ствия» в структуре самой деятельности, а смысловую установку — как распределенную форму существования смысла, будь то смысл мотива данной конкретной деятельности или вклинивающиеся в протекание деятельности смысловые помехи, не связанные со спецификой именно данной деятельности, а порожденные устойчивыми личностными комплексами или диспозициями.

Все вышесказанные соображения позволяют нам теперь дать определение смысловой установки. ***Смысловая установка — это составляющая исполнительных механизмов деятельности, отражающая в себе жизненный смысл объектов и явлений действительности, на которые эта деятельность направлена, и феноменологически проявляющаяся в различных формах воздействия на протекание актуальной деятельности.*** Это воздействие может сводиться к одной из четырех форм: ***стабилизирующее влияние, преградное влияние, отклоняющее влияние и дезорганизирующее влияние.***

Стабилизирующие эффекты смысловой установки являются наиболее изученными. А.Г.Асмолов (1979) рассматривает стабилизацию деятельности как основную функцию смысловой установки. Многочисленный эмпирический материал, накопленный представителями разных научных школ и направлений, демонстрирует проявления установки именно как инерционного момента деятельности (см. подробнее Асмолов, 1977 б). Эффект стабилизации проявляется как в предметно-практической, так и в познавательной деятельности; можно выделить по меньшей мере пять классов феноменов, иллюстрирующих этот эффект.

Во-первых, это феномены *селекции и фильтрации*, заключающиеся в избирательности внимания и реагирования субъекта, предметом которых становятся лишь объекты и явления, релевантные актуальной деятельности. В эксперименте Е.Ф.Бажина (1971) больным с галлюцинаторной симптоматикой и депрессивным больным предъявлялась магнитофонная запись отдельных слов, часть из которых входила в структуру их вербальных галлюцинаций или в комплекс депрессивных переживаний. Запись подавалась через наушники на уровне звучания 50 % разборчивости; тем не менее релевантные слова распознавались обеими группами больных безошибочно.

Этот эксперимент демонстрирует одновременно и второе проявление эффекта стабилизации, а именно повышение чувствительности, *сенсификацию* по отношению к релевантным стимулам, что выражается, в частности, в феномене избирательного снижения сенсорных порогов (перцептивная бдительность). В частности, Моултон обнаружил снижение порогов распознавания слов, связанных с успехом и достижениями, у испытуемых с выраженной потребностью в достижении в условиях актуализации соответствующей мо-

тивации. В нейтральной ситуации, а также у испытуемых со слабой потребностью в достижении, избирательного снижения порогов обнаружено не было (см. *Рейковский*, 1979, с. 195). Многие экспериментальные исследования, демонстрирующие аналогичные эффекты, приведены в монографии Э.А.Костандова (1977, с. 41—45).

Третий класс феноменов стабилизации — направленное при-
страстное структурирование чувственных данных. В различных экспериментах с восприятием двусмысленных изображений (*Чхартисвили*, 1971 б; *Рейковский*, 1979, с. 179—180) обнаружилась устойчивая тенденция «видеть» тот из двух вариантов изображений, который был связан с положительным подкреплением.

Четвертый класс феноменов стабилизации — это проявления *инерции деятельности*, персеверации после ее завершения. Так, ряд экспериментов, в которых изучались различные аспекты «эффекта Зейгарник», свидетельствует о том, что неоконченные действия, наполненные для испытуемых смыслом, порождают существенно более интенсивное напряжение, лучше сохраняются в памяти (непроизвольно) и хуже поддаются замещению, чем малоосмысленные действия (см. *Van Bergen*, 1968, с. 42, 59, 66; эксперименты Дж.Брауна, Д.Адлера, М.Хенле).

Наконец, в-пятых, стабилизация проявляется в феномене *защиты по отношению к внешним помехам*. Этот эффект продемонстрирован, в частности, в экспериментальном исследовании, осуществленном нами совместно с Ю.А.Васильевой и Ф.С.Сафуановым (см. *Леонтьев Д.А.*, 1987, а также раздел 3.7.).

Стабилизирующие эффекты во всем разнообразии их проявлений отнюдь не исчерпывают феноменологию установочно-смысловой регуляции деятельности. Как справедливо отмечает А.С.Прангишвили (1975), функция установки не сводится к стабилизации деятельности, напротив, в основе вариабельности деятельности также лежат установочные механизмы.

Второй формой влияния установки на протекание деятельности является ее **преградное** влияние, воздвигающее осознаваемые или неосознаваемые внутренние барьеры на пути к достижению сознательно поставленной цели. Вместе с тем, эти внутренние барьеры не являются чем-то чуждым самой деятельности; они также входят в систему ее внутренних регуляторных механизмов. «Часто, — писал А.Маслоу, — человеческое поведение является защитой против мотивов, эмоций и импульсов. Другими словами, оно выступает формой их подавления и сокрытия столь же часто, как и формой их выражения» (*Maslow*, 1970 б, с. 6).

Смысловые установки, осуществляющие преградное влияние, Могут иметь самые разные источники. Перечень инвариантных клас-

сов личностных преград, эмпирически выявленных В.В.Сталиным (1983 а, б) наглядно свидетельствует о том, что «те же личностные образования, которые побуждают или регулируют деятельность человека, могут при известных условиях выступать в качестве внутренних преград» (*Сталин*, 1983 а, с. 126). Ю.Г.Пилипейченко (1984) подчеркивает, что внутренняя преграда является системным образованием и ситуативно связана с мотивами деятельности. Говоря о преградных эффектах установочно-смысловой регуляции деятельности, мы рассматриваем именно ситуативно-конкретные проявления внутренних преград.

В плане предметно-практической деятельности преградное влияние установок проявляется в феноменах ухода от выполнения деятельности или ограничения ее масштаба. Ярким примером является преградное влияние смысловой установки щажения раненой руки на действия, выполняемые этой рукой (*Леонтьев А.Н., Запорожец*, 1945). Доказательством смысловой природы этой установки явилась возможность ее коррекции путем воздействия на мотивы субъекта.

Более разнообразные иллюстрации преградного влияния установки можно найти в сфере познавательной деятельности. Мы имеем в виду, в частности, феномены перцептивной защиты и мотивированного забывания. Феномен перцептивной защиты выражается в затрудненности презентации или недопущении в поле сознания определенного стимульного содержания, опознанного на более ранних стадиях переработки сенсорных данных (см. об этом *Рейковский*, 1979, с. 185—191; *Костандов*, 1977, с. 99—103). Феномен мотивированного забывания заключается в невозможности вспомнить какие-либо события, факты, имена, а также найти потерянные вещи, связанные с глубинными конфликтогенными комплексами личности (*Фрейд*, 1926). Вот один из описываемых Фрейдом примеров: молодой человек получает книгу в подарок от жены, отношения с которой у него были достаточно прохладные. Книга моментально теряется в доме, и найти ее не удастся, несмотря на все попытки. Спустя полгода в их семейной жизни возникают критические обстоятельства, в которых его жена проявляет себя с наилучшей стороны. Вернувшись домой однажды вечером, молодой человек, преисполненный нежных чувств по отношению к своей жене, без определенного намерения идет в кабинет, открывает «с сомнамбулической уверенностью» один из ящиков стола и находит в нем давно пропавшую книгу (*Фрейд*, 1926, с. 120). Этот пример мы позаимствовали, чтобы проиллюстрировать связь смысловой установки, преградное влияние которой мы здесь усматриваем, с конкретными проходящими мотивами. Приведем еще

один пример из Фрейда, где выраженный преградный эффект трудно отнести к чему-то одному — восприятию, памяти или практическому действию. Фрейд описывает, как, разыскивая хорошо известную ему лавку в центре города, он никак не мог ее найти, пока не посмотрел ее адрес в справочнике. Оказалось, что в поисках он исходил все окрестные улицы, кроме искомой. Анализ показал, что неосознанным мотивом избегания явилось расстройство бывших когда-то близкими отношений с семейством, жившим в том доме, где находилась лавка (*там же*, с. 114—115).

Третьей формой влияния смысловой установки на протекание деятельности является **отклоняющее** влияние, выражающееся в отклонении течения деятельности «...от оптимальной линии достижения цели в границах, выходящих за пределы интеллектуалистической "презумпции объяснения"» (*Субботский*, 1977, с. 64). Отклоняющее влияние хорошо иллюстрируют случаи, когда мы занимаемся каким-либо важным для нас делом «через силу». В этом случае смысловые установки, возникающие на базе посторонних по отношению к актуальной деятельности диспозиций, вопреки нашему желанию и часто неосознанно отвлекают нас, переключают внимание, способствуют созданию эффекта пресыщения и т.п. В качестве другого примера проявления «посторонних» смысловых установок мы рассматриваем инородные включения в ход протекания деятельности, например, оговорки, ошибочные симптоматические действия (см. *Фрейд*, 1926). Оговорки и ошибочные действия могут иметь и прямое отношение к содержанию актуальной деятельности, отражая при этом либо внутренний конфликт, как в примере с председателем палаты депутатов, объявившим заседание закрытым вместо того, чтобы открыть его (*Фрейд*, 1926, с. 67), либо истинное отношение к высказываемому или делаемому, не совпадающее с тем отношением, которое субъект демонстрирует.

Наконец, четвертая форма влияния смысловой установки на протекание деятельности — это **дезорганизирующее** влияние, обычно связанное с избыточным аффективным напряжением. дезорганизирующее влияние проявляется в ситуациях, когда возможность реализации значимого мотива фрустрирована, ограничена внешними обстоятельствами и рамками. Аналогичный эффект может проявиться и в ситуации ожидания, примерами чего являются синдромы сценического волнения и предстартовой лихорадки. дезорганизирующее влияние проявляется в форме неконтролируемого внутреннего напряжения, избыточной моторной активности и полной фиксации на актуальной Деятельности, трудности переключения.

В завершение этого раздела остановимся несколько более подробно на отношениях между смысловыми установками и личностными смыслами в целостной системе регуляции деятельности. Как мы стремились показать, эти два механизма не дублируют, но дополняют друг друга в регуляции как познавательной, так и предметно-практической деятельности. И личностные смыслы, и смысловые установки относятся к тем механизмам сознания, которые обладают «бытийными характеристиками» по отношению к сознанию в смысле индивидуально-психологической реальности» (Зинченко, 1981, с. 132). Смысловые установки влияют лишь на направленность протекания познавательных процессов, они не принимают «форм, характерных для содержания сознания» (Прангишвили, 1975, с. 106), в то время как личностные смыслы определяют особенности презентации конкретных образов и их отдельных характеристик. Взаимодействие личностных смыслов и смысловых установок в регуляции психического отражения можно представить в виде следующего положения: искажения, вносимые в образ, так модифицируют его, чтобы его личностный смысл в максимальной степени (насколько позволяют требования адекватности отражения) соответствовал направленности актуальных смысловых установок. Наиболее четко эта закономерность видна в приведенных в предыдущем разделе данных Х.Хекхаузена (1986 б) по асимметрии каузальной атрибуции успехов и неудач, А.В.Дорожевца (1986) по зависимости знака и степени искажения образа своего физического Я от отношения к собственной внешности и М.А.Котика (1981) по взаимосвязи значимости и субъективной вероятности событий; остальные описанные в предыдущем разделе эффекты структурирования также можно объяснить, исходя из этого положения.

Не менее четко взаимная дополнительность личностного смысла и смысловой установки как регуляторных механизмов выступает в ситуации предметно-практической деятельности. Личностно-смысловая регуляция по отношению к ней носит всегда опережающий характер, однако в отдельных случаях она может либо отсутствовать, либо быть неадекватной. С «выпадением» этого плана регуляции мы сталкиваемся в исследованиях подпороговой перцепции, которыми убедительно доказано, что смысловая регуляция познавательной деятельности может осуществляться и минуя план сознания, без презентации соответствующего содержания в психическом образе, за счет субсенсорных механизмов, имеющих установочную природу (см. Канустин, Асмолов, Ительсон, 1977).

Вместе с тем и в тех случаях, когда ситуация представлена в сознании и «помечена» соответствующим личностным смыслом,

последний может оказаться неадекватным, вступив в конфликт со смысловой установкой, разворачивающейся на основе этого отражения деятельности. Это обусловлено тем, что «осуществленная деятельность богаче, истиннее, чем предваряющее ее сознание» (*Леонтьев А.Н.*, 1977, с. 129), и своим осуществлением она может дискредитировать предшествовавшие регуляционные влияния в плане сознания. Замечательной иллюстрацией может служить ситуация рассказа А.П.Чехова «Устрицы»: голодный мальчик, содрогаясь при одной мысли об устрицах, которых едят живьем, все же жадно ест их, когда ему дают, ест, закрывая глаза, чтобы не видеть. «Я сижу за столом и ем что-то склизкое, соленое, отдающее сыростью и плесенью. Я ем с жадностью, не жуя, не глядя и не осведомляясь, что я ем. Мне кажется, что если я открою глаза, то непременно увижу блестящие глаза, клешни и острые зубы» (*Чехов*, 1950, с. 77—78). Герой рассказа закрывает глаза, «отключая» тем самым регуляцию в плане образа, вступающую в противоречие с установками, порождаемыми актуальной потребностью.

Другим примером рассогласования личностно-смысловой и установочно-смысловой регуляции деятельности является известный еще с середины тридцатых годов парадокс Лапьера: владельцы гостиниц в разных городах США, ответившие отказом на письменный запрос о возможности принять у себя китайцев, в ситуации непосредственного контакта беспрепятственно предоставили им номер (см. Саморегуляция..., 1979; *Безменова, Гулевич*, 1999, с. 54—56). Очевидно, что негативное эмоциональное отношение к возможной ситуации, возобладавшее в сознании (личностно-смысловая регуляция), отступило на задний план в ситуации практических действий. Не столь ярко эмоционально переживаемые мотивы последовательного и качественного выполнения своих социальных функций оказались в этой ситуации более весомыми; они и обусловили конечную направленность поведения.

Феноменологическими проявлениями личностного смысла и смысловой установки полностью исчерпывается вся непосредственная феноменология смысловой регуляции деятельности и сознания. Вместе с тем, как нам уже неоднократно приходилось отмечать на протяжении двух последних разделов, за каждым из этих проявлений в конкретной ситуации могут стоять различные смысловые структуры более высокого ранга — мотивы актуальной деятельности, смысловые диспозиции и смысловые конструкты — значимые измерения структурирования субъективного опыта. К их описанию Мы и переходим.

3.3. Мотив. МОТИВАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

Понятие мотива является одним из наиболее распространенных и ключевых психологических понятий и вместе с тем одним из наиболее многозначных и растяжимых: в литературе можно столкнуться с использованием этого термина для обозначения практически любых, как устойчивых, так и преходящих психологических образований, вносящих какой-либо вклад в порождение и побуждение активности субъекта и определяющих ее направленность (см. Мотив, 1985; Виллюнас, 1986, с. 3; Иванников, 1991, с. 112). Как следствие упомянутой многозначности понятия «мотив» не вызывает особого удивления тот факт, что некоторыми авторами ставится под сомнение эвристичность самого этого понятия в том виде, в каком оно присутствует в современной литературе. Так, Х.Хекхаузен (1986 а, с. 248—250) считает понятие мотива чересчур общим и неспособным объяснить реальную динамику поведения без вычленения целого ряда более дробных психологических переменных и процессов (преимущественно когнитивного характера), особенности взаимодействия которых и определяют в конечном счете формирование побуждения. Многочисленные эмпирические данные, приводимые Х.Хекхаузенем в обоснование своего заключения, убедительно свидетельствуют о необходимости, во всяком случае, более дифференцированного анализа мотивационных процессов, чем это обычно делалось в русле отечественных общепсихологических теорий деятельности и установки.

Соглашаясь с Х.Хекхаузенем по вопросу о необходимости дифференциации конструкторов, описывающих мотивационные процессы, мы не можем согласиться с выводом о ненужности понятия мотива. Объяснительная модель Х.Хекхаузена, включающая в себя, как уже было сказано, целый ряд процессов когнитивной природы, объясняет преимущественно количественный аспект мотивации, то есть описывает систему условий, влияющих на интенсивность побуждения к определенной деятельности в заданных условиях. В то же время эта модель не в состоянии объяснить качественный аспект мотивации, то есть выбор в конкретной ситуации какой-либо одной из целого спектра потенциально возможных деятельностей, а также изменение направленности деятельности и т.п. При таком качественном анализе мотивации, в отличие от количественного, обойтись без понятия «мотив» вряд ли представляется возможным.

Для определения места мотива в ряду других факторов, мотивирующих человеческую деятельность, мы воспользуемся классифи-

кацией, в которой различаются три относительно самостоятельных класса таких факторов: «При анализе вопроса о том, почему организм вообще приходит в состояние активности, анализируются проявления потребностей и инстинктов как источников активности. Если изучается вопрос, на что направлена активность организма, ради чего произведен выбор именно этих актов поведения, а не других, исследуются прежде всего проявления мотивов как причин, определяющих выбор направленности поведения. При решении вопроса о том, каким образом осуществляется регуляция динамики поведения, исследуются проявления эмоций, субъективных переживаний (стремлений, желаний и т.п.) и установок в поведении субъекта» (Мотивация, 1985, с. 190—191).

Эта классификация позволяет нам выделить основные характеристики мотива, отличающие его, с одной стороны, от потребности, с другой стороны, от установки. Отношение между потребностью и мотивами, по справедливому замечанию А.В.Петровского, «не может быть понято как отношение между членами одного ряда», а только «как отношение сущности к явлениям» (Петровский А.В., 1982, с. 245). Источником побуждения выступают потребности и личностные ценности субъекта. Присущий им устойчивый, трансситуативный, наддеятельностный характер, а также их множественность ставят проблему определения направленности поведения в каждой конкретной ситуации. В этом выборе субъект руководствуется индивидуально-специфической иерархией потребностей, их сравнительной актуальностью на данный момент и возможностями для реализации тех или иных потребностей, содержащимися в конкретной ситуации. Мотив и выступает как «...то объективное, в чем эта потребность [точнее, система потребностей. — Д.Л.] конкретизируется в данных условиях и на что направляется деятельность как на побуждающее ее» (Леонтьев А.Н., 1972, с. 292).

Место и роль установки в регуляции деятельности также не совпадает с местом и ролью мотива. Установка относится к третьему классу мотивационных факторов согласно приведенной выше классификации. Понятие установки описывает преимущественно механизмы мотивационных процессов в отличие от понятия мотива, которое отражает их содержательную сторону. «Мотив — это то, ради чего человек действует, а не то, под воздействием каких факторов он действует» (Столин, 1979, с. 323). Не обращаясь к понятию установки, мы не в состоянии объяснить стабилизирующие, прегражденные и прочие воздействия, которые испытывает деятельность, направленная на определенный мотив. Вместе с тем, не обращаясь к понятию мотива, мы не в состоянии объяснить направленность

деятельности. Установка, согласно Д.Н.Узнадзе (1966), рождается при встрече потребности с ситуацией ее удовлетворения. Однако ни в потребности, ни в ситуации нельзя усмотреть направленность; последняя присуща лишь установке. Конкретность направленности установки несопоставима с абстрактностью и размытостью потребности и ситуации; на что же направлена направленность установки, где ее источник? Мы видим, таким образом, что для объяснения динамики деятельности необходимо обращение ко всем трем названным выше классам мотивационных факторов, а именно: к потребностям как источнику побуждения; к мотивам как предметам, определяющим направленность поведения и к установкам как психологическим механизмам, «изнутри» управляющим протеканием деятельности в соответствии с заданной мотивом направленностью.

Вернемся к приведенному чуть выше определению мотива (*Леонтьев А.Н.*, 1972, с. 292). Уточнение, внесенное нами в скобках в это определение, является достаточно существенным. Положение о полимотивированности деятельности трудно оспорить. «У человека одновременное проявление и действие мотивационных факторов различного происхождения представляет собой практически постоянный фон жизни» (*Вилюнас*, 1990, с. 187). Это положение, однако, допускает по меньшей мере две различных трактовки. Согласно одной из них деятельность имеет одновременно несколько мотивов, каждый из которых восходит к особой потребности. Эта трактовка подразумевает взаимно-однозначную связь между мотивами и потребностями и множественную связь мотивов с деятельностью. Другая трактовка предполагает, что каждая деятельность имеет единственный мотив, с которым она связана взаимно-однозначным образом; в свою очередь, мотив имеет множественные связи с разнообразными потребностями. Мы исходим из второй трактовки полимотивации, которая предполагает отказ от положения о взаимно-однозначном соответствии мотива и потребности в пользу положения о взаимно-однозначном соответствии мотива и деятельности (подробнее об этом см. *Имедадзе*, 1981; 1984; 1991). На практике это означает, что в любой конкретной ситуации будет предпочитаться такое направление активности, которое позволит с учетом предоставляемых ситуацией возможностей реализовать или приблизить (в деятельностном измерении) реализацию максимального числа наиболее значимых и актуальных потребностей, не оказывая при этом противоположного действия на возможность реализации других значимых и актуальных потребностей.

В теоретическом отношении это позволяет нам выделить две характеристики мотива. Первая из них заключается в том, что мотив привязан к конкретной деятельности: у каждой деятельности толь-

ко один мотив; он возникает одновременно с ней и прекращает свое существование вместе с ней (см. *Смирное*, 1978; *Гинзбург*, 1982; *Жампега*, 1983 а, б); близкой точки зрения придерживались Д.Н.Узнадзе (1966), Д.А.Кикнадзе (1982) — ниже мы остановимся на этом несколько более подробно. Вторая характеристика мотива заключается в его «полипотребности» (*Имедадзе*, 1984; 1991), то есть в релевантности одновременно целому ряду потребностей. Мы намерены показать, что только такое понимание позволяет непротворчиво определить мотив в ряду важнейших понятий деятельностного подхода и разрешить ряд противоречий, на которые неоднократно указывали критики этого подхода.

Предмет, выступающий как мотив деятельности, является психологическим центром ситуации, в которой эта деятельность развивается. Это — узел, в котором сходятся потребности субъекта, актуальные на данный момент, и возможности их реализации, содержащиеся в ситуации. Попадание в этот системный узел конкретного предмета приводит к тому, что последний приобретает системное качество мотива деятельности. Мотив деятельности как таковой оказывается, таким образом, лишен субстанциональности. «Ни на каком объекте, взятом самом по себе, не написано, что он является мотивом деятельности, и в то же время любой объект может превратиться в мотив (предмет потребности), приобрести такие сверхчувственные системные качества, как "характер требования", тогда и только тогда, когда он попадает в определенную систему деятельности» (*Асмолов*, 1982, с. 16). Некий предмет, таким образом, может стать мотивом деятельности или, другими словами, породить направленную на него деятельность тогда и только тогда, когда, оказавшись в конкретной ситуации предметом, отвечающим актуальной потребности или ряду потребностей, он порождает конкретную деятельность, направленную на ее или их реализацию. Другими словами, конкретные материальные или идеальные объекты, явления или действия могут приобретать системное качество мотива деятельности постольку, поскольку они оказываются включены в определенную систему (системы) отношений субъекта с миром. Полисистемность предмета, то есть возможность включения его во многие разнорядковые системы обуславливает принципиальную возможность реализации в побуждаемой одним мотивом деятельности одновременно нескольких потребностей. Более того, один и тот же объект может приобретать свойства предмета потребности и тем самым мотива деятельности в одной системе, цели — в другой, средства — в третьей, условия — в четвертой, знака — в пятой и т.п.

Понимание мотива как системного образования позволяет уточнить его определение. *Мотив деятельности есть предмет, включенный*

в систему реализации отношения субъект—мир как предмет потребности и приобретающий в этой системе свойство побуждать и направлять деятельность субъекта. Выступая, как правило, одновременно элементом нескольких систем (то есть будучи связан с реализацией нескольких качественно различных отношений субъект—мир различными своими гранями), он функционирует как «полимотив», отвечающий одновременно нескольким потребностям.

Это положение характеризует жизненный смысл предмета, выступающего в роли мотива. В этой роли может выступать предмет, непосредственно отвечающий по меньшей мере одной из актуальных потребностей. В контексте других потребностей этот предмет может иметь и другой статус. Общий смысл деятельности определяется не только смыслом мотива как предмета потребности или потребностей, породивших данную деятельность, но и относительно второстепенными смысловыми составляющими — например, смыслом того же предмета как средства или промежуточной цели, способствующей реализации каких-либо других потребностей. Б.А.Сосновский (1993) справедливо указывает, что положение о полимотивированности деятельности приводит к необходимости введения понятия о ее полиосмысленности (с. 51). Можно сказать, что мотив — это многосторонне осмысленный в контексте потребностей личности предмет (см. *Файзуллаев*, 1987). Впрочем, последнюю характеристику можно отнести не только к мотиву.

Вместе с тем не каждый предмет, непосредственно отвечающий какой-либо потребности, становится мотивом, способным породить новую деятельность. Вопрос о том, какое специфическое свойство предмета потребности лежит в основе конституирующей характеристики мотива — его способности порождать (а не только побуждать и направлять) деятельность, направленную на некоторое изменение жизненного мира субъекта, по сути совпадает с вопросом о том, существует ли качественное отличие смысла мотива от смыслов других объектов и явлений действительности, которые, будучи включены в деятельность, также могут влиять на ее направленность и частично побуждать ее (как, например, цели), однако не способны в отсутствие мотива какую-либо деятельность породить? Ответ мы видим в указании В.К.Вилюнаса на то, что «любые воздействия, предметы, ситуации, мотивирующие поведение живого существа, неизбежно должны восприниматься с элементом желательного преобразования» (*Вилюнас*, 1986, с. 129). Предмет, выступающий в качестве мотива, побуждает «...к такому его видоизменению, которое необходимо для удовлетворения потребностей» (*там же*). Соглашаясь с этим, мы можем утверждать, что мотивом деятельности становится предмет, смысл которого предполагает необходимость для

субъекта произвести посредством деятельности те или иные изменения в своем жизненном мире. Критерием необходимости выступает необходимость реализации потребностей субъекта — в самом широком их понимании (см. *Леонтьев Д.А.*, 1992 а).

К изложенному пониманию онтологического статуса мотива необходимо сделать два добавления. Первое из них связано с тем, что данное определение сохраняет некоторую терминологическую двойственность: мотивом называется как определенное системное качество, свойство предмета (точнее, комплекс свойств), так и предмет, обладающий этими свойствами. Хотя первое не существует вне второго, об этой двойственности, на неизбежность которой указывал еще Аристотель (*Метафизика*, 1043а, 30—35), необходимо помнить, чтобы избежать недоразумений. Так, когда говорится о том, что мотив к моменту начала деятельности еще не сформирован окончательно и процесс его становления и развития продолжается одновременно с протеканием побуждаемой им деятельности (*Смирнов*, 1978), очевидно, что речь идет именно о специфических свойствах предмета, которые делают его мотивом, а не о самом мотиве-предмете.

Второе добавление касается самого понятия «предмет», неправильное понимание которого — скорее правило, чем исключение. Мы считаем необходимым отметить не только то, что предмет может быть «материальный или идеальный, чувственно воспринимаемый или данный только в представлении, в мысленном плане» (*Леонтьев А.Н.*, 1971, с. 13), но и то, что предметом-мотивом деятельности могут выступать как дискретные материальные и идеальные *объекты*, так и целостные *события* (например, поступление в вуз, заключение брака или победа в спортивных соревнованиях), или же специфические *действия* субъекта (прочтение книги, выступление на научной конференции, выступление в соревнованиях за сборную команду). Таким образом, сформулированное выше определение мотива предполагает расширенную трактовку границ понятия «предмет», по поводу которых в современной философской литературе нет единого мнения. Так понимаемый предмет выступает, однако, во всех случаях как «единица мира» (*Василюк*, 1984).

Итак, мотив формируется на основе актуальных потребностей и особенностей ситуации; первые обуславливают необходимость именно данной конкретной направленности деятельности, вторые — ее возможность. Как правило, мотив соотносится одновременно с рядом потребностей; различные типы их сочетания описаны И.В.Имедадзе (1981, с. 36). Выбор или изменение направленности деятельности связано с формированием мотива и одновременным оформлением структурного акта деятельности, направленной на этот мотив. Влияние ситуации на формирование мотива также является достаточно

существенным и в отдельных случаях может даже оказаться решающим, что убедительно показывает Б.С.Волков (1982) на примерах преступлений, совершенных в состоянии аффекта или при превышении необходимой обороны, приходя к выводу, что «объективные обстоятельства могут в известной мере навязывать мотив и выбор поведения» (с. 23). Конечно, сами обстоятельства при этом должны быть достаточно экстремальными. Отличительной особенностью мотивации такого рода является то, что в ней отсутствует принятие личностью мотивов своего поведения (см. *Файзуллаев*, 1987).

Переходя теперь к характеристике функциональных связей мотива деятельности с функционирующими в рамках данной деятельности личностными смыслами и смысловыми установками, мы тем самым обращаемся к рассмотрению третьего класса мотивационных процессов — регуляторных механизмов протекания деятельности (Мотивация, 1985). Как отмечает Е.Ю.Патяева (1983 б), уже самому мотиву присущи, наряду с предметным содержанием, эмоционально-смысловая окраска и актуальная установка к осуществлению действия. Личностный смысл мотива обладает всеми характеристиками личностного смысла вообще (см. раздел 3.1.). Вместе с тем для характеристики личностного смысла мотива особенно важны два обстоятельства. Первое — это возможность неадекватного отражения жизненного смысла мотива в его личностном смысле. В этом случае субъект не будет осознавать, что реально направляет его деятельность, или же у него будет ошибочное представление об этом; реальный мотив деятельности будет бессознательным. Бессознательные мотивы следует отличать от неосознаваемых. Жизненный смысл неосознаваемого мотива адекватно отражается субъектом в его личностном смысле, который, однако, остается неотрефлексированным. При этом субъект не отдает себе отчет в том, на что направлена его деятельность; при желании он, однако, может легко это сделать. Осознание же бессознательного мотива — сложная задача, которая требует специальных, иногда длительных усилий и не всегда увенчивается успехом. Мотив деятельности может быть и осознанным; в этом случае субъект отдает себе отчет, на что именно направлена его деятельность.

Вторая важная особенность личностного смысла мотива — это возможность его изменения, в том числе отчасти произвольного, по ходу протекания деятельности. Как уже отмечалось, жизненный смысл мотива определяется всеми смысловыми связями и системами смысловых связей, в которые включен соответствующий предмет. В ходе деятельности, однако, могут раскрываться новые смысловые связи всех вовлеченных в нее объектов и явлений, в том числе и ее мотива, смысл которого будет вследствие этого обо-

гащаться новыми компонентами, что, в свою очередь, может привести либо к усилению, либо к ослаблению побудительной силы мотива — в зависимости от характера новых определяющих его смысловых связей. Эта закономерность объясняет действенность таких средств волевой регуляции деятельности, как искусственное связывание мотива с теми или иными потребностями (создание ситуации награды и наказания), связывание себя обещанием, клятвой, обращение за поддержкой к другому человеку, идентификация с идеальными образцами и эталонами поведения (*Пашиева, 1983 б*), связывание действия с воображаемыми мотивами (*Иванников, 1985 а*). Непроизвольные механизмы такого рода описываются понятием «мотивационное опосредствование» (*Виллюнас, 1990*), а произвольные — понятиями «мотивационная саморегуляция» (*Файзуллаев, 1987*) и «мотивационное действие» (*Иванников, 1991*).

Другой аспект мотива — реализующая его побудительную и направляющую функцию мотивационная установка. Мотивационная установка — это частный случай смысловой установки (см. предыдущий раздел), наиболее общая из смысловых установок, функционирующих в актуальной деятельности. Она выполняет функцию стабилизации направленности деятельности в целом в соответствии с ее мотивом. Именно неосознаваемая мотивационная установка делает возможным осуществление деятельности, направленной на мотив, который не осознается или осознается неадекватно. Изменения мотивационной установки в ходе деятельности зависят от самого ее протекания, а также могут быть связаны с изменением жизненного смысла мотива.

Наряду с этими двумя неспецифическими формами интрапсихической репрезентации мотива существует и специфическая форма, присущая лишь одному мотиву, что связано с его особым местом в структуре деятельности. Мы имеем в виду побуждение, рассматриваемое нами как психическое состояние, выражающееся в энергетическом обеспечении той или иной деятельности. Уровень этого энергетического обеспечения отражает уровень мотивированности (с поправкой на энергетические возможности организма). Вводя здесь понятие побуждения, имеющее давние традиции, мы ориентируемся в основном на то, как это понятие раскрывается в работе В.А.Иванникова (1985 б), хотя, в отличие от него, мы разводим мотив и побуждение не как устойчивое и конкретно-ситуативное мотивационные образования, а как дискретную и процессуальную составляющие конкретно-ситуативной мотивации. Побуждение представляет собой специфическую превращенную распределенную форму мотива-предмета — процесс, питающий энергией деятельность, направленную на этот предмет.

Принципиальный момент, который необходимо здесь подчеркнуть, заключается в том, что конституирующая функция мотива — функция побуждения (мы рассматриваем здесь побудительную и направляющую функции мотива в их единстве, трактуя их проявления как соответственно количественную и качественную стороны или аспекты направленного побуждения к деятельности в конкретной ситуации), в которой проявляются его динамические характеристики, — неотделима от его содержательно-смысловой характеристики и смыслообразующей функции. «Детерминация через мотивацию — это детерминация через значимость явлений для человека». «Значение предметов и явлений и их "смысл" для человека есть то, что детерминирует поведение» (*Рубинштейн*, 1997, с. 30, 93). Смыслообразующая функция мотива проявляет себя в порождении смысловых структур — личностных смыслов и смысловых установок, осуществляющих регуляцию протекания деятельности в соответствии с этой направленностью. Выше мы уже показали, что жизненный смысл мотива определяется его связью с актуальными потребностями. Говоря теперь о функционировании мотива в деятельности мы выдвигаем и ниже аргументируем следующее положение, позволяющее рассматривать побуждение как феномен смысловой регуляции деятельности: ***жизненный смысл мотива определяет особенности побуждения к деятельности как в качественном, так и в количественном отношении.***

Выше уже шла речь о том, что жизненный смысл мотива (как и его побудительная сила) определяется потребностями, реализация которых обусловлена деятельностью, направленной на данный мотив. Связи мотива с потребностями имеют смысловую природу. Как правило, смысл и побудительная сила мотива определяются, как указывалось выше, его связями с целым рядом потребностей, каждая из которых сообщает мотиву свой смысл. Мотив может иметь и амбивалентный смысл, включающий в себя, наряду с позитивными, негативные компоненты, если реализация в деятельности одних потребностей сочетается с ущемлением других. Нам теперь необходимо рассмотреть взаимосвязь побудительно-динамической и содержательно-смысловой стороны мотива.

Наиболее наглядным подтверждением зависимости первой от второй служат те случаи, когда смысловая связь мотива с потребностью не является естественной, сущностной, внутренне необходимой, напротив, осуществление некоторой деятельности внутренне не связано с реализацией потребностей субъекта. В этих случаях имеет место искусственная смысловая связь, заданная «извне» или отдельным человеком (людьми), от которого (которых) зависит реализация

наших потребностей («сделаешь уроки — пойдешь гулять»), или даже целой системой общественных отношений, условий жизнедеятельности, когда деятельность человека оказывается отчужденной от реализации его собственных потребностей, а мотивы, замыкающие эту смысловую связь, воспринимаются не как смыслообразующие мотивы, а как внешние «мотивы-стимулы» (Леонтьев А.Н., 1971). Эти мотивы тоже придают деятельности свой, отчужденный, смысл. «Для себя самого рабочий производит не шелк, который он ткет, не золото, которое он извлекает из шахты, не дворец, который он строит. Для себя самого он производит заработную плату... Смысл двенадцатичасового труда заключается для него не в том, что он ткет, прядет, сверлит, а в том, что это — способ заработка, который дает ему возможность поесть, пойти в трактир, поспать» (Маркс, Энгельс, 1957, с. 432). Смысл такой «отчужденной» деятельности, как отмечает А.А. Леонтьев (1969), оторван от ее значения, объективное и субъективное содержание деятельности не совпадают. Тем не менее, как мы видим из этого примера, и смысл отчужденной деятельности, так же, как и смысл любой деятельности, определяется отношением этой деятельности к реальным потребностям данного конкретного субъекта. Действенность самих «мотивов-стимулов» зависит от того, с какими реальными потребностями субъекта они связываются. Отметка не будет стимулировать школьника, лишнего контроля со стороны родителей и собственной мотивации движения. Высокая зарплата не прельстит человека, равнодушного к деньгам. В другом известном примере Маркса (1974, с. 122) о том, что для торговцев минералами минералы не имеют смысла минералов, подчеркивается, что для них в минералах на первый план выступает их рыночная стоимость, то есть что они имеют вполне определенный, хоть и отчужденный, смысл — смысл средства наживы. Более того, именно деньги, нажива выступают здесь реальным смыслообразующим мотивом.

Сказанное позволяет иначе взглянуть на ставшее уже традиционным различие двух классов мотивов: смыслообразующих мотивов и мотивов-стимулов (Леонтьев А.Н., 1971), а также на сходное по своей сути противопоставление «внутренней» (intrinsic) и внешней (extrinsic) мотивации. Это последнее весьма распространено в западной психологии и «почти столь же старо, как и сама экспериментальная психология мотивации» (Хекхаузен, 1986 б, с. 234). С интринсивной (или внутренней) мотивацией мы имеем дело тогда, когда цель «тематически однородна» с действием, так что последнее осуществляется ради своего собственного содержания. С экстринсивной (или внешней) мотивацией мы имеем дело, когда действие и результат являются средством к достижению

некоторой другой цели (вознаграждение, избегание наказания, соревнование и т.п.), с которой данное действие связано не имманентно, в силу своей природы, а неким произвольно заданным извне образом (*там же*, с. 239—241).

В последнее время, однако, многими отмечается относительность противопоставления внутренней и внешней мотивации, выражающаяся в том, что, с одной стороны, внутренняя мотивация всегда присутствует даже в деятельности, мотивированной преимущественно внешне (*там же*, с. 240—241), а с другой стороны, в том, что любая деятельность может выполняться ради чего-то иного. Действительно, можно выделить два типа мотивов, различающихся по характеру своей смысловой связи с деятельностью. Однако, во-первых, любой мотив выступает в том или ином качестве лишь в конкретной, определенной мотивационной структуре — ни один мотив нельзя назвать «внутренним» или «смыслообразующим» вообще, в отрыве от его места в системе конкретной деятельности. Любая деятельность может выполняться не ради ее самой, и любой мотив может вступить в подчинение другим, посторонним потребностям. «Студент может заниматься учебой для того, чтобы приобрести расположение своих родителей, но он может и бороться за их расположение, чтобы получить позволение учиться. Таким образом, перед нами два разных соотношения цели и средств, а не два принципиально различных вида мотивации» (*Nuttin*, 1984, р. 71). Во-вторых, само различие между ними заключается не в том, что одни из них обладают смыслообразующей функцией, а другие ее лишены. Различие, как мы пытались показать выше, заключается в характере связи деятельности субъекта с его реальными потребностями. Когда эта связь является искусственной, внешней, мотивы воспринимаются как стимулы, а деятельность — как лишенная самостоятельного смысла, имеющая его лишь благодаря мотиву-стимулу.

В чистом виде, однако, такое встречается относительно редко. Ведь деятельность, как уже говорилось, связана обычно не с одной, а с целым рядом потребностей. Общий смысл конкретной деятельности — это сплав ее частичных, парциальных смыслов, каждый из которых отражает ее отношение к какой-либо одной из потребностей субъекта, связанной с данной деятельностью прямо или косвенно, необходимым образом, ситуативно, ассоциативно или как-либо иначе. Поэтому деятельность, побуждаемая всецело «внешними» мотивами — столь же редкий случай, как и деятельность, в которой они полностью отсутствуют. По-видимому, целесообразно среди всего этого спектра потребностей, которые способны придавать смысл какой-либо деятельности, различать по-

требности, являющиеся по отношению к ней специфическими и неспецифическими. Специфической по отношению к данной деятельности потребностью является потребность, которую принципиально невозможно полноценно реализовать в деятельности иного рода. Например, из спектра возможных личностных смыслов сексуального контакта, перечисленных И.С.Коном (1989, с. 184—186), со специфическими потребностями связаны такие смыслы, как разрядка полового напряжения (релаксация), деторождение (прокреация), получение чувственного удовольствия (рекреация), интимное общение (коммуникация), а с неспецифическими — самоутверждение, поддержание ритуала, удовлетворение любопытства, компенсация, другие внешние мотивы. По-видимому, отраженный, отчужденный смысл приобретает деятельность, побуждаемая именно неспецифическими потребностями.

Положение о том, что смысл мотива определяет как количественные, так и качественные характеристики побуждения, хорошо иллюстрируется на примере побудительной силы такого универсального инструментального мотива, как деньги, ради которых люди могут выполнять разнообразнейшую по своей сути деятельность. Особенность денег как мотива деятельности заключается в том, что специфической потребности, которой бы необходимым образом отвечал этот мотив, не существует, если не брать патологические случаи формирования извращенной потребности в накоплении денег как таковых, в виде сокровища. Деньги, выступая как мотив деятельности, всегда светят отраженным смыслом, но в них отражается не одна и не две, а много потребностей, что и придает им в конечном счете ощутимую побудительную силу. Универсальность этого мотива обусловлена широтой спектра неспецифических потребностей, которые могут придавать ему смысл. Для одного человека деньги — это возможность путешествовать, интересно провести отпуск, возможность покупать дорогие антикварные или иностранные издания, нужные для работы или для расширения общего кругозора. Для других деньги — это возможность не работать, возможность покупать водку в неограниченных количествах, возможность превратить свою квартиру в склад престижных вещей. Деньги, как, впрочем, и все остальное, не являются мотивом сами по себе, мотивом деятельности их делают потребности субъекта, весьма различные. При отсутствии потребности, реализации которой могли бы способствовать деньги, они попросту лишаются побудительной силы, неспособны выступить как мотив. Поучительную в этом отношении ситуацию описывает В.Франки: «Однажды президент одного из американских университетов предложил мне девять тысяч долларов за несколько недель семинарских занятий на факультете.

Он не мог понять моего отказа. — "Вы хотите больше?" — спросил он. — "Вовсе нет, — ответил я, — но думая о том, как бы я использовал эти девять тысяч долларов, я вижу лишь одно стоящее применение этим деньгам, а именно, приобрести время для работы. Но сейчас у меня есть время для работы, так зачем же мне продавать его за девять тысяч долларов?"» (*Frankl*, 1969, р. 96—97).

Итак, мы показали, что конституирующая функция мотива — побуждение — определяется его жизненным смыслом и может тем самым рассматриваться как феномен смысловой регуляции жизнедеятельности. «Таким образом, метафоричный для психологии вопрос: *что побуждает* как бы трансформируется в вопрос субъективный и субъектный: *зачем это нужно*, переводя энергетически-побудительную феноменологию в плоскость содержательного, мотивационно-смыслового анализа» (*Сосновский*, 1993, с. 185). Но в чем тогда состоит специфика второй традиционно выделяемой в деятельностином подходе функции мотива — смыслообразующей — и существует ли эта специфика вообще? Несомненно, да. Дело в том, что сам по себе мотив, его презентация в сознании, общая мотивационная установка и процессуальная развертка в форме побуждения задают лишь общую направленность деятельности, но не могут обеспечить оперативное и адекватное реагирование на все изменения в течении деятельности и ее условий, на возникающие помехи, либо, напротив, на дополнительные возможности. Поэтому основным направлением развития мотивационной регуляции деятельности в ходе ее осуществления выступает не трансформация самого мотива, а процессы «ситуативного развития мотивации» (*Виллюнас*, 1983; 1990; *Патяева*, 1983 а), в которых и проявляется главным образом смыслообразующая функция мотива. Ситуативное развитие мотивации заключается в формировании личностных и операциональных смыслов целей, средств и условий деятельности, а также частных установок, регулирующих протекание деятельности на отдельных ее участках. Все эти производные смысловые структуры выступают элементами единой системы смысловой регуляции конкретной деятельности; их взаимосвязь и системная организация были раскрыты нами в специальном экспериментальном исследовании (*Леонтьев Д.А.*, 1987; см. также раздел 3.7.). «Актуализацией мотива "дело" мотивации не завершается, а только начинается: происходит содержательная разработка мотива, воплощение его в целях, намерениях и результатах, а также психоэнергетическая кумуляция побуждений» (*Магомед-Эминов*, 1998, с. 68).

Коснемся лишь одного момента — характеристики отношения между мотивом деятельности и реализуемыми в ней целями. Как отмечает Р.Р.Бибрих (1987), мотивационно-смысловые и целевые

детерминанты образуют целостный комплекс регуляции деятельности. «Мотивы влияют на деятельность, ее общий характер и эффективность опосредствованно — через цели» (Бибрих, 1987, с. 60). Хотя это положение не учитывает других механизмов влияния мотива на деятельность, рассмотренных нами выше, оно в основе своей верно.

Цель — это осознанный образ будущего результата действий (Тихомиров, 1977). Смысл цели определяется ее отношением к мотиву (Леонтьев А.Н., 1972). Цель и мотив могут в конкретных случаях совпадать; в этом случае предвосхищаемый результат действий и будет являться тем, что побуждает и направляет деятельность. Из этого, однако, отнюдь не следует, что мотив и цель в системе взглядов А.Н.Леонтьева — это одно и то же. Как мотив, так и цель суть системные качества предметов, приобретаемые ими в структуре деятельности. Обе эти системные характеристики обладают качественным своеобразием; при этом, однако, они могут быть присущи одному и тому же предмету. Совмещение мотива и цели в одном предмете — хоть и нередкий, но все же частный случай их взаимоотношения, тем более, что мотив деятельности всегда один, а целей может быть много: они могут образовывать или временную последовательность, или иерархическую структуру в рамках неизменной общей направленности деятельности. Для нас, однако, наиболее интересен случай, когда мотив не совпадает ни с одной из целей, иными словами, не осознается. В этом случае, как говорилось выше, мы сталкиваемся с неадекватностью отражения мотива в сознании в форме личностного смысла образа соответствующего предмета. Но в постановке сознательных целей мы ориентируемся именно на презентацию мотива в сознании, поэтому неадекватное отражение мотива в сознании приведет к постановке целей, не отвечающих или не вполне отвечающих мотиву. Степень рассогласования мотива и цели может быть различной; в случае их существенного расхождения может возникнуть противоречие личностно-смысловой и установочно-смысловой регуляции, поскольку формирование производных смысловых установок на основе мотивационной установки не связано с осознанием и всегда отражает истинный смысл мотива. Это имеет место прежде всего в тех случаях, когда цели не являются формой развития и конкретизации мотива, а заданы извне. «Когда цель задается человеку извне, то первая операция в мотивационном процессе — это поиск в памяти мотива, способного отвечать данной цели и создавать смысл действий. Если такого адекватного мотива нет, то побуждение формируется на единственном мотиве избегания наказания или неприятной ситуации, либо к этому мотиву добавляется еще один значимый для человека мотив, например, через воображаемую ситуацию, где мотив и

действия реальны, но их связь существует только в сознании человека» (Иванников, 1991, с. 120). Понятно, что эта связь, придающая цели мотивационное обеспечение, не всегда окажется работающей; это выясняется непосредственно в ходе осуществления деятельности, в котором может выявиться несоответствие цели мотиву и проявиться рассогласование личностно-смысловой и установочно-смысловой регуляции.

Таким образом, рассмотрение онтологического статуса мотива деятельности и его места в системе механизмов побуждения и смысловой регуляции деятельности привело нас к выводу о его системно-смысловой природе. Мотив есть предмет, включенный в систему реализации отношения субъект—мир как предмет потребности (потребностей) и приобретающий в этой системе свойство побуждать и направлять деятельность субъекта. Это свойство не заключено в самом предмете, а обусловлено его совокупным смыслом, то есть включенностью в системы смысловых связей, порождаемые действительными потребностями субъекта. Мотивом деятельности может стать предмет, смысл которого имеет следствием необходимостью для субъекта произвести посредством своей деятельности изменение в своем жизненном мире. Смысл мотива задается, как правило, связью его не с одной, а с целым рядом потребностей. Системно-смысловая трактовка мотива позволяет четко определить его место в системе факторов, мотивирующих деятельность, а также описать его основные функции — побуждения и смыслообразования — как внутренне неразрывно связанные между собой. В контексте модели смысловой регуляции деятельности мотив выступает как ситуативно формирующаяся смысловая структура, определяющая складывающуюся на его основе систему смысловой регуляции соответствующей отдельно взятой деятельности.

3.4. СМЫСЛОВАЯ ДИСПОЗИЦИЯ, ДИСПОЗИЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

Как было показано выше, смысл объектов и явлений действительности, значимых для жизнедеятельности субъекта, преломляется последним в превращенной форме личностных смыслов и смысловых установок, отражающих роль и место этих объектов и явлений в текущей деятельности. Личностные смыслы и смысловые установки являются, однако, недолговечными: их существование ограничено рамками одной отдельно взятой деятельности. В то же

время личность способна и сохранять следы смыслового опыта в виде устойчивых отношений к объектам и явлениям действительности, инвариантно значимым в различных контекстах индивидуальной жизнедеятельности, а также вызвавшим даже однократно сильную эмоциональную реакцию. Еще в 1933 году К.Марбе писал: «Критический опыт, имеющий исключительную личностную ценность, так модифицирует личность, что она остается таким образом модифицированной в течение достаточного отрезка жизни, а в случае, когда опыт не имеет такой личностной ценности, в личности создается переходная установка, быстро уступающая место другой установке» (цит. по: *Чхартшвили*, 1971 а, с. 48).

Превращенной формой смысловых отношений, обеспечивающей их устойчивую фиксацию в структуре личности, выступают смысловые диспозиции. Смысловые диспозиции представляют собой форму фиксации отношения субъекта к объектам и явлениям действительности, определяемого ролью и местом этих объектов и явлений в его жизнедеятельности, в латентном, инактивном виде; ниже мы остановимся на механизмах актуализации этого латентного отношения в релевантной ситуации.

Можно выделить три близких по содержанию понятия, обозначавших психологические единицы фиксации личностно значимого опыта в трех подходах, акцентировавших на этом свое внимание: понятие отношений личности в теории отношений В.Н.Мясищева (1957; 1960; 1969; 1970; 1982; 1995); понятие фиксированной установки в теории установки Д.Н.Узнадзе и его последователей и понятие социальной установки (attitude) в американской социальной психологии. Рассмотрим их по очереди.

В.Н.Мясищев характеризует отношение как основанную на индивидуальном опыте избирательную, осознанную связь человека со значимым для него объектом (1960, с. 147), как потенциал психической реакции личности в связи с каким-либо предметом, процессом или фактом действительности (1969, с. 67). В.Н.Мясищев подчеркивает такие характеристики отношений, как их конкретная предметная направленность, потенциальность, целостность (принадлежность субъекту в целом), избирательность, осознанность (1957; 1960; 1969), хотя он допускает, что не сформированное окончательно отношение может быть и неосознанным (1970). В.Н.Мясищев рассматривает отношение как объективную реально существующую связь между человеческим индивидом и предметами объективной действительности и одновременно как субъективную реальность, принадлежащую субъекту и получающую отражение в его сознании (1960, с. 147). В.Н.Мясищев отмечает также, что отношения личности обусловлены как индивидуальным, так и общественно-истори-

ческим опытом (1957), а их динамика отражает объективную динамику условий жизни (1962). В одном месте он прямо указывает, что «отношения связывают человека не столько с внешними сторонами вещей, сколько с их существом, с их смыслом» (Мясищев, 1957, с. 143). На основании этих характеристик мы можем говорить о смысловой природе отношений личности в понимании В.Н.Мясищева. Вместе с тем отношение выступает лишь одной из сторон той психологической реальности, которую мы обозначим термином «смысловая диспозиция».

Вторым родственным понятием выступает понятие фиксированной установки, которого мы уже касались в разделе 3.2. Фиксированная установка представляет собой состояние хронического порядка, которое может сохраняться в инактивном виде, бездейственно, в течение дней, недель и месяцев, иногда до самой смерти; у индивида одновременно может быть неограниченное количество фиксированных установок (Чхартушвили, 1971 а, с. 14—15). Сама по себе фиксированная установка не содержит тенденции активности, не имеет непосредственного выхода в деятельность. «Тенденцию действия она приобретает и реализует в поведении, в основе которого лежит установка, возникшая на почве актуально данной потребности и ситуации» (там же, с. 23—24). Фиксированная установка, таким образом, представляет собой латентную готовность к определенным поведенческим реакциям в конкретных ситуациях; в ней «отражен и сохранен тот отрезок объективной действительности, на основе которого сама она создавалась и была зафиксирована» (там же, с. 26—27).

Хотя не все фиксированные установки имеют смысловую природу, это понятие также характеризует с определенной стороны смысловые диспозиции. В.Г.Норакидзе был введен термин «диспозиционные установки» для обозначения черт характера — генерализованных фиксированных установок большого личностного веса (1975, с. 13, 20). Н.И.Сарджвеладзе (1985) говорит про «установочные отношения личности», отождествляя их с аттитюдами.

Вопрос о соотношении понятий отношения и установки решается разными авторами по-разному. В некоторых психологических концепциях понятия установки и отношения сосуществуют, характеризуя разные психологические структуры (Шерозия, 1979; Сарджвеладзе, 1981). Согласно другой, во многом разделяемой нами точке зрения, установка и отношение являются двумя сторонами одной и той же реальности, а именно социальной установки. «Социальная установка создает и объединяет в себе все то, что подразумевается под понятиями неосознанной установки и осознанного отношения, поэтому во время выяснения взаимоотношения между

понятиями отношения и установки мы не должны упускать из вида то обстоятельство, что в это время мы говорим о различных сторонах одного цельного психического образования» (*Надирашвили*, 1970, с. 160).

Исследования социальных установок, или аттитюдов (attitudes) имеют большую историю, главным образом, в западной, преимущественно американской, социальной психологии. Начало этих исследований приходится на двадцатые, а пик — на шестидесятые годы нашего столетия. Характерна динамика самих представлений о социальной установке. Так, в 1935 году в этапной работе, обобщавшей исследования аттитюдов, аттитюд рассматривался как «нервно-психическое состояние готовности, обусловленное прошлым опытом и оказывающее направляющее или динамическое [то есть мотивационное. — *Д.Л.*] влияние на реакции индивида на все объекты и ситуации, с которыми он связан» (*Allport*, 1935, p. 810). Для послевоенных лет характерно сужение понятия аттитюда. Так, например, в энциклопедической статье аттитюды определяются как «...предрасположенность классифицировать группы объектов или явлений и реагировать на них в определенном соответствии с их оценкой» (*McGuire*, 1974, p. 360). Еще более узкое определение, из которого исключена даже тенденция реагирования, дают Д.Кац и Э.Стотлэнд: «Тенденция, или предрасположенность индивида определенным образом оценивать объект или его символ» (*Katz, Stotland*, 1959, p. 428).

Своеобразным теоретическим и методическим переосмыслением результатов, наработанных в этой традиции, явилась концепция диспозиционной регуляции социального поведения личности, разрабатываемая В.А.Ядовым и его сотрудниками. Диспозиции личности В.А.Ядов рассматривает как «фиксированные в ее социальном опыте предрасположенности воспринимать и оценивать условия деятельности, а также действовать в этих условиях определенным образом» (Саморегуляция... , 1979, с. 3). Диспозиции личности имеют смысловую природу: В.А.Ядов прямо характеризует диспозиционные структуры как поведенческий аспект личностных смыслов (выступление на факультете психологии МГУ 14 ноября 1979 года).

Связь между социальными установками, с одной стороны, и отношениями и фиксированными установками — с другой, прослеживается без труда. Понимание аттитюдов как фиксированных социальных установок является довольно распространенным в работах представителей школы Д.Н.Узнадзе (*Надирашвили*, 1974; *Прангшвили*, 1975; *Сарджвеладзе*, 1981 и др.). Существует и другая точка зрения, сближающая аттитюд и отношение, но резко разво-

дящая его с установкой: согласно мнению В.В.Григолава (1986) аттитуд и установка Д.Н.Узнадзе не имеют между собой ничего общего. Приводимые В.В.Григолава аргументы не опровергают, однако, правомерность рассмотрения социальной установки как специфического частного случая фиксированной установки. Наиболее конструктивной нам представляется уже изложенная несколько выше позиция Ш.А.Надирашвили (1970), согласно которой осознанное отношение и неосознанная установка представляют собой стороны одного целого — социальной установки.

Вместе с тем, в нашем контексте указание на социальность установки представляется излишним. Дело в том, что личностные структуры, в которых фиксируется смысловой опыт субъекта, имеют принципиально одно и то же строение вне зависимости от того, регулируют ли они сферу социального поведения или иные сферы деятельности. Если отвлечься от генетического аспекта, от истории тех или иных отношений личности, отношения людей к снегу могут быть такими же разнообразными, как отношения к законопроекту, предпочтения тех или иных цветов или фруктов можно определить таким же способом, что и предпочтения тех или иных марок автомобилей или сортов мыла, встреча с кабаном в лесу может оставить такой же след, как и встреча с пьяным хулиганом на темной улице, а выбор попугая в зоомагазине может осуществляться на основе тех же механизмов, что и выбор, за какого кандидата в президенты отдать свой голос. Поэтому социальная установка в строгом смысле слова предстает как частный, хоть и нередкий случай смысловой диспозиции.

Мы видим, таким образом, что в смысловых диспозициях можно выделить содержательную сторону, описываемую понятием отношения, и динамическую сторону, описываемую понятием фиксированной смысловой установки.

Характеристика смысловых диспозиций личности с содержательной стороны, через понятие отношения, является, по сути, феноменологической. Отношения личности могут быть, во-первых, различной степени обобщенности: наряду с отношениями к единичным объектам имеют место отношения к более или менее общим классам объектов (например, отношения к конкретным индивидам — отношение к мужчинам, женщинам, детям, молодежи и т.п. — отношение к людям вообще). Наряду с отношением к целому может существовать отличное от него отношение к части (отношение к городу — отношение к некоторым его районам). Отношения к объектам, соединенным между собой подобными связями, оказывают друг на друга определенное влияние, но тем не менее часто различаются.

При каждом новом столкновении в практической деятельности со значимыми объектами и явлениями, уже существующее отношение к ним субъекта обогащается, дополняется и дифференцируется за счет раскрытия новых смысловых связей, что, в свою очередь, может приводить либо к укреплению, либо, напротив, к расшатыванию исходного отношения. Как метко заметил Г.К.Лихтенберг, «... так называемые плохие люди всегда выигрывают, когда их лучше узнаешь, а хорошие — теряют» (1965, с. 159). Только в деятельности возможно раскрытие смысловых связей и отношений, ведущее к подобной перестройке; при этом важно подчеркнуть, что речь идет именно о смысловых связях, а не о раскрытии содержательных характеристик соответствующих объектов и явлений. Например, критика в мой адрес (даже справедливая) может изменить к худшему мое отношение не к себе, а, напротив, к критикующему, если высокая самооценка для меня более значима, чем адекватность представлений о себе.

О наличии устойчивых отношений мы судим по определенным инвариантным особенностям поведения субъекта по отношению к одним и тем же объектам и явлениям в разных деятельностных контекстах. Вместе с тем непосредственного выхода в деятельность смысловые диспозиции, как уже отмечалось выше, не имеют. Актуализация смысловых диспозиций в конкретной ситуации выражается в порождении личностных смыслов и смысловых установок актуальной деятельности, стремящихся привести направленность деятельности в целом или отдельных ее эпизодов в соответствие с устойчивыми внеситуативными диспозициями.

Ставя вопрос об актуализации диспозиций, мы переходим тем самым к рассмотрению их динамической стороны. Под этим углом зрения в смысловой диспозиции как образовании установочной природы необходимо вычленить составляющие ее внутренней структуры. Мы будем отталкиваться от трехчленной модели строения социальной установки (Katz, Stotland, 1959), в которой выделяются когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Первый компонент мы интерпретируем как *предметную составляющую диспозиции*, то есть как отражение (в специфической форме, о которой мы скажем ниже) того объекта или явления действительности, к которому субъект устойчиво «относится». Второй компонент мы интерпретируем как *смысловую составляющую диспозиции*, то есть как отражение конкретного смысла этого объекта или явления. Наконец, третий, поведенческий компонент, мы, вслед за М.Фишбеином и А.Айзенем (Fishbein, Ajzen, 1975), не считаем необходимым приписывать структуре самой диспозиции. По нашему мнению,

смысловая диспозиция к какому-либо объекту или явлению допускает достаточно разнообразный, хоть и ограниченный, спектр действий по отношению к нему. Конкретное действие нельзя вывести из одной диспозиции. Оно определяется актуальной установкой, формирующейся на основе диспозиции под влиянием ситуации и с учетом направленности деятельности, задаваемой мотивом. Таким образом, структура собственно смысловой диспозиции включает в себя лишь два основных компонента: предметный и смысловой. Такая структура диспозиции является отражением структуры деятельности, которая образуется этими двумя составляющими (см. *Зинченко, Мунипов, 1976*), и обобщенный опыт которой фиксируется в диспозиционной форме.

Смысловые диспозиции выполняют в деятельности смыслообразующую функцию, порождая производные от них личностные смыслы и смысловые установки. Актуальные мотивы являются не единственным источником смысла. Смыслообразование осуществляется также по механизму своеобразной иррадиации отношения: «Друг моего друга — мой друг», «Враг моего друга — мой враг». Источником смысла в этом случае выступают не мотивы, а *значимые объекты, отношение к которым укоренено в структуре личности в виде устойчивой смысловой диспозиции*¹. Смыслообразование при этом оказывается никак не связано с контекстом актуальной деятельности. Если в первом случае смысл объекта или явления определяется его «прагматической» значимостью, то во втором — некоторой «предубежденностью» по отношению к нему. Этот механизм смыслообразования, который можно назвать *диспозиционным* в отличие от первого — *мотивационного*, довольно отчетливо проявляется в сфере межнациональных отношений, в частности при возникновении и разрастании межнациональных конфликтов. Смысл, который представитель одной нации может иметь в глазах представителя другой, зачастую не только не определяется ролью первого в реализации мотивов второго, но и прямо противоречит этой роли. Смыслообразующим фактором здесь выступает обобщенная смысловая диспозиция по отношению к нации в целом, смысл, которой переносится на отдельного ее представителя. В свою очередь отношение к нации может быть не чем иным, как перенесенным на нацию в целом отношением к конкретным людям — представителям данной нации.

¹ Проследивая эту цепь дальше, всегда можно обнаружить в ее конце что-то, что можно трактовать как «мотивы» в широком смысле слова. Это, однако, не уничтожает выделяемого нами различия, поскольку мы говорим здесь не о конечных, а о непосредственных источниках смысла.

В «Этике» Спинозы описано «в геометрическом прядке», по сути, не что иное, как диспозиционные механизмы смыслообразования. Вот несколько взятых наугад формул, излагающих психологическую механику образования довольно сложных смысловых отношений: «Если мы воображаем, что кто-либо причиняет удовольствие предмету, который мы ненавидим, то мы будем и его ненавидеть» (часть 3, теорема 24); «Если кто воображает, что его кто-либо любит и при этом не думает, что сам подал к этому какой-либо повод, то и он со своей стороны будет любить его» (часть 3, теорема 41). В.К.Вилюнас, отталкивающийся от анализа Спинозы, приводит довольно точную, на наш взгляд, метафору: «Познавательный "слой", отражающий объективную действительность, служит по отношению к эмоционально-смысловым процессам субъективного "слоя" своего рода потенциальной схемой, подобно тому, как канавки, проложенные садоводом, создают потенциальную схему распространения воды возможного дождя» (Вилюнас, 1976, с. 134).

В этой связи специального рассмотрения заслуживают отношения диспозиций с мотивом деятельности, который также является источником порождения актуальных смысловых структур. Эти отношения сводятся к двум основным типам. В первом случае сам мотив выступает детерминантом актуализации в деятельности релевантных ему смысловых диспозиций. Например, если у меня возникает нужда в дружеской поддержке, эмоциональном участии, передо мною всплывают образы людей, которые могут мне в этом помочь, то есть актуализируются смысловые диспозиции, в которых зафиксировано мое отношение к ним. В этом случае актуализация диспозиций происходит через посредство их смыслового компонента: решается задача выявления объектов и явлений, имеющих некоторый известный смысл. Естественно, что такие диспозиции органично вписываются в систему смысловой регуляции деятельности, исходящую от мотива; противоречий между мотивом и диспозициями не возникает. Однако возможен и другой путь актуализации в актуальной деятельности устойчивых смысловых диспозиций, а именно через посредство их предметного компонента. Это происходит, когда в ходе деятельности мы сталкиваемся с объектом или явлением, имеющим для нас устойчивый смысл, фиксированный в форме латентной диспозиции. Поскольку актуализирующаяся в этом случае смысловая диспозиция не связана с системой смысловой регуляции данной деятельности, она может явиться источником личностных смыслов и смысловых установок, не совпадающих по своей регулирующей направленности с личностными смыслами и смысловыми установками, детерминированными актуальным

мотивом. Рассогласование смысловой регуляции со стороны мотива и со стороны диспозиции проявляется в форме отклонений в течении деятельности и преград к реализации мотива, примеры которых приводились нами при описании эффектов актуальной смысловой установки (раздел 3.2.).

Масштаб помех, вносимых в течение деятельности интерферирующей с ней смысловой диспозицией, может быть различным в зависимости от соотношения «смыслового заряда» диспозиции и мотива деятельности. Сильное рассогласование диспозиции и мотива может породить непреодолимые преграды к осуществлению начатой деятельности. Возможно, однако, еще более разрушительное влияние непреднамеренно актуализировавшейся смысловой диспозиции на протекание деятельности, выражающееся в изменении направленности деятельности, то есть в формировании нового мотива и новой деятельности. Эти процессы были изучены О.М.Красноярцевой (1986), выделившей в смысловой регуляции деятельности два вида смыслов: смыслы, порожденные актуальной потребностью и актуальным мотивом, и смыслы, порождающие актуальную потребность, то есть переводящие потенциальные потребности в актуальные. О.М.Красноярцевой удалось экспериментально показать, что внеситуативные личностные структуры — личностные фиксированные установки — активно участвуют в регуляции деятельности, порождая ситуативные эмоции и актуальные установки, взаимосвязанные в единые эмоционально-установочные комплексы. При обнаружении в материале деятельности познавательного противоречия происходит обесценивание смысла актуальной (непознавательной) деятельности, разрушение функционирующего и формирование нового эмоционально-установочного комплекса, обуславливающего побуждение к новой, более ценной, деятельности. Таким образом, именно смысловые диспозиции — личностные фиксированные установки в терминах О.М.Красноярцевой — предстают как механизм надситуативной активности (*Петровский В.А.*, 1975), выхода деятельности за рамки ситуативных требований на новый ее уровень, то есть фактически смены деятельности, что возможно благодаря внеситуативному характеру самих смысловых диспозиций.

Таким образом, смысловые диспозиции как внеситуативные смысловые структуры, консервирующие инвариантный жизненный смысл объектов и явлений действительности, являются не только латентными структурами. Их актуализация выражается в порождении актуальных личностных смыслов и смысловых установок, стремящихся придать деятельности, в которой они возникли, направленность, согласующуюся с направленностью смысловой дис-

позиции. Актуализация смысловой диспозиции может происходить двумя путями: через ее смысловой компонент, под влиянием мотива деятельности, и через предметный компонент, независимо от мотива деятельности. В первом случае диспозиция включается в систему смысловой регуляции деятельности, исходящую от мотива; во втором случае она порождает независимую от мотива подсистему смысловой регуляции, которая может вступать в конфликт с мотивационной регуляцией. Исход такого конфликта может быть тройным в зависимости от соотношения «смыслового заряда» мотива и диспозиции: осуществление деятельности на фоне помех; невозможность осуществления деятельности из-за непреодолимой смысловой преграды; инициация новой деятельности и отказ от старой. Благодаря этим видам нарушений в протекании деятельности становится возможным эмпирически выделить эффекты диспозиционно-смысловой регуляции деятельности, несмотря на ее опосредованный характер, выражающийся в том, что влияние на протекание деятельности оказывает не сама диспозиция, а порожденные ею личностные смыслы и смысловые установки актуальной деятельности. В заключение мы можем определить смысловую диспозицию как *отношение к объектам и явлениям действительности, имеющим для субъекта устойчивый жизненный смысл, которое конструируется в форме фиксированной установки и проявляется в эффектах личностно-смысловой и установочно-смысловой регуляции, не связанной с мотивом актуальной деятельности.*

3.5. Смысловой КОНСТРУКТ. АТРИБУТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

В предыдущих разделах мы описали два класса смыслообразующих структур, выступающих источниками производных смыслов, которыми наделяются объекты и явления действительности, попадающие в сферу их действия: мотив и смысловую диспозицию. Мотив служит источником смысла объектов и явлений, значимых в контексте актуально разворачивающейся деятельности; смысловая диспозиция актуализирует смысл объектов и явлений, к которым мы по тем или иным причинам сохраняем устойчивое внеситуативное отношение, и наделяет производным смыслом другие, непосредственно связанные с ними объекты и явления. В первом случае жизненный и личностный смысл объекта или явления оказывается связан с его «прагматической» значимостью; во втором — с некото-

рой «предубежденностью» по отношению к нему. Но исчерпывают ли эти два случая феноменологию смыслообразования? Возможны ли случаи, когда новый для меня объект или явление, с которым я сталкиваюсь впервые и не имею априорного отношения к нему, который никак не связан с актуальными мотивами моей деятельности, выступил бы для меня носителем определенного жизненного смысла, и, породив в моей деятельности соответствующие личностные смыслы и смысловые установки, отклонил бы ее протекание от направленности на реализацию актуальных мотивов?

Рассмотрим старую дилемму — оправдывает ли благая цель средства, сами по себе неприемлемые? Ответ зависит от того, какой смысл имеют эти средства для того, кто отвечает. Если весь их смысл определяется их отношением к цели (согласно мотивационному механизму смыслообразования), то ответ будет утвердительным. Отрицательный ответ исходит из того, что негодные средства несут в себе смысл, никак не связанный с целью (мотивом). Этот смысл образуется и не по диспозиционному механизму, что лучше всего видно на примере еще одной дилеммы: оправдаем ли мы неблагоприятный поступок, совершенный кем-то из наших близких. Объект оказывается наделен негативным смыслом не потому, что он каким-то образом связан с нашей жизнедеятельностью, и вследствие этого оценивается как негативно значимый, а наоборот, потому что он оценивается как носитель воплощенного в нем негативно значимого качества, которое и определяет его место в нашей жизнедеятельности, его жизненный смысл. Возможным критерием оценки и соответственно источником смысла, который приобретают для нас средства в первом случае и поступок — во втором, в обоих случаях оказываются их *собственные значимые для нас параметры, качества или атрибуты*. Это дает нам право говорить о третьем — *атрибутивном* — механизме смыслообразования.

Рассмотрим чуть более подробно смысл для меня некоего поступка. Если этот смысл образуется по мотивационному механизму, то мне безразлично, кто совершил поступок, при каких обстоятельствах и какова объективная оценка этого поступка. Определяющую роль для меня играют последствия этого поступка для реализации моих мотивов. Если смысл образуется по диспозиционному механизму, то определяющую роль играет то, кто и по отношению к кому его совершил. Если же действует атрибутивный механизм, то главную роль играет сам поступок вне зависимости от того, кто и по отношению к кому его совершил, а также от последствий этого поступка. Можно сказать, что атрибутивное смыслообразование — это высвечивание смысла объектов и явлений под углом зрения ценностей. Отчасти это верно, и здесь, как нам пред-

ставляется, нам удастся в какой-то степени преодолеть тот разрыв между психологической и этической оценками, который привел Е.В.Субботского (1984) к противопоставлению регулируемого смысловыми образованиями прагматического поведения, проистекающего из «базовой мотивации» и «бескорыстного нравственного поведения», управляемого какими-то иными механизмами. Вместе с тем мы считаем более правильным рассматривать в качестве источников атрибутивного смыслообразования не ценности, а индивидуально-специфические *категориальные шкалы, служащие инструментом выделения, классификации и оценивания субъектом значимых характеристик объектов и явлений действительности*. Во-первых, ценности в этом случае являются конечным, но не непосредственным источником смыслообразования; во-вторых, не все оценочные категориальные шкалы восходят в конечном счете именно к ценностям. Смыслообразующую функцию здесь по сути выполняют сами параметры оценивания, оценка по которым является значимой для определения места и роли объекта или явления в жизнедеятельности субъекта.

Эти параметры представлены в виде своеобразных внутренних «шкал», как правило нерелексируемых, с помощью которых мы не только оцениваем смысл объектов, явлений и человеческих действий, но и выделяем их признаки, позволяющие нам узнать их, то есть как-либо классифицировать и приписать им определенное значение. «Выбрать актуальные координаты объекта — это значит определить, что нужно знать о нем, какую информацию следует вычерпывать. Очевидно, это задается актуализацией встречных представлений об объекте, некоторых образных структур, внутренних проекций мира, сложившихся, в частности, в результате опыта взаимодействия субъекта и мира» (*Артемьева*, 1980, с. 9). При этом важно отметить не только то, что один и тот же человек использует разные наборы признаков для семантической категоризации разных классов объектов, но и то, что разные лица пользуются разными наборами признаков для описания одних и тех же объектов.

Координаты семантической категоризации не являются чем-то однородным. Необходимо различать несколько их видов, имеющих различную природу. Во-первых, это содержательные («гностические») признаки, описывающие объект или явление на языке его собственных атрибутов. Вместе с тем, как показали специальные исследования (*Артемьева*, 1980; 1986; 1999), признаки такого рода являются не самыми информативными при описаниях и узнавании, в частности, непредметных геометрических изображений. Выяснилось, что более важную роль по сравнению с гностическими играют эмоционально-оценочные или метафорические шкалы,

проявившиеся в описании геометрических форм как спокойных, злых, удобных, глупых, самодовольных, хитрых, смешных и т.п. Из набора стандартных шкал, предъявлявшихся испытуемым, именно такого рода шкалы обнаружили «... максимальный разброс по изображениям (то есть хорошо различают изображения) и минимальный разброс по испытуемым (то есть одинаково оцениваются испытуемыми, являются сильными шкалами)» (*Артемьева*, 1980, с. 29).

Однако эмоционально-оценочные шкалы, в свою очередь, не являются однородными. Они распадаются на две группы: метафорические шкалы, описывающие одни объекты на языке атрибутов объектов другого рода (геометрическая форма — спокойная, глупая, самодовольная; человек — хищный, тупой, прозрачный, бескрылый; голос — металлический, ржавый) и смысловые шкалы, описывающие объекты и явления на языке их воздействий на субъекта, отношений с ним, смысла для него (удобный, смешной, опасный, нервующий).

Деление субъективных семантических координат на содержательные (гностические), метафорические и смысловые относится лишь к конкретной ситуации оценки определенных объектов, вне которой различие между первыми двумя классами координат исчезает. Любой содержательный признак может быть использован для метафорического описания иррелевантных объектов: если признак «толстый», содержательно описывающий человека, может использоваться для метафорической характеристики непредметной геометрической формы, то признак «квадратный», содержательно описывающий форму, столь же метафорически характеризует человека. Таким образом, мы пришли к различению двух основных типов категориальных шкал: предметных, которые в конкретных ситуациях могут использоваться как в прямом, так и в метафорическом значении, и смысловых. Первые описывают объекты и явления на языке их собственных признаков либо ассоциирующихся признаков других объектов и явлений; вторые описывают их на языке оценок, отражающих их смысл для субъекта, отношения к его жизнедеятельности. Можно провести прямую параллель различения предметных и смысловых шкал с различием «субъектных» и «объектных» черт личности (*Кроник, Хорошилова*, 1984), если понимать последние не как достояние самой личности, а как категории, в которых мы описываем ее проявления.

Мы воспользуемся для обозначения таких имплицитных более или менее индивидуально специфических категориальных шкал — как предметных, так и смысловых — термином «конструкт» (*Kelly*, 1955). Собственно понятие смыслового конструкта было впервые введено и операционализировано в работах В.В.Столина и М.Каль-

виньо (1979, 1982). Им удалось экспериментально показать, что ключевые понятия, имеющие для испытуемых выраженный личностный смысл (по данным ТАТ), близки к полюсам оценочных шкал, заданных бинарными оппозициями, выделенными на основе тех же данных ТАТ, то есть оценка ключевого понятия по семантическому дифференциалу значимо коррелирует в большинстве случаев с оценкой как минимум одного из двух полюсов оппозиции (например, ключевое понятие «работа», оппозиция «потребность, удовольствие — обязанность, необходимость»). Другими словами, была выявлена связь между личностным смыслом конкретных значимых объектов и явлений, представленных соответствующими понятиями, и оценкой этих понятий по индивидуально-специфическим значимым смысловым категориальным шкалам. В.В.Столин и М.Кальвиньо обозначили термином «смысловой конструкт» смысловую оппозицию (противопоставление), отнесенную к конкретному ключевому понятию. Наше понимание смыслового конструкта несколько отличается от этого тем, что мы делаем акцент на устойчивости категориальных смысловых шкал, характеризующих личность самого субъекта в отвлечении от его отношения к конкретным объектам и явлениям, в котором индивидуальная система смысловых конструктов, конечно, необходимым образом проявляется.

Смысловой конструкт мы определяем как *устойчивую категориальную шкалу, представленную в психике субъекта на уровне глубинных структур образа мира, выражающую значимость для субъекта определенной характеристики (параметра) объектов и явлений действительности (или отдельного их класса), и выполняющую функцию дифференциации и оценки объектов и явлений по этому параметру, следствием которой является приписывание им соответствующего жизненного смысла*. Основные конструкты не только дифференцируют, но и объединяют объекты и явления в классы, причем, в отличие от предметных конструктов, «не по общему объективному признаку, а по сходному лично-смысловому основанию. Это так называемые эмоциональные обобщения. К ним относится, например, класс явлений, обозначаемый обычно в моральных понятиях "справедливое", "доброе" и т.п.» (Апресян, 1983, с 23—24). Как правило, смысловые конструкты отличаются большей обобщенностью, чем предметные. Для них также характерна оценочная асимметрия: один из полюсов смыслового конструкта всегда связан с наиболее общей эмоциональной характеристикой «хороший—плохой», «благоприятный—неблагоприятный». Предметные конструкты сами по себе симметричны в отношении к эмоциональной оценке; асимметричность они могут приобретать,

«склеиваясь» со смысловыми конструктами (эти случаи мы рассмотрим несколько ниже). Собственно личностный смысл объекта или явления определяется его субъективной оценкой по категориальным шкалам, несущим смысловую нагрузку. Поскольку, однако, личностный смысл не тождествен абстрактной оценке, но подразумевает всегда качественно определенное смысловое основание этой оценки, одинаково оцениваемые объекты могут иметь при этом различный личностный смысл, то есть эта оценка может быть обусловлена разными факторами. Например, один человек может давать высокую оценку кинофильму за динамизм, захватывающий сюжет, а другой — за то, что он не заставляет думать. Более типичен, однако, случай, когда различные основания для оценок (смысловые конструкты) приводят к расхождению в самих оценках.

Данные исследований В.В.Столина и М.Кальвиньо, на которые мы уже ссылались, позволяют вывести еще одну важную закономерность функционирования смысловых конструктов. Эта закономерность заключается в том, что объекты и явления, обладающие для меня выраженным личностным смыслом и привязанные вследствие этого к одному из полюсов смыслового конструкта, могут как бы «склеиваться» с самим конструктом и начинают выступать сами как критерий оценивания других объектов. В качестве примера можно привести чрезвычайно распространенную в жизни ситуацию, с которой часто приходится сталкиваться психологу: «Моя мать очень хорошая, самая лучшая. — Моя мать есть воплощение добра и совершенства. — Хорошая женщина — это та, которая больше всего похожа на мою мать. — Женщина, которая не похожа на мою мать, не может быть для меня хорошей». В этом случае конструкт «похожая на мать—непохожая» склеивается с конструктом «хорошая—плохая» применительно к женщинам и подменяет его собой; происходит это, как правило, неосознанно.

Возможно также «склеивание» смысловых и предметных конструктов; в этом случае оценка по предметному основанию косвенно отражает характеристику личностного смысла объектов и явлений, например, оценивая объект как «большой», я признаю его тем самым страшным, а оценивая его как «маленький» — безопасным. Однако граница между предметными и смысловыми конструктами тем самым не стирается: осмысленный предметный конструкт «быстрый—медленный» может выступать как эквивалент смыслового конструкта «опасный—безопасный» либо конструкта «эффективный—неэффективный».

Смысловая асимметрия связана, на наш взгляд, с тем, что именно смысловые конструкты выполняют функцию непосред-

ственной оценки близости реального положения вещей к идеальному или необходимому, сущего — к должному или желательному. Смысловой конструкт можно рассматривать как спроецированную на сущее оценочную шкалу, один из полюсов которой задается либо «моделью потребного будущего» (*Бернштейн*, 1966), описывающей некоторое оптимальное для состояния и развития индивиду состояние жизненных отношений, либо «моделью должного», описывающей вектор желательного преобразования действительности, задаваемый интериоризованными и укорененными в структуре личности ценностями (см. *Леонтьев Д.А.*, 1996 а, б). Конструкты, строящиеся на основе личностных ценностей и черпающие свой смысл из них (например, «истинный—лживый», «красивый—безобразный»), и конструкты, ведущие свое происхождение от потребностей и оценивающие актуальное состояние жизненных отношений (например, «опасный—безопасный», «уютный—неуютный»), не различаются по характеру своего функционирования в структуре смысловой регуляции жизнедеятельности. Достаточно непосредственная связь смысловых конструктов с потребностями и личностными ценностями открывает путь косвенной диагностики последних, поскольку именно они придают конструктам как смыслообразующую, так и различительную силу. «В семьях, где деньги не являются главной ценностью жизни, позиции "богатый—бедный" не воспринимаются как противоположности...» (*Берн*, 1988, с. 211). Как отмечает В.Ф.Петренко, вегетарианец не будет дифференцировать животных по признаку их съедобности (1983, с. 55). А.Г.Шмелев эмпирически выявил взаимосвязь между субъективной значимостью такой смысловой координаты оценивания других людей, как «моральность», и разрешающей силой этой координаты для испытуемого; в меньшей степени удалось подтвердить гипотезу о связи различающей силы конструкта и выраженности у самого испытуемого одного из пары полярных качеств по данным групповой оценки. Характерно, что для предметного конструкта «динамизм» подобных зависимостей найдено не было (*Шмелев*, 1983, с. 121 — 125). Однако тесная связь конструктов с ценностями имеет и негативную сторону: как отмечает Г.М.Андреева (1999), по сравнению с теми искажениями информации, которые связаны с индивидуальными психологическими особенностями познающего, субъективность оценок, обусловленная влиянием социальных ценностей, гораздо больше. «Индивид неизбежно "смотрит" на социальный мир через призму определенной системы ценностей... Пока они неизменны, новая информация отбирается так, чтобы "подтвердить" структуру ценностно-нагруженных категорий. При этом могут возникнуть два типа ошибок: *сверхвключение* и *сверх-*

исключение. В первом случае в категорию включаются объекты, которые на самом деле к ней не относятся. Это происходит тогда, когда у человека есть опасение, что кто-то будет забыт при включении в *негативно-нагруженную* категорию. Напротив, *сверхисключение* имеет место тогда, когда мы имеем дело с *позитивно-нагруженной* категорией: наша забота теперь о том, чтобы в нее не "попал" кто-нибудь "недостойный". Легко видеть, что наличие названных двух видов ошибок, связанных с ценностно-нагруженными категориями, во многом видоизменяет процесс категоризации и оказывает прямое воздействие на общий процесс социального познания» (Андреева, 1999, с. 21).

Нам остается теперь рассмотреть взаимоотношения между смысловым конструктом и другими видами смысловых структур, описанными в предыдущих разделах. Начнем с регуляторных структур. Примеры, которые мы приводили в начале этого раздела, служат иллюстрацией тезиса о том, что личностный смысл, в который окрашивается в нашем сознании тот или иной объект или явление, может отражать не только место этого объекта или явления в структуре актуальной деятельности (его связь с мотивом), и не только приобретенное в опыте устойчивое отношение к нему (конкретная или обобщенная смысловая диспозиция), но и оценку этого объекта или явления по параметру присутствия и выраженности в нем любого из значимых качеств. Более того, смысловые конструкты как источники смысла объектов, явлений и ситуаций, заслуживают даже более пристального внимания, чем мотивы и смысловые диспозиции. В отличие от мотивов они являются устойчивыми, инвариантными, трансситуативными и, в отличие от смысловых диспозиций, вездесущими, т. е. вносят вклад в оценку всех без исключения объектов и явлений действительности. Тем самым смысл любого объекта или явления частично (в большей или меньшей степени) определяется его оценкой по смысловым конструктам. По сути, здесь мы имеем дело с описанным и всесторонне исследованным Е.Ю.Артемовой (1986) «эмоциональным кодом», отражающим значимые свойства объекта или явления на уровне глубинных семантических структур образа мира. В конкретной ситуации оценки смысл объекта или явления определяется его субъективной локализацией на этих шкалах, несущих смысловую нагрузку.

В общем случае личностный смысл объекта (явления, ситуации) может складываться из трех компонентов, определяемых его смыслообразующими связями соответственно с мотивом, диспозициями и конструктами; при этом только компонент, определяемый конструктами, обязательно присутствует во всех случаях. Относительная значимость этих трех компонентов может различаться в разных слу-

чаях, и в конкретной ситуации оценки решающая роль может принадлежать любому из них. Между разными смыслообразующими структурами и механизмами возможны и конфликтные отношения; мы рассмотрели их на примере некоторых этических дилемм в начале раздела.

Говоря о функциональных взаимоотношениях между предметными и смысловыми конструктами, ограничимся здесь указанием на один интересный механизм. Речь идет о том, что предметные и смысловые конструкты могут как бы «склеиваться». В этом случае предметный конструкт становится носителем не только гностической, но и смысловой оценки: оценка по предметному (гностическому) основанию уже несет в себе характеристику личностного смысла объектов и явлений. Смысловое измерение придает предметному (гностическому) измерению личностную значимость и тем самым асимметричность. Примеры долго искать не придется, достаточно пробежать глазами десяток газетных брачных объявлений: судя по основной их массе, одним из главных несущих смысловую нагрузку конструктов, описывающих желательного партнера, оказывается рост.

Более спорным является вопрос о том, способны ли смысловые конструкты выступать источником порождения не только личностных смыслов, но и смысловых установок актуальной деятельности. Все же, по-видимому, именно с этим эффектом мы сталкиваемся, когда мастер-ремесленник или инженер-конструктор тратит лишнее время и силы на то, чтобы сделать свое чисто функциональное изделие более красивым, эстетичным; когда, наоборот, по причине плохого внешнего вида или неудобства в употреблении покупатель отказывается от покупки в принципе нужной ему вещи.

Рассмотрим теперь взаимоотношения между смысловым конструктом и другими смыслообразующими структурами того же уровня — мотивом и смысловой диспозицией. Одну из форм их взаимоотношений мы уже рассмотрели несколько выше, а именно совместную детерминацию личностного смысла одних и тех же объектов и явлений, в ряде случаев оборачивающуюся смысловым конфликтом. Еще одна форма их взаимоотношений связана с механизмами актуализации конструктов. Как правило, в конкретных ситуациях, при оценке смысла конкретных объектов, субъектом используется (актуализируется) лишь ограниченный набор конструктов. Этот набор определяется, с одной стороны, сравнительной их значимостью безотносительно к конкретной ситуации, и, с другой стороны, спецификой ситуации и объекта оценивания. Можно выделить два ряда закономерностей избирательной актуализации тех или иных конструктов в конкретной ситуации, соответствующие двум психологическим механизмам этой актуализации — «сверху»

и «снизу». Актуализация «сверху» основывается на механизме категориальной установки (Шмелев, 1983); в этом случае осуществляется выбор конструктов, релевантных мотиву деятельности. «Мотив действует на актуальное категориальное пространство таким образом, что обуславливает готовность субъекта к анализу именно тех признаков объектов, которые релевантны содержанию мотива» (там же, с. 40). В качестве примера можно привести процедуру социометрии: задаваемый в инструкции мотив воображаемой деятельности (С кем бы Вам хотелось вместе работать? Жить в одной комнате? Провести отпуск?) актуализирует разные во всех случаях категориальные основания для предпочтения тех или иных людей.

Актуализация смысловых конструктов «снизу» связана с несколько иными психологическими механизмами. С ней мы встречаемся в тех случаях, когда выбор тех или иных конструктов навязывается нам природой самих оцениваемых объектов. Так, например, В.Ф.Петренко (1983) отмечает, что хорошо и плохо знакомые люди описываются нами в разных категориальных «языках» (с. 156). Аффективная насыщенность ситуации также влияет на избирательность актуализации категориальных шкал (там же, с. 125, 129). По-видимому, механизмом актуализации смысловых конструктов в этом случае выступает не мотив, а смысловая диспозиция по отношению к оцениваемому содержанию, которая актуализируется через предметный компонент и порождает категориальную установку, определяющую селекцию смысловых конструктов, вне зависимости от мотива актуальной деятельности. Убедительной иллюстрацией избирательной актуализации смысловых конструктов «снизу» и участия в этом процессе смысловых диспозиций как опосредующего звена являются эксперименты А.А.Бодалева (1965), предъявлявшего испытуемым фотографии одних и тех же людей, однако части испытуемых говорилось, что на фотографии запечатлен герой, а другой части — что перед ними портрет преступника. Описания фотопортретов, дававшиеся испытуемыми, свидетельствуют об избирательности актуализации как смысловых, так и предметных конструктов в зависимости от исходной установки. Подчеркнем, что хотя смысловые конструкты актуализируются под влиянием актуального мотива или диспозиции, они однако являются независимыми от них, функционально автономными устойчивыми смысловыми структурами, связанными со смысловыми структурами более высокого ранга, чем мотивы и диспозиции — с устойчивыми личностными ценностями. Поэтому объект, получивший высокую оценку по значимому конструкту, наделяется тем самым личностным смыслом, который интегрируется в смысловую структуру личности.

Подводя итог анализу смыслового конструкта как разновидности смысловых структур, мы видим, что, проявляясь в деятельности в тех же формах, что и мотив и смысловая диспозиция, а именно в форме личностных смыслов и смысловых установок, смысловой конструкт представляет собой еще один, не сводимый к мотивам и диспозициям слой смысловой структуры личности. Смысловые конструкты отличаются наибольшей обобщенностью и устойчивостью из числа смысловых структур «второго яруса» и наиболее тесной связью с личностными ценностями. Поэтому, актуализируясь в конкретной деятельности во многом под влиянием актуальных мотивов, они привносят в ее смысловую регуляцию компоненты, отражающие стратегическую ориентацию личности и в максимальной степени независимые от актуальной направленности деятельности и от ситуационных интересов. Более полно раскрыть это положение возможно лишь после описания последней из разновидностей смысловых структур — личностных ценностей.

3.6. ЛИЧНОСТНЫЕ ЦЕННОСТИ И ПОТРЕБНОСТИ В СТРУКТУРЕ СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ

В литературе можно выделить три основных варианта понимания психологической природы индивидуальных ценностей. Первый из них — трактовка ценности в одном ряду с такими понятиями как мнение, представление или убеждение (*Rokeach*, 1969; 1973; 1979; *Ручка*, 1976; *Брожик*, 1982; *Schloeder*, 1993). Так понимаемые ценности не обладают самостоятельной побудительной силой, черпая ее из каких-то иных источников. Другая трактовка рассматривает индивидуальные ценности или ценностные ориентации как разновидность или подобие социальных установок (отношений) или интересов (*Spranger*, 1913; *Morris*, 1956; *Саморегуляция...*, 1979). В таком понимании им приписывается направляющая или структурирующая функция, к которой сводится эффект ценностной регуляции. Наконец, третий подход сближает их с понятиями потребности и мотива, подчеркивая их реальную побудительную силу (*Maslow*, 1970 а; *Жуков*, 1976; *Дилигенский*, 1977; *Додонов*, 1978; *Шерковин*, 1982; *Василюк*, 1984). Первая трактовка ценностей исходит из описанной выше асоциальной парадигмы. Она отождествляет социальную, и в том числе ценностную регуляцию с внешними требованиями, более или менее рефлектируемыми индивидом, и противостоящими его внутренним эгоцентрическим побуждениям,

если последние вообще принимаются в расчет. Вторая трактовка более продуктивна; вместе с тем она унаследовала от изучения социальных установок проблему расхождения между декларируемыми и реальными ценностями (см. *Донцов, 1974; Зотова, Бобнева, 1975; Брожик, 1982; Куняевский и др., 1985*). Кроме того, рассмотрение ценностей и установок как однопорядковых образований противоречит представлениям об особом статусе, месте и роли ценностей в человеческой жизни, характерным как для обыденного сознания, так и для большинства подходов к проблеме ценностей в философии, этике и эстетике (см. *Леонтьев Д.А., 1996 а*). Наибольшим объяснительным потенциалом обладает, на наш взгляд, третий подход, ставящий понятие ценности в один ряд с понятиями потребности и мотива. О.И.Генисаретский (1985), приводя мысль А.Н.Леонтьева о существовании своеобразных «узлов», соединяющих различные виды деятельности в целостные личностные структуры, отождествляет эти «узлы» с ценностными образованиями, задающими основу личности. Более того, ряд авторов прямо указывает на смысловую природу ценностей (*Жуков, 1976; Братусь, 1981; 1985; Зинченко, 1998; Тихомандрицкая, Дубовская, 1999*).

Начнем с развернутого анализа соотношения этих понятий между собой. Осмыслить это соотношение помогает двухуровневая модель мотивации, предложенная Е.Ю.Патяевой (1983 а). Рассмотрев целый ряд современных подходов к пониманию структуры мотивации, она констатирует наметившееся в них различие двух уровней мотивационных образований. К одному уровню относятся конкретно-ситуативные мотивационные образования, релевантные единичной деятельности (см. раздел 3.3.). Мотивационные образования другого уровня являются внеситуативными, устойчивыми и обобщенными. Они побуждают деятельность не непосредственно, а участвуя в порождении конкретно-ситуативных мотивов. Е.Ю.Патяева выделяет два вида влияний устойчивых мотивационных структур на возникновение и функционирование конкретно-ситуативных мотивов. Первый из них — это ситуативная конкретизация первых во вторых, например, познавательной потребности в мотиве поступить в определенный вуз, или эстетической потребности в мотиве сходить в театр, или, наконец, карьерных устремлений в мотиве подставить ножку своему коллеге, написав на него анонимку. Второй из них — это «смещение» конкретной деятельности в соответствии с некоторыми устойчивыми внеситуативными принципами поведения, например, проявление в различных ситуациях и, соответственно, в различных конкретных мотивах устойчивой склонности к риску или высокого уровня притязаний или конформности

или, напротив, нетерпимости к недостаткам. Критерием, позволяющим отнести эти личностные тенденции к классу устойчивых мотивационных структур, выступает то, что они проявляются не только в процессе осуществления той или иной деятельности, но уже на этапе порождения конкретно-ситуативных мотивов, то есть «мотивообразования» конкретной деятельности, и отражаются в структуре конкретных мотивов, в их смысловой характеристике. То же по сути разделение представлено в трехуровневой схеме структуры мотивации А.Г.Асмолова (Мотивация, 1985), различающего источники мотивации, детерминанты направленности деятельности в конкретной ситуации, и регуляторы протекания деятельности. Первые два уровня практически совпадают с выделенными Е.Ю.Патяевой.

По своему функциональному месту и роли в структуре мотивации личностные ценности достаточно очевидным образом относятся к классу описанных Е.Ю.Патяевой устойчивых мотивационных образований или источников мотивации по А.Г.Асмолову. Их мотивирующее действие не ограничивается конкретной деятельностью, конкретной ситуацией, они соотносятся с жизнедеятельностью человека в целом и обладают высокой степенью стабильности; изменение в системе ценностей представляет собой чрезвычайное, кризисное событие в жизни личности. Дополнительным аргументом, подкрепляющим это положение, служит то обстоятельство, что целый ряд авторов независимо друг от друга предложили различать два класса ценностей — ценности-цели жизнедеятельности или терминальные ценности, с одной стороны, и ценности-принципы жизнедеятельности или инструментальные ценности, с другой стороны (*Kluckhohn*, 1951; *Rokeach*, 1969; 1973; *Жуков*, 1976; *Самарчян*, 1979), функции которых совпадают с двумя описанными Е.Ю.Патяевой (1983 а) формами влияния устойчивых мотивационных образований на конкретно-ситуативные.

Вместе с тем более традиционным является рассмотрение потребностей в качестве устойчивых мотивационных образований. Потребности также характеризуются трансситуативностью и устойчивостью и оказывают на конкретную деятельность «мотивообразующее» и «смещающее» воздействия. Под функциональным углом зрения личностные ценности и потребности оказываются, таким образом, неразличимы. Вероятно, в этом состоит одна из объективных причин того, что понятию ценности в психологии до сих пор не удалось утвердиться в самостоятельном статусе. Можно ли, действительно, свести личностные ценности к разновидности или форме проявления потребностей, или между ними имеются различия настолько существенные, что понятию потребности придется

потесниться, поделив с личностными ценностями функцию устойчивых внеситуативных источников мотивации?

Обратимся к феноменологии потребностей и личностных ценностей и попробуем выделить и описать основные различия между ними.

Потребности представляют собой форму непосредственных жизненных отношений индивида с миром (см. *Леонтьев Д.А.*, 1992 а). Они действуют «здесь-и-теперь», отражая текущее состояние этих динамичных и постоянно меняющихся отношений. Побудительные и смыслообразующие процессы, берущие начало от потребностей субъекта, отражают динамику самой жизни, актуальные требования текущего момента, которые предъявляет субъекту его жизненный мир. Личностные ценности представляют собой «консервированные» отношения с миром, обобщенные и переработанные совокупным опытом социальной группы. Они ассимилируются в структуру личности, как это было описано выше, и в дальнейшем своем функционировании практически не зависят от ситуативных факторов. Через потребности человек переживает свои отношения с миром «один на один», через ценности он переживает свою принадлежность к социальному целому; в своих потребностях человек всегда одинок, в ценностях, напротив, он всегда не один. Если потребности представляют в структуре мотивации живое, динамичное, ситуативно изменчивое, то ценности — стабильное, «вечное», не зависящее от внешних обстоятельств, абсолютное. К.Клакхон характеризует ценности как «аспект мотивации, соотносящийся с личными или культурными стандартами, не связанными исключительно с актуальным напряжением или сиюминутной ситуацией» (*Kluckhohn*, 1951, р. 425). Соответственно, побудительная сила потребностей постоянно меняется, их система характеризуется «динамической иерархией». Иерархия личностных ценностей неизменна. Изменение иерархии личностных ценностей, как уже отмечалось выше — это кризис в развитии личности.

Другая группа различий между потребностями и личностными ценностями связана с характером их мотивообразующих воздействий. В.Франкл (*Frankl*, 1969) выразил это следующим образом: если потребности толкают нас, то ценности притягивают. Потребности мы субъективно воспринимаем как нечто, находящееся «внутри» нас и толкающее к чему-то «снаружи»; при этом то, к чему побуждает нас любая потребность — это конкретный предмет или, точнее, конкретная деятельность, релевантная некоторому классу предметов (см. *Леонтьев Д.А.*, 1990 а). Реализация потребности и осуществление релевантной ей деятельности приводит к временно-му насыщению и дезактуализации потребности. Ценности мы вое-

принимая как что-то внешнее, относящееся к миру. Хотя существуют релевантные любой ценности деяния и произведения, ни одно из них, или их совокупность, не может насытить и дезактуализировать ценность даже на короткое время. Если регулирующее действие потребностей выражается в задании некоторого целевого состояния, в принципе достижимого, то регулирующее действие ценностей выражается в задании вектора деятельности, который направлен в бесконечность. Деятельность может соответствовать или не соответствовать этому вектору, но он не завершается конкретной достижимой целью, а ведет за горизонт.

Наконец рассмотрим форму переживания и субъективной репрезентации потребностей и личностных ценностей. Потребности (не производные от них ситуативные мотивы и т.д., а сами потребности) непосредственно переживаются как связи с миром, какие-то зависимости или взаимозависимости, нужды или желания, напряжения или соблазны, требующие каких-то усилий, направленных в мир, чтобы адаптироваться к этим напряжениям или, напротив, приспособить мир к своим желаниям. Ценности переживаются как идеалы — конечные ориентиры желательного состояния дел. При этом необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, если потребности переживаются как воплощение моего индивидуального желания, то ценности — как «объективно» желательного положения вещей, не только для меня одного. К.Клакхон в этой связи различает просто желаемое или предпочитаемое, с одной стороны, и желательное, предпочтение которого обосновано с точки зрения личных или общественных стандартов, с другой стороны. Критерии желательности желаемого определяются при этом его совместимостью со стратегическими целями и направленностью развития как личности, так и социальных групп и социокультурных систем (см. *Kluckhohn*, 1951). Во-вторых, ценностные идеалы не обязательно осознаются; осознанность не является необходимым признаком личностной ценности. «Сам человек может вообще не осознавать, осуществляет ли он ценностное отношение к действительности, и если да, то какое. Действенная же сила ценностного отношения от этого не потеряется» (*Донцов*, 1974; см. также *Брожек*, 1982; *Kluckhohn*, 1951). Поэтому точнее было бы вместо слова «идеал», описывающего личностную ценность со стороны ее субъективной феноменальной репрезентации, воспользоваться понятием «модель должного» по аналогии с понятием «модель потребного будущего». Последнее было введено Н.А.Бернштейном (1966) для обозначения того факта, что человеческий мозг отражает не только события настоящего и прошлого, но и ситуацию предстоящего, причем последнюю в двух различных формах — вероятност-

ного прогноза и программирования потребного будущего. Н.А.Бернштейном была показана физиологическая реальность «моделей потребного будущего», что позволяет нам опереться на это понятие и говорить о «модели желательного» или «модели должного» применительно к форме существования личностных ценностей в структуре личности.

Представим рассмотренные различия в таблице 2.

Таблица 2

Различия между потребностями и личностными ценностями

	Потребности	Личностные ценности
1. <i>источник</i>	Индивидуальные отношения с миром	Коллективный опыт социальной общности
1. <i>Относительная значимость и побудительная сила</i>	Постоянно меняется	Неизменна
3. <i>Зависимость от момента</i>	Сильно зависят	Не зависят
4. <i>Субъективная локализация</i>	"Внутри"	"Снаружи"
5. <i>Характер воздействия</i>	"Толкают"	"Притягивают"
6. <i>Куда направляют</i>	На желаемое состояние	В желательном направлении
7. <i>Насыщение и дезактуализация</i>	Временно возможна	Невозможна
8. <i>Форма репрезентации</i>	Связи с объективными условиями жизни	Идеал (модель должного)
9. <i>Критерии необходимости</i>	Индивидуальные	Социальные (общие)

Из этой таблицы можно заключить, что, как минимум, потребности и личностные ценности — не одно и то же. И учитывая, что в структуре мотивации и смысловой регуляции деятельности (первое мы рассматриваем как частный случай второго) потребности и личностные ценности занимают одно и то же место, закономерно встает вопрос об их соотношении как источников мотивации в дифференциальном и генетическом аспектах. К рассмотрению этого вопроса мы и переходим.

Из сказанного выше о тождественности функции потребностей и личностных ценностей в регуляции жизнедеятельности и об их структурных, генетических и психологических различиях закономерно возникает вопрос об их соотношении в структуре индивидуальной мотивации. Интуитивно очевидно, что структура мотивации разных людей характеризуется разным соотношением этих групп источников мотивации. Спектр возможных вариантов их соотношения можно представить в виде логического континуума:

Рис. 5. Возможные соотношения между потребностями и личностными ценностями в структуре побуждений

Левый полюс этого континуума соответствует случаю, когда источники мотивации сводятся целиком к потребностям при полном отсутствии ценностей. На нем находятся, в частности, животные. Выразительной иллюстрацией характера чисто потребностной регуляции в человеческом контексте является образ трупа — модели №2 идеального человека работы профессора Выбегалло из бессмертной повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Позволим себе привести характеристику этого персонажа устами его создателя: «— Вот наш идеал! — провозгласил он. — Или, выражаясь точнее, вот модель нашего с вами идеала. Мы имеем здесь модель универсального потребителя, который всего хочет и все, соответственно, может. Все потребности в нем заложены, какие только бывают на свете. И все эти потребности он может Удовлетворить... Модель универсального потребителя... хочет неограниченно... она хочет таких вещей, о которых мы и понятия не имеем. И она не будет ждать милости от природы. Она возьмет от природы все, что ей нужно для полного счастья, то есть для удовлетворенности... Счастье данной модели будет неопишмым. Она

не будет знать ни голода, ни жажды, ни зубной боли, ни личных неприятностей. Все ее потребности будут мгновенно удовлетворяться по мере их возникновения» (*Стругацкий, Стругацкий*, 1992, с. 137).

Правый полюс — только ценности при полном отсутствии потребностей — дает нам образ ангела. В реальности этот полюс, разумеется, недостижим, и на практике мы имеем просто людей с разным удельным весом потребностного и ценностного компонента в структуре мотивации. Тем не менее, определенные клинические синдромы, такие как нервная или психическая анорексия (см. *Зейгарник, Братусь*, 1980), дают нам картину, иллюстрирующую в некоторой степени приближение к этому полюсу.

Приведенный выше рисунок отражает, однако, не только дифференциально-психологическую, но и генетическую картину. Левому полюсу соответствует новорожденный младенец; по мере онтогенетического развития происходит постепенное усвоение ценностей, которые начинают теснить потребности как источники мотивации. Поскольку новые ценности усваиваются существенно более быстрыми темпами, чем новые потребности, удельный вес потребностей в структуре мотивации снижается и между ними происходит перераспределение функций в пользу ценностей. Это движение обозначено на рисунке 5 прерывистой стрелкой.

Механизм становления личностных ценностей уже давно был описан в понятиях интериоризации личностью социальных ценностей (*Донцов*, 1975). Ряд авторов (*Додонов*, 1978; *Кюрегян*, 1979) отмечают, что осознание некоторого предмета как общественной ценности предшествует превращению его в личностную ценность — регулятор индивидуального поведения. «Перенимая от окружающих людей взгляд на нечто как на ценность, достойную того, чтобы на нее ориентироваться в своем поведении и деятельности, человек может тем самым закладывать в себе основы потребности, которой раньше у него не было» (*Додонов*, 1978, с. 12). Однако отнюдь не все социальные ценности, осознаваемые и даже признаваемые индивидом в качестве таковых, реально ассимилируются им и становятся его личностными ценностями. Осознания и положительного отношения к ценности явно недостаточно; более того, они, по-видимому, даже не являются необходимыми. Необходимым же условием этой трансформации является практическое включение субъекта в коллективную деятельность, направленную на реализацию соответствующей ценности. Э.А.Арутюнян (1979) отмечает, что промежуточным звеном, опосредующим этот процесс, выступает система ценностей референтной для индивида малой группы. Можно предположить, что усвоение ценностей больших социальных групп и общностей всегда опосредовано ценностями малых референтных для индивида групп.

На начальных стадиях индивидуального развития единственной референтной малой группой, опосредующей усвоение социальных ценностей, долгое время остается семья. В подростковом возрасте, когда оформляются более или менее устойчивые компании сверстников, они становятся вторым, альтернативным каналом усвоения ценностей. Этим, в частности, объясняется возможность воспроизводства в обществе антигуманных и антиобщественных ценностей. Если девиантная группа становится для индивида референтной, ценности более широких социумов, в том числе общечеловеческие ценности, воспринимаются через призму ценностей референтной малой группы, а не наоборот.

Таким образом, личностные ценности являются генетически производными от ценностей социальных групп и общностей разного масштаба. Селекция, присвоение и ассимиляция индивидом социальных ценностей опосредуется его социальной идентичностью и ценностями референтных для него малых контактных групп, которые могут выступать как катализатором, так и барьером к усвоению ценностей больших социальных групп, в том числе общечеловеческих ценностей. Личностные ценности выступают как внутренние носители социальной регуляции, укорененные в структуре личности.

На рисунке поэтому необходимо обозначить и социальную среду, выступающую источником ценностей.

Рис. 6. Изменение соотношения потребностей и личностных ценностей в ходе социогенеза

Как видно из рисунка 6, границы между социальным и биологическим и между внешним и внутренним совпадают только в начальной точке развития, у новорожденного ребенка. В этой и только в этой точке оказывается верна «асоциальная» парадигма, рассматривавшаяся выше. Однако в реальном развитии мы имеем движение, завершающееся усвоением ценностей социальных общностей и их трансформацией в личностные ценности. Это движение можно рассматривать по меньшей мере в двух аспектах. Во-первых, как движение от ценностей социальных групп (социальное, внешнее) к личностным ценностям (социальное, внутреннее). Это движение традиционно обозначается понятием интериоризации. Во-вторых,

как движение от структуры индивидуальной мотивации, основанной исключительно на потребностях (внутреннее, биологическое) к структуре, в которой главенствующую роль играют ценности (внутреннее, социальное). Это движение известно под не менее традиционным названием социализации. Интериоризация и социализация применительно к становлению личностных ценностей представляют собой две стороны одного процесса, рассматриваемого, соответственно, в аспекте судьбы (трансформации) самих ценностей и судьбы (трансформации) структуры индивидуальной мотивации. Это движение через разные границы: через границу внешнего/внутреннего в первом случае и через границу биологического/социального во втором.

Этот процесс не всегда протекает гладко. Если ребенок в процессе развития испытывает сильное давление на свои потребности и граница между внешним и внутренним оказывается слишком слабой, она падает под напором социальных ценностей, которые вторгаются в структуру мотивации, не встречая сопротивления и становятся личностными ценностями, не претерпевая заметных трансформаций. Индивид тем самым сливается с группой, однако утрачивает свою личностную идентичность (аутентичность), конформно растворяясь в социальном целом. Такой случай можно назвать гиперсоциализацией. Противоположный случай — гипосоциализация — может иметь место, когда эта граница, напротив, чересчур прочна и давление вызывает ответное сопротивление со стороны индивида. В этом случае индивид не пропускает в свою личность внешние регуляторы; в результате ценности не занимают в структуре мотивации соответствующее им место.

3.7. ДИНАМИЧЕСКАЯ СМЫСЛОВАЯ СИСТЕМА КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ И КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ

В предыдущих разделах мы выделили и описали шесть разновидностей смысловых структур, выступающих как функционально различные элементы смысловой сферы личности. Эти шесть структур были отнесены нами к трем уровням организации: уровню структур, непосредственно включенных в регуляцию процессов деятельности и психического отражения (личностный смысл и смысловая установка), уровню смыслообразующих структур, участие которых в регуляторных процессах опосредовано порождаемыми ими структу-

рами первого уровня (мотив, смысловая диспозиция и смысловой конструкт) и, наконец, высший уровень, к которому относится одна из разновидностей смысловых структур — личностные ценности, являющиеся неизменным и устойчивым в масштабе жизни субъекта источником смыслообразования, автономным по отношению к конкретным ситуациям взаимодействия субъекта с миром. По мере их рассмотрения нам уже приходилось обращаться к вопросам взаимодействия этих структур между собой и к их связям «по вертикали».

Вместе с тем, в свете сформулированной нами в первой главе задачи рассмотрения структурной организации личности как целого на основании принципа «анализа по единицам» (*Выготский, 1934*), выделение элементарных структурных составляющих является лишь промежуточным этапом в решении этой основной задачи. «Характеристика системы в целом требует иных понятий, чем характеристика отдельных иерархических уровней», — указывал В.С.Мерлин (1986, с. 36—37). Говоря о единицах анализа личности, А.Т.Асмолов справедливо критикует распространенное убеждение, что «в каком-либо одном динамическом образовании личности, будь то влечение, диспозиция, установка, отношение, потребность или мотив, как в фокусе, сконцентрированы свойства личности как целого» (*Асмолов, 1984, с. 60*). В поисках иного пути он обращается к понятию динамической смысловой системы.

Впервые мы встречаем это понятие у Л.С.Выготского, в контексте анализа конкретных механизмов интеграции психических процессов в сознании человека. Л.С.Выготский говорит о динамической смысловой системе как о единстве аффективных и интеллектуальных процессов, обозначая этим понятием тот факт, что «во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее» (1934, с. 14). После смерти Выготского это понятие вернулось в психологию лишь в 1980-е годы в двух разных контекстах — в контексте описания процессов смысловой регуляции конкретных актов познавательной деятельности (*Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980*) и в контексте проблемы структуры личности для обозначения того, что в качестве единиц анализа личности не могут выступать отдельные ее структурные составляющие (*Асмолов, 1983, 1984*). В чем же заключается содержание этого понятия и его объяснительная ценность?

Если обратиться к развитию представлений о закономерностях структурной организации личности, о характере взаимодействия различных личностных структур, можно выделить три последовательных этапа на пути к современным взглядам. Первым этапом было представление о личностных чертах как рядоположенных единицах, различающихся лишь по степени генерализованноеTM:

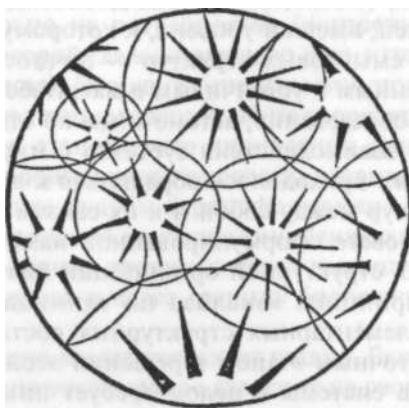

Рис. 7. Фрагмент структуры личности, определяемой в терминах черт (Allport, 1937)

одни обладают более широким радиусом действия, другие — более узким (см. рис. 7).

Важным этапным шагом в развитии представлений о структурной организации личности стало представление об иерархии структурных элементов. Можно выделить по меньшей мере три вида иерархических моделей структуры личности. Первая, наиболее гибкая, — модель, в которой отсутствует выделение фиксированных иерархических уровней; структурные элементы упорядочиваются не по их принадлежности к тому или иному уровню, а по относительной значимости. Примером является модель иерархии мотивов А.Н.Леонтьева. «Говоря о личности человека, мы всегда, фактически, подразумеваем, прежде всего, ту или иную направленность человека, создаваемую наличием ведущих жизненных мотивов, подчиняющих себе другие мотивы, которые как бы светят отраженным светом этих главных ведущих мотивов» (Леонтьев А.Н., 1948, с. 9).

Два остальных типа моделей связаны с выделением различных иерархических уровней организации. В одном случае выделение уровней производится по формально-динамическому признаку; содержательно эквивалентные структурные элементы могут в структуре личности разных людей относиться к разным уровням. Примером является диспозиционная модель В.А.Ядова, описывающая четыре уровня диспозиций: направленность интересов, ценностные ориентации, генерализованные социальные установки и ситуативные социальные установки (Саморегуляция..., 1979). Наконец, в последнем случае выделение уровней производится по содержательному при-

науку. В качестве примера можно привести иерархическую «пирамиду» человеческих потребностей А.Маслоу (*Maslow, 1970 б*). Модели последнего типа являются наиболее жесткими, ограниченными.

Иерархические модели структуры личности занимают сейчас господствующее положение. Вместе с тем в них, как правило, не учитывается то обстоятельство, что существуют относительно ограниченные друг от друга подсистемы, «обслуживающие» ту или иную сферу жизнедеятельности, и границы между ними могут у разных людей различаться весьма существенно. Эти границы, определяющие специфическую группировку, кластеризацию мотивов, установок, ценностей и т.п., существенным образом характеризуют структурную организацию личности любого индивида. Дополнение представлений об иерархической организации структурных элементов личности представлением об их гетерархической группировке в относительно автономные подсистемы нашло отражение в таких понятиях, как «мотивационные линии» (*Леонтьев А.Н., 1977*), «мотивационные комплексы» (*Ткачева, 1983*) и «динамические смысловые системы». М.Ш.Магомед-Эминов хорошо сформулировал предпосылки, лежащие в основе современного понимания структурной организации личности: 1) анализируя личность, мы сталкиваемся с многообразием ее составляющих; 2) множество образующих личность содержаний не просто свалены «в кучу» или структурно рядоположены, но связаны в сложные синтетические образования; 3) это связывание осуществляется на основе особого «принципа связывания» (*Магомед-Эминов, 1998, с. 148*). Именно в качестве такого «принципа связывания» (но не только в этом качестве) можно рассматривать динамическую смысловую систему.

Динамическую смысловую систему (ДСС) можно определить как относительно устойчивую и автономную иерархически организованную систему, включающую в себя ряд разноразмерных смысловых структур и функционирующую как единое целое. Конституирующая характеристика ДСС — ее отдельность, невключенность в другие системы. Фактически ДСС — это то, чем была бы личность, если бы у нее была только одна всепоглощающая страсть, интерес, направленность, исключаящая все остальное, то есть личность, характеризующаяся «внутренне простым жизненным миром», по Ф.Е.Василюку (1984). Можно найти, в частности, в художественной литературе случаи, когда структура личности действительно сводится к единственной ДСС. Близки к этому Скупой Рыцарь и Рыцарь Печального Образа, каждый из которых поглощен одной страстью, этой страсти подчинена вся жизнь и того и другого. Чахнувшие от несчастной любви персонажи дают нам еще более убедительный пример — в этом случае даже системы, свя-

занные с элементарными потребностями физического существования, включаются в сферу действия всепоглощающего чувства. Мы, следовательно, вправе говорить о том, что отдельная ДСС несет в себе сущностные характеристики личности как целого и может рассматриваться как полноправная единица ее анализа.

Более характерными являются, естественно, случаи, когда личность складывается из нескольких ДСС. А.Н.Леонтьев говорит в этой связи о «многовершинноеTM» мотивационной сферы личности и о борьбе между собой разных систем жизненных отношений (1977, с. 221—223). Вместе с тем, ДСС отличаются от «мотивационных вершин», по А.Н.Леонтьеву, тем, что ДСС может занимать второстепенное или третьестепенное место в структуре личности, быть небольшой (неразветвленной) и находиться на периферии, не теряя при этом своей отличительной черты — автономности, отдельности. От того, в какие ДСС входят те или иные смысловые структуры, зависит их вклад в регуляцию жизнедеятельности личности. Например, мотив самоутверждения у одного человека может быть включен в ДСС профессионального достижения, у другого — в ДСС успеха у противоположного пола, у третьего — в ДСС хобби, например, самодеятельного творчества, у четвертого — в ДСС физического развития, а у пятого — венчать независимую, отдельную систему, включающую в себя, скажем, мотивацию профессионального успеха уже в качестве подчиненного момента. Очевидно, что смысл мотива и качественные особенности самоутверждения будут во всех этих случаях существенно различаться даже при одной и той же интенсивности мотива. Другой пример: ДСС сексуальных отношений может составлять одно целое с ДСС семейных отношений, но эти две системы могут быть и раздельны. Если же они едины, то также возможны различные варианты: семейные отношения могут доминировать и придавать смысл сексуальным; сексуальные отношения могут придавать смысл семейным; и те, и другие могут подчиняться третьей системе, например, отношениям комфорта или выгоды и т.п.

Как правило, у большинства людей можно выделить отдельные ДСС, связанные с работой, семьей, спортом, досугом и т.п. Вместе с тем, они не обязательно должны выступать в своей отдельности. Если, например, работа у человека побуждается внешними по отношению к ней мотивами, то в структуре его личности скорее всего будет отсутствовать отдельная ДСС, связанная с трудом. Весь комплекс смысловых структур, функционирующих в этой сфере деятельности, будет у него включен в другую ДСС — например, обеспечения материального благосостояния или свободного времени для занятий по интересам или просто в квазисоциальную ДСС «быть, как все».

Различные ДСС не разделены жесткими границами. Напротив, практически всегда ДСС пересекаются между собой и имеют общие области (подсистемы), которые можно считать относящимися и к той и к другой ДСС. Например, подсистема, регулирующая сферу профессионального обучения, может входить одновременно в ДСС профессиональной деятельности и в ДСС познания, являясь областью их пересечения.

Изложенные представления о ДСС личности, опирающиеся на идеи А.Г.Асмолова (1984), являются односторонними, поскольку описывают лишь верхние этажи личностной структуры. Для того, чтобы реализовать сформулированное нами выше понимание личности как системы смысловой регуляции жизнедеятельности, необходимо обратиться к другим работам, изучающим ДСС «снизу», со стороны ситуативной смысловой регуляции конкретной деятельности на примере решения мыслительных задач, процесс которого описывается в рамках этого цикла исследований как «формирование, развитие и сложное взаимодействие операциональных смысловых образований разного вида» (*Тихомиров, Терехов, 1969, с. 81*). Термин «динамическая смысловая система» в этих работах отражает тот факт, что «развитие смысла конечной цели, промежуточной цели и подцелей, зарождение замыслов, а также формирование смыслов элементов и смысла ситуации в целом непрерывно осуществляются в единстве и взаимодействии познавательного и эмоционального аспектов» (*Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980, с. 163*). Более подробно эти исследования изложены выше, в разделе 2.5. Закономерности смысловой динамики в ходе регуляции решения мыслительных задач являются проявлением единого процесса смыслового развития, протекающего на разных, но непрерывно взаимодействующих между собой уровнях (*Васильев, 1979, с. 60*), что и зафиксировано понятием «динамическая смысловая система».

Перед нами теперь стоит задача состыковать между собой два подхода к изучению динамических смысловых систем на разных уровнях, раскрыть целостность системы смысловой регуляции жизнедеятельности на всех ее уровнях.

Основой для понимания этой целостности может служить представление о двух фундаментальных характеристиках человеческой деятельности — ее предметности и осмысленности (*Зинченко, Мунипов, 1976*), или, в другом варианте, предметности и субъектности (*Асмолов, 1984*). Интенциональная сторона деятельности определяется смысловым содержанием, распространяющимся от полюса объекта «сверху вниз» на все уровни деятельности, согласно закономерностям процессов смыслообразования. Наполнение деятельности предметностью идет как бы в обратном направлении, «снизу вверх».

Нетрудно сформулировать различия между двумя описанными выше моделями ДСС: ДСС, рассматриваемых как единицы относительно устойчивой личностной структуры и ДСС, выступающих как целостность смысловой регуляции конкретной деятельности в конкретных ситуациях. Личностные ДСС (ДСС-Л) имеют меньше оснований называться динамическими, но больше оснований называться смысловыми системами по сравнению с деятельностными ДСС (ДСС-Д). Оба типа систем занимают разное место в структуре регуляции жизнедеятельности; по этой причине они характеризуются различной степенью устойчивости и различным удельным весом собственно смыслового компонента. В ДСС-Л, характеризующих высшие уровни смысловой регуляции, этот удельный вес очень велик. Это неудивительно, поскольку функция ДСС-Л заключается в структурировании отношений субъекта с миром и придании устойчивости структуре этих отношений. ДСС-Д, напротив, не являются устойчивыми. Они складываются внутри актуально разворачивающейся деятельности и регулируют ее протекание в соответствии с высшими смыслообразующими инстанциями, представленными в ДСС-Л. Можно сказать, что ДСС-Д выступает как продолжение, как функциональные органы ДСС-Л, реализующие регуляторную функцию последних в тех или иных конкретных ситуациях.

ДСС-Л нельзя непосредственно воссоздать в психологическом эксперименте. Как и отдельные элементарные смысловые структуры высших уровней (мотивы, смысловые диспозиции, смысловые конструкты и личностные ценности), ДСС-Л — это гипотетический конструкт, проявляющийся лишь опосредованным образом, в форме своей проекции либо в плоскость деятельности, разворачивающейся в конкретной ситуации, либо в плоскость сознания, рефлексии субъектом собственной личностной структуры. В первом случае мы имеем дело с ДСС-Д, которые отражают ДСС-Л достоверно, но чрезвычайно фрагментарно, ограниченно, ибо, как правило, в регуляции отдельно взятой деятельности не задействована вся личность целиком, а лишь какие-то ее частные подструктуры. Во втором случае мы имеем возможность восстановить сколь угодно полную картину отражающей в сознании иерархической структуры отношений субъекта с миром (ДСС-С), однако не можем быть уверены в том, что полученная проекция достоверно отражает истинные глубинные взаимосвязи личностных структур.

Структура собственной личности, задаваемая устойчивой иерархией отношений субъекта с миром, может проецироваться в сознание непосредственно — в форме самосознания, образа Я, — либо более опосредованно — в форме структур мировоззрения, которые также выполняют функцию самосознания субъекта, однако само-

сознания не изолированного индивида, а представителя человечества как родовой общности (Иванов, 1986). Под мировоззрением мы понимаем составную часть индивидуального образа мира, содержащую представления о наиболее общих свойствах, связях и закономерностях, присущих предметам и явлениям действительности, их взаимоотношениям, а также человеческой деятельности и взаимоотношениям людей. В мировоззренческих идеях «выражается квинтэссенция общественно-исторического опыта определенного социального объекта как его резюме о строении всего миропорядка» (Иванов, 1986, с. 73).

Мировоззрение личности удобно изучать как проекцию ее глубинной смысловой структуры по двум причинам. Во-первых, мировоззрение представляет собой форму синтеза, взаимопроникновения объективной истинности и субъективного ее осмысления, оно пропитано смыслом, воспроизводит явления действительности прежде всего в их не объективных, а смысловых связях (Иванов, 1986; Козловский, 1986 и др.). «В мировоззрении ценности и идеалы представляют собой не только высоко значимое для субъекта содержание: они вбирают в себя всю проблемность бытия конкретной личности» (Анциферова, 1991, с. 32). Во-вторых, отличительной чертой мировоззрения является его претензия «выражать общечеловеческую точку зрения и позицию. Это значит, что в важнейших смысложизненных (а стало быть, и мировоззренческих вопросах) любой... субъект мировоззрения склонен обосновывать свою позицию как всеобщее требование, вытекающие из сущности человека или мирового порядка вещей» (Иванов, 1986, с. 69). Благодаря этой особенности мировоззрения, мы вправе ожидать, что его содержание будет в меньшей степени подвержено искажающему влиянию психологических защит, чем содержание Я-концепции, поскольку защита обеспечивается самой формой, которую те или иные смысловые ориентации приобретают, формулируясь как мировоззренческие постулаты.

Исходя из этих соображений, мы разработали экспериментальную методику предельных смыслов (МПС), направленную на качественный анализ смысловой структуры мировоззрения (см. ниже раздел 4.5.). С помощью этой методики нам удалось эксплицировать в виде графов смысловые структуры мировоззренческих представлений о предельных основаниях человеческих действий. Анализ этой структуры позволяет дать развернутую качественную характеристику некоторым сторонам мировоззрения личности и наглядно свидетельствует о структурном членении мировоззрения на единицы, легко интерпретируемые как в большей или меньшей степени пересекающиеся между собой ДСС. Результаты исследований, проведенных с

помощью методики предельных смыслов, позволяют говорить о психологической реальности ДСС-С.

Вернемся теперь к ДСС-Д. Из положения о том, что смысловая регуляция конкретной деятельности строится по принципу функциональной системы, следует, что каждая отдельная смысловая структура, включенная в ДСС регуляции конкретной деятельности, будет подчиняться закономерностям взаимодействия структурных элементов для достижения конечного результата. Иными словами, эффект каждого элемента будет определяться его местом в целостной системе и при изменении этого места регуляторное воздействие одного и того же элемента может становиться иным. Это положение мы можем сформулировать как ***принцип зависимости регуляторного воздействия смысловой структуры от ее места в функциональной ДСС регуляции деятельности.***

Указанную зависимость удалось продемонстрировать в эксперименте, результаты которого позволяют нам говорить о психологической реальности ДСС-Д. Мы поставили перед собой задачу продемонстрировать экспериментально действие механизма стабилизации деятельности по отношению к внешним и внутренним барьерам и вместе с тем показать системный характер подобных регуляторных процессов, т. е. зависимость их эффекта от общей динамики деятельности, ее мотива, условий и изменяющегося по ходу деятельности смысла для субъекта отдельных действий и операций.

В качестве материала для исследования мы избрали хорошо известные феномены перцептивной защиты (ПЗ) и перцептивной бдительности (ПБ). Их изучение началось в конце 1940-х годов, когда в серии экспериментов, поставленных Дж.Брунером, Л.Постманом и Е.Мак-Гиннисом, были выявлены факты повышения или понижения порогов восприятия стимулов, отличавшихся особой эмоциогенностью (например, непечатные слова) или связанных с личностными ценностями испытуемых (Рейковский, 1979; Соколова, 1976; Костандов, 1977; Brown, 1961). Далее история изучения этих феноменов делится на два периода. Первый — 1950-е годы — был связан с многочисленными попытками объяснить ПЗ и ПБ каким-либо общим механизмом (Brown, 1961). Второй период — с начала 1960-х годов — ознаменован бурным ростом исследований механизмов переработки информации человеком. Полученные в это время результаты заставили отказаться от понимания восприятия как единого нерасчлененного процесса, а также от представлений об общем механизме, лежащем в основе феноменов ПЗ и ПБ. «Нет единого механизма, всецело обуславливающего защитную избирательность восприятия; более того, обозначение ярлыком ПЗ/ПБ любого конкретного механизма селекции является, в конечном сче-

те, вопросом терминологии» (*Erdelyi*, 1974, с. 15). За явления ПЗ и ПБ были признаны ответственными различные механизмы на разных этапах процесса переработки перцептивной информации, и сама проблематика ПЗ и ПБ растворилась в проблематике когнитивной психологии.

Отметим две методологические особенности, характеризующие исследования ПЗ и ПБ в те годы. Во-первых, предметом рассмотрения являлись, за редким исключением, фоновые эффекты ПЗ и ПБ, т. е. регулирующие инстанции локализовались вне той деятельности, в рамках которой фиксировались соответствующие эффекты. Во-вторых, в качестве эмпирических эффектов ПЗ и ПБ в большинстве исследований рассматривалось изменение порогов, хотя затруднение или, наоборот, облегчение презентации того или иного стимула на осознаваемом уровне может, очевидно, проявляться не только в флуктуациях порогов (отвлекаясь от вопроса о том, какие микроструктурные механизмы лежат за фактами изменения порогов). Оба эти обстоятельства делают традиционные исследования ПЗ и ПБ малоприменимыми для решения нашей задачи.

Важным этапом в исследовании смысловой регуляции деятельности на материале восприятия явились эксперименты Ш.Н.Чхартишвили, в которых в качестве зависимой переменной выступал способ восприятия двузначных изображений, а полученные эффекты были обусловлены искусственно актуализированным мотивом, побуждавшим ту деятельность, в которую были включены исследуемые перцептивные процессы (*Чхартишвили*, 1971 б). Ш.Н.Чхартишвили использовал в своих опытах известные двузначные картинки «заяц/утка» и «девушка/старуха». Экспериментальная ситуация представляла собой «лотерею»: испытуемые (школьники 8—10 классов), вытащившие из пачки карточку с изображениями зайца или старухи (заранее сообщалось, что таких карточек в пачке половина), получали бесплатный билет на футбольный матч, в котором они были очень заинтересованы. В результате участники «лотереи» значительно чаще по сравнению с испытуемыми контрольной группы «видели» на вытащенных ими карточках зайцев и старух (при этом они «знали» о том, что на других карточках изображены утка и девушка).

В экспериментах Ш.Н.Чхартишвили формировалась ПБ (в широком смысле) по отношению к определенному стимулу, самому по себе нейтральному. Феномен ПБ был получен и рассмотрен в статике. Наша задача состоит в раскрытии динамики перцептивного реагирования на один и тот же стимул в зависимости от изменения его личностного смысла, обусловленного динамикой деятельности, в которую включены эти перцептивные процессы. Еще в 1950-е годы

автор одной из бихевиористских интерпретаций феноменов ПЗ и ПБ Д.Спенс предположил, что оба эти внешне противоположные эффекта являются проявлением одной и той же базовой переменной, а именно: изменяющегося места реакции правильной идентификации стимула в общем иерархическом наборе реакций субъекта (Spence, 1957). Можно сказать, что речь идет о различиях личностного смысла правильной идентификации однозначного (или опознания одного из вариантов двузначного) стимула.

Отталкиваясь от экспериментов Ш.Н.Чхартишвили, мы задумали видоизменить их для того, чтобы получить возможность продемонстрировать одновременно эффекты ПЗ и ПБ по отношению к одним и тем же стимулам. Описываемое ниже экспериментальное исследование было спланировано и разработано совместно с Ф.С.Сафуановым и осуществлено Ф.С.Сафуановым и Ю.А.Васильевой на базе психологической лаборатории ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В.П.Сербского.

Методика исследования. В качестве экспериментального материала выступала серия из 36 слайдов, в которую под порядковыми номерами 4 и 34 были включены двузначные изображения «заяц/утка» и «крыса/человек». Остальные слайды (живопись, графика, скульптура, кадры из фильмов) были весьма разнородными. Испытуемым давалась следующая инструкция: «Вы участвуете в эксперименте по изучению творческого воображения. Смотрите внимательно на экран — здесь Вам будут предъявляться картинки самого различного содержания. Ваша задача — придумать к каждой картинке название, которое было бы выразительным и четким. Так Вы будете работать до тех пор, пока не появится картинка с изображением крысы или зайца. Как только Вы увидите зайца или крысу, эксперимент будет прекращен».

Слайды предъявлялись тахистоскопически, время экспозиции 1 с (при необходимости оно увеличивалось до 3 с), межстимульный интервал 5 с. В предварительных экспериментах слайды специально подбирались так, чтобы изображения постепенно становились все более однообразными, а работа с ними — все менее интересной. Эксперимент продолжался 10—15 мин.

Испытуемые. В эксперименте принимали участие 20 психически здоровых испытуемых (добровольцев) и столько же с диагнозом «истеровозбудимая психопатия», составившие соответственно две группы. Каждая экспериментальная группа разделялась на две подгруппы по 10 человек. В одной подгруппе под № 4 предъявлялась картинка «заяц/утка», а под № 34 «крыса/человек», в другой — наоборот, для контроля возможного влияния, обусловленного различиями между этими двумя изображениями. Все испытуемые были

мужчины в возрасте от 19 до 40 лет со средним, средним специальным или незаконченным высшим образованием.

Для выявления того, как воспринимаются использованные двузначные изображения в нейтральных условиях, их показывали испытуемым контрольной группы с вопросом «Что здесь изображено?». Контрольную группу составляли 40 психически здоровых мужчин в возрасте от 18 до 35 лет.

Гипотеза. Мы исходили из допущения, что испытуемые мотивированы на полноценное выполнение задаваемой экспериментатором деятельности, о чем свидетельствует факт добровольного согласия испытуемых группы нормы на участие в эксперименте (мотивация познавательная, помощь экспериментатору или какая-либо другая, в данном случае это несущественно). Поэтому ожидалось, что первый из предъявляемых критических слайдов будет воспринят психически здоровыми испытуемыми не в том значении, которое сигнализирует об окончании деятельности. Напротив, ближе к концу серии деятельность как бы уже исчерпывает себя, изначальная мотивация в основном реализуется и испытуемые должны видеть второй критический слайд преимущественно в том значении, которое сигнализирует о завершении деятельности и выходе из эксперимента. Иными словами, ожидается эффект ПЗ по отношению к изображению зайца или крысы в начале серии и эффект ПБ — в конце (в отличие от Ш.Н.Чхартишвили, мы даже не упоминали об альтернативных вариантах — утке и человеческом профиле).

Можно считать, что сами критические изображения при этом обладают сложной психологической структурой. Во-первых, обе версии каждого из двузначных изображений характеризуются известным значением («заяц», «утка», «крыса», «человек»). Во-вторых, связывая одну из версий двузначного изображения с необходимостью и возможностью завершения деятельности, мы тем самым придаем этой версии изображения дополнительное функциональное значение. В-третьих, функциональное значение завершения деятельности может обладать различным личностным смыслом, зависящим от мотива деятельности и степени его реализованноеTM. Функциональное значение и личностный смысл изображения являются его системными качествами, причем для первого из них системообразующим фактором выступает цель действия, задаваемая инструкцией, а для второго — мотив участия в эксперименте.

Однако, если сигнальное функциональное значение критического изображения остается неизменным на протяжении всей деятельности, то его личностный смысл может изменяться в зависимости от мотивации деятельности. В начале серии испытуемый вовлечен в предлагаемую ему достаточно интересную деятельность, ее внезапное

завершение было бы для него нежелательным. Поскольку значение сигнализирующее о завершении деятельности, находится в противоречии с мотивационной тенденцией, оно приобретает негативный личностный смысл (помеха интересному занятию) и подвергается перцептивному вытеснению (табл. 3). Поэтому критическое изображение должно в этих условиях восприниматься преимущественно в другом значении, не несущем никакой функциональной нагрузки и обладающем нейтральным личностным смыслом.

То же самое изображение, предъявленное ближе к концу эксперимента, должно восприниматься иначе. Исходный мотив к этому времени должен в значительной мере исчерпать себя. Завершение деятельности становится желательным, сигнальное значение приобретает положительный личностный смысл, и его появление согласуется с мотивационной тенденцией. Вступает в силу эффект перцептивной бдительности по отношению к сигнальному значению критического изображения. Вероятность такого толкования изображения резко возрастает.

Таблица 3

Гипотетическая модель экспериментальных условий

	Условие 1	Условие 2
Критическое изображение	В начале серии (слайд № 4)	В конце серии (слайд № 34)
Мотив деятельности	Действен	Исчерпан
Завершение деятельности	Нежелательно	Желательно
Личностный смысл сигнальных изображений зайца и крысы	Отрицательный	Положительный
Отношение сигнального значения и мотивационной тенденции	Конфликт	Согласованность
Перцептивный эффект	ПЗ	ПБ
Преимущественно воспринимаемое изображение	Утка, человек	Заяц, крыса

Результаты исследования представлены в таблице 4 (различия по подгруппам мы не приводим и не анализируем, так как они прямо связаны с асимметрией вариантов восприятия каждого из двух слайдов в контрольных условиях). Различия оценивались с помощью четырехклеточного ϕ -коэффициента по критерию X^2 .

Результаты эксперимента с психически здоровыми испытуемыми подтверждают нашу гипотезу. Если в контрольных условиях вероятность увидеть зайца или крысу равна в среднем 52,5%, то для начала серии она составляет 30%, а для конца — 75% (различие значимо при $p < 0,01$), то есть, как и ожидалось, предъявление критического изображения в начале серии вызывает эффект ПЗ, в конце — эффект ПБ.

Дополнительным подтверждением служат результаты эксперимента в группе психопатов, резко отличающиеся от результатов основной группы (различие в восприятии слайда № 4 значимо при $p < 0,005$; для слайда № 34 различие не значимо) и кажущиеся на первый взгляд парадоксальными. При восприятии слайда № 4 была зафиксирована реакция по типу ПБ по отношению к изображениям, сигнализирующим о завершении деятельности, восприятие же слайда № 34 практически не отличалось от результатов контрольной группы. Так как по данным современных исследований, отличительной особенностью истеровозбудимых психопатов является несформированность иерархии смысловых образований и общая лабильность эмоционально-смысловой сферы (*Кудрявцев, Сафуанов, 1984*), конфликт у них не приводит к блокировке восприятия сигнала, нарушающего деятельность (см. табл.3), поскольку механизмы смысловой регуляции восприятия остаются автономными по отношению к мотивации деятельности: целостная система внутренней регуляции деятельности так и не складывается. Подробнее обсуждение результатов, относящихся к истеровозбудимым психопатам, см. в работе: *Кудрявцев, Сафуанов, Васильева, 1985*.

Таким образом, в описанном эксперименте нам удалось зафиксировать эффект «самозащиты» деятельности от влияний, грозящих преждевременным и нежелательным ее завершением. Организация эксперимента позволила смоделировать формально-динамические характеристики деятельности, в максимальной степени абстрагируясь от ее конкретного содержания. Единственной независимой переменной, задававшей различия в экспериментальных условиях, была локализация предъявления критического слайда по отношению к началу деятельности. Предъявляя одни и те же изображения в начале деятельности испытуемых и ближе к ее концу, нам удалось зафиксировать два противоположных эффекта регуляции

Таблица 4

Восприятие двузначных изображений
в контрольных и экспериментальных условиях
(начало и конец деятельности)

Контрольная группа				Экспериментальная группа			
				психически здоровые		психопаты	
Воспринимаемое изображение	Рисунок "заяц/утка"	Рисунок "крыса/человек"	Всего	Слайд № 4	Слайд № 3 4	Слайд № 4	Слайд № 3 4
"заяц" или "крыса"	15	27	42	6	15	16	11
"утка" или "человек"	25	13	38	14	5	4	9

деятельности, проявившихся в феноменах зрительного восприятия (ПЗ и ПБ) по отношению к одной из версий восприятия двузначного изображения. Полученные результаты позволяют обосновать представление о системном характере внутренней смысловой регуляции конкретной деятельности. Понятие «системность» здесь отражает тот факт, что различные смысловые образования (структуры), участвующие в регуляции деятельности, делают это не независимо друг от друга. Конкретные регуляторные эффекты определяются целостной динамической смысловой системой регуляции деятельности. Системный характер регуляции деятельности непосредственно связан с системной организацией деятельности в целом. Полученные результаты вносят вклад в дальнейшее развитие представлений о человеческой деятельности — о сложной системе, обладающей внутренними источниками движения и стабилизирующими механизмами, чувствительной как к изменениям объекта, так и к требованиям субъекта, способной разворачивать и свертывать свою многоуровневую структуру, а также защищать себя в процессе своего протекания от внешних помех.

3.8. Смысл жизни КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ СМЫСЛОВАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

Проблема смысла жизни относится к числу междисциплинарных. Смысл жизни является одной из традиционных проблем философии и теологии, а также художественной литературы и эссеистики, в которых он анализируется преимущественно с содержательной стороны: в чем состоит смысл жизни, какой смысл жизни можно считать истинным, добрым, достойным. В современной социологии рассматриваются эмпирические вариации вербально формулируемых смыслов жизни у разных индивидов, в разных культурах и социальных группах, их связь с макросоциальными переменными. Вопрос, в чем состоит смысл жизни, не входит в компетенцию психологии. В сферу интересов психологии личности входит, однако, вопрос о том, какое влияние оказывает смысл жизни или переживание его отсутствия на жизнь человека, а также проблема психологических причин утраты и путей обретения смысла жизни. Смысл жизни — это психологическая реальность независимо от того, в чем конкретно человек видит этот смысл. В психологии смысл жизни изучается преимущественно под углом зрения того, как и под влиянием каких факторов происходит формирование смысла жизни в индивидуальном развитии, и как сформировавшийся смысл жизни или его отсутствие влияет на жизнедеятельность и сознание личности.

Г.Л.Тулчинский (1990) выделяет три аспекта проблемы смысла жизни: 1) смысл жизни как социально-идеологическая модель должного; 2) как объективная направленность жизнедеятельности, которая может и не осознаваться; 3) как субъективно осознаваемый смысл. Иные аспекты выделяются И.Ф.Вединым (1987): 1) объективные основания смысла; 2) реализация этих оснований; 3) представления о смысле. На уровне индивидуальной личности обе эти схемы сливаются в одну базовую оппозицию: объективная осмысленность жизни — субъективные представления о смысле. Этой оппозиции соответствуют две традиции в понимании процесса обретения смысла жизни. Они берут начало из работ, с одной стороны, К.Юнга (*Jung*, 1934/1972), сформулировавшего понимание смысла жизни как рефлексивной жизненной задачи, на которую человек должен найти ответ, но встает она не перед каждым, и, с другой стороны, А.Адлера (*Adler*, 1933/1973; 1932/1980), построившего первую развернутую психологическую теорию смысла жизни, исходящую из понимания смысла жизни как психологической структуры, характеризующей объективную направленность жизни,

которая складывается у каждого человека к 3—5 годам без участия сознания и задает общую направленность дальнейшей жизни человека, его жизненные цели и жизненный стиль (подробнее см. раздел 1.2.1). Эта оппозиция сохраняет свое значение и в современных исследованиях (Коган, 1984; Немировский, 1990).

В какой-то мере эта оппозиция была преодолена в теории В.Франкла (1990), в которой понятие смысла жизни занимает центральное место. Стремление к поиску и реализации человеком смысла жизни Франкл рассматривает как врожденную мотивационную тенденцию, присущую всем людям и являющуюся основным двигателем поведения и развития личности (об особой потребности в смысле жизни говорит также К.Обуховский, 1972). Отсутствие смысла выступает причиной многих психических заболеваний, в том числе специфических «ноогенных неврозов», и разных видов отклоняющегося поведения. Фундаментальным психологическим фактом является широкое распространение в нашем столетии чувства смыслоутраты, бессмысленности жизни, прямое следствие которого — рост самоубийств, наркомании, насилия и психических заболеваний, в том числе специфических ноогенных неврозов — неврозов смыслоутраты (Франкл, 1990).

Хотя смысл жизни каждого человека уникален, существуют и смысловые универсалии — ценности, представляющие собой обобщенные типичные смыслы. По Франклу, человек не может лишиться смысла жизни ни при каких обстоятельствах; смысл жизни всегда может быть найден. Как показывают исследования, возможностей обрести смысл много. Смысл доступен любому человеку, вне зависимости от пола, возраста, интеллекта, образования, характера, среды и религиозных убеждений, что подтверждается многочисленными эмпирическими данными, полученными В.Франклом и его последователями (Франкл, 1990). То, что придает жизни смысл, может лежать и в будущем (цели), и в настоящем (чувство полноты и насыщенности жизни), и в прошлом (удовлетворенность итогами прожитой жизни) (Леонтьев Д.А., 1992 б). Чаще всего смысл жизни и мужчины и женщины видят в семье и детях, а также в профессиональных делах (Ebersole, de Vogler, 1981; Lukas, 1982). Вместе с тем это вопрос не познания, а призвания, человек не изобретает или интеллектуально конструирует смысл своей жизни, а находит его посредством конкретных действий.

Последнее положение созвучно пафосу «Исповеди» Л.Н.Толстого о поисках и обретении им смысла жизни. После нескольких неудачных попыток найти этот смысл и затем строить свою жизнь в соответствии с ним Толстой понял ошибочность самого подхода. «Я понял, что для того, чтобы понять смысл жизни, надо прежде

всего, чтобы сама жизнь была не бессмысленна и зла, а потом уже — разум, для того, чтобы понять ее... Я понял, что если я хочу понять жизнь и смысл ее, мне надо жить не жизнью паразита, а настоящей жизнью и, приняв тот смысл, который придает ей настоящее человечество, слившись с этой жизнью, проверить его» (Толстой, 1983, с. 147, 149). Другой пример — драма Родиона Раскольникова, который построил образ себя, основанный на интеллектуально обоснованной идее превосходства. Однако этот образ не выдержал столкновения с реальной жизнью и привел не только к краху задуманного Раскольниковым предприятия, но и к смысловому краху.

Таким образом, можно утверждать, что жизнь любого человека, поскольку она к чему-то устремлена, объективно имеет смысл, который однако может не осознаваться человеком до самой смерти. **Смысл жизни**, таким образом, можно в **феноменологическом аспекте** определить как **более или менее адекватное переживание интенциональной направленности собственной жизни**. С психологической точки зрения главным является не осознанное представление о смысле жизни, а насыщенность реальной повседневной жизни реальным смыслом. Именно объективно сложившаяся направленность жизни несет в себе истинный смысл, а любые попытки сконструировать себе смысл жизни интеллектуальным актом будут быстро опровергнуты самой жизнью. Вместе с тем жизненные ситуации (или психологические исследования) могут ставить перед человеком задачу на осознание смысла своей жизни. Осознать и сформулировать смысл своей жизни — значит оценить свою жизнь целиком.

Возможны четыре варианта отношений между смыслом жизни и сознанием (Leontiev, 1993). 1. Неосознанная удовлетворенность. Это жизнь, протекающая гладко и без рефлексии и приносящая чувство удовлетворения, не побуждая к раздумьям о ее смысле. 2. Неосознанная неудовлетворенность. Человек испытывает фрустрацию, пустоту, неудовлетворенность, не осознавая причин этого. 3. Осознанная неудовлетворенность. Человек испытывает чувство отсутствия смысла и активно, осознанно и целенаправленно этот смысл ищет. 4. Осознанная удовлетворенность. Человек в состоянии дать себе отчет в смысле своей жизни, это осознанное представление не расходится с реальной направленностью жизни и вызывает положительные эмоции. Отдельно следует отметить пятый случай — вытеснение смысла жизни, когда адекватное осознание объективной направленности жизни несет в себе угрозу для самоуважения. Если жизнь человека объективно имеет недостойный, мелкий или, более того, аморальный смысл, то осознание этого ставит под угрозу самоотношение личности. Чтобы сохранить самоуважение,

субъект внутренне бессознательно отрекается от истинного смысла своей реальной жизни и заявляет, что его жизнь лишена смысла. На деле за этим стоит то, что его жизнь лишена достойного смысла, а не то, что она не имеет смысла вообще.

С этой типологией перекликается типология, предложенная Ю.В.Александровой (1997), в которой учитываются три варианта соотношения объективного смысла жизни, соответствующего высшей мотивации, и субъективного, принятого самим человеком. В первом варианте они соответствуют друг другу, во втором объективный смысл вытесняется из осознания, оставляя переживание вакуума, и в третьем он вытесняется из сознания, замещаясь в нем другим — субъективным смыслом, не совпадающим с объективным. В последнем случае мы имеем дело с тем, что В.Э.Чудновский характеризует как смыслы-эрзацы, которые «как будто дают возможность человеку легко и быстро достичь удовлетворения жизнью, минуя трудности поиска ее подлинного смысла» (1999, с. 75). К таким эрзацам относятся, в частности, алкоголизм и наркомания.

Понятие смысла жизни стоит несколько особняком по отношению к другим понятиям, рассмотренным в этой главе — личностному смыслу, смысловой установке, мотиву, смысловой диспозиции, смысловому конструкту, личностной ценности и динамической смысловой системе. По своему статусу это понятие не является объяснительным конструктом; оно описывает некоторую принципиально важную феноменологию, но в свою очередь нуждается в объяснении. Это следует и из положения В.Э.Чудновского о том, что психологическую основу смысла жизни составляет «структурная иерархия, система больших и малых смыслов» (там же, с. 80). Изложенные в данном разделе соображения дают основание предположить, что ***смысл жизни представляет собой концентрированную описательную характеристику наиболее стержневой и обобщенной динамической смысловой системы, ответственной за общую направленность жизни субъекта как целого.***

3.9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ГЛАВЕ 3

Глава 3 посвящена конкретно-психологическому анализу феноменов и закономерностей смысловой регуляции жизнедеятельности. Первые шесть разделов ее посвящены анализу шести разновидностей смысловых структур личности — личностного смысла, смысловой установки, мотива, смысловой диспозиции, смыслового

конструкта и личностной ценности — под углом зрения их функционирования в системе смысловой регуляции жизнедеятельности. За каждой из этих структур стоит содержательная феноменология, позволяющая говорить о смысле на языке конкретных, эмпирически наблюдаемых и доступных экспериментальному изучению проявлений. Личностный смысл в узком значении слова проявляет себя в феноменах трансформации пространственных, временных и других характеристик значимых объектов в их образе. Смысловая установка проявляет себя в эффектах стабилизирующего, преградного, отклоняющего или дезорганизирующего влияния на протекание деятельности. Мотив проявляет себя в феномене направленного побуждения деятельности, механизмы которого имеют, как было показано, смысловую природу. Смысловая диспозиция обнаруживает себя в феномене сохранения смыслового отношения к объекту после завершения деятельности как устойчивого отношения, порождающего новые смыслы. Смысловой конструкт проявляет себя в смыслообразующем эффекте, не объяснимом ни мотивами, ни диспозициями. Наконец, личностная ценность проявляет себя как стабильный источник смыслообразования и мотивообразования, берущий свои истоки в социокультурном целом, к которому принадлежит субъект. Описание этих структур и их взаимосвязей позволяет говорить о смысловой регуляции не как о частном, локальном феномене, а как об одном из главных компонентов психологической архитектуры человеческой жизнедеятельности.

В разделе 3.7. обосновывается представление о динамической смысловой системе как принципе организации и единице анализа смысловой реальности. Это понятие уже использовалось в психологии, однако предложенная нами трактовка отличается от других, во-первых, широтой контекста, в котором задается это понятие, и во-вторых, конкретностью его определения, допускающей прямую операционализацию этой идеи. Возможности операционализации идеи динамических смысловых систем были подробно проиллюстрированы на разном материале и в разных проблемных контекстах. В заключительном разделе главы мы обратились к такому важному понятию как смысл жизни. Выполненный нами анализ этого понятия дает основание рассматривать смысл жизни как концентрированную описательную характеристику наиболее стержневой и обобщенной динамической смысловой системы, ответственной за общую направленность жизни субъекта как целого.

ГЛАВА 4.

ДИНАМИКА И ТРАНСФОРМАЦИИ СМЫСЛОВЫХ СТРУКТУР И СИСТЕМ

Все хорошее или дурное,
Все добытое тяжкой ценой
Навсегда остается со мною,
Постепенно становится мною.

Д. Самойлов

4.1. ВНУТРИЛИЧНОСТНАЯ ДИНАМИКА СМЫСЛОВЫХ ПРОЦЕССОВ: СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ, СМЫСЛОСОЗНАНИЕ, СМЫСЛОСТРОИТЕЛЬСТВО

Перед нами теперь стоит задача перейти «от структурно-статичного исследования психологической организации личности к процессуально-динамическому» (*Анциферова*, 1978, с. 39), или от синхронического к диахроническому (*Петровский В.А.*, 1996). Понятие о смысловых процессах еще не вошло в язык и понятийный аппарат современной психологии личности, несмотря на то, что концепция личностного смысла — смысловых образований — смысловой сферы личности является на сегодняшний день одним из наиболее продуктивных направлений в психологии личности. В русле смыслового подхода в психологии личности анализ структуры смысловой сферы и актуального функционирования смысловых структур и систем преобладает над попытками рассмотреть их динамику, пути и закономерности трансформаций. Другими словами, структурно-функциональный подход действительно преобладает над динамическим. Конечно, в ряде исследований авторы обращаются и к смысловой динамике, но чаще всего эта последняя сводится к традиционному представлению о смыслообразовании — придании мотивом смысла целям и обстоятельствам деятельности и, соответственно, действиям и операциям (*Леонтьев А.Н.*, 1972). Единственной работой, в которой вопрос о динамике смыслов ставится в оригинальном ключе, является известная монография *Ф.Е.Василюка* (1984), но и в ней, вводя новаторское понятие смыслостроительства, автор не делает попытки вписать его в систему других родственных понятий, довольствуясь развитием своих те-

оретических построений. Недостаточное внимание к вопросам динамики смыслов особенно удивительно, если учесть общую тенденцию повышения интереса к динамике личности по сравнению с ее статичной структурой в последние десятилетия в контексте прежде всего таких практических задач как задачи психотерапии и психокоррекции, воспитания и перевоспитания и др.

Для решения этой задачи, исходящей из признания того, что «личность — не столько законченный продукт, сколько процесс» (*AUport*, 1956, с. 19), смысловой подход видится безусловно адекватным, поскольку изменчивость, динамичность заложены в саму природу смысловых структур и систем в отличие, скажем, от личностных черт или диспозиций. Исследователи, описывающие личность на языке последних, сталкиваются с трудностями как раз при попытке объяснить механизмы изменений в личности, для понимания которых язык черт явно неадекватен. Методологический анализ этих трудностей был дан Ю.Джендлином: «Если нам надо понять изменения личности, необходимо понять, как могут изменять свою природу ее структурные составляющие... Мы не можем объяснить изменение определенного содержания, если наша конкретная теория определяет личность исключительно как содержание. Такая теория может сформулировать, что именно должно измениться, и впоследствии она может констатировать, что же изменилось и во что оно превратилось; однако то, как именно стало возможным такое изменение, останется теоретически необъяснимым до тех пор, пока наше объяснение оперирует понятиями о тех или иных определенных содержаниях» (*Gendlin*, 1964, с. 104). Согласно Ю.Джендлину, избежать этого может лишь теория, закладывающая возможность изменения в свои объяснительные структуры (*там же*).

Этому требованию удовлетворяет смысловой подход, в частности, сформулированное нами выше понимание смысловых структур как превращенной формы жизненных отношений субъекта. Сама эта форма определяется структурой человеческой деятельности и сознания, в функционирование которых реальные жизненные отношения вторгаются, принимая форму смысловых структур. Любой структурный элемент личности тем самым оказывается включен одновременно по меньшей мере в два определяющих его движения: со стороны формы — в непрерывное движение структур деятельности и сознания субъекта, в его практику, в которой место и функция любого элемента отнюдь не является неизменным, и со стороны содержания — в более медленное, но вместе с тем и более гибкое движение системы отношений субъекта с миром, более или менее резкие изменения которых в течение жизни субъекта отражаются в более или менее адекватных изменениях системы смыслов. Динамичность

личностных структур прямо вытекает из их функции — сложной регуляции жизнедеятельности субъекта на фоне постоянно изменяющихся условий и ситуаций. Поэтому не будет преувеличением сказать, что непрерывное изменение, развитие личности — в тех или иных частностях или затрагивающее ее целиком, плавное или скачкообразное — является способом ее существования (см. *Анциферова*, 1978).

В литературе предлагается различать «большую» и «малую» динамику смысловых образований. «Под "большой динамикой" развития смысловых образований понимаются процессы рождения и изменения смысловых образований личности в ходе жизни человека, в ходе смены различных видов деятельности» (*Асмолов, Братусь и др.*, 1979, с. 38). «Под "малой" динамикой развития смысловых образований понимаются процессы порождения и трансформации смысловых образований в ходе движения той или иной особенной деятельности» (*там же*, с. 39). Данный раздел мы посвящаем исключительно механизмам «малой» динамики, несколько расширив при этом ее понимание. Ставя задачу целостного и систематического рассмотрения видов и форм динамики смысловых процессов, мы различаем по меньшей мере три их класса: процессы смыслообразования, смыслоосознания и смыслостроительства.

Первой разновидностью процессов «малой» динамики смысловых образований являются процессы *смыслообразования*, достаточно хорошо изученные на сегодняшний день. Мы, однако, несколько расширяем традиционное понятие смыслообразования (*Леонтьев А. Н.*, 1972; 1977). А.Н.Леонтьев рассматривал его как процесс, протекающий в системе «мотив—цель» или «мотив—условия». Б.А.Сосновский (1993, с. 50, 185) отметил, что смыслообразование не является прерогативой лишь мотива, его осуществляет субъект посредством иерархизированной структуры направленности человека, в которой мотив является лишь одним из элементов. О.К.Тихомиров, введя понятие операционального смысла, распространил идею смыслообразования «вниз», на систему «цель—условия» (*Тихомиров*, 1969; 1984; *Тихомиров, Терехов*, 1969). Операциональный смысл элемента проблемной ситуации представляет собой своеобразное отражение возможностей преобразования ситуации. Хотя операциональный смысл как таковой никак не характеризует личность, он продолжает цепочку смыслообразующих связей «вниз», характеризуя отношение элемента проблемной ситуации (средства или условия) к стоящей перед субъектом в данной ситуации цели. В.Е.Ключко (1978) рассматривает операциональный смысл в качестве аналога личностного смысла на уровне «операции—условия». Б.С.Братусь (1981), в свою очередь, распространил идею смысло-

образования «вверх», на иерархические отношения между мотивами разной степени общности.

Остается сделать лишь один шаг, чтобы понять смыслообразование как глобальный процесс подключения новых объектов (явлений) к существующей цепи или системе смысловых связей, в результате чего эти объекты (явления) приобретают новый смысл, а смысловая система распространяется на новые объекты (явления); в результате эти новые объекты (явления) встраиваются в систему жизненных отношений субъекта или в новую их подсистему и приобретают новые регулирующие функции (см. раздел 2.2.). Эти процессы могут иметь разный масштаб значимости — от возникновения нового операционального смысла шахматной фигуры в свете нового замысла, открывающего путь к победе в партии, до классовой ненависти к близким людям, внезапно оказавшимся «врагами» в свете «единственно правильного» учения — но суть их принципиально одна. Смыслообразование можно определить на языке психологических механизмов как *процесс распространения смысла от ведущих, смыслообразующих, «ядерных» смысловых структур к частным, периферическим, производным в конкретной ситуации развертывающейся деятельности*. Это и опредмечивание актуальных потребностей, в результате которого предмет становится мотивом деятельности, приобретая соответствующий смысл (см. раздел 3.3.); это и процессы ситуативного развития мотивации, в которых формируется система смысловой регуляции деятельности, обеспечивающая реализацию ее мотива (см. раздел 3.7.); это и окрашивание в сознании личностным смыслом различных фрагментов образа мира, которые выступают как цели либо условия осуществления деятельности (см. раздел 3.1.). Смыслообразование же в традиционном его понимании (от мотива к цели и условиям деятельности) предстает лишь как частный случай, локальное звено смыслообразования в широком смысле слова. Более того, даже в этом локальном звене обнаруживаются варианты: источником ситуативных смыслов в текущей деятельности могут выступать не только мотивы, но и другие смысловые структуры — смысловые диспозиции и смысловые конструкторы; соответственно, достаточно четко различаются три механизма смыслообразования на одном этом уровне: мотивационный, диспозиционный и атрибутивный.

В отличие от других видов динамики смысловых процессов, смыслообразование характеризуется тем, что здесь не происходит содержательная трансформация смыслов. Оставаясь принципиально инвариантным, исходное смысловое содержание находит для себя новые превращенные формы и, перетекая в них и подчиняясь их «формообразующим закономерностям», меняет лишь форму своего

проявления в деятельности субъекта. Так, например, смысл денег в известных опытах Дж.Брунера и К.Гудмена (*Брунер, 1977*) из формы общей смысловой диспозиции переходит в форму личностного смысла, трансформирующего воспринимаемые размеры конкретных монет. В ситуации целеполагания цель принимает на себя «смысловой заряд» мотива — целиком или частично, в зависимости от их содержательного соотношения — и приобретает благодаря этому побудительную силу и т.п. При смыслообразовании, таким образом, происходит лишь расширение сети смысловых связей за счет подключения к ней новых и новых элементов. Если со стороны смыслового содержания деятельности смыслообразование выступает как фиксация инвариантного смысла в новых превращенных формах, то со стороны предметного содержания тот же процесс выступает как осмысление новых конкретных объектов, явлений и действий в контексте исходных более общих смыслов.

Остановимся на общей характеристике процессов смыслообразования.

Во-первых, необходимо отметить общую направленность любых процессов смыслообразования, а именно «сверху вниз», то есть от полюса субъекта деятельности к полюсу ее объекта. Именно этот путь наполнения деятельности осмысленностью как одной из ее фундаментальных характеристик отмечают В.П.Зинченко и В.М.Мунипов (1976, с. 53).

Во-вторых, процессы смыслообразования подчинены определенной логике. В.К.Вилюнас отмечал, что именно «познавательный "слой", отражающий объективную действительность, служит по отношению к эмоционально-смысловым процессам субъективного "слоя" своего рода потенциальной схемой, подобно тому, как канавки, проложенные садоводом, создают потенциальную схему распространения воды возможного дождя» (1976, с. 134). Эта образная характеристика является во многом верной, но, на наш взгляд, неполной, поскольку направление процессов смыслообразования определяется не только рациональным познавательным отражением объективных взаимосвязей объектов и явлений действительности, но и иррациональным отражением иных их взаимосвязей в доминирующей на уровне неосознаваемого психического отражения «иной логике», которой со времен работы З.Фрейда о толковании сновидений (1913) все чаще уделяют внимание в самой разной связи (см., например, *Леклер, 1978; Асмолов, 1996 а; Дмитриев, 1985* и др.). По сути, сама эта «иная логика», носящая метафорический характер, объективированная в мифах и проявляющаяся в сновидениях, и есть логика смыслов, то есть отражения не мира как такового, а мира в его единстве с субъектом (ср. *Асмолов, 1996 а, с. 378*).

В таком утверждении содержится опасность тавтологии: действительно, основой для смысловой динамики становится некая логика, основой которой, в свою очередь, выступает смысловая динамика. Разделение генетического и функционального аспектов рассмотрения позволит нам эту тавтологию преодолеть, предположив, что носителями «иной логики» выступают особые глубинные структуры психики, наиболее адекватным обозначением которых служит, на наш взгляд, термин «схематизмы» (*Василюк*, 1984, с. 157—161). Различного рода схематизмы, типа «интроектов» З.Фрейда, «комплексов» К.Г.Юнга, «сценариев» Э.Берна и т.п., формируются в раннем онтогенезе (мы намеренно не касаемся здесь дискуссионных вопросов пренатального развития и «архетипов коллективного бессознательного») наряду с познавательными структурами сознания. В отличие от последних они, однако, конденсируют в себе опыт не познания мира, а отношений с миром, то есть смысловой опыт. В функциональном же плане схематизмы влияют на актуальную смысловую динамику, подчиняя ее своим «формообразующим закономерностям» (см. *Василюк*, 1964, с. 160), направляя течение процессов смыслообразования в сторону от путей, диктуемых «познавательным слоем» сознания (В.К.Вилюнас). Схематизм как таковой, если он не связан с аффективно заряженной смысловой диспозицией, не порождает новых смыслов; но он как бы «искривляет пространство», в котором протекают смысловые процессы, преобразовывая в соответствии со своими «формообразующими закономерностями» логику психического отражения в «иную логику», которая и становится потенциальной схемой, определяющей развитие смысловых связей, то есть направление процессов смыслообразования.

Смыслообразование, однако, не сводится к описанному «растечению смысла по канавкам». Его результатом нередко становится то, что смысловая структура, приобретая устойчивость, «перерастает» свое исходное место в деятельности и начинает выступать уже в ином качестве. Примером является хорошо известный феномен «сдвига мотива на цель» (*Леонтьев А.Н.*, 1972), предпосылкой которого является приобретение целью смыслового содержания, достаточного для того, чтобы она могла самостоятельно инициировать Деятельность, становясь тем самым мотивом. Таким образом, здесь мы имеем дело с трансформацией и самих смысловых структур — их ростом, развитием и переходом в новое качество, питаемым процессами смыслообразования.

Вторая разновидность динамики смысловых процессов порождается направленной на них работой осознания. Рядом авторов в свое время подчеркивалось, что личностные смыслы и смысловые обра-

зования не изменяются от факта их осознания (*Асмолов, Братусь и др.*, 1979; *Асмолов*, 1990). Необходимо, однако, различать два принципиально различных, на наш взгляд, процесса: осознание смысловых структур и осознание смысловых связей.

В первом случае речь идет о работе интроспекции (самоанализа), результатом которого является констатация субъектом присутствия в структуре регуляции жизнедеятельности определенных смысловых структур — мотивов, диспозиций и др. — оказывающих на его жизнь более или менее существенное влияние. Такое осознание может выступать результатом не только самоанализа, но и применения специальных приемов психологического воздействия (например, психоанализа или некоторых других психотерапевтических техник), а также спонтанно, в соответствии с механизмами, описываемыми «теорией самовосприятия» Д.Бема (см. *Хекхаузен*, 1986 б, с. 67—69). В подобных случаях, действительно, сам факт осознания не трансформирует соответствующие структуры ни в содержательном отношении, ни в отношении их действенности. Позитивный терапевтический эффект обеспечивается за счет того, что осознание наличия соответствующих внутренних регуляторов открывает перед субъектом потенциальные возможности для сознательной перестройки своих отношений с миром. Дальнейшее осуществление такой перестройки и трансформация соответствующих смысловых структур (или неспособность ее осуществления) прямо не вытекает из факта осознания смысловых структур, которое, повторяем, само по себе не приводит к их изменению.

Совсем иначе предстает процесс осознания смысловых связей. Это направленная не столько на себя, сколько на мир рефлексивная работа сознания, заключающаяся в решении особой задачи. «Сознание строится, формируется, — писал А.Н.Леонтьев, — в результате решения 2-х задач: 1. Задачи познания реальности (что сие есть?); 2. Задачи на смысл, на открытие смысла (что сие есть для меня?). Последняя задача, то есть "задача на смысл", — есть труднейшая задача. В своем общем виде это — "задача на жизнь"» (*Леонтьев А.Н.*, 1991 б, с. 184). Задача на смысл характеризуется А.Н.Леонтьевым (1977) как задача осознания тех мотивов, которые сообщают смысл тем или иным объектам, явлениям и действиям. Такое понимание, однако, тоже нуждается в расширении, поскольку, в соответствии с изложенным выше представлением о смыслообразовании, мы вправе задаться вопросом о смысле мотива в контексте потребностей и ценностей, о смысле потребности в контексте всей жизни человека и даже о смысле жизни — в контексте жизнедеятельности человечества в целом (см. также *Братусь*, 1985). В наиболее общем виде задача на смысл есть *задача определения*

щества объекта или явления в жизнедеятельности субъекта. Она может ставиться по отношению к собственному действию (ради чего я это сделал или делаю или собираюсь делать; какие мотивы за ним стоят, какие потребности или ценности находят реализацию в этом действии и к каким следствиям оно приведет), а также по отношению к объектам, явлениям или событиям действительности (какое место они занимают в моей жизни, в моем жизненном мире, для каких аспектов моей жизни они небезразличны, как могут повлиять на нее, какие иметь последствия).

О ставшей задаче человеку сигнализируют «безотчетные, то есть субъективно беспричинные» эмоции, порождая вопрос: «Что произошло, что дало эмоциональный след, эмоциональный тон жизни (настроение)?» (Леонтьев А.Н., 1991 б, с. 185). С.Л.Рубинштейн говорит о неосознанных или неадекватно осознанных чувствах там, где причина переживания остается скрытой от субъекта (Рубинштейн, 1959, с. 159—160). Но, строго говоря, неосознанным в этой ситуации является именно смысл, о котором сигнализирует данное презентированное в сознании эмоциональное переживание, то есть место объекта, явления или действия, к которому оно отнесено, в жизнедеятельности субъекта. «Осознавать явления и события значит мысленно включать их в связи объективного мира, видеть, воспринимать их в этой связи» (там же, с. 158). В свою очередь, осознавать смысл явлений и событий — значит, включать их в систему смысловых связей жизненного мира субъекта, видеть их уникальное, исключительное и вместе с тем объективное место в собственной жизнедеятельности.

Решение задачи на смысл, то есть более полное, по сравнению с исходной ситуацией, осознание смысловых связей определенного объекта, явления или действия с жизнедеятельностью субъекта в целом (и, далее, с жизнедеятельностью социума и человечества) приводит к изменениям, которые по отношению к исходному смыслу выступают как его вербализация, а по отношению к предметному содержанию — как расширение контекста его осмысления. Вербализация смысла, то есть его воплощение в значениях, переводит его на новый уровень функционирования. Во-первых, он получает некоторое причинное объяснение (Виллюнас, 1976, с. 93). Во-вторых, он становится ограничен определенными рамками, сужается его объем (Тихомиров, 1969, с. 198). В-третьих, приобретая семантическую определенность, «семантизируясь», смыслы теряют Пластичность, свободу взаимодействия между собой: «то, что зафиксировано в развернутой речи, приобретает стабильность, утрачивает смутные, зыбкие очертания субъективного переживания, становится надындивидуальным социальным фактором, орудием

общения, "именем" объекта и потому феноменом, ясно осознаваемым. Но за все эти привилегии надо платить. А плата заключается в ущербе, который этими преимуществами наносится способности к легкому установлению новых связей оречевленного смысла с другими смыслами. Сколько приобретается в результате вербализации смысла в его логической завершенности, столько утрачивается, по-видимому, в его потенциях к дальнейшему развитию» (*Бассин*, 1978, с. 741). Это изменение отражает переход законов взаимодействия смыслов от вневременной и нечувствительной к противоречиям (*Асмолов*, 1996) логики бессознательного к подчинению их более жесткой логике сознания.

Расширение контекста осмысления объектов, явлений и действий характеризует процесс осознания смысловых связей с несколько иной стороны. Каждый знает по своему опыту, что непосредственная оценка жизненного смысла объектов, явлений и действий может впоследствии, по размышлении, оказаться поверхностной и неадекватной. Оценив какое-либо событие как благоприятное с точки зрения сиюминутных нужд, я могу впоследствии осознать его негативный смысл в контексте стратегических жизненных целей и ценностей, в более далекой временной перспективе. Возможно и обратное — примеры можно позаимствовать из логотерапевтической практики В.Франкла (1990). Франкл характеризовал совесть как орган смысла, позволяющий в любой ситуации уловить истинный смысл (*Frankl*, 1975). Поэтому можно сказать, что задача на смысл (применительно к поступкам) — это задача на совесть, а отказ от осмысления, от решения задачи на смысл — это отказ от совести. Ведь ссылка на давление обстоятельств или на подчинение приказу как обоснование неблагоприятного поступка есть не что иное как уход от задачи на смысл — в противном случае сохранение самоуважения и душевного равновесия было бы вряд ли возможно. Во всех случаях для осознания истинного смысла через расширение контекста осмысления требуется определенная интеллектуальная работа, которая не под силу человеку, живущему исключительно сиюминутными нуждами и интересами, и не задумывающемуся над стратегической жизненной перспективой. Ярким примером этого служат больные хроническим алкоголизмом (см. *Леонтьев*, *Бузин*, 1992) и несовершеннолетние правонарушители (*Васильева*, 1995; 1997).

Расширение контекста осмысления факта действительности может осуществляться не только с помощью осознания всей протяженности смысловых связей от частного к целому, но и с помощью подключения новых смысловых контекстов. Событие, оцениваемое как неблагоприятное, можно переосмыслить, найдя для него ДРУ"

гой смысловой контекст, в котором оно будет выступать как благоприятное. Например, ненастная погода перечеркнула план загородной поездки — плохо, но тем самым освободилось время доделать накопившиеся дела, стряхнуть их с себя — хорошо. По сути, здесь речь идет об известном механизме рационализации, с одним лишь уточнением, что рационализация в ее классическом понимании (см. *Соколова, 1980*) направлена всегда на оправдание свершенного действия или принятого решения либо на дискредитацию помех, пусть даже с помощью довольно искусственного притягивания подходящих контекстов. Расширение же контекста осмысления как механизм осознания смысла, о котором мы здесь говорим, направлен, напротив, на максимально полное осознание всех возможных контекстов, хотя влияние защитных механизмов, препятствующих осознанию тех или иных связей, игнорировать при этом нельзя.

Подводя черту под рассмотрением осознания смысловых связей как механизма трансформации смыслов, лишний раз подчеркнем, что даже максимально возможная полнота контекста осмысления не гарантирует его адекватность и безошибочность. Адекватность осмысления субъектом тех или иных сторон действительности проверяется только его практической деятельностью, практикой. Вместе с тем осознание смысловых регуляторов деятельности обеспечивает более высокий уровень овладения субъектом своей собственной деятельностью, контроля над ее протеканием. «Осознание, осмысление биографического, жизненного опыта личности может служить условием ее саморазвития, той базой, опираясь на которую человек ищет и раскрывает смыслы своей жизни» (*Каракозов, 1997, с. 258*). Тем самым, деятельность зрелой личности приобретает перспективную стратегическую направленность, свободу от влияния соблазнов ситуации и сиюминутных импульсивных побуждений.

Итак, смыслообразование по определению порождается самим движением предметности; осознание смыслов осуществляется благодаря направленной рефлексии субъектом своих отношений с миром. И смыслообразование и осознание смыслов суть процессы развития смысловой структуры личности, однако они могут обеспечивать это развитие лишь до тех пор, пока противоречия, возникающие в объективной системе отношений субъекта с миром, не потребуют осуществления более или менее радикальной смысловой перестройки личности. Смыслообразование и смыслоосознание, создавая, как правило, предпосылки для подобной перестройки, не в состоянии ее реализовать, поскольку речь идет о необходимости преобразования не структур деятельности или психического отражения, а глубинных личностных структур. Подобные перестройки

реализуются особого рода процессами, носящими принципиально неосознаваемый характер — процессами смыслостроительства (Василюк, 1984). Этот третий и последний рассматриваемый нами вид процессов смысловой динамики качественно отличен от обоих описанных выше. Процессы смыслостроительства опосредованы «особым движением сознания», его «особой внутренней деятельностью» по соизмерению, соподчинению и упорядочиванию отношений субъекта с миром, в том числе путем творческой перестройки прежних связей (Леонтьев А.Н., 1968, с. 33; Столин, 1983 а, с. 223; Василюк, 1984, с. 120). С внешней стороны подобные перестройки неоднократно описывались разными авторами (Леонтьев А.И., 1968; 1977; Родионова, 1981; Зейсарник, Братусь, 1980 и многие другие), однако лишь в работе Ф.Е.Василюка (1984) дана развернутая концептуализация психологических механизмов такой перестройки.

Можно выделить три класса ситуаций, в которых мы отчетливо наблюдаем процессы смыслостроительства.

Критические перестройки. Первый из них — это критические ситуации жизни субъекта, характеризующиеся невозможностью реализации им внутренних потребностей своей жизни (Василюк, 1984). Критические ситуации — стресс, фрустрация, конфликт и кризис — выражаются в нарушении смыслового соответствия сознания и бытия субъекта. Восстановить это соответствие невозможно ни путем предметно-практической деятельности, ни путем познавательной деятельности, осознания. «Подлинная проблема, стоящая перед ним, ее критический пункт состоят не в осознании смысла ситуации, не в выявлении скрытого, но имеющегося смысла, а в его создании, в смыслопорождении, смыслостроительстве» (Василюк, 1984, с. 24). Смыслостроительство осуществляется в особого рода внутренней деятельности — деятельности переживания, которая представляет собой внутреннюю работу, направленную на устранение смыслового рассогласования сознания и бытия, восстановление их соответствия, и обеспечивающую в конечном счете повышение осмысленности жизни (*там же*, с. 30).

Реально осуществляемая в подобных ситуациях деятельность переживания может приводить к различным эффектам в зависимости от психологических механизмов, на которых строится эта деятельность. Две принципиально различных стратегии описывает Э.И.Киришаум (1986; Киришаум, Еремеева, 1999), оперирующий понятием «эксquisite ситуации». Это понятие содержательно близко понятию критической ситуации (Василюк, 1984), однако обобщает более широкий круг ситуаций (от проблемных до пограничных), по отношению к которым оно выступает как родовое. «Эксquisite ситуации являются тем "перерывом постепенное-

ти" в регуляции личности, в котором находит свое отражение незрелое противоречие и который представляет возможность перестройки ранее сложившихся структур деятельности, общения, личностных свойств и выход на иное, более совершенное качество саморегуляции и взаимодействия с миром» (Кирибаум, 1986, с. 6). Подобная перестройка, соответствующая модели «удачного» переживания по Ф.Е.Василюку (1984, с. 56—58), является, однако, лишь одной из возможных альтернатив разрешения экзквизитной ситуации. Вторая альтернатива заключается в восприятии конфликта как угрозы внутреннему благополучию и целостности; саморегуляция направляется всецело на снижение уровня эмоциональной напряженности и осуществляется на уровне психологической защиты (Кирибаум, 1986; Кирибаум, Еремеева, 1999). Переживание в этом случае выступает как «неудачное» (Василюк, 1984, с. 56—58).

Чтобы соотнести эти две стратегии с целью деятельности переживания — восстановлением нарушенного смыслового соответствия между сознанием и бытием — необходимо прежде всего дифференцировать в этом контексте понятие бытия, различая реальные жизненные отношения субъекта и их превращенную форму — глубинные смысловые структуры личности. Смысловое расогласование, о котором пишет Ф.Е.Василюк, точнее было бы охарактеризовать как расогласование этих двух компонентов бытия, отражающееся в сознании. Перестройка реальных жизненных отношений с целью восстановления их соответствия утратившим адекватность субъективным представлениям о них — нереальная затея, поскольку жизнь не подвластна преобразующим усилиям одного человека, пусть даже располагающего большими возможностями. Реальное разрешение критической (или экзквизитной) ситуации возможно путем трансформации смысловых структур личности в соответствии с трансформировавшимися жизненными отношениями.

Этот конструктивный путь соответствует первой из двух описанных Э.И.Кирибаумом альтернатив. Второй альтернативе соответствует ситуация защитной перестройки структур сознания. Критическая ситуация бытия при этом устраняется из сознания. Психологической основой выбора субъектом защитной стратегии переживания критической ситуации, то есть фактического ухода от ее конструктивного разрешения, является потребность подтверждения «идеализированного Я», сохранения иллюзорной целостности личностной структуры (Хорни, 1997), в то время как предпосылкой конструктивной смысловой перестройки личности является положительная Дезинтеграция сложившейся структуры (Яценко, 1987). Очевидно, что использование защитной стратегии не снимает критическую

ситуацию. Она не исчезает из жизни субъекта и в ряде случаев продолжает обостряться. Фактически психологическая защита — это отказ от необходимого в данной жизненной ситуации смыслостроительства, перенос решения конфликта из плоскости реальной жизни субъекта в плоскость его сознания. Вариант защитной стратегии представляет собой поведение, описываемое как «враждебность» в терминах теории личностных конструктов Дж.Келли. Вместо того, чтобы перестроить свои конструкты, так как основанные на них прогнозы были опровергнуты реальным ходом событий, человек пытается переинтерпретировать, переоценить или даже физически воздействовать на события, чтобы заставить их соответствовать его прогнозам: «Если люди не хотят своим поведением подтверждать его прогнозы, он заставит их!» (*Kelly, 1955, p. 511*).

Даже такие критические ситуации как потеря близкого человека могут разрешаться на основе психологической защиты по типу отражения, о чем свидетельствуют данные клинической психологии (см. *Васильюк, 1984, с. 73*).

Личностные вклады. Как уже упоминалось, критическая ситуация жизни субъекта не является единственной ситуацией, в условиях которой происходит смыслостроительство, перестройка сложившихся смысловых структур личности. Вторым классом ситуаций, в которых мы наблюдаем подобную психологическую перестройку, являются ситуации контакта и взаимодействия с иным смысловым миром — с другой личностью. В этом случае «толчком к внутренней "работе" личности по переосмыслению себя, своей позиции в мире, своего жизненного опыта и т.п., является "встреча" с иной точкой зрения на одни и те же обстоятельства, события, факты и т.п., причем точкой зрения равноценной» (*Родионова, 1981, с. 190*).

Естественно, что далеко не во всех актах общения взаимодействие его участников носит характер диалога в высшем смысле этого слова и приводит к обоюдным смысловым перестройкам. Ведь, как и переживание критических ситуаций, смыслостроительство в ситуации диалога включает в себя в качестве необходимого этапа более или менее масштабное разрушение сложившихся смысловых структур, на обломках которых строятся новые смыслы (см. *Тульчинский, 1986, с. 118*). Свойственная в той или иной мере всем людям инерционная тенденция к поддержанию целостности своей личности, к сохранению сложившейся смысловой структуры выступает в роли мощного предохранительного механизма, оценивающего открытость личности глубинному диалогу, затрагивающему основы осмысления ею действительности. В большинстве случаев поэтому реальное общение носит монологический характер. В монологе лич-

ность закрыта для взаимодействия на уровне смыслов; «образ собеседника ...является проекцией личностной позиции говорящего, перенесением на "него" того, что фактически значимо лишь "для меня"» (Родионова, 1981, с. 191).

Открытость глубинному диалогу с конкретным другим, допускающая возможность изменения меня в ходе этого диалога, обусловлена значимостью этого другого для меня, а само наличие реальных изменений может служить критерием этой значимости. Эмпирические исследования показывают ограниченность круга значимых других, способных оказать на личность воздействие, выходящее за пределы актуального взаимодействия и выражающееся в перестройке ее смысловых структур. Согласно данным Е.А.Хорошиловой (1984), основанным на косвенных оценках испытуемых, число значимых других, способных оказать реальное влияние на формирование личности любого конкретного человека на протяжении его жизненного пути, ограничено универсальной константой, равной 18.

Путь к психологическому анализу конкретных механизмов описанного взаимодействия открывает, на наш взгляд, концепция отраженной субъектности (Петровский В.А., 1985; 1996), являющаяся дальнейшим развитием идеи «личностных вкладов». Отраженная субъектность определяется «как бытие кого-либо в другом и для другого. Смысл выражения "человек отражен во мне как субъект" означает, что я более или менее отчетливо переживаю его присутствие в значимой для меня ситуации... отражаясь во мне, он выступает как активное деятельностное начало, изменяющее мой взгляд на вещи, формирующее новые побуждения, ставящее передо мной новые цели; основания и последствия его активности не оставляют меня равнодушным, значимы для меня, или, иначе говоря, имеют для меня тот или иной личностный смысл» (Петровский В.А., 1985, с. 18).

В.А.Петровский выделяет и описывает три основные генетические преемственные формы проявления отраженной субъектности. Первая форма — запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний — психологически выступает в форме переживания индивидом того влияния, которое непроизвольно оказывает на него данный индивид. Вторая форма — представленность субъекта как идеального значимого другого — проявляется в переживании присутствия «внутри» себя второй, альтернативной смысловой перспективы, принадлежащей Другому во мне. При осмыслении жизненных ситуаций во мне обнаруживаются два смысловых фокуса, находящихся в отношении диалога друг с другом. Подобное присутствие Другого во мне в виде альтернативной перспективы осмыс-

ления действительности не зависит от фактического его присутствия в ситуации (*там же*, с. 18—20).

Третьей, завершающей формой отраженной субъектности выступает претворенный субъект. Здесь происходит уже полное слияние и взаимопроникновение смысловой перспективы Я и Другого (и, соответственно, перестройка смысловой структуры Я). Присутствие Другого во мне уже невозможно обнаружить рефлексивным путем; это присутствие нашло свое завершенное выражение в изменении моей личности (*там же*, с. 21).

Завершая рассмотрение динамики отраженной субъектности, приведем слова В.А.Петровского, отчетливо выражающие сущностную связь механизмов этой динамики с процессами смыслостроительства, в контексте которых мы ее рассматриваем: «Понятие отраженной субъектности выражает особое внутреннее движение сознания и деятельности человека, осуществляющего отражение... Перед нами именно смысловая форма репрезентации одного человека другому, выступающая как движение преобразования жизненных отношений к миру последнего» (*там же*).

Художественное переживание. Перейдем теперь к анализу третьего класса ситуаций смыслостроительства — ситуаций воздействия искусства на личность.

Необходимо сразу оговориться, что воздействие, о котором пойдет речь, не вытекает автоматически из любого контакта человека с художественным произведением. Мы ограничим наш анализ идеальной моделью полноценного восприятия личностью произведения, не рассматривая специально условий, при которых такое восприятие имеет место в действительности.

Можно выделить три теоретических обоснования рассмотрения нами процессов художественного восприятия в контексте динамики смысловых процессов. Во-первых, многими теоретиками подчеркивается необходимость для полноценного художественного восприятия определенной внутренней работы сознания, которая нередко характеризуется как сотворчество читателя или зрителя (*Выготский*, 1991; *Асмус*, 1961; *Леонтьев А.Н.*, 1983 б). Эта внутренняя работа несводима к познавательному или эмоциональному отражению; она заключается именно во внутренних трансформациях, «переплавке чувств» (*Выготский*, 1968) и обычно обозначается термином «художественное переживание» (см., например, *Целма*, 1974; *Шор*, 1978; 1981). Во-вторых, не что иное как личностные смыслы рассматриваются многими авторами как специфическое содержание художественного произведения, а их трансляция — как основная психологическая функция последнего (см. *Леонтьев Д.А.*, 1998 а). Наконец, в-третьих, сама художественная деятельность

часто описывается как форма общения автора (исполнителя) со зрителями (читателями, слушателями), опосредованная художественным произведением (*Леонтьев А.А.*, 1997 и многие другие). Последний момент сближает психологическую ситуацию художественного восприятия с рассмотренной выше психологической ситуацией диалога.

Действительно, если в общении с конкретным телесным Другим я сталкиваюсь с иным смысловым видением мира, иной смысловой перспективой, выражающейся в словах и поступках этого человека, то «общаясь» с художественным произведением, я также сталкиваюсь с выраженным в нем смысловым видением мира, присущим его автору. Это «представление о мире в свете отношения к нему человека» (*Целма*, 1974, с. 10), «мир, пропущенный через другую личность» (*Тендряков*, 1980, с. 437). «Художник вливает в чувственную, говорящую нашему восприятию художественную форму мир своих неповторимо-пережитых смыслов, свое переживание времени» (*Печко*, 1968, с. 15).

Взаимодействие с этим объективированным в произведении миром автора и представляет собой художественное переживание. «Художественный материал обладает способностью "оживать" в личностном сознании, становится частью реального функционирования этого сознания» (*Шор*, 1980, с. 35). Внесение (или невнесение) в сознание реципиента нового смыслового содержания и позволяет, собственно говоря, ответить на главный вопрос: состоялось или не состоялось реальное восприятие художественного произведения (*там же*, с. 34). Но поскольку два смысла необходимо «должны внутренне соприкоснуться, то есть вступить в смысловую связь» (*Бахтин*, 1979, с. 219), следующей стадией процесса художественного переживания будет являться соотнесение личного смыслового опыта реципиента со смысловым опытом художника, воплощенном в произведении (*Шор*, 1978). А.Ф.Лазурскому удалось экспериментально зафиксировать процесс разложения текста сразу после его прочтения и комбинирования его элементов с элементами личного опыта реципиента (см. *Выготский*, 1968, с. 108).

В том случае, если взаимодействие смыслового содержания произведения с личным опытом реципиента приводит к реальным трансформациям последнего (*Целма*, 1974), художественное переживание завершается эффектом катарсиса. Преобразование, «очищение» эмоций, в форме которого эффект катарсиса переживается субъектом, является отражением процесса глубинной смысловой перестройки, диалектического разрешения на новом уровне внутреннего противоречия в смысловой сфере личности.

Смыслостроительство, происходящее в личности под воздействием контакта с искусством, не всегда протекает в направлении ее развития. Секрет специфической действенности искусства — в художественной форме, которая вводит мир произведения в «непосредственное и непринужденное» (Натев, 1966) соприкосновение с внутренним миром личности. Однако в эстетически действенную форму может облекаться не только глубокое и возвышенное, но и примитивное, пассивное или циничное мироотношение. «Почему мы возмущаемся бульварным, порнографическим искусством? Если бы его предназначение ограничивалось "развлечением" индивида, отдыхом... то не стоило бы так ополчаться против лжеискусства. Но, пользуясь средствами искусства, оно не просто... развлекает, оно оказывает влияние и на мироотношение человека. Разумеется, лишь тогда, когда оно его затронуло» (Натев, 1966, с. 207). В этом случае смысловые перестройки ведут в конечном итоге не к развитию личности, а к ее деградации.

Как и в критических ситуациях и в ситуациях диалога, условием возможности смысловых перестроек под воздействием искусства является готовность субъекта к таким перестройкам, его открытость диалогу с иной смысловой перспективой. Столь же характерна противоположная, защитная установка, обеспечивающая нечувствительность к воздействию искусства. Одной из форм такой защитной установки является эстетская установка; недаром О.Уайльд заметил, что один из способов не любить искусство — это любить его рационалистически. Различные варианты такого «частичного» (в противоположность целостному) восприятия искусства, при котором оно лишается своих сущностных черт и тем самым возможности воздействия на воспринимающего, описаны в статье М.Тимченко (1981).

Попробуем теперь рассмотреть вместе все три описанных выше класса ситуаций, в которых могут происходить процессы смыслостроительства. В критической жизненной ситуации имеет место столкновение субъекта (личность которого представляет собой устойчивую иерархию его отношений с миром) с самим миром, в результате чего выявляется противоречие между реальными жизненными отношениями и их смысловой репрезентацией в структуре личности. В двух остальных случаях происходит аналогичное столкновение, однако не с самой реальностью мира, а с иной смысловой моделью мира, смысловой перспективой мировосприятия, носителем которой выступает в одном случае конкретный Другой во всей своей целостности, а в другом случае — художественное произведение. Возникающее в этом случае противоречие между собственной и чужой смысловой перспективой мировосприятия будет иметь критический характер лишь в том случае, если

чужая альтернативная смысловая перспектива будет оценена как более адекватная — либо в силу ее большей обоснованности, либо в силу априорного признания за конкретным Другим (или за автором художественного произведения) высшего авторитета в осмыслении мира. Во всех случаях процессы смыслостроительства служат разрешению выявившегося критического противоречия.

Естественно, что необходимым условием выявления смыслового противоречия является сама возможность вступления смыслового опыта субъекта в непосредственный контакт с чужим смысловым опытом или с самой реальностью бытия, что требует отказа от описанных выше психологических защит.

Различия трех описанных ситуаций связаны прежде всего с их критичностью, остротой, насущностью. Критические жизненные ситуации представляют некоторый предел, за который уже нельзя двигаться, не разрешив противоречия. Смысловые перестройки в этих ситуациях абсолютно необходимы, они выступают условием сохранения психологической ценности личности в долгосрочной перспективе позитивной дезинтеграции сложившихся ригидных регуляторных структур и их реинтеграции на новой основе.

Напротив, искусство «есть организация нашего поведения на будущее, установка вперед, требование, которое, может быть, никогда и не будет осуществлено, но которое заставляет нас стремиться поверх нашей жизни к тому, что лежит за ней» (*Виготский*, 1968, с. 322). Смысловые перестройки, происходящие под воздействием контакта с искусством, не являются жизненно необходимыми сегодня, но вооружают субъекта механизмами преодоления реальных кризисов завтра. Субъекту нет необходимости для развития и обогащения своего мировосприятия переживать каждый раз новые и новые кризисы в своей жизни. Искусство позволяет сделать это безболезненно, воздействуя на человека так же непосредственно, как и реальная жизнь, но при этом непринужденно, не заставляя его подчиняться какой-либо жесткой необходимости (*Натев*, 1966). В развитии, обогащении форм осмысления человеком действительности и заключается основная психологическая функция искусства, приобщение к которому не только не «отрывает» человека от жизни, а скорее наоборот, приближает его к ней (см. *Леонтьев Д.А.*, 1998 а).

Ситуации общения занимают промежуточное положение. С одной стороны, они не содержат в себе такой жесткой необходимости, как критические жизненные ситуации; с другой стороны, они не предоставляют и такой свободы в отношении в нем, как ситуации контакта с искусством. Поскольку человек живет в окружении других людей, в обществе ему приходится в большей или меньшей

степени согласовывать свое мировосприятие со смысловой перспективой других людей, а также социальных групп и человечества в целом. В сущности, социализация заключается в более или менее успешном преодолении исходной эгоцентрической смысловой перспективы. Это привносит в ситуацию общения момент необходимости и критичности, присутствующий в ней наряду с моментом непринужденности.

Подытожим содержание раздела. Поставив проблему перехода от структурно-функционального к динамическому анализу смысловой сферы личности и смысловой регуляции деятельности, мы выделили три рода смысловых процессов: смыслообразование — расширение смысловых систем на новые объекты и порождение новых производных смысловых структур; смыслоосознание — восстановление контекстов и смысловых связей, позволяющих решить задачу на смысл объекта, явления и действия; смыслостроительство — содержательная перестройка жизненных отношений и смысловых структур, в которых они преломляются. Процессы смыслостроительства могут порождаться тремя классами ситуаций: критическими (экзквизитными) жизненными ситуациями, обнажающими рассогласования жизненных отношений и смысловых структур личности, личностными вкладами значимых других и столкновением с художественно запечатленной реальностью в искусстве. Этот спектр процессов динамики смысловой сферы личности охватывает как эволюционные, так и революционные изменения; как осознаваемые или даже инициированные работой сознания, так и неосознаваемые трансформации; как «синхронические», так и «диахронические» процессы (см. *Петровский В.А.*, 1996, с. 26). Нам представляется, что системный взгляд на смысловую динамику, дополняющий развернутые в предыдущей главе структурно-функциональные представления, позволяет поднять смысловой подход на качественно новый уровень.

4.2. ФИЛОГЕНЕЗ СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ

В данном разделе мы затронем проблемы «большой динамики» развития смысловых образований. Авторы, которые ввели это понятие, определяли «большую динамику» как «процессы рождения и изменения смысловых образований личности в ходе жизни человека, в ходе смены различных видов деятельности» (*Асмолов, Братусь* и др., 1979; см. *Асмолов*, 1996 а, с. ПО). На наш взгляд, это понимание требует уточнения: мы будем говорить о «большой динамике»

ке» или просто о развитии смысловой сферы в случае таких ее изменений, которые сопряжены с качественными изменениями процессов смысловой регуляции в целом, а не просто смены одних смысловых образований другими или их трансформаций, которые описаны в двух предыдущих разделах. Порождение новых смыслов, их исчезновение, перенос на новые носители, осознание и даже «смыслостроительные» трансформации представляют собой феноменологию актуальной динамики функционирования смысловой сферы, но не ее развития. О развитии смысловой сферы мы вправе говорить тогда, когда мы сталкиваемся с изменениями закономерностей, по которым осуществляются процессы смысловой регуляции, или же изменениями основ структурной организации самих смысловых систем.

Попробуем выделить основные линии и вехи развития смысловой сферы, основываясь на сравнительно немногочисленной литературе на эту тему. Как правило, это развитие описывается в ней преимущественно в терминах развития мотивационной сферы или эмоциональных процессов; мы, однако, попытаемся вычленить закономерности, описывающие развитие именно смысловой сферы.

Мы начнем с филогенетического анализа — с анализа того, каким образом и в какой форме смысловые механизмы включены в регуляцию поведения животных. Первым вопросом, без четкого ответа на который невозможно двигаться дальше, является вопрос о том, можно ли говорить о смысле и смысловой регуляции применительно к поведению животных. А.Н.Леонтьев (1972; 1984) использовал понятие смысла как ключевое объяснительное понятие именно в контексте проблемы поведения животных (введя при этом лишь различие биологического и личностного смысла). С другой стороны, в главе 2 мы говорили о смысловой регуляции как присущей исключительно человеку. Нет ли здесь противоречия?

Рассмотрим подробнее, как соотносятся между собой, с одной стороны, присущая только человеку и конституирующая личность смысловая регуляция жизнедеятельности на основе логики жизненной необходимости и, с другой стороны, доминирующая у животных форма регуляции их поведения на основе логики удовлетворения потребностей. Мы легко увидим, что во многих частных случаях эти две логики совпадают, сливаются, они попросту неразличимы. Действуя по смысловой логике жизненной необходимости, человек делает что-то потому, что это ему важно, но «важно» означает чаще всего «нужно для удовлетворения некоторой потребности». Действительно, если мы проследим цепочку смысловых связей любого человеческого действия, мы чаще всего придем к тому, что можно было бы интерпретировать как потребность. Чаще

всего, но не всегда. Во-первых, наряду с потребностями смыслообразующими источниками человеческой жизнедеятельности выступают также несводимые к ним личностные ценности, корнящиеся не в жизненных отношениях субъекта, а в опыте социальных групп, с которыми он себя отождествляет, или, в терминах А.М.Лобка (1997), в культурной мифологии этих групп. Соотношение потребностей и личностных ценностей мы подробно анализировали в разделе 3.6. Во-вторых, если у животных потребности выступают конечной объяснительной причиной поведения, ибо в каждый момент времени в их динамической иерархии можно выделить одну безусловно доминирующую потребность, то у человека возможна и, более того, весьма типична конкуренция самих потребностей. Допустим, один объект или одна поведенческая альтернатива оказывается предпочтительнее под углом зрения одной потребности, а другая — другой. Если у животного в любой момент времени все потребности образуют весьма жесткую иерархию и выбор между ними не является проблемой, то у человека это отнюдь не всегда так, и, тем самым, проблема выбора оказывается нерешаемой в парадигме удовлетворения потребностей. Она требует выхода на более высокий уровень анализа и постановки вопроса о выборе между самими потребностями, ответ на который может быть найден только в более общей логике жизненной необходимости.

По сути, анализ вновь привел нас к типологии жизненных миров Ф.Е.Василюка (1984): животным присущ внутренне простой жизненный мир, в котором в каждый данный момент времени наличествует лишь один смыслообразующий источник (доминантная потребность); регуляция поведения при этом всецело сводится к обеспечению реализации этой потребности. Человеку, напротив, присущ внутренне сложный жизненный мир, в котором регуляция деятельности должна основываться на более сложных механизмах, подразумевающих также не решаемую автоматически задачу соотношения самих потребностей (и других смыслообразующих источников), определения их сравнительной значимости в каждый момент времени с учетом временной перспективы.

Таким образом, мы можем говорить о том, что понятия смысла и смысловой связи приложимы к описанию поведения и животных и человека, но по-разному. У животных элементы смысловой регуляции подчинены сравнительно простой логике удовлетворения доминирующей в данный момент потребности, к которой, собственно, и сводится логика жизненной необходимости в условиях внутренне простого жизненного мира. У человека, напротив, удовлетворение потребностей оказывается подчинено более сложной логике жизненной необходимости, входит в сложноорганизован-

ную смысловую регуляцию жизнедеятельности как самостоятельный элемент. Дополнительный свет на это различие проливает введенное П.Я.Гальпериным разведение биологического и органического: даже низшие потребности человека, по П.Я.Гальперину, не являются биологическими, в отличие от потребностей животных, поскольку они не определяют тип жизни, тип поведения, отношения в среде. У человека мы имеем дело с органическими потребностями, которые выступают как условия, но не объяснительные причины поведения (см. *Гальперин*, 1998, с. 410—412). Соответственно, если у животного смысловая связь предстает лишь как звено в цепи удовлетворения потребности, которая выступает как критерий регуляции и объяснительная инстанция поведения, то у человека мы имеем дело с обратным соотношением: удовлетворение потребности предстает как звено в цепи смысловой регуляции; объяснительным принципом и критерием регуляции жизнедеятельности человека выступает именно смысл.

Из сказанного, однако, вытекает, что мы вправе искать и находить элементарные смысловые механизмы поведения даже среди сравнительно низкоорганизованных животных. Более того, даже поверхностный взгляд на проблему филогенеза психики показывает нам, что отражение в психике животных смысловых характеристик объектов и явлений окружающей среды первично по отношению к возможности чисто познавательного отражения, то есть отражения ими свойств окружающего мира, имеющих косвенное, более опосредованное отношение к их жизнедеятельности.

Попробуем охарактеризовать отношение того, что отражается в психике животного, к его жизнедеятельности на разных стадиях эволюционного развития психики в животном мире.

В качестве отправной точки филогенетического экскурса рассмотрим низший, нулевой уровень организации живой материи — уровень, характеризующийся свойством раздражимости, понимаемой как «...общее свойство всех живых тел приходить в состояние деятельности под влиянием внешних воздействий» (*Леонтьев А.Н.*, 1972, с. 12—13). На этом уровне, характеризующемся, по определению А.Н.Леонтьева, отсутствием психического отражения, любое воздействие выступает как имеющее непосредственное отношение к реализации потребностей живого организма в силу специфики его взаимоотношений с диффузной средой. Соответственно, любое воздействие вызывает реакцию в силу непосредственного влияния на состояние той или иной потребности, на поддержание существования организма.

Следующая ступень развития живого возникает вместе с несопадением «...с одной стороны, тех свойств среды, которые отража-

ются и побуждают деятельность животного, а с другой стороны, тех ее свойств, которые, воздействуя на животное... определяют собой... поддержание его существования» (*там же*, с. 52). Это несовпадение возникает в условиях жизни организма в «вечно оформленной» среде и порождает эволюционную необходимость возникновения психического отражения среды.

Первым уровнем развития психического отражения в животном мире является уровень элементарной сенсорной психики, характеризующийся, по А.Н.Леонтьеву, тем, что животное способно реагировать на воздействие, сигнализирующее о присутствии потребностно значимого объекта, то есть на воздействие, обладающее биологическим смыслом для животного, хотя само это воздействие как таковое (например, запах хищника или, напротив, жертвы) не связано с энергетическими процессами поддержания жизни организма. С другой стороны, животное способно воспринять лишь объекты, окрашенные для него биологическим смыслом; объекты, лишенные смысла, попросту не воспринимаются им. Сошлемся на эксперименты над лягушкой, проведенные Дж.Леттвином с соавторами (см. *Петрушевский*, 1967, с. 363). Перед лягушкой образовали цветную панорамную модель ее родного болота и стали перемещать в нем предметы разного размера, в том числе двигать все «болото». Лягушка реагировала только на движущийся предмет, равный по размеру мухе, на фоне неподвижного болота. Крупные движущиеся предметы, неподвижная «муха» и движущееся «болото» не вызывали у лягушки ни малейшей реакции. Этот эксперимент иллюстрирует мысль А.Н.Леонтьева о том, что первично сенсорные модальности неразрывно связаны с аффективностью, с субъективностью и «биологическим знаком» (*Леонтьев А.Н.*, 1986, с. 74; 75).

Следующий, более высокий уровень развития психики животных — стадия перцептивной психики — характеризуется возможностью психического отражения не только отдельных внешних воздействий в форме элементарных ощущений, но и возможностью целостного восприятия вещей. В деятельности животного при этом выделяются звенья, относящиеся не к самому предмету потребности, а к условиям, в которых этот предмет дан. Иными словами, происходит выделение предмета потребности из ситуации и возникновение производных смыслов, то есть наряду с биологическим смыслом предмета потребности животное руководствуется и опосредованными, многозвенными смысловыми связями. Вместе с тем животным, находящимся на стадии перцептивной психики, недоступно решение двухфазных задач, для которого необходимо выполнение специальных подготовительных операций, не приближающих его к предмету потребности в чисто пространственном

отношении. Только с переходом на высший уровень развития психики животных — уровень интеллекта — становится возможным временное отвлечение животного от присутствия в поле предмета потребности. По-видимому, если на стадии перцептивной психики условия достижения предмета потребности получают производный биологический смысл лишь ситуативно, *ad hoc*, то на стадии интеллекта такой смысл приобретает определенную степень устойчивости, что и лежит в основе окончательного обособления операции, направленной на эти условия. Поэтому только высшие приматы решают задачи, требующие, например, сначала оттолкнуть от себя приманку с тем, чтобы затем достать ее с другой стороны. Двухфазность интеллектуальной деятельности животных связана, таким образом, с приобретением определенной устойчивости производными биологическими смыслами объектов действительности.

Даже этот весьма поверхностный анализ позволяет увидеть, что по мере усложнения психической организации и строения деятельности животных имеет место расширение способности животных активно относиться к объектам и явлениям внешнего мира, не служащим непосредственно реализации актуальных потребностей. Эволюционная необходимость этого расширения обусловлена увеличением в поведении животных удельного веса гибких форм приспособления, основанного на индивидуальном научении. В этих условиях необходимой предпосылкой эффективного приспособления будет являться ориентировка в широком круге объектов, явлений и воздействий внешнего мира, лишь опосредованно и (или) потенциально связанных с реализацией потребностей живого существа, то есть обладающих для него производным биологическим смыслом.

При переходе к человеку, наконец, происходит качественный скачок, связанный с возможностью воспринимать объекты и явления, в том числе и нейтральные, в контексте индивидуальной жизнедеятельности, через призму социального опыта, совокупной общественной практики. Было бы ошибкой, естественно, считать, что в жизнедеятельности человека смысловая регуляция играет меньшую роль, чем в жизнедеятельности животных. Приобретая у человека чрезвычайно разветвленные сложноопосредованные формы, она, однако, позволяет ему освободиться от власти непосредственной ситуации, произвольно регулировать свое поведение, ставить и реализовывать отдаленные цели. Детерминированность жизнедеятельности субъекта миром, выражающаяся в смысловых связях, развиваясь, переходит в свою диалектическую противоположность — в способность субъекта активно действовать, целенаправленно изменяя свой жизненный мир.

4.3. Линии и МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Аналогичные закономерности мы можем наблюдать и на материале онтогенетического развития отношений субъекта с миром и репрезентации субъекту последних. Мир ребенка начинается со смыслов.

«Младенец старается понять себя и окружающий его мир, живой и мертвый, — с этим связано его благополучие. Спрашивая словами или взглядом "Что это?", — он требует не название, а оценку.

— Что это?

— Фи, брось, это "бяка", это нельзя брать в руки.

— Что это?

— Цветочек, — и улыбка, и ласковое выражение лица — разрешение.

Бывает, спрашивая о предмете нейтральном и получая название без эмоциональной мимической оценки, ребенок не знает, что делать с ответом, и, удивленно и как бы разочарованно глядя на мать, повторяет, растягивая, название. Чтобы понять, что, кроме желаемого и нежелаемого, есть еще мир нейтральный, ему надо иметь опыт.

— Что это?

— Ваа.

— Ва-а-ата? — и ребенок всматривается в лицо матери, ожидая указания, что об этом думать...

...Детские "что это?" означают: какой? для чего служит? какая мне от него может быть польза?» (*Корчак*, 1980, с. 17—18).

Как справедливо отмечает А.М.Лобок, субъективное отношение к миру «является наиболее естественным и даже единственно возможным типом отношения, которое может предъявить всевозможностному предметному миру рождающийся в него человек» (*Лобок*, 1997, с. 119). Подлинная проблема, по мнению А.М.Лобка, состоит не в том, как возможно субъективное отношение к миру, а в том, как возможно объективное к нему отношение. Вместе с тем тенденция развития состоит в том, что хотя «предметом настоящего интереса все больше и больше становятся предметы, не имеющие сколько-нибудь выраженного биологического смысла» (*там же*, с. 138), они не остаются для ребенка нейтральными. А.М.Лобок описывает развитие ребенка в онтогенезе как развитие форм надбиологического, а именно мифологического освоения мира, развитие мифологических механизмов субъективности (*Лобок*, 1997;

]1998). Суть этих процессов можно было бы охарактеризовать как субъективацию мира или его «оживление», превращение нейтрального мира в жизненный через раскрытие, с одной стороны, его возможностей в контексте человеческой деятельности, человеческой культуры, и, с другой стороны, через развитие форм осмысления той действительности, которая выходит за пределы сферы биологических смыслов.

Онтогенетически *первой формой* такого осмысления или субъективации мира является *меточная деятельность*. Между 9 и 12 месяцами возникает, по А.М.Лобку, «первичная персонификация предметного мира: один за другим предметы окружающего ребенка мира начинают обретать, так сказать, персональные лица: становятся ЛИЧНО узнаваемыми. Еще не испытывая потребности в культурной категоризации мира, ребенок начинает узнавать некоторые предметы этого мира, так сказать, "в лицо", и это прежде всего относится к тем предметам, которыми он активно манипулирует, и которые начинают выступать для него как эмоционально значимые предметы, как предметы, обладающие для него некоей сверхпредметной (пра-мифосемантической) значимостью. Если до сих пор ребенок с одинаковым интересом относился к любой яркой погремушке или игрушке, которая попала в поле его внимания, то, начиная с какого-то момента, он начинает четко выделять и узнавать те игрушки, которыми он играл накануне. А это значит, что он, с одной стороны, начинает идентифицировать следы своей вчерашней манипулятивной деятельности с игрушкой, а, с другой, начинает относиться к этой игрушке как к ЛИЧНО значимой, то есть несущей на себе след неких связанных с нею переживаний» (Лобок, 1997, с. 443). Смыслообразующим основанием, придающим значимость конкретной игрушке, выступают эмоциональные переживания, которые сопровождали манипулятивную активность ребенка по отношению к данной игрушке.

В качестве психологической основы этой формы осмысления действительности А.М.Лобок рассматривает эмоционально-знаковую память — память, фиксирующую связь между прошлыми переживаниями и предметами окружающей действительности. «Это иррациональная по своей сути память: она актуализируется не на уровне сознательных воспоминаний, а на уровне смутного чувства, на уровне смутного образа пережитого. Пусковым механизмом для этой памяти может явиться любой предмет, любая конкретная вещь из прошлого: взрослый человек роется в своих старых вещах, бросает взгляд на свою случайно найденную детскую игрушку, и его сердце сжимается от чувства чего-то невозвратно ушедшего; при этом он безусловно узнает свою игрушку, так сказать, "в лицо":

она для него эмоционально персонифицирована, она несет на себе память о множестве значимых переживаний, причем не переживаний по поводу этой конкретной игрушки, а переживаний из того жизненного контекста, в котором некогда эта игрушка существовала» (Лобок, 1997, с. 445). «Когда ребенок играет со СВОЕЙ игрушкой — это имеет для него совершенно особое значение: он одновременно играет как бы с ее прошлым, он играет со своей эмоциональной памятью, удерживаемой многочисленными следами прошлых событий» (там же, с. 446—447). Следы понимаются здесь в буквальном смысле; А.М.Лобок характеризует эту деятельность как знаково-меточную потому, что ребенок физически персонифицирует предметы, оставляя на них отметины, царапины, вмятины и зазубрины, которые и выступают как знаки эмоциональных переживаний, обеспечивающие узнавание предметов.

Таким образом, личностное осмысление предметов через устойчивое включение их в контекст своей индивидуальной жизнедеятельности, своего жизненного мира, и опознание их как опорных элементов этого жизненного мира является генетически первичной формой осмысления внешней действительности. Мы наблюдаем здесь ту же закономерность, что и обнаруженная и сформулированная нами в предыдущем разделе филогенетическая закономерность: от максимально субъективного отношения к окружающему миру к отношению, в большей мере опосредованному познанием объективных или, по меньшей мере, интерсубъективных его атрибутов. Годовалый ребенок «пока еще совершенно равнодушен к культурным измерениям предметов, но эти предметы уже обладают для него ЛИЧНЫМИ измерениями» (там же, с. 448).

Второй этап развития субъективности начинается, по А.М.Лобку, в возрасте около полутора лет, когда ребенок начинает видеть в обращении с предметами окружающих его взрослых людей культурные образцы, примеры для подражания, и начинает активно осваивать, копировать эти образцы. «Маленький ребенок осваивает смыслы окружающего его предметного мира ...наблюдая за действиями взрослых и за сопровождающими эти действия эмоциональными репликами» (там же, с. 518). А.М.Лобок называет этот этап развития *возрастом магической утилитарности* (1998), имея в виду при этом, что осваивая утилитарно-инструментальные свойства предметов через копирование действий взрослых, ребенок относится к этой процедуре не как к утилитарной, а как к обрядово-магической; его цели далеки от утилитарной пользы. «Это деятельность ради нее самой, а вовсе не ради достижения какого-то практического результата, и именно поэтому наиболее точно ее можно охарактеризовать как обрядово-ритуальную. Трехлетка, имитирующий

забивание гвоздя, менее всего озабочен тем, чтобы гвоздь на самом деле оказался забит; но зато ему крайне важен сам ритуал забивания гвоздя... Важно, чтобы принципиально воспроизводилась некая схема действий, которая носит для этого ребенка характер священного ритуала» (Лобок, 1997, с. 471—472). Подобная имитация выступает универсальной матрицей усвоения ребенком любых культурных образцов.

Третий этап ознаменован новым открытием, которое ребенок делает на третьем году жизни, и с которым А.М.Лобок связывает кризис третьего года жизни. «Оказывается, можно идти ПРОТИВ, ПОПЕРЕК нормы. И это есть начало вариативного диалога ребенка с культурой» (там же, с. 474). Это *возраст культурной вариативности*, этап *вариативной индивидуализации культуры*, открытия всевозможности предметов, придания предметам новых смыслов, в том числе отсутствующих в культурных образцах. «Продолжая диалог с нормой, он уже не просто усваивает ее, а дразнит ее, провоцирует ее на новые формы существования, держит ее на известном расстоянии, примериваясь к ней с разных концов и производя свои собственные, авторские варианты нормы» (Лобок, 1998, с. 34). Однако эта творческая вариативность не является собственно творчеством, ибо в ней отсутствует принципиально важный компонент — диалог с культурой, в котором вырабатываются критерии оценки собственных продуктов, саморедактуры. «Он неспособен отличить истинное от ложного, адекватное от неадекватного. Он смотрит на мир глазами человека, для которого, в принципе, любые знания возможны. Точно так же, как любые варианты сочиняемого им текста для него абсолютно равнозначны. Это все та же всевозможность, которая является лишь иллюзией творчества» (Лобок, 1997, с. 647). «Маленький ребенок знаком лишь с одной стороной творчества — фантазийной. Однако подлинное творчество — это еще и диалог, способность поместить продукты своего сочинительства в некий культурный контекст, соотнести их с культурной традицией и отделить то, что действительно может иметь некий культурный резонанс. Что же касается ребенка, которого не коснулась еще суровая десница школы, то его сочинительство легко и беззаботно, оно равнодушно к норме и менее всего предполагает слух другого» (там же, с. 646). «Мир ребенка-дошкольника — это мир безусловного торжества его самости. Осваивая мир на свой страх и риск, он пытается всякое действие взрослых воспроизвести в соответствии с принципом "я сам", "я тоже хочу попробовать!". При этом он воспроизводит модель подмеченных действий, менее всего подвергая эту модель сознательному рефлексивному анализу А в результате он совершает любопытную подмену: весь освоенный им мир он

воспринимает как проекцию собственной самости. Весь мир для него одухотворен и живет по законам его собственного "Я". Ребенок как бы идентифицируется с тем миром, который он осваивает, а осваиваемый мир идентифицирует с собой... Ребенок познает окружающий мир, подминая его законы под логику своей ничем не ограниченной субъективности» (*там же*, с. 647).

Именно школа позволяет ребенку выйти на новый уровень осмысления мира благодаря формированию у ребенка особой позиции по отношению к осваиваемому им знанию. Этот уровень А.М.Лобок характеризует как сознательное изобретательство, сознательное творчество на основе образования. «Лишь пережив драму несовпадения себя с культурой, ребенок обретает способность творить-в-культуре, то есть производить продукт, имеющий значение не только для него лично, но и для культуры в целом. У него появляется возможность не только себя реализовывать, но и создавать нечто, имеющее ценность в самой культуре. Только благодаря школе ребенок получает возможность стать из субъекта самого себя субъектом культуры. Иллюзия творчества — когда результаты усилий ребенка существенны только для его личного мира — сменяется творчеством как таковым, когда его результаты обретают некое культурное эхо, то есть оказываются значимы с точки зрения самой культуры» (*там же*, с. 648).

Концепция становления и возрастного развития субъективности А.М.Лобка — не единственная, которая ставит во главу угла возрастную динамику процессов организации внутреннего мира ребенка и его отношений с внешним миром. Нельзя не упомянуть еще по меньшей мере две возрастных периодизации, в центре внимания которых находятся сходные по своей природе феномены. В.И.Слободчиков непосредственно рассматривает становление различных форм субъективности человека в онтогенезе — от оживления (разрыва биологической связи с матерью и вхождения в новые отношения с окружающим миром, хоть и опосредованные со-бытийностью с взрослыми) до универсализации, выводящей человека за пределы его индивидуальности в область общечеловеческих жизненных смыслов, «в сферу подлинно вселенского и универсального со-бытия» (*Слободчиков*, 1994, с. 68).

В.С.Мухина предлагает путь познания личности «через анализ индивидуальных личностных смыслов, которые организуются в сознании человека в структурные звенья, общие для всех и каждого по наименованию и культурному абрису, но уникальные по их значениям и смыслу» (*Мухина*, 1997, с. 58). Она рассматривает в качестве критерия выделения возрастных этапов специфические для них формы самосознания, определяемого как «ценностные ориента-

ции, образующие систему личностных смыслов, которые составляют индивидуальное бытие личности» (там же, с. 55). «На первом этапе происходит стихийное, не направляемое самосознанием формирование личности. Это период подготовки рождения осознающей себя личности, когда у ребенка появляются в явных формах полимотивированность и соподчиненность его действий. Начало развития личности обусловлено следующими событиями в жизни ребенка. В первую очередь он выделяет себя как персону (это происходит на протяжении всего раннего и дошкольного возраста), как носителя определенного имени (имя собственное, местоимение "Я" и определенный физический облик). Психологически "^-образ" формируется с эмоционального (положительного или отрицательного) отношения к людям и с изъявления своей воли ("Я хочу", "Я сам"), которая выступает как конкретная потребность ребенка. Очень скоро начинает проявляться притязание на признание (имеющее как позитивное направление, так и негативное). В то же время у ребенка формируется чувство половой принадлежности, что также определяет особенности развития личности. Далее, у ребенка возникает ощущение себя во времени, у него появляется психологическое прошлое, настоящее и будущее, он по-новому начинает относиться к самому себе — для него открывается перспектива его собственного развития» (там же, с. 54). Если «первое рождение личности», осуществляется, по мнению В.И.Мухиной, внутри заданной структуры самосознания, то ее «второе рождение» связано с формированием мировоззрения и активной воли, собственных смыслов (там же, с. 78).

И А.М.Лобок, и В.И.Слободчиков, и В.С.Мухина в своих приведенных выше теоретических моделях развития личности описывают его целостно, не выделяя развития смысловой сферы как отдельной линии развития. Это, безусловно, правильно — «личность развивается как целое, и только условно, только в целях научного анализа мы можем абстрагировать ту или иную сторону ее развития» (Вygотский, 1983, с.316), пусть даже такую важную, как развитие субъективности, смысловой сферы. Наше исследование представляет собой, однако, именно такой случай научного анализа, который на определенном этапе не только допускает возможность подобной абстракции, но и настоятельно ее требует. Выше (в разделе 2.7.) мы обосновали мультирегуляторную модель личности, согласно которой смысловая регуляция представляет собой одну из шести систем, регулирующих жизнедеятельность человека. Ее роль в регуляции деятельности и относительный вклад в нее, удельный вес по сравнению с другими системами характеризуются межиндивидуальной вариативностью и изменяются на протяжении

онтогенеза. Именно этот удельный вес является показателем того в какой степени жизнедеятельность субъекта управляется им самим через личность как орган такого управления, а не просто адаптивно подчиняется внутренним и внешним воздействиям. Анализируя в данном разделе закономерности и механизмы «большой динамики смысловых образований» (Асмолов, Братусь и др., 1979) в онтогенетическом разрезе, мы начали с того, что, опираясь на взгляды А.М.Лобка, В.И.Слободчикова и В.С.Мухиной, получили возможность утверждать: *развитие личности в онтогенезе нельзя понять с должной полнотой, если не уделить специальное внимание механизмам смысловой регуляции, развитию смысловой сферы.*

Проблема развития механизмов смысловой регуляции в онтогенезе человека требует, однако, более углубленного специального анализа. Прежде всего перед нами стоит задача аналитически охарактеризовать развитие смысловой сферы как таковой, выделив основные линии и направления ее развития в онтогенезе. Такая задача, насколько нам известно, ранее никем не ставилась. После этого нам предстоит соотнести развитие смысловой сферы с общим развитием человека, определить место развития смысловой сферы в общей динамике человеческого онтогенеза.

Начнем с вычленения основных линий онтогенетического развития смысловой сферы. А.Н.Леонтьев, говоря о развитии личности дошкольника, выделяет в качестве основной вехи трехлетний возраст, когда на смену импульсивно сменяющим друг друга мотивам приходит их интеграция, иерархизация и соподчинение в единую структуру. Возникновение такой структуры означает, что ребенок теперь «может стремиться к достижению цели, которая сама по себе не привлекательна для него, ради чего-нибудь другого, или, наоборот, отказаться от чего-нибудь непосредственно приятного для того, чтобы достичь более важного или избежать нежелательного» (Леонтьев А.Н., 1948, с. 8—9). Именно это соподчинение является, по А.Н.Леонтьеву, основной той сложной организации, с наличием которой связано становление личности человека. «В противном случае, т.е. тогда, когда такой соподчиненности мотивов нет, когда отдельные побуждения вступают в простое взаимодействие друг с другом, мы имеем, наоборот, картину распада личности, картину возвращения к чисто "полевому", чисто реактивному поведению» (там же, с. 9). Важное добавление вносит Л.И.Божович (1995). Она отмечает, что определенные формы соподчинения мотивов есть и у животных, и у новорожденных младенцев. «У детей же дошкольного возраста возникает, во-первых, не просто соподчинение мотивов, а относительно устойчивое внеситуативное их соподчинение. Вместе с тем во главе возникшей иерархии становятся специфически человеческие, т.е.

опосредствованные по своей структуре, мотивы. У дошкольника они опосредствуются прежде всего образцами поведения и деятельности взрослых, их взаимоотношениями, социальными нормами, фиксированными в соответствующих нравственных инстанциях» (Божович, 1995, с. 97-98).

В целом *иерархизацию, интеграцию и структурное усложнение можно рассматривать как первую линию онтогенетического развития смысловой сферы личности*, ее «большой» динамики (см. Анцыферова, 1978). Еще Л.С.Выготский (1931/1984, с. 239) обратил внимание на то, что основу развития сознания и личности составляет развитие не отдельных функций, а характера и общей структуры связей между ними. Забегая вперед, укажем, что косвенные подтверждения этому мы находим в сравнительных исследованиях, выполненных с помощью методики предельных смыслов (МПС) на выборках больных хроническим алкоголизмом и олигофренией, а также контрольной здоровой выборке (Леонтьев, Бузин, 1992). В обеих клинических группах мы имеем дело с уплощением, примитивизацией, бедностью смысловой сферы, причем в одном случае (олигофрения) эта уплощенность является первичной, а во втором (алкоголизм) — вторичной, результатом деградации. Так или иначе, картина, которую мы наблюдаем в обеих клинических группах, разительно отличается от нормы не столько в содержательном, сколько именно в структурном отношении. Более подробно мы остановимся на этих результатах в последующих главах.

Вторая линия развития смысловой сферы — это распространение процессов осмысления за пределы наличной актуально воспринимаемой ситуации, непосредственного перцептивного поля, в план представления, воображения, идеаторных содержаний сознания.

А.В.Запорожец с сотрудниками зафиксировал одно из наиболее ранних генетически проявлений этой линии развития — смещение эмоционального сопровождения деятельности от ее конца к началу по мере ее освоения. Тем самым постепенно становится возможна оценка смысла деятельности в режиме предвосхищения, то есть перед ее началом, в плане представления. «Ребенок мысленно занимает определенную позицию в предлагаемых обстоятельствах, совершает известные воображаемые действия, проигрывает в идеальном плане различные варианты взаимоотношений с окружающими и таким образом получает возможность не только заранее представить, но и пережить смысл данной ситуации, предпринимаемых действий и их возможных последствий для себя и для окружающих его людей» (Запорожец, Неверович, 1974, с. 67). Трудно переоценить значение этой линии развития смысловой сферы. Именно на этой основе формируется такое присущее только человеку новообразование как перепек-

тива будущего, возникает «расширяющееся пространство» (за пределы непосредственно воспринимаемого) и «расширяющееся время» (за пределы непосредственно проживаемого), как их обозначил А.Н.Леонтьев (цит. по *Леонтьев А.А., 1983 б*). Собственно говоря, именно присущая одному лишь человеку возможность охвата мира в целом в его представлении и является основой смысловой регуляции как таковой, предпосылкой конституирующей функции личности (*Леонтьев Д.А., 1989 а; 1993; см. также раздел 2.7.*). Не случайно С.Мадди придавал такую большую роль в личностной динамике «психологическим потребностям» в концептуализации, суждении и воображении (*Maddi, 1971*), считая, что только на их основе возможна индивидуальная траектория личностного развития.

Как отмечал еще В.В.Зеньковский в своей выпущенной впервые в 1924 году работе «Психология детства» (1995), в личности есть не только данное, эмпирическое, но и заданное, внеэмпирическое, скрытое в глубине. Именно эта внеэмпирическая или, по В.В.Зеньковскому, метафизическая сторона «определяет и направляет эмпирическое развитие души. Человек никогда не бывает только дан, он никогда не закончен, он всегда и "задан", перед ним всегда раскрыта бесконечная перспектива духовного развития. Человек и глубже и богаче своей эмпирической личности» (*там же*, с. 284). Эта метафизическая сторона личности, открывающая перспективу возможного, но еще не реализованного, и обнаруживающаяся наиболее отчетливо в воображении, фантазировании, играет в развитии личности очень важную роль; к сожалению, сегодняшняя психология развития не уделяет ей того внимания, которое она заслуживает. «Именно в фантазиях, — писал Л.С.Выготский, — подросток впервые нащупывает свой жизненный план. Его стремления и смутные побуждения отливаются в форму определенных образов. В фантазии он предвосхищает свое будущее, а следовательно, и творчески приближается к его построению и осуществлению» (1984, с. 219).

Идеаторный план воображения, мысленные действия в нем играют чрезвычайно важную роль в развитии личности. Рассматривая механизм мечты, Б.И.Додонов (1973) характеризовал его как механизм проектирования своих будущих отношений к миру, благодаря которому человек может предвосхищать будущее и даже опережать развитие собственной личности (*Додонов, 1973, с. 27*). В воображении можно создать любые, сколь угодно экстремальные ситуации для «проигрывания себя» (и каждый из нас часто этим пользуется), в отличие от реальной жизни, которая предоставляет такие ситуации редко и не всегда по нашему желанию. Конечно, воображаемое благородство не гарантирует, что, встретившись в жизни с соблазном, человек не забудет образ своей мечты. Тем не

менее, по всей видимости, именно воображение является тем первым, самым грубым фильтром, при помощи которого личность, примеряя к себе те или иные ценности, варианты поведения или образы себя, принимает одни, а другие отбрасывает. Естественно, план воображения относительно отделен от плана практической деятельности, и в силу этого воображаемые мотивы, как правило, не могут непосредственно переноситься в практическую деятельность, побуждать ее. Но в силу целостности смысловой сферы личности те смысловые образования, которые проявляются в плане воображения, не изолированы от тех смысловых образований, которые регулируют практическую деятельность. Свидетельство тому — проективные методы, дающие нам информацию о личности по продукции воображения, например ТАТ (см. *Леонтьев Д.А.*, 1998 б). Есть все основания считать, что смысловые аспекты воображения и регуляции практической деятельности не отделены друг от друга, а образуют единую систему. Например, воображаемые мотивы обладают вполне реальной функцией смыслообразования, что было отмечено в свое время Ф.Е.Василиюком (1984, с. 124). Ведь многие мотивы, в том числе и те, которые ведут человека на костер за свои убеждения, не даются ему в готовом виде и не вырабатываются в индивидуальном опыте; такого «научения» в жизни просто нет. «Психологический механизм жизни-подвига надо искать в человеческом воображении», — писал А.Н.Леонтьев (1977, с. 209). Такие мотивы идеаторно конструируются человеком чтобы, возможно, никогда и не быть приведенными в действие, но самим своим существованием они задают смысловую перспективу развития личности. Смыслообразование, осуществляющееся в плане воображения, опережает в своем развитии реальную динамику жизненных отношений. Можно сказать, что воображение задает «зону ближайшего развития» личности в целом. В выполненном под руководством автора неопубликованном дипломном исследовании Е.В.Шелобановой была показана роль идеаторного предвосхищения «возможных будущих» — потенциальных вариантов будущей жизни в результате выбора той или иной профессии — в осуществлении выбора профессии выпускниками гимназии.

Фантазии играют немалую роль не только в здоровом, но и в отклоняющемся развитии личности. В работе И.Г.Морозовой (1996) подробно исследовалась роль агрессивных фантазий в развитии агрессивно-садистических тенденций в степени клинической патологии. В этом исследовании было показано, что у детей с изначально высоким уровнем агрессивности регулярные агрессивно-садистические фантазии выступают как своеобразный «аутотренинг». «Ребенок с детских лет привыкает мысленно проигрывать конфликтную ситу-

ацию, в финале которой совершает воображаемое убийство. Этот процесс приводит к изменению его морально-этических установок, в результате чего совершение убийства перестает ощущаться им как нечто страшное и недопустимое, человеческая жизнь в его представлении теряет всякую ценность. В решающий момент при совершении преступления, не связанного с удовлетворением агрессивных комплексов (например, кражи, грабежа, обычной драки) такой подросток легче принимает решение и без борьбы мотивов совершает убийство» (Морозова, 1996, с. 85). Более того, в том же исследовании было показано, что даже у детей, не отличавшихся повышенной агрессивностью в раннем возрасте, и в отсутствие неблагоприятных факторов семейного и другого окружения, также может происходить формирование агрессивно-садистических тенденций путем закрепления агрессивных фантазий (часто подкрепляемых мастурбацией), в частности, возникающих при просмотре видеофильмов со сценами жестокости и насилия.

Общетеоретической моделью, в которую хорошо вписываются изложенные представления о воображении как пространстве личностного развития, является, в частности, виртуальная психология Н.А.Носова (1997). Этот подход основан на изучении виртуальных психических явлений, не обладающих статусом константности и не отвечающих методическому требованию воспроизводимости, но феноменологически данных субъекту как нечто объективное. (Одной из иллюстраций таких состояний является состояние творческого подъема.) Общие представления Н.А.Носова об онтогенетическом развитии основываются на идее о том, что все психологические новообразования возникают первично в виртуальной форме (новорожденный обладает совершенно виртуализированной психикой) и постепенно, по мере развития, девиртуализируются, переходят в статус константной реальности.

Третья линия развития смысловой сферы — это ее прогрессирующее опосредование социальными общностями и их ценностями: сначала ценностями ближайшего семейного окружения, затем малых референтных групп, затем больших профессиональных, этнических, религиозных, классовых и других общностей и, наконец, общечеловеческими или «бытийными» (Маслоу, 1999) ценностями. Мы рассматриваем этот процесс развития ценностной регуляции поведения (Леонтьев Д.А., 1996 6; 1997 5), с одной стороны, как процесс усвоения и интеграции в структуру личности индивидов ценностей социальных групп, и с другой стороны — как процесс сокращения удельного веса потребностей и повышения удельного веса личностных ценностей в структуре источников смыслообразования. По сути дела, по мере развития смысловой сферы человек все реже осуществ-

ляет свои жизненные отношения напрямую, один на один с миром, и все чаще — как представитель некоторого социального целого. Однако ошибочным было бы считать, что по мере социогенеза индивидуальность личности нивелируется. Во-первых, множественность социальных групп и контекстов, открытых развивающейся личности и, соответственно, вариативность социальных ценностей несопоставима с ограниченным спектром базовых потребностей человеческого организма. Во-вторых, как показал А.В.Петровский (1987), отношения между личностью и группой в процессе социогенеза отнюдь не сводятся к простому запечатлению личностью групповой «матрицы»; за усвоением групповых норм (фазой адаптации) следует фаза индивидуализации внутри группы, а затем, при успешном нахождении баланса между тенденциями отождествления с группой и выделения из нее, наступает интеграция личности с группой.

Исходной точкой этой третьей линии развития смысловой сферы является ситуация стопроцентной обусловленности поведения непосредственно переживаемыми потребностями, с которой мы встречаемся у новорожденного младенца. По мере онтогенетического развития происходит постепенное усвоение ценностей, которые начинают теснить потребности как источники мотивации. Удельный вес потребностей в структуре мотивации снижается и между ними происходит перераспределение функций в пользу ценностей. Усвоение социальных ценностей и их трансформацию в личностные ценности можно рассматривать по меньшей мере в двух аспектах. Во-первых, как движение от ценностей социальных групп (социальное, внешнее) к личностным ценностям (социальное, внутреннее). Этот процесс традиционно обозначается понятием интериоризации. Во-вторых, как движение от структуры индивидуальной мотивации, основанной исключительно на потребностях (внутреннее, биологическое) к структуре, в которой главенствующую роль играют ценности (внутреннее, социальное). Этот процесс известен под не менее традиционным названием социализации. Интериоризация и социализация применительно к становлению личностных ценностей представляют собой две стороны одного процесса, рассматриваемого, соответственно, в аспекте судьбы (трансформации) самих ценностей и судьбы (трансформации) структуры индивидуальной мотивации (подробнее см. раздел 3.6).

Четвертая линия развития смысловой сферы — это развитие осознания своих смысловых ориентации и рефлексивного отношения к ним.

После работ Л.С.Выготского, а также психологов экзистенциального направления, осознание тех или иных психологических процессов и механизмов обоснованно рассматривается как главная пред-

посылка овладения ими. Овладение же, согласно Л.С.Выготскому (1983 а; 1984), представляет собой генеральную линию психологического развития в онтогенезе. Если, однако, овладение представляет собой достаточно многогранный процесс, то осознание смысловых ориентиров собственной деятельности можно рассматривать как еще одно конкретное измерение развития смысловой сферы в онтогенезе. Фактически речь идет о становлении и развитии способности произвольно воздействовать на свои смысловые ориентиры, менять их по своему выбору (см. о смысловых ориентирах в разделе 4.8). И здесь наблюдается очевидная параллель между развитием личности в человеческой истории и в онтогенезе. «В ходе человеческой истории, — указывает А.М.Лобок, — происходит изменение ее смысловых ориентиров. Эпоха за эпохой человечество сочиняет новые смысловые предположения и выстраивает новые смысловые ориентиры. И то же самое происходит в жизни отдельной человеческой личности. Ее смысловое поле отнюдь не остается неизменным на протяжении ее жизни, а постоянно трансформируется тем или иным образом. Причем у одних людей этот процесс носит гораздо более выраженный характер, нежели у других. Можно даже говорить об определенной мифологической динамике личности: об интенсивности развития ее смысловых ориентиров. И, более того, возможно, что мифологическая динамика личности должна быть признана одним из самых ярких критериев личностного развития вообще. Реальным инструментом, позволяющим преодолеть тот или иной миф и выйти в пространство новых смысловых ориентиров, является рефлексивное размышление. То есть размышление, позволяющее взглянуть на мир собственного "Я", на мир собственных смысловосодержащих ценностей, на мир собственного мифа глазами стороннего наблюдателя» (Лобок, 1997, с. 642).

Развитие механизмов рефлексии было поставлено во главу угла в концепции онтогенетического развития субъективной реальности В.И.Слободчикова (1994). Рефлексия в этой концепции определяется как «специфически человеческая способность, которая позволяет ему сделать свои мысли, эмоциональные состояния, свои действия и отношения, вообще всего себя предметом специального рассмотрения (анализа и оценки) и практического преобразования» (Слободчиков, 1994, с. 21). Это определение отчетливо перекликается с идеей способности к самодистанцированию или самоотстранению как одной из базовых антропологических характеристик человека (Франкл, 1990). Развивая идеи М.К.Мамардашвили (1982), В.И.Слободчиков характеризует рефлексия как разрыв в потоке жизни, внутри которого происходит повседневное существование человека, и способность отнестись к жизни в целом, осуществить по отношению к ней ценно-

стно-смысловое самоопределение. В.И.Слободчиков рассматривает различные формы рефлексии, последовательность их онтогенетического развития и вклад в общие процессы развития.

Итак, мы выделили четыре основных направления развития смысловой регуляции в онтогенезе: 1) прогрессирующая интеграция, иерархизация и структурное усложнение механизмов смысловой регуляции; 2) когнитивное (точнее, идеаторное) опосредование смысловой регуляции, ее распространение за пределы налично данной ситуации в план прогнозов, представлений и фантазий; 3) прогрессирующее ее опосредование взаимоотношениями личности с социальными общностями, к которым она принадлежит; 4) прогрессирующее осознание и способность рефлексивного отношения к своим смысловым ориентирам. Все четыре выделенных измерения достаточно отчетливо связаны между собой и отражают как растущую с возрастом трудность внешнего мира, так и увеличивающуюся сложность внутреннего. Вот как описывает комплексную возрастную динамику смысловой сферы один из исследователей: «В процессе психического развития происходит иерархизация мотивов, возникает рефлексия, складывается обобщенное отношение к жизни, расширяется ценностно-смысловое пространство личности, выстраивается единая жизненная линия и выявляются противоречия между нею и жизненными обстоятельствами, создается направленность на цели, связанные с отдаленным будущим» (*Байзер, 1997, с. 94*).

Вернемся теперь к соотношению между развитием смысловой сферы и другими сторонами развития личности в контексте изложенной в разделе 2.7. мультирегуляторной модели. Как уже было сказано, три низших регуляторных системы — удовлетворения потребностей, реагирования на стимулы и выработанной предрасположенности — можно считать присутствующими и оказывающими регуляторное влияние на поведение практически с момента рождения. Примерно с полугодовалого возраста окружающие взрослые начинают также внедрять в сознание младенца критерии и оценки, соответствующие логике социальной нормативности — необходимость соответствовать ожиданиям окружающих, хотя реально эта логика начинает оказывать сколько-нибудь заметное влияние на поведение ребенка гораздо позже. Аналогичным образом, как показал Дж.Шоттер (*Shotter, 1984*), мать внедряет в сознание ребенка и идею осмысленности его действий, интерпретируя их, то есть ставя перед ним вопрос «зачем» и отвечая ему на этот вопрос. При этом вопрос об истинности такой трактовки не стоит; для младенца соответствующие действия не имели смысла, пока они не получили смысловую интерпретацию; получив ее, действия обрели тем самым смысл для него.

Ответить на вопрос о смысле действия означает связать его с тем, ради чего оно осуществляется. Такое связывание предполагает наличие определенных когнитивных предпосылок. Мы не беремся здесь формулировать сами эти предпосылки, а также обсуждать конкретный возраст, в котором можно быть уверенным в их наличии. Тем не менее, приблизительно можно говорить о трехлетнем возрасте — точке «первого рождения личности» по А.Н.Леонтьеву — как о возрасте формирования более или менее связанного и целостного внутреннего мира, интегрированных механизмов смысловой регуляции, которые начинают — впервые — задавать поведению свою собственную логику, одним из проявлений которой является хорошо известный феномен «горькой конфеты». Принятие несправедливо полученной награды не противоречит ни потребностям, ни внешним стимулам, ни установкам и стереотипам, ни социальным ожиданиям, но оно вступает в конфликт с субъективным устройством мира, с представлениями о том, что ради чего делается, иначе говоря — со смысловыми ориентациями. До этого возраста проявления смысловой регуляции встречаются как изолированные феномены, включенные в другие регуляторные системы как несамостоятельные элементы.

После этого начинается довольно длительный стабильный период литического развития смысловой сферы личности по трем линиям, описанным выше. Смысловая регуляция постепенно занимает одно из ведущих мест в ряду регуляторных систем, однако служит преимущественно адаптивным задачам.

Новый качественный перелом наблюдается в точке «второго рождения личности» — в подростковом возрасте, который в интересующем нас аспекте характеризуется прежде всего тем, что внутренний мир и индивидуальные смысловые ориентации приобретают самостоятельность, переходящую в сверхценность. В результате смысловая регуляция начинает часто принимать контрадаптивный, а то и дезадаптивный характер, вступая в конфликт с другими регуляторными системами. В подростковом возрасте формируются предпосылки для становления высшей системы регуляции, характерной для зрелой автономной личности — системы, основанной на логике свободного выбора, — однако индивидуальная траектория развития не всегда к этому приводит. Некоторые, неоптимальные констелляции факторов, влияющих на ход развития, способствуют закреплению незрелых паттернов личностной структуры, лежащих в основе конформистского, импульсивного и симбиотического типов отношений личности с миром (Калитеевская, 1997; Леонтьев ДА., 1993). Во всех этих трех случаях механизмы смысловой регуляции занимают подчиненное положение по отношению к регуляторным систе-

мам более низкого уровня. У личности автономного типа (*там же*), характеризующейся, в частности, открытостью к взаимодействию с миром и возможностью дальнейшего развития, смысловая регуляция занимает доминирующее положение по отношению к удовлетворению потребностей, реагированию на стимулы, применению выработанных стереотипов и реагированию на социальные ожидания. Вместе с тем автономная личность в состоянии и занять активную творческую позицию по отношению к собственным наличным смыслам благодаря возникновению шестой регуляторной системы, основанной на логике свободного выбора. Тем самым возникает возможность трансценденции смысловой регуляции; автономная личность не только действует сообразно своему жизненному миру как целому, но и способна творить и перестраивать свой жизненный мир, вносить в него новые смыслы, в частности, с помощью механизма полагания, описанного в разделе 2.4.

Мы завершим на этом постановку и вводное рассмотрение проблемы развития смысловой сферы в онтогенезе. Более подробное и содержательное раскрытие этой темы потребовало бы специального объемного исследования. Мы же теперь обратимся к вопросу об индивидуальных различиях в строении и функционировании смысловой сферы личности.

4.4. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ И СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ

Вопрос об индивидуальных особенностях смысловой регуляции связан, с одной стороны, с рассматривавшейся в предыдущем разделе проблематикой развития смысловой сферы и с вопросами ее патологии, к которым мы обратимся несколько ниже, с другой стороны — с прикладными вопросами диагностики особенностей смысловой сферы. Для психолога-практика все теоретические построения, изложенные в книге, мало что дадут, если мы не свяжем разработанную нами общетеоретическую объяснительную модель с конкретными наблюдаемыми и диагностируемыми проявлениями тех или иных особенностей строения и функционирования смысловых механизмов. Из предыдущего раздела непосредственно вытекает существование различий смысловой регуляции, связанных с Уровнем развития соответствующих механизмов. В этом разделе нам предстоит, во-первых, выделить систему гипотетических конструк-

тов — конкретных диагностируемых (измеряемых) показателей хотя бы частично отражающих индивидуальные характеристики механизмов смысловой регуляции, и, во-вторых, обсудить, в какой мере их различия связаны с уровнями возрастного развития, а в какой — отражают «истинные» индивидуальные особенности, несводимые к возрастному измерению.

Первый гипотетический конструкт, характеризующий индивидуальные различия смысловых механизмов, отражает наиболее общую смысловую ориентацию — склонность вообще ориентироваться на смысл своих действий, а не на их причину, ставя по отношению к ним вопрос «для чего» в противовес вопросу «почему». Этот конструкт мы обозначаем как телеологичность поведения в противовес его каузальности. Во многом идея этого измерения смысловой сферы оказалась связана с разработкой нами методики предельных смыслов (Леонтьев Д.А., 1985; Леонтьев Д.А., Бузин, 1992; Леонтьев Д.А., Филатова, 1999), подробно излагаемой ниже, в разделе 4.5. Суть этой методики состоит в последовательном задавании вопросов «Для чего люди делают то-то?» Оказалось, что одни испытуемые не испытывали трудностей в ответе на вопросы такого рода, а для других сама постановка вопроса была чем-то непонятным, им никогда не приходило в голову задумываться над «зачем» своих действий, воспринимая их как вызванные определенными причинами. В.К.Лосева, работавшая по этой методике с больными пограничными психическими нарушениями (1987, личное сообщение), сообщала даже об эффекте катартического инсайта, который сама процедура вызвала у одной пациентки, со следующим комментарием пациентки: «Я ведь никогда раньше не думала, зачем я делаю с собой то или иное, думала лишь, за что мне все это достается!»

Телеологичность—каузальность можно, таким образом, рассматривать как биполярный конструкт, задающий одно из важнейших измерений индивидуальных различий в организации смысловой сферы и функционировании смысловых механизмов. Несложно предположить, что люди с выраженной телеологической ориентацией будут характеризоваться доминированием смысловой регуляции над всеми другими регуляторными системами, что будет проявляться в большей независимости от ситуации и социального давления, силе Эго, хорошем контроле над потребностями и эмоциями, выраженной ориентации на будущее и протяженной временной перспективе. У более каузально ориентированных людей смысловая регуляция будет занимать подчиненное положение, что будет выражаться в их полезависимости, фиксации на прошлом и настоящем, реактивности. В теоретическом аспекте телеологичность как свойство личности перекликается с автономией в модели Э.Деси и Р.Райана

(Ryan, Deci, Grolnick, 1995), а также с индивидуалистской моделью развития личности в концепции личности С.Мадди (Maddi, 1971). Разработка измерительного инструмента для диагностики этого измерения личности — задача ближайшего будущего. Определенную характеристику личности по этому параметру позволяет получить ряд неспецифических методов, таких как упомянутая методика предельных смыслов, каузометрия (Головаха, Хроник, 1984) или — в компьютерном варианте — «LifeLine» (Кроник, 1993), а также опросник каузальных ориентации Э.Деси и Р.Райана (Deci, Ryan, 1985) и метод мотивационной индукции (Nuttin, 1985).

Вторым конструктором, существенным для характеристики смысловой сферы личности, является **общий уровень осмысленности жизни**. Осмысленность жизни можно рассматривать как энергетическую характеристику смысловой сферы, количественную меру степени и устойчивости направленности жизнедеятельности субъекта на какой-то смысл. Действительно, наполненность жизни субъекта каким-либо устойчивым смыслом феноменологически проявляется, в частности, в стеничности, энергии, жизнестойкости, а отсутствие смысла выражается в депрессии, легкой подверженности психическим и соматическим заболеваниям и аддикциям. Наркологам хорошо известно, что одним из наиболее значимых для прогноза успеха излечения от алкоголизма и наркомании факторов является наличие какого-либо смысла вне аддиктивного круга. Виктор Франкл (1990; 1997) блестяще описал в своих книгах то, как наличие или отсутствие у людей смысла влияло на их шансы выжить в концлагере. Другой пример, который он приводит, касается его опыта работы до войны в кризисном стационаре, пациенты которого были госпитализированы после неудачных суицидальных попыток. Франклу нередко приходилось определять, можно ли выписывать того или иного пациента без риска, что он вновь повторит попытку суицида. «Вообразите себе ту громадную ответственность, — пишет Франкл, — которая ложилась на мои плечи — за несколько минут я должен был принять решение, находится ли этот человек еще во власти стремления, готовности к самоубийству или нет. Я просил сестру привести ко мне пациента и, глядя в его историю болезни, я спрашивал: "Вы знаете, что попали сюда потому, что пытались совершить самоубийство?" Ответ был: "Конечно, знаю. Да." Я спрашивал: "А как сейчас? Есть ли у Вас сейчас подобные желания, импульсы? По-прежнему ли Вы хотите совершить самоубийство?" И любой пациент в этой ситуации отвечал: "Нет, больше не собираюсь". Ведь он или действительно утратил свое желание самоубийства или же, если оно не исчезло, он хотел выйти на свободу, чтобы его успешно реализовать. После этого я спрашивал: "А поче-

му?" И, бывало, пациент в ответ опускал глаза, некоторое время молчал, беспокойно ерзая на стуле и в конце концов отвечал: "Нет честное слово, у меня больше нет намерений покончить с собой вы можете меня выписывать". Таких пациентов мы никогда не выписывали, поскольку в этом случае сохранялся явный риск повторения попытки самоубийства. Другие пациенты, когда я спрашивал есть ли у них по-прежнему мысль совершить самоубийство, отвечали: "Нет, вовсе нет". — "Почему?" — "О, доктор, Вы обещали, что Вы меня полностью вылечите и у меня начнется опять нормальная жизнь, какая была у меня до моего заболевания". Или: "Доктор, Вы же знаете, что я христианин, я осознал, какой тяжелый грех — лишить самого себя жизни". Или: "Доктор, у меня есть важная работа, которую мне надо завершить". Или: "Я должен заботиться о семье". В любом случае были доводы, аргументы, говорящие против того, чтобы покончить с собой. Другими словами, во всех этих случаях появлялся определенный смысл, смысл жизни, который пробивался и прорастал через это депрессивное состояние. Это самое главное — есть ли аргументы, есть ли то, ради чего сохранять свою жизнь, отказаться от попыток самоубийства» (1999, с. 80).

Еще в шестидесятые годы была разработана шкала для измерения степени осмысленности жизни — тест «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Джеймса Крамбо и Леонарда Махолика (*Crumbaugh, Maholick, 1964, p. 201*). «Цель в жизни», которую диагностирует методика, авторы определяют как переживание индивидом онтологической значимости жизни (*там же*). Как правило, выборки пациентов с теми или иными клиническими проблемами обнаруживают более низкую степень осмысленности жизни, чем контрольные группы. Масштабное исследование, направленное на валидизацию этого теста (*Crumbaugh, 1968*), которое охватывало 1151 человека, в том числе 4 «нормальные» группы и 6 клинических (невротики со смешанными диагнозами из психологических консультаций, госпитализированные невротики, госпитализированные алкоголики, госпитализированные шизофреники, госпитализированные психотики), обнаружило в целом высокозначимые различия между «нормальными» и клиническими подвыборками. Позднее было обнаружено, что наркоманы также демонстрируют результаты, сильно пониженные по сравнению с нормой (*Frankl, 1978, с. 26—27*). С другой стороны, осмысленность жизни не обнаруживает устойчивых связей с полом, возрастом, уровнем образования, IQ, религиозностью и доходом. В.Франкл рассматривает это обстоятельство как подтверждение его положения о том, что смысл жизни может быть найден любым человеком (*Франкл, 1990*). Дополнительное подтверждение этому вытекает из опыта нашей работы с

русскоязычной адаптацией этой методики (Леонтьев Д.А., 1992 б), которая подробно описана ниже, в разделе 4.5. Одним из наиболее интересных фактов является поразительно точное совпадение результатов разных групп, выступавших в разных исследованиях как контрольные. Стоит также упомянуть устойчиво воспроизводящуюся в разных исследованиях отрицательную корреляцию осмысленности жизни со шкалой депрессии ММРІ, а также с опросниками, измеряющими аномию. И.Ялом, приводящий обзор исследований по этой методике, суммирует их обобщенные результаты в следующих пяти пунктах:

1. Отсутствие смысла жизни почти линейным образом связано с психопатологией.

2. Осмысленность жизни положительно связана с глубинными религиозными убеждениями.

3. Осмысленность жизни связана с трансцендентными ценностями, то есть ценностями, которые выходят за пределы собственно-го «Я».

4. Осмысленность жизни связана с членством в группах, увлечением каким-то делом и принятием четких целей в жизни.

5. Смысл жизни нужно рассматривать в перспективе развития, ибо мера осмысленности жизни меняется на протяжении жизни (Yalom, 1980).

Из отечественных исследований можно упомянуть, в частности, работу М.В.Дмитриевой (1999). Изучая безработных в ситуации поиска работы, она обнаружила, в частности, что «успешные» безработные, решающие свою проблему, отличаются более высоким уровнем осмысленности жизни и более высокой интегрированностью личностной структуры в целом. Кроме того, обнаружилась определяющая роль смысловых и ценностных ориентации в структуре ключевых личностных переменных; в свою очередь, эти две переменные тесно связаны между собой. «Ощущение жизненного смысла дает начало ценностям, которые усиливают его синергетически» (Дмитриева М.В., 1999, с. 12).

Метафорически упомянутая выше энергетическая функция смысла, которая, как можно увидеть, подкрепляется вполне реальной феноменологией, на самом деле представляет собой очень тонкую и деликатную проблему, заслуживающую специального углубленного анализа, выходящего за пределы данной работы. Сам В.Франкл писал о «полярной области напряжения, где одним полюсом является смысл, подлежащий осуществлению, а другим — человек, который должен его осуществить» (1997, с. 251). Близкие идеи — о системе «человек—мир» как энергетическом диполе — встречаются и у некоторых других мыслителей, хотя обычно в весь-

ма неразработанном виде. Мы здесь ограничимся пока первичной постановкой этой проблемы для будущих исследований.

Третий конструкт — *соотношение ценностной и потребностной регуляции* в рамках смысловой регуляции или, иначе, соотношение личностных ценностей и потребностей как источников смыслообразования. На первый взгляд этот конструкт носит более частный характер по сравнению с первым; его выделение опирается на теоретические соображения о соотношении потребностей и личностных ценностей, изложенные в публикациях (Леонтьев Д.А., 1996 б; 1997 б), а также в разделах 3.6. и 4.3. Он непосредственно связан с выделенной в предыдущем разделе линией развития смысловой сферы в направлении прогрессирующей ее социализации, опосредования индивидуальной жизнедеятельности социальными регуляторами.

Человек с доминирующей ценностной регуляцией будет в большей мере подчинять свое поведение принципам, «абсолютным», устойчивым, внеситуативным ориентирам, для него будет более значима социальная идентичность, он будет в большей мере склонен рассматривать интересы своей социальной группы (групп), к которой (которым) он принадлежит, как свои кровные интересы. Человек с доминирующей потребностной регуляцией будет в большей мере подчинять поведение своим сиюминутным желаниям, будет мало считаться с окружающими, мало учитывать отдаленные последствия своих поступков и решений. Важно, однако, при этом учитывать, что, хотя прогрессивная социализация, постепенное замещение потребностей как смыслообразующих источников личностными ценностями представляет собой общее направление развития, в конкретных случаях социализация может приводить и к заметным искажениям в развитии, о чем в свое время с большим пафосом писал К.Роджерс (Rogers, 1963). Социализация, научение соотносить свои индивидуальные желания и цели с желаниями и целями значимых других и социальных общностей является необходимым компонентом развития личности, но когда это соотношение превращается из «служебного» социального навыка в самоцель, подчиняет себе всю логику поведения и не оставляет места для автономных действий, оно превращается в тормоз для развития отношений с миром и личности в целом.

Более внимательный взгляд позволяет увидеть, что в этом конструкте отражается неоднократно описывавшаяся феноменология. В частности, правомерно, на наш взгляд, было бы рассматривать классификацию смыслов Б.С.Братуся (1988) как отражение особенностей ценностно-потребностного баланса, связав «эгоцентрические» смыслы с потребностями как их смыслообразующими

источниками, «группоцентрические» смыслы — с ценностями малых групп, и «просоциальные» смыслы — с ценностями больших социальных общностей и общечеловеческими ценностями. В клинико-экспериментальных исследованиях И.А.Сапаровой (1989; 1990) было введено и эмпирически прослежено различие двух уровней смысловой регуляции, высший из которых связан, в частности, с ценностным опосредованием бытия. Было показано, что ипохондрическая симптоматика у психически больных разной нозологии, а также здоровых людей, связана с неполноценным развитием именно этого уровня регуляции. Последнее рассматривается автором как основная причина, способствующая развитию ипохондрических состояний вне прямой зависимости от нозологии. «Особенности смысловой регуляции, приводящие к ипохондризации, связаны с обедненностью, суженностью связей личности с миром, невозможностью ценностно-смыслового опосредования бытия, негибкостью, ригидностью позиций, ценностей, смыслов, мнений» (Сапарова, 1990, с. 78).

Четвертой характеристикой индивидуальных особенностей смысловой регуляции является **структурная организация смысловых систем**. Это не единичный параметр, который можно однозначно измерить, а комплексное качественно-количественное описание структурной организации смысловой сферы, включающее в себя целый ряд параметров. Прежде всего можно назвать три параметра, по которым А.Н.Леонтьев (1977) характеризовал личность, определяемую им как иерархию мотивов: широту связей человека с миром, степень их иерархизированности и общую структуру, структурный профиль личности. Практически те же три параметра применимы и для структурной характеристики динамических смысловых систем (см. раздел 3.7.). Следует, впрочем, отметить, что А.Н.Леонтьев, говоря об иерархии мотивов, и мы, говоря о динамических смысловых системах, имели в виду практически одно и то же — изменилась не столько базовая модель, сколько терминология, язык ее изложения. Эти параметры получили операционализацию в разработанной нами методике предельных смыслов или МПС (Леонтьев, Бузин, 1992; Леонтьев, Филатова, 1999; см. также раздел 4.5.). Широте связей соответствуют такие структурные показатели МПС как количество предельных смыслов и продуктивность, степени иерархизированности — количество узловых категорий и индекс связности, а общую структуру позволяет содержательно охарактеризовать качественный анализ МПС.

Пятой характеристикой индивидуальных особенностей смысловой регуляции является **степень ее осознанности**. Мы ранее рассматривали осознанность в более широком контексте личностной

регуляции жизнедеятельности, как одно из двух базовых измерений жизненной позиции личности (Леонтьев Д.А., 1993, с. 38—39; 1998 б с. 127—129). Осознанность характеризует степень рефлексивного выделения себя личностью из потока своей жизни, осознания несовпадения своего «Я» и объективно разворачивающегося жизненного процесса; отсутствие осознанности характеризует людей, для которых их «Я» слито, неотделимо от того, что с ними реально происходит. «Осознание жизни превращает ее в подлинное бытие. Отсутствие осознания оставляет ее всего лишь существованием» (Зинченко, 1991, с. 35). По сути, в регуляции поведения осознание выполняет функцию механизма обратной связи. Осознание того, как и с каким эффектом я как субъект управляю собственным поведением, является необходимой (но не достаточной) предпосылкой успешности этого управления. Другой предпосылкой является активность, которую мы рассматриваем как второе базовое измерение жизненной позиции, независимое от осознанности. Активность жизненной позиции в нашем понимании характеризует способность личности управлять событиями своей жизни, активно в них вмешиваться. Личность с пассивной позицией не в состоянии воздействовать на свою собственную жизнь, она плывет по течению, подчиняясь потоку событий.

Хотя оба параметра жизненной позиции в какой-то мере коррелируют, они все же достаточно независимы друг от друга. Их парные сочетания дают четыре идеальных типа жизненной позиции. *Действенная* позиция характеризуется осознанностью и активностью; такой человек осознает течение своей жизни, способен стать по отношению к ней в активную позицию и управлять ею. *Импульсивная* позиция характеризуется активностью и отсутствием осознанности; такой человек стремится управлять своей жизнью, не будучи в состоянии ее хорошо осмыслить, управление им своей жизнью принимает характер хаотичных, импульсивных решений и изменений, не связанных единой логикой и жизненной целью. *Созерцательная* позиция характеризуется осознанностью и отсутствием активности; осознавая события своей жизни как нечто отдельное от своего «Я», такой человек, однако, не в состоянии на них воздействовать по причине либо убежденности в невозможности это сделать (внешний локус контроля), либо невротической неуверенности в себе, своих силах и возможностях. *Страдательная* позиция — это отсутствие осознанности и активности по отношению к своей жизни, полное пассивное подчинение обстоятельствам, принятие всего, что происходит, как неизбежного и неконтролируемого.

Если активность жизненной позиции связана не столько со смысловой регуляцией жизнедеятельности, сколько с развитием экзистенциальных механизмов свободы и ответственности, принад-

лежащих к более высокому регуляторному уровню (*Леонтьев Д.А.*, 1993), то осознанность в гораздо большей мере характеризует индивидуальные особенности именно смыслового уровня регуляции. Выше, в разделе 4.1, мы рассматривали процессы смыслоосознания и изменения, которые порождает осознание тех или иных смыслов. Если, однако, ограничиться рассмотрением только смыслового уровня регуляции, не учитывая экзистенциальный уровень механизмов свободы и ответственности, есть риск неправомерного отождествления осознанности с «уходом в осознание», который компенсирует и рационализирует затруднения при переходе к активным действиям. Этот эффект, в частности, описал Д.Дёрнер (1997), изучавший стратегическое мышление в ситуациях управления сложными динамическими системами: одной из характерных стратегий ухода от принятия решения было стремление собирать информацию с максимальной полнотой, упуская время для принятия необходимых решений.

Компенсаторную тенденцию пассивного осознания отражает, в частности, индекс рефлексивности упоминавшейся выше методики предельных смыслов. Высокие значения этого индекса отражают не только развитое осознание, но и трудности в осуществлении практической деятельности. Как показали наши исследования (*Леонтьев, Филатова*, 1999), человек с высоким значением индекса рефлексивности (ИР) испытывает трудности в переходе от планирования к воплощению замыслов, что может проявляться в избегании или затрудненности постановки целей в настоящем, ощущает свою неспособность строить жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле, он лишен целенаправленности, его намерения часто остаются нереализованными, но не из-за нереалистичности самих намерений, а из-за чрезмерной интеллектуализации, застревании на стадии обдумывания действий. Воспользовавшись терминологией В.Франкла (1990), мы можем предположить, что человек с высоким ИР склонен реализовывать смысл своей жизни в ценностях переживания, наиболее насыщенной из которых является любовь. Это согласуется с результатами сопоставления количественных показателей МПС у групп испытуемых, отличающихся друг от друга по вербально формулируемым содержательным описаниям смысла жизни. Те испытуемые, которые связывают смысл своего существования с жизнью близких (детей, возлюбленных), отличаются наиболее высоким показателем ИР. Человек с низким ИР выглядит более решительным, практичным, уверенным в своей способности контролировать события собственной жизни, он ориентирован в своих мотивационных устремлениях на ситуацию «здесь-и-теперь».

Наконец, шестым измерением индивидуальных особенностей смысловой регуляции выступает *временная локализация* ведущих смысловых ориентиров. Напомним, что восприятие мира как целого — в пространственной протяженности и временной перспективе — является одной из психологических предпосылок смысловой регуляции вообще. Выше мы уже обращали внимание на связь развития смысловой регуляции с развитием идеаторного предвосхищения и мысленного экспериментирования в плане воображения. Одним из проявлений этой связи является постепенное смещение с возрастом эмоциональных реакций от конца действия к его началу, превращение их из завершающих в предвосхищающие (эксперименты А.В.Запорожца и Я.З.Неверович, 1974).

Вместе с тем временная локализация смысловых ориентиров не сводится к генетическому измерению общего развития. В процессе нашей работы по русскоязычной адаптации упоминавшегося выше опросника «Цели в жизни» Дж.Крамбо и Л.Махолика (см. *Леонтьев Д.А., 1992 б*) с помощью факторного анализа удалось выделить ряд хорошо интерпретируемых субшкал, три из которых непосредственно связаны с временным измерением. Баллы по первой шкале — «*Цели в жизни*» — характеризуют наличие или отсутствие в жизни человека целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Низкие баллы по этой шкале даже при общем высоком уровне осмысленности жизни будут присущи человеку, живущему сегодняшним или вчерашним днем. Вместе с тем высокие баллы по этой шкале могут характеризовать не только целеустремленного человека, но и прожектера, планы которого не имеют реальной опоры в настоящем и не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию. Содержание второй шкалы — «*Процесс жизни*» или «*Интерес и эмоциональная насыщенность жизни*» — совпадает с известной теорией, что единственный смысл жизни состоит в том, чтобы жить. Этот показатель говорит о том, воспринимает ли человек сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Высокие баллы по этой шкале и низкие по остальным будут характеризовать гедониста, живущего сегодняшним днем. Низкие баллы по этой шкале — признак неудовлетворенности своей жизнью в настоящем; при этом, однако, ей могут придавать полноценный смысл воспоминания о прошлом или нацеленность в будущее. Баллы по третьей шкале — «*Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией*» — отражают оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть. Высокие баллы по этой шкале и низкие по остальным будут характеризовать человека, который

доживает свою жизнь, у которого все в прошлом, но это прошлое способно придать смысл остатку жизни. Низкие баллы — неудовлетворенность прожитой частью жизни. Из этих данных довольно отчетливо вытекает, что временная локализация ведущих смысловых ориентиров в будущем, настоящем либо прошлом представляет собой область индивидуальных различий, несводимых к общему уровню развития смысловой регуляции.

Шесть выделенных нами параметров индивидуальных различий смысловой регуляции и смысловой сферы личности вряд ли исчерпывают их возможный список. Само их выделение представляет собой эмпирическое обобщение, опирающееся на имеющиеся направления теоретических и экспериментальных исследований в этой области, а не логически строгую классификацию. Эвристическое значение этого перечня заключается, на наш взгляд, прежде всего в том, чтобы указать основные направления операционализации развернутых выше теоретических положений о смысловой сфере и смысловой регуляции, с тем, чтобы активизировать экспериментальные исследования, заметно отстающие пока от теории.

4.5. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ

Основной вопрос, касающийся общей методологии психологического изучения смысловой сферы личности, может быть сформулирован в виде дилеммы специфичности—неспецифичности: должны ли применяться для анализа смысловой сферы особые специфические методы и особая методология, или же для этого пригодны методы, известные и применяющиеся в русле других подходов и направлений исследований. Из всего текста данной работы, и в особенности из предыдущего раздела достаточно явственно следует то, что достаточно большой объем эмпирических данных о тех или иных аспектах смысловой реальности может быть получен и фактически получается с помощью неспецифических методов. С другой стороны, при использовании неспецифических методов необходимо дифференцировать смысловые, эмоциональные, семантические и прочие феномены, что не во всех случаях легко осуществимо. Наши разнообразные исследования и методическая работа, проводившиеся на протяжении ряда лет, позволяют нам без колебаний утверждать, что смысловая реальность доступна для изучения разными методами, как специфическими, так и неспецифическими.

При этом, однако, необходимо сделать некоторые оговорки и уточнения. Экспериментальные исследования могут быть направлены на две из трех граней смысла — на феноменологический или субстратный (регуляторный) их аспект. В первом случае предметом исследования выступают смысловые связи в картине мира, мировоззрение, субъективная семантика, образы в широком смысле слова. Во втором случае предметом исследования выступают регуляторные влияния тех или иных индивидуальных особенностей смысловой сферы или индуцированных в экспериментальной ситуации смысловых установок на процессы практической и познавательной деятельности, на решение конкретных и более общих задач, вплоть до влияния на жизненный путь субъекта в целом. При этом исследования такого рода становятся исследованиями смысловой реальности только в том случае, если при рассмотрении независимых и опосредующих переменных учитывается их онтологический аспект, то есть место в структуре жизненных отношений. Поясним это на примере. Если мы, например, проводим психосемантическое исследование отношения к таким эмоциогенным стимулам как символика политических движений (коммунистическая, нацистская и другая подобная символика), то это исследование еще не открывает нам смысловую реальность. Исследованием смысловой реальности оно становится в том случае, если мы включаем в схему исследования вопросы на выявление прямого отношения реципиентов к этим движениям, скажем, давая задание ранжирования электоральных предпочтений, что позволяет нам локализовать эти движения в пространстве жизненных отношений реципиентов. Последнее является непременным условием любого исследования смысловой реальности, в отличие от исследований эмоциональной регуляции или психосемантики сознания, хотя методические процедуры могут при этом совпадать.

Второе уточнение касается невозможности в одном исследовании получить одновременно феноменологическую и деятельностьную характеристику некоторой смысловой структуры, то есть содержательное описание соответствующего смысла и характеристику его регуляторного эффекта. Речь идет в данном случае о гипотезе, индуктивно выведенной из анализа массива эмпирических исследований. Эта гипотеза подобна известному в физике принципу дополнительности Н.Бора, согласно которому в данный момент времени можно установить либо координаты элементарной частицы, либо ее энергетическую характеристику, но не то и другое одновременно. А.Е.Шерозия (1979), рассматривавший принцип дополнительности Н.Бора как общегносеологический принцип, сформулировал его следствие для психологии: психические содержания можно изучать или субъек-

тивно, со стороны субъекта, или объективно, с позиции внешнего наблюдателя, но совмещение этих двух перспектив в одном исследовании невозможно. По сути, сформулированная нами гипотеза дополнительности феноменологического и деятельностного описания смысловой реальности является частным случаем принципа, сформулированного А.Е.Шерозия.

Переходим к характеристике пяти основных методических подходов к эмпирическому изучению смысловой реальности: экспериментальному, психометрическому, проективному, психосемантическому и качественно-феноменологическому. Первые два относятся к линии объективного (субстратного), остальные три — к линии субъективного (феноменального) описания. Все подходы мы будем иллюстрировать в данном разделе оригинальными исследованиями, выполненными нами или при нашем участии и под нашим руководством. Рассмотрение формирующего подхода мы намеренно не включили в данный раздел, поскольку ему будет уделено внимание в разделе 4.8., посвященном методологии и технике смыслотехнического воздействия.

Экспериментальный подход к изучению смысловой регуляции. Экспериментальный подход был первым из путей изучения смысловой реальности, на который обратили внимание авторы, концептуализировавшие идею смысловых образований личности (*Субботский, 1977; Асмолов, Братусь и др., 1979; Асмолов, Насиновская, Басина, 1979*). Е.В.Субботский (1977) отмечал, что смысловые образования проявляются в эффектах отклонения поведения от линии, предусматриваемой «интеллектуалистической презумпцией объяснения». В этапной коллективной статье (*Асмолов, Братусь и др., 1979*) предлагался поэтапный анализ эффектов такого рода отклонений. Прежде всего фиксируется или экспериментально вызывается поведение, отклоняющееся от оптимальной линии достижения цели. Затем осуществляется доказательство того, что это отклонение нельзя объяснить недостаточной «технической оснащенностью» субъекта. Это достигается путем нейтрализации предполагаемого скрытого мотива при сохранении операционально-технической структуры решаемой субъектом задачи. Наконец, третий этап является, по сути, формирующим и предполагает изменение позиции субъекта в социальной ситуации. В качестве специфического экспериментального приема назван прием искусственного прерывания, сбой деятельности, а также создание неопределенности, лежащее в основе, в частности, проективного подхода.

В специальной работе, посвященной принципам исследования смысловой сферы (*Асмолов, Насиновская, Басина, 1979*), выделены следующие основные принципы: 1. Принцип личностной значи-

мости ситуации исследования для испытуемого. 2. Относительная неопределенность ситуации исследования. 3. Неконтролируемость исследуемых переменных со стороны испытуемого. 4. Контролируемость ситуации исследования со стороны исследователя. 5. Принцип изучения процесса в структуре целостной деятельности.

Примером экспериментального исследования смысловой регуляции является эксперимент, выполненный нами совместно с Ф.С.Сафуановым и Ю.А.Васильевой и подробно описанный в разделе 3.7. (см. также *Леонтьев Д.А.*, 1987). Задавшись целью зафиксировать изменение направленности реакций на один и тот же стимул на противоположную (перцептивной защиты на перцептивную бдительность) как следствие изменения смысла завершения экспериментальной деятельности по мере утомления и исчерпания исходного мотива, мы построили «двухъярусную» экспериментальную схему. В поверхностном слое, построенном по канонам лабораторного эксперимента, испытуемые выполняли искусственную задачу придумывания подписей к слайдам. Глубинный слой представлял собой скорее естественный эксперимент, поскольку независимой переменной, реально интересовавшей нас в этом исследовании, было изменение внутреннего желания испытуемых продолжать работать на желание завершить свое участие в эксперименте. Это изменение, как мы предполагали, должно было наступить естественным образом с течением времени и перестроить всю систему смысловой регуляции деятельности. Зависимой переменной была интерпретация известных в психологии восприятия двусмысленных изображений; одна из двух интерпретаций служила сигналом к окончанию эксперимента. Нам удалось в этом исследовании уловить естественную динамику деятельности испытуемых по участию в эксперименте. Как и предполагалось, если в начале эксперимента сигнал к окончанию обычно вытеснялся, и двусмысленные изображения виделись вторым, альтернативным образом, то к его концу перцептивная защита сменилась перцептивной бдительностью, и двусмысленные изображения чаще воспринимались в сигнальном варианте. Для интерпретации результатов необходим выход в онтологический план анализа, который позволяет увидеть изменение места сигнального изображения в системе жизненных отношений испытуемых: из ведущего к нежелательным последствиям оно превратилось в ведущее к желательным последствиям, что и обусловило инверсию регуляторного эффекта.

Психометрический подход к изучению смысловой регуляции. Психометрика смысловой сферы — словосочетание почти парадоксальное. Вместе с тем в предыдущем разделе мы описали методику Дж.Крамбо и Л.Махолика, направленную на психометрическую диагностику количественной меры наполненности жизни смыслом.

Наряду с ней, Дж.Крамбо разработал еще одну методику — шкалу поиска смысложизненных целей (Seeking of Noetic Goals Test — SONG), которую он рассматривал как дополнительную шкалу к методике «Цели в жизни» (PIL). По замыслу автора, методика должна измерять силу мотивационной тенденции к поиску смысла жизни (Crumbaugh, 1977). Автором методики было собрано большое количество данных на различных группах психически здоровых людей и пациентов клинических учреждений. Общие результаты подтверждают предположение о том, что результаты «аномальных» групп значимо выше результатов здоровых людей и что результаты по шкале поиска смысложизненных целей отрицательно коррелируют с результатами по тесту осмысленности жизни, причем в группах здоровых испытуемых эта отрицательная корреляция существенно более выражена. Дж.Крамбо объясняет это различие за счет того, что низкий уровень осмысленности жизни должен иметь следствием высокую мотивацию к поиску смысложизненных целей. У здоровых испытуемых дело обстоит именно так, а в клинических группах эта мотивация снижается за счет разнообразных патогенных влияний, снижая тем самым и величину коэффициента отрицательной корреляции с осмысленностью жизни (Crumbaugh, 1977, с. 903—904). Дополнительным подтверждением валидности шкалы является факт заметного снижения результатов по шкале у алкоголиков, прошедших курс логотерапии, в то время как в контрольной группе алкоголиков, лечение которых отличалось только отсутствием логотерапевтических процедур, наблюдалась скорее обратная тенденция. Эти результаты объясняются предположением о повышении осмысленности жизни пациентов в результате логотерапии, что и повлекло за собой снижение мотивации поиска смысложизненных целей.

Мы разработали и адаптировали русскоязычную версию обеих методик. Русскоязычная версия методики «Цели в жизни», которую мы вначале называли «Тест осмысленности жизни», а затем, после выявления ее внутренней факторной структуры, «Тест смысложизненных ориентации» или, сокращенно, СЖО (Леонтьев Д.А., 1992 б; Леонтьев, Калашиников, Калашиникова, 1993) оказалась и весьма надежной психометрически, и весьма богатой в содержательном отношении. Психометрические характеристики шкалы поиска смысложизненных целей, напротив, оказались неудовлетворительными, и нам пришлось отказаться от использования этой методики.

Надежность методик проверялась с помощью ретестирования с интервалом в 2 недели (испытуемые — 76 студентов МГУ). Результаты по тесту осмысленности жизни оказались устойчивы при $p < 0,05$ в отличие от шкалы поиска смысложизненных целей, воспроизво-

димось результатов которой оказалась неудовлетворительной. Еще одним показателем надежности теста осмысленности жизни явилась близкая к нулю корреляция теста осмысленности жизни со шкалой «тжи» Методики многостороннего исследования личности. Сравнение результатов нормальной контрольной выборки (студенты различных вузов г.Москвы) с результатами госпитализированных алкоголиков I и II степени и наркоманов дало результаты, хорошо согласующиеся с описанными выше результатами Дж.Крамбо. Внутри групп при этом наблюдаются следующие тенденции, не достигающие критериев статистической достоверности. Алкоголики I стадии по результатам обеих методик находятся ближе к норме, чем алкоголики II стадии. В контрольной выборке у мужчин результаты по обеим методикам выше, чем у женщин, а у студентов-психологов выше, чем у студентов других специальностей.

Ряд интересных результатов, относящихся к тесту осмысленности жизни, был получен в выполненной под нашим руководством дипломной работе М.В.Снетковой (1988). В этом исследовании участвовали три группы испытуемых: студенты различных вузов г.Москвы ($n=39$), больные неврозом, находящиеся на амбулаторном лечении во Всесоюзном научном центре психического здоровья АМН СССР ($n=17$) и студенты факультета психологии МГУ ($n=23$), подвергавшиеся обследованию дважды с интервалом 12—14 месяцев. Парадоксальным образом у невротиков были выявлены наиболее высокие показатели по тесту осмысленности жизни; результаты студентов-психологов были значительно выше, чем у непсихологов ($p<0,01$), и при ретестировании значимо возросли ($p<0,05$).

Некоторый свет на эти результаты проливает структура корреляционных связей осмысленности жизни с другими личностными переменными. В основной выборке студентов-непсихологов осмысленность жизни коррелирует с большим числом других переменных, в том числе с тремя основными шкалами опросника уровня субъективного контроля (УСК) (*Бажин, Голынкина, Эткинд*, 1993) — общей интернальности, интернальности по отношению к достижениям и интернальности по отношению к неудачам; с целым рядом шкал теста личностных ориентации Э.Шострома в адаптации Л.Я.Гозмана и М.В.Кроза (*Гозман, Кроз*, 1987) — со шкалой внутренней опоры, самоуважения, взгляда на природу человека и синергичности, а также со шкалой самоуверенности методики исследования самоотношения (МИС) С.Р.Пантилеева и В.В.Столина (*Пантилеев*, 1993) и со шкалами «С» и «Е» 16-факторного личностного опросника Р.Кеттела. В группе больных неврозом число значимых корреляций теста осмысленности жизни оказалось заметно меньше даже с учетом того, что на них не проводились

МИС и 16ЛФ. Их было всего 3: с интернальностью по отношению к неудачам опросника УСК и со шкалами самоуважения и креативности теста личностных ориентации. Все названные корреляции положительны, наиболее высокие в основной выборке — с общей интернальностью и интернальностью в области достижений, в группе невротиков — с самоуважением и креативностью. Наконец, в группе студентов-психологов, где использовался тот же набор методик, что и в исследовании невротиков, ни одной значимой корреляции осмысленности жизни с другими личностными переменными обнаружено не было. Вряд ли можно сразу найти этим результатам однозначное истолкование; по меньшей мере они заставляют задуматься о разнообразии психологических механизмов, придающих жизни людей цельность, осмысленность и упорядоченность.

В другом исследовании (*Леонтьев Д.А., Калашиников, Калашикова*, 1993) было выявлено, что разработанная нами русскоязычная версия методики Дж.Крамбо и Л.Махолика не только хорошо служит для измерения общего уровня осмысленности жизни, как и ее англоязычный прототип, но имеет также четкую и хорошо интерпретируемую факторную структуру.

В исследовании приняли участие 77 человек — московских ИТР, мужчин и женщин в возрасте от 23 до 36 лет. У 95% испытуемых было высшее образование. В процессе факторного анализа полученных результатов было выделено 6 факторов, на которые пришлось 64,6% дисперсии.

В качестве критерия уровня значимости был использован факторный вес 0,40. С учетом этого критерия пункты опросника объединились в факторы следующим образом (некоторые пункты вошли в несколько факторов):

- 1 фактор — 6 пунктов, которые можно объединить общим наименованием «цели в жизни», то есть наличие жизненных целей, призвания, намерений в жизни.
- 2 фактор — 2 довольно разных пункта, которые чисто условно можно объединить общим названием «верность ложному пути» (ответственность за выполнение возложенных обязанностей даже при наличии внутреннего протеста).
- 3 фактор — 6 пунктов под общим названием «интерес и эмоциональная насыщенность жизни».
- 4 фактор — 5 пунктов. Общее название «удовлетворенность самореализацией» (выражает ощущение успешности осуществления самого себя в жизни и повседневной деятельности).

5 фактор — 4 пункта. Общее название «Я — хозяин жизни» (выражает ощущение человеком его способности влиять на ход собственной жизни).

6 фактор — 5 пунктов. Общее название «управляемость жизни» (выражает уверенность в принципиальной возможности самостоятельного осуществления жизненного выбора).

Таким образом, несмотря на малый объем опросника (20 пунктов), при факторном анализе выделились шесть факторов, пять из которых (за исключением второго) хорошо интерпретируются, включают с весом не менее 0,40 от 4 до 6 пунктов каждый, и значительно ($p < 0,01$) коррелируют с общим показателем осмысленности жизни. Результаты, полученные при факторизации, позволяют утверждать, что осмысленность жизни личности не является внутренне однородной структурой. Полученные факторы (за исключением второго) можно рассматривать как составляющие смысла жизни личности. При этом они разбиваются на две группы. В первую входят собственно смысложизненные ориентации: цели в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией. Нетрудно увидеть, что эти три категории соотносятся с целью (будущим), процессом (настоящим) и результатом (прошлым). Как явствует из приведенных данных, человек может черпать смысл своей жизни либо в одном, либо в другом, либо в третьем (или во всех трех составляющих жизни). Это лишний раз подтверждает правоту В.Франкла, отмечавшего, что смысл всегда может быть найден, и закладывает основу для теоретической и эмпирической типологии смыслов жизни. Два оставшихся фактора характеризуют внутренний локус контроля, с которым, согласно приведенным выше данным, осмысленность жизни тесно связана, причем один из них характеризует общее мировоззренческое убеждение в том, что контроль возможен, а второй отражает веру в собственную способность осуществлять такой контроль (образ Я). Результаты факторного анализа позволили преобразовать методику в многомерный тест смысложизненных ориентации, содержащий, наряду с общим показателем осмысленности жизни, пять упомянутых субшкал.

Далее был проведен корреляционный анализ методики СЖО с опросником уровня субъективного контроля (УСК) (Бажин, Голынкина, Эткинд, 1993) и самоактуализационным тестом (САТ) (Гозман, Кроз, 1987). В качестве испытуемых выступали студенты московских вузов общей численностью 24 человека, мужчины и женщины. Обнаружилось, что все шесть показателей (общий и 5 субшкал) значительно коррелируют с общей интернальностью и с интернальностью в области достижений, а также (кроме третьей суб-

шкалы) — с интернальностью в области семейных отношений. Налицо также значимые корреляции пятой субшкалы СЖО с интернальностью в производственной сфере и по отношению к здоровью—болезни (все корреляции положительные). Обнаружены следующие значимые положительные корреляции показателей СЖО со шкалами методики САТ: со шкалами опоры и познавательных потребностей — все шесть показателей; со шкалами компетентности во времени, самоуважения и представления о природе человека — все, кроме первой субшкалы; со шкалой естественных ориентации — все, кроме общего показателя, и со шкалой спонтанности — третья, четвертая и пятая субшкалы. С стальными шкалами САТ значимых корреляций обнаружено не было. Таким образом, можно сделать вывод о том, что субъективное переживание наличия смысла жизни, как правило, связано с сознанием ответственности за результаты своей деятельности, а также о том, что для самоактуализирующейся личности характерно интенсивное переживание осмысленности своей жизни (Леонтьев Д.А., Калашников, Калашникова, 1993).

Проективный подход к диагностике смысловых структур. Проективный подход, как и последующие, относятся уже не к объективным, а к субъективно-феноменологическим подходам, в терминах приведенного выше принципа дополнительности. Можно охарактеризовать суть проективной методологии как предоставление испытуемому возможности структурировать или интерпретировать предложенный проективный материал в соответствии с его картиной мира так, что проективная продукция (рисунок, рассказ, завершение предложений и др.) будет в каком-то отношении изоморфна его субъективной реальности и вследствие этого позволит выносить суждения об этой реальности.

Феномен проекции известен в психологии давно. «Проекция в широком смысле слова — это имманентное свойство самого нашего восприятия, это его субъективность, индивидуальность, личностность. Это особенность восприятия, благодаря которой мы воспринимаем все лишь адекватно самим себе и, таким образом, пребываем в среде, преобразенной собственной индивидуальностью» (Савенко, 1969, с. 239—240). Теоретические обоснования феномена проекции и споры вокруг этих обоснований достаточно многочисленны (см. Соколова, 1980); мы не будем на них останавливаться, ограничившись анализом с позиций деятельностно-смыслового подхода. Наиболее развернутыми попытками обоснования проективной методологии с этих позиций являются работы Е.Т.Соколовой (1991; Соколова, Стоят, 1980), а также П.В.Янынина (1989; 1990). Первая трактовка опирается на понятие преградного смысла и предполагает, что ситуация

проективного эксперимента «предлагает человеку условия замещающего действия; чем добросовестнее человек относится к инструкции, тем более произвольно обращается он к своему опыту. Однако там "ближе всего" хранится прерванное действие и соответствующая ему ситуация. Неосознанно, а иногда и осознанно, человек пытается завершить прерванное действие; однако, как этого требуют новые условия, такое завершение возможно лишь в символическом плане, путем "управления" судьбами персонажей, их мыслями и чувствами. В свете сказанного становятся понятными и требования к проективным стимулам. Степень их определенности или неопределенности определяется возможностью их использования для тех или иных замещающих действий, сопряженных с преградившими смыслами разной степени конкретности» (Соколова, Столин, 1980, с. 67).

Трактовка П.В.Яньшина ставит во главу угла семантические механизмы синестезии и метафоры. Анализируя проективный рисунок, он характеризует его как метафорическое выражение смысла *Я*, подчеркивая при этом его коммуникативный аспект в качестве средства общения между испытуемым и экспериментатором. «Первая гипотеза состоит в том, что в проективном рисунке находит свое отражение смысл *Я* испытуемых. Вторая гипотеза состоит в том, что возможность существования рисуночной проекции определяется строением знака-образа: отражением в визуальной форме личностно-смыслового отношения к "*Я*", допускающим "подмену" имени образа. Закономерная связь личностного смысла и визуальной формы может быть рассмотрена как "смысловая референция". Третья гипотеза состоит в том, что в основе феномена смысловой референции лежит механизм синестезий, или коннотативной синонимии признаков, оперирующий на домодальном глубинно-семантическом уровне. Четвертой гипотезой является то, что движение столь же "категоризовано" через механизм синестезий, как и восприятие, так что рисунок — как "замороженное" движение — может служить транслятором невербальных значений и невербализованных смыслов» (Яньшин, 1990, с. 12—13). В ряде экспериментов П.В.Яньшину удалось получить данные, говорящие в пользу этих гипотез, и получить частичное подтверждение параллелизма образно-графического и вербально-метафорического рядов; проективный рисунок в этом контексте «допустимо рассматривать как графическое "высказывание" испытуемого о своем внутреннем мире и чертах характера» (Яньшин, 1989, с. 51).

Обе изложенные трактовки являются ограниченными, поскольку подводят теоретическое обоснование под один определенный класс проективных методов — ТАТ в первом случае и проективный рисунок во втором, — оставляя открытым вопрос о возможности

распространения этого обоснования и на другие классы проективных методов. Развивая теоретическое обоснование Тематического апперцептивного теста (Леонтьев Д.А., 1998 б), мы усматривали механизм его действия в том, что процессы воображения и реальное поведение, различаясь по своему субстрату и структурам, осуществляющим и регулирующим эти процессы, в онтологическом плане регулируются одними и теми же жизненными отношениями субъекта, проявляющимися, правда, в различных превращенных формах, предполагая цепь умозаключений от воображения к жизненным отношениям и жизненным смыслам и от них к регуляции реального поведения. Согласно предлагаемой нами трактовке, то, что непосредственно отражается в рассказах ТАТ — это индивидуальный образ мира обследуемого как целостное многомерное и многоуровневое представление действительности, формирующееся на протяжении всей жизни субъекта, выполняющее функции регуляции практической деятельности и опосредующее любые процессы психического отражения (Леонтьев А.К., 1983 б; Смирнов, 1985). Образ мира выступает источником субъективной определенности, позволяющей однозначно воспринимать объективно неоднозначные ситуации. Возникающая на основе образа мира в конкретной ситуации система апперцептивных ожиданий влияет на содержание восприятий и представлений, порождая иллюзии и ошибки восприятия, а также определяя характер восприятия неоднозначных стимулов таким образом, чтобы актуально воспринимаемое или представляемое содержание соответствовало целостному образу мира, структурирующим его смысловым структурам и вытекающим из него интерпретациям, атрибуциям и прогнозам относительно данной ситуации, а также актуальным смысловым установкам (см. разделы 3.1. и 3.2.). Зная особенности восприятия человеком тех или иных сторон действительности или же односторонней интерпретации им объективно неоднозначных событий и ситуаций и приписывая причину этих особенностей или интерпретаций сложившемуся у него устойчивому образу мира, в частности, личностно-смысловым трансформациям этого образа, описанным в разделе 3.1., можно «вычислить» жизненные смыслы для него тех или иных людей, ситуаций и обстоятельств и на этой основе предсказать его реальное поведение в подобных обстоятельствах, которое внешне может не совпадать с поступками героев его рассказов. Данная трактовка, будучи не более разработанной, чем две предыдущие, допускает, на наш взгляд, более широкое обобщение.

Психосемантический подход к изучению смыслов. Психосемантический подход (в широком смысле слова) основан на методологии измерения локализации объектов в пространстве, образованном

системой базовых семантических координат субъективной категоризации объектов и явлений (см. *Петренко, 1983; 1997 а; Шмелев, 1983; Артемьева, 1999*). Эти координаты традиционно вычленяются с помощью факторного анализа массива оценок некоторого набора объектов по набору оценочных шкал. В отличие от психометрического подхода, «в экспериментальной психосемантике сам субъект выступает носителем смыслового, семантического пространства. В психосемантике каждому человеку ставится в соответствие пространство смыслов, некий микрокосм, образованный облаком их позиций, и прочитывая эту "нотную" запись личностных смыслов другого человека, исследователь дешифрует, реконструирует сознание респондента» (*Петренко, 1997 б, с. 20*).

Основная проблема, однако, состоит в том, что то, что принято называть смыслами в психосемантике, не совпадает с тем, что мы понимаем под смыслами в контексте данной работы. Предмет психосемантического анализа — коннотативные значения — представляют собой эмоциональную сторону, эмоциональный заряд субъективных образов объектов, явлений или их символов. Хотя, безусловно, есть определенные основания проводить параллель между понятиями коннотативного значения и личностного смысла, как это делает В.Ф.Петренко (1983; 1997 а), однако эта параллель имеет свои границы. Эти границы обусловлены прежде всего несовпадением эмоциональной и смысловой реальности, которое мы подробно анализировали в разделе 2.8. Эмоциональное отношение дает нам лишь первичное указание на смысл, но отнюдь не раскрывает его, ибо не позволяет соотнести отношение к объекту с жизненными отношениями субъекта. Кроме того, психосемантическое исследование, как правило, нивелирует индивидуальные особенности изучаемого отношения. В.Ф.Петренко справедливо называет насилием объединение индивидуальных ответов в структуры, выделенные на основе групповых матриц (*Петренко, 1997 б, с. 21*). И хотя психосемантическая методология располагает возможностями анализа индивидуальных матриц, на практике это делается весьма редко.

Как и в случае других методических подходов, психосемантическое исследование позволяет раскрыть смыслы лишь в том случае, если мы обращаемся к онтологическому плану анализа и учитываем место изучаемых объектов в системе жизненных отношений испытуемых. Более того, даже в этом случае успех не гарантирован. Так, в выполненной под нашим руководством дипломной работе Н.Жердевой (РГГУ, 1996) изучалось отношение к книгам массового спроса (детективы, фантастика, детская литература), складывающееся на основе внешнего облика книг и семантических

«эталонных образов» хорошего детектива, хорошей фантастики и др. (см. также *Leontiev, Zherdeva, Chugunova*, 1997). В исследовании было, в частности, обнаружено, что отношение к жанру не влияло на семантику образов; так, у испытуемых, любящих фантастику и не любящих ее, эталонный образ «хорошей фантастики», а также образы конкретных книг значимо не различались.

Более непосредственный доступ к смысловой сфере по сравнению с традиционно используемым семантическим дифференциалом обеспечивает разработанная нами методика ценностного спектра (*Леонтьев Д. А.*, 1997 в). Эта методика относится к категории репертуарных решеток с заданными конструктами, в роли которых выступают предельные бытийные ценности из списка А.Маслоу (1999); идея методики была подсказана нам Э.В.Ульяновой. Испытуемым дается следующая инструкция: «Перед Вами список ценностей. В столбце, над которым написано А, поставьте галочки напротив тех ценностей, которые, на Ваш взгляд, присущи А; в столбце, над которым написано Б, поставьте галочки напротив тех ценностей, которые присущи Б и т.д. Работайте быстро, не задумываясь. Правильных и неправильных ответов не бывает, нам интересно Ваше мнение».

Из многочисленных исследований, в которых эта методика нашла применение, приведем лишь те, результаты которых характеризуют именно смысловую реальность. В выполненной под нашим руководством дипломной работе Л.А.Лагутиной (1991) обнаружилось, что студенты МГУ и ГИТИСа сходным образом оценивают понятие *театр*, но по-разному — понятие *жизнь*. Первые приписывают обоим понятиям больше ценностей, чем вторые, причем если для студентов МГУ *жизни* присуще больше ценностей, чем *театру*, то для студентов ГИТИСа — наоборот. В работе, выполненной Ю.А.Волковой (*Леонтьев Д.А.*, *Волкова*, 1997), у подростков было обнаружено значимое сходство ценностного спектра понятия *музыка* с ценностным спектром понятий *классическая музыка* и *эстрадная песня*, и незначимое — с ценностным спектром понятий *авторская песня* и *рок-музыка*. Последняя по своему ценностному спектру значимо коррелировала с понятием *жизнь*, что не наблюдалось в других аудиториях (посетителей филармонии, эстрадного концерта и слета КСП). В диссертационном исследовании Ю.А.Васильевой (1995; 1997), выполненном под нашим руководством, сравнивались данные оценивания по методике ценностного спектра таких понятий как *жизнь*, *труд*, *любовь*, *смерть*, *человек*, *прошлое*, *настоящее*, *будущее* у несовершеннолетних правонарушителей, вступивших в конфликт с законом, и их законопослушных сверстников. Значимые различия между выборками были получены по следующим сочетаниям ценность—объект: *завершен-*

ность труда, целостность любви, уникальность человека ($p < 0.01$), полнота жизни, необходимость труда, простота любви, целостность человека, необходимость будущего ($p < 0.05$); во всех случаях, кроме последнего, в группе девиантов соответствующая ценность атрибутируется объекту реже, чем в контрольной группе.

Качественно-феноменологический подход к изучению смыслов. В

последние два десятилетия во всем мире наблюдается увлечение качественными исследовательскими методами, направленными на сбор данных, представляющих ценность сами по себе, вне зависимости от исследовательских гипотез, которые они могут подтвердить или опровергнуть. Качественные методы предъявляют более высокие требования к квалификации психолога, проводящего исследование и обрабатывающего данные, чем методы количественные, но дают и более богатый материал. Зарегистрированные данные можно обрабатывать по-разному, с разных теоретических позиций, в то время как стандартизованные методы более жестко привязаны к исходной парадигме. Эти особенности сближают качественно-феноменологические методы с проективными. Принципиальное различие этих двух групп методов состоит однако в том, что если проективные методы позволяют психологу получить информацию, не осознаваемую самим респондентом, то применение качественно-феноменологических методов предполагает осознание респондентом тех или иных аспектов своего жизненного мира, опирается на это осознание и стимулирует его развитие и углубление.

Одним из примеров методов этого рода может служить качественное феноменологическое исследовательское интервью (Kvale, 1996). Автор этого метода С.Квале не случайно в перечне основных моментов ситуации феноменологического интервью на первых местах называет жизненный мир респондента, являющийся объектом изучения, и смысл разных аспектов этого жизненного мира, выявляемый в беседе. Одним из приемов является, в частности, извлечение скрытого смысла из невербальных аспектов беседы и возвращение этого смысла собеседнику в виде вербальных формулировок. Под нашим руководством в последние годы осуществляется апробация метода качественного исследовательского интервью в варианте С.Квале.

Другой оригинальной методикой, относящейся к этой группе, является разработанная нами Методика предельных смыслов (МПС), уже упоминавшаяся выше (Леонтьев Д.А., 1985; 1999; Леонтьев Д. А., Бузин, 1992; Леонтьев Д.А., Филатова, 1999). Эта методика была разработана в попытках найти новые, нетрадиционные подходы к эмпирическому изучению и диагностике таких трудно поддающихся анализу структур субъективной реальности, как ди-

намические смысловые системы сознания. В методике был воплощен сравнительно новый методический прием изучения смысловых систем через их отражение в индивидуальном мировоззрении.

Методика предельных смыслов является индивидуальной по форме проведения и диалогической по своей природе. Методическая процедура представляет собой структурированную серию вопросов и ответов. Вопросы, задаваемые экспериментатором, имеют вид: «Зачем люди делают то-то?» Первый вопрос обычно задается по отношению к каким-либо повседневным занятиям, например, «Зачем люди смотрят телевизор?» Словесные формулировки смыслов, данные в ответ на вопрос «Зачем?», мы называем категориями. Записав все ответы, экспериментатор задает следующий вопрос. За исключением исходной категории, задаваемой в первом вопросе, в каждом последующем фигурирует категория, данная испытуемым в ответ на предыдущий вопрос. Цепь кончается при выявлении предельного смысла, дальше которого испытуемый уже не в состоянии ответить на вопрос «Зачем?», реагируя либо тавтологией («Жить чтобы жить»), либо ссылкой на природу человека, устройство мира и т.п. Эта процедура повторяется со всеми категориями, которые назывались испытуемым на каком-либо этапе беседы. После прослеживания всех упомянутых испытуемым категорий до конца процедура повторяется заново, уже с другой категорией в качестве исходной. Количество исходных категорий и их конкретный набор можно варьировать, исходя из задач исследования и в зависимости от его протекания. После получения необходимого объема информации экспериментатор строит граф, или древо, выявленных в ходе диалога с испытуемым смысловых категорий, в вершине которого находятся предельные смыслы.

Обработка смыслового древа производится тремя способами: структурным анализом, содержательным или контент-анализом и проективным анализом. Структурный анализ направлен на выявление индивидуальных особенностей структуры смыслового древа. Эта структура может быть описана с помощью ряда количественных индикаторов, которые в совокупности отражают степень зрелости и развитости индивидуального мировоззрения. Контент-анализ направлен на выявление сравнительной частоты встречаемости в протоколах тех или иных типов категорий. Проективный анализ данных МПС представляет собой содержательную интерпретацию полученных смысловых цепей и структур под углом зрения отражения в них глубинных личностных особенностей смысловой сферы испытуемых. Насколько можно судить по прямым оценкам и косвенно выраженному отношению испытуемых к методике, а также по полученным с ее помощью данным, эта информация действительно характери-

зует некоторые основополагающие паттерны мировоззрения и личности. Как отмечают многие работавшие с методикой предельных смыслов, она является не только исследовательским и психодиагностическим инструментом, но и психотехническим или даже психотерапевтическим средством, фасилитирующим личностный рост и развитие процессов осмысления.

Итак, мы рассмотрели пять групп методов, с помощью которых возможно изучение тех или иных сторон смысловой реальности. Этот анализ дает лишнее подтверждение тому, что смысловая реальность обнаруживает себя во многих разных формах и не может быть сведена к однопорядковым структурам; соответственно, для анализа разных ее аспектов требуются разные методы и методические подходы. Ни один метод или методический подход не может охватить смысловую реальность в целом (психологический принцип дополнительности дает этому теоретическое обоснование), поэтому ее эмпирическое исследование требует применения комплексной исследовательской стратегии и разных, дополняющих друг друга, методов и подходов.

4.6. ПАТОЛОГИЯ СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ

В данном разделе мы намерены обобщить и систематизировать имеющиеся в литературе данные о различных видах нарушений в смысловой регуляции и строении смысловой сферы личности при психических и психосоматических заболеваниях.

Систематическое изучение изменений смысловой регуляции, сопровождающих психическую патологию, стало осуществляться, начиная с 1960-х годов, Б.В.Зейгарник (1971; 1986) и ее учениками. «Патологический материал позволяет проследить закономерности изменения мотивационной сферы человека, которые приводят к смене позиций, интересов, ценностей личности» (Зейгарник, 1986, с. 93). Согласно Б.В.Зейгарник, в выполнении любого экспериментально-психологического задания проявляются личностные особенности больного, поэтому они должны изучаться не только специальными направленными на них методами, но и через учет их влияния на поведение и познавательную деятельность. «О патологическом изменении личности мы говорим тогда, когда под влиянием болезни у человека скудеют интересы, мельчают потребности, когда у него проявляется равнодушное отношение к тому, что его раньше волновало, когда действия его лишаются целенаправленности, поступки становятся бездумными, когда человек перестает ре-

гулировать свое поведение, не в состоянии адекватно оценивать свои возможности, когда меняется его отношение к себе и окружающему. Такое измененное отношение является индикатором измененной личности» (*Зейгарник*, 1986, с. 33). Из этого описания отчетливо видно, что патологические изменения личности затрагивают в первую очередь именно ее смысловую сферу. В русле патопсихологического подхода те или иные особенности смысловой сферы личности могут рассматриваться не только как следствие болезненных изменений, но и как более или менее хорошая основа для компенсации заболевания, замещающей перестройки системы деятельности больного. Например, «многовершинность» мотивационной сферы создает большие возможности для такого компенсаторного замещения, чем «одновершинность»; с другой стороны, при неполном осознании болезни именно многовершинность чревата опасностью некритического отношения к своему состоянию (*Зейгарник, Брушусь*, 1980, с. 21).

Вполне закономерно, что в 1960—1970-е годы изучение аномалий смысловой сферы в патопсихологической клинике сводилось преимущественно к изучению особенностей мотивации и целеполагания. В этот период, как мы показали выше, в главе 1, само понимание личностного смысла в основном опиралось на формулу А.Н.Леонтьева «отношение мотива к цели», а представления о смысловой сфере личности, как и о смысловой регуляции, еще не было. В 1970—1980-е годы, наряду с мотивацией и целеполаганием, предметом интереса патопсихологов становятся и более сложные рефлексивные процессы, связанные с активной регулирующей ролью сознания, такие как критичность и опосредованность деятельности. Вот как в конце 1980-х годов формулируются критерии, по которым личность больного определяется как измененная:

«1. Изменение содержания ведущего мотива деятельности (формирование нового мотива ведущей деятельности — патологическая деятельность голодания при анорексии, например).

2. Замена содержания ведущего мотива содержанием более низкого порядка (например, мотив "самообслуживания" при ипохондрии).

3. Снижение уровня опосредованности деятельности (деятельность упрощается, целевая ее структура обедняется).

4. Сужение основного круга отношений человека с миром, т.е. сужение интересов, обеднение мотивационной сферы.

5. Нарушение степени критичности, самоконтроля» (*Николаева*, 1987, с. 124-125).

Параллельно с развитием общепсихологических представлений о смысловой сфере в патопсихологии также происходит усложнение

и интеграция представлений о ее патологических изменениях. Обобщенным выражением этих изменений выступило введенное Б.В.Зейгарник понятие саморегуляции как осознанного управления своим поведением, основанного на рефлексивной позиции по отношению к себе и своей деятельности (Зейгарник, 1981; Зейгарник, Холмогорова, 1985; Зейгарник, Холмогорова, Мазур, 1989). Это понятие позволило синтезировать идеи Л.С.Выготского о роли сознания в овладении собственным поведением и собственными психическими процессами и концепцию личностного смысла и смысловой регуляции. «На основе осознания человек получает возможность произвольно менять смысловую направленность своей деятельности, изменять соотношение между мотивами, вводить дополнительные побудители поведения, т.е. в максимальной степени использовать свои возможности к саморегуляции» (Мазур, 1983, с. 37). Были сделаны и интересные попытки анализа саморегуляции как механизма конструктивного преодоления жизненных кризисов путем ломки своих жизненных стереотипов на основе адекватного осознания стоящих за ними смысловых образований. При личностной патологии, в частности, у больных истерией, это осознание оказывается заблокированным, а саморегуляция, проявляющаяся в преодолении патогенных стереотипов — нарушенной (Верток, 1988).

Рассмотрим, в чем заключаются патологические изменения смысловой сферы, характерные для тех или иных видов психической патологии.

Алкоголизм. Алкоголизм стал одним из первых видов психических заболеваний, послуживших материалом для изучения патологии смысловой сферы (Братусь, 1971; 1974). Уже на этом этапе было показано, что главным содержанием патологических изменений при алкоголизме становятся изменения мотивационной сферы, лежащие в основе психической зависимости от алкоголя; биологические же особенности болезни составляют лишь условие аномального развития личности. Главным содержанием мотивационной перестройки становится превращение алкоголя в ведущий смыслообразующий мотив поведения, в то время как другие мотивы постепенно утрачивают свою побудительную и смыслообразующую силу. «Со временем оценка всего, что окружает больного, начинает тесно зависеть от того, помогает или нет данная вещь в достижении главной цели — удовлетворении потребности в алкоголе. Алкоголь тем самым становится определенным отношением к действительности, все возникающие в жизни проблемы начинают решаться с его помощью» (Братусь, 1971, с. 852). Наряду с перестройкой мотивации, постепенным происходящим в драматической борьбе подчинением всех остальных мотивов стремлению к алкоголю, происходят и изменения структуры

деятельности, которая «теряет присущее нормальному поведению сложное опосредствованное строение и приближается к структуре импульсивного действия» (*там же*, с. 853). Поведение во многом утрачивает осознанный характер, ориентацию на будущее, на дальние цели. Б.С.Братусь указывает, что мы имеем дело не просто с уплощением структуры личности, а с ее переформировыванием. Фактически перед нами «новая личность, с качественно новыми мотивами и потребностями, с новой их организацией» (*Братусь*, 1974, с. 62). При этом указанные изменения происходят тем быстрее и легче, чем менее выражена иерархическая организация мотивов у человека, чем меньше у него «опорных точек» в мотивационной сфере, устойчивых интересов и привязанностей, которые могли бы послужить барьером для патогенных изменений личности (*там же*, с. 47).

Эта картина изменений смысловой сферы при алкоголизме была позднее дополнена на основе введенной Б.С.Братусем иерархической уровневой классификации смыслов на ситуационные, эгоцентрические, группоцентрические и просоциальные (*Братусь, Сидоров*, 1984). Как показал анализ ранней алкоголизации, если в подростковом возрасте и у благополучных, и у неблагополучных подростков доминируют группоцентрические ориентации, то впоследствии психологические пути развития их смысловой сферы расходятся. При нормальном развитии в юношеском возрасте ориентация на групповые ценности переходит в более широкую гуманистическую ориентацию на общечеловеческие ценности и смыслы. При неблагополучном развитии этого не происходит: «"Компания" замыкает, ограничивает развитие смысловой сферы группоцентрической ориентацией и в своей деятельности, существовании идет не к коллективу, а к группе-корпорации, не соединяющейся, а, напротив, все более разъединяющейся, разобщающейся с "большим миром"» (*Братусь, Сидоров*, 1984, с. 84). Более того, по мере развития заболевания даже такой ограниченный группоцентрический уровень смысловых ориентации становится слишком высок для больных, и происходит их сползание на эгоцентрический и, затем, даже ситуационный уровень. «Иными словами, преобладающими, наполняющими смысловую сферу становятся ситуативные смыслы, появляющиеся по поводу конкретных событий, либо непосредственно происходящих перед глазами, либо отдаленных (вперед или назад) на весьма незначительное время» (*там же*, с. 85). Именно в этой плоскости правомерно, по мнению авторов, говорить о «снижении» или «уплощении» личности больных алкоголизмом.

В выполненном под руководством Б.С.Братуся исследовании К.Г.Сурнова (1982) была описана система смысловых установок, формирующихся у больных алкоголизмом и поддерживающих спе-

цифическую организацию личности и деятельности этих больных. В их числе: 1. Установка к воображаемому удовлетворению потребности. 2. Установка к быстрому удовлетворению потребности при малых затратах усилий. 3. Установка к пассивным способам защиты при встрече с трудностями. 4. Установка к непринятию на себя ответственности за совершаемые поступки. 5. Установка к предпочтению эгоцентрических мотиваций альтруистическим. 6. Установка к малой опосредованности деятельности. 7. Установка довольствоваться временным и не вполне адекватным потребности результатом деятельности. Как показал К.Г.Сурнов, при запрете на алкоголь, не сопровождающемся специальной психокоррекционной работой, эти установки, сохраняясь, осуществляют селекцию мотивов: «мотивы, соответствующие сложившимся смысловым установкам, т.е. напоминающие алкоголь по способу, которым с их помощью можно удовлетворить актуальные потребности, принимаются и усваиваются личностью в качестве замещающих алкоголь, а мотивы, не соответствующие сложившимся смысловым установкам, — отвергаются» (1982, с. 8). В результате инертность соответствующих смысловых установок приводит к устойчивому воспроизведению дефекта личности. Для полноценной психологической реабилитации необходима перестройка системы смысловых установок, формирование специфической установки на трезвость, альтернативной системе установок, присущих больным алкоголизмом. Пути такой коррекционной работы были описаны К.Г.Сурновым.

Некоторые более частные особенности смысловой сферы больных алкоголизмом были выявлены в других исследованиях. Так, В.С.Хомик (1985) посвятил свое исследование деформациям субъективной картины жизненного пути при ранней алкоголизации. Опираясь на несколько иную, чем Б.С.Братусь и К.Г.Сурнов, методологию и общепсихологическую теорию, он, тем не менее, прямо говорит о присущих этой группе юношей особенностях ценностно-смысловой переработки жизненного опыта, выступающей психологическим механизмом регуляции жизненного пути личности. Наиболее существенные отличия этой группы от юношей, не злоупотребляющих алкоголем, проявляются в их восприятии времени. Так, для них характерно гедонистическое переживание времени и дезактуализация настоящего, в то время как юношам из контрольной группы свойственно ценностное переживание времени и высокая значимость настоящего. Вместе с тем надо учитывать, что обследованные В.С.Хомиком группы различались не только по параметру алкоголизации; возможно, полученные различия объясняются тем, что одну выборку образовывали учащиеся средней школы, а другую — заключенные воспитательно-трудовой колонии.

В исследовании больных хроническим алкоголизмом II и III степени с помощью методики предельных смыслов (Леонтьев Д.А., Бузин, 1992) было обнаружено, что эти больные демонстрируют крайне скудные цепи смысловых связей, как правило через максимум 2—3 шага выходя на предельный смысл. Цепи изолированы, ветвление практически отсутствует. Это подтверждается значениями количественно измеряемых структурных индикаторов, по большинству из которых различия между больными алкоголизмом и контрольной выборкой значимы при $p < 0.01$. Эти показатели свидетельствуют о том, что при хроническом алкоголизме нарушается связность мировоззренческих представлений, их структурированность и интегрированность в смысловые системы. Если в норме представления о предельных основаниях человеческих действий образуют достаточно сложную связную структурную целостность, то для алкоголиков характерна предельная упрощенность этих представлений и их мозаичность — раздробленность на слабо связанные между собой осколки. По другим показателям МПС видно, что больных алкоголизмом отличает снижение регулирующей роли сознания, склонность к защитным стилям поведения и отсутствие склонности учитывать позицию других людей. Все это хорошо согласуется с данными, полученными ранее Б.С.Братусем.

Эпилепсия. Личностным изменениям у больных эпилепсией были посвящены исследования Н.Г.Калиты (см. Зейгарник, 1971, с. 51—52; Зейгарник, 1986, с.129—130). Было обнаружено, что у них затруднено осмысление частных действий в более общем контексте. Так, классическая методика исследования уровня притязаний у большинства больных не приводила к выработке уровня притязаний. Смысл выполнения заданий смещался у них на сам процесс, и они подолгу и с удовольствием «застревали» на отдельных заданиях. Интересно, что этот смещенный на частные детали смысл обладает для них высокой значимостью и сильно аффективно насыщен. Больные крайне нетерпимо реагируют на нарушения заведенного порядка выполнения рутинных технических операций. Сложная опосредованная деятельность, напротив, не может обрести для них смысл.

Патологический аспект механизма «сдвига мотива на цель» у больных эпилепсией был подробно проанализирован Б.С.Братусем, который отмечает, что «если в нормальном, продуктивном развитии "сдвиги мотива на цель" ведут к расширению деятельности, развертыванию ее во все новых сферах, то при данном виде патологии, вследствие особых условий функционирования, этот же механизм ведет к сужению деятельности, сосредоточению ее на

отдельных деталях» (*Братусь*, 1988, с. 179). Дезавтоматизация операций при эпилепсии распространяется на всю операциональную структуру деятельности и происходит, по выражению Б.С.Братуся «сокращение смысловых единиц деятельности», которое он описывает так: «сложная, развернутая деятельность теряет смысл для больного, главным же становится выполнение отдельных, ранее вспомогательных действий, которые теперь в свою очередь становятся смыслообразующими для еще более мелких и примитивных действий» (*там же*, с. 181). Более того, на конкретных примерах Б.С.Братусь показывает, что в ходе болезни аккуратность и педантичность из черты характера становится «определенным отношением к миру, определенным смысловым восприятием мира, определенной социальной, межличностной позицией» (*там же*, с. 182). Е.С.Мазур (1983) удалось сравнить группы больных эпилепсией с разной степенью нарушений смысловой регуляции, что зависело от степени сохранности смысловых образований личности. Больные с нарушенными смысловыми образованиями характеризовались нарушением сознательной саморегуляции, ригидностью процессов смыслообразования, нарушением опосредствования, рассогласованием декларируемых и реальных смыслов. У больных с сохранными смысловыми образованиями и более широким кругом смысловых ориентации отмечалось сравнительно адекватное осознание реальных смысловых ориентиров своей деятельности, согласованность осознаваемых и реально действующих смыслов, более адекватная самооценка, сохранная функция планирования. Эти данные позволяют утверждать, что от того, насколько выражены в конкретном случае личностные изменения, во многом зависят перспективы реабилитационной работы. Последнее положение относится не только к эпилепсии, но может быть распространено практически на все виды психических заболеваний.

Шизофрения. Изучение особенностей смыслообразования при шизофрении (*Зейгарник*, 1971, с. 53—56; *Коченов, Николаева*, 1978) позволило выделить следующие изменения у этой группы больных. Во-первых, для них характерно снижение смыслообразующей и побудительной функции мотивов, проявляющееся в том, что осознание важности тех или иных вещей не ведет к тому, что больные строят на этой основе свои действия. Во-вторых, для них характерно сужение круга смысловых образований, сужение круга значимого. М.М.Коченов и В.В.Николаева (1978) говорят в этой связи о снижении подвижности и гибкости мотивационной сферы, естественная устойчивость которой перерастает в полную неподвижность, а новые события в жизни часто вообще не приобретают личностного смысла. Наконец, в-третьих, в ряде случаев наблюда-

ется парадоксальная фиксация определенного круга смыслов, которые при взгляде со стороны не кажутся действительно важными. У больных шизофренией происходит «нарушение внутренней иерархии мотивационной сферы, в результате чего многие ранее имевшие глубокий личностный смысл явления отступают на задний план, а наибольший смысл приобретают менее существенные и второстепенные» (Коченов, Николаева, 1978, с. 78—79).

Близкие изменения в мотивационной сфере больных шизофренией студентов выявлены В.В.Болтенко (1998). Это: а) сужение мотивационной сферы, обеднение интересов при наличии одного жестко закрепленного, иногда гипертрофированного интереса; б) резкий перелом интересов с изменением направленности личности в целом и в) распад мотивов с широкой сферой интеграции и сохранение лишь ситуативных мотивов.

Указанные изменения имеют тенденцию усугубляться. «По мере нарастания дефекта личности сужается круг реально действующих мотивов, обедняя тем самым деятельность больных. В свою очередь, оскудевающая деятельность больных оказывает обратное влияние на структуру мотивационной сферы. Формирования новых мотивов с оскудением деятельности не происходит. Наступает постепенное "обеднение" личности» (там же, с. 79). Б.В.Зейгарник (1971) характеризует эти изменения как деградацию поведения и личности.

Изменения смысловой сферы у больных шизофренией затрагивают не только мотивы. Одной из характерных психологических особенностей больных с негативной симптоматикой является наличие установки на самоограничение, которая проявляется, в частности, в отсутствии ориентации на социальную норму, малоподвижности уровня притязаний, преобладании защитных форм поведения и др. (Зейгарник, Холмогорова, 1985). В ситуации решения творческих задач при невозможности применения стандартных средств решения больные фиксируются на непродуктивном переживании конфликта, которое заменяет у них полноценную рефлекссию; возникающее затруднение переживается ими как фатальное (Зейгарник, Холмогорова, Мазур, 1989).

Наиболее специфичны изменения смысловой сферы, наблюдаемые при параноидных состояниях. В этом случае возникающий сверхзначимый патологический мотив настолько «искривляет пространство» картины мира, что возникает порочный круг самоподкрепляемой искаженной интерпретации действительности через призму этого мотива. «Особенности смыслообразования в данном случае, по-видимому, могут быть объяснены искажением возможности различения смысла и значения. Это может быть связано с тем, что побудительная функция ведущего мотива значительно уси-

ливается, приобретая характер сверхсильной мотивации. Происходит интенсивное смыслообразование, которое приводит к тому, что все объекты внешнего мира теряют элементы своего объективного значения» (Антонян, Гульдман, 1991, с. 206).

Поражения лобных долей мозга. Феноменология больных с поражениями лобных долей являет картину полного выпадения смысловой регуляции и подчинение поведения чисто ситуационным факторам, внешней стимуляции. «Эти больные не строили никаких планов на будущее: они с одинаковой готовностью соглашались как с тем, что не в состоянии работать по прежней профессии, так и с тем, что могут успешно продолжать прежнюю деятельность. Больные редко писали письма своим родным, близким, не огорчались, не волновались, когда не получали писем. Отсутствие чувства горечи или радости часто выступало в историях болезни при описании психического статуса подобных больных. Чувство заботы о семье, возможность планирования своих действий были им чужды. Они выполняли работу добросовестно, но с таким же успехом могли бросить ее в любую минуту. После выписки из госпиталя такой больной мог с одинаковым успехом поехать домой или к товарищу, который случайно позвал его. Действия больных не были продиктованы ни внутренними мотивами, ни их потребностями» (Зейгарник, 1986, с. 115). Аспонтанное, ситуационное поведение таких больных носит порой гротескный характер, что является, по всей очевидности, следствием разрушения системы смысловой регуляции в целом. «Деятельность больного лишена смысловой характеристики и замещается действиями, за которыми не стоит смыслообразующий мотив. Доведенная до своего апогея аспонтанность разрушает в корне строение деятельности, лишает ее основного человеческого качества личностного отношения и осмысленной направленности, критичности и подконтрольности» (там же, с. 126).

Афазия. Специфические изменения смысловой регуляции были зафиксированы у больных афазией и логоневрозом (Глозман, 1987). Поскольку в первую очередь эти заболевания вызывают нарушение нормальной коммуникации с окружающими, у них происходит повышение значимости речевой деятельности, которая становится смыслообразующей, первичной по отношению ко всем другим видам деятельности. Перестройка иерархии мотивов влечет за собой как позитивные следствия (стойкая мотивация к целенаправленной реабилитации), так и негативные (развитие защитных форм деятельности, направленных на сокрытие нарушений, «страх речи»). Исползованные в восстановительном обучении методы групповой реабилитации оказались эффективными в коррекции расстройств

операционально-технических нарушений. Ж.М.Глозман (1987) рассматривает эти результаты как иллюстрацию деятельностного опосредствования мотивационно-смысловых образований.

Инволюционные изменения. Подробный анализ инволюционных изменений личности у престарелых, проживающих в домах-интернатах, был выполнен В.В.Болтенко (1980). Для процессов старения типично сужение и обеднение смысловой сферы, сужение системы ценностей и актуализация, а затем отмирание приобретенных социальных качеств, сужение и снижение уровня потребностей, отмирание смыслов, отмирание и склеивание смысловых конструкторов. Само по себе обеднение и сужение смысловой сферы не является патологией, пока сохраняется упорядоченность смысловой системы, обеспечивающая основной резерв адаптации и компенсации в старости. Собственно патологией личности при старении является, по мнению В.В.Болтенко, деструкция смысловой сферы, то есть разрушение связей между составляющими смысловыми единицами.

Соматические заболевания. Разнообразные изменения смысловой регуляции при различных видах соматических заболеваний были описаны в работах В.В.Николаевой (1987; *Соколова, Николаева, 1995*). Так, для больных с хронической почечной недостаточностью, согласно данным В.В.Николаевой и Т.Н.Муладжановой, характерно снижение общей энергетики, в частности, снижение побудительной силы мотивов, влекущее за собой сужение круга мотивов, побуждающих к деятельности. Являющаяся следствием хронической болезни повышенная фиксация на себе, на обеспечении специфических нужд приводит к обесцениванию многих других значимых для здоровых людей вещей. Им также присуще сокращение временной перспективы и гипертрофия значимости настоящего (*Николаева, 1987, с. 49, 138*). В.В.Николаева объясняет этот и другие подобные факты несоответствием между операциональной обеспеченностью деятельности и ее смысловой стороной: ограничение операциональных возможностей и невозможность реализации смыслов влечет за собой и перестройку смысловой сферы, точнее, ее «подстройку» под наличные возможности (*там же, с. 67*). Другим механизмом изменений смысловой сферы является смысловое отношение к самой болезни, влияющее на другие сферы жизнедеятельности. Так, у несовершеннолетних больных дерматитами, особенно в подростковом возрасте, их заболевание выступает как серьезная преграда к осуществлению полноценного общения со сверстниками. Результатом является специальная разветвленная деятельность по сокрытию болезни от окружающих и ограничения в общении. Только в более старшем возрасте возникает более полное осознание болезни и ее последствий и развитие

системы компенсаций, направленных, наоборот, на преодоление ограничений в общении (*там же*, с. 115—116).

В.В.Николаева не ограничивается констатацией тех или иных изменений, но весьма подробно прописывает их психологические механизмы. «Неопределенность прогноза или негативный прогноз нарушают возможности планирования жизненных целей, сужают временную перспективу, необходимую для нормальной человеческой жизнедеятельности. Активность, целеустремленность, установка на самореализацию и достижения, направленные в будущее, утрачивают свой смысл в ситуации тяжелого соматического заболевания, фрустрирующего основные человеческие потребности социального и физического существования. Специфическая ситуация тяжелой болезни актуализирует у таких больных мотив сохранения жизни, который становится главным побудительным и смыслообразующим мотивом их деятельности. Все остальное кажется бессмысленным, не имеющим самостоятельной ценности (Николаева, 1987, с. 119—120). Значимым для больных становится только то, что имеет отношение к этому ведущему мотиву и постольку, поскольку оно имеет к этому отношение. Например, происходит изменение иерархии смысловых конструкторов при оценке врачей и медперсонала: если на начальных фазах заболевания наиболее важными были личностные проявления, то теперь на первое место выходят профессиональные качества. Происходит и переосмысление других видов деятельности: так, работа становится прежде всего способом отвлечения от болезни, физкультура — способом лечения и т.д. А.Ш.Тхостов (1980), описавший сходную симптоматику у больных в онкологической депрессии, обозначил ее как «сдвиг цели на мотив» — феномен, обратный «сдвигу мотива на цель» — описанному А.Н.Леонтьевым (1972) механизму развития мотивации. В данном случае мотивация проделывает обратный путь. Сфера интересов, контактов, отношений с миром вообще заметно сужается. Возникает много форм ограничительного поведения, уходов, психологических защит.

Интересные данные по динамике смысловой сферы были получены в исследованиях тяжелых соматических заболеваний, не являющихся хроническими. Так, прослеживая изменения мотивационно-смысловой сферы у больных раком молочной железы на разных этапах лечения заболевания и послеоперационной реабилитации, Т.Ю.Марилова (1984) выделила ряд сменяющих друг друга фаз, отличающихся личностной позицией больных и ведущими смыслообразующими мотивами. На первой фазе обращения за медицинской помощью преобладает позиция обреченности со страхом близкой смерти, смысл которой во многом определяет

жизнедеятельность больных на этом этапе. На второй фазе она сменяется позицией выживания с ведущим мотивом выживания. На третьей фазе, после успешного завершения оперативного лечения, когда непосредственная угроза смерти миновала, ведущим становится мотив адаптации, связанный с устранением вызванного операцией косметического дефекта и компенсацией влияния последствий операции на социальные отношения. Автор описывает динамику личностных позиций социальной неполноценности—социальной адаптации под влиянием процесса выздоровления и психокоррекционных воздействий.

А.П.Попогребский (1998) при изучении больных на этапе реабилитации после перенесенного инфаркта миокарда с помощью ряда специализированных методов анализа смысловой сферы — теста смысловых ориентации, методики предельных смыслов и методики ценностного спектра — обнаружил некоторые отличия больных от контрольной группы, которые свидетельствуют о том, что переживание близости смерти играет роль катализатора осмысления жизни. У больных, перенесших инфаркт, оказалась выше связность мировоззрения и регулирующая роль сознания, а также, при одинаковом уровне общей осмысленности жизни, значимо выше роль целей в будущем и ниже ощущение подвластности жизни контролю. В ценностном спектре жизни также произошли изменения: жизни значимо реже приписывают такие ценности как «легкость» и «самодостаточность» и значимо чаще — «порядок» и «целостность».

Психопатии. Исследования, проведенные на больных психопатиями истеро-возбудимого круга (*Кудрявцев, Сафуанов, 1984; Сафуанов, 1986*), подтвердили характерную для больных этой нозологии недостаточную сформированность эмоционально-смыслового опыта, устойчивых смысловых отношений. При выраженном аффективном заряде содержательная структура значимых для них отношений упрощена и поляризована: значимость того, что для них наиболее значимо, гипертрофируется, а сравнительно менее значимое совсем утрачивает эмоционально-смысловое измерение. У них также нарушена присущая здоровым людям иерархическая системная организация смысловых процессов. Структуры мотивационного уровня не влияют должным образом на структуры целевого уровня. В результате цели деятельности психопата не регулируются его мотивационно-смысловой сферой, а реализуются «непосредственно, без соотнесения с социальными нормами, что приводит к импульсивности поведения, снижению его опосредованности, и нередко — к правонарушениям» (*Сафуанов, 1986, с. 18*). Характерно, что нарушения смысловой регуляции у психопатов носят динамический

характер, в наиболее выраженном виде проступая в ситуациях эмоциональной напряженности. «Несформированность глубинного эмоционально-смыслового опыта при психопатиях приводит к снижению опосредованности поведения, к подверженности сиюминутным эмоциональным состояниям. Несформированность иерархии личностных смыслов у психопатических личностей истеро-возбудимого круга приводит не только к нарушениям опоры на прошлый опыт, но и к дефектности функции прогнозирования в широком смысле этого слова — прогнозирования как реализации своих жизненных замыслов, так и реализации конкретной деятельности в предвидимых условиях» (*там же*, с. 17).

Наиболее общие формы смысловой дезинтеграции при психопатиях — это «невключенность своего "Я" в смысловые иерархические отношения с социально позитивными и негативными ценностями» (*Сафуанов*, 1986, с. 18) и дезинтеграция личности и характера: «Психопатические личности в реальной жизнедеятельности не овладевают своим характером, не "снимают" характер личности, а продолжают "отправлять" свой характер, не соотнобя поведенческие и эмоциональные реакции со всем смысловым разнообразием жизненных ситуаций» (*Кудрявцев, Сафуанов*, 1984, с. 1822).

Стоит также привести в этом контексте более специальные исследования мотивации преступного поведения психопатических личностей (*Гульдан*, 1986; *Антонян, Гульдан*, 1991), поскольку в них проанализированы особенности мотивации, непосредственно связанные с заболеванием и выразившиеся в криминальных действиях из-за нарушения нормальной регуляции деятельности. В результате психологического изучения личности преступников с разными формами психопатии и психически здоровых преступников, а также анализа их уголовных дел, было выявлено 5 групп мотивов преступлений, характерных для психопатов, и 2 основных лежащих в их основе механизма: нарушение опосредования потребностей и нарушение их опредмечивания.

В первом случае нарушается влияние на реализацию потребности таких опосредующих факторов как намерение, цель, оценка ситуации, прошлый опыт, прогноз будущих событий и последствий своих действий, самооценка, социальные нормы и т.п. «Опосредованность потребностей, мотивов связана с их иерархическим построением... Нарушение иерархии и опосредованности мотивов означает утрату сложной организации деятельности человека. Деятельность теряет специфическую человеческую характеристику: из опосредованной, произвольной она становится импульсивной. Исчезают дальние мотивы, потребности приобретают характер влечений» (*Гульдан*, 1986,

с. 214). Таким путем формируются аффектогенные, ситуационно-импульсивные и анэтические мотивы преступных действий. Нарушение опредмечивания приводит к формированию мотивов, отчужденных от реальных потребностей, в том числе перверзий. «Основной признак личностной predisпозиции к формированию патологической мотивации — нарушения полимотивированности деятельности, иерархического построения мотивов. Сужение диапазона реально действующих мотивов в силу блокады части из них ведет к изменению их побудительной и смыслообразующей функции. Мономотивы приобретают сверхсильную побуждающую функцию и реализуются в импульсивных и навязчивых действиях» (Антонян, Гульдман, 1991, с. 169). По этому механизму формируются мотивы «психопатической самоактуализации», мотивы-суррогаты и суггестивные (внушенные) мотивы.

Неврозы. Наиболее богатый материал, посвященный особенностям смысловой сферы больных неврозами, мы находим в работах Е.Т.Соколовой (1989; 1991; Соколова, Николаева, 1995). Подход Е.Т.Соколовой является принципиально целостным: полем ее исследований выступает преимущественно область самосознания, а ключевой единицей анализа — стиль личности. Стиль определяется как «систематически организованная и относительно стабильная система взаимодействия индивидуальных генерализованных стратегий конструирования субъективно-пристрастной картины мира и образа Я» (Соколова Е.Т., 1991, с. 14). Формально-динамически личностный стиль характеризуется а) дифференциацией и специализацией психических структур и процессов и б) связями между подсистемами личности, которые обеспечивают интеграцию «образующих» личности в единую систему. «Стиль интенционален, внутренне связан с интимным миром личности, он развивается и отражает уровень развития личности и качественное своеобразие индивидуального пути, способа ее самореализации» (там же, с. 27). По убеждению Е.Т.Соколовой, невротическое развитие личности связано с изменением целостной структуры самосознания, а не отдельных его аспектов. Е.Т.Соколовой описан ряд защитных стилей, типичных для незрелого самосознания и выявленных у больных различными формами неврозов (Соколова Е.Т., 1991; Соколова, Николаева, 1995).

Одним из важных следствий взгляда на невротическое развитие личности через призму закономерностей организации смысловых систем явилось объяснение нестабильности самоотношения, присущей больным различными формами неврозов. Подтвержденная экспериментальными исследованиями объяснительная гипотеза (Соколова Е.Т., 1989; 1991) позволила выделить две основные

личностные особенности, лежащие в основе этого феномена: внутриличностный мотивационный конфликт, порождающий конфликтный смысл «Я» и дестабилизирующий самоотношение, и недостаточную дифференцированность смысловых конструкторов, вследствие которой дестабилизация легко распространяется от периферических отношений на всю «монолитную» смысловую систему, захватывая ее целиком; возможности компенсации при этом существенно ограничены. «Сцепленность, слитность отдельных смыслов сказывается в том, что даже при незначительных изменениях какого-то одного смысла, одного представления наблюдается дестабилизация и многих других смыслов... Не исключено, что в основе этого феномена лежит незрелость, недостаточная сформированность иерархии смысловых шкал и представления о себе человека с низкой степенью дифференцированности смыслов» (Солова Е.Т., 1989, с. 92).

В работе Б.В.Зейгарник, А.Б.Холмогоровой и Е.С.Мазур (1989) говорится о нарушениях смысловой регуляции, присущих больным неврозами. В частности, у них «выявилось расхождение между непосредственно переживаемыми смыслами, определяющими реальное поведение, и смыслами, выступающими в качестве осознаваемых. Это расхождение вызвано действием механизмов психологической защиты, которые тормозят процесс рефлексии, приводят к искаженному, неадекватному осознанию реально действующих смысловых образований. В результате происходит нарушение самоконтроля и коррекции поведения» (Зейгарник, Холмогорова, Мазур, 1989, с. 129). Защитные процессы направлены на устранение из сознания внутриспсихических конфликтов, однако конфликты тем самым отнюдь не разрешаются: устраненные из сознания смыслы продолжают оказывать патогенное влияние, в то время как только их осознание открывает путь к конструктивной саморегуляции и перестройке смыслов.

Кризисные и посттравматические состояния. Смысловой подход оказался весьма продуктивным при анализе процессов дезадаптации и восстановления нарушенной саморегуляции при кризисных и посттравматических состояниях.

В исследовании Е.С.Мазур (1983) изучались больные в реактивном состоянии, перенесшие психическую травму и в большинстве своем обнаруживавшие симптомы депрессии. Сравнение особенностей динамики смысловой сферы двух групп больных — тех, у которых улучшилось состояние и жизнедеятельность восстановилась, и тех, кто оказался неспособен преодолеть критическую ситуацию, — при повторном обследовании через 1,5—2 месяца дало следующие результаты. Выяснилось, что восстановление жизнедеятельности происходит благодаря формированию или восполнению новых смысловых

образований, способных задать новую направленность жизнедеятельности. У больных, успешно справляющихся с ситуацией, формируется установка на активное преодоление данной ситуации, развивается активная и осознанная саморегуляция. На первом этапе происходит осознание критической ситуации, в том числе смысловых образований, которые определяли жизнедеятельность до травмы; на втором этапе — переосмысление ситуации и перестройка смысловых отношений; на третьем — возобновление жизнедеятельности с изменением ее направленности. У больных, не сумевших справиться с последствиями кризиса, сохранились нарушения смысловой регуляции. У них не произошла саморегуляция на основе осознанного смыслообразования, сохранилось защитное отношение к травмирующей ситуации, не произошло ее осмысления и переосмысления, формирования новых смысловых ориентиров.

А.Н.Дорожевец (1998) выделил три основных этапа адаптации к различного рода кризисным событиям, первым из которых является поиск смысла события. Потребность в поиске смысла, нахождении ответа на два вопроса — почему произошло это событие и как оно повлияет на мое будущее — характерна практически для всех пострадавших от таких травм как онкологическое заболевание, перенесенный инфаркт миокарда, изнасилование, дорожно-транспортное происшествие. Свои теории происшедшего имеют 98% пострадавших, в то время как для их ближайших родственников эта цифра снижается до 40%. Поиск смысла важен для успешной адаптации к кризисному событию, причем важен прежде всего процесс поиска смысла, а не конкретное содержание найденного смысла. Согласно А.Н.Дорожевцу, этот поиск имеет две основные функции: поиск новых установок по отношению к жизни и достижение чувства контроля над ситуацией, которое определяет второй этап адаптации. Третьим этапом выступает восстановление снизившейся после кризиса самооценки.

Еще одна попытка осмысления посттравматического опыта дана в публикациях М.Ш.Магомед-Эминова (1996; 1998), опирающихся на практику работы с ветеранами боевых действий в Афганистане. Здесь также понятие смысла выступает ключевым. «Действительно, одно и то же событие, будучи травмирующим для одного, не задевает другого, т.е. существуют индивидуальные различия личности по восприимчивости к воздействию данного конкретного стрессора. Поэтому без процессов личности (детерминирующих образование смысла) мы не можем адекватно определить не только интенсивность стресса, но даже сам факт стрессового воздействия события» (Магомед-Эминов, 1998, с. 34). Кризисная ситуация, пережитая субъектом, «открывается ему как бессмысленная, и перед ним встает

сложная задача смыслообразования в смыслоутратной ситуации, переосмысления трагического опыта» (*Магомед-Эминов*, 1996, с. 33).

М.Ш.Магомед-Эминов подчеркивает, что опыт этих людей — не только кризисный, но и аномальный: «Личность погружается в жизненную ситуацию с иной ценностно-смысловой системой» (*там же*, с. 27), которая характеризуется прежде всего изменением смысла таких вещей как жизнь и смерть. Погружение в трансординарное существование порождает то, что М.Ш.Магомед-Эминов называет смысловым удвоением: новые смыслы, порожденные новой трансординарной ситуацией, создают новый смысловой центр личности, не совпадающий с предшествующим, но и не отменяющий его. «Два смысловых центра поляризуют вокруг себя смысловые содержания, которые при пересечении друг с другом вступают в конфликтные отношения взаимного обесмысливания, создавая то, что можно назвать **смыслоутратностью**» (*Магомед-Эминов*, 1998, с. 36—37). Этот конфликт становится отчетливым после возвращения к мирной жизни, продуцируя «смысловое очуждение» человека. «Смысловой опыт, обретенный человеком в аномалии, становится теперь для него обузой, тяжелым жизненным грузом, который отторгается им как нечто чуждое и чужеродное» (*там же*, с. 35). Смысловой конфликт рассматривается автором как один из основных этиологических факторов, обуславливающих аномальное развитие личности и возникновение посттравматического стрессового расстройства. «Можно предположить, что ПТСР и является процессом, направленным на преодоление неудачного смыслообразования в смыслоутратной ситуации» (*там же*, с. 33).

Важнейшим путем психотерапии личности, устранения смыслового удвоения является элиминация смысла: чтобы обрести смысл, его надо утратить. Это положение М.Ш.Магомед-Эминов распространяет и на нетравматические неврозы, где роль дублирующего смыслового центра выполняют защитные конструкции. «Только освободившись от смыслов, задающихся "комплексам", личность может обрести подлинные смыслы. Утрата неподлинного смысла есть этап на пути возрождения личности — обретения подлинного смысла» (*Магомед-Эминов*, 1998, с. 200).

Несколько иные смысловые механизмы и пути коррекции смысловых кризисов были описаны на материале работы с пострадавшими от землетрясения в Армении (*Мазур, Гельфанд, Качалов*, 1992). Наиболее сильные смысловые кризисы были порождены утратой близких, приводящей к потере смысла жизни. Для многих пострадавших были типичны защитные искажения реальности как способ справиться с этим кризисом: им казалось, что близкие не погибли, а находятся в другом городе или дома, пока они сами

лечатся в Москве. «Эти примеры иллюстрируют преобразование смысловых структур переживания, которые производились механизмами психологической защиты: травмирующие негативные смыслы реальной жизненной ситуации (утрата близких) заменялись позитивными, но иллюзорными смыслами (родные живы), причем именно такими, которые сохраняли для больных столь необходимые им привычные смысловые опоры, определяющие их прошлую жизнь. Следовательно, принятие иллюзорных смыслов диктовалось необходимостью разрешения жизненного кризиса, однако такое "защитное" разрешение было неэффективно, так как не позволяло больным принять потерю как реальное жизненное событие, блокировало поиск новых смыслов, способных внести позитивную ориентацию в их будущую жизнь, и, по сути дела, консервировало переживаемый кризис» (Мазур, Гельфанд, Качалов, 1992, с. 60—61). У другой группы пострадавших, обнаруживших сравнительно успешное совладание с кризисными состояниями, преобладали другие стратегии, в частности, «совладающее смысловое приписывание» — приписывание настоящей жизненной ситуации такого смысла, который помог бы преодолеть случившееся, нахождение в ней позитивных ценностей. Авторы выделили две основные смысловые стратегии совладающего поведения. «Одна из них — отнесение события в прошлое, когда землетрясение и связанные с ним переживания рассматривались как события прошлого, не влияющие на настоящее. В результате исчезали страхи, связанные с будущим, и появлялись планы, достижение которых зависело от собственных усилий. Другую стратегию мы обозначили как расширение смыслового поля ситуации, что проявлялось в изменении больными смысла травмирующей ситуации, которая начинала восприниматься не как личное несчастье, а как общее горе. В группе наших пациентов мы обнаружили, что соотнесения своего положения с положением других людей, приобщение к их переживаниям, принятие и понимание их точек зрения позволяли преодолеть ощущения изолированности, фиксированности на личном несчастье, занять осмысленную позицию по отношению к своей жизненной ситуации, открыть новые смысловые опоры» (там же, с. 63).

Е.С.Мазур (1994) вводит понятие смысловой терапии, суть которой заключается в актуализации процессов саморегуляции, осознании и трансформации тех смысловых образований личности, которые были нарушены критической ситуацией. Психотерапевт «помогает человеку выйти в рефлексивную позицию по отношению к своей жизни как целостности и перестроить смысловые структуры, реализация которых стала невозможной. При этом психотерапевт как бы опосредует процесс смыслового связывания — пре-

вращения ранее нейтральных содержаний в значимые» (*Зейгарник, Холмогорова, Мазур, 1989, с. 130*). Близкий по своему содержанию подход к психотерапии кризисных состояний, однако без опоры на концепцию личностного смысла—смысловых образований—смысловой регуляции, был описан В.П.Ларичевым (1983) под названием аксиопсихотерапии. В.П.Ларичев оперировал понятиями индивидуального значения (субъективный смысл любого объекта или категории объектов, опосредованный эмоциональным отношением) и индивидуальной ценности (устойчивое позитивно осознаваемое индивидуальное значение). В числе методов аксиопсихотерапии В.П.Ларичев описывал следующие: актуализацию индивидуального значения, дезактуализацию индивидуального значения, переакцентировку (изменение относительного иерархического ранга двух или более индивидуальных значений), переориентацию индивидуальных значений (два варианта: изменение знака индивидуального значения с положительного на отрицательный или наоборот и полное переключение с одного индивидуального значения на другое) и коррекцию аксиопсихологической парадигмы. Аксиопсихотерапевтический подход В.П.Ларичева (1983), однако, отличается от смыслового подхода, во-первых, акцент на содержательный аспект и ранги самих индивидуальных значений (смыслов), но не на связи между ними и процессы их динамики, и, во-вторых, убеждение В.П.Ларичева, что аксиопсихотерапию можно проводить не только в рационально-когнитивном варианте, но и в суггестивном и даже в гипносуггестивном варианте. Последнее представляется немыслимым для смысловой терапии, исходящей из уникального жизненного мира конкретного пациента.

Попробуем теперь сделать общие выводы из нашего анализа изменений смысловой сферы при разных видах психической патологии.

Во-первых, приведенный обзор позволяет увидеть, что хотя при всех рассмотренных нозологиях мы встречаемся с теми или иными нарушениями смысловой регуляции, нельзя говорить об их нозоспецифичности. Например, доминирование одного мотива при обесценивании других наблюдается при алкоголизме, шизофрении и соматических заболеваниях, защитное ограничение деятельности — при алкоголизме, шизофрении и неврозах, сдвиг смысла на операциональную сторону деятельности — при эпилепсии и афазии, подверженность ситуативным влияниям — при алкоголизме, поражении лобных долей мозга и психопатиях, нарушения осознания — при эпилепсии и неврозах, и т.д. Таким образом, нарушения смысловой регуляции при психических и соматических заболеваниях характеризуются своей особой симптоматикой, лежащей в иной плоскости, чем клиническая картина конкретных видов заболеваний.

Во-вторых, можно сделать вывод о том, что степень нарушений смысловой регуляции может существенно различаться при одной и той же тяжести клинической нозоспецифической симптоматики, что заставляет еще раз вспомнить известное положение, что личность больного — не обязательно больная личность. Опираясь в большей мере на косвенные, чем на прямые доказательства, мы берем на себя смелость тем не менее утверждать, что чем более развитой являлась личность в преморбиде, тем меньше степень разрушающего влияния заболевания на ее смысловую сферу, и тем лучше перспективы восстановительного лечения. Таким образом, патологический материал, проанализированный в данном разделе, подкрепляет изложенные в главе 2 теоретические взгляды на смысловую регуляцию как на конституирующую функцию личности.

В-третьих, мы видим со всей наглядностью, что патологические изменения смысловой сферы гораздо больше затрагивают структурную организацию и динамические аспекты смысловой сферы, чем ее содержательную сторону. Даже при алкоголизме и кризисных состояниях, когда на первый план выступает драматическая смена или крушение смысловых ориентиров и всей направленности жизнедеятельности, возможность преодоления кризиса и восстановления нарушенной жизнедеятельности во многом определяется сохранностью или возможностью восстановления динамических механизмов смысловой регуляции и саморегуляции.

4.7. НАРУШЕНИЯ СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПРИ ДЕВИАНТНОМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

Нарушения смысловой сферы, о которых пойдет речь в этом разделе — это нарушения, не связанные с какой-либо патологией психического функционирования, но порождающие социально неприемлемые формы поведения, такие как разного рода правонарушения и преступления, а также самоубийства, аддикции и т.п. Нарушения такого рода описывались в разных контекстах разными авторами как нарушения социализации, социопатии, моральная дефективность, асоциальность, социальная дезадаптация. Уже из этого перечня видно, что основным критерием выделения этой группы нарушений является «несрабатывание» соционормативной системы регуляции жизнедеятельности. Иными словами, «социопаты» не подчиняются регулирующим правилам и нормам социума, в котором они находятся.

Однако использование этого критерия для объяснения сути всех описываемых в этом контексте нарушений поведения было бы глупо неверным и дезориентирующим. Во-первых, было убедительно показано, что социальная дезадаптация может быть как вынужденной, в силу неспособности индивида соответствовать требованиям общества, так и выбранной, в силу осознанного отрицания индивидом не нравящихся ему ценностей конкретного социума (*Калитевская*, 1997). Примером выбранной дезадаптации является хорошо известный в нашем обществе феномен диссидентства. Логично, что с точки зрения самого общества, ценности которого диссидент отрицает, он оказывается ненормальным, которого лучше всего от общества изолировать. Во-вторых, показано, что индивидуальные ценности и смыслы, не совпадающие с социально принятыми, являются важнейшим ресурсом эволюционирования самого общества (*Асмолов*, 1996 б). Это можно проиллюстрировать на том же примере ассимиляции обществом определенных ценностей диссидентской субкультуры в ходе трансформаций, начавшихся в 1985 году.

Интересно, что в классической литературе XIX века конфликты индивидуальности с обществом имели вид сравнительно невинных по сегодняшним меркам идеологических споров. В этих спорах, с одной стороны, признавалось право на существование индивидуальных взглядов, отличных от общепринятых (*Печорин*, *Базаров*, князь *Мышкин*, *Жан Вальжан* и др.), а с другой — общественные ценности и установления также принимались в целом, хотя критиковались во многих, порой существенных частностях. В литературе же XX века типичным является показ полностью патогенного общества, неподчинение установлениям которого — единственный способ сохранить себя как личность («451° по Фаренгейту» *Р.Бредбери*, «Мы» *Е.Замятина*, «1984» *Дж.Оруэлла*, «Прекрасный новый мир» *О.Хаксли*, «Повелитель мух» *У.Голдинга*, «Пролетая над гнездом кукушки» *К.Кизи*, «Белые одежды» *В.Дудинцева*, «Карусель» *Ю.Алешковского* и многие другие). Таким образом, обращаясь в данном разделе к феноменологии «социопатических» нарушений поведения, мы должны выделить из них те, которые связаны с отклонениями в развитии личности, а не с аномалиями самих социальных норм и ценностей.

Проблему «Moral insanity» — моральной дефективности — пытался проанализировать в одноименной статье *Л.С.Выготский* (1983 б, с. 150—152). Он констатировал, что нельзя рассматривать нарушения личности, фиксируемые у беспризорных, трудновоспитуемых, малолетних проституток и др., как разновидность психической патологии. Эти нарушения связаны с воздействием среды и, по мнению *Выготского*, с перемещением в более благоприятную среду на-

ступает улучшение. Эти положения, в целом верные, недостаточно глубоко проникают в проблему. В частности, Виготский в данном фрагменте не анализировал вообще специфику самих изменений личности у соответствующих групп детей, ограничившись ссылками на зарубежных авторов, констатирующих связь такого рода личностных нарушений с выпадением, недоразвитием тех или иных ценностей.

С соображениями, высказанными выше, перекликается такой интересный подход к проблеме как концепция метапатологий А.Маслоу (1999), являющаяся важной частью его теории метамотивации и бытийных ценностей. Согласно А.Маслоу, на высшем уровне личностного развития — уровне Бытия — место базовых потребностей в мотивации поведения занимают высшие бытийные ценности (Б-ценности), такие как истина, добро, красота, целостность, единство противоположностей и др. Вместе с тем эти ценности присутствуют в той или иной, не всегда актуальной форме у всех людей, и они необходимы не только для того, чтобы достичь «полной человечности», но и для того, чтобы избежать специфических заболеваний, возникающих вследствие депривации этих ценностей. «Если нет ценностей, руководящих жизнью, то можно не быть невротиком, но тем не менее страдать от когнитивных и духовных расстройств, поскольку в определенной степени связь с действительностью искажена и нарушена» (Маслоу, 1999, с. 189). При этом ведущая роль в этой депривации принадлежит среде. «Жизнь в неприятном окружении со скверными людьми — это патогенный фактор. Если же вы предпочтете проводить время с красивыми и достойными людьми, то обнаружите, что чувствуете себя лучше и возвышеннее» (там же).

Эти расстройства или болезни Маслоу называет метапатологиями. «Веками они рассматривались скорее религиозными мыслителями, историками и философами в понятиях духовных или религиозных проблем, а не врачами, учеными, или психологами в понятиях психиатрических, психологических или биологических "болезней", ущербностей или слабостей. В некоторой степени эта область частично совпадает и с социологическими и политическими расстройствами, "социальными патологиями" и т.п.» (Маслоу, 1999, с. 300). Вот список общих метапатологий, которые приводит Маслоу (там же, с. 300—301):

Отчуждение.

Аномия.

Ангедония.

Потеря вкуса к жизни.

Потеря смысла.

Неспособность получать наслаждение. Безразличие.

Скука, тоска.

Жизнь теряет собственную ценность и самооправдание.

Экзистенциальный вакуум.

Ноогенный невроз.

Философский кризис.

Апатия, отстраненность, фатализм.

Отсутствие ценностей.

Десакрализация жизни.

Духовные заболевания и кризисы. «Сухость», бесплодие, застой.

Аксиологическая депрессия.

Желание смерти, сдача на «волю судьбы». Безразличие к собственной смерти.

Чувство собственной бесполезности, ненужности, незначимости. Тщетность.

Безнадежность, апатия, поражение, прекращение совладания, капитуляция.

Чувство полной детерминированности. Беспомощность. Отсутствие ощущения свободы воли.

Абсолютное сомнение. Есть ли хоть что-нибудь стоящее? Есть ли что-нибудь значащее?

Отчаяние, мука.

Безрадостность.

Опущенность.

Цинизм, неверие, потеря веры в высшие ценности или упрощенное их толкование.

Метажалобы.

Бесцельное разрушение, ярость, вандализм.

Отчуждение от старших, родителей, авторитета, любого общества.

Приведем еще ряд обозначений и классификаций сходных форм психологических нарушений.

Классификацию видов нарушений поведения, могущих при определенных ситуациях привести человека к катастрофе, предлагают Ц.П.Короленко и Т.А.Донских (1990). К ним они относят такие разные явления как аддиктивное поведение, которое выражается в стремлении к уходу от реальности, антисоциальное поведение, проявляющееся в игнорировании законов и прав других людей, суицидное поведение, конформистское поведение, нарциссическое поведение, фанатическое поведение и аутистическое поведение (Короленко, Донских, 1990, с. 5—6). В этом перечне отсутствует единое основание и содержательные критерии (кроме катастрофических последствий), однако сам по себе неклинический подход к пове-

денческим патологиям заслуживает внимания в контексте рассматриваемой нами проблемы.

Сходный список нарушений поведения (подпадающих под определение девиантного поведения) предлагает Я.И.Гилинский, особо выделяя «ретритистское поведение» (по Р.Мертону). В концепции «двойной неудачи» Р.Мертон «пьянство, наркотизм, самоубийство как "уход" от чужого, непонимаемого и непонимающего мира (ретритистское поведение) возникает при наличии двух обстоятельств: 1) длительной неудачи в достижении разделяемых обществом целей легальными средствами и 2) неспособности (в силу различных причин) прибегнуть к незаконным способам достижения этих целей» (цит. по: *Гилинский*, 1994, с. 8). Описанные явления подходят также под определение «саморазрушающего поведения» (см. например, *Сидоров*, 1991). П.И.Сидоров предлагает использовать понятие «девиантный образ жизни» (*Сидоров*, 1991, с. 19), интегральной характеристикой которого является именно «саморазрушающее поведение» во всех его проявлениях. Ю.А.Васильева (1995) также отмечает, что в случаях девиантного поведения правонарушителей мы сталкиваемся с сочетанием в различных пропорциях всех или почти всех описанных видов нарушения поведения «внутри» каждого конкретного случая. Это дает нам основания, относясь в целом с осторожностью к приведенным классификациям, ограничиться в дальнейшем личностью правонарушителей как наиболее общепризнанной моделью для изучения неклинических (социопатических) нарушений (девиаций) смысловой сферы. При этом мы далеки от мысли распространять выводы, полученные при изучении правонарушителей, на другие, менее изученные под данным углом зрения разновидности метапатологий. Так, например, особенности личности, типичные для преступников, с одной стороны, и суицидентов, с другой, не только различаются, но в ряде случаев носят полярно противоположный характер (*Ратинов*, *Ситковская*, 1990).

Нашей задачей является, таким образом, анализ особенностей смысловой сферы преступников и правонарушителей как наиболее репрезентативного случая метапатологий смысловой сферы. Сразу подчеркнем, что в данном разделе мы будем рассматривать только случаи, в которых отсутствует традиционная психическая патология, поскольку правонарушения и преступления, совершенные психически больными людьми, хоть и не выводимы непосредственно из факта заболевания, но осуществляются на фоне рассмотренных в предыдущем разделе изменений личности при соответствующей патологии (*Гульдман*, 1986; *Антонян*, *Гульдман*, 1991). Поэтому в этих случаях неклинические особенности личности в лич-

шем случае отодвинуты на задний план и снивелированы, что осложняет их анализ.

А. Г. Белобородое (1999) отмечает раздвоенность смысловой сферы преступников, в которой существуют разные представления о должном для себя и для других. Он говорит о специфической ценностно-смысловой системе, формирующейся в преступной группе. «Преступное сообщество, криминальная субкультура имеют свои четко зафиксированные языковые (преступный жаргон) и символические (татуировки, рисунки) носители смыслов, производные от особенностей активности преступных групп и связанные со спецификой отражения тех объектов действительности, которые значимы с точки зрения групповых целей и мотивов... При вхождении в преступные группы новых членов такие смысловые измерения могут транслироваться и оказывать деформирующее влияние на их сознание» (Белобородое, 1999, с. 13). Выполненное А.Г.Белобородовым эмпирическое исследование образа права у преступников и его динамики на протяжении срока отбывания наказания свидетельствует об изменениях в направлении удаления образа права впервые осужденных от образа права законопослушных граждан и сближения его с правосознанием опытных преступников. Это согласуется и с более общими выводами Л.А.Волошиной (1990) о том, что среда исправительно-трудовых учреждений углубляет процесс социальной дезадаптации личности, вооружает ее сознание элементами криминальной субкультуры, отучает ее от ответственности и активного выбора, углубляет негативные характерологические черты, формирует «образ агрессивной среды». Процесс адаптации несовершеннолетних правонарушителей к специфической среде исправительно-трудовых учреждений был подробно рассмотрен В.И.Олешкевичем и Ю.К.Александровым (1999). Эти авторы, в частности, анализируют ритуалы приобщения новичков к тюремной жизни через своеобразные испытания как разновидность обряда инициации, в котором происходит «разрушение внешнего и проявление внутреннего», когда после «очищения сознания», расчистки места в нем, «на это чистое место, в очищенное сознание вводятся новые смысловые понятия и ценности» (Олешкевич, Александров, 1999, с. 42).

Таким образом, анализируя особенности личности правонарушителей, необходимо четко различать те личностные особенности, которые, входя в структуру соответствующей метапатологии, выступают в качестве предпосылок девиантного пути личностного развития, и те, которые являясь следствием вторичной криминальной социализации. Исходя из этого, наиболее адекватным объектом для изучения метапатологии смысловой сферы являются лица, впервые

привлеченные к ответственности за правонарушения и не имеющие тюремного опыта, который сам по себе накладывает на личность очень сильный отпечаток.

В отечественной криминологической и судебно-психологической литературе в последнее время уделяется особое внимание проблемам мотивации преступного поведения как на ситуативном уровне, так и на уровне устойчивых особенностей мотивационной сферы личности (Волков, 1982; Гульдан, 1986; Кудрявцев В.Н., 1986; Лунеев, 1986; 1991 и др.). При этом справедливо подчеркивается относительность разделения мотивации противоправного и правомерного поведения: «Один и тот же мотив, в зависимости от ситуации, может быть побуждением к преступлению, к иному правонарушению или даже к правомерному действию» (Кудрявцев В.Н., 1986, с. 13). Это же подчеркивает и В.В.Лунеев: антиобщественных потребностей и мотивов как таковых не существует. «Преступный путь выбирается правонарушителем тогда, когда он, в рамках усвоенной системы ценностей субъекта, представляется ему более коротким, экономным и выгодным по сравнению с правомерными путями достижения тех же целей» (Лунеев, 1986, с. 33).

Как отмечают Ю.М.Антонян и В.В.Гульдан (1991, с. 74), личностный смысл большинства преступлений состоит в самоутверждении, подтверждении собственного биологического и социального бытия. Несмотря на это, статистический анализ позволяет говорить об определенной специфике мотивации правонарушителей, которую можно рассматривать как предпосылку выбора криминального пути решения жизненных проблем. В частности, характеризуя мотивационную сферу правонарушителей через призму предложенных А.Н.Леонтьевым (1977) трех параметров анализа личностной структуры, В.В.Лунеев отмечает, что у правонарушителей мотивационная сфера уже и беднее. «У большинства изученных правонарушителей... отмечается полное отсутствие или зачаточное состояние развития потребностей культурных по происхождению и духовных по форме: нравственных, эстетических, творческих, познавательных, образовательных, научных и т.д. Небезосновательно считается, что такой мотивационный вакуум опасен. Это лишает жизнь смысла, большой значимости, демобилизует, деморализует личность, создает неуверенность, сужает проявление творческих возможностей, низводит мотивацию до узкоситуативных побуждений текущего момента. Именно это и наблюдается у правонарушителей» (Лунеев, 1991, с. 114). У большинства лиц, совершивших преступления впервые, наблюдается невысокая степень иерархизации побуждений, нет устойчивой направленности. Это не относится к рецидивистам, иерархия побуждений которых, напротив, весьма жестка (там же, с. 115).

В.В.Лунеев связывает также данные о сниженной критичности у правонарушителей с отсутствием у них четкой иерархии ценностей и высказывает гипотезу о том, что принятие решений о преступных действиях связано «с недостаточным уровнем развития личности, для которой мотивы отдаленного морального будущего оказываются, как правило, слабее актуальных сиюминутных побуждений, даже если значимость "далекой" мотивации для субъекта огромна... Отдаленное будущее в данном случае принимается в расчет лишь тогда, когда оно согласуется с доминирующей мотивацией» (*там же*, с. 117). В согласии со структурными особенностями мотивации находятся и содержательные, характеристика которых «как правило, сдвинута к личностному, индивидуальному, субъективному, сиюминутному, эмоциональному, мнимому, второстепенному» (*там же*, с. 144). Отмечается также сниженное осознание преступниками мотивов своих преступлений, личностный смысл которых, как правило, «ускользает от сознания» (Антонин, Гульдман, 1991, с. 141).

Интересные и в целом хорошо согласующиеся с приведенными выше данные были получены при изучении агрессивно-насильственных преступников. Э.П.Котова (1990) указывает, что агрессивно-насильственным преступникам присуща сниженная потребность в самореализации, расхождение между декларируемыми и реально осуществляемыми ценностями, равнодушие к собственному будущему, к жизненным планам. Анализ связей особенностей личности и типов агрессии, присущих разным обследованным преступникам, позволяет говорить о ведущей роли ценностной сферы личности, которая опосредует взаимовлияние остальных свойств в ходе онтогенеза. Более дифференцированный анализ был проведен Л.П.Коньшевой (1990), которая предприняла попытку проанализировать структуру и содержание деятельности преступников в криминальной ситуации под углом зрения вклада в нее личностных и ситуационных детерминант. При анализе личностных факторов обращается внимание не только на прямые предпосылки насильственных действий, но и на другие личностные особенности. «Деформации личностного "ядра" могут не только проявляться в наличии высокозначимых агрессивных образований, порождающих спонтанные формы насилия, но и носить иную структуру. Отсутствие среди базовых наиболее важных общественно значимых ценностей... высокая значимость эгоцентрических мотивов, узость связей индивида с миром... слабая иерархизация устойчивых мотивационных образований... выраженная неустойчивость системы личностных смыслов способны породить различные формы противоправного насилия в ситуациях, предъявляющих повышенные требования к этим внутриличностным образованиям» (Коньшева, 1990, с. 114—115).

Не останавливаясь подробно на конкретных эмпирически выделенных Л.П.Коньшевой типах агрессивно-насильственных действий, отметим, что в качестве личностных предпосылок в них фигурируют либо неустойчивость и недостаточная опосредованность ценностной системы и мотивации в частности, либо ригидность, суженность смысловой сферы и тугоподвижность мотивов, наряду с отвлеченным характером ценностей, потребностью в доминировании или самоутверждении. Искажения содержания ценностных образований, по мнению Л.П.Коньшевой (1990), играют существенную роль в детерминации случаев хулиганства, «безмотивных» убийств, жестоких насильственных преступлений, наиболее трудных для юридического анализа.

Нами совместно с Ю.А.Васильевой была разработана объяснительная модель психологических механизмов девиантного развития личности несовершеннолетних правонарушителей (*Васильева, 1995; 1997; Леонтьев Д.А., 1997 б*), опирающаяся на наш подход к проблеме ценностей, их усвоения в ходе социализации и ценностно-потребностной регуляции деятельности (*Леонтьев Д.А., 1996 а, б; 1997 б*; см. также разделы 3.6., 4.3. и 4.4.). Повторим вкратце основные положения этого подхода. Ценности представляют собой структуры, в которых кристаллизуется обобщенный смысловой опыт больших и малых социальных групп. Они существуют в трех основных формах: как структуры общественного сознания (общественные идеалы), как атрибут конкретных произведений и деяний, в которых общественные идеалы находят свое воплощение, и как элемент личностной структуры индивидов, принадлежащих к данным социальным группам и более или менее осознанно реализующих эти ценности в своей деятельности. Применительно к последней форме мы говорим о личностных ценностях. Ценности усваиваются в ходе социализации, становясь личностными, через идентификацию с теми или иными референтными социальными группами и общностями. В структуре личности личностные ценности занимают то же место источников смыслообразования и побуждений, что и потребности. По мере индивидуального развития в онтогенезе происходит перераспределение значимости и удельного веса тех и других; по мере усвоения ценностей они постепенно оттесняют потребности на задний план, ограничивают и опосредуют их влияние на поведение. Этот процесс составляет главное содержание социализации.

Надо сказать, что этот процесс не всегда протекает гладко. Если ребенок, развиваясь, испытывает сильное давление на свои потребности и граница между внешним и внутренним оказывается слишком слабой, она падает под напором социальных ценностей, которые вторгаются в структуру мотивации, не встречая сопротив-

ления, и становятся личностными ценностями, не претерпевая заметных трансформаций. Индивид тем самым сливается с группой, однако утрачивает свою личностную идентичность (аутентичность), конформно растворяясь в социальном целом. Такой случай можно назвать гиперсоциализацией. Противоположный случай — гипосоциализация — может иметь место, когда эта граница, напротив, чересчур прочна и давление вызывает ответное сопротивление со стороны индивида. В этом случае индивид не пропускает в свою личность внешние регуляторы; в результате ценности не занимают в структуре мотивации соответствующего им места.

Психологической основой отклоняющегося развития является, на наш взгляд, несформированность ценностной регуляции как в количественном отношении (низкий удельный вес ценностей по сравнению с потребностями как источников мотивации), так и в качественном (ассимилируются в структуру личности преимущественно ценности малых девиантных, в частности криминальных групп; макросоциальные ценности остаются для них сугубо внешними). Не усвоив в семье по тем или иным причинам позитивных ценностей, подросток обретает источник социальной идентичности в малой криминальной или «предкриминальной» группе, которая становится для него референтной. Ценности этой группы не только задают подростку правила и нормы поведения, но и опосредуют, фильтруют или блокируют усвоение им иных макросоциальных и общечеловеческих ценностей. Таким образом, в случае девиантного развития мы имеем одновременно и картину гиперсоциализации, и картину гипосоциализации, причем гиперсоциализации — по отношению к малой референтной группе, а гипосоциализации — по отношению к макросоциальным общностям. Причина высокой восприимчивости к криминальным ценностям, на наш взгляд, состоит в том, что они более, чем макросоциальные ценности, «дружественны» по отношению к индивидуальным потребностям. В результате в процессе социализации происходит не столько вытеснение потребностей ценностями, сколько трансформация первых во вторые: то, что было ранее лишь «личным делом» (самоутверждение, секс и др.), получает в группе идеологическое обоснование, становится социально желательным, приобретает независимость от ситуации, абсолютную значимость, «отвязывается» от потребностных состояний и превращается в идеал. В этом случае мы говорим о *ценностном оформлении потребностей*. Ошибочно было бы считать такие формы поведения, как гурманство, мировоззренчески обоснованный «коллекционерский» секс, возведенную в культ в криминальных группах демонстративную агрессию и т.п., всего лишь особым образом сформиро-

ванными потребностями. Если вернуться к различиям между потребностями и личностными ценностями (см. раздел 3.6.), легко увидеть сходство этих форм со вторыми, а не первыми. Эти мотивации, хоть и имеют явную содержательную связь с потребностями, формируются в онтогенезе именно как ценности, через усвоение идеалов референтных малых групп. Отличительная особенность их состоит лишь в том, что в силу изначальной гармонии (фактически, совпадения) с индивидуальными потребностями они не встречают внутренних препятствий к их усвоению и ассимиляции. Итогом является становление личностных ценностей, во многом дублирующих потребности. Этот механизм, по-видимому, играет очень важную роль в формировании делинквентных ценностей, ибо ценности, культивируемые в криминальных группах, содержательно хорошо согласуются с индивидуальными потребностями и благодаря этому усваиваются легко, практически бесконфликтно, путем наименьшего сопротивления и ложатся на благодатную психологическую почву.

Своеобразный характер сформировавшейся таким образом системы личностных ценностей, бедность внутреннего мира и узость кругозора порождают ощущение внутренней «пустоты», ориентацию человека вовне — на внешние критерии оценки, на некритичное принятие групповых норм поведения и мировоззрения в целом. Именно отсутствие собственной личностной позиции обуславливает то, что было охарактеризовано Я.Корчаком как «душевная анемия» и «слабая сопротивляемость моральной заразе» (Корчак, 1990, с. 97). Социальная и личностная незрелость обуславливает отсутствие сопротивления давлению группы, пассивное подчинение ее лидеру и следование девиантному образу жизни только потому, что таковы «правила» группы. На поверхности мы видим противопоставление «внешнего» и «внутреннего» как противопоставление, с одной стороны, «внешних по отношению к субъекту социальных ценностей», воплощенных в тоже «внешних» для него нормах, правилах поведения, санкциях и т. п., а с другой стороны, индивидуальных потребностей субъекта, являющихся для него сугубо личным, «внутренним» двигателем мотивации поведения. Непродуктивное, «индивидуалистское бунтарство» подростков и представителей чуть более старших возрастных групп может принимать, как отмечалось выше, различные формы (от безобидных до антисоциальных). Таким образом, получается, что подросток, юноша стремится реализовать свое стремление к идеалам в девиантном поведении, а нормативная социализация выступает для него как путь отказа от идеалов, возвращение на проторенную тропу социотипического поведения.

Еще одной стороной такого «ценностно обедненного» типа личности является существенное сужение временной перспективы. М.В.Розин отмечает в числе признаков «неформальной контркультуры» то, что она «переносит основную тяжесть временной перспективы на сегодня» (Розин, 1992, с. 72). Это дает удовлетворение, исчезает необходимость готовиться к жизни, ждать, стремиться... Зачем, если можно прямо сейчас получить все самое важное, самое интересное (или то, что кажется таковым)? Однако, за радость «здесь-и-теперь» удовлетворения потребности в интересной жизни «приходится платить ничем иным, как отсутствием будущего» (*там же*, с. 73). Фиксация на настоящем, отсутствие целей и перспектив в жизни, по некоторым данным, характерны также для лиц, демонстрирующих криминальные формы девиантного поведения. Потенциальная возможность обогащения сферы интересов путем переориентации на перспективу (ценности, идеалы) оказывается изначально заблокированной остановкой на «сегодня», несформированностью образа будущего.

Ю.А.Васильевой (1995; 1997) было выполнено под нашим руководством эмпирическое исследование, в котором с помощью большого набора как психометрических, так и качественных методов исследования сравнивались особенности смысловой сферы личности у 30 подростков и юношей 15—19 лет без психической патологии, привлеченных к уголовной ответственности за правонарушения и находившихся на экспертизе в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского, и контрольной группы из 30 учащихся 9—11 классов, никогда не вступавших в конфликт с законом. Группы не различались по уровню интеллектуального развития (шкала В опросника 16PF).

По данным методики предельных смыслов выявились значимые различия между группами по показателям продуктивности ($p < 0.01$) и рефлексивности ($p < 0.01$), которые ниже у делинквентных подростков по сравнению с законопослушными. По методике мотивационной индукции Ж.Нюттена обнаружили две группы различий: по содержанию мотивов и временной локализации. Значимые содержательные различия проявились по трем мотивационным категориям: подготовка к профессиональной деятельности (R3), познавательная мотивация (Е) и ожидание чего-либо от других (С2): два первых показателя в группе правонарушителей значимо ниже, третий — значимо выше. По шкале временной локализации обнаружилось, что в группе правонарушителей значимо реже встречается локализация целей в будущем и привязка их к вневременным (вечным) ценностям, и значимо чаще — локализация в настоящем и абстрактные ответы, лишенные конкретной времен-

ной привязки. По данным выполнения теста «Кто Я» обращает на себя внимание большой процент подростков-правонарушителей, не справившихся до конца с заданием назвать 20 самоопределений (30%, на порядок больше, чем в контрольной группе). По специально разработанному варианту теста личностных конструктов для диагностики когнитивной сложности при восприятии и оценке ситуаций (на материале ситуаций теста Розенцвейга) обнаружилось, что правонарушители используют при оценке ситуаций значительно меньшее число конструктов, чем контрольная группа, причем среди них значительно выше доля чисто формальных характеристик. По данным теста смысложизненных ориентации данные группы правонарушителей значительно ниже и по основному показателю теста, и по всем пяти субшкалам. По данным методики исследования самоотношения у группы правонарушителей значительно повышена внутренняя конфликтность, самообвинение и закрытость, и значительно понижена самооценочность и ожидаемое отношение со стороны других. По опроснику УСК они демонстрируют сниженный уровень субъективного контроля по отношению к своим достижениям, а также в сфере общения. По данным методики ценностного спектра можно говорить о некоторых содержательных отличиях в осмыслении ими таких категорий как «труд», «любовь», «человек» и «будущее». В частности, эти отличия говорят о том, что они склонны относиться к человеку как к средству.

Это исследование позволяет сделать два рода выводов: прямые, непосредственно вытекающие из его результатов, и косвенные. Прямые выводы говорят о нарушении у делинквентных подростков временной перспективы, планирования и целеполагания, о снижении роли внутреннего мира в регуляции их жизнедеятельности, о суженном, упрощенном мировоззрении и сниженной когнитивной сложности (о последнем свидетельствуют также данные А.Г.Белобородова), о пассивной позиции и сниженном контроле по отношению к собственной жизни, о конфликтном самоотношении, низкой самооценке и низком уровне осмысленности жизни. Косвенно полученные данные свидетельствуют о том, что у делинквентов преобладает гомеостатическая мотивация, защитная позиция, ориентация на удовлетворение своих потребностей «здесь-и-теперь», непринятие ответственности за результаты своих действий, внешние критерии оценки, сужена ценностная перспектива. Баланс ценностно-потребностной регуляции у них сдвинут в сторону преобладания потребностей. У них понижена рефлексия ценностно-смысловых ориентиров собственной жизни, они склонны некритически принимать и реализовывать ценности непосредственного социального окружения (малой референтной группы).

Идеалы как модели должного, относящиеся не только к их собственной жизни, но к миру вообще, у них либо вовсе не сформированы, либо слабо разработаны и фрагментарны.

Переходя к обобщению проанализированных в данном разделе данных, касающихся особенностей смысловой сферы при девиантном развитии личности, прежде всего обратим внимание на тот примечательный факт, что нарушения затрагивают, причем весьма существенно, все шесть перечисленных в разделе 4.4 параметров индивидуальных различий смысловой сферы личности. Нарушения по параметру целесмысловой ориентации проявляются во множестве конкретных показателей, в частности, в присущей правонарушителям пассивной, реактивной, выжидательной, защитной позиции. В терминах предложенной нами мультирегуляторной модели можно говорить о том, что у рассматриваемой группы смысловая регуляция жизнедеятельности не является ведущей; люди с девиантной личностной структурой гораздо больше склонны прямо удовлетворять свои желания, реагировать на стимулы, применять стереотипы и действовать согласно ожиданиям референтной малой группы на основе четырех низших регуляторных систем. По второму параметру — общему уровню осмысленности жизни — в исследовании Ю.А.Васильевой (1995; 1997) получены однозначные данные о значимо более низкой осмысленности жизни в девиантной выборке.

Третий параметр — соотношение ценностной и потребностной регуляции — определяет одно из главных специфических отличий девиантной личности. Специфика девиантов проявляется не только в большем удельном весе потребностей в смыслообразовании и меньшем — ценностей, но и в том, что присущие им ценности с содержательной стороны часто «дублируют» потребности, а со стороны их происхождения ограничены ценностью малой, как правило криминальной или «предкриминальной» референтной группы. Ценности больших социальных общностей и общечеловеческие ценности редко представлены в структуре девиантной личности.

По четвертому параметру — структурной организации — смысловая сфера девиантов отличается узостью отношений с миром, структурной упрощенностью, слабой иерархизированностью побуждений, неустойчивостью. Осознанность смысловых ориентиров, как и критичность, рефлексия, регулирующая роль мировоззрения у них существенно снижены. Наконец, по последнему параметру — временной локализации — отличия девиантов также весьма выражены. Они фиксированы на настоящем, а перспектива будущего, вместе с функциями планирования и целеполагания, у них нарушена.

Таким образом, налицо существенные отличия девиантов по всем параметрам, характеризующим смысловую сферу личности.

фактически девиантная личность предстает как образец смысловой метапатологии по всем параметрам. Можно говорить об особом типе изменений личности, который наиболее четко выделяется в выборке правонарушителей. Определяющим фактором в этом «девиантном синдроме» является, на наш взгляд, ослабление или недоразвитость смысловой регуляции жизнедеятельности — конституирующей функции личности. Похоже, что ослабление этой специфической для человека функции и является причиной того, что А.Маслоу (1999) обозначает как «снижение человечности».

Вместе с тем полностью отождествлять личность преступника с метапатологической личностью было бы не вполне верно. И среди правонарушителей не все отличаются указанными особенностями, и среди законопослушных граждан встречаются индивиды с аналогичной личностной структурой. На это обратила внимание Ю.А.Васильева (1995), обнаружившая в контрольной выборке испытуемых, сходных по своим личностным особенностям с девиантными испытуемыми. В этой связи правомерно говорить о «группе риска» правонарушений: фактором риска выступают описанные особенности смысловой сферы, снижающие или устраняющие внутренние препятствия к нарушению закона, а произойдет ли реальный конфликт с законом, зависит от многих других факторов, в частности, от среды и особенностей социализации, от темперамента и характера личности, наконец, от случайности.

4.8. СМЫСЛОТЕХНИКА КАК СМЫСЛОВАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ

4.8.1. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О СМЫСЛОТЕХНИКЕ

До сих пор, говоря о динамике и трансформациях смысловых структур, систем и процессов, мы рассматривали исключительно их естественную динамику, выведя за скобки произвольную активность самого субъекта, направленную на управление собственными процессами смысловой регуляции, а также на управление смысловой динамикой у других людей. Воспользуемся для обозначения этих процессов регуляции смысловой регуляции понятием смыслотехники, по аналогии с уже достаточно давно вошедшим в арсенал прикладной психологии понятием психотехники. Смыслотехника выступает как частный случай психотехники. Это понятие в свое время предлагалось для обозначения гипотетической системы приемов воспитания

и коррекции смысловых образований личности, разработка которых рассматривалась как перспективная задача (*Асмолов, Братусь и др.* 1979), но в обиход не вошло. Возможно, вторая попытка окажется более удачной.

Исходя из методологии Л.С.Выготского, мы рассматриваем процессы интрапсихической саморегуляции как генетически производные от интерпсихической регуляции, направленной на другого человека, в соответствии с известной последовательностью: сначала родитель воздействует на ребенка во внешнем плане, затем ребенок научается обращать аналогичное воздействие на родителя, затем ребенок применяет это воздействие к самому себе во внешнем же плане, и, наконец, оно перемещается во внутренний план саморегуляции. Смыслотехника не является исключением; как мы покажем ниже на конкретном материале, приемы воздействия на себя, саморегуляции, изучавшиеся прежде всего в контексте проблемы воли, совпадают по своей психологической структуре с приемами воздействия на других, используемыми в практике воспитания, межличностной манипуляции и рекламы.

Поскольку любое воздействие на личность представляет собой динамический процесс, объектом его являются не сами структуры (в нашем случае смысловые структуры), даже если речь идет об изменении отдельно взятых мотивов или диспозиций, а описанные в разделе 4.1. процессы смысловой динамики, в которых и через которые осуществляются любые изменения смысловой сферы. Соответственно, теоретически смыслотехнические воздействия по их объекту (мишени) подразделяются на воздействие на смыслообразование (или искусственное смыслообразование), воздействие на смыслоосознание и воздействие на смыслостроительство. По своему характеру воздействия подразделяются на целенаправленные (заданные), стремящиеся к определенному предвидимому эффекту, и фасилитирующие, имеющие целью настолько, насколько это возможно, повысить эффективность соответствующих процессов и устранить ограничивающие их барьеры и блоки; при этом конкретные психологические последствия фасилитации смысловых процессов, как правило, непредсказуемы, однако в любом случае априорно считаются полезными (позитивными) для личности. С воздействиями первого рода мы встречаемся в практике межличностной манипуляции, рекламы, пропаганды, индоктринации, в директивных методах воспитания и психотерапии, а также в практике волевой саморегуляции. С воздействиями второго рода мы встречаемся в практике недирективной психотерапии и недирективных подходов к воспитанию, некоторых тренингов. Это различение по своему содержанию близко предложенному А.А.Пузыреем

(1997) различению манипулятивной и «майевтической» психотехники.

Наконец, еще одно основание классификации смыслотехнических воздействий задается масштабом изменений, планируемых субъектом воздействия. Речь может идти а) о влиянии на конкретные поведенческие акты (действия) «здесь-и-теперь» через порождение или изменение ситуативных мотивов, личностных смыслов, или смысловых установок, как это происходит в ситуации межличностной манипуляции или волевой саморегуляции, б) об изменении устойчивого отношения к конкретным вещам или людям через порождение или изменение смысловых диспозиций и иногда конструктов, как это делается, в частности, в рекламе и пропаганде, и иногда в психологическом консультировании, или же в) о формировании или изменении общих смысловых ориентации — мировоззрения, самоотношения, системы ценностей, с чем имеет дело практика воспитания и психотерапии, а также идейной индоктринации («промывки мозгов»).

Наконец, четвертый параметр классификации смыслотехнических воздействий — это направленность на себя или на других, исходя из положения о единстве их происхождения и структуры и о генетической последовательности развития от вторых к первым.

Рассмотрим под углом зрения предложенной четырехмерной классификации смыслотехнических воздействий описанные в литературе приемы манипулятивного и рекламного воздействия, волевой саморегуляции, воспитания и психотерапии.

Представим эту классификацию в виде таблицы 5, в которой представлены 16 возможных вариантов сочетаний четырех указанных классификационных оснований и попробуем соотнести пронумерованные клетки этой классификационной таблицы с известными механизмами и приемами психологического воздействия и саморегуляции.

4.8.2. СМЫСЛОТЕХНИКА ПРОЦЕССОВ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

1—3. Саморегуляторные влияния на смыслообразование в рамках поведенческого акта и фасилитирующее воздействие на других на том же уровне. Здесь речь идет о произвольном изменении смысла действия (смысла цели) в направлении увеличения или уменьшения обусловленной им побудительной силы (3) и о развитии способности произвольно изменять этот смысл в случае необходимости (1,2), то есть, соответственно, о действии и способности

Таблица 5

Классификация видов и форм смыслотехнических воздействий

		На смыслообразование		На смыслоосознание	
		на себя	на других	на себя	на других
На поведенческий акт	Фасилитирующее	1. Тренировка воли	2. Воспитание воли	9. Рефлексивный самоанализ	10. Психодиагностика
	Заданное	3. Волевое действие [Эйдман, 1986] или психологическая защита	4. Манипуляция (повышение значимости / обесценивание действия)	11. Предвзятая интерпретация	12. Предвзятая интерпретация
На отношение	Фасилитирующее	5. Смысловой выбор	6. Тренинг смыслового выбора [Леонтьев Д.А., Пилипко, 1995]	13. Фокусинг (Gend/in, 1981)	14. Психотерапия
	Заданное	7. Самоубеждение, поиск достоинств или недостатков в объекте отношения	8. Раскрытие достоинств (реклама) или недостатков (клевета) в объекте отношения	15. Позитивная реинтерпретация (Пезешкиан, 1992), феномен Поллианны	16. Сократический диалог (Франкл, 1990)

волевой саморегуляции. Мы уже описывали в разделе 1.3. исследования В.А.Иванникова, посвященные волевой регуляции, рассматриваемой как произвольное управление побуждением. Изменение интенсивности побуждения В.А.Иванников связывает, как и мы, с изменением или созданием дополнительного смысла действия, которое может быть осуществлено путем воздействия на реальную либо на воображаемую ситуацию. Из положений о природе и механизмах волевой регуляции следует, что генетическая последовательность развития приемов и средств волевой саморегуляции подчиняется общей закономерности развития психических функций по Л.С.Выготскому: от внешних, развернутых, совместно рас-

пределенных форм деятельности — к внутренним, интрапсихическим, свернутым.

Блестящим экспериментальным подтверждением положения о природе и генетических механизмах развития волевой саморегуляции явилось упоминавшееся в разделе 2.1. исследование Е.В.Эйдмана (1986; см. также *Леонтьев Д.А., Эйдман, 1987*). В нем изучалась возрастная динамика произвольного повышения эффективности волевого действия, в качестве которого был взят тест на произвольную задержку дыхания на выдохе. Испытуемыми были школьники IV—X классов и взрослые люди 18—26 лет. Сравнивались три экспериментальных условия: стандартный тест с инструкцией задержать дыхание «сколько сможешь», условия попарного соревнования примерно равных по силе соперников, и воображаемое соревнование с воображаемым соперником с целью улучшить свой личный рекорд. Как и ожидалось, во всех возрастных группах результаты при втором и третьем условиях превышали результаты простого теста. Сравнение же между собой второго и третьего условий обнаружило характерную динамику, совпадающую с известной закономерностью «параллелограмма развития», выявленной А.Н.Леонтьевым (1972) для развития процессов внешнего и внутреннего опосредствования психических функций, таких как память и внимание. В возрастных группах до 14 лет внешнее опосредствование (реальное соревнование) дает лучшие результаты, чем внутреннее опосредствование (воображаемое соревнование), в возрасте 15—16 лет эффективность обоих приемов почти выравнивается, а у взрослых испытуемых воображаемая ситуация соревнования превысила реальную по своей эффективности, хотя статистическая значимость различий не достигала пороговой. Таким образом, можно говорить об экспериментальном подтверждении гипотезы интериоризации процессов управления смыслообразованием. Ячейке (1) таблицы соответствует индивидуальная тренировка волевой саморегуляции, ячейке (2) — ее организованный извне специальный тренинг, а ячейке (3) — ее осуществление в конкретной деятельности. Следует добавить, что наряду с волевой саморегуляцией, направленной на усиление побуждения, в ячейку (3) попадает также противоположная по своим результатам психозащитная саморегуляция, направленная на ослабление побуждения по известному образцу «Лиса и виноград».

4. Направленное на другого заданное воздействие на смыслообразование в рамках отдельного поведенческого акта мы встречаем в ситуациях межличностной манипуляции (в том числе родительского контроля над поведением детей). В частности, наиболее распространенными приемами повышения мотивации к желательному для родителей действию или ослабления мотивации к нежелательному

являются, соответственно, обещание награды в первом случае (подключение дополнительного источника позитивного смысла) и угроза наказания во втором (подключение источника негативного смысла). Те же эффекты могут достигаться и несколько более сложными приемами, например похвалой или руганью, подключающими такой смыслообразующий источник как самоотношение; чем более личностно зрелым является объект манипулятивного воздействия, тем более сложные смыслотехнические опосредования требуются для достижения желаемого эффекта. Вообще, практически все приемы, перечисленные В.А.Иванниковым в арсенале средств волевой саморегуляции, в применении к другому человеку оказываются средствами управления его поведением в контексте межличностной манипуляции. Напомним их: 1. Переоценка значимости мотива или предмета потребности. 2. Изменение роли, позиции человека. 3. Предвидение и переживание последствий действия или отказа от его осуществления. 4. Обращение к внешним символам, напоминающим о последствиях действий, к ритуалам, укрепляющим значимость совершаемых действий, к другим людям или боже-ству за поддержкой. 5. Соединение заданного и принятого действия с новыми мотивами или с новыми целями и за счет этого переосмысление действия. 6. Включение заданного действия в другое, более широкое и значимое для человека действие. 7. Связывание заданного действия с возможностью затем осуществить другое желаемое человеком действие. 8. Связывание действия с обещаниями и клятвами другим людям и себе, с самооценкой и самоодобрением, со сравнением себя с другими людьми или литературными героями при выполнении необходимого действия (Иванников, 1989; 1991). Во многом близка к этому перечню классификация стратегий саморегуляции для повышения мотивационного заряда тех или иных намерений, приводимая Ю.Кулем (Kuhl, 1987): 1. Привлечение или отвлечение внимания. 2. Селективность восприятия признаков объектов. 3. Контроль и подавление негативных эмоциональных состояний, препятствующих произвольной саморегуляции. 4. Прямое воздействие на мотивацию через представление последствий тех или иных действий. 5. Использование давления среды, например, в ситуации обещания кому-то. 6. Волевое ограничение и прекращение процесса обдумывания решения и взвешивания альтернатив, отсекающее часть информации. Из соображений объема воздержимся от приведения примеров использования каждого из этих способов; они достаточно очевидны. В онтогенезе последовательность выглядит следующим образом: постепенно усваивая приемы, которыми родители воздействуют на его поведение, ребенок начинает сам применять их к родителям, с большим или меньшим успехом, а затем обраща-

ет их на себя, превращая в приемы волевой саморегуляции. Конкретные условия актуализации и функционирования подобных саморегуляторных стратегий, названных им метапроцессами высшего уровня, подробно рассмотрел Ю.Бекман (*Beckmann*, 1987).

В.К.Вилюнас (1990) довольно подробно рассматривает механизмы воспитательных воздействий, подобных упомянутому выше, обозначив этот механизм понятием «мотивационное опосредствование». Хотя в свое время В.К.Вилюнас отказался от понятия смысла и родственных ему понятий, его понятие «мотивационное обусловливание» описывает по сути ту же феноменологию, что и понятие смыслообразования (при том, что последнее шире по своему объему), а понятие «мотивационное опосредствование» — частный случай смыслотехники. Мотивационное опосредствование выступает для В.К.Вилюнаса как квинтэссенция воспитания: «Главное в воспитании — это убедить лицо, к которому оно адресовано, что нечто значимое для него в мире изменится или не изменится в зависимости от его отношений и поступков» (1990, с. 65). Высоко оценивая анализ В.К.Вилюнасом этого психологического механизма и не вдаваясь в терминологические дискуссии, мы все же не можем согласиться с квалификацией его как главного в воспитании. Хотя, конечно, управление поведением ребенка и формирование у него определенных заданных смыслов занимает весьма заметное место в практике воспитания, главным нам представляется личностный рост, формирование личностной автономии и способности к самостоятельному выбору, что можно обеспечить только фасилитирующими, но отнюдь не заданными воздействиями.

5. Воздействие на собственное смыслообразование с целью фасилитации формирования отношения к какому-то объекту типично для ситуаций сопоставления ряда объектов — потенциальных предметов деятельности — с целью выбора из них одного (иногда более одного), предпочтительного по каким-либо основаниям. Стоящая перед субъектом задача — не обеспечить некий априорный выбор, а максимально полно выявить смысл всех потенциальных объектов, чтобы сделать правильный выбор. Эта ситуация, по нашей классификации (*Leontiev*, 1994; *Леонтьев Д.А., Пилипко*, 1995), обозначается как смысловой выбор, характеризующийся наличием конкретных альтернатив, но отсутствием единых критериев для их сравнения. Субъект должен построить общее пространство смысловых критериев сравнения всех альтернатив, и затем сделать свой выбор; если такое пространство не будет построено, то выбор будет делаться по одним основаниям без учета других. Ответ на вопрос «что такое хорошо и что такое плохо» зависит от ответа на вопрос «по каким критериям», что было очевидно еще в древности.

«Аристипп спросил Сократа, знает ли он что-нибудь хорошее...

...Ты спрашиваешь меня, сказал он, знаю ли я что-нибудь хорошее от лихорадки?

Нет, отвечал Аристипп.

Так, от глазной болезни?

Тоже нет.

Так, от голода?

И не от голода.

Ну, если ты спрашиваешь меня, знаю ли я что-нибудь такое хорошее, что ни от чего не хорошо, то я этого не знаю, да и знать не хочу» (*Ксенофонт*, 1935, с. 116).

Сократ понимал не только зависимость оценки от ее критериев, но и множественность критериев оценки и, соответственно, множественность и относительность оценок одного и того же предмета.

«Так и навозная корзина — прекрасный предмет? спросил Аристипп.

Да, клянусь Зевсом, отвечал Сократ, и золотой щит — предмет безобразный, если для своего назначения первая сделана прекрасно, а второй дурно.

Ты хочешь сказать, что одни и те же предметы бывают и прекрасны и безобразны? спросил Аристипп.

Да, клянусь Зевсом, отвечал Сократ, равно как и хороши и дурны: часто то, что хорошо от голода, бывает дурно от лихорадки, и, что хорошо от лихорадки, дурно от голода; то, что прекрасно для бега, безобразно для борьбы, а то, что прекрасно для борьбы, безобразно для бега: потому что все хорошо и прекрасно по отношению к тому, для чего оно хорошо приспособлено, и, наоборот, дурно и безобразно по отношению к тому, для чего оно дурно приспособлено» (*там же*, с. 117).

Во многих случаях критерии не столь однозначны и не столь очевидны, как в примерах Сократа. Выбирать костюм помоднее, поскромнее, подолговечнее, подешевле, подороже, лучше сидящий? Выбирать депутата помоложе или поопытней, попроще или пообразованней, покрасивее или поречистее, побогаче или победнее? Выбирать жену для помощи или для представительства, для кухни или для постели, по любви или по расчету? Вчера большие, но по пять, или сегодня маленькие, но по три? Задача выявления, уяснения или построения критериев смыслового выбора является во всех этих случаях главной; когда она решена, сравнить конкретные альтернативы обычно труда не составляет.

В экспериментальных исследованиях смыслового выбора на материале выбора студентами тем курсовых работ (*Леонтьев Д.А., Пилипко*, 1995) мы исследовали смысловой выбор как внутреннюю

деятельность по конструированию оснований и смысловых критериев для сопоставления имеющихся альтернатив и осуществлению этого сопоставления во внутреннем плане. Два эксперимента служили проверке ряда как констатирующих, так и смыслотехнических гипотез. В частности, при сравнении характеристик выбора (общего количества аргументов, используемых в обосновании выбора и доли среди них смысловых аргументов) у студентов, поступивших в университет сразу после окончания школы, и у студентов, успевших после школы поработать, обнаружилось, что у вторых оба эти параметра примерно в 1,5 раза больше, чем у первых, что подтверждает влияние жизненного опыта на способность взвешивать смысловые альтернативы. Скорость выбора оказалась положительно связана с такими личностными особенностями как общая интернальность и интернальность в отношении неудач по данным опросника уровня субъективного контроля Е.Ф.Бажина, Е.А.Гольнкиной и А.М.Эткинда (1993), а также компетентностью во времени и креативностью по данным самоактуализационного теста Л.Я.Гозмана и М.В.Кроза (1987). Эти результаты подтверждают предположение о связи способности смыслотехнической саморегуляции выбора с общим уровнем личностной зрелости.

6. Примером воздействия на смыслообразование других с целью фасилитации формирования отношения к какому-то объекту является использованная в наших с Н.В.Пилипко экспериментах обучающая психотехническая процедура, предназначенная для развития у испытуемых способности к полноценному смысловому выбору. Для этого мы развернули и экстерниоризовали деятельность по экспликации и построению общего пространства критериев сравнения альтернатив. Экспериментальной группе после выполнения испытуемыми задания по изложению аргументации выбора своей курсовой работы давались карточки с формулировками десяти различных тем, предлагавшихся для курсовых работ, с инструкцией сформулировать для каждой из них аргументы «за» и «против», проанализировав их затем по значимости. После этой процедуры испытуемые еще раз делали то же самое с выбранной ими для себя темой. Результаты полностью подтвердили исходные предположения: в экспериментальной группе, в которой применялась обучающая процедура, после нее значительно увеличилось общее количество аргументов, используемых в обосновании темы своей курсовой работы, и доля среди них смысловых аргументов. Разработанная нами смыслотехническая процедура впоследствии с успехом использовалась Н.В.Пилипко в психологическом консультировании по проблемам жизненного выбора (*Леонтьев, Пилипко, 1995*).

7. Воздействия на собственное смыслообразование с целью формирования заданного отношения к конкретному объекту — это самовбеждение или самовнушение, односторонне акцентирующее только лишь достоинства или только лишь недостатки объекта, когда по тем или иным причинам необходимо изменить к нему отношение. Достаточно типичным примером является, с одной стороны, самовбеждение при попытках бросить пить или курить, а с другой — сопротивление попыткам извне убедить бросить пить или курить. В первом случае в ходе саморегуляции усиливается негативная составляющая отношения, во втором — позитивная. В.Г.Асеев (1993, с. 50) говорит в этой связи о формировании своеобразной эмоциональной и познавательной адаптации, иммунитета к фактам и положениям, которые противоречат убеждениям, интересам, потребностям.

Конкретное прикладное применение этой разновидности смысловых технологий описано Н.В.Крогиусом (1981), выделившим ряд приемов саморегуляции, используемых шахматистами при подготовке к ответственным матчам. В их числе Н.В.Крогиус называет прием дискредитации — намеренный анализ тенденциозно подобранной информации о слабостях противника (например, анализ только проигранных им партий), — используемый для избавления от неуверенности перед сильным партнером, и обратный ему прием идеализации, используемый для того, чтобы избежать недооценки соперника и сохранить мобилизацию на игру.

Смыслодинамическим аналогом такого самовнушения являются произвольные процессы, преследующие цель защитить от возможных изменений отношение к объекту слепой страсти или бурной романтической влюбленности, и дискредитирующие любую информацию, мысли и даже иногда свидетельства органов чувств, которые грозят хоть немного пошатнуть пьедестал, на который воздвигнут объект любви. Стендаль (1989) описал этот процесс как кристаллизацию отношения; описания таких эффектов в художественной литературе весьма многочисленны. В качестве иллюстрации можно вспомнить ситуацию с обсуждением перспективы женитьбы Панурга (*Рабле*, 1988), который все советы и приметы, однозначно сулящие неприятие в этом браке, умудрялся переистолковывать противоположным образом, при том, что вопрос о женитьбе решался «в принципе», даже в отсутствие кандидатуры конкретной невесты.

Интересной и важной разновидностью смысловых технологий процессов этого типа является самоподкрепление самооотношения — как положительного, так и отрицательного. Человек в этом случае ищет подтверждения либо собственной значимости, либо, напротив, никчемности, игнорируя и дискредитируя все свидетельства противоположного.

8. Воздействие на смыслообразование других с целью формирования заданного отношения к конкретному объекту — типичная ситуация рекламы или манипуляции. Формирование положительно-го отношения — суть рекламы, будь то коммерческая реклама, преследующая цели сбыта, политическая реклама, завоевывающая голоса на выборах, а также агитации, преследует ли она прямые политические цели («Народ и партия едины») или эстетико-психологические (наглядная агитация к 850-летию Москвы). Рекламная смыслотехника — это наука продавать, согласно популярному среди рекламщиков афоризму, не сверла, а дырки определенного диаметра. Как и все другие разновидности смыслотехники, она сводится к выбору и актуализации потребностей и мотивов потребителя, к которым апеллирует реклама, и конструированию связи с ними предлагаемого товара (услуги).

Спектр эксплуатируемых в рекламе смыслообразующих источников, как правило, весьма ограничен. Прежде всего это выгода или экономия (многие учебники по рекламе называют «волшебным» слово «дешево»). Парадоксальным образом, впрочем, иногда эффективным оказывается прямо противоположное, что можно проиллюстрировать газетным объявлением из коллекции Г.Ю.Беркаусовой (личное сообщение): «Продаются щенки ротвейлера. Дорого». Здесь дороговизна привлекательна, ибо является синонимом если не качества, то по меньшей мере престижности, а этот мотив часто оказывается на первом месте для определенной группы потребителей. Эксплуатируются также потребности в покое и безопасности, ценности секса и привлекательности, семейные ценности, потребности в достижении и самоутверждении. При этом важно убедиться в том, что у целевой группы — адресатов данной рекламы — мотивы, ценности и интересы, к которым реклама взывает, действительно присутствуют. В противном случае возникают курьезы. Так, в шестидесятые годы внешнеторговое объединение «Трактороэкспорт» рассылало в африканские страны свои стереотипные буклеты, в которых советские тракторы превозносились прежде всего за их незаменимость при движении по глубокому снегу! Бывает и еще хуже, как, например, с распространением в арабских странах рекламы американских мотоциклов, в которых девушка в джинсах сидела за спиной водителя, обхватив его руками. Запланированный положительный смысл этого образа, каким он и являлся для американской молодежи, наложившись на иную систему ценностей исламской культуры, трансформировался в прямо противоположный.

Другая сторона рекламной смыслотехники — конструирование связи предлагаемого товара с потребностями и мотивами потреби-

ля. Во многих случаях она довольно очевидна, но не всегда. Рекламисты нередко пытаются построить и связь товара с более отдаленными и глобальными мотивами, потребностями и жизненными целями, причем не всегда удачно. Когда говорится, что пользуясь таким-то шампунем, я буду счастлив всю жизнь, возникает естественное сомнение в прямой зависимости между причиной и следствием — слишком многое их разделяет. Когда нам предлагают разбогатеть, расписывая все прелести богатства, и лишь из второй половины текста становится понятно, что требуется сначала купить установку по производству шлакоблоков, возникает глубокое разочарование — смысловая связь в этом случае еще менее убедительна, чем в предыдущем. А вот, напротив, удачные примеры творческой работы с нестандартными смысловыми связями: «Любишь жену? Покупай лучший американский моющий пылесос Bissell»; «Mostcard — лучшее средство от головной боли».

Смыслотехника отрицательного отношения находит применение в политической риторике («враги народа», «меньшевинствующие идеалисты», «безродные космополиты» и др.), в таких механизмах межличностной манипуляции как клевета, а также в манипулятивном притворном обесценивании чего-то, к чему стремится сам манипулятор, чтобы убедить конкурентов отказаться от этого и заполучить это самому. Один из основателей банкирской династии Ротшильдов использовал в 1815 году этот манипулятивный прием для грандиозной биржевой спекуляции: получив раньше всех в Лондоне известие о поражении Наполеона при Ватерлоо он, вместо того, чтобы скупать ценные бумаги Британского казначейства, которые должны были после этого заметно подняться в цене, начал активно продавать их. Увидев это, другие биржевики, зная осведомленность Ротшильда, подумали, что Наполеон победил, и тоже начали продавать их; стоимость этих бумаг мгновенно упала до мизерной отметки. В этой биржевой панике Ротшильд начал опять скупать их и по дешевке успел купить их огромное количество, прежде чем Лондон узнал о победе.

4.8.3. СМЫСЛОТЕХНИКА ПРОЦЕССОВ СМЫСЛОСОЗНАНИЯ

Переходим ко второй трети таблицы (средний столбец), в которой представлены смыслотехнические воздействия на процессы смыслоосознания — решения задачи на смысл через раскрытие системы смысловых связей, порождающих данный смысл.

9 и 10. Фасилитация осознания смысла на уровне поведенческого акта у других является, по сути, содержанием психоанализа своего и чужого поведения. Психоанализ на первом этапе своего развития (см.

раздел 1.2) формулировал в качестве своей задачи именно выявление смысла симптомов, действий, сновидений и т.п.; сейчас эта позиция вновь разделяется заметной частью психоаналитиков. Вспомним многочисленные хорошо известные примеры анализа и самоанализа З.Фрейда и других авторов, приводить которые здесь нет необходимости; частично они были приведены в других главах.

11 и 12. Заданное воздействие на раскрытие смысла на уровне поведенческого акта у себя и у других можно проиллюстрировать ригидным «жестким» применением того же психоанализа, когда анализ оказывается подчинен подведению психологических проявлений клиента под априорную теоретическую схему. Однобокость теории и часто вытекавшая из нее предвзятость интерпретации являются излюбленной мишенью критиков ортодоксального психоанализа.

13. Самофасилитация осознания смысла отношения к конкретному объекту или человеку также может быть представлена самоанализом. Вместе с тем можно назвать и другие психотехнические подходы, более непосредственно направленные на решение этой задачи, в частности, технику фокусинга Ю.Джендлина (*Gendlin*, 1981). Джендлин разработал эту технику на основе своей теории переживания и смыслов творчества (*Gendlin*, 1962; 1964) как способ осознания отчетливого смысла (*meaning*) того, что изначально феноменально представлено как смутный телесно ощущаемый смысл (*felt sense*). Последний Джендлин определяет как телесное ощущение первого. Ощущаемый смысл содержит в себе отчетливый смысл, раскрытие которого требует определенной работы фокусирования на этом смысле в течении определенного времени по определенным правилам.

14. Фасилитация осознания смысла отношения к конкретному объекту или человеку у других — также весьма типичная частная задача психотерапии. Как в психоанализе, так и в других психотерапевтических подходах разработаны приемы, направленные непосредственно на ее решение.

15. Заданное осознание (точнее, переосознание) смысла своего отношения к конкретным объектам или явлениям может быть проиллюстрировано психотерапевтической техникой позитивной реинтерпретации Н.Пезешкиана (1992), направленной на достижение принятия каких-то собственных патологических состояний через нахождение их положительных сторон. Так, депрессия позитивно реинтерпретируется как способность глубокого эмоционального реагирования на конфликты, лень — как способность избегать требований достижения, агрессивность — как способность эмоционального и расторможенного реагирования, фригидность — как способность говорить «нет» своим телом и т.п. Другой пример подобной смысло-техники — «эффект Поллианны», названный так среди американс-

ких психотерапевтов по имени девочки — героини популярной одноименной повести детской писательницы Элинор Портер (1992). Поллианна придумала себе такую игру, в соответствии с которой во всем необходимо находить хорошую сторону и радоваться всему, что происходит, — ведь всегда можно найти какой-то позитивный смыслообразующий контекст.

16. Заданное осознание или переосознание смысла отношения другого человека к конкретным объектам или явлениям может быть проиллюстрировано техникой сократического диалога (Франкл, 1990), с помощью которой Франкл содействует нахождению и изменению смысла для клиента тех или иных событий. Вот блестящая иллюстрация из его практики: у немолодой клиентки недавно умер горячо любимый муж, и она находится в тяжелой депрессии, будучи не в состоянии пережить это событие. В диалоге Франкл подводит ее к пониманию того, что если бы она умерла раньше него, ему было бы еще труднее пережить ее смерть. Находится новый смысл ситуации: хорошо, что именно он умер раньше, а то именно ему пришлось бы испытывать те страдания, которые испытывает она сейчас. Клиентка уходит просветленной: ее страдания обрели смысл, ведь благодаря им избавлен от страданий ее покойный муж.

Этот процесс, как и другие процессы заданного смыслоосознания на всех уровнях, внешне напоминает смыслообразование. Действительно, произвольное избирательное осознание определенных смыслообразующих связей и контекстов, придающих объекту анализа конкретный заранее известный смысл (9—10, 13—14), сходно с искусственным созданием таких контекстов и связыванием их с соответствующим смыслом (3—4, 7—8). Различия заключаются, во-первых, в том, что в первом случае осознание смысловых связей необходимо присутствует, а во втором случае является скорее исключением, чем правилом. Во-вторых направление конструирования смысловых процессов в обоих случаях противоположно: в первом случае анализируемый смысл задан, и, отталкиваясь от него, конструируются (реконструируются) смыслообразующие связи и контексты; во втором случае заданы как раз смыслообразующие контексты и, отталкиваясь от них, конструируются их смысловые связи с конкретным объектом или действием.

4.8.4. МЕХАНИЗМЫ СМЫСЛОТЕХНИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Рассмотрим общую структуру приемов регуляции смыслообразования и смыслоосознания. Вспомним вначале принципиальную структуру смысла. Напомним, любой смысл задается его субъектом

(смысл для кого), носителем (смысл чего), непосредственным смыслообразующим источником или источниками (за которыми, в свою очередь, могут стоять свои источники следующего уровня и т.д.) и смысловой связью (связями) между носителем и источником (источниками) смысла, благодаря которой (которым) первый приобрел смысл. В ряде случаев (но не всегда) в эту структуру включен также регуляторный эффект смысла, его конкретное воздействие на сознание и деятельность.

При смысловых воздействиях объектом изменения чаще всего выступает сам смысл, субъект и носитель которого константны. Для достижения заданного изменения на этом уровне, таким образом, необходимо специфически повлиять на состав источников смысла (1) — включить в структуру новые источники, исключить имеющиеся или изменить их смысл — и/или на смысловые связи (2), изменив их психологические характеристики. Фасилитирующие изменения, в свою очередь, предполагают неспецифическое расширение круга смыслообразующих источников и смыслообразующих связей, увеличение мерности данного смысла, усложнение его структуры. Еще одна группа приемов смысловых воздействий направлена не на изменение самого смысла, а на изменение структуры альтернатив (3), среди которых делается выбор: непривлекательное действие может стать приемлемым «меньшим злом», когда выбор изначально или искусственно оказывается ограничен, а вполне привлекательные женихи могут упорно отвергаться, если девушка не согласна на меньшее, чем прекрасный принц.

Эти три группы смысловых воздействий можно конкретизировать далее:

1. Изменение источников смысла

1.1. Подключение дополнительных мотивов, например, мотива соревнования, как в описанных выше экспериментах Е.В.Эйдмана (1986). Сюда относятся приемы поощрения/наказания (или их обещания), похвалы/критики, клятвы или обещания, подключающие мотивацию самоуважения, и многое другое.

1.2. Подключение смысловых конструктов через специфическое означивание объекта. Выбор точного словесного ярлыка или знакового визуального образа-ярлыка — мощное оружие как рекламы и пропаганды («ум, честь и совесть нашей эпохи», ковбой Мальборо), так и клеветы («безродный космополит», «а еще в шляпе»), поскольку этот ярлык актуализирует значимые смысловые конструкты, прямо связанные с ценностями, которые вносят большой вклад в смыслообразование (см. раздел 3.5.). К аналогичным эффектам приводит и косвенное означивание путем вписывания в определенный семанти-

ческий контекст («Пусть всегда Кока-кола!»; «А вы знаете, какая его настоящая фамилия?»).

1.3. Подключение смысловых диспозиций, например ссылки на авторитеты (использование «звезд» спорта, эстрады, кино и театра в коммерческой и политической рекламе), ссылки на референтные группы.

1.4. Подключение самоотношения, социальной и ролевой идентичности, архетипов и глубинных ценностей («Ты мужчина или нет?»; «Все, кому небезразлична судьба России...»; «Если дорог тебе твой дом...»).

2. Изменение или актуализация смысловых связей. Смысловые связи объекта со смыслообразующими источниками характеризуют меру и форму их близости в жизненном мире. При этом характер этих связей влияет на смысл объекта не меньше, чем характер и «ассортимент» источников, придающих ему этот смысл. Смысл чтения учебника в том, чтобы сдать экзамен, но одно дело — за месяц до экзамена, а другое дело — накануне. Одно дело — перечитывать, освежать в памяти то, что знаешь, а другое — отчаянно пытаться найти и запомнить то, что никогда не знал. Наконец, одно дело, когда есть легальная возможность перенести сдачу экзамена без урона для стипендии, и другое — когда такой возможности нет. Если осуществление действия прямо, сразу, единственно возможным способом и наверняка, причем не чрезмерной ценой ведет к реализации мотива — оно крайне привлекательно. Если оно служит реализации мотива, но не сразу, не прямо, не стопроцентно, не является единственным путем и сопряжено с теми или иными ощутимыми затратами — его смысл тускнеет и приобретает неоднозначность. Подхалим может лезть из кожи вон, стараясь угодить жене своего шефа, видя в этом прямой путь к карьерному успеху, но когда выясняется, что отношения шефа с женой никак нельзя назвать хорошими, этот путь становится тупиковым — смысловая связь рвется. Смыслотехнически воздействовать на смысловые связи можно, во-первых, искусственно спрямляя их, создавая впечатление большой вероятности того, что действие приведет к желанному результату, малой цены этого, простоты, короткой временной дистанции... Вспомним обещания наших военных зимой 1994/95 года взять Грозный за 3 часа чуть ли не одним воздушно-десантным полком, которые на деле обернулись затяжной, кровопролитной и бесславной войной с многотысячными жертвами и многомиллиардными разрушениями. Похожим образом наперсточники на улицах затягивают прохожих в свою игру, а АО «МММ» и другие пирамидальные структуры завлекали вкладчиков. Во-вторых, возможно противоположное воздействие — создание впечатления сложности,

неоднозначности, большой цены, которую придется заплатить, малой вероятности успеха... Преувеличение или преуменьшение цены достижения и вероятности успеха, а также влияние на процессы умозаключения относятся к числу главных механизмов межличностной манипуляции (*Доценко*, 1994). В-третьих, возможна фасилитирующая смыслотехническая проработка смысловых связей, преследующая цель максимально адекватно, без искажений прояснить реально существующие связи.

3. Изменение структуры альтернатив. Прямое смыслотехническое воздействие на структуру альтернатив предполагает создание иллюзии отсутствия выбора, когда он на самом деле есть («Безвыходная ситуация — та, простой и приемлемый выход из которой нас почему-то не устраивает» — *А.Бирс*), или, напротив, создание ситуации ложного (непринципиального) выбора, маскирующего наличие более серьезных альтернатив («Можно собирать марки с зубчиками, можно и без зубчиков. Можно собирать штемпелеванные, можно и чистые. Можно варить их в кипятке, можно не в кипятке, просто в холодной воде. Все можно» — *Ильф*, 1961, с. 192).

4.9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ГЛАВЕ 4

В главе 4 мы продолжили развивать представления о смысловой организации личности, развернутые в предыдущей главе, перейдя теперь от синхронического к диахроническому плану анализа — от структуры и регулярного функционирования к нормальному и аномальному развитию смысловых механизмов личности, их динамике, связанной с преобразованием самих смысловых регуляторов. Второй задачей данной главы было формулирование методологии и методов изучения смысловой реальности, а также преобразующего воздействия на смысловые процессы и механизмы, в том числе саморегулирующего воздействия, направленного на себя самого.

Раздел 4.1. содержит подробное рассмотрение внутриличностной динамики смысловых процессов. Выделены три вида таких процессов: смыслообразование, представляющее собой переход или перенос смысла на новый носитель, смыслоосознание, представляющее собой изменение смысла и, более широко, изменение направления смыслообразования за счет рефлексивного расширения смыслозадающего контекста, и смыслостроительство, представляющее собой внутреннюю критическую перестройку смысла при столкновении с реальностью или иным смысловым миром, ставящим под сомнение

имевшийся смысл. Эти три вида процессов представляют собой то, что в литературе описывалось как «малая» (актуалгенетическая) динамика смысловых образований.

Следующие два раздела посвящены их «большой» динамике — развитию смысловой регуляции в филогенезе и онтогенезе. Анализ филогенеза приводит нас к двум основным положениям. Первое состоит в том, что смысловые механизмы регуляции поведения присутствуют и у человека и у животных, однако у животных они носят подчиненный характер, будучи встроены в механизмы удовлетворения потребностей, в то время как у человека они задают несводимую к чему-либо иному особую логику поведения (см. раздел 2.7). Второе положение заключается в том, что по мере филогенетического развития происходит расширение контекста смыслообразования от жесткой подчиненности удовлетворению актуальных потребностей до включения в картину реальности все более опосредованно связанных с потребностями объектов и явлений. Анализ развития смысловой сферы в онтогенезе человека позволил вычленить несколько основных линий этого развития: иерархизацию, интеграцию и структурное усложнение; распространение осмысления за пределы наличной ситуации; прогрессирующее опосредование социальными ценностями и прогрессирующую рефлексивность своих смысловых регуляторов.

Раздел 4.4. посвящен выделению основных параметров индивидуальных различий смысловой сферы. Были выделены шесть основных конструкторов, характеризующих индивидуальные особенности смысловой сферы: телеологичность (целесмысловая ориентация), уровень осмысленности жизни, соотношение ценностной и потребностной регуляции, структурная организация смысловых систем, степень осознанности смысловых ориентации и временная локализация ведущих смысловых ориентиров.

В разделе 4.5. мы рассмотрели вопросы исследовательской методологии и методов изучения смысловой реальности. Констатируя, что исследования смысловой сферы возможны и реально часто осуществляются неспецифическими методами, мы, опираясь на принцип бытийного опосредования, установили, что признаком, позволяющим утверждать, что исследуется именно смысловая реальность, является учет онтологического аспекта изучаемых отношений, то есть локализация изучаемых объектов (содержаний) в жизненном мире испытуемых, хотя непосредственно получаемые данные при этом обычно направлены либо на анализ отражения смыслов в сознании (феноменологический план), либо на фиксацию их регуляторных влияний на деятельность (деятельностный план). Далее был сформулирован методологический принцип дополнительности применительно к изучению смысловой реальное-

ти, согласно которому невозможно в одной экспериментальной схеме получить одновременно и феноменальную содержательную характеристику некоторого смысла, и его деятельностьную характеристику, то есть место в структуре регуляторных механизмов и влияние на протекание деятельности. Были подробно рассмотрены и проиллюстрированы на эмпирическом материале пять методических подходов к изучению смысловой сферы: экспериментальный, проективный, психометрический, психосемантический и качественно-феноменологический.

Следующие два раздела содержат систематизацию данных об изменениях смысловой регуляции при психической патологии и девиантном развитии личности. Обобщение и анализ большого массива данных по разным видам психической и соматической патологии позволяет утверждать, что хотя во всех случаях присутствуют те или иные нарушения смысловой регуляции, они не носят нозоспецифический характер. Одни и те же нарушения характерны для разных видов патологии. Более того, степень нарушений смысловой регуляции при одних и тех же видах и степени психической патологии может существенно различаться, что заставляет вспомнить известное положение о том, что личность больного — не обязательно больная личность. Есть свидетельства того, что чем более развитой являлась личность в преморбиде, тем меньше степень нарушений смысловой сферы при заболевании и тем лучше перспективы восстановительного лечения, вне зависимости от специфики заболевания. Обратная картина наблюдается при анализе социопатических нарушений. При обобщении данных разных авторов, касающихся особенностей девиантной (делинквентной) личности, обращает на себя внимание тот факт, что эти нарушения затрагивают, причем весьма существенно, все шесть параметров индивидуальных особенностей смысловой сферы, выделенных в разделе 4.4. Фактически такая личность представляет собой образец специфической патологии (метопатологии) смысловой сферы по всем параметрам. Мы имеем здесь дело с комплексным синдромом ослабления смысловой регуляции, прямым следствием которого является высокий риск конфликта с законом, с социумом.

Последний раздел главы посвящен развитию представлений о смыслотехнике как смысловой саморегуляции и технологии воздействия. Основными принципами, на которых строится разработка нами смыслотехнического подхода, является принцип генетической связи и структурного подобия процессов регуляции и саморегуляции (Л.С.Выготский), а также принцип бытийного опосредования. Была построена классификация форм смыслотехнического воздействия, учитывающая четыре основных параметра: смыслодинамический

процесс, служащий мишенью воздействия, степень направленности на конкретный желательный эффект, масштаб воздействия и направленность на себя или на других. На основании этих параметров была построена классификационная таблица, включающая 16 элементов; все они получили содержательную характеристику и проиллюстрированы на эмпирическом материале.

Таким образом, в данной главе смысловая реальность была рассмотрена в своем развитии, в движении, а также сформулированы методологические принципы ее изучения и преобразования. Это открывает возможности для прямой операционализации онтологической и структурной картин, представленных в предыдущих главах, превращая концепцию смысловой реальности в многообразии ее форм, проявлений, закономерностей и аспектов анализа в инструмент конкретной работы психолога.

ГЛАВА 5.

В НЕЛИЧНОСТНЫЕ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ФОРМЫ СМЫСЛА

Так вечный смысл стремится к вечной смене
От воплощения к перевоплощению

И.-В. Гёте

5.1. КОЛЛЕКТИВНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ОБЩИЕ СМЫСЛЫ. РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Выделив в главе 2 три аспекта анализа смысловой реальности — онтологический, феноменологический и субстратный, — и посвятив две последующих главы подробному раскрытию этих аспектов, мы все время оставались в рамках одного существенного ограничения. Отрефлексировав и отбросив с самого начала абстракцию «изолированного индивида», изъятую из своего жизненного мира, и рассматривая индивида только в неразрывной связи с жизненным миром, мы тем не менее сохранили абстракцию «одинокого индивида», выключенного из социальных связей с другими людьми и вступающего в отношения с миром «один на один»; мы выходили за пределы этой абстракции только в разделах, посвященных личностным ценностям и ценностной регуляции жизнедеятельности и смыслообразования. Вместе с тем, анализ проблемы смысла не может быть полноценным без обращения к тем формам, в которых смыслы транслируются другому человеку, и тем переходам и трансформациям, которые они претерпевают, принимая объективированные формы и транслируясь от одного человека к другим, как в прямом, непосредственном общении, так и через опосредованное воплощение в артефактах культуры и произведениях искусства. Ведь «смыслы не только укоренены в бытии, но и опредмечиваются в действиях, в языке, в отраженных и порожденных образах, в метафорах, в символах, в мифах» (Зинченко, Моргунов, 1994, с. 153).

Обращаясь к внеиндивидуальным формам существования смысловой реальности, мы переходим к анализу иных превращенных форм, на субстрате которых смыслы обретают новую жизнь. Здесь мы также

вправе обращаться к онтологическому анализу межличностных или внеличностных смысловых структур (анализу жизненных отношений, воплощенных в этих структурах), феноменологическому анализу (анализу их непосредственно воспринимаемого содержания) и субстратному анализу (анализу материальных или идеальных форм, в которых эти смыслы находят свое воплощение и «вписываются» в жизнедеятельность людей, оказывая на нее свое воздействие).

Наиболее сложной из них является форма межличностного существования смыслов в пространстве коллективной ментальности. Под коллективной ментальностью мы понимаем психологические структуры, процессы и формы активности, носителем и субъектом которых выступает не индивид, а группа, уподобляемая единому организму и рассматриваемая — метафорически или нет — как единый субъект. Первым понятием, относящимся к коллективной ментальности, было введенное К.Марксом и Ф.Энгельсом (1845—1846/1955) понятие общественного сознания. Будучи явной метафорой, это понятие тем не менее оказалось и до сих пор остается чрезвычайно эвристичным средством анализа и понимания социальных процессов. Следующим (хронологически) конструктом этого ряда стало получившее не меньшее признание и распространение понятие коллективного бессознательного, введенное К.Г.Юнгом (1991; 1993). Большой вклад в понимание коллективной ментальности внес Э.Фромм (1992 б), который ввел понятие социального характера, а также заговоривший об общественном бессознательном, но не в юнгианском смысле, а скорее как о понятии, парном к марксову понятию общественного сознания. Содержательный анализ общественного бессознательного в этом ключе дан в монографии А.Н.Дмитриева (1985). Плодотворным развитием идеи общественного сознания стала также теория социальных представлений С.Московичи (1992). И наконец, нельзя не упомянуть Г.Бэйтсона (*Bateson, 1972*), в системной теории которого говорится о том, что феномены, обладающие атрибутами психического, имеют свойство возникать в сложных системах, включающих совокупность элементов, взаимодействующих друг с другом и со средой.

В последние два десятилетия в отечественной психологии и философии активизировался интерес к феноменам коллективной ментальности. Во многом это связано с осознанием того, что «изначальным и подлинным субъектом всех форм деятельности (особенно предметно-практической) является коллективный субъект, и, лишь включаясь во все многообразие коллективных форм деятельности, индивид приобретает форму субъектности, форму активного и сознательного начала своей индивидуальной деятельности» (Да-

видов, 1982, с. 85; о коллективном или совокупном субъекте см. также Андреева, 1977; Донцов, 1979; Лекторский, 1980). Метафора группового субъекта получила свое осмысление в контексте общественной-политической психологии (Дилигенский, 1994), групповой психотерапии (Цапкин, 1994), а также в психодиагностике: С.В.Антоненко (личное сообщение, 1989), составляя объединенные профили реальных групп (трудовых коллективов) по обычным психодиагностическим личностным опросникам, обнаружил, что в группе затруднена адаптация тех индивидов, чей индивидуальный профиль сильно разнится с групповым. Выполненный нами анализ генезиса личности (Леонтьев Д.А., 1989 а) привел к представлению о «коллективной личности», генетически первичной по отношению к индивидуальной. Наконец, наиболее последовательной и завершенной концептуализацией идеи коллективной ментальностиTM явилась концепция социетальной психики Е.А.Донченко (1994). В ней развивается идея о социуме как субъекте психического, включающего в себя и осознаваемые и подсознательные структуры: архетипы, установки, паттерны реагирования, такие как экстраверсия—интроверсия, рациональность—иррациональность, эмоциональность—прагматичность, сенсорность—интуитивность, экстернальность—интернальность, интенциональность—экзекутивность. Через призму этих категорий Е.А.Донченко дает анализ психического склада ряда этнокультурных общностей (наций).

Понимание природы коллективной ментальности — первый шаг к пониманию коллективной смысловой реальности, делающий понятным ее природу и общие механизмы. Второй шаг был сделан А.М.Лобком (1997), объяснившим генезис осмысления человеком действительности с помощью понятия мифа, имеющего изначально социокультурную природу. Мы уже обращались в предыдущих разделах работы к другим аспектам многогранной концепции А.М.Лобка; остановимся здесь на трактовке им феномена культуры и социальной общности. Согласно А.М.Лобку, миф — это поле культурных смыслов и культурной памяти, накопленных за тысячелетия существования данной культуры. «Человек прирожден той или иной культуре, той или иной культурной целостности, той или иной культурной реальности, а, значит, оказывается прирожден некоему полю смыслов, пронизывающих эту культурную целостность, эту культурную реальность. Смысловые ориентиры культуры, в которой он рождается и существует, передаются ему через взаимодействие с родителями, друзьями, школьными учителями, произведениями литературы и искусства и т.п., и каждый человек оказывается до определенной степени нерелексивно сращен с совокупностью этих неявных смысловых установок культуры. Эти

неявные установки и ориентиры культуры создают своеобразную смысловую размерность человеческой жизни, накладывают на человеческую жизнь ее смысловой масштаб. Они-то и составляют своего рода смысловой миф культуры, который так или иначе усваивает каждый взрослеющий внутри данной культуры ребенок» (Лобок, 1997, с. 82-83).

Мифологическая сущность культуры означает, по А.М.Лобку, что представители одной культуры воспринимают ее как нечто естественное и очевидное, понимая друг друга с полуслова, в то время как внешнему наблюдателю — носителю иной культурной мифологии — эта очевидность предстает как абракадабра (не случайно непонятное нам мы обозначаем словами «китайская грамота», иначе говоря, «общеупотребительный язык иной культуры»). «Миф — это своего рода язык-шифр, на котором разговаривают между собой представители одной культуры. Миф — это тайный язык смыслов, сама суть которого состоит в том, чтобы сделать данную культуру эзотеричной, непроницаемой для представителей других культур. Миф — это знак избранничества человека, появившегося на свет в данном племени. Это тайная подкладка его жизни, сам смысл которой состоит в ОТДЕЛЕНИИ этого человека от всех прочих, родившихся в иных культурных общностях» (там же, с. 21). Культурный миф позволяет человеку идентифицировать себя по отношению к культуре. С другой стороны, взаимная непроницаемость мифов разных культур придает каждой культуре уникальность и неповторимость. Благодаря ей и существует мир культурного разнообразия.

Мифологическая концепция культуры А.М.Лобка рисует нам первичную смысловую реальность культурного мифа; индивидуальные смыслы выступают как вторичные, надстраивающиеся на ее основе, хоть и вступающие с ней в диалог. Но возможно и другое понимание коллективной смысловой реальности — как вторичной по отношению к индивидуальным смыслам, как продукта диалога и взаимодействия индивидуальных смысловых миров. Так ее понимают В.Франкл (1990), определяющий ценности как обобщение индивидуальных смыслов, А.Н.Леонтьев (1991 б), говорящий об общих смыслах и общих задачах на смысл, которые встают перед людьми в силу общности условий их жизнедеятельности, Дж.Шоттер, Ш.Харри-Аугстайн и Л.Томас (см. раздел 1.2.3), говорящие о рождении смыслов в интересующем пространстве диалога, и другие авторы. Эти два взгляда на соотношение индивидуальной и коллективной смысловой реальности не обязательно должны быть альтернативны; обращение к феноменологии позволяет без труда увидеть, что в реальности имеют место и то и другое: коллективное

смысловое поле, присущее определенной социальной общности или культуре (субкультуре), влияет на формирование смысловой сферы членов этой общности, но и оно само, в свою очередь, изменяется под воздействием диалога и координации смыслов как внутри этой общности, так и в общении с другими культурами. Вспомним Д'Артаньяна: только прибыв в Париж ко двору, он сначала жадно впитывает новую мифологию, новое и значимое для него смысловое поле, присваивает новые смыслы; становясь все более зрелым он, однако, начинает все больше влиять на коллективное поле.

Последующие разделы этой главы соотносятся с реальными областями и проблемами психологических исследований, в которых обнажаются интересующие нас особенности и закономерности внеличностного и межличностного существования смыслов. Первая группа проблемных областей затрагивает разные аспекты трансляции и трансформации смыслов в межличностном взаимодействии. Можно выделить три достаточно самостоятельные проблемы, вместе охватывающие основную проблематику трансляции смыслов в межличностном взаимодействии. Первая из них — это проблема понимания смыслов другого человека в общении. Проблема передачи смыслов в межличностном общении, в частности, проблема принципиальных ограничений возможности такой передачи, привлекала внимание многих психологов, философов, писателей и поэтов, и в нашем распоряжении находится достаточно богатая феноменология, описанная под разными углами зрения. На языке теоретических конструктов эта проблема традиционно рассматривается как проблема соотношения и взаимопереходов значения и смысла. Вторая проблема — это проблема координации и трансформации смыслов в совместной деятельности; очевидно, что без координации на уровне смыслов сколько-нибудь сложная и протяженная во времени совместная деятельность, даже направленная на решение сугубо инструментальных задач, вряд ли возможна. Наконец, третья проблема — проблема воздействия на уровне смыслов на другого человека, на малые и большие группы людей. Мы расцениваем эти три проблемы как проблемы нарастающей сложности, и будем рассматривать их в том порядке, в котором они были перечислены.

Говоря о трансляции смыслов, нельзя обойтись без более подробного анализа феномена культуры, «парадоксально соединяющего объективность внешнего бытия и полноту человеческого жизненного смысла» (Малахов, 1988, с. 76). Проблема опосредованной передачи смыслов через опредмечивание в артефактах культуры является менее традиционной уже по своей постановке. Это неклассическая проблема именно в том смысле, в каком Д.Б.Эльконин

ввел понятие неклассической психологии для характеристики новаторских идей культурно-исторического подхода Л.С.Выготского. По его мнению, своеобразие этого подхода состоит в том, что «первичные формы аффективно-смысловых образований человеческого сознания существуют вне каждого отдельного человека, существуют в человеческом обществе в виде произведений искусств или в других каких-либо материальных творениях людей... Признание их объективного существования вне индивидуального сознания является... чрезвычайным шагом в психологии» (*Эльконин Д.Б.*, 1989, с. 477). Л.С.Выготский вышел на эту идею через анализ искусства как общественной техники чувства; в то же время значение этой идеи, согласно Д.Б.Эльконину, выходит далеко за пределы области психологии искусства. «Л.С.Выготский является основоположником неклассической психологии — психологии, которая представляет собой науку о том, как из объективного мира искусства, из мира орудий производства, из мира всей промышленности рождается и возникает субъективный мир отдельного человека» (*там же*, с. 478).

Вместе с тем, в формулировках Д.Б.Эльконина связь «субъективного мира отдельного человека» с «объективным миром» выглядит односторонней. Корректно говорить о «первичном» существовании этих форм лишь по отношению к отдельно взятому индивиду; вместе с тем, история становления, генезис этих смысловых объективаций, психологические механизмы фиксации смысловых содержаний в предметных культурных формах заслуживают не меньшего внимания, что отражается, в частности, в новейших трактовках идеи неклассической психологии (*Асмолов*, 1996 б; *Дорфман*, 1997). В специальном разделе мы рассмотрим проблемы взаимодействия мира личности с миром культуры именно как двустороннего взаимодействия. Мы будем рассматривать это взаимодействие как обмен смыслами между этими двумя мирами, рассматривая мир культуры как «депо смысловыражения» (*Братусь*, 1988, с. 127) и отдавая при этом отчет в том, что сфера культуры включает в себя обмен не только и не столько смыслами, но и значениями, орудиями, операциями, символами, нормами, канонами, стилями, формами деятельности, ритуалами, мифами, схематизмами сознания, теориями, понятиями и т.д., и т.п. Все эти аспекты, за исключением смыслового, не входят, однако, в круг задач данного исследования.

Специальное внимание и отдельный раздел будет посвящен взаимодействию личности с искусством. Искусство — часть культуры, а взаимодействие человека с миром искусства — частный случай взаимодействия с культурой, причем главной функцией искусства является именно трансляция смыслов (*Леонтьев А.И.*, 1983 б; 1991 б). Содержанием этого взаимодействия является цир-

куляция смыслов от личности к предметным формам искусства и обратно к личности. Конечно, искусство тоже не сводится к трансляции одних только смыслов, оно выполняет и другие социализационные функции, однако эти функции носят неспецифический характер — искусство является по отношению к ним лишь одним из многих осуществляющих их культурных механизмов.

5.2. Смысл и ЗНАЧЕНИЕ. ГРУППОВЫЕ СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЕ КОНТЕКСТЫ И ПРЕДЕЛЫ ПОНИМАНИЯ

Первой из обозначенных выше проблем, относящихся к проблематике трансляции смыслов, является проблема передачи и понимания смыслов в межличностном общении. Это, по сути, проблема того, как вообще возможно понимание одним человеком, одним внутренним миром — другого. Ведь смысловые структуры, определяющие содержание и динамику «внутреннего мира», являются наиболее глубинными, интимными структурами человеческого сознания. Из жизненного опыта нам известно, что проникнуть в смыслы другого человека с достаточной точностью до определенных пределов в принципе возможно; с другой стороны, эта задача очень сложна, решается отнюдь не всеми и не всегда, и ошибки в понимании и интерпретации смыслов другого человека даже более естественны, чем адекватное понимание. Ведь понятие смысла выражает наиболее интимные, индивидуальные, труднокоммуницируемые или вообще некоммуницируемые пласты опыта.

Индивидуальным, некодифицируемым и некоммуницируемым смыслам в психологии принято противопоставлять значения — социокультурные инварианты, в которых закрепляется общий, совместный опыт. «Значение — это социально кодифицированная форма общественного опыта. Эта кодифицированность (связанная с потенциальной возможностью осознания) является его конституирующим признаком» (Леонтьев А.А., 1997, с. 139). Значение служит однозначной фиксации и передаче опыта в пространстве и во времени, оно обеспечивает общение и понимание, это как бы посланник одних сознаний другим. Ответ на вопрос о соотношении смысла и значения есть одновременно ответ на вопрос о возможностях и пределах человеческого общения и взаимопонимания.

Понятийный тандем «значение—смысл», заимствованный из наук о языке (см. раздел 1.1), был осмыслен в психологии несколь-

ко иначе, получил иное содержательное наполнение. Часто приходится сталкиваться с ситуациями, когда инерция общепринятого семиотического понимания значения и смысла не дает увидеть то принципиально новое, что было внесено в трактовку этих понятий *деятельностным подходом в психологии*, утверждавшим неклассический подход к проблеме сознания: чтобы понять жизнь сознания, надо выйти за его пределы, обратившись к контексту реальной жизни субъекта.

Разведение значения и личностного смысла в психологии (Леонтьев А.Н., 1972) было связано прежде всего с разведением совокупного социально-исторического опыта жизнедеятельности социальной общности и индивидуально-специфического преломления этого опыта в индивидуальной жизнедеятельности. Рука об руку с этим принципиальным разведением следует, однако, еще одно: в значении отражаются объективные свойства и связи объектов и явлений, в личностном смысле — отношение субъекта к этим объектам и явлениям (Гальперин, 1945; Леонтьев А.И., 1972). При таком понимании отношения между значением и личностным смыслом оборачиваются их противопоставлением, как, например, в следующей формулировке: «Понятия *значение* и *смысл* составляют оппозицию, то есть являются взаимосвязанными и противопоставленными одно другому. Под значением понимается сущность предмета, соотношенная с некоторым знаком; под смыслом — интерпретация этого значения некоторым множеством реципиентов на основе данных коллективного и/или личного опыта» (Сорокин, 1985, с. 59).

Насколько правомерно такое противопоставление? По нашему мнению, оно является порождением взгляда на соотношение значения и смысла, ограниченного рамками индивидуального сознания. Лишь в интроспекции значение и смысл предстают как противопоставленные по двум параметрам: 1) значение (общее, социальное) — смысл (индивидуальный, уникальный) и 2) значение (отражение объективных, существенных свойств) — смысл (отражение лишь индивидуально значимых свойств). Нелишне, однако, вспомнить, что и значение, и смысл содержательно определяются лишь в более широком контексте, несводимом, во-первых, к контексту индивидуального сознания, и, во-вторых, к их противопоставлению друг другу. Поэтому для того, чтобы охарактеризовать их истинные отношения, необходимо выйти в этот более широкий контекст и рассмотреть их функционирование в деятельности индивидов и социальных общностей.

Если для животных биологический смысл некоторого объекта, явления или внешнего воздействия определяется его непосредственным отношением к потребностям живого существа (Леонтьев А.Н.,

1972; 1994; Вилюнас, 1976), то отношения человека с миром теряют непосредственный, индивидуальный характер. Личностный смысл, в отличие от биологического смысла, нельзя рассматривать как чисто индивидуальное образование, поскольку не является чисто индивидуальной порождающей его деятельностью. Действительно, как было показано в предыдущем разделе, отношение человека к действительности всегда опосредовано отношениями к этой действительности совокупных субъектов разного ранга — социальных общностей, в которые включен рассматриваемый нами индивид, в том числе человечества в целом. «Осмысление действительности человеком, в том числе и на уровне личностного смысла, принципиально опосредствовано социальным опытом конкретного общества» (Гусев, Тульчинский, 1985, с. 65). В отличие от биологического смысла, личностный смысл соотносится не с индивидуальной жизнедеятельностью, а с индивидуальным освоением социальных форм жизнедеятельности, с «моим общественным сознанием», выражаясь словами А.Н.Леонтьева (1994).

Мы ограничимся в данном разделе анализом соотношения смысла и значения на материале их функционирования в процессах речевого общения и взаимопонимания, поскольку именно в исследованиях речевого общения, с одной стороны, наиболее жестко и явно формулируется отмеченное выше противопоставление значения и смысла как бинарной оппозиции, а с другой стороны, существуют теоретические разработки, позволяющие преодолеть это противопоставление. Кроме того, значения и смыслы, функционирующие в языке, в наибольшей степени репрезентативны, поскольку выполняемая знаково-символическими системами функция замещения реальных объектов или фрагментов действительности позволяет говорить о своеобразной функциональной эквивалентности смыслов мира и смыслов соответствующих знаково-символических форм (Вяшкина, 1982, с. 202), в том числе языковых структур.

Исходным пунктом нашего анализа выступает деятельность субъекта, на определяющую роль которой в порождении и раскрытии смыслов мы неоднократно указывали выше; Е.Ю.Артемовой принадлежит меткое определение смысла как следа деятельности, зафиксированного в отношении к соответствующему предмету (1986, с. 12). Не является исключением и смысл, вкладываемый в содержание коммуникации (текст). «Изъяв текст из структуры деятельности, где он возник, и не учитывая мотивы и цели общающихся личностей, исследователь имеет уже дело не с реальной речью и не с реальной речемыслительной деятельностью, а с некоторыми моделями, отношение которых к моделируемым явлениям становится неопределенным» (Тарасов, Уфимцева, 1985, с. 27—28). В современных исследова-

дованиях по психолингвистике и теории коммуникации смысл речевого высказывания рассматривается как обусловленный местом данного высказывания в структуре деятельности коммуникатора, а также мотивами и целями последнего, в том числе не относящимися непосредственно к коммуникативной ситуации (см. *Базылев*, 1978; *Зимняя*, 1985; *Тарасов*, 1979 и др.).

Значения, так же как и смыслы, генетически неразрывно связаны с деятельностью. Через посредство индивидуальной деятельности они не переходят из общественного сознания в индивидуальное, а строятся в индивидуальном сознании, запечатлевая в своей структуре в снятом виде генетически исходные развернутые формы познавательной деятельности. Процесс превращения деятельности обобщения в обобщение, кристаллизованное в значении, был всесторонне проанализирован А.Н.Леонтьевым на материале овладения учащимися научными понятиями (*Леонтьев А.Н.*, 1983 а, с. 324—347).

Нашей задачей является показать, что деятельностная трактовка значения и смысла несовместима с их противопоставлением друг другу в виде полярной оппозиции. Мы уже отмечали неадекватность модели индивидуальной деятельности единичного субъекта и невозможность рассматривать личностный смысл как чисто индивидуальное образование. Впервые на это обратил внимание А.А.Леонтьев, указывавший, что смысл не менее социален, чем значение, и всегда окрашен какими-то групповыми интересами (*Леонтьев А.А.*, 1969; 1983; 1997; см. также *Базылев*, 1978). Эта мысль нашла продуктивное воплощение в ролевой трактовке понятий «значение» и «смысл», предложенной Е.Ф.Тарасовым (1975; 1979). Опираясь на положение о том, что связь общества и личности опосредована социальными группами, в которых проходит социализация индивида и разворачиваются его деятельности, он ввел понятие ролевого или группового значения и ролевого смысла. Первое обозначает фрагмент значения, общий не для всех представителей социума, а для носителей определенной роли, обусловленной принадлежностью к определенной социальной группе. Второе обозначает отношение личности к содержанию ее деятельности, обусловленное потребностями и мотивами, также детерминированными именно групповой принадлежностью (*Тарасов*, 1979, с. 90—91).

Ролевая трактовка значения и смысла, предлагаемая Е.Ф.Тарасовым, представляет собой существенный шаг вперед, приближающий нас к раскрытию соотношения между этими понятиями. Вместе с тем Е.Ф.Тарасов, признавая, что в реальной речевой деятельности значение и смысл слова слиты, в своем анализе рассматривает их по отдельности как образования разной природы. Поэтому оппозиция «значение—смысл» у Е.Ф.Тарасова сохраняется, хотя в разви-

ваемых им положениях заложена возможность и даже объективная необходимость преодоления этой оппозиции. Для этого необходимо сделать еще один шаг, перейдя от ролевой к континуальной трактовке значения и смысла.

Трактовка значения и смысла, названная нами континуальной, предлагается С.М.Морозовым (1984). С.М.Морозов выделяет следующие условия, при которых некоторое содержание приобретает смысл: 1) включенность его в некоторое более широкое целое (объект—объектный контекст); 2) преломленность его через внутренний мир, субъективную смысловую реальность субъекта (субъект—субъектный контекст) и 3) включенность его в деятельность субъекта (субъект—объектный контекст)¹. Смысл всегда субъективен; если значение в отношении субъекта выступает как «вещь в себе», то смысл — как явление «вещи в себе» субъекту. В деятельности субъекта раскрывается и фиксируется как изменчивое, «являющееся», так и неизменные, сущностные характеристики объекта. Последние образуют значение объекта, которое «...выступает в виде всеобщего, то есть в виде "общего для всех" содержания смысла» (Морозов, 1984). Необходимость выделения такого содержания прямо вытекает из социальной сущности человека, связанной с процессами общения и взаимопонимания между людьми. «Когда мы вступаем в процесс общения, мы выражаем в слове смысл, то есть предполагаем, что произносимое или записанное нами слово полностью отражает весь действительный "узор" данного субъективного смысла. Однако на деле слово "пробуждает" у собеседника его собственный, индивидуальный смысловой "узор", в котором общей с нашим смысловым "узоров" является та его часть, которую мы назвали значением. Таким образом, каждый из общающихся индивидов выражает в слове и вкладывает в воспринятое слово свой смысл. Но в двух смыслах общающихся лиц есть общая часть — значение этого слова,— и только благодаря наличию такой общей части мы понимаем друг друга» (там же).

Трактовка С.М.Морозовым значения как фрагмента смысла, инвариантного по отношению к психологическим смыслообразующим контекстам, преодолевает противопоставление значения и смысла как бинарной оппозиции. Различные психологические контексты, согласно С.М.Морозову, специфицируют значение, благодаря чему к последнему прибавляются новые составляющие и расширенное значение приобретает статус смысла. Тем самым

¹ Достаточно близкая к анализируемой концепции характеристика смыслообразующей роли экстралингвистического контекста содержится в интересной статье Б.А.Парахонского (1982).

С.М.Морозов выводит важные теоретические следствия из неразличимости значения и смысла на феноменологическом уровне. «Как правило, смысл не существует для человека — носителя этого смысла как что-то отдельное от значения, напротив, человеку кажется, что он непосредственно воспринимает денотат (или слово) в его объективном значении. Но все предметы человеческой деятельности, как и все слова человеческого языка, видятся каждому из нас как бы через призму нашего личного (а не общественного) интереса. И нужно специальное усилие аналитической мысли, чтобы встать над этим интересом и уловить раздельность смысла и значения» (*Дридзе*, 1984, с. 73—74; см. также *Леонтьев А.А.*, 1997). Положение о том, что словесные значения функционируют в речевой деятельности как инварианты смыслов, высказывали также Л.А.Дергачева и А.М.Шахнарович (1977).

Однако, посмотрев на континуальную модель С.М.Морозова через призму ролевой модели Е.Ф.Тарасова (или наоборот), можно увидеть еще одно обстоятельство, принципиально важное для нашего анализа, а именно, что граница между значениями и смыслом в слове или в тексте является подвижной, относительной. Действительно, психологический смыслообразующий контекст, определяющий осмысление любого объекта, задается не только индивидуальным опытом субъекта, но и принадлежностью его к различным — большим и малым — социальным группам. «Все слова пахнут профессией, жанром, направлением, партией, определенным произведением, определенным человеком, поколением, возрастом, днем и часом. Каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило своей социально напряженной жизнью» (*Бахтин*, 1975, с. 106). Эти контексты определяют различную семантику одних и тех же слов в различных социальных контекстах. Вспомним хотя бы, как у подростков, входящих в делинквентные группы, искажается представление о таких понятиях, как «товарищество», «смелость» и др. Однако ошибкой было бы считать, что здесь изменения касаются только личностного смысла этих понятий. Строго говоря, границу между значением и смыслом здесь вообще провести затруднительно. Групповые или «ролевые» смыслы, о которых идет речь, оказываются значениями, поскольку они являются элементами группового сознания и однозначно декодируются (распредмечиваются) всеми членами данной группы. В то же время они являются смыслами, поскольку они специфичны лишь для данной группы и содержательно обусловлены спецификой групповой деятельности, групповых мотивов, ценностей и т.д. Это кажущееся противоречие можно объяснить тем, что объем общей для общающихся индивидов, пересекающейся части «смыс-

лового узора» (С.М.Морозов) одного и того же понятия или текста будет различным в зависимости от степени общности их принадлежности к одним и тем же социальным группам — начиная от их государственной, национальной, классовой, половой и возрастной принадлежности и кончая принадлежностью к конкретным коллективам. В ситуации же общения индивидов, принадлежащих к разным группам, те же «ролевые» элементы будут входить уже не в значение, а в контекстуально обусловленный смысл коммуницируемого содержания, для восстановления которого реципиенту приходится решать специальную задачу реконструкции контекста деятельности коммуникатора. В ситуации реального общения практически всегда имеет место общность принадлежности общающихся индивидов к каким-либо социальным группам. Однако может существенно различаться мера этой общности, зависящая от количества групп, принадлежность к которым объединяет реципиента и коммуникатора. Мера общности групповой принадлежности коммуникатора и реципиента определяет степень общности контекста коммуникации и, тем самым, границу между смыслом и значением, которая оказывается подвижной, относительной. Мера их различия определяет степень коммуникативного «напряжения» (Лотман, 1992).

В качестве примера можно рассмотреть, как переходят друг в друга значение и смысл научных терминов при коммуникации внутри одной научной школы и между представителями разных школ и разных научных дисциплин. Возьмем в качестве объекта само понятие «смысл». Психолог, определяя значение этого понятия, будет говорить о смысле для субъекта всевозможных объектов и явлений действительности. С этим согласятся другие психологи, но не лингвисты или логики, для которых значение понятия «смысл» уже и ограничивается лишь семантической структурой; все несводимое к этому будет, с их точки зрения, сугубо личностным смыслом, который психолог вкладывает в это понятие. Однако согласия нет и между психологами. Для психологов, стоящих на позициях деятельностного подхода, конституирующим моментом значения понятия «смысл» является его деятельностьная природа; смысл — это «след деятельности». В то же время для психологов, стоящих на других теоретических позициях, этот момент не входит в определение значения понятия «смысл», которое ограничивается подчеркиванием феноменов значимости и индивидуальной специфичности смысла. Можно пойти еще дальше: разные авторы выделяют наряду с общими и разные характеристики понятия «смысл», не входящие даже в групповое значение этого понятия для научного направления, к которому авторы себя причисляют. Будучи deriva-

том их индивидуальной деятельности, эти характеристики относятся к личностному смыслу понятия «смысл» для того или иного автора. Специфика научной деятельности, однако, состоит в том, что индивидуальное знание стремится стать социальным, встроить в систему уже функционирующего знания. Для этого новое знание, которое может иметь и чисто интуитивное происхождение, должно быть описано посредством уже функционирующих социально принятых значений и правил логического вывода. От успешности этого описания зависит, будет ли это знание интегрировано в систему групповых, «школьных», дисциплинарных или даже междисциплинарных значений или же, в случае неудачи, останется не более чем личным достоянием автора.

Предложенная нами функциональная трактовка значения и смысла является, по сути, системной. Из нее можно вывести определение *значения* (под психологическим углом зрения) **как системного качества, приобретаемого смыслом слова или высказывания (или компонентом этого смысла) в условиях единства смыслообразующего контекста.** Ни значение, ни смысл не являются, таким образом, жестко фиксированными в своих границах. Вопрос о разведении значения и смысла слова или высказывания можно ставить лишь применительно к конкретной ситуации коммуникации. Системообразующим фактором будет при этом выступать деятельность социальной общности как совокупного субъекта. Контекст, задаваемый этой деятельностью, определяет смысл любого высказывания, однако в ситуации внутригрупповой коммуникации этот смысл приобретает статус значения. Оговоримся, что речь идет, естественно, не о целостном смысле высказывания, а об одной смысловой составляющей, обусловленной принадлежностью коммуникатора именно к данной социальной группе; как мы уже отмечали выше, каждое высказывание содержит много таких составляющих.

Предложенная трактовка значения и смысла позволяет по-новому взглянуть на проблему понимания в межличностном общении. Говоря о природе процесса понимания, отмечают две основные его особенности: чтобы понять некоторое содержание, во-первых, мы должны включить его в некоторый более широкий контекст, а во-вторых, соотнести с нашими ценностно-нормативными представлениями, представлениями о должном (Знаков, 1998). Понимание В.В.Знаков определяет как «процесс и результат порождения смысла понимаемого» (*там же*, с. 166), и не случайно, что эти две его особенности перекликаются с наиболее общими характеристиками смысла, выделенными нами в разделе 1.1. Смысл для В.В.Знакова шире, чем познавательная характеристика содержания; он выражается прежде всего в его интерпретации, в выводах, которые субъект

делает на основе этого содержания. Различие между познавательным содержанием и смыслом проявляется, например, в различии между безличной гносеологической истиной и насыщенной психологическими составляющими и вписанной в личностный контекст правдой (Знаков, 1999). Близкие по своей сути положения мы находим в приписываемой М.М.Бахтину статье В.Н.Волошинова: «Жизненный смысл и значение высказывания (каковы бы они ни были) не совпадают с чисто словесным составом высказывания. Сказанные слова пропитаны подразумеваемым и несказанным. То, что называется "пониманием" и "оценкой" высказывания (согласие или несогласие) всегда захватывает вместе со словом и внесловесную жизненную ситуацию» (Волошинов, 1926/1996, с.74). Оторвав высказывание от этой реальной питающей его почвы, отмечает автор, мы теряем ключ к его смыслу (*там же*). Мы видим, таким образом, что в ситуации коммуникации смысл сообщения задается теми же инвариантными характеристиками, которые мы выделили в разделе 1.1: контекстом и интенциональной направленностью.

Смысл любого сообщения складывается из целого спектра составляющих: значения, инвариантного для данной культуры, личностного смысла в узком его понимании, обусловленного сугубо индивидуальным опытом субъекта, и смысловых напластований, обусловленных национальной, половозрастной, классовой, государственной принадлежностью коммуникатора, включенностью его в другие общности, каждая из которых задает сообщению свой контекст. Как следует из предыдущего раздела, в условиях хотя бы частичного единства группового контекста коммуникации соответствующие групповые контекстуальные смыслы функционируют как значения, что обеспечивает относительную полноту и адекватность понимания. То же происходит и в ситуации текстовой коммуникации: для адекватного понимания текста необходим «смысловой контакт», условием которого является совпадение «смысловых фокусов» коммуникатора и реципиента (Дридзе, 1984, с. 42—43); при несовпадении же «смысловых фокусов» наблюдаются различные «эффекты смысловых ножниц» (*там же*, с. 209—212, 260—261), обуславливающие неадекватное понимание текста.

Очень близкие по своей сути идеи, связанные с взаимодействием индивидуальных смысловых контекстов, развиваются, в частности, в семантической концепции понимания А.Л.Никифорова (1991). Согласно этой концепции, интерпретация текстов, предметов, явлений действительности, иными словами, наделение их смыслом, осуществляется посредством их включения в индивидуальный контекст. Этот контекст представляет собой отражение реального мира, который один для всех; поэтому индивидуальные

контексты разных людей сходны. Наряду со сходством очевидны и различия, связанные с различиями жизненного опыта, воспитания, образования, жизненных целей и отношений различных людей. Взаимопонимание между людьми как раз и обеспечивается сходством индивидуальных смысловых контекстов: «Чем более похожи смысловые контексты двух индивидов, тем легче и лучше они понимают друг друга, ибо придают словам и вещам близкий смысл» (там же, с. 92). А.Л.Никифоров рассматривает далее четыре логически возможных варианта: полное непересечение индивидуальных контекстов, их частичное пересечение, полное включение одного из них в другой и полное совпадение. В реальных ситуациях коммуникации встречается только второй вариант (частичное пересечение), однако, по мнению А.Л.Никифорова, при переходе на уровень анализа отдельных смысловых единиц остальные три варианта также наполняются конкретным содержанием. Можно усмотреть также аналогию (или нечто большее) между представлением об индивидуальных смысловых контекстах, детерминирующих понимание действительности, и известной концепцией В.В.Налимова (1989 а, б), характеризующего личность как генератор и преобразователь смыслов, смысловой фильтр, детерминирующий проявление лишь части из бесконечного множества смыслов, потенциально присутствующих в мире в непроявленном виде.

Размеры социальных общностей, контекст деятельности которых способен порождать значения как системные свойства объектов, включенных во внутригрупповую коммуникацию, могут колебаться в очень широком диапазоне. Видимо, минимальной подобной группой будет диада. Красивой иллюстрацией порождения значений контекстом совместной жизнедеятельности диады является эпизод из «Анны Карениной», в котором Китти и Левин объясняются в любви посредством начальных букв слова.

«Постойте, — сказал он, садясь к столу. — Я давно хотел спросить у вас одну вещь.

Он глядел ей прямо в ласковые, хотя и испуганные глаза.

— Пожалуйста, спросите.

— Вот, — сказал он и написал начальные буквы: к, в, м, о: э, н, м, б, з, л, э, н, и, т? Буквы эти значили "когда вы мне ответили: этого не может быть, значило ли это, что никогда, или тогда?" Не было никакой вероятности, что она могла понять эту сложную фразу...

Она взглянула на него серьезно, потом оперла нахмуренный лоб на руку и стала читать...

— Я поняла, — сказала она покраснев.

— Какое это слово? — сказал он, указывая на н, которым означалось слово *никогда*.

— Это слово значит *никогда*, — сказала она, — но это неправда!

Он быстро стер написанное, подал ей мел и встал. Она написала: т, я, н, м, и, о.

...Он вдруг просиял: он понял. Это значило: "тогда я не могла иначе ответить!"» (Толстой, 1952, с. 421—411).

Этот пример, кочующий из одной психологической книги в другую, не был бы столь убедителен, будь он чисто литературным. Однако эпизод, как указывает Л.С.Выготский, использовавший его для иллюстрации свойств внутренней речи, был заимствован Толстым из своей биографии: именно таким образом он объяснялся в любви своей будущей жене (Выготский, 1934, с. 294—295). Более того, нам знаком подобный способ коммуникации и по личному опыту: время от времени, начиная с пятилетнего возраста, дочь автора начинала «в порядке эксперимента» общаться с помощью начальных букв слов, например: «СВ?» («Сколько времени?»). При этом, как правило, было сравнительно несложно понять, о чем идет речь, именно благодаря тому, что четко очерченный контекст ограничивал и в известном смысле определял диапазон возможных высказываний.

Для нас этот пример важен, поскольку он демонстрирует тот факт, что единство смыслообразующего контекста способно придавать статус однозначно понимаемых значений даже таким потенциально многозначным знакам как начальные буквы слов. Однако понимание на уровне значений возможно здесь только для двоих; больше никому этот язык недоступен, поскольку предельно узкой является порождающая этот язык социальная общность. О подобных знаках — вербальных и невербальных, — значение которых понятно только двоим или несколькими людям, упоминают, в частности, И.Горелов и В.Енгальчев (1991, с. 53—55). С другой стороны, ситуативно возможно и создание подобного контекста для целой группы. И.Н.Горелов и К.Ф.Седов описывают эксперимент, в котором они убедительно продемонстрировали возможность ситуативного создания такого контекста, который делает возможным адекватное понимание фраз по начальным буквам. Группе студентов зачитывалась интересная информация о поведении дельфинов и китов, их интеллектуальных способностях. На протяжении четырех дней со студентами обсуждались эти вопросы, на пятый день экспериментатор, заключая тему, предложил отвлечься и раздал карточки с зашифрованными начальными буквами вопросами. Два из этих вопросов относились к обсуждавшейся теме: 1) к, т(В), д, м, д, н, г? (Как ты (Вы) думаете, могут дельфины научиться говорить?). 2) к, т (В), д, о, д, и? (Как ты (Вы) думаете, обладают дельфины интеллектом?). Два других вопроса были внеконтекстны: к, т, з? (Как тебя зовут?); к, и, д? (как идут дела?). Из 40 испытуемых 21 смогли

за 2—3 минуты правильно расшифровать первый вопрос и 19 — второй; внеконтекстные вопросы ни одному не удалось расшифровать за 8 минут (Горелов, Седов, 1997, с. 99).

Опустив достаточно очевидные и уже приводившиеся нами выше примеры «сдвига значения на смысл» в делинквентных группах и научных школах, перейдем сразу к наиболее обширным социальным общностям — государственным и социокультурным образованиям. Здесь перед нами стоит обратная задача — продемонстрировать, что культурно обусловленные значения не обладают абсолютной объективностью и могут функционировать как смыслы в ситуации межкультурной коммуникации.

Наиболее выпукло эффект «сдвига смысла на значение» проявляется при анализе общения двух разных культур, хоть и говорящих на одном языке, например, Англии и США. К.Клакхон дает наглядные иллюстрации того, как «слова, зачастую употребляемые в газетах одного государства, могут иметь другое значение для аудитории страны-союзника» (Клакхон, 1998, с. 210), приводя, в частности, примеры из работ М.Мид: «В Англии слово "компромисс" — хорошее слово, и о компромиссном соглашении можно говорить с одобрением, включая те случаи, когда противной стороне досталось более половины оспариваемого. В США, с другой стороны, меньшая часть означает определенное положение той или иной стороны... Если для англичанина "пойти на компромисс" значит выработать приемлемое решение, то для американца это — выработать плохое решение, при котором для обеих сторон будет потеряно что-то важное» (цит. по: Клакхон, 1998, с. 189). Опять прибегнем к иллюстрации из художественной литературы, а именно из романа П.Устинова «Крамнэгел» и одноименной пьесы того же автора. Герой этих произведений — начальник полиции небольшого американского городка — проводит часть своего отпуска в Англии. Отпуск этот, однако, прерывается для него в самом начале, когда из пистолета, с которым он не расстается, он убивает человека и оказывается за решеткой. Эта достаточно, казалось бы, тривиальная история ставит в тупик судью, которому предстоит судить Крамнэгела. Ведь убийца действовал в полном соответствии с понятиями о законности и охране правопорядка, являющимися не просто его собственным мнением, но понятиями той культуры, в которой он прожил всю свою жизнь, а для него — чем-то объективным и абсолютным. Относительность этих понятий обнаруживается только при столкновении с другой культурой, где те же понятия того же английского языка имеют другое значение, обусловленное другим образом жизни всего общества в целом. Этот пример, впрочем, иллюстрирует релятивность не столько языковых значений, анализу

которых мы уделяли пока преимущественное внимание, сколько «ролевых значений» (*Леонтьев А.А.*, 1983 а), то есть значений социальных норм и социальных ролей.

Соотношение значений и смыслов в ситуации межкультурной коммуникации являет собой универсальную модель коммуникации между представителями социальных общностей, различающихся по любому основанию. Хороший пример обнаруживает история создания позитивной семейной психотерапии. Автор этого подхода Н.Пезешкиан, эмигрировавший в юношеском возрасте из Ирана в Германию, вначале обратил внимание на трудности взаимопонимания в семейных парах с разной этнокультурной принадлежностью супругов, обусловленные несовпадением фонового смыслообразующего контекста. Постепенно, однако, он начал видеть абсолютно аналогичные, хоть и несколько меньше бросающиеся в глаза, проблемы в моноэтнических семьях. Тем самым он пришел к более широкому пониманию культуры, не сводящемуся к этнокультурной принадлежности: каждая семья вырабатывает свою культуру, и барьеры взаимопонимания, возникающие при столкновении носителей разных семейных культур, столь же существенны, что и барьеры в межэтническом общении (*Пезешкиан*, 1992).

Таким образом, одновременно с противопоставлением значения и смысла по параметру «общее—индивидуальное» снимается и противопоставление их по второму параметру «объективное—субъективное». Объективность значения оказывается относительной. Значение более объективно, чем смысл, лишь в силу того, что в нем аккумулярован опыт не индивидуальной деятельности, а деятельности коллективной, опыта многих людей. Значение, как и смысл, — это тоже «след деятельности», на этот раз коллективной, что, однако, не гарантирует полной объективности; корректнее было бы говорить в этом случае о квазиобъективности значения. Так, совокупный многовековой опыт человечества был отражен в представлении о Солнце как о светиле, вращающемся вокруг Земли, пока гений Коперника не открыл человечеству новые пути познания этого явления, позволившие удостовериться в том, что, наоборот, Земля вращается вокруг Солнца. Динамичность научного знания является наилучшим примером детерминированности значений совокупным опытом человечества, постоянных изменений значений под влиянием приращения коллективного опыта. Характерно, что в работах последних лет значение все чаще рассматривается не как нечто объективное, а как отношение, субъектом которого выступает все общество, как «общественное отношение к действительности» (*Гусев, Тульчинский*, 1985, с. 61), как «коллективное обобщение опыта носителей языка» (*Зимняя*, 1985, с. 77; см. также *Рамишвили*, 1982,

с. 107). Это отношение производно от деятельности, практики, образа жизни социальной общности и поэтому понять значение каких-то вещей в некотором социуме невозможно без знания образа жизни этого социума. Последний момент представляет собой один из излюбленных сюжетов научной фантастики. Из множества рассказов и повестей на эту тему сошлемся лишь на классическое приключение Ийона Тихого, безуспешно пытавшегося выяснить, что такое сепульки, определенные в энциклопедии как играющий значительную роль элемент цивилизации ардритов с планеты Интеропия (*Лем*, 1965). Задача оказалась неразрешимой по причине невозможности понять образ жизни ардритов.

Развиваемые в данном разделе положения об относительности различения смысла и значения и о системной квазиобъективной природе последнего находят убедительное подтверждение в экспериментах Д.И.Рамишвили (1982) и Т.Г.Заридзе (1982), результаты которых позволяют авторам утверждать, что значение предмета определяется его ролью в социальной практике конкретного коллектива. «На вопрос "Трава ли фиалка?" все без исключения отвечают: нет, фиалка не трава, фиалка — цветок. Но клевер для них трава, хотя он тоже имеет цветок. Эмоциональное переживание фиалки как цветка не позволяет им подвести фиалку под понятие травы, включить ее в группу "трава". Ведь трава — это то, что применяется в виде зеленой массы... И поэтому ее применению противоречит применение фиалки как индивидуального растения» (*Рамишвили*, 1982, с. 99—100). Результаты этих и других экспериментов не только наглядно демонстрируют квазиобъективный характер связей, отражающихся в значении, но и приводят авторов к выводу о генетической первичности эмоционального отражения по отношению к восприятию предметов в их значении. Этот вывод представляется нам важным, несмотря на некорректность его формулировки, выражающуюся в имплицитном противопоставлении эмоции и значения — разнопорядковых явлений, которые могут вполне уживаться вместе в таких языковых структурах как коннотативное или экспрессивно окрашенное значение (см. *Гелля*, 1986). Однако в контексте изложенных в данном параграфе положений результаты этих экспериментов свидетельствуют о том, что отражение объектов и явлений действительности под углом зрения их роли и места в жизнедеятельности субъекта (иными словами, их смысла) первично по отношению к отражению квазиобъективных свойств тех же объектов и явлений (их значений).

Завершая наш анализ проблемы соотношения значения и смысла, резюмируем основное содержание изложенного выше. Критический анализ позволил нам утверждать, что значение и смысл в

психологии не могут быть противопоставлены в виде бинарной оппозиции, более того, между ними нельзя провести априорной границы. Языковое значение слова или текста предстает как системное качество его смысла, причем определить границы значения можно лишь применительно к конкретной ситуации общения и понимания, которая и конституирует значение как психологическую реальность. Вне этой ситуации значения просто не существует. По той же причине языковое значение не может, строго говоря, рассматриваться и как образующая сознания (Леонтьев А.Н., 1977), хотя этот вывод было бы опрометчиво распространять на другие виды значений, в частности на предметные. Вместе с тем значение выступает как инструмент диалога сознаний, как то, что не принадлежит самому сознанию, но способно перебросить мост между двумя разными сознаниями и обеспечить (в пределах, определяемых общностью контекстов групповой принадлежности собеседников) их взаимопонимание.

Осталось ответить на принципиальный вопрос: только ли через посредство значений возможно взаимопонимание? Ответ зависит от трактовки понимания: если отождествлять его с однозначным декодированием кодифицированного сообщения, то, по всей видимости, ответ будет положительным. Однако трактовать понимание можно не в узко-информационном, а в деятельностном ключе. Так, А.А.Леонтьев (1997, с. 157) указывает, что понимание текста на смысловых уровнях — это ориентировка, которая обслуживает деятельность, выходящую за пределы взаимодействия с текстом; так, например, получив письмо и поняв его, я могу предпринять действия, не связанные с текстом письма. Можно развить эту мысль далее: понимание можно считать адекватным, если из него сделаны правильные в прагматическом отношении выводы. Так, читая инструкцию к техническому устройству на полужнакомом иностранном языке, я понимаю ее (в смысле декодирования) лишь частично; прагматическое же понимание зависит от того, достаточно ли этого частичного понимания для правильного выполнения необходимых действий, чтобы устройство заработало. Невербально общаясь с другим человеком, я могу совсем не понимать его, могу «читать его, словно книгу», а могу ориентироваться на общий размытый смысловой образ его намерений, но при этом строить свое поведение по отношению к нему в целом достаточно адекватно, то есть так, что нам удастся достичь эмоционально позитивного и обоюдно удовлетворительного контакта. Таким образом, если исходить из второй трактовки понимания, оно может быть достаточно успешным и при заведомо неполной передаче смысла через значения и даже вовсе без них. М.И.Кнебель и А.Р.Лурия (1971) обращают

внимание на «внеязыковые коды», которые служат преимущественно для передачи смыслов, подобно тому, как лексические и синтаксические коды служат для передачи значений. Е.И.Фейгенберг и А.Г.Асмолов (1989), напротив, считают неадекватным само понятие о коде, словаре, дискретном алфавите невербальной коммуникации. «Сложности, возникающие при воплощении симультанных динамических смысловых систем личности в дискретных равнодушных значениях, выразительно описанные Выготским, все особенности природы мотивационно-смысловых образований личности предreshают неудачу поиска дискретных формализованных "словарей" жестов и телодвижений» (Фейгенберг, Асмолов, 1989, с. 65).

Субстратом, через который передаются смыслы, в этом случае могут выступать образы. Целостную концепцию речевой коммуникации и взаимопонимания посредством не столько значений, сколько более целостных и менее формализуемых единиц — языковых образов — построил в своей недавней монографии Б.М.Гаспаров (1996). Языковые образы отличаются и от значений, к которым этот автор относится, как и мы, скептически, и от смыслов. Смысл как результат понимания любого языкового выражения Б.М.Гаспаров характеризует как открытый, никогда не получающий полной завершенности продукт духовной деятельности. «Говорящий субъект потенциально вкладывает в процесс осмысления весь свой опыт, все имеющиеся у него знания, ассоциативные способности, эмоциональные реакции; осмыслить некоторое сообщение, свое собственное или чужое, — значит вложить в него (с той или иной степенью интенсивности) свой духовный мир» (Гаспаров, 1996, с. 260-261).

Языковые образы не несут в себе смыслы, значения или иное содержание и отклик на них не является их расшифровкой, а скорее опознанием. «Именно потому, что образный отклик не является собственно значением языкового выражения, говорящий субъект легко мирится с иероглифической условностью, намекающей беспредметностью, зрительной неясностью многих своих образных реакций... Важно, что всякое языковое выражение, всякая частица языковой материи способны получить тот или иной отклик в перцепции говорящего субъекта; но совсем не важно, каков сущностный характер этого отклика» (там же, с. 261). Понимание языковых образов основывается не на декодировании, а на соотношении их с языковой памятью. Они чрезвычайно пластичны: языковый образ «все время включается в состав более обширных композиций, разветвляющихся в речи: включается не в виде отдельного "кубика", занимающего свое место в общем построении, но растворяясь в бо-

лее широком — и притом все время изменяющемся, непрерывно развертывающемся — образом ландшафте, сливаясь с другими аксессуарами этого ландшафта» (*там же*, с. 269). Механизм взаимодействия разных образных элементов одной сложной образной структуры Б.М.Гаспаров характеризует как их палимпсестное наложение (*там же*, с. 263—264). Отличительной чертой языковых образов является их динамичность, непрерывность смены одних образов другими в речевом потоке. Столь же динамичным и неуловимым оказывается и их восприятие: «Подобно платоновским теням, языковые образы проскальзывают в сознании в виде неуловимых и никогда до конца не проясненных теней; но для говорящих, так же как для платоновских узников пещеры, эти тени играют первостепенную роль в том, как они в конце концов приходят к осознанию чего-то, что они ощущают как полученный или сообщенный «смысл»» (*там же*, с. 272). Реципиент создает этот «смысл» сам, по законам своего духовного мира, однако он убежден, что работа его сознания действительно ««воссоздает» смысл того, что хотел ему передать партнер, или, по крайней мере, удовлетворительно корреспондирует с последним» (*там же*, с. 286). Это воссоздание, по мнению Б.М.Гаспарова, принципиально возможно потому, что в отличие от пола, возраста, образования, профессии и других дифференцирующих факторов единое строение образного мира объединяет всех, говорящих на данном языке. «Мир языковых образов является индивидуальным достоянием каждого говорящего, возникающим из духовных ресурсов его личности; однако пути, по которым складывается этот мир, не произвольны: они направляются языковым опытом, очертания которого, именно в силу коллективности этого опыта, имеют огромные сферы соприкосновения в языковой памяти говорящих на одном языке» (*там же*, с. 288).

Языковое выражение и понимание языковых образов — это динамический процесс, протекающий в определенном коммуникативном пространстве, которое задается ситуационными, жанровыми, ролевыми и другими квалификаторами, которые, в свою очередь, не остаются неизменными в ходе коммуникативного взаимодействия. «Таким образом, было бы недостаточно говорить о том, что смысл всякого языкового действия подвергается фокусированию в коммуникативном пространстве; необходимо подчеркнуть, что такое фокусирование смысла имеет *динамический* характер.... В каждый момент своей языковой деятельности говорящий силится интегрировать открытые потоки впечатлений, воспоминаний и ассоциаций в некое смысловое целое, в котором смысл того, что он принимает как "сообщение", явился бы ему в виде некоей представимой "картины", обладающей достаточной степенью единства и последовательности;

эту интегрирующую работу говорящий производит в соответствии со свойствами коммуникативного пространства... Но сама эта среда, в которой работает языковая мысль, все время движется, изменяя очертания, как облако, и тем самым изменяя все условия, в которых совершаются процессы смысловой фокусировки и смысловой интеграции... Возникают возможности бесконечных переориентации языковой картины, ретроспективного мысленного "переписывания" прошлого опыта, игры различными смысловыми регистрами, основанной на соскальзываниях из одного мысленного пространства в другое» (*там же*, с. 308—309).

Эти возможности реализуются в процессах, которым Б.М.Гаспаров дал название смысловой индукции. «В этой своего рода семантической "камере" [в тексте. — Д.Л.] каждый попадающий в нее элемент вступает в непосредственную связь с множеством таких элементов, с которыми он никогда бы не вступил в контакт вне данного, неповторимого и уникального целого. Происходит тотальная фузия смыслов, в результате которой каждый отдельный компонент вступает в такие связи, поворачивается такими сторонами, обнаруживает такие потенциалы значения и смысловых ассоциаций, которых он не имел вне и до этого процесса... Внесение любого нового компонента в процесс индукции (например, появление в фокусе мысли какой-либо новой реминисцентной ассоциации) изменяет весь его ход, влияя в конечном счете на смысл каждого участвующего компонента и характер их соотношений» (*там же*, с. 326). Процессы смысловой индукции основываются на презумпции текстуальности — отношении к тексту как целому, из чего вытекает задача найти понимание этого текста как целого, которое не привязано непосредственно к семантике элементов текста; «нет никакой возможности как-либо ограничить и регламентировать этот процесс, определить заранее принципы отбора и степень значимости тех смысловых полей, которые могут каким-либо образом внести вклад в наше понимание данного высказывания» (*там же*, с. 322). Приводя ряд иллюстраций процессов смысловой индукции из художественной прозы и художественной эссеистики, Б.М.Гаспаров делает специальную оговорку, что все эти процессы, хоть и в меньших масштабах, характерны и для повседневного языкового общения.

Мы уделили так много места и внимания изложению концепции Б.М.Гаспарова по той причине, что эта концепция, не будучи психологической, тем не менее представляет новый, нетрадиционный взгляд на ряд психологических проблем; она важна именно для психологов, и нам бы не хотелось, чтобы она осталась ими незамеченной. Более того, в некоторых новых психологических

работах появляются мысли, перекликающиеся с идеями Б.М.Гаспарова. Так, Е.В.Улыбина (1997), опираясь на идеи Ю.М.Лотмана, К.Леви-Стросса и других авторов, говорит о существовании амбивалентного семантического пространства диалога, в котором может осуществляться трансляция и трансформация смыслов не по однозначным законам кодирования и декодирования информации, а по инологичным законам мифологии, бессознательного или обыденного сознания. «На уровне культуры и на уровне личности происходит постоянная смена доминирующего языка описания — системы используемых кодов, движение вверх — от дознакового уровня к знаковому и вниз, от знакового к дознаковому, что приводит к усложнению системы, порождению новых смыслов и накоплению информации. Встречные потоки пересекаются на уровне обыденного сознания и других промежуточных, медиаторных образований» (Улыбина, 1987, с. 63—64). Обыденному сознанию Е.В.Улыбина приписывает буферную функцию адаптации официальной культуры, выраженной с помощью знаковых средств репрезентации, к дознаковой «естественной жизни». Смещение фокуса внимания от знаковых процессов в коммуникации к процессам, опосредованным образами, открывает новое большое и многообещающее поле психологических исследований.

5.3. СМЫСЛОВАЯ КООРДИНАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВ В СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблема понимания в межличностном общении, рассмотренная в двух предыдущих разделах, является первой, наиболее простой и универсальной из перечисленных нами проблем трансляции смыслов — потому, что эта проблема возникает автоматически при любой разновидности коммуникации между двумя людьми, объединенными какой-либо ситуацией. Два человека могут быть сколь угодно сильно дистанцированы друг от друга, и их жизненные миры могут иметь минимум пересечений или даже характеризоваться противоположностью в чем-то главном, но тем не менее между ними возможно достаточно точное взаимопонимание на уровне значений, если они говорят на одном языке.

Напротив, проблема смысловой координации в совместной деятельности возникает в специфических ситуациях, характеризующихся особыми условиями. Понятие совместной или совокупной

деятельности возникло сравнительно недавно в русле деятельностного подхода и сейчас занимает в нем важное концептуальное место: ведь «именно в ней рождаются предметные действия, предметы, значения и смыслы» (Зинченко, Смирнов, 1983, с. 142).

Начнем с рассмотрения того, как соотносятся между собой понятия предметной деятельности, общения, взаимодействия и совместной деятельности.

В качестве отправной точки анализа возьмем элементарную структуру предметной деятельности, включающую субъект деятельности, объект деятельности и деятельностное отношение между ними:

$$S - O . \quad (1)$$

Такое представление о предметной деятельности принадлежит к числу философских и психологических аксиом. «Деятельность человека и является... актуальным бытием субъектно—объектного отношения, совокупностью всех форм активности взаимодействующих субъектов, направленной на объекты внешнего мира и превращающей их с помощью других объектов (орудий, средств деятельности) в объекты третьего рода (продукты деятельности, вещи, предметы культуры)» (Каган, 1988, с. 89).

Очевидно, что, прикладывая эту схему к процессам межсубъектного взаимодействия, мы тем самым редуцируем эти процессы до воздействия субъекта на партнера как на предмет своей деятельности. Подобное воздействие может носить обоюдный характер:

$$\begin{aligned} S_1 &\rightarrow O_3 \\ O1 &\leftarrow S_2. \end{aligned} \quad (1a)$$

Эта схема в состоянии адекватно описать лишь некоторые частные компоненты процесса общения, такие, как монологическая коммуникация (передача сообщения) или «объектное» (Хараш, 1980) восприятие другого человека. Пытаясь же полностью свести отношения между людьми к элементарной схеме предметной деятельности, как справедливо указывает Б.Ф.Ломов, мы теряем специфику взаимодействия двух равноправных партнеров. «Каждый из его участников относится к своему партнеру как субъекту, обладающему, как и он, психикой, сознанием» (Ломов, 1984, с. 252). Межличностное общение Б.Ф.Ломов характеризует как отношение принципиально иного рода, а именно субъект—субъектное отношение:

$$S1 \leftrightarrow S2 . \quad (2)$$

Однако и эту схему нельзя считать удовлетворительной. Сразу же встанет вопрос: субъектами чего являются два взаимодействующих между собой партнера? Ведь «... "субъект" и "объект" — это оппозиционно-соотносительные категории, обозначающие два полюса целостной и лишь в абстракции расчленяемой системы связей человека с миром. Не существует субъекта без объекта и объекта без субъекта; следовательно, называя одно из этих понятий, мы предполагаем его соотнесенность с другим» (Каган, 1974, с. 51). В схеме же (2) оба субъекта выступают как абстрактные, внедеятельностные, что лишает смысла в этом контексте само понятие «субъект».

Путь, ведущий к решению проблемы,— это путь усложнения первичных элементарных представлений о деятельности и общении, выраженных схемами (1) и (2). Так, А.У.Хараш убедительно показал неадекватность рассмотрения процессов общения как прямого субъект—субъектного взаимодействия. Гносеологической основой субъект—субъектной парадигмы является, по его мнению, та особенность процессов межличностного отношения взаимодействия, «что в них эмпирически достоверным является присутствие только самих взаимодействующих сторон (индивидов, личностей); что же касается самого предмета деятельности, то он уходит вглубь, скрываясь за поведенческим (коммуникативным) фасадом взаимодействия, и его открытие становится делом весьма сложным» (Хараш, 1980, с. 21). Адекватное понимание субъект—субъектной парадигмы, утверждает А.У.Хараш, «невозможно помимо привлечения представлений о субъекте в его отношении к объекту, так как, лишь противопоставляясь объекту, субъект утверждает себя как субъект» (там же, с. 23). В результате схема (2) преобразуется в более сложную трехчленную схему:

$$S_1 \rightarrow O \quad \leftarrow S_2. \quad (3)$$

Этим был сделан первый шаг к преодолению теоретического разрыва между общением и деятельностью. Параллельно с преобразованием схемы (2) в схему (3) аналогичные преобразования претерпевала и схема (1). Говоря о развитии предметной деятельности ребенка в онтогенезе, А.Н.Леонтьев писал, что она «все больше выступает как реализующая его связи с человеком через вещи, а связи с вещами — через человека» (1977, с. 207). Собственно говоря, это положение всегда являлось для деятельностного подхода одним из основополагающих. Оно было отчетливо сформулировано в теории развития высших психических функций Л.С.Выготского (1983 а) и получило всестороннее обоснование в экспериментах как самого Выготского, так и «Харьковской группы» психологов. Представления об

индивидуальной деятельности как деривате деятельности, первоначально распределенной между двумя или несколькими субъектами и сохраняющей в себе структурные характеристики последней, описываются схемой:

$$S_1 - S_2 - O. \quad (4)$$

В этой схеме второй субъект, опосредующий элементарное субъект—объектное отношение,— не обязательно индивид, им может быть и все человечество в целом. Суть данной схемы в том, что индивидуальная деятельность человека (поскольку он человек) никогда не является полностью индивидуальной. Она всегда включена не только в систему его отношений с предметным миром, но и в систему его отношений с другими людьми. В частности, применительно к ситуации развития ребенка в совместной деятельности с взрослым сделан достаточно экспериментально подтвержденный вывод о том, что только действие второго субъекта-партнера придает объекту действия социально-предметный смысл и значение; аффективные смыслы окружающей действительности тоже открываются ребенку в совокупном действии (*Зинченко, Смирнов, 1983, с. 138, 139*).

Схемы (3) и (4) снимают противопоставление общения и деятельности, поскольку они предусматривают включенность процессов деятельности (1) в процесс общения (3) и процессов общения (2) в процесс деятельности (4). Однако данные линейные формулы не снимают различия между двумя этими процессами, что оставляет возможность трактовать деятельность и общение как две особые рядоположенные сущности, две относительно независимые стороны образа жизни человека, как это делает Б.Ф.Ломов (1984). Преодолеть этот разрыв можно лишь сделав следующий шаг, а именно признав вслед за А.В.Петровским (1984) принципиальную обратимость субъект—субъект—объектных и субъект—объект—субъектных отношений, что можно выразить следующей схемой:

$$\begin{array}{ccc} S_1 & - & S_2 \\ & \searrow & \swarrow \\ & O & \end{array} \quad (5)$$

Эту замкнутую структуру можно рассматривать как исходную «клеточку» любой человеческой активности. В ней подчеркивается тот момент, что в одних и тех же процессах реализуются как опосредованные вторым субъектом субъект—объектные отношения, так и опосредованные объектом отношения «субъект—субъект». Ха-

актерно, что целый ряд авторов независимо друг от друга приходит к выделению этой замкнутой обратимой треугольной структуры в качестве базовой (Кемеров, 1977, с. 104; Василюк, 1986, с. 84; Каган, 1988, с. 131; Горбатенко, 1988, с. 141). Комментируя эту структуру, В.Е.Кемеров, в частности, пишет: «Схема наглядно показывает, что отношение человека к предмету опосредовано его отношением к другому человеку и наоборот, отношение человека к другому человеку опосредовано его отношением к предмету. Собственное бытие личности обнаруживает свой предметный и общественный смысл, поскольку оно реализуется через предметные условия, создаваемые другим человеком (другими людьми), поскольку оно выступает условием бытия другого человека (других личностей, общества)» (1977, с. 104).

Как нетрудно заметить, из структуры (5) легко вычленишь и отношение (3), и отношение (4). Более того, элементарные двучленные отношения (1) и (2), включенные в структуру (5), приобретают новое содержание. Для пояснения можно воспользоваться остроумным примером Л.Николаева: «Как и в пресловутом любовном треугольнике, когда во взаимодействии участвуют более чем двое, вопрос об их взаимоотношениях усложняется. Усложнение происходит оттого, что двучленные отношения, сумма которых дает трехчленное отношение, являются в сущности трехчленными. В любовном треугольнике муж выступает не только как муж, но и как обманутый муж. Это означает, что в двучленном отношении между ним и его женой появилось новое содержание... отношение с тем же самым третьим элементом, который наставил ему рога» (Николаев, 1984, с. 61).

Взаимодействие, описываемое схемой (5), представляет собой не что иное как совместно распределенную предметную деятельность (Петровский А.В., 1982). Включенные в нее субъект—субъектные взаимодействия (процессы общения) выступают формой координации ее участников и обеспечивают в конечном счете интеграцию индивидуальных действий, распределенных между ее участниками, в совместную деятельность. «Взаимодействие людей подразумевает не только отношение их как субъекта к субъекту, но и совместное отношение их к объекту деятельности» (Головаха, 1979, с. 73). Самый важный момент, который хотелось бы при этом подчеркнуть,— совместная деятельность не является лишь формой координации и интеграции индивидуальных деятельностей, направленных на реализацию одной общей цели. Такая деятельность была бы квазисовместной. Истинная же совместная деятельность не прибавляется к индивидуальной, а замещает ее. По своей структуре совместная деятельность аналогична индивидуальной; отличие же заключается в том, что в

своих звеньях она распределена между двумя и более субъектами, у которых в этот момент нет никакой индивидуальной деятельности, отличной от деятельности, совместно распределенной между ними, со-субъектами которой они выступают. Таким образом, эта деятельность имеет не только общую для ее со-субъектов операциональную, но и общую мотивационно-смысловую структуру. М.С.Каган отмечает, что смысл такой деятельности интерсубъективен (1988, с. 132). О гармонизации смысла моего действия и смысла действия других как основе построения системы отношений людей писал и Б.Д.Эльконин (1990, с. 114-115).

Ранее С.М.Джакупов (1985), работавший в русле деятельностной психологической теории мышления (см. *Тихомиров и др.*, 1999), экспериментально показал, что в совместной деятельности формируется общий фонд смысловых образований, который, будучи интериоризован субъектами, выступает через посредство процессов целеобразования в качестве специфического регулятора их совместной деятельности. Признаком совместной деятельности является наличие у ее участников общего мотива. Этот мотив не возникает мгновенно, а формируется постепенно, на начальных этапах деятельности, которая носит поначалу псевдосовместный характер — налицо общая цель и задачи, но общему мотиву и смыслам деятельности еще предстоит сформироваться. Как показал С.М.Джакупов (1985), совместная деятельность как психологическая реальность становится возможной, когда смыслообразование, осуществляющееся в ходе общения в диаде, приводит к формированию общей цели и общего мотива. Участники обмениваются как вербальной, так и невербальной, преимущественно эмоциональной информацией. Ключевым процессом является взаимная реконструкция партнерами по совместной деятельности целей друг друга и их принятие, то есть включение в свою мотивационно-смысловую сферу. На этой основе у участников формируется общий смысловой фонд. С.М.Джакуповым было показано, в частности, что создание общего смыслового фонда стимулируется невербальным общением и обменом смысловой информацией и, в свою очередь, приводит к активизации невербальных и сокращению вербальных средств общения. Экспериментально подтверждена также связь успешности совместной мыслительной деятельности с наличием общих смыслов, с принятием и интериоризацией общего фонда смысловых образований, которое приводит к качественным изменениям процессов целеобразования, повышению эффективности формируемых целей. При этом если формирование общего смыслового фонда сказывается прежде всего на общем количестве формируемых целей, то степень его принятия участниками влияет на количество

достигнутых целей (Джакупов, 1985). Можно предположить, что общий фонд в одних случаях имеется с самого начала, в других же складывается постепенно, по мере осуществления деятельности. Так или иначе, ту меру, в которой деятельность регулируется общим смысловым фондом, разумно рассматривать как показатель того, насколько она является истинно совместной.

Последним по времени заметным вкладом в развитие представлений о смысловой регуляции совместной деятельности в русле деятельностной психологической теории мышления явилась подробная концептуальная схема А.К.Белоусовой (1997), которая во многом перекликается с положениями С.М.Джакупова, развивая их дальше. А.К.Белоусова считает критерием совместной деятельности наличие области, в которой смыслы и ценности одного участника соответствуют смыслам и ценностям другого, его потребностям, целям, возможностям, когда каждый участник понимает смысл и ценность собственных действий и действий партнера. Она подчеркивает, что в совместной мыслительной деятельности, с одной стороны, у каждого участника формируется своя собственная индивидуальная психологическая ситуация, характеризующаяся своей динамикой и своими индивидуальными новообразованиями; с другой стороны, возникают и общие новообразования, не сводимые к индивидуальным новообразованиям каждого участника. Вот как это происходит: «В процессе реализации промежуточных целей, формирующихся на основе актуальных смыслов предметов и мотивов, участники образуют новые индивидуальные смыслы предметов, влияющие на процесс формирования оценок, образование мотивов и трансформации мыслительной деятельности. В процессе общения, пользуясь вербальными и невербальными средствами общения, испытуемые передают друг другу эмоционально и вербально некоторые сведения об особенностях индивидуальных психологических ситуаций, целей, индивидуальных смыслов и т.д. Процесс передачи партнеру индивидуальных смыслов назван нами процессом смыслопередачи. Передача смыслов партнеру или смыслопередача осуществляется в значениях, вербальных оценках и невербальными средствами. Смыслопередача направлена на образование общих смыслов предметов, то есть на формирование общей психологической ситуации совместной мыслительной деятельности. Можно говорить о том, что наличие общей психологической ситуации участников служит показателем осуществления совместной мыслительной деятельности. Связано это в первую очередь с тем, что за общими смыслами стоят общие мотивы и цели, предметом которых выступает один и тот же элемент объективной действительности. Таким образом, общие смыслы предметов есть

продукт совместной мыслительной деятельности и одновременно процесс образования общих целей, мотивов, оценок» (Белоусова, 1977, с. 69). В структуре общей психологической ситуации А.К.Белоусова различает также активную и потенциально активную области; в первой локализованы общие смыслы актуально осуществляемой совместной деятельности; вторая — потенциальная область развертывания этой деятельности, ее «зона ближайшего развития», где общие смыслы еще отсутствуют, но могут быть сформированы.

А.К.Белоусова уделяет специальное внимание характеру процесса смыслопередачи. «Передать смысл в буквальном значении этих слов нельзя. Через сложную систему эмоциональных (эмпатийных) средств общения человек постигает смыслы другого человека и формирует адекватные (но никогда в полной мере не тождественные) смыслы, и этот процесс по сути дела совпадает с процессом смыслопостижения другого человека и познания его целей, мотивов, стоящих за этими смыслами... Принятие этих целей переводит смыслопостижение в смыслообразование: когда то, что было субъективно значимо для одного, становится решением для другого, то есть не просто тождественно (по эмоциональному знаку через эмпатию), но и действительно общим для двух людей, имеющих общие цели» (там же, с. 72). А.К.Белоусова описывает также препятствия к формированию совместной деятельности и механизмы ее разрушения.

Наиболее наглядно, однако, сущность совместно распределенной предметной деятельности проявляется во взаимоотношениях «ребенок—взрослый», которые В.И.Слободчиков (1986) характеризует как со-бытие. Не прибегая к изложенным выше представлениям о совместно распределенной деятельности, мы попадаем в порочный круг: формирование личности ребенка происходит только в предметной деятельности, субъектом которой он является, но субъектом предметной деятельности может быть только личность. Выход заключается в признании ребенка и взрослого со-субъектами единой распределенной между ними предметной деятельности. Причем отношения между ними здесь изначально асимметричны, поскольку вся операциональная сторона деятельности определяется одним из со-субъектов — взрослым. Только ему первоначально под силу осуществление деятельности, необходимой для удовлетворения потребностей ребенка. «Для активности ребенка открыт только один путь к внешнему миру — путь, пролегающий через другого человека» (Вygотский, 1984, с. 305). Многие авторы говорят о том, что младенец, по сути, психологически неотделим от своей матери, образуя с ней единое целое (Atwood, Stolorow, 1984, с. 65—67). Их взаимоотношения трактуются как «психологический симбиоз» (Shotter, 1984). Диада «младенец—взрослый» выступает в

отношениях с внешним миром как единый субъект; К.Тревартен описывает отношения внутри этой диады как отношения межсубъектности (цит. по: Коул, 1997, с. 220—221). Хотя на взрослом лежит вся ответственность за результативность деятельности, младенец психологически находится по отношению к ходу деятельности и ее результатам тоже в позиции субъекта, хоть и почти бессильного. Более того, как подчеркивает А.В.Суворов, совместно-разделенное действие может сформироваться лишь в том случае, если руководящий процессом взрослый будет чутко и вовремя улавливать и поддерживать все проявления активности «ведомого» ребенка, передавая ему инициативу во всех точках действия, в каких тот может ее проявить (Суворов, 1998, с. 66). В этой деятельности создается и общий фонд смысловых образований. Можно утверждать, что включенность ребенка в совместно распределенную человеческую предметную деятельность в качестве со-субъекта этой деятельности (понятие со-субъектности кажется нам более точным, чем понятие межсубъектности) является необходимым условием формирования в этой деятельности его личностных качеств.

В результате такого становления происходит одно существенное преобразование: цикл развития «индивид — деятельность — личность» сменяется циклом «личность — деятельность — личность» (Моргун, Ткачева, 1981, с. 25). Здесь мы видим уже не только формирование личности в деятельности, но и обратное движение — личностную детерминацию самой деятельности. Это преобразование отражает возникающую способность личности к саморазвитию, к целенаправленному формированию собственных качеств через регулируемые ею процессы деятельности, субъектом которых она выступает. «Совместная деятельность в конкретной социальной системе детерминирует развитие личности, но личность, все более индивидуализируясь, сама выбирает ту деятельность, а порой и тот образ жизни, которые определяют ее развитие» (Асмолов, 1986 а, с. 41).

В специальной работе, посвященной типологии структур взаимодействия субъектов в совместной и квазисовместной деятельности (Леонтьев Д.А., 1989 б), мы ввели в описание структуры взаимодействия дополнительный элемент: направленность на самого себя как на объект собственной деятельности. Включив этот элемент в структуру совместно распределенной деятельности, мы выделили четыре возможных варианта взаимодействия в диаде: перекрестное, моноцентрическое, интегрированное и кооперативное. Эти варианты, на наш взгляд, исчерпывают набор элементарных, далее неразложимых базовых типов взаимодействия между двумя участниками совместной (или квазисовместной) деятельности. Выделение этих базовых типов значимо прежде всего потому, что ядерная структура меж-

субъектного взаимодействия, обеспечивающего совместную деятельность в диаде, выступает детерминантом собственно психологических процессов межличностного взаимодействия. С.Г.Якобсон, исследовавшая влияние особенностей распределения совместной деятельности на взаимоотношения в группе младших школьников, пришла к выводу, что «объективная логика совместной деятельности диктует взаимоотношения, подчиняя себе индивидуальные тенденции отдельных детей» (Якобсон, 1976, с. 73). Разные базовые типы взаимодействия, лежащие в основе одной и той же по содержанию деятельности, придают ей своеобразные черты и порождают специфические комплексы проблем. Мы проиллюстрировали влияние структур взаимодействия на характер отношений в диаде на примере семейных отношений и организации учебной деятельности в диаде «учитель—ученик», а также сформулировали на этой основе двоякую трактовку общения. Во-первых, общение можно мыслить как субъект—субъектное отношение, являющееся несамостоятельным элементом или стороной любой совместно распределенной деятельности, которая имеет более сложную структуру. Во-вторых, можно рассматривать общение как совместно распределенную деятельность, предметом (объектом) которой выступает хотя бы один из ее участников. Таким образом, можно говорить о двух критериях, позволяющих охарактеризовать некоторую деятельность как общение в полном смысле этого слова: (1) совместная распределенность деятельности, основанная на субъект—субъектном отношении, и наличие общего смыслового фонда и (2) направленность деятельности хотя бы на одного из ее участников. Если нет первого, то мы наблюдаем различные варианты псевдообщения (например, соперничество, манипулятивное псевдосотрудничество или изоляция, описанные Е.Т.Соколовой как манипулятивные тактики при работе пар с Совместным тестом Роршаха — см. Соколова, Николаева, 1995), при котором каждый партнер имеет свои независимые интересы и цели и преследует их самостоятельно. Очень четко различие совместной и квазисовместной структуры проявляется при сопоставлении недирективных и директивных моделей психотерапевтического взаимодействия (см. Калитеевская, Леонтьев, 1989). Если отсутствует второй момент, то перед нами кооперативное взаимодействие, направленное на решение внешних по отношению к самим партнерам задач.

Такая трактовка позволяет нам перейти от анализа кооперативного инструментального взаимодействия к анализу процессов общения на личностном уровне, рассматривая их в тех же понятиях совместно распределенной деятельности и общего смыслового фонда или смыслового поля. Понятно, что различные формы коммуни-

кативного взаимодействия различаются прежде всего по своей глубине — глубине содержания взаимодействия и глубине личностных структур участников, вовлекаемых в это взаимодействие.

В качестве рабочей схемы для классификации уровней глубины общения воспользуемся схемой, предложенной Дж.Бьюдженталем (*Bugental*, 1987, р. 28—29) в контексте анализа психотерапевтического взаимодействия; эта схема применима, на наш взгляд, и к другим видам общения.

Дж.Бьюдженталь выделяет 7 уровней присутствия партнеров в коммуникации, различающиеся по глубине присутствия. Первый уровень — уровень формальных атрибутов, определяющих участника взаимодействия: «Здравствуйте. Я представитель канадской фирмы и хочу Вам предложить...». «Здравствуйте. Мы с факультета психологии МГУ, проводим опрос на тему...». «Я студентка второго курса, хочу писать у Вас курсовую...» (здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, примеры подобраны нами). На этом уровне в общение вовлекается лишь ролевая оболочка участников. Второй уровень — поддержание контакта. К этому уровню относятся ритуализированные формулы общения знакомых людей, а также информационное обеспечение деловых бесед: «Добрый день, как поживаете? — Спасибо, ничего». «Я перезвоню Вам, как только выясню интересующую Вас информацию. Как с Вами связаться?» «Уважаемые коллеги, я очень рад возможности выступить перед такой компетентной и заинтересованной аудиторией». Третий уровень — стандартная беседа. Предметом беседы являются какие-то объективные обстоятельства; личностная вовлеченность участников не очень велика. Проиллюстрируем этот уровень фрагментом терапевтического диалога из книги Дж.Бьюджентала: «Чем занимается Ваш муж? — Он менеджер в универмаге на Стивене Стрит. — Ему нравится работа? — Думаю, да. Мне бы она не понравилась, но он, похоже, относится к ней хорошо. — Вам, значит, она бы не понравилась? — Нет, конечно. Пытаться угодить стольким разным людям и одновременно пасти стадо бестолковых клерков — это не для меня» (*Bugental*, 1987, р. 36—37). Четвертый уровень — критические события. Общение на этом уровне затрагивает моменты, связанные с нарушением привычного порядка вещей и с изменениями, происходящими в мыслях, чувствах, словах или действиях одного или обоих (или нескольких) участников. «Господа, я собрал вас с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор. — Как ревизор?» Пятый уровень — интимность. Этот уровень включает высокую эмоциональную вовлеченность, эмоциональную и психологическую близость участников и их дистанцирование от других людей. Общение на этом уровне меньше включает обмен информа-

цией и больше — обмен чувствами, меньше — вербальное взаимодействие и больше — невербальное, меньше — трансляцию значений и больше — смыслов. Мы обойдемся без примера, поскольку обмен словесными репликами — не лучшая иллюстрация этого уровня, а невербальное интимное общение трудно поддается описанию; мы верим, однако, что этот уровень будет понятен и без иллюстраций. Наконец, два наиболее глубинных уровня присутствия обозначаются Дж.Бьюдженталем как личное бессознательное и коллективное бессознательное; они проявляются во всех видах и формах общения, но специфических соотносящихся с ними уровней общения нет; Дж.Бьюдженталь почти не раскрывает эти уровни, поскольку их анализ не имеет, с его точки зрения, практической ценности. Пять описанных им уровней различаются по степени вовлеченности трех основных компонентов общения: внимания к имиджу, внимания к содержанию и выражения внутренних переживаний. Внимание к имиджу падает от первого уровня к пятому, а выражение переживаний возрастает; что касается внимания к содержанию, оно возрастает от первого уровня к третьему, достигая на нем максимума, а затем опять падает (*там же*, с. 36).

Наиболее содержательный анализ смысловой динамики в процессах межличностного общения дан в работе Е.Л.Доценко (1998), посвященной тому, как люди в ходе общения порождают, поддерживают и преобразуют индивидуальные и совместные смыслы. Он подробно анализирует природу, психологические условия и закономерности межличностного контакта как процесса, который запускает процесс взаимодействия между субъективными мирами участников контакта, разделенными границей, и способствует созданию совместных смысловых структур. «Разные виды контакта в принципе предполагают различную его глубину, но истинное свое проявление они приобретают лишь в состоянии субъективного "оживления" — актуализации. В каждом конкретном случае человек настраивается на соответствующие *ситуации*... вид и глубину контакта. Эта релевантность ситуации, помноженная на структурные особенности и потребности каждого партнера по общению, и определяют, какой будет реальная глубина межличностного контакта. Каждый из них вовлекает в общение те стороны своей души, которые на данный момент требуют вступления в контакт (ради своего подтверждения) или ожидают (запрашиваются) партнером по общению. При этом, чем сильнее вовлекаемые структуры связаны с мифосмысловыми основаниями партнеров, тем субъективно глубже контакт» (Доценко, 1998, с. 101). Можно сформулировать и более общую гипотезу, к которой мы пришли совместно с Е.Л.Доценко в процессе обсуждения его работы: глубина общения коррелирует с

глубиной и рангом тех смысловых структур участников, которые вовлекаются в совместный смысловой фонд.

Е.Л.Доценко уделяет большое внимание анализу становления совместных смысловых, или семантических, систем в ходе общения. Е.Ю.Артемьева одна из первых выдвинула гипотезу о том, что в совместной деятельности смысловые структуры ее участников, зафиксированные в форме семантических пространств или в других формах, должны изменяться, в определенном смысле «притягиваться» друг к другу (Артемьева, 1986; 1999, с. 183). Если С.М.Джакупов и А.К.Белоусова изучают общий смысловой фонд совместной деятельности под углом зрения его регулирующего влияния на протекание этой деятельности, то Е.Ю.Артемьеву и Е.Л.Доценко занимают прежде всего содержательные трансформации, происходящие со смыслами участников в процессе формирования этого общего фонда.

Отталкиваясь от понимания эмпатии как уподобления своих смыслов смыслам другого человека, построения модели смыслов другого человека в их взаимосвязях и перестройках (Доценко, 1998, с. 75; см. также Артемьева, 1999, с. 203), и получив экспериментальное подтверждение этому, Е.Л.Доценко сформулировал более общее понятие смыслового резонанса, понимая под ним двусторонний поиск заинтересованными партнерами по общению сходства их семантических структур. «Сходные содержания, структуры или процессы "находят" друг друга, чутко отзываясь на факт любого совпадения между ними» (Доценко, 1998, с. 105). Вот как Е.Л.Доценко операционально описывает процесс установления резонанса в процессе взаимопонимания. «Мой партнер, движимый стремлением внести определенность в наши взаимоотношения, вкладывает свое содержание в совместное семантическое поле. Моя душа откликается поиском сходства, находит нечто подобное — и совершает свой вклад в «Мы». Цикл повторяется со стороны моего напарника. Этот итерационный процесс, как на гомеостате, постоянно обеспечивает гибкий баланс между нашими психическими системами. Субъективно момент совпадения переживается как своеобразный душевный резонанс. Рабочим инструментом взаимопонимания становится создаваемая партнерами по общению общая семантическая (смысловая) структура, которая выступает специализированным переводчиком (интерпретатором) с одного субъективного языка на другой» (там же, с. 106). Принципиально схожую структуру имеют и два других процесса — координация и согласование, — которые, вместе с взаимопониманием, участвуют в обретении и формировании совместного предмета общения и совместного семантического поля, которое Е.Л.Доценко характеризует как поле разделенных значений, сопряженных смыслов. В это

поле включаются (и находят в нем совместное осмысление) все контекстные привнесения и индивидуальные вклады участников. Следует специально подчеркнуть отличие взаимопонимания, о котором шла речь в предыдущем разделе, от того, о котором идет речь у Е.Л.Доценко: в первом случае имелось в виду взаимопонимание на уровне значений, осуществляющееся автоматически и не предполагающее специальной активности, тем более трансформаций смысловой сферы участников; во втором случае имеется в виду более глубокое взаимопонимание на уровне индивидуальных смыслов, выступающее результатом специальной направленной навстречу друг другу активности обоих участников, имеющей структуру совместной деятельности. К такого рода активности применимо понятие диалога, которое, например, Б.А.Парахонский характеризует именно как коммуникативный процесс, где происходит взаимодействие качественно различных интеллектуально-ценностных позиций; «диалог — это выяснение ценностных и смысловых позиций друг друга» (Парахонский, 1989, с. 27).

Е.Ю.Артемьева (1999, с. 183—200) приводит данные экспериментов, в которых гипотеза о сближении индивидуальных семантик в совместной деятельности получила убедительное подтверждение. Когда испытуемые, решавшие задачу совместного семантического шкалирования непредметных изображений, были квалифицированы по параметру активности—пассивности индивидуальной стратегии семантического оценивания, выяснилось, что диады «активный-активный» наиболее эффективно формируют общую семантику, изменяя свое осмысление; в диадах «активный—пассивный» сдвиги меньше и обнаруживаются в основном у активного участника, а в диадах «пассивный—пассивный» динамика минимальна; участники больше стараются убедить друг друга, чем выработать совместное решение. В экспериментальном исследовании Е.Л.Доценко (1998), в котором пары испытуемых получали задачу прийти к согласию по поводу определенных экспериментально сконструированных ситуаций взаимодействия, также нашла подтверждение гипотеза о сближении семантических полей в парах. Такой же результат был получен и при парной работе ранее незнакомых между собой людей с абстрактными визуальными формами, использовавшимися в экспериментах Е.Ю.Артемьевой (1980; 1999). При этом было выявлено, что на первых этапах взаимодействия наиболее весомый вклад в создание совместного смыслового пространства вносят эмоционально окрашенные субъективные вклады, а на последующих этапах — процессы инструментальной координации.

Таким образом, обратившись в данном разделе к психологическим механизмам взаимодействия в совместной деятельности и меж-

личностном общении, мы обнаружили, что они имеют принципиально общую природу. Как инструментальное взаимодействие, так и глубинные межличностные отношения основаны на интеграции индивидуальных деятельностей в общую совместно распределенную деятельность, регулируемую общим смысловым фондом (смысловым полем), который формируется в ходе взаимодействия. Имеются экспериментальные подтверждения сближения смысловых структур участников в ходе взаимодействия и формирования общего смыслового фонда, правда, они касаются в основном форм взаимодействия, не очень глубоко вовлекающего партнеров.

С другой стороны, для самых глубинных и интимных форм взаимодействия, таких как воспитание ребенка, дружба, любовь, семья наличие и центральная роль общих смыслов еще очевиднее. Е.Л.Доценко ввел такое интересное понятие как межличностные легенды, понимая под ними «сгустки смыслов, накопленные в процессе совместного опыта и осознанные как существенные для своих отношений» (1998, с. 159). Частным случаем таких легенд выступают семейные мифы — ядро общего семантического пространства семьи (*там же*, с. 179). Выше мы рассматривали структуру и роль психологического симбиоза в диаде «младенец—родитель». Наконец, важную роль образование общего смыслового поля играет в глубинной личностно-ориентированной психотерапии. «Вначале есть мой смысл и ее\его смысл. В процессе терапии формируется наш смысл, он включает в себя мой смысл и ее\его смысл. Мы вместе создаем что-то» (*Бадхен*, 1995, с. 59). Возможно, одним из проявлений этого общего смыслового поля выступает феномен переноса.

5.4. НАПРАВЛЕННАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ СМЫСЛОВ:

ОБУЧЕНИЕ И МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Е.Ю.Артемова приводит следующий перечень ситуаций, в которых могут генерироваться новые смыслы: генез смыслов в непосредственно-практической деятельности; присвоение смыслов при обучении и других видах направленной трансляции смыслов; перестройка смыслов в совместной деятельности (*Артемова*, 1999, с. 203). Первая из этих ситуаций соотносится с видами смысловой динамики, рассмотренными нами в разделе 4.1.; последняя подробно проанализирована в предыдущем разделе. Нам осталось рассмотреть ситуацию направленной трансляции смыслов, которая наиболее четко проявляется в таких видах социальной практики

как обучение, а также массовая коммуникация, включая пропаганду и рекламу.

Обучение Е.Ю.Артемяева рассматривает как один из основных процессов, связанных с присвоением смыслов. Этот взгляд на обучение еще не получил подобающего ему признания, хотя ряд авторов активно отстаивают этот тезис в той или иной форме (например, *Зинченко*, 1998). Естественным следствием такого понимания обучения выступает гипотеза о том, что в ходе профессионального обучения имеет место сдвиг семантики профессиональных терминов, причем сдвиг этот будет направлен в сторону сближения семантики обучаемых с семантикой преподавателя и будет более выражен у успешных (успевающих) студентов, чем у неуспевающих. Эта гипотеза получила подтверждение в серии экспериментов, выполненных И.Б.Ханиной под руководством Е.Ю.Артемяевой на материале обучения студентов-медиков основам эндокринологии (*Ханина*, 1986; *Артемяева*, 1999, с. 166—167). Более того, как выяснилось, изменения, происходящие в ходе профессионального обучения, шире, чем предполагалось вначале. Это связано с влиянием профессионального обучения на мировосприятие в целом, формирование профессионального видения мира. «В результате обучения происходит сдвиг отношения к объектам профессиональной деятельности, показателем которого является трансформация коннотативного фона оценок в предметные свойства. Одновременно обучающее общение, формируя "профессиональное видение мира", сдвигает отношение к любым объектам мира, в том числе и не являющимся объектами профессиональной деятельности» (*Ханина*, 1986, с. 18). Результаты экспериментов И.Б.Ханиной и некоторых других исследователей дают основание говорить об обучении как об инструменте построения полноценных смысловых систем, вписывающихся в структуру субъективного опыта, активно изменяя и перестраивая его (*Артемяева*, 1999, с. 174).

Другой цикл экспериментов под руководством Е.Ю.Артемяевой преследовал цель выявить краткосрочные эффекты лекционной пропаганды, а также газетной и очерковой информации на смыслы аудитории. Выявленные сдвиги в большей мере касались эмоционально-оценочных, чем денотативных шкал; и в том и в другом случае сдвиги отношения оказались заметно более выражены при оценке незнакомых по личному опыту или малознакомых объектов, по сравнению с объектами, «упроченными в субъективном опыте» (*там же*, с. 174—183).

Вопросы целенаправленного воздействия на смысловую сферу мы уже затрагивали в разделах, посвященных смыслотехнике (раздел 4.8.). Там, однако, рассматривались механизмы «точечного» индивидуального воздействия на уровне перестройки конкретных

жизненных отношений; здесь же мы подходим к этой проблематике более обобщенно и с другой стороны, обращаясь к общим механизмам смыслового воздействия на массовую аудиторию.

Спецификой лекционной пропаганды, а также воздействия через средства массовой информации как разновидностей направленной трансляции смыслов является отсутствие априорной включенности источника и содержания транслируемого сообщения в контекст жизнедеятельности аудитории, то есть отсутствие априорной установки на это содержание как на что-то значимое или по меньшей мере полезное. (В ситуации же профессионального обучения, напротив, характерно наличие такой установки при условии адекватной мотивации учащихся.) В подавляющем большинстве случаев лектору приходится с самого начала решать специальную задачу перевода взаимодействия из ролевого в личностный план, установления межличностного контакта с аудиторией и персонификации своей лекции, наполнения ее личностным смыслом. «В этом случае лекция... понимается, осмысливается и осваивается слушателем как пространная и компетентная реплика в его собственном внутреннем диалоге, развернувшимся вокруг субъективно значимого предмета» (Хараш, 1977, с. 62). По мнению А.У.Хараша, именно успешностью включения изначального носителя содержания в сферу жизнедеятельности аудитории определяется эффективность внесения этих содержаний в сознание слушателей (*там же*, с. 54). Примеры каждый может легко обнаружить в закономерностях отношения аудитории к средствам массовой информации: наибольшее доверие вызывают сообщения, исходящие от людей, которые воспринимаются аудиторией как «свои», то есть живущие одной с ней жизнью.

В другой работе А.У.Хараша (1978) смысловая структура публичного выступления была подвергнута более детальному анализу. А.У.Хараш констатирует, что в условиях публичного выступления коммуникатор предъявляет аудитории не только текст, но и самого себя. «Всякое сообщение есть, помимо всего прочего, сообщение коммуникатора о себе — о своих личных качествах, притязаниях, об уровне своего самоуважения и самооценки, о степени своей заинтересованности предметом сообщения, о своей общей компетентности в избранной им тематической области и наконец, о *действительных мотивах своей деятельности*, о лежащих в ее основе *личностных смыслах*» (Хараш, 1978, с. 87). Реципиент не ограничивается восприятием и пониманием текста, но «устремляется дальше, *сквозь* текст, в мир действительных мотивов коммуникатора», обнаруживая, «какими соображениями целостной (внекоммуникативной) деятельности коммуникатора продиктован сам факт

предъявления данного текста, данного "текстуального смысла" (там же, с. 90). Это движение сознания реципиента сквозь и за текст А.У.Хараш характеризует как смысловое восприятие, выдвигая обоснованную гипотезу о том, что «наибольшей Бездейственностью должны обладать тексты, авторы которых стремятся к предельно открытому самовыражению, к посвящению читателя или слушателя в проблемы, имеющие для них высокий личностный смысл» (там же, с. 94).

Близкие положения о смысловых механизмах убеждающего воздействия высказывает А.А.Леонтьев (1997), который выделяет два способа воздействия на уровне значений — через сообщение новых знаний или новой информации об известных ему вещах (мы не видим между этими двумя типами воздействия принципиальной разницы. — Д.Л.) — и третий, позволяющий через прямое воздействие на смысловое поле «изменить способ вхождения элементов поля значений в деятельность реципиента, изменить его отношение к окружающей действительности, не затрагивая его абстрактное знание о ней» (с. 275). Последний способ А.А.Леонтьев обозначает как воздействие через убеждение, раскрывая его психологический механизм как двойное моделирование определенного фрагмента смыслового поля реципиента — в его актуальном и желаемом состояниях.

Наконец, еще одной формой социальной практики деиндивидуализированного воздействия на смысловую сферу с целью воздействия на смыслы аудитории является реклама. В рекламе, даже если она основана на стратегии рациональной аргументации, удельный вес рациональных приемов убеждения гораздо ниже по сравнению с профессиональным обучением, лекционной пропагандой и словесным убеждением через СМИ, а иррациональных приемов, соответственно, выше. Кроме того, она исходит не от конкретного, персонализированного, а от анонимного источника. Последнее резко отличает рекламное воздействие от лекционного; воздействие через СМИ носит промежуточный характер. Тем не менее мы рассмотрим в этом разделе рекламное воздействие, поскольку оно также относится к практикам направленной трансляции смыслов. Задача рекламного воздействия — **донести до клиента некоторое заданное конкретное послание, причем донести его не только и не столько на уровне словесном, на уровне рационального предложения, но и на уровне подсознательном, иррациональном.** Существует две основных стратегии воздействия в рекламе — уникальное торговое предложение и формирование имиджа. Психологическую основу первой составляют закономерности смыслообразования, а второй — закономерности психологии субъективной семантики. Уникальное торговое предложение является во многих отношениях лучшим, то

есть более эффективным способом, но важнейшим, то есть более универсальным и всеобщим способом воздействия является разработка имиджа, потому что иррациональный подсознательный образ (целенаправленное конструирование которого превращает его в имидж) есть всегда. ***В рекламе можно обойтись без предложения, но невозможно обойтись без имиджа.***

Имидж — это не просто констатация того, что некая фирма или товар хороши. Имидж — это навешивание совершенно конкретных смысловых ассоциаций и намеков о том, какова эта фирма. Любой фирме важно производить впечатление хорошей и порядочной, но это еще не все. Банк еще должен выглядеть устойчивым, рекламное агентство — динамичным и творческим, для строительной фирмы важна основательность, для трастовой компании — респектабельность, реклама автомобиля должна дышать комфортом и скоростью, а мороженого — прохладой. Реклама внедряет в сознание аудитории смысловые связи, соединяющие образ фирмы-рекламодателя или предлагаемых ею товаров или услуг, с одной стороны, и психологически привлекательные для потребителя состояния или изменения, с другой. Механизмы формирования таких связей во многом совпадают со способами воплощения смысла в структуре произведений искусства (см. ниже, раздел 5.6.), а также опираются на естественные закономерности формирования ассоциаций. Так, в нашем экспериментальном исследовании, посвященном роли образа персонажей в телевизионных рекламных роликах (*Леонтьев, Конарева, 1997*) была обнаружена значимая корреляция между семантическими образами персонажей (особенно женского пола) и образами рекламируемых в этих роликах марок товаров.

При этом необходимо, чтобы не только все компоненты рекламной деятельности, но и все, с чем фирма выходит во внешний мир, несло один и тот же образ, одну и ту же субъективную семантику. С помощью субъективно-семантических методов можно проверять, в какой мере образы разных компонентов соответствуют друг другу. Так, в нашем исследовании, посвященном анализу восприятия, с одной стороны, названий, с другой стороны — эмблем десяти банков (см. *Леонтьев, Олефиренко, 1995*), обнаружилось, что только у меньшинства названия и графические эмблемы не расходятся по своему эмоциональному подсознательному заряду, более или менее соответствуют друг другу, то есть несут непротиворечивую смысловую нагрузку. В подавляющем большинстве случаев они несли совершенно разный смысловой образ, что, естественно, не способствует становлению устойчивого имиджа. Единственным банком, у которого оказалось хорошее их соответствие, был Инкомбанк — наиболее успешный на тот момент из банков-объектов исследования.

Таким образом, мы завершили рассмотрение психологических закономерностей трансляции смыслов в межличностном взаимодействии. В разделе 5.2. мы рассмотрели наиболее простой вариант взаимодействия индивидуальных смысловых миров, проявляющийся в феномене понимания на уровне общих значений. Это взаимодействие не влечет за собой изменение смыслов; оно входит как составной компонент в две других формы взаимодействия, рассмотренные в следующих разделах. В разделе 5.3. мы рассмотрели взаимодействие субъектов в совместной деятельности, в том числе в межличностном общении, имеющем структуру совместной деятельности. В этом взаимодействии происходит формирование общего смыслового фонда или общего смыслового поля; происходит трансформация смыслов партнеров в направлении их сближения. Важно подчеркнуть, что это взаимодействие отнюдь не сводится к взаимопониманию, хотя отталкивается от него как от исходной точки. Если понимание, рассматриваемое как обмен информацией в пределах пересекающейся части смыслового пространства «страдает... пороком тривиальности» (Лотман, 1992, с. 15), то непонимание, напротив, продуктивно благодаря тому, что «оно влечет за собой поиск смысла» (Зинченко, 1998, с. 105). Наконец, в разделе 5.4. мы обратились к наиболее сложному (что связано с его психотехнической природой) из процессов взаимодействия смыслов — процессу направленной трансляции смысла массовой аудитории, рассмотрев несколько социальных практик такой трансляции — от наиболее персонализированных (профессиональное обучение и лекционная пропаганда) до деперсонализированных (реклама).

Нам осталось рассмотреть опосредованные формы трансляции смыслов через их воплощение в артефактах культуры и, в частности, в произведениях искусства.

5.5. КУЛЬТУРА

КАК ПОЛЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ СМЫСЛОВ

В разделе 5.1. были приведены аргументы в пользу того, что психология смысла, в особенности неклассическая психология, включающая общество, культуру и человеческую историю в предметную область своего рассмотрения, не может обойтись без рассмотрения форм бытования смыслов в культуре.

Однозначного определения культуры нет; различные определения ее исчисляются сотнями и исходят из совершенно разных осно-

ваний (см. *Ионин*, 1996, с. 44—47). Наиболее многосторонним и в максимальной степени воздающим должное многогранности самого феномена культуры нам представляется подход к ее определению, сформулированный В.С.Библером (1991, с. 288—292). В.С.Библер дает объемное понятие культуры через совокупность трех ее определений. Во-первых, культура есть форма бытия и общения людей через время, опосредствованная произведениями. Во-вторых, культура есть форма самодетерминации личности, свободного решения и перерешения индивидом своей судьбы. В-третьих, культура есть творение нового самобытного и самобытийного мира. Эти три определения не разделяют целостный феномен культуры «на какие-то отдельные отсеки», но представляют собой разные ракурсы осмысления ее единого ядра.

Связь понятий культуры и смысла была очевидной для многих авторов в нашем столетии, начиная с М.М.Бахтина; наиболее крайней формулировкой такой связи выступает положение о том, что в культуре не содержится ничего, кроме смыслов и способов их передачи (*Боткин*, 1989, с. 117). «Онтологически культура есть не что иное, как внесение в мир смысла» (*там же*, с. 118). С психологической, как и с философской точки зрения, представляется вполне правомерным с некоторыми оговорками рассматривать культуру, ее создание и усвоение как опосредованное и деперсонализированное общение; в одной из работ мы использовали аналогию личностного вклада в другого, идеальной представленности, инобытия в нем (персонализации) и вклада в культуру, представленности в ней, инобытия в ее артефактах (культурализации) (см. *Леонтьев Д.А.*, 1997 а). Философское понимание культуры как сферы смысловой общительной связи (*Сильвестров*, 1998, с. 104; см. также *Библер*, 1991) допускает и даже предполагает возможность рассмотрения смысловой коммуникации индивидов через пространство и время, опосредованное культурными артефактами, как специфической формы межличностной коммуникации и трансляции смысла. «Вся история культуры есть не что иное, как попытка коммуникации — более или менее развернутая попытка "культуры для себя" стать "культурой для других", попытка обнаружить и объективировать для других свои тайные, субъективные смыслы; и одновременно — попытка обнаружить и сделать своими смыслы другого человека» (*Лобок*, 1997, с. 464). Помещая по понятным причинам в фокус нашего анализа культуры именно процессы трансляции смыслов, мы все же не склонны разделять приведенную выше экстремальную позицию Л.М.Баткина и считать, что культура полностью сводима к ним.

Другим важным в нашем контексте аспектом культуры является то, что она выступает определенным хранилищем, а то и фабрикой

ценностей и смыслов жизни. «Культура — это сама система перевода ускользающих в прошлое и будущее ценностей настоящего в бытие человека, в смыслы его жизнедеятельности», — пишут С.Б.Крымский, Б.А.Парахонский и В.М.Мейзерский (1993, с. 32). По мнению Н.Н.Рубцова (1991, с. 136), культура представляет собой системную иерархию смыслов, хотя она не исчерпывается этим определением. С понятием смысла жизни связывает понятие культуры С.Великовский, характеризуя культуру как «смыслодобывающее и смыслоизготавливающее орудие». «Культура искони была и пребудет духовным домогательством Смысла — согласия между предполагаемой правдой сущего и полагаемой правдой личности» (Великовский, 1979, с. 46). О связи смыслогенетического процесса, то есть порождения артефактов или дискретных смыслов культуры, с ситуацией необходимости преодоления экзистенциального отчуждения, пишет А.А.Пелипенко (1999), понимающий смысл как универсальную самоорганизационную форму культуры. Нам уже приходилось обращаться к проблеме ценностей как связующего звена между культурой и личностью (Леонтьев Д.А., 1996 а). Вместе с тем присвоением и трансформацией ценностей процессы смыслового взаимодействия личности с культурой не ограничиваются.

Попробуем аналитически расчленить эти процессы и рассмотреть их отдельные звенья, а именно: (1) внесение индивидуальных смысловых содержаний в культуру; (2) формы существования и сохранения смыслов в «теле» культуры и (3) усвоение смыслов из культуры. Нашу задачу существенно облегчает то обстоятельство, что, в отличие от непосредственного межличностного общения, при общении, опосредованном культурой, эти звенья оказываются на самом деле отделены друг от друга.

Внесение индивидуальных смысловых содержаний в культуру, или процесс *полагания смысла*, его способы С.Великовский обоснованно предлагает рассматривать как единицу культурологического анализа. «Ведь и впрямь: что такое культура ... как не вновь и вновь, каждый раз и в каждом своем проявлении осознанно или непроизвольно предпринимаемая человеком попытка вскрыть и утвердить смысл человеческой жизни в соотносённости его со смыслом сущего? Постройка собора или гражданского здания, писательское сочинительство, исполнение песни или музыкальной пьесы, разбивка сада, театральное зрелище, нанесение красок на холст, украшение утвари, киносъёмки, установление законосообразности в природе, подготовка радиопередачи... — перечень слишком легко продолжить при желании до бесконечности — всегда, во всех отдельно взятых случаях были, есть и пребудут по сути своей деятельностью смыслополагающей, хотя тот, кто ею занят, о ее

существо не философствует или даже не догадывается, а просто-напросто делает свое привычное дело ради хлеба насущного. Разница способов полагания смысла, пронизывающего любое из образований культуры, вплоть до мельчайших, и отличает, если вдуматься, одну цивилизацию от другой...» (Великовский, 1998, с. 673). С.Великовский предлагает и более детальную схему анализа категории «способ полагания смысла». Последний раскрывается через следующие компоненты: способ выработки (производства) смысла; положение (статус в обществе) тех, кто ею занят; источники («сырья») для смыслопроизводства, в том числе те, что достаются в наследие от предшествовавших цивилизаций; инструменты добывания, обнародования и распространения смыслов; учреждения их хранения (*там же*, с. 675). В.Т.Ганжин (1997) говорит об исторически сменяющихся «технологиях смыслогенеза».

В упомянутой выше работе (Леонтьев Д.А., 1997 а) мы рассматривали процессы опредмечивания индивидом своих сущностных сил через создание произведений материальной и духовной культуры как одно из двух магистральных направлений самореализации личности, не прибегая при этом к смысловой терминологии. Вместе с тем, рассмотрение самореализации как полагания смысла (в данном разделе мы придаем этому словосочетанию несколько иное значение, чем в разделе 2.4., где мы говорили о полагании смысла как одном из механизмов его порождения), а форм и разновидностей самореализации — как форм и видов такого полагания, не только возможно, но и закономерно является следующим логическим шагом анализа. В.П.Зинченко прямо говорил о том, что создание вещи «представляет собой воплощение смысла, опредмечивание, проходящее под его контролем» (Зинченко, 1989, с. 62), констатируя далее, что понятие культуры, в частности, материальной культуры, подразумевает единство смысла, идеи и предмета, слитых в одно культурное образование. Это единство отнюдь не статично: «Предметы могут терять свое назначение, утрачивать изначальные смыслы и приобретать новые. Точно так же и идеи, понятия могут утрачивать предметность, терять свое бывшее значение, обесмысливаться и возрождаться, наполняясь новыми смыслами» (*там же*). Разрушение же этого единства является симптомом патологических процессов в культуре.

Обратимся теперь ко второму звену процесса взаимодействия личности с культурой — к бытованию смыслов в «теле» самой культуры или, попросту, к внутренней динамике самой культуры. Прежде всего необходимо отметить два основных принципа динамики культуры. Первый из них — это принцип возрастающего разнообразия (Иванченко, 1999) или близкий к нему принцип эволюционной

значимости индивидуальной вариативности в социогенезе (*Асмолов, 1996 б*), из которых следует, что широта и вариативность полагаемых в культуре смыслов благоприятна для развития культуры, а их ограничение, соответственно, неблагоприятно для нее. Второй из них — это принцип диалога, взаимодействия смыслов в культуре. Еще М.М.Бахтин с предельной четкостью сформулировал принцип, гласящий, что два смысла, встречающиеся в культуре, не могут не соприкоснуться, не могут не вступить в диалог. Более того, актуализироваться смысл может, только соприкоснувшись с другим смыслом (*Бахтин, 1979, с. 350*). Культура в этом понимании и оказывается, собственно, механизмом, позволяющим отдаленным друг от друга смыслам вступать в диалог. «Два высказывания, отдаленные друг от друга во времени и в пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция» (*Бахтин, 1996, с. 335*).

Основные формы культуры, в которых в ней сохраняются и транслируются смыслы — это артефакты (вещи), знаковые системы (семиосфера) и модели поведения. Традиционно больше всего внимания уделяется знаковым системам; в частности, именно поэтому для культурологической и семиотической литературы довольно типично смещение понятий смысла и значения, семантизация понятия смысла, о которой мы упоминали в разделе 1.1. Говоря о знаковых системах, мы имеем в виду максимально широкое их понимание, включающее и такие наиболее древние и наименее кодифицированные образования как мифы.

Связь мифов со смыслами достаточно очевидна и подробно анализировалась не одним автором. «Миф — это живой смысл, непосредственное переживание человеком своей связи с миром, переживание осмысленности ценностного отношения, значимости мира для человека и человека для мира. Мифология — это символизация ценностных смыслов, аксиологических иерархий окружающего мира» (*Пивовев, 1991, с. 72*). А.М.Лобок, к концепции которого мы уже неоднократно обращались, тоже рассматривает миф как смыслонесущую реальность человека, как «то, что позволяет человеку поместить самого себя в контекст особой, смысловой реальности» (*Лобок, 1997, с. 31*). Миф дарует человеку смысл; при этом, однако, миф гораздо шире, чем смысл. «Миф предмета — это своего рода смысловая воронка, обладающая практически неограниченными возможностями по обнаружению все новых и новых смыслов. Это значит, что у предмета есть множество тайных, скрытых сущностей, и эти тайные сущности могут быть обнаружены человеком в процессе познавательного погружения в предмет. Миф

предмета означает, что каждый предмет, помимо своей естественной, природной жизни, несет в себе еще и некую потенциальную бесконечность того, чем он может стать в контексте человеческой деятельности. Миф предмета — это знак того, что каждый предмет содержит в себе потенциальную вселенную возможностей, которую еще только предстоит создать рукам и сознанию человека» (*там же*, с. 64). А.Ф.Лосев (1982), анализируя миф как языковую структуру, характеризует ее как структуру максимальной смысловой насыщенности.

Другим носителем смысла в культуре является символ. К.Г.Юнг характеризовал символы как «возможность какого-то еще более широкого, более высокого смысла за пределами нашей сиюминутной способности восприятия и намека на такой смысл (Юнг, 1991, с. 278), отмечая также, что символ выражает такой смысл, который нельзя выразить словами современного языка (Юнг, 1993, с. 291). Анализу символа под этим углом зрения специально посвящены монографии Н.Н.Рубцова (1991) и Н.В.Кулагиной (1999). Согласно Н.Н.Рубцову, символы представляют собой наиболее универсальное, емкое и конструктивное выражение мировоззренческих смыслов, это образования, заряженные смысловой энергией. При этом символ не соотносится с единичным смыслом. «Символ — это потенциально неисчерпаемая смысловая глубина. Символ всегда есть некий предел, раскрывающий себя в целом континууме смысловых единичностей. Символ — это всегда открытый образ, его смысл никогда не сводим к одному определенному значению, он всегда — веер возможностей, смысловых перспектив» (Рубцов, 1991, с. 43). Н.В.Кулагина, также говоря о неисчерпаемой смысловой глубине символа, подчеркивает, что символ выступает как универсальное средство регуляции духовно-практического опыта, позволяя актуализировать смыслы бытия, не объективируемые в знаковых формах (Кулагина, 1999, с. 6). Без смысла не может быть символа; смысл символа образуется посредством переноса на символический предмет смысла другой вещи по механизму ассоциативной связи. Последнее наиболее наглядно видно на примере религиозных символов, а также фетишизма.

Мы переходим, наконец, к третьему и заключительному звену процесса взаимодействия культуры и личности — усвоению заложенных в культуре смыслов и психологических следствий этого усвоения. Поскольку большой пласт отечественной и зарубежной литературы по проблемам развития и обучения затрагивает эти вопросы, мы не будем останавливаться на них очень подробно. Отметим лишь три аспекта этой проблемы, мало отраженные в современных исследованиях.

Первый аспект связан с такой сравнительно мало изученной реальностью как трансляция смыслов в культуре через образы поступков (модели поведения). «В.О.Ключевский начинает свой курс русской истории с такого эпизода. Представьте себе, пишет он, что по улице на полном скаку несется тройка. Но если на ее пути окажется ребенок, кучер, рискуя собственной жизнью и своими лошадьми, не может не свернуть с дороги. Здесь обнаруживается та культура поступка, образа жизни и действия, которая выражает опыт сотен поколений людей, опыт мировой истории» (*Крымский, Парахонский, Мейзерский*, 1993, с. 31). Подробно анализируя поступок как единицу психологического анализа в исторической психологии, Е.Е.Соколова (1999) рассматривает поступки реальных окружающих ребенка лиц, поступки исторических лиц, запечатленные в исторических источниках, а также поступки литературных персонажей как «идеальные формы», по мерке которых ребенок учится строить собственное действие, в соответствии с принципами «неклассической психологии». Без таких культурных образцов, по мнению Е.Е.Соколовой, было бы невозможно совершение собственных поступков самим ребенком. Разумеется, речь не идет об автоматическом усвоении. «Существующие в культуре аффективно-смысловые образования сами по себе могут не оказать никакого влияния на формирование соответствующих "реальных форм", то есть останутся для входящего в культуру (прежде всего формирующейся личности) "молчащими", если нет активного присвоения субъектом этих форм...» (*Соколова Е.Е.*, 1999, с. 95). Иными словами, поступки представляют собой проникнутый смыслом текст (*Лотман*, 1999), который должен еще быть прочитан. Только при условии «смысловой расшифровки» этого «текста» совершенный когда-либо поступок исторического лица получит действительный резонанс в форме поступков его потомков. С.Ю.Степанов подчеркивает, что общечеловеческая культура «оказывается не кунсткамерой ценностей прежних поколений и не сводом законов, норм, готовых истин, а неисчерпаемым резервуаром прецедентов (человеческих судеб), сотворенных конкретными историческими личностями. Их переосмысление, рефлексия и является механизмом творения опыта собственной жизни и ее культурного, духовного смысла» (*Степанов*, 1996, с. 117). О смыслеобразях культуры, на основе усвоения которых человек придает смысл своим действиям, пишет и В.Г.Немировский (1990), а Й.Ианс говорит о социальном тезаурусе мотивов, присущем каждой культуре или субкультуре, усвоение которого служит предпосылкой и основой для формирования мотивов индивидуальных действий носителей данной культуры (*Jansz*, 1993). На Западе в последнее десятилетие приобрел размах так называемый нарративный подход к жизненному пути, в соответствии с которым

люди строят свою жизнь по определенному сюжету или сценарию, образцы которых они заимствуют в своей культуре (см., например, *Widdershoven*, 1993); этот подход также отчетливо перекликается с нашим положением об усвоении культурных образцов смыслов.

Второй аспект связан с противопоставлением причинной и смысловой детерминации поведения, которого мы касались в разных разделах работы. В.С.Библер (1992), напоминая об этом противопоставлении, связывает смысловую детерминацию именно с культурой. Действительно, культурный человек, то есть человек, взаимодействие которого с миром в достаточной степени (превышающей социализационный минимум) опосредовано культурой, — это человек, ищущий смысл или, по меньшей мере, ориентирующийся на смысл. Вполне закономерно поэтому, что способность человека к самоопределению — способность «самостоятельно вырабатывать руководящие принципы и способы своей деятельности», которая отчетливо связана со смысловой детерминацией, постулируется как «базовый компонент личностной культуры» (*Газман*, 1989, с. 7).

Наконец, третий аспект состоит в том, что само усвоение смыслов, транслируемых через культуру, представляет собой сложный процесс, не сводящийся к пониманию. Усвоение культурного смысла предполагает «вживание в него, вращение в ткань того культурного мира, смыслом которого он является. Смысл требует бытийного, жизненного соучастия в нем, сопричастности, натурализации, тогда он выступает во всей полноте своего содержания и функций как носитель уникальных секретов культурного процесса, действий, поступков, образа мыслей и чувств того или иного самобытного сообщества людей» (*Козловский*, 1990, с. 34—35). Тем самым мы вновь возвращаемся к принципу бытийного опосредования процессов формирования новых смыслов. Частным случаем этого процесса выступает описанный нами в разделе 3.6. процесс и закономерности усвоения социальных ценностей и превращения их в личностные ценности.

5.6. ИСКУССТВО

КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСЛЯЦИИ СМЫСЛОВ

Хотя искусство, безусловно, является частным случаем культуры, мы выделяем анализ искусства как механизма трансляции смыслов в отдельный раздел. Действительно, изучение процессов воплощения смыслов в искусстве представляет собой отдельную и даже более давнюю и более мощную традицию, чем более общая постановка

проблемы трансляции смыслов через культуру. А.Н.Леонтьев отмечал, что искусство есть «та единственная деятельность, которая отвечает задаче открытия, выражения и коммуникации личностного смысла действительности, реальности» (Леонтьев А. Н., 1983 б, с. 237). В данном разделе мы коротко изложим основные положения смысловой концепции искусства, которая нашла более полное отражение в специальной монографии (Леонтьев Д.А., 1998 а).

Мы начнем анализ с того, что же, собственно, видит человек, когда он смотрит на картину, на страницы книги, на киноэкран, на разворачивающееся на театральных подмостках действие.

Один возможный ответ состоит в том, что перед ним предстает отображенный теми или иными средствами фрагмент жизни — или того, что существовало или происходило где-то на самом деле, или того, что, с точки зрения картины мира реципиента, вполне могло где-то существовать или происходить. Положение о том, что художественное произведение несет в себе изображение действительности или какого-то ее фрагмента, стало общим местом во многих трудах по эстетике. Соответственно, произведение искусства тем лучше выполняет свою функцию, тем совершеннее, чем глубже, полнее и точнее в нем находит отражение действительность. Этот ответ очевидно по меньшей мере неполон. «Искусство — ... всегда отношении. То, что воссоздано (изображение), воспринимается в отношении к тому, то воссоздается (изображаемому), к тому, что не воссоздано, и в бесчисленности других связей. Отказ от воссоздания одних сторон предмета не менее существенен, чем воспроизведение других» (Лотман, 1994, с. 37).

Другой возможный ответ исходит из того, что художественное произведение — это не копирование каких-то аспектов действительности, а мир, преломленный через личность творца, которая необходимо присутствует в структуре самого произведения, в структуре художественного образа. Именно личность художника, а не тот фрагмент действительности, который он избрал предметом отображения на бумаге, холсте или киноплёнке, является основным содержанием художественного произведения. «Рисует ли художник человеческое лицо, натюрморт, пейзаж — все равно получается автопортрет, и вот доказательство. Когда вы увидите Мадонну Рафаэля, то не подумаете: "Это Мадонна". Вы подумаете: "Это Рафаэль". Перед "Девушкой в синем чепце" Вермеера подумаете не "Вот девушка в синем чепце", но "Вот Вермеер". Увидев анемоны, изображенные Ренуаром, подумаете не: "А вот анемоны", но "А вот Ренуар". Так же, когда вы видите женщину, у которой глаз нарисован не на месте, вы не думаете: "Вот женщина, у которой глаз не на месте", вы думаете: "Вот Пикассо"» (Кокто, 1985, с. 62—63).

Обе трактовки художественного произведения — и как отражения реальности, преломленного через личность автора, и как отражения самой личности автора, проецируемой на содержание произведения, представляются, однако, чрезмерно упрощенными. Интересную и весьма эвристичную метафору предлагает А.В. Прохоров (1985), вводящий в контексте анализа анимационного искусства понятия «персонажный мир» (ПМ) — мир вымышленных персонажей и событий, присутствующий в художественном тексте, и «авторский слой» (АС) — все то, сквозь что зритель (читатель, слушатель) видит события в ПМ. «Авторский слой — это своеобразное стекло, сквозь которое мы заглядываем в персонажный мир. Если стекло абсолютно прозрачно, то мы его можем и не заметить (как, "не замечая" актера психологического театра, мы видим непосредственно персонаж). Но если стекло перед нами утолщается, меняет локальный цвет, обнаруживает в своем объеме явную турбулентность стеклянной массы, а то и включенность посторонних предметов, если вся эта стеклянная конструкция оказывается обладающей художественным заданием — короче, если перед нами витраж (для чистоты аналогии, орнаментальный), то

а) мир за стеклом перестает быть знакомым и привычным, он виден нам далеко не полностью, да и не всегда отчетливо. Здесь возможны нарастающие искажения "действительности", вплоть до ее полного исчезновения ("ничего не видно!");

б) мы неожиданно понимаем, что не только мир за стеклом имел свою определенную (эстетическую, этическую, познавательную) ценность. Само стекло тоже начинает обладать подобной системой ценностей, что резко меняет характер восприятия художественного текста в целом» (Прохоров, 1985, с. 42—43).

Необходимо развести два процесса. Первый из них — отражение действительности в сознании автора (как и любого человека), преломленного через структуру его личности. Это первый ход анализа — ход от мира к образу мира (см. *Леонтьев А.И.*, 1983 б). В образе мира мир отражается, во-первых, неполно, ограничено, во-вторых, избирательно, в-третьих, пристрастно. Образы значимых объектов и явлений трансформируются в сознании в зависимости от их личностного смысла. Однако, что весьма важно, эти трансформации существуют уже на этапе, предшествующем собственно созданию художественного произведения, в процессе которого образ мира художника преломляется далее через доступную ему и выбранную им систему изобразительных средств, приемов, возможностей и ограничений материала, художественных канонов и традиций. Собственно художественное произведение предстает уже не как образ мира и не как изображение мира, а как **изображение образа мира**, которое

может анализироваться по меньшей мере в трех аспектах: в аспекте мира (то есть в соотношении с самой отображенной реальностью, под углом зрения «истинности», «правдоподобия» или «жизненности»), в аспекте образа мира (в соотношении с внутренним миром осмысляющего эту реальность автора, ее смыслов для него, под углом зрения «самовыражения» или «самораскрытия»), и в аспекте собственно изображения (особенностей художественного воплощения автором своего видения мира, в соотношении с художественными канонами, традициями и оценкой успешности, под углом зрения «стиля» или «мастерства»), даже если не учитывать конкретной задачи, решаемой автором при создании произведения (интенциональной стороны художественной деятельности).

В процессе художественного восприятия происходит как бы обратное движение: от изображения мира к миру через видение мира автором. Первый шаг — увидеть за изображением мира образ мира конкретного человека и принять по отношению к нему понимающе-диалогическую позицию — делает возможным дальнейшее движение от образа мира к самому миру, постижение новых граней личностно-смысловой логики и онтологии отношений человека с миром. Принципиально здесь то, что проникновение в авторское видение мира, слияние с позицией автора является тем специфическим промежуточным звеном, без которого проникновение в глубинные пласты произведения оказывается невозможным. «Мы понимаем не текст, а мир, стоящий за текстом... Можно говорить, конечно метафорически, о мире текста, действительных или воображаемых событиях, ситуациях, идеях, чувствах, поступках, побуждениях, ценностях, отображенных в содержании этого текста и как бы видимых нами, как сквозь стекло, сквозь этот текст. Другое дело, что это стекло может быть грязным или вообще деформирующим образ того, что мы через стекло видим» (*Леонтьев А.А.*, 1989, с. 7). Произведение не раскрывается тому, кто читает его как текст, точнее, оно раскрывается именно как текст, но не как носитель смыслов мира, в котором мы живем. Если сущностной, конституирующей функцией искусства является раскрытие смыслов тех или иных сторон действительности, то условием проникновения за изображение, приобщения к этой бытийно-смысловой реальности является временный отказ от своей уникальной личностно-пристрастной позиции в мире, слияние с позицией художника, взгляд на мир его глазами. Художественное произведение — это окно в мир, которое, однако, открыто лишь при взгляде с одной определенной точки — с точки зрения автора. Чтобы встать на эту точку зрения, необходимо отказаться от своей, принять эстетическое отношение к произведению, которое есть по своей сути диалогическое отношение,

отношение беспристрастного и бескорыстного принятия. Парадокс художественного восприятия заключается в том, что только отказавшись от восприятия произведения через призму моих смыслов, я оказываюсь в состоянии обогатить мои смыслы теми, которые заложены в произведении автором, воплощены как в элементах художественного текста, так и в закономерностях его структурной организации.

На этом завершается единичный цикл функционирования художественного произведения: *мир — образ мира — изображение мира — образ мира — мир*. Эта последовательность раскрывает суть схемы «жизнь — писатель — произведение — читатель — жизнь» (Жабицкая, 1974), пришедшей на смену широко распространенной редуцированной схеме «автор — произведение — реципиент». Суть этого дополнения, более подробно раскрываемая ниже, состоит в том, что **как содержание, вкладываемое художником в произведение, представляет собой ответы на вопросы, которые ставит перед ним жизнь, так и то, что извлекает (и что не извлекает) из произведения реципиент (читатель, зритель или слушатель), также прямо обусловлено контекстом его жизни.**

Принимая как очевидное положение М.М.Бахтина (1979) о том, что «авторское отношение — конститутивный момент образа» (с. 294), рассмотрим прежде всего психологические механизмы присутствия личности автора в структуре художественного образа.

Объяснительным понятием, служащим научно-психологическим эквивалентом описательного понятия отношения, выступает введенное в предыдущей главе понятие смысла, в котором отражается тот факт, что объекты и явления действительности воспринимаются нами не просто в их объективной безличной сущности, раскрытой общественной практикой. Образ любого объекта или явления содержит психологическую составляющую, в которой отражается жизненный смысл для меня этого объекта или явления, место, которое он или оно занимает в моей жизнедеятельности, в системе моих отношений с миром. Этой психологической составляющей и является личностный смысл объекта или явления.

Личностный смысл не тождествен абстрактной значимости объектов или явлений, отражающейся в их эмоциональном переживании. За эмоциональным переживанием факта значимости следует постановка вопроса о жизненной подоплеке этой значимости, вопроса о том, какова связь данного объекта или явления с основными реалиями моей жизни. «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» (Бахтин, 1979, с. 350). Встает так называемая задача на смысл (Леонтьев А.Н., 1977; 1981; 1991). В своем общем виде это —

«задача на жизнь». Она может ставиться по отношению к собственному действию (ради чего я это сделал или делаю или собираюсь делать; какие мотивы за ним стоят, какие потребности или ценности находят реализацию в этом действии и к каким следствиям оно приведет), а также по отношению к объектам, явлениям и событиям действительности (какое место они занимают в моей жизни, в моем жизненном мире, для каких аспектов моей жизни они небезразличны, как могут повлиять на нее, какие иметь последствия). Психоанализ (особенно в его раннем варианте, свободном от далеко идущих теоретических постулатов, в котором он и был ассимилирован многими другими подходами) есть один из примеров решения задач на смысл — смысл симптомов, болезней, ошибочных действий, сновидений и т.п.

Решение задач на смысл и трансляция другим смыслов как ответов на жизненные вопросы (а также трансляция самих вопросов) вполне обоснованно рассматривается многими авторами (в той или иной форме) как основное содержание процесса художественной коммуникации², и, более того, как основная миссия искусства. «Невключение смысла в искусство — это трусость», — писал В.Б.Шкловский (1983 а, с. 74), и столь же остро ставил вопрос Л.Арагон: «Свобода искусства всегда заключалась в том, чтобы придать смысл произведению, а порабощение искусства происходило от вмешательства посторонних сил, пытающихся так или иначе ограничить поле наших наблюдений и установить контроль над тем смыслом, который художник вкладывает в эти наблюдения. Во все времена в искусстве происходила великая борьба за свободу» (Арагон, 1986, с. 122).

Тот смысл, который несет в себе произведение — это ответ на жизненную «задачу на смысл», стоящую перед художником, или же заостренная осознанная постановка этой задачи. Именно в этом

² Марков М. Искусство как процесс. М., 1970; Жабицкая Л. Восприятие художественной литературы и личность. Кишинев, 1974; Целма Е.М. Художественное переживание в процессе восприятия искусства. Рига, 1974; Шор Ю.М. Художественное переживание как процесс // Методологические проблемы современного искусствознания. Вып. 3. Л., 1980. С. 32—38; Леонтьев А.Н. Психология искусства и художественная литература // Литературная учеба. 1981. № 2. С. 177—185; Бирюков В.Ф. Эмоции и эстетическое восприятие // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1982. № 2. С. 22—32; Левшина И.С. Как воспринимается произведение искусства. М., 1983; Тарасов Г.С. Соотношение коммуникативного и когнитивного в процессе формирования духовной потребности личности. М., 1983. С. 126—132; Шилин В.Н. О диалогической природе художественной идеи // Искусство в системе культуры: социологические аспекты. Л., 1981. С. 102—106.

смысле мы понимаем «жизнь» как начальное звено функционирования искусства в приведенной выше схеме Л.Жабицкой. «Прежде чем занять чисто эстетическую позицию по отношению к герою и его миру, автор должен занять чисто жизненную» (*Бахтин*, 1986, с. 21). Открытие художником смысла для себя, решение им своей личной задачи на смысл — это первый этап любого акта художественного творчества. Конечно, он, во-первых, не специфичен для художественного творчества — такие задачи приходится решать для себя всем людям, — во-вторых, не достаточен. Самое блестящее мировоззренческое открытие, не найдя адекватного воплощения в художественной форме, не станет фактом искусства. Вместе с тем, этот этап является необходимым — художника не спасает мастерство, если ему нечего сказать людям. Без этого нет искусства — есть лишь вызывающие уныние мириады вполне добротнo выполненных книг и картин, не говорящих ничего ни уму, ни сердцу.

Отличительной особенностью «задачи на смысл», которая ставится и разрешается настоящим искусством, выступает то, что, являясь личной жизненной проблемой самого художника, она не является лишь жизненной проблемой одного художника. Она характеризуется той или иной степенью, тем или иным масштабом общезначимости, актуальности для многих людей. Несколько авторов в разное время обращали внимание на то обстоятельство, что понятие смысла может относиться не только к индивиду, но и к группе индивидов, в сложном смысловом комплексе есть и индивидуально-неповторимые, отличающие данного индивида оттенки, и оттенки более общего, коллективного смысла, сближающие индивида с представителями данного класса, профессии, эпохи, национальности, страны, культуры, религии и т.п. (*Печко*, 1968, с. 235—236). А.Н.Леонтьев говорит о существовании «смысловых обобщений». «Соответственно существуют и общие (то есть обобщенные) задачи на смысл. Это — задачи, которые встают не только перед одним индивидом, только в жизни одного человека, а перед многими людьми — хотя для каждого во всей своей неповторимости! Это — задачи, характерные для своей исторической ситуации, эпохи, всей истории... Это, с другой стороны, задачи, характерные для определенной социальной группы, социального слоя, класса, может быть, всех людей...» (*Леонтьев А.Н.*, 1991, с. 185).

Благодаря тому, что «смыслы субъективны, но не "единичны"» (*там же*), решая для себя задачу на смысл и обнаруживая это решение, художник одновременно помогает в ее решении и другим людям, и круг людей, которых затронет созданное им произведение, будет определяться тем, насколько обобщенную задачу на смысл он в нем решает. «Шекспир отлично объяснил ревность сначала

самому себе, а потом уже всему человечеству» — цитирует Л.С.Выготский (1968, с. 48) высказывание Д.Овсяннико-Куликовского и уточняет: «Грубо говоря, Шекспир потрудился за нас, отыскивая в идее ревности соответствующий ей образ Отелло» (*там же*, с. 49). Ирония Выготского, направленная в адрес чисто интеллектуалистической трактовки искусства Овсяннико-Куликовским, у которого речь идет об абстрактной идее ревности, обоснованна. Вместе с тем, если критикуемую им концепцию искусства как познания заменить здесь концепцией искусства как решения задачи на смысл, придется признать, что в определенном смысле художник действительно трудился за нас, решая эту задачу (что, впрочем, не избавляет нас от нашей доли труда в процессе деятельности художественного восприятия). «Именно сформированность субъективного, личностно пристрастного смысла произведения у *многих* реципиентов может служить признаком того, что в этом произведении есть художественная правда» (Знаков, 1999, с. 194). Личность художника оказывается как бы выразителем социального, общекультурного, само функционирование в роли художника переклещивает личность как бы в «иной слой бытия», где эта личность «утрачивает характеристики "случайного индивида", становится элементом художественной культуры. Чувственная сфера художника (его способ переживания, видение) перестает принадлежать "лично ему", становится одновременно механизмом культуры, ее переживанием, ее видением» (Шор, 1981, с. 25). Поэтому отдельной задачей выступает задача коммуникации, трансляции другим открытого художником смысла. «Общение искусством — это смысловое общение с опорой на язык искусства» (Леонтьев А.А., 1997, с. 299)

В заключение стоит отметить, что задача на смысл — это всегда еще и задача на совесть. В.Франкл (*Frankl*, 1975) характеризовал совесть как орган смысла, позволяющий в любой ситуации уловить истинный смысл. Можно утверждать, что отказ от осмысления, от решения задачи на смысл есть отказ от совести. Ведь ссыла на давление обстоятельств или не подчинение приказу как обоснование неблагоприятного поступка есть не что иное, как уход от задачи на смысл, — в противном случае было бы вряд ли возможным сохранение самоуважения и душевного равновесия. «Человек-винтик» — это человек, лишенный совести, то есть смысловых ориентиров, человек, не осмысляющий свои действия и всю свою жизнь. Возвращаясь к искусству, вспомним, что художник всегда считался совестью народа. Искусство, лишенное смысла, есть искусство, лишенное совести. «Функция писателя заключается в том, чтобы в результате его действия никто не мог сослаться на незнание мира, отговориться собственной невинностью перед ним» (Сартр, 1987, с. 324).

Смыслы и задачи на их открытие являются предметом психологии искусства не сами по себе, «в чистом виде», а лишь будучи воплощены в структуре художественного объекта. Они не имеют своей специфической формы существования, в которой они могли бы транслироваться другим. «Каковы бы ни были эти смыслы, чтобы войти в наш опыт (притом социальный опыт), они должны принять знакомую форму, слышимую и видимую нами... Без такого временно-пространственного выражения невозможно даже самое абстрактное мышление» (*Бахтин*, 1975, с. 406). Художественное воплощение личностного смысла, придание ему художественной формы переводит его в иную форму существования, делая его содержанием произведения искусства.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что отношение формы и содержания весьма далеко от отношения «сосуда... в котором пустота» и «огня, мерцающего в сосуде». Категории формы и содержания имеют смысл только рассматриваемые вместе и не могут быть определены иначе, чем друг через друга. «Форма есть способ (способы) существования, выражения и преобразования содержания» (*Дорфман*, 1993, с. 139). Прежде всего необходимо различать внешнюю форму и внутреннюю форму. Внутренняя форма связана с содержанием наиболее тесным образом, представляя собой способы его структурирования, упорядочивания, без которых содержание просто не может существовать. Например, если содержанием языка считать алфавит и словарь, то его внутренней формой будут являться в первую очередь морфологические, грамматические и синтаксические правила построения слов из букв алфавита, и осмысленной речи — из слов словаря. Внешняя форма связана с содержанием не столь интимным образом, более того, как подчеркивает Л.Я.Дорфман, понятия формы и содержания относительно и взаимообратимы. При иерархическом рассмотрении сложного процесса форма по отношению к содержанию занимает более низкий уровень, а содержание — более высокий. Поскольку, однако, число уровней системы редко ограничивается двумя, одна и та же структура или процесс может выступать одновременно как форма по отношению к вышестоящему содержанию, и как содержание по отношению к нижележащей форме. Так, свойства темперамента выступают как содержание по отношению к свойствам нервной системы, и одновременно как форма по отношению к когнитивным стилям, которые в этом отношении выступают как их содержание (*там же*, с. 142). Чрезвычайно важным в нашем контексте является понятие **превращенной формы** (*Мамардашвили*, 1970; 1992; см. также раздел 2.3). В произведениях искусства мы имеем дело именно с превращенной формой.

Таким образом, говоря о воплощении смыслового содержания в художественной форме, необходимо иметь в виду, что, во-первых, форма — это всегда форма данного содержания и не имеет смысла в отвлечении от конкретного содержания, и, во-вторых, что содержание не независимо от формы: воплощаясь в материале конкретного вида искусства, оно приобретает специфические свойства, обусловленные спецификой именно данного конкретного вида искусства, его изобразительных и выразительных средств и приемов, возможностей и ограничений. Художественная форма «коррелятивна» содержанию (*Бахтин*, 1975, с. 32), она говорит то же, что и содержание, но на другом языке (*Эйзенштейн*, 1988, с. 239).

Анализ художественного оформления творческого замысла как фактора оптимального воздействия на восприятие и сознание зрителя дает Ю.А.Филипьев, использующий понятие «эстетическая структура» произведения: «Предположим, мы услышали фразу: "настал вожделенный миг — труд мой многолетний окончен"». Эта информация может вас заинтересовать, но она не задевает так, как стихотворная строка... Однако эта же фраза, но в другом структурном виде: "Миг вожделенный настал; окончен мой труд многолетний" — уже не только фиксируется в сознании как сообщение, но и оптимально воздействует на эмоциональную сторону восприятия, к которому и обращен именно такой структурный вид данной фразы. И лишь тогда такая обращенность достигается, только тогда то или иное раскрытие, то или иное сообщение становятся эстетически значимыми» (*Филипьев*, 1976, с. 93—94). Создавая художественное произведение, автор всегда более или менее осознанно учитывает закономерности психологии восприятия, строит его таким образом, чтобы оно оказывало на читателя или зрителя предусмотренное им воздействие. Л.С.Выготский формулирует как одно из центральных положений психологии искусства, как аксиому то, что «только в данной своей форме художественное произведение оказывает свое психологическое воздействие» (*Выготский*, 1968, с. 54). Та мера, в которой ему это удастся, является мерой его таланта, мастерства художника. Не случайно многие современные работы по общей эстетике связывают эстетическое совершенство не столько с категориями прекрасного или возвышенного, как это было в традиционной эстетике, сколько с категорией выразительного (см. *Печко*, 1994), что позволяет говорить о форме, оптимально выражающей содержание.

Констатация выразительной функции художественной формы, однако, недостаточна для объяснения специфической «проникающей» функции искусства, его ни с чем не сравнимой способности затрагивать человека до глубины души подобно самым важным со-

бытия его жизни. Существует достаточно оснований говорить, что *художественная форма (эстетическая структура произведения) выполняет психологическую функцию настройки сознания (в широком смысле слова) реципиента на восприятие данного конкретного содержания*. Именно поэтому, будучи воплощено в художественной форме, иными словами, эстетизировано, смысловое содержание получает как бы облегченный доступ в глубины сознания и подсознания реципиента, минуя всевозможные психологические барьеры, охраняющие стабильность нашей картины мира.

Эта настройка подобна тому, что в нейролингвистическом программировании известно как наведение транса. Если сравнить впечатление от художественного произведения с нейролингвистически наведенным трансом, то видно, что это нечто большее, чем просто аналогия. Транс — «гипноз наяву» — предполагает приковывание сознания, введенного в это состояние, к одному источнику информации и управляющих воздействий, повышенную восприимчивость и некритическое доверие к нему и блокирование всех других источников информации. В этом же, по сути, заключается и «магическое» или «гипнотическое» воздействие искусства, о котором идет речь. Правомерно предположить, что в процессе восприятия искусства, если оно носит полноценный характер, реципиент временно находится в измененном состоянии сознания — назовем его эстетическим состоянием, — относящемся к тому же ряду измененных состояний сознания, что и состояния его гипнотических или наркотических изменений, а также сна или медитации. Измененное дискретное состояние сознания в современной психологии определяется как уникальная динамическая конфигурация психологических структур, активная организация психологических подсистем, отличная от базового состояния сознания (Tart, 1980, p.116). Эстетический «раппорт» вполне подходит под это определение.

Вопрос о механизмах такого «гипнотического» воздействия искусства относится к самым сложным. Во всяком случае, можно лишь определенно утверждать, что существенную роль в этом играют фундаментальные эстетические константы и отношения, такие как «золотое сечение». Работы, посвященные выяснению психологических параллелей и психологического смысла этих констант, весьма многочисленны. Так, например, в русле теоретико-информационного подхода показано, что «золотое сечение» соответствует принципу максимума информации при определенных алгоритмах оценки соотношения сторон прямоугольника (Голицын, Петров, 1991). Этому же принципу подчиняются и основные музыкальные консонантные соотношения. Еще дальше пошел В.А.Лефевр (1991), математически показавший, что принципу золотого сечения подчиняются самые

разные процессы оценивания и категоризации человеком разнообразных стимулов; тем самым «золотое сечение» предстает как общий принцип организации человеческой психики, а использование его в искусстве закономерно придает последнему психотехнические свойства. Ф.Тернер и Э.Пёппель проанализировали эволюционно-биологические и нейрофизиологические механизмы воздействия поэзии на сознание и мозг человека и пришли к очень важным в нашем контексте выводам: «Метрическая поэзия присуща всем культурам, и ее важнейшая особенность — трехсекундная строка — подогнана к трехсекундному "текущему моменту" системы, перерабатывающей слуховую информацию. Правое полушарие мозга наделено музыкальными и изобразительными способностями, а левое — лингвистическими; и с помощью ритмичного чередования звуков оба полушария приводятся во взаимодействие. Посредством "слухового принуждения" низшие отделы ЦНС стимулируются таким образом, что познавательное значение стихотворения возрастает, память обостряется, а общее состояние мозга способствует физиологической гармонии и общественному согласию» (Тернер, Пёппель, 1995, с. 92). К сходным выводам пришел и Д.Эпстайн, изучавший музыку ряда африканских культур: он нашел, что музыкальный ритм и темп «захватывает "часовые механизмы" нашей биологической системы и усваивается ими» (Эпстайн, 1995, с. 101). Ритм «оказывается одним из наиболее тонких и точных двигателей смысловой энергии» (Кулагина, 1999, с. 57).

Вернемся к вопросу о форме, точнее формах, в которых смыслы присутствуют в структуре конкретных художественных произведений. Подчеркнем еще раз, что речь идет не о кодировании смыслов, а об их воплощении в превращенной форме (см. выше). Соответственно, восприятие смыслов не заключается в их более или менее точной расшифровке, расшифровке подлежит собственно значенческий, знаковый слой художественного языка, смыслы же становятся доступны реципиенту через взаимодействие их воплощенной формы существования с его смысловой сферой. Результат этого взаимодействия никогда не предопределен. Нельзя говорить поэтому о передаче смыслов из-за принципиальной невозможности аутентичного восстановления исходных смыслов в процессе восприятия и понимания соответствующих образов другими людьми — можно говорить только о понимании, интерпретации, восстановлении реципиентом замысла художника на основе своего собственного мировосприятия. Смысл, извлекаемый реципиентом из произведения искусства — это всегда его собственный смысл, обусловленный контекстом его собственной жизни и его личности, а не смысл, «заложенный» художником в структуре произведения; вместе с тем, структура произведения строится художником — осознанно или неосознанно — таким образом,

чтобы передать или, точнее, подсказать людям совершенно определенный смысл. В силу наличия общих для многих людей условий жизнедеятельности и, тем самым, общих задач на смысл, о чем говорилось выше, оказывается возможной сравнительно адекватная передача смысла. Тезис о коммуницируемости личностных смыслов можно признать правомерным с учетом этих оговорок.

Можно выделить три принципиально различных типа **субстратов**, в материале которых человеческие смыслы могут находить свое выражение: *материальные продукты человеческой деятельности, знаковые системы и поведенческие проявления человека*. Это три возможных способа экстериоризации человеком его видения мира, образа каких-то фрагментов действительности. Разные субстраты специфичны для разных видов искусства. Так, литература использует знаковую форму, изобразительные искусства — материальную, балет — поведенческую, кино и театр используют одновременно несколько форм.

Помимо разных субстратов, можно выделить две наиболее обобщенных **стратегии** коммуникации смыслов (точнее, насыщенных смыслами образов). Первая из них заключается в попытке заставить увидеть фрагмент мира или какое-то событие глазами самого художника и пережить то, что он пережил; вторая заключается в прорисовывании, обнажении на сюжетном материале смысловых связей поступков людей с их мотивами и последствиями, раскрытие причинно-следственных связей, управляющих людьми, иногда даже в исторической перспективе. Первый путь более характерен для поэзии и живописи, второй — для прозы, театра, кино, балета, хотя и поэт может пойти по второму пути («Бородино»), а прозаик или режиссер — по первому («Амаркорд»). Эти две стратегии совместимы в одном произведении только в том случае, если автор на протяжении произведения меняет ту позицию, ту точку, с которой ведется повествование. Первая стратегия соотносима с литературоведческим понятием *лирики*, а вторая — с понятием *эпоса*. Кроме того, эти две стратегии соотносимы с двумя эстетическими принципами, теоретические баталии вокруг которых во многом определили облик эстетики середины нашего столетия: принципом *вживания*, идущим еще от Аристотеля и нашедшем наиболее последовательное воплощение в системе Станиславского, и принципом *очуждения* или *остранения*, сформулированном В.Шкловским и наиболее последовательно разработанном в теории и воплощенном в театральной практике Б.Брехтом (см. *Брехт*, 1986).

Двигаясь в глубину психологической структуры произведений искусства, можно выделить по меньшей мере 8 видов психологических средств, служащих для воплощения смыслов в структуре художественных произведений.

1. Тематика. Выбор темы, то есть выбор изображаемых в произведении фрагментов или аспектов действительности и выбор авторской позиции, точки наблюдения, с которой в произведении раскрывается «вид» на действительность. Этот выбор уже во многом задает общий смысловой настрой произведения, хотя и в достаточно общих чертах. Зная, где разворачивается действие книги — на фешенебельном курорте или рыболовном сейнере, в городском универмаге или на планете Интеропия, в джунглях Амазонки или в салоне Анны Павловны Шерер — и от чьего лица ведется повествование, читатель формирует свои ожидания к книге, априорное принятие или неприятие ее.

2. Хроника. Отражение действительности, то есть относительно беспристрастная передача в произведении той или иной информации. Смысловая нагруженность и художественная значимость такой информации возникает благодаря неизбежному ее отбору и рафинированию. «Трудно распознаваемые в реальной жизни связи и отношения мира, общества и человека в художественном произведении предлагаются освобожденными от второстепенностей и ложных зависимостей, которыми их может наделить обыденное сознание, позволяя этому последнему быстрее, глубже, последовательнее структурироваться в мироощущении» (Володин, 1982, с. 117-118).

3. Хроиотопика. Трансформация образа действительности. Речь идет об искажении в произведении пространственных, временных, вероятностных и других соотношений, структурировании пространственно-временной картины мира. Простой пример таких трансформаций — выделение смыслового центра картины относительным увеличением размеров соответствующих фигур, прежде всего в живописи по библейским сюжетам и иконописи: центральные в смысловом отношении фигуры всегда выделяются своей относительной величиной, причем перспектива иногда выступает средством такого выделения, а иногда, наоборот, маскирует слишком явные несоответствия. В основе соответствующих психологических эффектов лежат закономерности трансформации тех или иных параметров психического образа лично значимого объекта или явления (Леонтьев Д.А., 1988 б). «Мысленное сопоставление оптического образа предмета с его деформированным образом на картине, реального цвета предмета с цветом его на картине давало воспринимающему путеводную нить: следуя ей, он мог приблизительно уловить "логику" деформаций и последовать за художником в лабиринты его души» (Дмитриева Н.А., 1984, с. 26). То же самое имеет место и в литературе (равно как и в других видах искусства): «Предметы (их детали) укрупняются, выделяются по их смысловому весу,

по их значению в данной ситуации. «Смысловой центр» укрупняется... Литература по-своему выделяет осевые центры, вызывая воспоминание о них метонимически, то есть упоминанием предметов или признаков, связанных по смежности» (*Шкловский*, 1983 б, с. 71). Более подробно вопросы структурирования художественного пространства и времени рассмотрены в работах Л.Г.Юлдашева, В.Б.Блока и др.³

4. **Метафорика.** Ассоциативные сочетания фрагментов произведения по логике их жизненных смыслов в метафоре, монтаже и т.п. «Монтаж — это сочетание разновыраженных смыслов, выражающих новое содержание — форму» (*Шкловский*, 1983 б, с. 202). Индивидуальные личностно-смысловые связи, существующие в картине мира художника, эксплицируются в нетривиальных ассоциациях, направление которых характеризует достаточно тонкие аспекты авторского отношения. Смысловая логика сочетания различных элементов в структуре художественного произведения имеет много общего, в частности, с логикой бессознательного, которую впервые описал еще З.Фрейд в «Толковании сновидений» (1913).

Помимо четырех перечисленных средств индивидуализированного и трудноформализуемого выражения в произведении своих личностных смыслов, художник располагает еще рядом средств «запрограммированной» актуализации у читателя, зрителя или слушателя определенных эмоциональных состояний, познавательных схем или смысловых контекстов через воздействие определенных элементов художественной формы, обладающих устойчивой субъективной семантикой.

5. **Семантика.** На наиболее элементарном уровне в роли этих средств выступают «перцептивные универсалии» (*Артемьева*, 1980; 1999) или «эмоциональные значения» (*Дорфман*, 1991). «Художник обращается к эмоционально-акустическим и эмоционально-визуальным единицам своеобразного кода, языка, в котором закреплены определенные смыслы и значения. Так, высокие тона однозначно воспринимаются как светлые, острые, тонкие, а низкие — как темные, массивные, толстые...; симметрия вызывает ощущение покоя, асимметрия — беспокойства; прямая вертикаль — стремление вверх; горизонталь — пассивна, диагональ — активна» (*Праздников*, 1981, с. 51). Существует немало достоверных данных относительно устойчи-

³ *Юлдашев Л.Г.* Искусство: философские проблемы исследования. М., 1981. С. 83—97; *Блок В.Б.* Художественная условность как эстетико-психологическая проблема // Искусствознание и психология художественного творчества. М., 1988. С. 148—153; *Пухначев Ю.В.* Число и мысль. Вып. 4. М., 1981; *Раушенбах Б.В.* Пространственные построения в живописи. М., 1980.

ности эмоциональной семантики различных линий, цветов, звуков, интонаций и др.⁴ О роли этих, казалось бы, бессодержательных самих по себе элементов, красноречиво свидетельствуют результаты эксперимента французских психологов Х.Гасто и А.Роже. Изготовив «беспредметную» киноплёнку, в точности имитирующую динамику световой и цветовой интенсивности определенного художественного фильма, и фиксируя психофизиологические реакции зрителей (дыхание, пульс и т.п.) при восприятии исходного фильма и имитирующей плёнки, они «пришли к выводу, что нет принципиальных различий между физиологическими реакциями организма при восприятии чередующихся беспредметных световых пятен и художественных образов» (*Вахеметса, Плотников, 1968, с. 90*).

6. Символика. На уровне относительно завершённых, хоть и локальных, художественных образов, в качестве подобных средств выступают символы. Символ так же, как и элементарные перцептивные универсалии, несет в себе фиксированный смысл; этот символ, однако, обусловлен не прямым эффектом психофизиологического воздействия тех или иных стимулов, а устоявшимися исторически возникшими конвенциональными связями. Одни и те же элементы могут нести и перцептивно-семантический, и символический смысл, например, красный цвет. Особенность смысла символа заключается в его однозначности. Можно сказать, что символ — это бывший смысл, утративший динамичность и перешедший в иную, застойную форму существования. «Символ — это указательный палец образа в сторону смысла, — писал М.М.Пришвин, добавляя: — Искусство художника состоит в том, чтобы образ сам своей рукой указывал, а не художник подставлял бы свой палец. Настоящему художнику незачем об этом заботиться...» (*Пришвин, 1969, с. 98*).

Различают три вида символов: условные, случайные и универсальные (*Фромм, 1992, с. 186—187*). Условные символы характеризуют устоявшуюся связь между знаком и обозначаемым, которая является однако чисто конвенциональной, то есть не основанной на каком-то реальном их подобии. Так, по Фромму, слова символизируют обозначаемые ими предметы. Случайные символы основаны на запечатлении какой-то условной связи. Так, место, где с нами случилась какая-то неприятность, символизирует для нас саму эту неприятность. Наконец, универсальный символ — это ус-

⁴ См., например: *Блок В.Б.* Цит. раб. С. 140—141; *Леви-Стросс К.* Из книги «Мифологические. 1. Сырое и вареное» // Семиотика и искусствометрия. М., 1972. С. 34—40; *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М., 1974; *Руубер Г.* О закономерностях художественного визуального восприятия. Таллинн, 1985; *Журавлев А.П.* Фонетическое значение. Л., 1974.

тойчивый символ, основанный на внутренней связи. Так, огонь символизирует активную энергию, а скала — несокрушимость. В искусстве используются символы всех трех видов, хотя универсальные, безусловно, доминируют. Более того, искусство обладает способностью превращать случайные символы в условные и универсальные. Так, именно благодаря полотну Пикассо, Герника стала символом разрушений, которые несет война. Тому же художнику мы обязаны превращением голубя в символ мира; этот символ можно было бы считать универсальным, однако знаменитый этолог К.Лоренц опровергает миф о миролюбии голубей, поэтому здесь мы имеем дело с условным символом.

7. Архетипика. Еще более обобщенные смысловые инварианты фиксируются в используемых автором архетипических структурах, мифах или «схематизмах сознания» (*Мамардашвили, Соловьев, Швырев*, 1972), релевантных уже не образам отдельных объектов или явлений, а строению мира художественного произведения как целого. Обладая имманентными «формообразующими закономерностями» и исторически восходя к самым истокам культуры, к мифологической картине мира, эти схематизмы служат инвариантной «формой осмысления и переосмысления человеком событий и обстоятельств его жизни, а, значит, и культурно-заданной формой индивидуального переживания» (*Василюк*, 1984, с. 180). Строя свое произведение на тех или иных культурных схематизмах или ломая их, автор тем самым направляет процессы осмысления зрителем или читателем содержания произведения. Так, новозаветная архетипика лежит в основе романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита», а архетипика русского национального фольклора пронизывает такие фильмы С.Овчарова как «Небывальщина» и «Левша». Существует множество исследований связей произведений художественной литературы с мифологией как их архетипической основой. Архетипическая основа вписывает содержание произведения в совершенно определенный социокультурный контекст, направляя тем самым процессы осмысления в конкретное русло.

8. Архитектоника. Еще одним носителем смыслового содержания в художественном произведении может выступать его общая композиция, архитектоника, например, такие моменты, как законченность или незавершенность, открытость сюжетной линии, такие специфические приемы, как, например, разветвление вариантов развития сюжета в фильме Э.Рязанова «Забытая мелодия для флейты» и т.п.

В заключение отметим, что носителями смыслов все перечисленные структуры выступают лишь в отношении к конкретному воплощенному в них содержанию, вне которого они лишены какого бы то ни было смыслового содержания.

Сказанное позволяет вернуться к исходному вопросу: что искусство дает личности. Теперь его можно переформулировать так: что дают личности смыслы, содержащиеся в произведениях искусства. Пока мы говорим лишь об идеальной ситуации, когда искусство действительно полноценно реализует свою психологическую функцию, свое назначение, абстрагируясь от иных, количественно преобладающих возможных исходов взаимодействия личности с художественным произведением.

Близкой к истине представляется точка зрения А.Натеева, усматривающего назначение искусства «в непосредственном и непринужденном усовершенствовании единого мироотношения индивида» (Натеев, 1966, с. 202). В чем, однако, может заключаться это усовершенствование? По каким параметрам вообще можно сравнить два разных мироощущения и определить, какое из них лучше, совершеннее? Объективный критерий, видимо, может быть только один — богатство, разносторонность, многогранность мироощущения, возможность осмыслить одни и те же явления под разными углами зрения. В этом заключается то «усовершенствование», о котором идет речь.

В.Ф.Петренко (1990; 1997 *а*) выделяет три типа речевого воздействия (это различение может быть распространено и на эффекты воздействия искусства, не сводящегося к речевому). Первый тип — изменение отношения субъекта к некоему объекту; второй тип — формирование общего эмоционального настроя, который может влиять на актуализацию тех или иных координат категориальной структуры индивидуального сознания, и третий тип — перестройка этой категориальной структуры, введение в нее новых измерений. Соотнося это различение с нашим анализом воздействия искусства на личность, можно заметить, что первый и второй типы воздействия, как правило, имеют место в ситуации восприятия искусства, однако не специфичны для него — обыкновенная реклама или «массовая культура», точнее, та ее часть, для обозначения которой ниже вводится понятие «квазиискусство», оказывают весьма эффективное воздействие именно по первому и второму типу. Третий же тип воздействия специфичен для истинного искусства, взаимодействие с которым (когда оно оказывается полноценным) приводит к формированию новых личностных конструктов, в которых субъект воспринимает действительность. Последнее положение нашло экспериментальное подтверждение в исследовании В.Ф.Петренко и А.Е.Пронина (1990), в котором было выявлено изменение семантического пространства читателей после чтения рассказа Л.Бежина «Мастер дизайна», причем характер изменения был содержательно связан с экспериментально выделенным художественным конструктом, лежащим в основе рассказа.

Возможны, в свою очередь, два пути изменения категориальной структуры осмысления человеком действительности — путь углубления через дифференциацию и путь расширения через альтернативность. Я могу встретиться либо (в первом случае) с более глубоким осмыслением, которое включает в себя мое, но идет дальше, к более широким жизненным контекстам и системам причинно-следственных связей, либо (во втором случае) просто с иным осмыслением, которое помещает фрагмент действительности (предмет, событие, поступок) в иной смыслообразующий контекст, который мне не приходил в голову. Если у меня есть внутренняя готовность воспринять иной взгляд на вещи, иную действительность, созданную в художественном произведении, если у меня есть базовая установка на принятие альтернативности (*de Beaugrande*, 1987), то мое мировосприятие претерпевает изменения. Столкновение с искусством, с иным миром как бы расшатывает смысловые стереотипы, позволяет увидеть в конечном счете одни и те же вещи одновременно с разных точек зрения, стереоскопично, увидеть в одном — разное. Более того, есть данные, говорящие о том, что чем больше разных точек зрения находит отражение в художественном произведении, тем сильнее эффект его воздействия, и тем больше у него шансов сохраниться в истории культуры (*Белянин*, 1990).

Тем самым произведения искусства служат для передачи специфического опыта человеческой жизнедеятельности, который несводим к познавательной информации. Это опыт осмысления одних и тех же вещей с разных точек зрения, исходя из разных смысловых перспектив, позволяющий по-новому увидеть то, что, казалось бы, давно известно и очевидно. «Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание», — писал В.Шкловский (1983, с. 15). Именно это отличает подлинное искусство от коммерческого квазиискусства; подробнее об этом пойдет речь ниже. Создавая «новое ценностное отношение к тому, что уже стало действительностью для познания и поступка» (*Бахтин*, 1975, с. 30—31), искусство как бы расшатывает смысловые стереотипы, позволяет видеть в конечном счете одни и те же вещи одновременно с разных точек зрения, стереоскопично, видеть в одном разное. «Искусство дает мне возможность вместо одной пережить несколько жизней и этим обогатить опыт моей действительной жизни, изнутри приобщаться к иной жизни ради нее самой, ради ее жизненной значимости» (*Бахтин*, 1979, с. 72).

И здесь мы опять выходим на «жизнь» как завершающее звено в приведенной выше схеме процесса функционирования искусства Л.Жабицкой. Искусство не только не отрывает, не уводит человека от реальной жизни, но скорее наоборот, приближает его к ней. Это-

му есть экспериментальные свидетельства: так, например, обнаружено, что читатели, обращающие основное внимание на стержневую идею произведения, демонстрируют по данным другого теста существенно большую дифференцированность и богатство характеристик при описании и классификации изображенных на рисунках жизненных ситуаций, чем читатели, ориентирующиеся преимущественно на фабульную сторону произведения, то есть первые воспринимают жизнь менее схематично, более разносторонне (*Леонтьев Д.А., Харчевин, 1989*).

Таким образом, искусство в жизни человека выполняет сугубо утилитарную, приспособительную функцию и играет благодаря ей очень важную роль в организации нашей жизни. Обогащаясь смысловым опытом в процессе общения с искусством, человек формирует у себя новые формы отношения к действительности. В отличие от критических жизненных ситуаций, где новые формы отношения возникают в результате болезненной перестройки под давлением жизненных императивов, в ситуации взаимодействия с искусством эти изменения происходят «непринужденно» (А.Натев), как бы заранее обеспечивая человека опытом и средствами осмысления, переживания и преодоления будущих жизненных ситуаций, когда они наступят. «Искусство есть... организация нашего поведения на будущее, установка вперед, требование, которое, может быть никогда и не будет осуществлено, но которое заставляет нас стремиться поверх нашей жизни к тому, что лежит за ней» (*Выготский, 1968, с. 322*).

5.7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ГЛАВЕ 5

В этой заключительной главе мы вышли за пределы общепсихологического анализа проблемы смысла и обратились к тем переходам и трансформациям, которые претерпевает смысловая реальность в своих межличностных и внеличностных формах существования. Предпосылками такого анализа послужило, во-первых, постулирование феноменов коллективной ментальности, и, во-вторых, основной тезис неклассической психологии о существовании психологических образований в «теле» культуры. Эти предпосылки были рассмотрены нами в разделе 5.1.

Три следующих раздела посвящены детальному рассмотрению трех основных форм взаимодействия индивидуальных смысловых миров. Первый из них — межличностная коммуникация, проявляю-

щаяся в феномене понимания на уровне общих значений. Это взаимодействие не влечет за собой изменения смыслов; оно входит как составной компонент в две другие формы взаимодействия. Второй формой является взаимодействие со-субъектов в совместной деятельности, в том числе в межличностном общении, имеющем структуру совместной деятельности. В этом взаимодействии происходит формирование общего смыслового фонда или общего смыслового поля; происходит трансформация смыслов партнеров в направлении их сближения. Наконец, третьей, наиболее сложной (что связано с ее психотехнической природой) формой взаимодействия смыслов является процесс направленной трансляции смысла массовой аудитории. В разделе были рассмотрены несколько социальных практик такой трансляции — от наиболее персонализированных (профессиональное обучение и лекционная пропаганда) до деперсонализированных (реклама). Во всех трех случаях взаимодействие смыслов, как было показано в работе, осуществляется на основе общего бытийного контекста, без которого ни одна из трех форм взаимодействия не может произойти.

В двух последних разделах главы затронуты формы и закономерности существования смыслов в культуре и искусстве. Анализ, выполненный нами в этих двух разделах, носит междисциплинарный характер. В них было, в частности, показано, что смыслы сохраняются и транслируются в формах культуры и искусства. Культурные смыслы, усваиваемые индивидом, во-первых, несут в себе культурные образцы поведения, и, во-вторых, создают возможность экзистенциального самоопределения человека, выступая духовной опорой этого процесса. Психологическая функция искусства носит более специфический характер; она состоит в развитии более многостороннего, объемного и полноценного осмысления разных сторон и аспектов действительности. В этих разделах были рассмотрены некоторые вопросы, касающиеся, во-первых, экстерииоризации (опредмечивания, воплощения) индивидуальных смысловых содержаний в артефактах культуры и произведениях искусства, во-вторых, форм и закономерностей существования смыслов в этих экстерииоризованных (воплощенных) формах, и, в-третьих, усвоения или восприятия (опредмечивания, раскрытия) этих смыслов. Принцип бытийного опосредования смысловых трансформаций, как было показано, сохраняет свою силу и применительно к внеличностным формам смысловой реальности и процессам смысловой динамики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЧТО ЗА СМЫСЛОМ?

Приступая без малого двадцать лет назад к работе, обобщением которой является данная книга, мы интуитивно ощущали за разнообразными смысловыми феноменами, описанными разными авторами и отраженными во множестве частных, нередко противоречащих друг другу концепций, проявление единой системы закономерностей и психологических механизмов функционирования смысловой реальности. Поставив цель построения единой системной концепции смысловой реальности, мы постепенно, шаг за шагом, двигались к ее осуществлению. Эта задача предполагала как активное использование и переосмысление того, что было наработано по этой проблеме в отечественной и мировой психологии, так и новые теоретические и экспериментальные исследования, заполняющие пробелы в имеющихся психологических представлениях о смысле. При этом подразумевалось, что элементы, использованные нами в построении концепции, будучи включены в новое системное образование, приобретут в нем новые свойства, повернутся новыми гранями, раскроют свои новые возможности.

Не дело самого автора судить, насколько успешно удалось это осуществить; во всяком случае, те итоги работы, которые представлены в данной книге, достаточно близки к нашему исходному замыслу. Безусловно, рано ставить точку и «закрывать тему»; вместе с тем, как нам кажется, в работе удалось достичь той степени объемности рассмотрения проблемы смысла, которая выводит это понятие на качественно новый категориальный уровень.

Для того, чтобы увидеть понятие смысла в новом ракурсе, обоснованию и раскрытию которого и была посвящена данная работа, понадобилось выйти за пределы изолированного индивида, единичной деятельности, замкнутого в себе сознания, самодостаточной личности и обратиться к нетрадиционным для психологии понятиям жизненного мира и жизненных отношений, без которых понять природу смысловой реальности оказалось невозможно. ***Смысл объектов и явлений действительности является, по сути, системным качеством, которое они приобретают в контексте жизненного мира***

субъекта. Обращение к онтологии жизненного мира, выход в пространство отношений субъекта с миром позволяет обнаружить новый методологический статус понятия смысла как центрального понятия неклассической психологии, позволяющего преодолеть бинарные оппозиции аффекта и интеллекта, внутреннего и внешнего мира, глубинных и вершинных механизмов, сознания и бессознательного. Предложенный в работе новый методологический подход к проблеме смысла позволяет разрешить видимые противоречия между разными его определениями, увидев его как единство трех аспектов, включенное в три разных системы отношений: онтологического аспекта, задаваемого динамикой жизненных отношений субъекта с миром, феноменологического аспекта, задаваемого динамикой процессов презентации в образе мира субъекта смыслов значимых объектов и явлений, и деятельностного аспекта, задаваемого динамикой психологических процессов личностной регуляции жизнедеятельности.

Следствием признания многомерности феномена смысла стала замена понятия смысла, создающего у исследователя иллюзию дискретности, единичности и однозначности, континуальным понятием смысловой реальности. Можно говорить также о **«смысловой ткани» жизнедеятельности**, по аналогии с такими понятиями как «чувственная ткань» (Леонтьев А.Н., 1977), «биодинамическая ткань» (Зинченко, Моргунов, 1994), «эмоциональная ткань» (Дорфман, 1997). **Смысловая реальность проявляет себя во множестве разнообразных форм (в том числе превращенных форм), связанных сложными отношениями и взаимопереходами и включенных в общую динамику.** Каждая из форм проявления смысловой реальности характеризуется тремя названными выше аспектами, причем онтологический аспект — характеристика самих жизненных отношений, порождающих психологические феномены, но не входящих в их круг — является общей связующей основой разных смысловых структур и механизмов. Таким образом, **выход в онтологический план анализа является необходимой предпосылкой адекватного понимания любого отдельно взятого смыслового феномена как элемента единой системно организованной смысловой реальности, а также его эмпирического исследования и воздействия на смысловую сферу.** Это положение формулируется нами как **принцип бытийного опосредования смысловых феноменов и процессов.** В работе получила развернутое описание на конкретно-психологическом уровне как синхроническая (структурно-функциональная), так и диахроническая (развернутая во временной динамике) организация смысловой реальности.

На уровне исследовательской методологии и методов психологического изучения смысловой реальности и воздействия на нее

разработанные нами теоретические положения нашли воплощение а) в формулировании общих методологических принципов изучения смысловой реальности — принципа бытийного опосредования и принципа дополнительности; б) в анализе и обосновании условий использования разных неспецифических методических подходов к изучению смысловой реальности; в) в разработке новых исследовательских и диагностических методик (тест смысложизненных ориентации, методика предельных смыслов, методика ценностного спектра); г) в разработке методологических основ и общей концептуальной схемы смыслотехники — методологии воздействия на смысловую сферу и смысловой саморегуляции, — а также некоторых конкретных смыслотехнических процедур, в частности, тренинга смыслового выбора. Разработанные подходы нашли практическое применение в таких прикладных областях как психодиагностика, судебно-психологическая экспертиза, психология рекламы.

Одним из наиболее существенных теоретических результатов работы нам видится обоснование смысловой регуляции жизнедеятельности как основополагающей характеристики человеческого способа существования и как конституирующей функции личности. Несколько упрощая, можно говорить о личности как об органе смысловой регуляции. Таким образом, последовательная разработка категории смысла приводит нас к новому взгляду на личность в целом, что дает основание говорить о *смысловой концепции личности*.

Итак, понятие смысла претендует на объяснение весьма широкого круга явлений и закономерностей. Вспомним, однако, очерченную Л.С.Выготским (1982, с. 302—309) закономерность развития научных идей — от открытия нового факта до выхода исчерпавшей себя идеи «в отставку». Не чревато ли расширение нами сферы приложения понятия смысла как объяснительного принципа выхолащиванием его содержания? Не превратилось ли оно преждевременно, еще не сыграв своей конструктивной роли, в «открытие, раздувшееся до мировоззрения, как лягушка, раздувшаяся в вола» (*там же*, с. 304)? Чтобы избежать этой опасности, необходимо четко ограничить сферу действия смыслового подхода, вписав его в более широкий контекст и обозначив отношения смысловой реальности с другими психологическими реальностями, требующими иных подходов.

Отчасти этому служит мультирегуляторная модель личности, представленная в разделе 2.7. Из этой модели следует, во-первых, разведение плоскости психических и плоскости личностных процессов и механизмов, на что указывал еще А.Н.Леонтьев (1983 *а*), и, во-вторых, понимание смысловой регуляции как одной из по меньшей мере шести систем регуляции человеческой жизнедеятельности. Хотя смысловая регуляция рассматривается как наиболее важная

для понимания личности и, более того, как конституирующая личность как таковую, она не отменяет и не подменяет другие формы и механизмы регуляции, полноценно и адекватно описываемые в терминах более традиционных подходов.

Легко также поддаться искушению принять предложенную в данной книге концепцию за *высший* объяснительный принцип применительно к регуляции деятельности и развитию личности. Действительно, смысловая регуляция специфична для человека, конституирует личность, дает человеку свободу от ситуации, позволяет ему взаимодействовать с миром в целом, осознанна, опосредована... Что еще надо для полного счастья и самоактуализации?

Только одно: объяснение на основе смысловых механизмов в сочетании с более простыми объяснительными логиками при всей своей изощренности не выходит за пределы «постулата сообразности» (*Петровский В.А.*, 1975; 1996), поскольку налицо заданный изначально регуляторный принцип, определяющий иерархическую систему критериев, с которыми сообразуется вся активность субъекта. Есть формы поведения человека, которые не поддаются смысловому объяснению. Это и описанные В.А.Петровским (*там же*) феномены неадаптивной активности, и сконструированная Ф.Е.Василиюком (1984) ситуация ценностного выбора, когда оказывается невозможным сравнить альтернативы в единой системе координат, как это происходит в более простых случаях (*Леонтьев Д.А.*, *Пилипко*, 1995).

С этой невозможностью нам пришлось столкнуться эмпирически. В процессе разработки методики ценностного спектра мы пробовали предъявлять список бытийных ценностей А.Маслоу (1999) с инструкцией их прямого ранжирования по степени значимости, как это делается в широко известной методике изучения ценностных ориентации по М.Рокичу (см. *Леонтьев Д.А.*, 1992 г). Оказалось, что испытуемые (студенты Литературного института) не в состоянии выполнить это задание и отказываются ранжировать бытийные ценности. Таким образом, если принять положение А.Маслоу (1999) о бытийных ценностях как основных мотивах людей, достигших в своем развитии уровня Бытия, мы видим, что эти ценности принципиально неиерархичны, то есть не могут быть сопоставлены и ранжированы по степени значимости. В свою очередь, только такая невозможность и создает предпосылку для истинно свободного выбора, поскольку любая предзаданная иерархия побуждений (в том числе смысловая) отрицает свободу (*Василиюк*, 1984).

Итак, человек (хотя, безусловно, не всякий человек) способен, по-видимому, трансцендировать и смысловую регуляцию, выйдя на еще более высокий уровень регуляции отношений с миром, харак-

теризующийся неадаптивностью и неиерархичностью побуждений. В мультирегуляторной модели (раздел 2.7.) этот уровень связывается с логикой свободного выбора. Если концепция смысловой регуляции, основанной на логике жизненной необходимости, описывает целостную детерминацию жизнедеятельности личности ее жизненным миром на языке смыслов, то концепция регуляции более высокого уровня, основанной на логике свободного выбора, должна описывать *самодетерминацию личности* на языке взаимодействия механизмов свободы и ответственности. Эта экзистенциальная концепция еще не разработана; работа над ней только началась (Леонтьев ДА., 1993; 2000; Калитеевская, 1997). Вместе с тем только с ее помощью можно будет понять такие процессы как, скажем, целенаправленная перестройка личностью своих отношений с миром, своих смыслов.

Вызов психологии личности брошен также «психологической топологией пути» М.К.Мамардашвили (1995), значение которой невозможно переоценить. М.К.Мамардашвили вскрывает целый пласт «антропологической феноменологии», как это можно было бы назвать; при этом он характеризует эти феномены как ничем не детерминированные в традиционном понимании этого слова, констатируя необходимость сознательного «усилия» для их порождения и «удержания», усилия, которым мир, еще не сотворенный, творится ежедневно и ежеминутно. То, что называют психологической наукой, замечает он, не имеет отношения к реальной психологии людей, а такое явление как личность «вообще не находит в психологии места» (с. 127). Этот вызов, пожалуй, наиболее ярко и полно выражает сегодняшнюю «модель потребного будущего» и «модель должного» и задает новые ориентиры для неклассической психологии личности: ***от жизнедеятельности к житиетворчеству, от смысловой регуляции к регулированию смыслов, от психологии «изменяющейся личности в изменяющемся мире» — к психологии личности, творящей и изменяющей себя и свой жизненный мир.***

ЛИТЕРАТУРА

Абишев К. Человек. Индивид. Личность. Алма-Ата: Казахстан, 1978. — 168 с.

Абрамова З.А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л.: Наука, 1966. — 223 с.

Александрова Ю.В. Нравственное переживание как путь преодоления «раскола» смысла жизни // Психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни / Под ред. В.Э.Чудновского, А.А.Бодалева, Н.Л.Карповой. М: Психологич. ин-т РАО, 1997. С. 140—144.

Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. — 400 с.

Андреева Г.М. К построению теоретической схемы исследования социальной перцепции // Вопр. психол. 1977. № 2. С. 3—14.

Андреева Г.М. К проблематике психологии социального познания // Мир психологии. 1999. № 3 (19). С. 15—23.

Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. М.: Наука, 1991. - 248 с.

Анциферова Л.И. Некоторые теоретические проблемы психологии личности // Вопр. психол. 1978. №1. С. 37-50.

Анциферова Л.И. Личность с позиций динамического подхода // Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь / Отв. ред. Б.Ф.Ломов, К.А.Абульханова-Славская. М.: Наука, 1990. С. 7-17.

Анциферова Л.И. Психологическая опосредованность социальных воздействий на личность, ее развитие и формирование // Психологические исследования социального развития личности / Отв. ред. И.А.Джидарьян. М.: ИП АН СССР, 1991. С. 5-38.

Апресян Р.Г. Когнитивный аспект функционирования эмоций и интеллекта в нравственности // Рациональное и эмоциональное в морали / Под ред. А.И.Титаренко, Е.Л.Дубко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 6—26.

Арагон Л. Надо называть вещи своими именами // Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX в. М.: Прогресс, 1986. С. 119—128.

Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. - 128 с.

Артемяева Е.Ю. Психология субъективной семантики: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1986. - 498 с.

Артемяева Е.Ю. Психология субъективной семантики: Автореф. дис.... д-ра психол. наук. М., 1987. — 32 с.

Артемяева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Смысл, 1999. - 352 с.

Арутюнян Э.А. Микросреда и трансформация общественных ценностей в ценностную ориентацию личности // Образ жизни и ценностные ориентации личности. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1979. С. 49—61.

Асеев В.Г. Мотивация поведения в ситуации ожидания события // Тезисы научных сообщений советских психологов к XXII Международному психологическому конгрессу. Ч. II. М.: Наука, 1981. С. 316—317.

Асеев В.Г. Личностная значимость и вероятность событий // Проблемы психологии личности: советско-финский симпозиум / Отв. ред. Е.В.Шорохова, О.И.Зотова. М.: Наука, 1982. С. 236-243.

Асеев В.Г. Личность и значимость побуждений. М.: ИП РАН, 1993. - 224 с.

Асмолов А.Г. О месте установки в структуре деятельности: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1976. — 24 с.

Асмолов А.Г. Деятельность и уровни установок // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1977 а. № 1. С. 3-12.

Асмолов А.Г. Проблема установки в необихевиоризме: прошлое и настоящее // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека / Под ред. И.М.Фейгенберга, Г.Е.Журавлева. М.: Наука, 1977 б. С. 60—111.

Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. - 150 с.

Асмолов А.Г. Основные принципы психологического анализа в теории деятельности // Вопр. психол. 1982. № 2. С. 14—27.

Асмолов А.Г. О предмете психологии личности // Вопр. психол. 1983. №3. С. 118-125.

Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 104 с.

Асмолов А.Г. Психология индивидуальности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. - 96 с.

Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. - 336 с.

Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Ин-т практической психол.; Воронеж: МОДЭК, 1996 а. - 768 с.

Асмолов А.Г. Историко-эволюционный подход в психологии личности: Дис.... д-ра психол. наук. М., 1996 б. — 141 с.

Асмолов А.Г., Братусь Б.С., Зейгарник Б.В., Петровский В.А., Субботский Е.В., Хараиш А.У., Цветкова Л.С. О некоторых перспективах исследований смысловых образований личности // Вопр. психол. 1979. № 3. С. 35-45.

Асмолов А.Г., Насиновская Е.Е., Васина Е.З. Принципы исследования смысловых образований личности // Развитие эргономики в системе дизайна: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Боржоми, 1979. С. 219-224.

Асмолов А.Г., Петровский В.А. О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // Вопр. психол. 1978. № 1. С. 70—80.

Асмус В.Ф. Чтение как труд и творчество // Вопр. лит. 1961. № 2. С. 36-46.

Бадхен А. Психотерапия и духовные традиции // Бадхен А., Каган В. Новая психология и духовное измерение. СПб.: Институт ГАРМОНИЯ, 1995. С. 47-72.

Бажин Е.Ф. Влияние личностного фактора на процессы слухового восприятия // Клинико-психологические исследования личности: материалы симпозиума / Под ред. В.Н.Мясищева, Б.Д.Карвасарского, И.М.Тонконового. Л., 1971. С. 79-83.

Бажин Е.Ф., Гольнкина Е.А., Эткинд А.М. Опросник уровня субъективного контроля. М.: Смысл, 1993. — 16 с.

Базылев Б.П. К вопросу о соотношении значения и смысла в ораторской речи // Общение: теоретические и прагматические проблемы / Ред. Е.Ф.Тарасов, Ю.А.Сорокин, Н.В.Уфимцева. М., 1978. С. 11-19.

Васина Е.З. Идентификация с другими как механизм формирования смысловой сферы личности: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1986. - 23 с.

Бассин Ф.В. Проблема бессознательного. М.: Медицина, 1968. — 486 с.

Бассин Ф.В. О развитии взглядов на предмет психологии // Вопр. психол. 1971. №4. С. 101-113.

Бассин Ф.В. К развитию проблемы значения и смысла // Вопр. психол. 1973. № 6. С. 13-24.

Бассин Ф.В. У пределов распознанного: к проблеме предречевой формы мышления // Бессознательное: природа, функции, методы исследования / Под ред. А.С.Прангишвили, А.Е.Шерозия, Ф.В.Бассина. Тбилиси: Мецниереба, 1978. Т. 3. С. 735-750.

Боткин Л.М. Культура всегда накануне себя // Красная книга культуры/Сост. В.Рабинович. М.: Искусство, 1989. С. 117—130.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. — 504 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. — 423 с.

Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984—1985. М.: Наука, 1986 а. С. 80—160.

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986 б. — 543 с.

Бахтин М.М. Работы 1940-х — начала 1960-х гг. // Собрание сочинений: В 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. — 731 с.

Безменова И.К., Гулевич О.А. Аттитюды и их взаимосвязь с поведением. М.: РПО, 1999. - 144 с.

Белобородое А.Г. Образ права как смысловой уровень правового сознания и его особенности у преступников: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1999. - 24 с.

Белоусова А.К. Общение в совместной мыслительной деятельности: теоретический анализ проблемы // *Личность в деятельности и общении* / Отв. ред. В.А.Лабунская, А.К.Белоусова. Ростов-на-Дону: Гефест, 1997. С. 61-84.

Белянин В.П. Библиопсихологический аспект оптимизации функционирования художественного текста // *Оптимизация речевого воздействия* / Отв. ред. Р.Г.Котов. М.: Наука, 1990. С. 169-180.

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Прогресс, 1988. - 400 с.

Бернштейн Н.А. О построении движений. М.: Медгиз, 1947. — 256 с.

Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966. — 349 с.

Берток Н.М. Жизненные стереотипы больных истерией как особая форма нарушения саморегуляции: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1988. - 25 с.

Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. — 413 с.

Библер В. О культуре, об ее доминанте и еще — о цивилизации // *Здесь и теперь*. 1992. № 1. С. 118-131.

Бибрих Р.Р. Исследование видов целеобразования. Кишинев: Штиинца, 1987. - 131 с.

Бодалев А.А. Восприятие человека человеком. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. - 123 с.

Бодалев А.А. Формирование понятия о другом человеке как личности. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. — 135 с.

Божович Л.И. Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1995. — 209 с.

Болтенко ВВ. Изменение личности у престарелых, проживающих в домах-интернатах: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1980. — 21 с.

Болтенко В.В. Патопсихологическое исследование студентов, больных шизофренией // *Патопсихология: Хрестоматия* / Сост. Н.Л.Белопольская. М.: Изд-во УРАО, 1998. С. 204-209.

Большунов А.Я. Соотношение целеобразования и смыслообразования в продуктивной мыслительной деятельности: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1985. -24 с.

Борисов Е. «Явление и смысл» Г.Шпета в контексте развития феноменологии Гуссерля // *Шпет Г. Явление и смысл: феноменология как основная наука и ее проблемы*. Томск: Водолей, 1996. С. 183—191.

Братусь Б. С. Один из возможных подходов к проблеме патологии личности // *Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С.Корсакова*. Вып. 6. 1971. Т.71. С. 851-854.

Братусь Б. С. Психологический анализ изменений личности при алкоголизме. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. — 96 с.

Братусь Б. С. К изучению смысловой сферы личности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1981. № 2. С. 46—56.

Братусь Б. С. Общепсихологическая теория деятельности и проблема единиц анализа личности // А.Н.Леонтьев и современная психология / Под ред. А.В.Запорожца и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 212—219.

Братусь Б. С. Нравственное сознание личности: психологическое исследование. М.: Знание, 1985. — 64 с.

Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. — 304 с.

Братусь Б. С. Психология. Нравственность. Культура. М.: Менеджер; Роспедагентство, 1994. — 60 с.

Братусь Б. С. Личностные смыслы по А.Н.Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н.Леонтьева / Под ред. А.Е.Войсунского, А.Н.Ждан, О.К.Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 284-298.

Братусь Б. С., Сидоров П. И. Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 145 с.

Бреслав Г. М. Система эмоциональной регуляции деятельности в процессе целеобразования // Психологические механизмы целеобразования / Отв. ред. О.К.Тихомиров. М.: Наука, 1977. С. 95—109.

Брехт Б. Об экспериментальном театре // Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М.: Прогресс, 1986. С. 331-344.

Брожек В. Марксистская теория оценки. М.: Прогресс, 1982. — 261 с.

Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998. — 335 с.

Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977. — 412 с.

Брушлинский А. В. Мышление как процесс и проблема деятельности // Вопр. психол. 1982. № 2. С. 28-40.

Вайзер Т. А. Смысл жизни и возраст // Психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни / Под ред. В.Э.Чудновского, А.А.Бодалева, Н.Л.Карповой. М.: Психол. ин-т РАО, 1997. С. 91 — 110.

Васильев И. А. Соотношение процессов целеобразования и интеллектуальных эмоций в ходе решения мыслительных задач // Психологические механизмы целеобразования / Отв. ред. О.К.Тихомиров. М.: Наука, 1977. С. 68-95.

Васильев И. А. К анализу условий возникновения интеллектуальных эмоций // Психологические исследования интеллектуальной деятельности / Под ред. О.К.Тихомирова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 55—62.

Васильев И. А. Роль интеллектуальных эмоций в регуляции мыслительной деятельности // Психол. журн. 1998. № 4. Т. 19. С. 49—60.

Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О. К. Эмоции и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 192 с.

Васильева Ю. А. Особенности смысловой сферы личности у лиц с нарушениями социальной регуляции поведения: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1995. - 110 с.

Васильева Ю.А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психол. журн. 1997. № 2. Т. 18. С. 58-78.

Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. - 200 с.

Василюк Ф.Е. К проблеме единства общепсихологической теории // Вопр. филос. 1986. № 10. С. 76-86.

Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопр. психол. 1993. № 5. С. 5—19.

Вахеметса А.Л., Плотников С.Н. Человек и искусство. М.: Мысль, 1963.-196 с.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. — 805 с.

Ведин И.Ф. Бытие человека: деятельность и смысл. Рига: Зинатне, 1987. - 212 с.

Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. - 685 с.

Великовский С. В поисках утраченного смысла: очерки литературы трагического гуманизма во Франции. М.: Худ. лит., 1979. — 295 с.

Великовский С. Умозрение и словесность: очерки французской культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. — 711 с.

Величковский Б.М., Блинникова И.В., Лапин Е.А. Представление реального и воображаемого пространства // Вопр. психол. 1986. № 3. С. 103-112.

Визгина А.В. Роль внутреннего диалога в самосознании личности: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1987. — 20 с.

Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 142 с.

Вилюнас В.К. Теория деятельности и проблемы мотивации // А.Н.Леонтьев и современная психология / Под ред. А.В.Запорожца и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 191—200.

Вилюнас В.К. Психологические механизмы биологической мотивации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. — 208 с.

Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. — 285 с.

Виноградов Ю.Е., Долбнев Д.Н., Стеклов Ю.В. Роль эмоциональных механизмов в процессе целеобразования // Психологические механизмы целеобразования / Отв. ред. О.К.Тихомиров. М.: Наука, 1977. С. 51-67.

Волков Б. С. Мотивы преступлений. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1982. 152 с.

Володин Е.Ф. Искусство и мировоззрение. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. - 174 с.

Волошина Л.А. Генезис агрессивно-насильственных преступлений // Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование / Под ред. А.В.Ратинова и др. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. С. 15—40.

Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Бахтин под маской. Вып. 5 (1). Статьи Круга Бахтина / Под ред. И.В.Пешкова. М.: Лабиринт, 1996. С. 60-87.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. — XXXV, 324 с.

Выготский Л. С. Психология искусства. 2-е изд. М.: Искусство, 1968. - 576 с.

Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. - 487 с.

Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1983 а. Т. 3. - 368 с.

Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1983 б. Т. 5. - 369 с.

Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. - 433 с.

Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. — 479 с.

Вяткина Н.Б. Проблема смысла: семантика и онтология // Понимание как логико-гносеологическая проблема / Отв. ред. М.В.Попович. Киев: Наук, думка, 1982. С. 191-207.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.-700 с.

Газман О. С. Базовая культура и самоопределение личности // Базовая культура личности: теоретические и методологические проблемы / Под ред. О.С.Газмана, Л.И.Романовой. М.: Изд. АПН СССР, 1989. С. 5-11.

Гальперин П.Я. Смысловые схемы поведения, лежащие в основе высшей нервной деятельности // Психология. Вып. III. Тбилиси, 1945. С. 79—99.

Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. - 150 с.

Гальперин П.Я. Психология как объективная наука: Избранные психологические труды. М.: Ин-т практической психол.; Воронеж: МОДЭК, 1998.-480 с.

Ганжин В. Т. Смыслоприобретения и смыслоутраты в культуре и биографии личности (опыт аксиологического анализа проблематики) // Психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни / Под ред. В.Э.Чудновского, А.А.Бодалева, Н.Л.Карповой. М.: Психол. ин-т РАО, 1997. С. 177-184.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.

Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика // Работы разных лет: В 2 т. М.: Мысль, 1971. Т.2. С. 5-209.

Генисаретский О.И. Художественные ценности в структуре образа жизни и окружающей среды // Общие проблемы искусства. Обзорная информация. Вып. 1. М.: ГБЛ, 1985. - 24 с.

Генри О. Фараон и хорал // Избранные произведения: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 217-223.

Гийому Ж., Мальдидье Д. О новых приемах интерпретации или Проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла / Под ред. П.Серио. М: Прогресс, 1999. С. 124-136.

Гилинский Я.И. Девиантное поведение подростков: состояние, проблемы, перспективы // Бюллетень защиты прав ребенка. СПб., 1994. С. 7—12.

Гинзбург М.Р. Познавательная мотивация и развитие личности // Психология личности: теория и эксперимент / Отв. ред. В.В.Давыдов. М.: Изд-во АПП СССР, 1982. С. 11-20.

Глоzman Ж.М. Личность и нарушения общения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. - 151 с.

Гозман Л.Я., Кроз М.В. Измерение уровня самоактуализации личности // Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.С. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 91-114.

Голицын Г.А., Петров В.М. Информация — поведение — творчество. М.: Наука, 1991. -223 с.

Головаха Е.И. Структура групповой деятельности: социально-психологический анализ. Киев: Наук, думка, 1979. — 138 с.

Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наук, думка, 1984. — 207 с.

Горбатенко Г.М. Межличностные отношения и профессиональные намерения старшеклассников // Вопр. психол. 1988. № 2. С. 138—142.

Горелов И., Енгальцев В. Безмолвный мысли знак: рассказы о невербальной коммуникации. М.: Мол. гвардия, 1991. — 240 с.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1997. - 221 с.

Григолава В.В. Установка Д.Н.Узнадзе и аттитюд // Д.Н.Узнадзе — классик советской психологии: психологические исследования, посвященные 100-летию со дня рождения Д.Н.Узнадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1986. С. 90-100.

Гульдан В.В. Мотивация преступного поведения психопатических личностей // Криминальная мотивация / Отв. ред. В.Н.Кудрявцев. М.: Наука, 1986. С. 189-250.

Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии: философско-гносеологический анализ. М.: Политиздат, 1985. — 192 с.

Гуссерль Э. Парижские доклады (1929) // Логос. Вып. 2. 1991 а. С. 6—30.

Гуссерль Э. Феноменология: статья в Британской энциклопедии (1939) // Логос. Вып. 1. 1991 б. С. 12-21.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии (1913). М.: Лабиринт, 1994 а. — 110 с.

Гуссерль Э. Амстердамские доклады II // Логос. Вып. 5. М., 1994 б. С. 7—24.

Гуссерль Э. Картезианские размышления (1931). СПб.: Наука; Ювента, 1998. -315 с.

Давыдов В.В. Категория деятельности и психического отражения в теории АНЛеонтьева // Вести. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1979. № 4. С. 25—41.

Давыдов В.В. Значение творчества Л.С.Выготского для современной психологии // Сов. педагогика. 1982. № 6. С. 84—87.

Даммит М. Что такое теория значения? // Философия. Логика. Язык / Под ред. Д.П.Горского и В.В.Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 127—212.

Дергачева Л.А., Шахнарович А.М. Слово и образ в речемыслительной деятельности (к проблеме взаимосвязи) // Виды и функции речевой деятельности / Под ред. Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова, Н.В.Уфимцевой, А.М.Шахнаровича. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1977. С. 205—219.

Дёрнер Д. Логика неудачи: стратегическое мышление в сложных ситуациях. М.: Смысл, 1997. — 256 с.

Дерябо С, Ясвин В. Гроссмейстер общения: иллюстрированный самоучитель психологического мастерства. М.: Смысл; Академия, 1995. — 192 с.

Джакупов СМ. Целеобразование в совместной деятельности: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1985. — 22 с.

Дилигенский Г.Г. Проблемы теории человеческих потребностей: статья первая // Вопр. филос. 1976. № 9. С. 30-43.

Дилигенский Г.Г. Проблемы теории человеческих потребностей: статья вторая // Вопр. филос. 1977. № 2. С. 111-123.

Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994. - 304 с.

Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 213—255.

Дмитриев А.Н. Философский анализ проблемы бессознательного. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. — 186 с.

Дмитриев СВ., Кузнецов СВ., Семенов И.Н. Психосемантические аспекты теории проектирования и построения двигательных действий спортсменов. Нижний Новгород: НГПИ, 1992. — 81 с.

Дмитриев СВ., Скитневский В.Л. Ценностно-смысловое проектирование двигательных действий спортсмена // Проблемы интеграции естественно-научного и гуманитарного знания в теории деятельности и двигательных действий / Отв. ред. С.В.Дмитриев. Нижний Новгород: НГПУ, 1997. С. 78-93.

Дмитриева Н.А. Опыты самопознания // Образ человека и индивидуальность художника в западном искусстве XX в. М.: Наука, 1984. С. 6—50.

Дмитриева М.В. Мотивационные установки личности в ситуации потери работы: Автореф. дис.... канд. психол. наук. СПб., 1999. — 16 с.

Добрицына И.А. К постановке в дизайне проблемы обеспечения ориентации в среде современного города // Дизайн городской среды: типологические аспекты (Труды ВНИИТЭ. Сер. Техническая эстетика. Вып. 44). М.: ВНИИТЭ ГКНТ СССР, 1984. С. 22-41.

Додонов Б.И. Потребность, отношения и направленность личности // Вопр. психол. 1973. № 5. С. 18-29.

Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. — 272 с.

Донской Д.Д., Дмитриев СВ. Основы антропоцентрической биомеханики (методология, теория, практика). Нижний Новгород: НГПУ, 1993. — 146 с.

Донской Д.Д., Дмитриев С.В. Антропоцентрическая биомеханика: истоки, тенденции и перспективы развития // Проблемы интеграции естественно-научного и гуманитарного знания в теории деятельности и двигательных действий / Отв. ред. С.В.Дмитриев. Нижний Новгород: НГПУ, 1997. С. 58-63.

Донцов А.И. О ценностных отношениях личности // Сов. педагогика. 1974. № 5. С. 67-76.

Донцов А.И. К вопросу о механизмах формирования личности // Психологические исследования. Вып. 5. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 31—41.

Донцов А.И. К проблеме целостности субъекта коллективной деятельности // Вопр. психол. 1979. № 3. С. 25—34.

Донченко Е.А. Социетальная психика. Киев: Наук, думка, 1994. — 208 с.

Дорожеев А.Н. Искажение образа физического Я у больных ожирением и нервной анорексией: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1986. — 19 с.

Дорожеев А.Н. Когнитивные механизмы адаптации к кризисным событиям // Журн. практич. психолога. 1998. № 4. С. 3—17.

Дорфман Л.Я. Способы существования эмоций в человеке и искусстве // Искусство и эмоции. Материалы Международного научного симпозиума / Под ред. Л.Я.Дорфмана, Д.А.Леонтьева, В.М.Петрова, В.А.Созинова. Пермь: Пермский гос. ин-т культуры, 1991. С. 71—86.

Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир. М.: Смысл, 1993. — 456 с.

Дорфман Л.Я. Эмоции в искусстве. М.: Смысл, 1997. — 424 с.

Доценко Е.Л. Механизмы психологической защиты от манипулятивного воздействия: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1994. — 19 с.

Доценко Е.Л. Межличностное общение: семантика и механизмы. Тюмень: ТОГИРРО, 1998. - 202 с.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. — 268 с.

Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артня, 1982. - 560 с.

Ермолаева М.В. Эмоциональные аспекты функциональных состояний в деятельности операторов: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1980. — 20 с.

Ермолаева М.В. Смысловые факторы эмоциональной устойчивости // Компоненты адаптационного процесса / Под ред. В.И.Медведева. Л.: На-ука, 1984. С. 87-100.

Жабицкая Л. Восприятие художественной литературы и личность. Кишинев: Штиинца, 1974. — 134 с.

Жуков Ю.М. Ценности как детерминанты принятия решения. Социально-психологический подход к проблеме // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976. С. 254—277.

Зайцева З.Н. Мартин Хайдеггер: язык и время // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высш. школа, 1991. С. 159—177.

Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. - 430 с.

Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2 т. М.: Педагогика, 1986 а. Т. 1. - 318 с.

Запорожец А.В. Об эмоциях и их развитии у ребенка // Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста / Под ред. А.В.Запорожца, Я.З.Неверович. М.: Педагогика, 1986 б. С. 7—32.

Запорожец А.И., Неверович Я.З. К вопросу о генезисе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребенка // *Вопр. психол.* 1974. № 6. С. 59—73.

Заридзе Т.Г. К экспериментальной критике теории значения Дж.Миллера // *Психология речи и некоторые вопросы психолингвистики* / Под ред. Д.И.Рамишвили, М.А.Сакварелидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1982. Вып. П. С. 148-162.

Зейгарник Б.В. Личность и патология деятельности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. - 100 с.

Зейгарник Б.В. Опосредствование и саморегуляция в норме и патологии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология.* 1981. № 2. С. 9—15.

Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. — 287 с.

Зейгарник Б.В., Братусь Б. С. Очерки по психологии аномального развития личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 157 с.

Зейгарник Б.В., Холмогорова А.Б. Нарушения саморегуляции познавательной деятельности у больных шизофренией // *Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С.Корсакова.* Вып. 12. 1985. Т. 85. С. 1813-1819.

Зейгарник Б.В., Холмогорова А.Б., Мазур Е.С. Саморегуляция поведения в норме и патологии // *Психол. журн.* 1989. № 2. Т. 10. С. 122—132.

Зеньковский В.В. Психология детства. М.: Академия, 1995. — 347 с.

Зимачева Е.М. Способы вербальной презентации образа «Я» и самоотношения субъекта: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1997. — 20 с.

Зимняя И.А. Вербальное мышление (психологический аспект) // *Исследования речевого мышления в психолингвистике* / Отв. ред. Е.Ф.Тарасов. М.: Наука, 1985. С. 72-85.

Зинченко В. П. Установка и деятельность: нужна ли парадигма? // *Бессознательное: природа, функции, методы исследования* / Под общей ред. А.С.Прангишвили, А.Е.Шерозия, Ф.В.Бассина. Тбилиси: Мецниереба, 1978. Т.1. С. 133-146.

Зинченко В.П. Идеи Л.С.Выготского о единицах анализа психики // *Психол. журн.* 1981. № 2. Т. 2. Т. 118-133.

Зинченко В.П. Действие и решение // *Проблемы организации принятия решения (Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика. Вып. 23).* М., ВНИИТЭ ГНТ СССР, 1983 я. С. 3-11.

Зинченко В.П. О предмете психологии личности: обсуждение доклада А.Г.Асмолова // *Вопр. психол.* 1983 б. №3. С.126.

Зинченко В.П. Культура и техника // *Красная книга культуры* / Сост. В.Рабинович. М.: Искусство, 1989. С. 55—69.

Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М.: Новая школа, 1997. — 334 с.

Зинченко В.П. Живое Знание: психологическая педагогика. Ч. 1. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Самарский Дом Печати, 1998. — 296 с.

Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся: очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994. — 303 с.

Зинченко В.П., Мунипов Е.Б. Эргономика и проблемы комплексного подхода к изучению трудовой деятельности // Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика. Вып. 10. М., ВНИИТЭ ГКНТ СССР, 1976. С. 28-59.

Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. — 164 с.

Знаков В.В. Понимание в познании и общении. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Самарск. гос. пед. ун-т, 1998. — 183 с.

Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб: Алетейя, 1999. — 281 с.

Зотова О.И., Бобнева М.И. Ценностные ориентации и механизмы социальной регуляции поведения // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 241—254.

Иванников В.А. Проблема потребности в теории деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1983. № 2. С. 20—26.

Иванников В.А. К сущности волевого поведения // Психол. журн. 1985 а. №3. Т. 6. С. 47-55.

Иванников В.А. Формирование побуждения к действию // Вопр. психол. 1985б. №3. С. 113-123.

Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции: Автореф. дис.... д-ра психол. наук. М., 1989. — 46 с.

Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. — 142 с.

Иванов В.П. Мировоззренческие проблемы эволюции природы и становления человеческого мира // Человек и мир человека / Отв. ред. В.И.Шинкарук. Киев: Наук, думка, 1977. С. 29-98.

Иванов В.П. Мировоззрение как форма сознания, самоопределения и культуры личности // Мировоззренческая культура личности: философские проблемы формирования. Киев: Наук, думка, 1986. С. 10—88.

Иванченко Г.В. Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999. — 207 с.

Ильф И. Записные книжки // Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 5. С. 125-266.

Имедадзе И.В. Полимотивация и принцип соответствия мотива и деятельности // Проблемы формирования социогенных потребностей / Под ред. Ш.Н.Чхатишвили, В.Л. Какабадзе, Н.И.Сарджвеладзе. Тбилиси, 1981. С. 31-37.

Имедадзе И.В. Проблема полимотивации поведения // Вопр. психол. 1984. № 6. С. 87-94.

Имедадзе И.В. К проблеме побуждения деятельности // Вопр. психол. 1986 а. №5. С. 124-131.

Имедадзе И.В. Проблема структуры установки // Д.Н.Узнадзе — классик советской психологии: психологические исследования, посвященные 100-летию со дня рождения Д.Н.Узнадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1986 б. С. 110-130.

Имедадзе И.В. Категория поведения в теории установки. Тбилиси: Мецниереба, 1991.-239 с.

Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996. — 280 с.

Иосебадзе Т. Т., Иосебадзе Т.Ш. Проблема бессознательного и теория установки школы Узнадзе // Бессознательное: природа, функции, методы исследования / Под общ. ред. А.С.Прангишвили, А.Е.Шерозия, Ф.В.Басина. Тбилиси: Мецниереба, 1978. Т. 4. С. 36—55.

Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. — 328 с.

Каган М.С. Мир общения. М.: Политиздат, 1988. — 319 с.

Калитеевская Е.Р. Психическое здоровье как способ бытия в мире: от объяснения к переживанию // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А.Леонтьева, В.Г.Щур. М.: Смысл, 1997. С. 231-238.

Калитеевская Е.Р., Леонтьев Д.А. Психотерапевт—пациент: дилеммы взаимодействия // Психология — практике: Тезисы 1-й региональной школы-семинара. Вологда, 1989. С. 21—24.

Кальвиньо М. (В.-Ф.М.А.) Роль мотивации в актуализации системы значений: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1981. — 25 с.

Капустин В.Л., Асмолов А.Г., Ительсон В.Л. Подпороговая перцепция: история проблемы, современные направления, перспективы поиска // Структуры познавательной деятельности / Под ред. В.В.Заботина и др. Владимир: Владимирск. гос. пед. ин-тим. П.К.Лебедева-Полянского, 1977. С. 107-122.

Каракозов Р.Р. Организация смыслопоисковой активности человека как условие осмысления жизненного опыта // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А.Леонтьева, В.Г.Щур. М.: Смысл, 1997. С. 257-273.

Кемеров В.Е. Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М.: Политиздат, 1977. — 256 с.

Кикнадзе Д.А. Система факторов действия и развития личности. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1982. — 227 с.

Кирибаум Э.И. Психолого-педагогический анализ конфликтных ситуаций в педагогическом процессе: Автореф. дис.... канд. психол. наук. Л., 1986. - 16 с.

Кирибаум Э.И., Еремеева А.И. Психологическая защита. М.: Смысл; Академический проект, 1999. — 180 с.

Клакхон К.К.М. Зеркало для человека: Введение в антропологию. СПб.: Евразия, 1998.-351 с.

Ключко В. Е. Целеобразование и формирование оценок в ходе постановки и решения мыслительных задач: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1978. - 23 с.

Кнебель М.И., Лурия А.Р. Пути и средства кодирования смысла // Вопр. психол. 1971. № 4. С. 77-83.

Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984. — 252 с.

Козловский В.П. Культурно-исторические традиции и мировоззрение личности // Мировоззренческая культура личности: философские проблемы формирования. Киев: Наук, думка, 1986. С. 245—281.

Козловский В.П. Культурный смысл: генезис и функции. Киев: Наук, думка, 1990. - 128 с.

Кокто Ж. Портреты-воспоминания. М.: Известия, 1985. — 160 с.

Кон И. С. Социология личности. М: Политиздат, 1967. — 383 с.

Кон И. С. Психология юношеского возраста. М.: Просвещение, 1979. — 175 с.

Кон И. С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1989. — 335 с.

Коньшьева Л.П. Личность и ситуация как детерминанты агрессивного насилия преступлений // Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование / Под ред. А.В.Ратинова и др. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. С. 112—141.

Королева Н.Н. Смысловые образования в картине мира личности. Автореф. дис.... канд. психол. наук. СПб., 1998. — 16 с.

Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе. Новосибирск: Наука, 1990. -218 с.

Корчак Я. Как любить детей. Минск: Народна Асвета, 1980. — 80 с.

Корчак Я. Педагогическое наследие. М.: Педагогика, 1990. — 267 с.

Костандов Э.А. Восприятие и эмоции. М.: Медицина, 1977. — 248 с.

Котик М.А. О методе оценки осознанного и неосознанного в факторе значимости // Бессознательное: природа, функции, методы исследования / Под общ. ред. А.С.Прангишвили, А.Е.Шерозия, Ф.В.Бассина. Тбилиси: Мецниереба, 1978. Т.3. С. 651-659.

Котик М.А. Психология и безопасность. Таллин: Валгус, 1981. — 408 с.

Котик М.А. К вопросу о факторе значимости и методах его количественной оценки // Бессознательное: природа, функции, методы исследования / Под общ. ред. А.С.Прангишвили, А.Е.Шерозия, Ф.В.Бассина. Тбилиси: Мецниереба, 1985. Т. 4. С. 377-393.

Котик М.А., Сиртс Т. Влияние отношения к опасности на аварийность // Восприятие и социальная деятельность (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 638) / Отв. ред. Т.Бахман. Тарту, 1983. С. 121—133.

Котова Э.П. Индивидуально-психологические особенности лиц, совершивших агрессивно-насиленные преступления // Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование / Под ред. А.В.Ратинова и др. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. С. 57-75.

Коул М. Культурно-историческая психология. М.: Когито-центр, 1997. -431 с.

Коченов М.М., Николаева В.В. Мотивация при шизофрении. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — 87 с.

Красноярдцева О.М. Регуляция мыслительной деятельности на стадии инициации: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1986. — 25 с.

Крогиус Н.В. Взаимообусловленность познания людьми друг друга и самопознания в конфликтной деятельности // Психология межличностного познания / Под ред. А.А.Бодалева. М.: Педагогика, 1981. С. 66—80.

Кроник А.А. (Ред.) LifeLine и другие новые методы психологии жизненного пути. М.: Прогресс, 1993. — 230 с.

Кроник А.А., Хорошилова Е.А. Субъектные и объектные черты личности: проблемы и пути исследования // Психологические проблемы индивидуальности: научные сообщения к семинару-совещанию молодых ученых. Вып. 2. М., 1984. С. 57-59.

Крымский СБ., Парахонский Б.А., Мейзерский В.М. Эпистемология культуры. Киев: Наук, думка, 1993. — 216 с.

Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. М.; Л.: Academia, 1935. -417 с.

Кудрявцев В.Н. Понятие и криминологическое значение мотивации преступного поведения // Криминальная мотивация / Отв. ред. В.Н.Кудрявцев. М.: Наука, 1986. С. 8-19.

Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С. Эмоциональная и смысловая регуляция восприятия у психопатических личностей возбудимого и истерического круга // Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. Вып. 12. 1984. Т. 84. С. 1815-1822.

Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С., Васильева Ю.А. Особенности регуляции деятельности психопатических личностей смысловыми (мотивационными) установками // Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. Вып. 12. 1985. Т. 85. С. 1837-1842.

Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991 а. — 192 с.

Кузнецов В.Г. Герменевтическая феноменология в контексте философских воззрений Густава Густавовича Шпета // Логос. Вып. 2. 1991 б. С. 199—214.

Кулагина Н.В. Символ как средство мировосприятия и миропонимания. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. - 80 с.

Кунавский М.Б., Моин В.Б., Попова ИМ. Сознание и трудовая деятельность: ценностные аспекты сознания, вербального и фактического поведения в сфере труда. Киев; Одесса: Вища школа, 1985. — 187 с.

Курячий СИ. Роль установок личности в восприятии другого человека: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1984. — 21 с.

Кюрегян Э.А. О ценностно-ориентационном аспекте типологии личности // Образ жизни и ценностные ориентации личности. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1979. С. 96-109.

Ларичев В.П. Аксиопсихотерапия кризисных состояний // Научные и организационные проблемы суицидологии / Отв. ред. В.В.Ковалев. М.: НИИ Психиатрии МЗ РСФСР, 1983. С. 204-210.

Леклер С. Бессознательное: иная логика // Бессознательное: природа, функции, методы исследования / Под ред. А.С.Прангшвили, А.Е.Шеро-зия, Ф.В.Бассина. Тбилиси: Мецниереба, 1978. Т. 3. С. 260—271.

Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. — 357 с.

Лем С. Звездные дневники Ийона Тихого // Библиотека современной фантастики: В 15 т. М., 1965. Т. 4. С. 11—142.

Леонтьев А.А. Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком / Под ред. А.А.Леонтьева, Т.В.Рябовой. М.: Изд-во Моек ун-та, 1969. С. 56—56.

Леонтьев А.А. Знак и деятельность // *Вопр. филос.* 1975. № 10. С. 118—125.

Леонтьев А.А. Формы существования значения // *Психолингвистические проблемы семантики.* М.: Наука, 1983 а. С. 5—20.

Леонтьев А.А. Творческий путь Алексея Николаевича Леонтьева // *А.Н.Леонтьев и современная психология* / Под ред. А.В.Запорожца и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983 б. С. 6—39.

Леонтьев А.А. Предисловие // *Материалы Всесоюзной научно-практической конференции «Психолого-педагогические проблемы обучения технике чтения, смысловому восприятию и пониманию текста»* 12—15 мая 1988 г. / Под ред. И.В.Усачевой. М., 1989. С. 3-10.

Леонтьев А.А. Психология общения. 2-е изд. М.: Смысл, 1997. — 365 с.

Леонтьев А. Н. Развитие психики: Дис.... д-ра пед. наук. М., 1940. — 581 с.

Леонтьев А.Н. Психологические вопросы сознательности учения // *Вопросы психологии понимания (Известия АПН РСФСР. Вып. 7)* / Под ред. А.А.Смирнова. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1947. С. 3-40.

Леонтьев А.Н. Психическое развитие ребенка в дошкольном возрасте // *Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста* / Под ред. А.Н.Леонтьева, А.Б.Запорожца. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. С. 4-15.

Леонтьев А.Н. Потребности и мотивы деятельности // *Психология* / Под ред. А.А.Смирнова и др. М.: Учпедгиз, 1956. С. 350—365.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. -495 с.

Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и сознание // *Мотивы и сознание в поведении человека (XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум 13).* М., 1966. С. 5—12.

Леонтьев А.Н. Некоторые психологические вопросы воздействия наличность // *Проблемы научного коммунизма. Вып. 2.* М.: Мысль, 1968. С. 30—42.

Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. - 40 с.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 3-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. - 575 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. — 304 с.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983 а. Т. 1. — 391 с.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983 б. Т. 2. - 318 с.

Леонтьев А.Н. К психологии образа // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология.* 1986. № 3. С. 72-76.

Леонтьев А.Н. Некоторые вопросы психологии искусства (примечания) // *Художественное творчество и психология* / Под ред. А.Я.Зиса, М.Г.Ярошевского. М.: Наука, 1991 а. С. 183-184.

Леонтьев А.Н. О психологической функции искусства (гипотеза) // *Художественное творчество и психология* / Под ред. А.Я.Зиса, М.Г.Ярошевского. М.: Наука, 1991 б. С. 184-187.

Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А.А.Леонтьева, Д.А.Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. — 287 с.

Леонтьев А.Н. Учение о среде в педологических работах Л.С.Выготского (критическое исследование) (1937) // *Вопр. психол.* 1999. №1. С. 108-124.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 1999. — 560 с.

Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения. М.: Сов. наука, 1945. — 231 с.

Леонтьев Д.А. Метод исследования смысловых связей в структуре образа мира // Экспериментальные методы исследования личности в коллективе: Тезисы Всесоюзной научно-методической конференции / Под ред. А.В.Петровского. Даугавпилс, 1985. Ч. 1. С. 64—66.

Леонтьев Д.А. О системном характере смысловой регуляции деятельности // Структура и динамика познавательной и исполнительской деятельности (Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика. Вып. 33). М.: ВНИИТЭ ГКНТ СССР, 1987. С. 106-115.

Леонтьев Д.А. Личность: человек в мире и мир в человеке // *Вопр. психол.* 1989 а. №3. С. 11-21.

Леонтьев Д.А. Совместная деятельность, общение, взаимодействие // *Вести, высш. школы.* 1989 б. № 11. С. 39—45.

Леонтьев Д.А. Деятельность и потребность // *Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы* / Под ред. В.В.Давыдова, Д.А.Леонтьева. М.: Изд. АПН СССР, 1990. С. 96-108.

Леонтьев Д.А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // *Психол. журн.* 1992 а. № 2. Т. 13. С. 107-117.

Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентации. М.: Смысл, 1992 б. - 16 с.

Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентации. М.: Смысл, 1992 в. - 18 с.

Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М., 1993. — 43 с.

Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // *Вопр. филос.* 1996 а. № 4. С. 15—26.

Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности (статья первая) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология.* 1996 б. № 4. С. 35—44.

Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека // *Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии* / Под ред. Д.А.Леонтьева, В.Г.Щур. М.: Смысл, 1997 а. С. 156-176.

Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности (статья вторая) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология.* 1997 б. № 1. С. 20—27.

Леонтьев Д.А. Методика ценностного спектра и ее возможности в исследовании субъективной реальности // *Методы психологии: ежегодник РПО. Т. 3. Вып. 2. Ростов-на-Дону,* 1997 в. С. 163-166.

Леонтьев Д.А. Введение в психологию искусства. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998 а. — 111 с.

Леонтьев Д.А. Тематический апперцептивный тест. М.: Смысл, 1998 б. - 247 с.

Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (методическое руководство). М.: Смысл, 1999. - 38 с.

Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психол. журн. 2000. № 1. Т. 21. С. 15—25.

Леонтьев Д.А., Бузин В.Н. Особенности смысловой структуры мировоззрения при хроническом алкоголизме // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1992. № 3. С. 22-30.

Леонтьев Д.А., Волкова Ю.А. Рок-музыка: социальные функции и психологические механизмы восприятия // Искусство в контексте информационной культуры / Под ред. Ю.С.Зубова, Ю.Н.Пагса, В.М.Петрова, А.С.Соколова. М.: Смысл, 1997. С. 114-131.

Леонтьев Д.А., Калашиников М. О., Калашиникова О.Э. Факторная структура теста смысложизненных ориентации // Психол. журн. 1993. № 1. Т. 14. С. 150-155.

Леонтьев Д.А., Конарева Л.В. Восприятие образа персонажа и образа товара в телевизионных рекламных роликах // Методы психологии. Ежегодник РПО. Т. 3. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 1997. С. 166—167.

Леонтьев Д.А., Олефиренко Л.В. Названия и логотипы как носители образа // Журналистика в 1994 году: Тезисы научно-практической конференции. Часть IV. М., 1995. С. 53—55.

Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопр. психол. 1995. № 1. С. 97—110.

Леонтьев Д.А., Филатова М.А. Психодиагностические возможности методики предельных смыслов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1999. №2. С. 53-68.

Леонтьев Д.А., Харчевин С.П. Стратегия свободного описания как интегральный показатель индивидуальных особенностей восприятия художественной прозы // Психолого-педагогические исследования индивидуальности в культуре и искусстве. Челябинск, 1989. С. 116—135.

Леонтьев Д.А., Эйрман Е.В. Идеаторные мотивы в структуре волевой регуляции деятельности // Труды молодых ученых и аспирантов. Тбилиси: ТГУ, 1987. С. 303-314.

Лефевр В.А. Формула человека. М.: Прогресс, 1991. — 107 с.

Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986. — 144 с.

Лисина М.И., Корницкая С.В. Влияние содержания общения со взрослым на отношение к нему ребенка // Общение и его влияние на развитие психики дошкольника / Ред.-сост. М.И.Лисина. М., 1974. С. 59—78.

Лихтенберг Г.К. Афоризмы. 2-е изд. М.: Наука, 1965. — 344 с.

Личностный смысл // Кр. психол. словарь / Под общей ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. С. 164—165.

Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург: Отд. образов, администр. Октябрьского района, 1997. — 688 с.

Лобок А.М. Психология мифа: Дис. в виде научн. доклада ... д-ра психол. наук. М., 1998. — 55 с.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. — 444 с.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. — 480 с.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. — 271 с.

Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 10—263.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XIX в.). 2-е изд. СПб.: Искусство, 1999. — 415 с.

Лунеев В.В. Функции мотивации // Криминальная мотивация / Отв. ред. В.Н.Кудрявцев. М.: Наука, 1986. С. 19-37.

Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М.: Наука, 1991. — 383 с.

Льюис К.И. Виды значения // Семиотика / Под ред. Ю.С.Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 211-224.

Магомед-Эминов М.Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1996. № 4. С. 26—35.

Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М.: ПАРФ, 1998. — 494 с.

Мазур Е.С. Проблема смысловой регуляции в свете идей Л.С.Выготского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1983. № 1. С. 31—40.

Мазур Е.С. Смысловая регуляция деятельности (на материале некоторых видов патологии): Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1983. — 17 с.

Мазур Е.С. Гештальт-подход при оказании психотерапевтической помощи пострадавшим от землетрясения // Моск. психотерапевтич. журн. 1994. №3. С. 81-91.

Мазур Е.С., Гельфанд В.Б., Качалов П.В. Смысловая регуляция негативных переживаний у пострадавших при землетрясении в Армении // Психол. журн. 1992. № 2. Т. 13. С. 54-65.

Малахов В.А. Искусство и человеческое мироотношение. Киев: Наук, думка, 1988. — 213 с.

Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопр. филос. 1968. №6. С. 14-25.

Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 1970. С. 386—389.

Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. — 368 с.

Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995. — 547 с.

Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. М.: Наука, 1972. С. 28—94.

Марилова Т.Ю. Особенности мотивационной сферы у онкологических больных (рак молочной железы): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1984. — 26 с.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года (1844 а) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41-174.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология (1845—1846) // Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 7—544.

Маркс К., Энгельс Ф. Наемный труд и капитал // Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 6. С. 428-459.

Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. — 424 с.

Мерлин Б. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. — 256 с.

Мерло-Понти М. Временность // Историко-философский ежегодник—1990. М.: Наука, 1991. С. 271-293.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. Ч. III. Глава 3. Свобода // От Я к Другому: Сб. переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога / Ред.-сост. Т.В.Щитцова. Минск: Менск, 1997. С. 173-199.

Михайлов А.А. Вместо введения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. VII—LII.

Моргун В.Ф., Ткачева Н.Ю. Проблема периодизации развития личности в психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 81 с.

Морозов СМ. Смыслообразующая функция психологического контекста // Познание и личность. Ч. 2. М., 1984. С. 56—64 (Деп. в ВИНТИ, № 2882-2884).

Морозова И.Г. Патологические формы агрессивно-насильственного поведения у детей и подростков // Дети и насилие: материалы Всероссийск. научно-практич. конфер. / Под ред. М.Н.Лазутовой, Н.В.Вострокнутова, Г.Н.Тростанецкой. Екатеринбург, 1996. С. 82—88.

Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Вопр. социол. 1992. Т.1. № 2. С. 83-96.

Мотив // Кр. психол. словарь / Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. С. 189—190.

Мотивация // Кр. психол. словарь / Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. С. 190—191.

Мотрошилова Н. Онтология // Философская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 140—143.

Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Значение текста как внутренний образ // Вопр. психол. 1997. № 3. С. 79-91.

Мухина В.С. Возрастная психология. М.: Академия, 1997. — 431 с.

Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М.: НФ «Класс», 1994. - 144 с.

Мясищев В.Н. Проблема отношений человека и ее место в психологии // Вопр. психол. 1957. № 5. С. 142-155.

Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. — 426 с.

Мясищев В.Н. Личность и отношения человека // Проблемы личности: Материалы симпозиума / Под ред. В.М.Банщикова, Л.Л.Рохлина, Е.В.Шороховой. М., 1969. Т. 1. С. 63-73.

Мясищев В.Н. О связи проблем психологии отношения и психологии установок // Понятия установки и отношения в медицинской психологии: Материалы симпозиума 23/ХП—25/ХП 1968 г. / Под общ. ред. И.Т.Бжалава. Тбилиси: Мецниереба, 1970. С. 9—10.

Мясищев В.Н. Структура личности и отношения человека к действительности // Психология личности: тексты / Под ред. Ю.Б.Гиппенрейтер, А.А.Пузыря. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 35—38.

Мясищев В.Н. Психология отношений. М.; Воронеж: Институт практической психологии, 1995. — 356 с.

Надирашвили Ш.А. Установка и отношение // Понятия установки и отношения в медицинской психологии: Материалы симпозиума 23/ХП—25/ХП 1968 г. / Под общ. ред. И.Т.Бжалава. Тбилиси: Мецниереба, 1970. С. 151-163.

Надирашвили Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси: Мецниереба, 1974. — 170 с.

Наенко Н.И. Психическая напряженность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. - 112 с.

Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989 а. — 287 с.

Налимов В.В. Возможно ли учение о человеке в единой теории знания? // Человек в системе наук/ Отв. ред. И.Т.Фролов. М.: Наука, 1989 б. С. 82-91.

Налимов В.В. Вселенная смыслов (интервью) // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 122—132.

Насиновская Е.Е. Исследование мотивации личности с использованием гипноза: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1982. — 20 с.

Насиновская Е.Е. Методы изучения мотивации личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.-80 с.

Натев А. Искусство и общество. М.: Прогресс, 1966. — 320 с.

Неверович Я.З. Мотивация и эмоциональная регуляция деятельности у детей дошкольного возраста // Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста / Под общ. ред. А.В.Запорожца, Я.З.Неверович. М.: Педагогика, 1986. С. 32-51.

Немировский В.Г. Смысл жизни: проблемы и поиски. Киев: Политиздат Украины, 1990. — 223 с.

Никифоров А.Л. Семантическая концепция понимания // Загадка человеческого понимания / Под ред. А.А.Яковлева. М.: Политиздат, 1991. С. 72—94.

Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. — 168 с.

Николов Л. Структуры человеческой деятельности. М.: Прогресс, 1984. - 176 с.

Норакидзе В.Н. Типы характера и фиксированная установка. Тбилиси: Мецниереба, 1966. — 192 с.

Норакидзе В.Г. Методы исследования характера личности. Тбилиси: Мецниереба, 1975. — 243 с.

Носов Н.А. Виртуальный человек. Очерки по виртуальной психологии детства. М.: Магистр, 1997. — 192 с.

Обуховский К. Психология влечений человека. М.: Прогресс, 1972. — 247 с.

Олешкевич В.И., Александров Ю.К. Несовершеннолетние: тюрьма и воля. М.: Права человека, 1999. — 96 с.

Пантилеев СР. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. — 109 с.

Парахонский Б.А. Понимание текста и эвристические функции слова // Понимание как логико-гносеологическая проблема / Отв. ред. М.В.Попович. Киев: Наук, думка, 1982. С. 122—142.

Парахонский Б.А. Коммуникация и культурная среда // Вопр. филос. 1989. № 7. С. 24-27.

Патяева Е.Ю. Ситуативное развитие и уровни мотивации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1983 а. № 4. С. 23—33.

Патяева Е.Ю. К характеристике мотивационной регуляции волевого и импульсивного действия // Эмоционально-волевая регуляция поведения и деятельности: Тезисы Всесоюзной конференции молодых ученых / Под ред. В.В.Давыдова и др. Симферополь, 1983 б. С. 10—11.

Пезешкиан Н. Позитивная семейная психотерапия. М.: Смысл, 1992. — 331 с.

Пелипенко А.А. Смыслогенез и структуры сознания (культурологический подход) // Мир психологии. 1999. №1 (17). С. 141 — 146.

Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. - 176 с.

Петренко В. Ф. Проблемы эффективности речевого воздействия в аспекте психолингвистики // Оптимизация речевого воздействия / Отв. ред. Р.Г.Котов. М.: Наука, 1990. С. 18-31.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск: Изд-во Смоленского гуманит. ун-та, 1997 а. — 396 с.

Петренко В.Ф. Личность человека — основа его картины мира // Модели мира / Отв. ред. Д.А.Поспелов. М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1997 б. С. 9—24.

Петренко В.Ф., Пронин А.Е. Художественные конструкторы как форма семантической организации художественного текста // Оптимизация речевого воздействия / Отв. ред. Р.Г.Котов. М.: Наука, 1990. С. 31—34.

Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982. - 255 с.

Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии. М.: Педагогика, 1984. - 271 с.

Петровский В.А. К психологии активности личности // Вопр. психол. 1975. № 3. С. 26-38.

Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопр. психол. 1985. № 4. С. 17—30.

Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - 509 с.

Петрушевский С.А. Диалектика рефлекторных процессов. М., 1967. — 400 с.

Печко Л.П. Некоторые аспекты проблемы индивидуального стиля // Некоторые вопросы истории и теории эстетики. Вып. 2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. С. 234-248.

Печко Л.П. Эстетическое освоение природы в процессе формирования личности: Автореф. дис.... доктора филос. наук. М., 1994. — 50 с.

Пешё М., Фукс К. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла / Под ред. П.Серио. М.: Прогресс, 1999. С. 105-123.

Пивовев В.М. Миф в системе культуры. Петрозаводск: Петрозаводская гос. консерватория, 1991. — 216 с.

Пилшайченко Ю.Г. Внутренние преграды как смысловые детерминанты самосознания личности: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1984. — 24 с.

Попогребский А.П. Влияние инфаркта миокарда на смысловую сферу человека // Психол. журн. 1998. № 5. Т. 19. С. 113-118.

Портер Э. Поллианна. Одесса: Два слона; Вариант, 1992. — 288 с.

Праздников Г. Направленность художественной формы // Художник и публика. Л.: ЛГИТМиК, 1981. С. 42-52.

Прангшвили А. С. Общепсихологическое понятие установки // Экспериментальное исследование установки (XVIII Международный психол. конгресс. Симпозиум 14). М., 1966. С. 29—41.

Прангшвили А. С. Психологические очерки. Тбилиси: Мецниереба, 1975. - 111 с.

Прангшвили А. С, Шерозия А.Е., Бассин Ф.В. Роль бессознательного в структуре деятельности как центральная проблема его психологической теории // Бессознательное: природа, функции, методы исследования / Под общ. ред. А.С.Прангшвили, А.Е.Шерозия, Ф.В.Бассина. Тбилиси: Мецниереба, 1978. Т. 3. С. 337-350.

Пришвин М.М. Незабудки. М.: Худ. лит., 1969. — 303 с.

Прохоров А.В. О выразительной подвижности рисунка // Проблемы синтеза в художественной культуре / Под ред. А.В.Прохорова, Б.В.Раушенбаха, Ф.С.Хитрука. М.: Наука, 1985. С. 42—56.

Пузырей А.А. Манипулирование и майевтика: две парадигмы психотехники // Вопр. методологии. 1997. № 3—4. С. 148—164.

Пульчинелли Орланди Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса // Квадратура смысла / Под ред. П.Серио. М.: Прогресс, 1999. С. 197—224.

Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1988. — 720 с.

Рамишвили Д.И. Психологическая проблема значения и теория познания // Психология речи и некоторые вопросы психолингвистики / Под ред. Д.И.Рамишвили, М.А.Сакварелидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1982. Вып. II. С. 5-113.

Ратинов А.Р., Ситковская О.Д. Насилие, агрессия, жестокость как объекты криминально-психологического исследования // Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование / Под ред. А.В.Ратинова и др. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. С. 4-15.

Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979. - 392 с.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академия-центр; Медиум, 1995. — 416 с.

Родари Дж. Профессор Грозали или Смерть Юлия Цезаря // Патруль времени. М.: Мир, 1985. С. 417-425.

Родионова Е.А. Общение как условие формирования личности // Психология формирования и развития личности / Отв. ред. Л.И.Анцыферова. М.: Наука, 1981. С. 177-197.

Розин М.В. Психологические ловушки контркультуры // Современные тенденции молодежной социализации: наблюдения, оценки, суждения / Под ред. А.Г.Быстрицкого, М.Ю.Рощина. М.: Российский открытый университет, 1992. С. 61—74.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 328 с.

Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959. - 354 с.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. - 424 с.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. — 191 с.

Рубцов Н.Н. Символ в искусстве и жизни. М.: Наука, 1991. — 176 с.

Ручка А.А. Социальные ценности и нормы. Киев: Наук, думка, 1976. — 152 с.

Савенко Ю.С. К обоснованию некоторых методик изучения личности // Проблемы личности (материалы симпозиума) / Под ред. В.М.Банщикова, Л.Л.Рохлина, Е.В.Шороховой. М., 1969. Т. 1. С. 238-241.

Самарчян А.А. Некоторые социально-психологические аспекты деятельности личности // Образ жизни и ценностные ориентации личности / Отв. ред. Л.А.Арутюнян. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1979. С. 76-95.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А.Ядова. Л.: Наука, 1979. - 264 с.

Сапарова И.А. Особенности смысловой регуляции деятельности при ипохондрических состояниях разного генеза: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1989. - 15 с.

Сапарова И.А. Особенности смысловой регуляции деятельности при ипохондрических состояниях различного генеза // Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. Вып. 9. 1990. Т. 90. С. 75-79.

Сарджвеладзе Н. И. Динамическая структура личности и социогенные потребности // Проблемы формирования социогенных потребностей / Под ред. Ш.Н.Чхартшвили, В.Л.Какабадзе, Н.И.Сарджвеладзе. Тбилиси, 1981. С. 191-201.

Сарджвеладзе Н.И. Позиция личности и установка: опыт построения структурно-динамической концепции личности // *Мацне: Изв. АН Груз ССР. Сер. Философия и психология*, № 2. 1985. С. 61—93.

Сарджвеладзе Н.И. Установка и самосознание // *Д.Н.Узнадзе — классик советской психологии: психологические исследования, посвященные 100-летию со дня рождения Д.Н.Узнадзе*. Тбилиси: Мецниереба, 1986. С. 315-321.

Сартр Ж.-П. Что такое литература? // *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв.: трактаты, статьи, эссе / Под ред. Г.И.Костикова*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 313-334.

Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М.: Прогресс, 1994. — 237 с.

Сафуанов Ф.С. Эмоционально-смысловая регуляция восприятия у психопатических личностей истеро-возбудимого круга: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1986. — 22 с.

Семенов И.Н., Степанов СЮ. Проблема предмета и метода психологического изучения рефлексии // *Исследование проблем психологии творчества/ Отв. ред. Я.А.Пономарев*. М.: Наука, 1983. С. 154—182.

Сидоров П.И. Саморазрушающее поведение у подростков как интегральное качество девиантного образа жизни // *Саморазрушающее поведение у подростков*. Л.: Психоневрологический институт им. В.М.Бехтерева, 1991. С. 15-21.

Сильвестров В.В. Культура. Деятельность. Общение. М.: РОССПЭН, 1998. -478 с.

Слободчиков В.И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // *Вопр. психол.* 1986. № 6. С. 14—22.

Слободчиков В.И. Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Автореф. дис.... д-ра психол. наук. М., 1994. — 78 с.

Смирнов С.Д. Психологическая теория деятельности и концепция Н.А.Бернштейна // *Вести. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология*. 1978. № 2. С. 14—25.

Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. — 231 с.

Смирнова Е.Д., Таванец П.В. Семантика в логике // *Логическая семантика и модальная логика / Отв. ред. П.В.Таванец*. М.: Наука, 1967. С. 3-53.

Соколова Е.Е. Идеи А.Н.Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // *Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н.Леонтьева / Под ред. А.Е.Войскунского, А.Н.Ждан, О.К.Тихомирова*. М.: Смысл, 1999. С. 80-117.

Соколова Е.Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 128 с.

Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 176 с.

Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. — 215 с.

Соколова Е. Т. Особенности самосознания при невротическом развитии личности: Дис.... д-ра психол. наук. М., 1991. — 107 с.

Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: SvR— Аргус, 1995. — 359 с.

Соколова Е. Т., Столин Б.В. Проективный метод в контексте концепции личностного смысла // Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 58—70.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. - 168 с.

Сосновский Б.А. Мотив и смысл (психолого-педагогическое исследование). М.: Прометей, 1993. — 199 с.

Спиноза. Этика. М.; Л.: Соцэкгиз, 1932. — XIX, 223 с.

Стендаль. О любви. Новеллы. М.: Правда, 1989. — 528 с.

Степанов С.Ю. Рефлексивно-гуманистическая психология сотворчества. М.; Петрозаводск: Институт рефлексивной психологии сотворчества, 1996. - 170 с.

Столин В.В. Перспективы развития теории деятельности и проблема мотивации // Развитие эргономики в системе дизайна: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Боржом, 1979. С. 322—328.

Столин В.В. Внутренние преграды и конфликтные личностные смыслы // Тезисы VIII Закавказской конференции психологов. Ереван, 1980. С. 281—282.

Столин В.В. Исследование эмоционально-ценностного отношения к себе с помощью методики управляемой проекции // Психол. журн. 1981. Т. 2. №3. С. 104-117.

Столин В.В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983 а. - 284 с.

Столин В.В. Проблема самосознания личности с позиций теории деятельности А.Н.Леонтьева // А.Н.Леонтьев и современная психология / Под ред. А.В.Запорожца и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983 б. С. 220-231.

Столин В.В., Кальвиньо М. Метод анализа личностных смыслов как теоретическая проблема // Развитие эргономики в системе дизайна: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Боржом, 1979. С. 328—333.

Столин В.В., Кальвиньо М. Личностный смысл: строение и форма существования в сознании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1982. №3. С. 38-47.

Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. - 298 с.

Стрелков Ю.К. Психические процессы в операторском труде. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. — 80 с.

Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Понедельник начинается в субботу. Сказка о тройке. СПб.: Terra Fantastica, 1992. — 416 с.

Субботский Е.В. Психология отношений партнерства у дошкольников. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 144 с.

Субботский Е.В. Изучение у ребенка смысловых образований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1977. № 1. С. 62—72.

Субботский Е.В. Психологические основы нравственного развития личности дошкольника: Автореф. дис.... д-ра психол. наук. Тбилиси, 1984. — 48 с.

Суворов А.В. Экспериментальная философия. М.: Изд-во УРАО, 1998. - 244 с.

Судаков К.В. Функциональная система как методологический принцип познания адаптивного поведения человека и животных // Вестн. АМН СССР, № 4. 1986. С. 19-24.

Сурнов К. Т. Изменение установок личности при алкоголизме: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1982. — 11 с.

Сухорукое А. С. Жизнетворчество личности в динамике ее смысловой системы: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1997. — 25 с.

Тарасов Е.Ф. Ролевая интерпретация понятий «значение» и «смысл» // Проблемы психолингвистики / Отв. ред. Ю.А.Сорокин, А.М.Шахнарович. М., 1975. С. 151-166.

Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. С. 5—147.

Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В. Методологические проблемы исследования речевого мышления // Исследование речевого мышления в психолингвистике / Отв. ред. Е.Ф.Тарасов. М.: Наука, 1985. С. 8—31.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. - 141 с.

Тендряков В.Ф. Плоть искусства // Собрание сочинений: В 4 т. М.: Худ. лит., 1980. Т. 3. С. 417-475.

Терехов В.А. Целеобразование и принятие решений в деятельности человека // Психологические механизмы целеобразования / Отв. ред. О.К.Тихомиров. М.: Наука, 1977. С. 156-184.

Тернер Ф., Пёттель Э. Поэзия, мозг и время // Красота и мозг: биологические аспекты эстетики / Под ред. И.Ренчлера, Б.Херцбергер, Д.Эпстайна. М.: Мир, 1995. С. 74—96.

Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995. — 479 с.

Тимченко М. Целостное и частичное восприятие искусства // Художник и публика. Л.: ЛГИТМиК, 1981. С. 108-112.

Тихомандрицкая О.А., Дубовская Е.М. Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-потребностной сферы (Методические аспекты) // Мир психологии. 1999. № 3 (19). С. 80-90.

Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 304 с.

Тихомиров О.К. Понятия «цель» и «целеобразование» в психологии // Психологические механизмы целеобразования / Отв. ред. О.К.Тихомиров. М.: Наука, 1977. С. 5-20.

Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. - 270 с.

Тихомиров О.К., Бабаева Ю.Д., Березанская Н.Б., Васильев И.А., Войскунский А.Е. Развитие деятельностного подхода в психологии мышления // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н.Леонтьева / Под ред. А.Е.Войскусного, А.Н.Ждан, О.К.Тихомирова. М: Смысл, 1999. С. 191-234.

Тихомиров О.К., Терехов В.А. Значение и смысл в процессе решения мыслительной задачи // Вопр. психол. 1969. № 4. С. 66—84.

Ткачева Н.Ю. Профессиональная направленность как личностное новообразование юношеского возраста: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М, 1983.- 16 с.

Толстой Л.Н. Анна Каренина (части 1—4) // Собрание сочинений: В 14 т. М., 1952. Т. 8. - 463 с.

Толстой Л.Н. Исповедь // Собрание сочинений: В 22 т. М.: Худ. лит., 1983. Т. 16. С. 106-165.

Тузова Т.М. Ответственность личности за свое бытие в мире: критика концепций французского экзистенциализма. Минск: Наука и техника, 1987.- 159 с.

Тульчинский Г.Л. Проблема осмысления действительности. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — 177 с.

Тульчинский Т.Д. Разум. Воля. Успех. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. — 215 с.

Тульчинский Г.Л. Текст как интонированное бытие или инорациональность семиотики // Философия языка и семиотика / Под ред. А.Н.Портнова. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1995. С. 44—52.

Тхостов А.Ш. Психологический анализ изменений личности при некоторых онкологических заболеваниях: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1980.-20 с.

Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. — 451 с.

Улыбина Е.В. Личность и чужое слово: индивидуальное и массовое сознание в психоаналитическом контексте. Ставрополь: СГУ, 1997. — 73 с.

Файзуллаев А.А. Мотивационная саморегуляция личности. Ташкент: Фан, 1987. - 136 с.

Фейгенберг Е.И., Асмолов А.Г. Некоторые аспекты исследования невербальной коммуникации: за порогом рациональности // Психол. журн. 1989. № 6. Т. 10. С. 58-66.

Фейгенберг И.М., Иванников В.А. Вероятностное прогнозирование и преднастройка к движениям. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — 112 с.

Фейербах Л. История философии // Собрание произведений: В 3 т. М.: Мысль, 1967. Т. 3. -460 с.

Филиппов Л.И. Философская антропология Жан-Поля Сартра. М.: Наука, 1977. - 287 с.

Филиппов Ю.А. Что и как познает искусство. М.: Наука, 1976. — 112 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. — 367 с.

Франкл В. Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. — 287 с.

- Франкл В. Социальные кризисы и воспитание ответственности // Здравый смысл. 1999. № 11. С. 78-88.
- Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977. С. 181-200.
- Фреге Г. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. — 159 с.
- Фрейд З. Толкование сновидений. М.: Современные проблемы, 1913. - 448, VII с.
- Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. М.: ГИЗ, 1922 а. Т. 1. — 251с.
- Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. М.; Пб.: ГИЗ, 1922 б. Т. 2. - 250 с.
- Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. 4-е изд. М.: Современные проблемы, 1926. — 256 с.
- Фресс П. Восприятие и оценка времени // Экспериментальная психология / Ред.-сост. П.Фресс, Ж.Пиаже. Вып. VI. М.: Прогресс, 1978. С. 88—135.
- Фромм Э. Забытый язык // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992 а. С. 179-298.
- Фромм Э. Из плена иллюзий // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992 б. С. 299-374.
- Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993 а. - 447 с.
- Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993 б. — ЛП, 333 с.
- Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. — 451 с.
- Ханина И.Б. Семантические факторы обучающего общения: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М. 1986. — 19 с.
- Хараи А.У. Межличностный контакт как исходное понятие психологии устной пропаганды // Вопр. психол. 1977. № 4. С. 52—63.
- Хараи А. У. Смысловая структура публичного выступления // Вопр. психол. 1978. № 4. С. 84-95.
- Хараи А.У. Принцип деятельности в исследованиях межличностного восприятия // Вопр. психол. 1980. № 3. С. 20—31.
- Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986 а. Т. 1. - 408 с.
- Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986 б. Т. 2. - 392 с.
- Хомик В.С. Деформация субъективной картины жизненного пути при ранней алкоголизации: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1985. — 21 с.
- Хорни К. Невроз и развитие личности // Собрание сочинений: В 3 т. М.: Смысл, 1997. Т. 3. С. 235-684.
- Хорошилова Е.А. Феномен субъективной значимости другого человека: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1984. — 23 с.
- Хризман Т.П., Еремеева В.Д., Лоскутова Т.Д., Стеценко С.А. Нейрофизиологическое исследование эмоциональных процессов у детей // Раз-

витие социальных эмоций у детей дошкольного возраста / Под ред. А.В.-Запорожца, Я.З.Неверович. М.: Педагогика, 1986. С. 122—161.

Цапкин В.Н. Личность как группа — группа как личность // Моск. психотерапевтич. журн. 1994. № 4. С. 11—28.

Целма Е.М. Художественное переживание в процессе восприятия искусства. Рига: ЛатГУ, 1974. — 24 с.

Чехов А. П. Устрицы // Собрание сочинений: В 12 т. М.: Правда, 1950. Т. 2. С. 75-78.

Чхартишвили Ш.Н. Некоторые спорные проблемы психологии установки. Тбилиси: Мецниереба, 1971 а. — 273 с.

Чхартишвили Ш.Н. Влияние потребности на восприятие и установка (ганцкоба) // Экспериментальные исследования по психологии установки. Вып. 5. Тбилиси: Мецниереба, 1971 б. С. 199—211.

Чудновский В.Э. К проблеме адекватности смысла жизни // Мир психологии. 1999. № 2 (18). С. 74-80.

Шерковин Ю.А. Проблема ценностной ориентации и массовые информационные процессы // Психол. журн. 1982. № 5. Т. 3. С. 135—145.

Шерозия А.Е. Психика. Сознание. Бессознательное. Тбилиси: Мецниереба, 1979. - 171 с.

Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983 а. — 383 с.

Шкловский В.Б. Тетива: о несходстве сходного // Избранное: В 2 т. М.: Худ. лит., 1983 б. Т. 2. С. 3-306.

Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. — 158 с.

Шор Ю.М. Восприятие произведения искусства и проблема эстетического переживания // Методологические проблемы современного искусствознания. Вып. 2. Л.: ЛГИТМиК, 1978. С. 20-25.

Шор Ю.М. Художественное переживание как процесс // Методологические проблемы современного искусствознания. Вып. 3. Л.: ЛГИТМиК, 1980. С. 32-38.

Шор Ю.М. Личность художника в контексте теории художественной культуры // Искусство в системе культуры: социологические аспекты. Л.: ЛГИТМиК, 1981. С. 20-26.

Шпет Г. Явление и смысл: феноменология как основная наука и ее проблемы (1914). Томск: Водолей, 1996. — 192 с.

Шпет Г. Г. Работа по философии // Логос. Вып. 2. 1991. С. 215-233.

Шпрангер Э. Два вида психологии (1914) // Хрестоматия по истории психологии. Период открытого кризиса / Под ред. П.Я.Гальперина, А.Н.Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 286-300.

Шедровицкий Т.П. Избранные труды. М.: Школа Культурной Политики, 1995. - 760 с.

Эйдман Е.В. Развитие средств волевой регуляции деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1986. № 4. С. 3—8.

Эйзенштейн СМ. Чет-нечет. Раздвоение Единого // Восток—Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 234—278.

Элькинд Д.Г. Восприятие времени. М.: Изд-во АНН РСФСР, 1962. — 311 с.

Эльконин Б.Д. О предметности и коллективности человеческого действия // Культура, образование, развитие индивида / Под ред. Ф.Т.Михайлова и др. М.: Ин-т философии АН СССР, 1990. С. 105—116.

Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. — 560 с.

Эпстайн Д. Соотношения темпов в музыке: везде и всюду одни и те же? // Красота и мозг: биологические аспекты эстетики / Под ред. И.Ренчлера, Б.Херцбергер, Д.Эпстайна. М.: Мир, 1995. С. 97—124.

Эткинд А.М. Опыт теоретической интерпретации семантического дифференциала // Вопр. психол. 1979. № 1. С. 17—27.

Эткинд А.М. Тест Роршаха и структура психического образа // Вопр. психол. 1981. № 5. С. 106—115.

Эткинд А.М. Описание субъективной реальности как задача исследования индивидуальности // Психологические проблемы индивидуальности: научные сообщения к семинару-совещанию молодых ученых. М., 1984. Вып. 2. С. 44—50.

Эткинд А.М. Цветовой тест отношений // Общая психодиагностика / Под ред. А.А.Бодалева, В.В.Столина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 221—227.

Юдин Б.Г. Методологический анализ как направление изучения науки. М.: Наука, 1986. — 261 с.

Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978. — 391 с.

Юнг К. Г. Психологические типы. Цюрих: Мусагет, 1929. — XVIII, 475 с.

Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. — 304 с.

Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс «Универс», 1993. — 336 с.

Якобсон С. Г. Зависимость взаимных требований от структуры совместной деятельности детей // Взаимоотношения детей в совместной деятельности и проблемы воспитания. М., 1976. С. 60—73.

Яньшин П.В. Семантика проективного рисунка в контексте языка невербальных значений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1989. № 1. С. 45—51.

Яньшин П.В. Психосемантические механизмы рисуночной проекции: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1990. — 25 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. — 528 с.

Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. — 1053 с.

Яценко Т.С. Активное социально-психологическое обучение в подготовке будущих учителей. Киев: Вища школа, 1987. — 109 с.

Adler A. Der Sinn des Lebens. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbucn Verlag. 1973. — 192 S.

Adler A. Lebenskenntnis. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag. 1978 — 159 S.

Adler A. What life should mean to you. London: George Allen and Unwin, 1980. — 300p.

Adler A. Psychotherapie und Erziehung: Ausgewählte Aufsätze. Bd I: 1919—1929 / Hg. von H.L. Ansbacher, R.F. Antoch. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1982 a. — 267 S.

Adler A. Psychotherapie und Erziehung: Ausgewählte Aufsätze. Bd.2: 1930—1932 / Hg. von H.J. Ansbacher, R.F. Antoch. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1982 b. — 285 S.

Adler A. Psychotherapie und Erziehung: Ausgewählte Aufsätze. Bd. 3: 1933—1937 / Hg. von H.L. Ansbacher, R.F. Antoch. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1983, — 217 S.

Allport G.W. Attitudes // A handbook of social psychology / C.Murchison (Ed.). Worcester (Mass.): Clark University Press, 1935. P. 798—844.

Allport G.W. Personality: a psychological interpretation. New York: Holt, 1937. — XIV, 588 p.

Allport G. W. Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality. New Haven: Yale University Press, 1956. — IX, 106 p.

Atwood G.R., Stolorow R.D. Structures of subjectivity: explorations in psychoanalytic phenomenology. Hillsdale: The Analytic Press, 1984. — X, 132 p.

Bannister D. Foreword to "Social inheritance" // Constructs of sociality and individuality / P.Stringer, B.Bannister (Ed.). London etc.: Academic press, 1979. P. 1—3.

Bateson G. Steps to an ecology of mind. New York: Ballantine, 1972. — XVII, 545 p.

Beckmann J. Metaprocesses and the regulation of behavior // Motivation, Intention, and Volition / F.Halisch, J.Kuhl (Ed.). Berlin: Springer, 1987. P. 371—386.

Boesch E. Kultur und Handlung: Einführung in die Kulturpsychologie. Bern: Huber, 1980. — 270 p.

Boodt C.P., Mos L.P. Hermeneutics of lived experience: the foundations of a historical psychology // Recent trends in theoretical psychology. V. III / H.Stam, L.Mos, W.Thorngate, B.Kaplan (Eds.). New York: Springer, 1993. P. 111—122.

Boss M. Is psychotherapy rational or rationalistic? // Rev. of Existential Psychology and Psychiatry. V. 19. 1988. P. 115—127.

Brenner C. An elementary textbook of psychoanalysis. 2nd rev. exp. ed. New York: International Universities press, 1973. — XIV, 280 p.

Brewin C.R., Power M.J. Meaning and psychological therapy: overview and introduction // The transformation of meaning in psychological therapies / M.Power, C.R.Brewin (Eds.). Chichester: John Wiley & Sons, 1997. P.1—14.

Brown W.P. Conceptions of perceptual defence. Cambridge: Cambridge University Press, 1961. — VIII, 106 p. (British J. of Psychology. Monograph Supplements, № 35).

Bruner J., Postman L. Symbolic value as an organizing factor in perception // Understanding human motivation / C.L.Stacey, H.F.De Martino (Eds.). Cleveland: Howard Allen, 1958. P. 317—321.

Bugental J.F.T. The Search for Authenticity: An existential-analytic approach to psychotherapy. 2nd ed. enlarged. New York: Irvingston pubis., 1981. — XXIV, 477 p.

Bugental J.F.T. The Art of the Psychotherapist. New York: Norton, 1987. — XIV, 321 p.

Bugental J.F.T. The search for existential identity. San Francisco: Jossey-Bass, 1988. — XX, 330 p.

Carlsen M.B. Meaning-Making: Therapeutic Process in Adult Development. New York: Norton, 1988. — VIII, 264 p.

Craig E. Footnotes to M.Heidegger. On adequate understanding of Daseinsanalysis // Psychotherapy for Freedom (A special issue of: The Humanistic Psychologist) / E.Craig, C.Aanstoos (Eds.). 1988, № 1. V 16. P. 92—98.

Creelman M. The experimental investigation of meaning. New York: Springer, 1966. — XI, 228 p.

Crumbaugh J.S. Cross-validation of Purpose-in-Life Test based on Frankl's concept//J. of Individual Psychology, May. 1968. V. 24. P. 74—81.

Crumbaugh J.S. The Seeking of Noetic Goals Test (SONG): a complementary scale to the Purpose in Life Test (PIL) // J. of Clinical Psychology, № 3. 1977. V. 33. P. 900—907.

Crumbaugh J.S., Maholick L.T. An experimental study in existentialism: The psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis // J. of Clinical Psychology, № 2. 1964. V. 20. P. 200—207.

Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York: HarperPerennial, 1990. —XIV, 305 p.

Cupchik G.C., Winston A.S. Reflection and reaction: a dual process analysis of emotional responses to art // L.Dorfman a.o. (Eds.). Emotions and art: problems, approaches, explorations. Perm: Perm Institute for Arts and Culture, 1992. P. 65—77.

de Beaugrande R. Schemas for literary communication // Literary discourse: aspects of cognitive and social psychological approaches. Berlin; New York: DeGruyter, 1987. P. 49—100.

Deci E., Ryan R. The General Causality Orientations Scale: Self-Determination in Personality//J. of Research in Personality, V. 19.1985. P. 109—134.

Dilthey W. (1906—1910) The construction of the historical world in the human sciences // H.P.Rickman (Ed.) Pattern and meaning in history: thoughts on history and society. New York: Harper & Row, 1961. P. 98—126.

Ebersole P., De Vogler K.L. Meaning in life: category self-ratings // J. of Psychology. V. 107. 1981. P. 283—293.

Endler N., Magnusson D. Interactionism, trait psychology, psychodynamics, and situationism // Rep. psychol. lab., Univer. Stockholm, № 418.1974. — 29 p.

Erdehyi M.H. A New Look at the New Look: perceptual defence and vigilance // Psychol. Rev., № 1. 1974. V. 81. P. 1—25.

Fabry J. The pursuit of meaning: logotherapy applied to life. Boston: Beacon, 1968. — XII, 211 p.

Fajans S. Die Bedeutung der Entfernung fur die Starke eines Aufforderungscharakters beim Saugling und Kleinkind // Psychol. Forsch., № 17. 1933. S. 215—267.

Fishbein H., Ajzen I. Belief, attitude, intention, and behavior: an introduction to theory and research. Reading (Mass.): Addison-Wesley, 1975. — XI, 578 p.

Frankl V. Psychotherapy and existentialism. New York: Simon and Schuster, 1967. — X, 246 p.

Frankl V. The will to meaning: foundations and applications of logotherapy. New York: Plume press, 1969. —X, 181 p.

Frankl V. The doctor and the soul: from psychotherapy to logotherapy. New York: Vintage books, 1973. — XXII, 295 p.

Frankl V. The Unconscious God. New York: Washington Square Press, 1975. — 161 p.

Frankl V. The unheard cry for meaning. New York: Simon and Schuster, 1978. — 191 p.

Frankl V. Der Mensch von der Frage nach dem Sinn: eine Auswahl aus dem Gesamtwerk. Munchen; Zurich: Piper, 1979. — IX, 308 S.

Frankl V. Der Wille zum Sinn: Ausgewählte Vorträge über Logotherapie. 3., erw. Aufl. Bern: Huber, 1982. — 344 S.

Frankl V. Man's search for meaning: an introduction to logotherapy. 3rd ed., rev. and enl. New York: Simon and Schuster, 1984. — 189 p.

Frankl V. Logos, paradox and the search for meaning // Cognition and psychotherapy / M.J. Mahoney, A. Freeman (Eds.). New York: Plenum, 1985. P. 259—275.

Fransella F. ...And then there was one // Perspectives in personal construct theory / D. Bannister (Ed.). London; New York: Academic press, 1970. — P. 63—89.

Fransella F. Personal meanings and personal constructs // Personal meanings / E. Shepherd, J. Watson (Eds.) Chichester etc.: Wiley, 1982. P. 47—58.

Gauld A., Shotter J. Human action and its psychological investigation. London etc.: Routledge and Kegan Paul, 1977. — IX, 237 p.

Gendlin E.T. Experiencing and the creation of meaning: a philosophical and psychological approach to the subjective. New York: The Free Press of Glencoe, 1962. — XVIII, 302 p.

Gendlin E.T. A Theory of Personality Change // Personality Change / P. Worchel, D. Byrne (Eds.). New York: Wiley, 1964. — P. 100—148.

Gendlin E.T. Focusing. 2nd ed. Toronto: Bantam Bks, 1981. — XII, 174 p.

Ginsburg G.P. Epilogue: a conception of situated action // The structure of action / M. Brenner (Ed.). Oxford: Blackwell, 1980. P. 313—350.

Harre R. The conditions for a social psychology of childhood // The integration of a child into a social world / M. Richards (Ed). London: Cambridge University press, 1974. P. 245—262.

Harre R. Disclosing oneself in one's possessions // Life sentences / R. Harre (Ed.). London etc.: Wiley, 1976. P. 49—52.

Harre R. Rules in the explanation of social behavior // Social rules and social behavior / P. Collett (Ed.). Oxford: Blackwell, 1977. P. 28—41.

Harre R. Accounts, actions and meanings — the practice of participatory psychology // The social context of method / U. Brenner, P. Marsh, M. Brenner. New York: St. Martin's press, 1978. P. 44—65.

Harre R. Social being: a theory for social psychology. Oxford: Blackwell, 1979. — XII, 438 p.

Harre R. Personal meanings: semantic relations of the fourth kind // Personal meanings / E. Shepherd, J. Watson (Eds.). Chichester etc.: Wiley, 1982. P. 9—22.

Harre R. Personal being: a theory for individual psychology. Oxford: Blackwell, 1983. — X, 299 p.

Harre R., Clarke D., DeCarlo N. Motives and mechanisms: an introduction to the psychology of action. London; New York: Methuen, 1985. — X, 161 p.

Harri-Augstein S. Reflecting on structures of meaning: a process of learning-to-learn // Personal construct psychology 1977 / F. Fransella (Ed.) London etc.: Academic press, 1978. P. 87—101.

Harri-Augstein S. Learning-to-learn languages: new perspectives for the personal observer // Issues and approaches in personal construct theory / D.Bannister (Ed.). London etc.: Academic press, 1985. P. 47—66.

Harri-Augstein S., Thomas L. Self-organized learning and the relativity of knowing: towards a conversational methodology // Constructs of sociality and individuality / P.Stringer, D.Bannister (Eds.) London etc.: Academic press, 1979. P. 115—132.

Hinkle D.N. The game of personal constructs // Perspectives in personal construct theory / D.Bannister (Ed.). London; New York: Academic press, 1970. P. 91—110.

Holt R.R. Drive or wish? A reconsideration of the psychoanalytic theory of motivation // Psychology versus metapsychology: psychoanalytic essays in memory of George S. Klein / M.H.Gill, P.S.Holzman (Eds.). New York: International Universities press, 1976. P. 158—197.

Jansz J. Social motives under negotiation // Recent trends in theoretical psychology, vol. III / H.Stam, L.Mos, W.Thorngate, B.Kaplan (Eds.). New York: Springer, 1993. P. 211—217.

Jung C.G. Two essays on analytical psychology // The collected works. V. 7. London: Routledge and Kegan Paul, 1953. — X, 329 p.

Jung C.G. The practice of psychotherapy // The collected works. V. 16. London: Routledge and Kegan Paul, 1954 a. — XII, 377 p.

Jung C.G. The development of personality // The collected works. V. 17. London: Routledge and Kegan Paul, 1954 b. — VIII, 235 P.

Jung C.G. Die Dynamik des Unbewussten // Gesammelte Werke. Bd. 8. Zurich; Stuttgart: Rascher Verlag, 1967. — XII, 671 S.

Karsten A. Psychische Sättigung // Psychol. Forsch., № 10. 1928. — S. 142—254.

Katz D., Stotland E. A preliminary statement to a theory of attitude structure and change // Psychology: a study of a science. V. 1. / S.Koch (Ed.). New York: McGraw-Hill, 1959. P. 423—475.

Kelly G. The psychology of personal constructs. New York: Norton, 1955. — XVIII, 1210 p.

Kelly G. Clinical psychology and personality: the selected papers of George Kelly / B. Maher (Ed.). New York: Wiley, 1969. — VIII, 361 p.

Kelly G. A brief introduction to personal construct theory // Perspectives in personal construct theory / D.Bannister (Ed.). London, New York: Academic press, 1970. P. 1—29.

Klein G.S. Psychoanalytic theory: an explorations of essentials. New York: International Universities press, 1982. — X, 330 p.

Kluckhohn C. Values and Value Orientations in the Theory of Action // Toward a General Theory of Action / T.Parsons, E.Shils (Eds.). Cambridge: Harvard UP, 1951. P. 388—433.

Kvale S. Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing. Thousand Oaks: Sage, 1996. - XVII, 326 p.

Kuhl J. Action control: the maintenance of motivational states // *Motivation, Intention, and Volition* / F.Halisch, J.Kuhl (Eds.). Berlin: Springer, 1987. P. 279—291.

Leontiev D. Existenztanalyse der Sinnkrise in Rußland und theoretische Überlegungen Über den Sinn des Lebens // *J. des Viktor-Frankl-Instituts*, Bd.I, №1.1993. S.53—59.

Leontiev D.A. The Phenomenon of Choice: Preliminary Considerations // *Sharing Tools for Personal/Global Harmony: First Annual Conference on Conflict Resolution* / V.Kagan (Eds.). St.Petersburg, 1994. P. 52—64.

Leontiev D., Zherdeva N., Chugunova I. Readers' perception of commercial genres and book covers: a psychosemantic study // *The Systemic and Empirical Approach to Literature and Culture as Theory and Application* / I.Sywenky & S.Totosy de Zepetnek (Eds.). Edmonton: University of Alberta Press, 1997. P. 471—483.

Lewin K. Vorsatz, Wille, und Bediirfnis. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1926. — 92 S.

Lewin K. A dynamic theory of personality: selected papers. New York: McGraw-Hill, 1935. — X, 286 p.

Lewin K. The conceptual representation and the measurement of psychological forces. Durham (N.C.): Duke University press, 1938. — 247 p.

Lewin K. Kurt-Lewin-Werkausgabe. Bd. 4. Feldtheorie / Hg. von C.-F. Graumann. Bern: Huber; Stuttgart: Klett-Cotta, 1982. — 396 S.

Lukas E. Zur Validierung der Logotherapie // Frankl V.E. *Der Wille zum Sinn*. 3. erw. Aufl. Bern: Huber, 1982. S. 275—308.

McGuire W.J. Attitudes // *Encyclopaedia Britannica*. 15th ed. V. 2. Chicago: 1974. P. 360—363.

Maddi S.R. The search for meaning // *The Nebraska symposium on motivation 1970* / W.J.Arnold, M.H.Page (Eds.). Lincoln: University of Nebraska press, 1971. P. 137—186.

Maddi S.R. Existential Analysis // *The encyclopedic dictionary of psychology* / R.Harre, R.Lamb (Eds.). Oxford: Blackwell, 1983. P. 223—224.

Magnusson D. Consistency and coherence in personality: a discussion of lawfulness at different levels // *Rep. Dep. Psychol., Univer. Stockholm*, № 472. 1976. — 24 p.

Magnusson D. On the psychological situation // *Rep. Dep. Psychol., Univer. Stockholm*, № 544. 1978. — 30 p.

Magnusson D. Situational determinants of stress: an interactional perspective // *Handbook of stress* / L.Goldberger, S.Breznitz (Eds.). New York: The Free press, 1982. P. 231—253.

Mair J.M.M. Psychologists are human too // *Perspectives in personal construct theory* / D. Bannister (Ed.). London; New York: Academic press, 1970. P. 157—184.

Maslow A. Religions, Values, and Peak-Experiences. New York: Viking press, 1970 a. — XX, 123 p.

Maslow A.H. *Motivation and Personality*. 2nd ed. New York: Harper & Row, 1970 b. — XXX, 369 p.

May R. *Love and Will*. New York: W.W.Norton, 1969. — 352 p.

Morris C.W. *Varieties of Human Value*. Chicago: University of Chicago Press, 1956. — XV, 208 p.

Menzel H. Meaning — who needs it? // The social contexts of method / U.Brenner, P.Marsh, M.Brenner (Eds.). New York: St. Martin's press, 1978. P. 140—171.

Merleau-Ponty M. Phenomenologie de la perception. Paris: Gallimard, 1945. — XVI, 532 p.

Merleau-Ponty M. La structure du comportement. 5 ed. Paris: P.U.F., 1963. — XVI, 248 p.

Nuttin J. Experimental and clinical method in psychology // Rivista di Psicologia, 1956, 50. — P. 191—204.

Nuttin J. Personality dynamics // Perspectives in personality theory / H.P.David, H. von Bracken (Eds.). New York: Basic bks., 1957. P. 183—195.

Nuttin J. Tache, reussite et echec: theorie de la conduite humaine. 2 ed. Louvain: Publicitions Universitaires de Louvain; Paris: Beatrice-Nauwelaerts, 1961. — 530, X p.

Nuttin J. Das Verhalten des Menschen; der Mensch in seiner Erscheinungswelt // Psychologische Antropologie / Hg. von H.G.Gadamer. Stuttgart: Georg Thieme Verlag, 1973. S. 163—199.

Nuttin J. Motivation, planning, and action: a relational theory of behavior dynamics. Leuven: Leuven University press; Hillsdale (N.J.): Lawrence Erlbaum Associates, 1984. — X, 251 p.

Nuttin J. Future time perspective and motivation. Leuven: Leuven University press; Hillsdale (N.J.): Lawrence Erlbaum Associates, 1985. — 235 p.

Nystedt L. A model for studying the interaction between the "objective" situation and a person's construction of the situation // Toward a psychology of situations: an interactional perspective / D.Magnusson (Ed.). Hillsdale (N.J.): Lawrence Erlbaum, 1981. P. 375—391.

Peterfreund E. Information, systems, and psychoanalysis: an evolutionary biological approach to psychoanalytic theory. New York: International Universities press, 1971. — 399 p.

Peterfreund E. How does the analyst listen? On models and strategies in the psychoanalytic process // Psychoanalysis and contemporary science. V. 4 / D.P.Spence (Ed.). New York: International Universities press, 1976. — P. 59—101.

Peterfreund E., Franceschini E. On information, motivation, and meaning // Psychoanalysis and contemporary science. V. 2 / B.B.Rubinstein (Ed). New York; London: Macmillan, 1973. P. 220—262.

Phenix P. Realms of meaning: a philosophy of the curriculum for general education. New York etc.: McGraw-Hill, 1964. — XIV, 391 p.

Procter //., Parry G. Constraint and freedom: the social origin of personal constructs // Personal construct psychology 1977 / F.Fransella (Ed.). London etc.: Academic press, 1978. P. 157—170.

Rheinberg F. The motivational analysis of high-risk sport // Motivation, Intention, and Volition / F.Halisch, J.Kuhl (Eds.). Berlin: Springer, 1987. P. 249—259.

Rokeach M. Beliefs, Attitudes, and Values. San Francisco: Jossey-Bass, 1969. — XVIII, 214 p.

Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: The Free Press, 1973. — X, 438 p.

Rokeach M. (Ed.) *Understanding Human Values: Individual and Societal*. New York: The Free Press, 1979. — X, 322 p.

Rommveit R. On "meanings" of acts and what is meant and made known by what is said in a pluralistic social world // *The structure of action* / M. Brenner (Ed.). Oxford: Blackwell, 1980. P. 108—149.

Royce J.R. *The encapsulated man: an interdisciplinary essay on the search for meaning*. Princeton: Van Nostrand, 1964. — XII, 206 p.

Royce J.R., Powell A. *Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1983. — 304 p.

Ryan R., Deci E., Grolnick W. *Autonomy, relatedness, and the self: Their relation to development and psychopathology* // D. Cicchetti, D.J. Cohen (Eds.). *Developmental psychopathology*. V 1. Theory and methods. New York: Wiley, 1995. P. 618—655.

Rychlak J.F. *Introduction to Personality and Psychotherapy: a Theory-Construction Approach*. 2 ed. Boston: Houghton Mifflin, 1981. — XXIV, 871 p.

Rychlak J.F. *The Nature and Challenge of Teleological Psychological Theory* // *Annals of Theoretical Psychology*. V. 2 / J.R. Royce, L. Mos (Eds.) New York; London: Plenum Press, 1984. P. 115—150.

Salmon P. *Doing psychological research* // *Personal construct psychology 1977* / F. Fransella (Ed.). London etc.: Academic press, 1978. P. 35—44.

Sartre J.-P. *L'Être et le Néant*. Paris: Gallimard, 1943. — 722 p.

Sartre J.-P. *Esquisse d'une théorie des émotions*. Paris: Hermann, 1960. — 67 p.

Sartre J.-P. *The Psychology of Imagination*. London: Methuen, 1972. — XVIII, 234 p.

Schloder B. *Soziale Werte und Werthaltungen*. Opladen: Leske+Budrich, 1993. — 235 S.

Shope R.K. *Freud's concepts of meaning* // *Psychoanalysis and contemporary science*. V 2/B.B. Rubinstein (Ed.). New York; London: Macmillan, 1973. P. 276—303.

Shotter J. *What is it to be human?* // *Reconstructing social psychology* / N. Armistead (Ed.). Harmondsworth: Penguin, 1974. P. 53—71.

Shotter J. *Images of man in psychological research*. London: Methuen, 1975. — 144 p.

Shotter J. *Acquired powers: the transformation of natural into personal powers* // *Personality*/R. Harre (Ed.). Oxford: Blackwell, 1976. P. 25—43.

Shotter J. *The cultural context of communication studies: theoretical and methodological issues* // *Action, gesture and symbol: the emergence of language* / A. Lock (Ed.). London etc.: Academic press, 1978. P. 43—78.

Shotter J. *Social accountability and selfhood*. Oxford: Blackwell, 1984. — XII, 253 p.

Shotter J. *Getting in touch: the methodology of a postmodern science of mental life* // *The Humanistic Psychologist*, № 1. Spring 1990. V. 18. P. 7—22.

Smedslund J. *Meanings, implications, and universals: towards a psychology of man* // *Scandinavian J. of psychology*, № 1. 1969. V. 10. P. 1—15.

Spence D.P. *A New Look at vigilance and defence* // *J. Abn. Soc. Psychol.*, № 4. 1957. V. 54. P. 41—54.

Spranger E. Lebensformen. 2 Aufl. Halle (Salle): Max Nimeyer, 1921. — X, 403 S.

Subbotsky E. V Existence as a psychological problem: Object permanence in adults and preschool children // Intern. J. of Behavioral Development, № 1. 1991. V. 14. P. 67—82.

Tart C. The systems approach to states of consciousness // R.Walsh, F.Vaughan (Eds). Beyond Ego: Transpersonal Dimensions in Psychology. Los Angeles: Tarcher, 1980. P. 115—118.

Thomas L. Learning and meaning // Personal construct psychology 1977 / F.Fransella (Ed.). London etc.: Academic press, 1978. P. 47—57.

Thomas L. Nothing more theoretical than good practice: teaching for self-organized learning // Issues and approaches in personal construct theory / D.Bannister (Ed.). London etc.: Academic press, 1985. P. 233—251.

Tolman E.C. Purposive behavior in animals and men. New York; London: The Century C*, 1932 a. — XIV, 463 p.

Tolman E.C. Lewin's concept of vectors // J. of general psychology, № 1. 1932b. V. 7. P. 3—15.

Tolman E.C. A psychological model // Toward a general theory of action / T.Parsons, E.Shils. Cambridge: Harvard University press, 1951. P. 277—361.

Tolman E.C. Behavior and psychological man: essays in motivation and learning. Berkeley; Los Angeles: University of California press, 1958. — XVI, 269 p.

Van Bergen A. Task interruption. Amsterdam: North-Holland, 1968. — VIII, 342 p.

Watts EN., Sharrock R. Fear and time estimation // Perceptual and motor skills, № 4. 1984. V 59. P. 597—598.

Weisskopf-Joelson E. Meaning as integrating factor // The course of human life: a study of goals in the humanistic perspective / C.Buhler, F.Massarik (Eds.). New York: Springer, 1968. P. 359—363.

Widdershoven G.A.M. The story of life: Hermeneutic perspectives on the relationship between narrative and life history // The narrative study of lives / R. Josselson, A.Lieblich (Eds.). Newbury Park: Sage, 1993. P. 1—20.

Witreich W.J. Visual perception and personality // Scientific American, № 4. 1959. V 200. P. 56—60.

Yalom I. Existential Psychotherapy. New York: Basic Books, 1980. — XII, 524 p.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
---------------	---

ГЛАВА 1. ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СМЫСЛА В ПСИХОЛОГИИ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

1.1. ПОНЯТИЕ СМЫСЛА В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ.....	8
1.2. Подходы К ПОНИМАНИЮ СМЫСЛА В ПСИХОЛОГИИ.....	27
1.2.1. ПРЕДЫСТОРИЯ СМЫСЛА КАК ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО ПОНЯТИЯ В ПСИХОЛОГИИ: РАННИЕ ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ.....	27
1.2.2. Смысл КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ ОСНОВА ЛИЧНОСТИ.....	36
1.2.3. Смысл КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОЗНАНИЯ и ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	51
1.3. ПОНИМАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ СМЫСЛА В ДЕЯТЕЛЬНОСТНОМ ПОДХОДЕ.....	78
1.4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ГЛАВЕ 1.....	105

ГЛАВА 2. ОНТОЛОГИЯ СМЫСЛА

2.1. ГРАНИ СМЫСЛА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ, ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА СМЫСЛОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	107
2.2. ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СМЫСЛА: СМЫСЛ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	114
2.3. ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ и СМЫСЛОВОЙ СФЕРЕ ЛИЧНОСТИ.....	124
2.4. ПУТИ И МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ СМЫСЛОВ.....	130
2.5. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СМЫСЛА: СМЫСЛ В СТРУКТУРЕ СОЗНАНИЯ.....	138
2.6. ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ АСПЕКТ СМЫСЛА: СМЫСЛ В СТРУКТУРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	147
2.7. СМЫСЛОВАЯ РЕГУЛЯЦИЯ КАК КОНСТИТУИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЛИЧНОСТИ. Смысл в СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ.....	152
2.8. Смысл и эмоция.....	160
2.9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ГЛАВЕ 2.....	165

ГЛАВА 3. СМЫСЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ, ИХ СВЯЗИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

3.1. Личностный смысл: ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ИНДИКАЦИЯ и ТРАНСФОРМАЦИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ОБРАЗА	167
3.2. СМЫСЛОВАЯ УСТАНОВКА: РЕГУЛЯЦИЯ НАПРАВЛЕННОСТИ АКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	182
3.3. Мотив. МОТИВАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ	190
3.4. СМЫСЛОВАЯ ДИСПОЗИЦИЯ. ДИСПОЗИЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ	204
3.5. Смысловой КОНСТРУКТ. АТРИБУТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ	213
3.6. ЛИЧНОСТНЫЕ ЦЕННОСТИ И ПОТРЕБНОСТИ В СТРУКТУРЕ СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ	223
3.7. ДИНАМИЧЕСКАЯ СМЫСЛОВАЯ СИСТЕМА КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ И КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ	232
3.8. Смысл ЖИЗНИ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ СМЫСЛОВАЯ ОРИЕНТАЦИЯ	247
3.9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ГЛАВЕ 3	250

ГЛАВА 4. ДИНАМИКА И ТРАНСФОРМАЦИИ СМЫСЛОВЫХ СТРУКТУР И СИСТЕМ

4.1. ВНУТРИЛИЧНОСТНАЯ ДИНАМИКА СМЫСЛОВЫХ ПРОЦЕССОВ: СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ, СМЫСЛОСОЗНАНИЕ, СМЫСЛОСТРОИТЕЛЬСТВО	252
4.2. ФИЛОГЕНЕЗ смысловой РЕГУЛЯЦИИ	270
4.3. Линии И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ смысловой СФЕРЫ личности В ОНТОГЕНЕЗЕ	276
4.4. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ смысловой РЕГУЛЯЦИИ И смысловой СФЕРЫ личности	291
4.5. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ	301
4.6. ПАТОЛОГИЯ СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ	316
4.7. НАРУШЕНИЯ СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПРИ ДЕВИАНТНОМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ	335

4.8. СМЫСЛОТЕХНИКА КАК СМЫСЛОВАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ и ТЕХНОЛОГИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ	349
4.8.1. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О СМЫСЛОТЕХНИКЕ	349
4.8.2. СМЫСЛОТЕХНИКА ПРОЦЕССОВ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ	351
4.8.3. СМЫСЛОТЕХНИКА ПРОЦЕССОВ СМЫСЛОСОЗНАНИЯ	360
4.8.4. МЕХАНИЗМЫ СМЫСЛОТЕХНИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	362
4.9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ГЛАВЕ 4	365

ГЛАВА 5. ВНЕЛИЧНОСТНЫЕ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ФОРМЫ СМЫСЛА

5.1. КОЛЛЕКТИВНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ОБЩИЕ СМЫСЛЫ РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	369
5.2. Смысл и значение. ГРУППОВЫЕ СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЕ КОНТЕКСТЫ И ПРЕДЕЛЫ ПОНИМАНИЯ	375
5.3. СМЫСЛОВАЯ КООРДИНАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ смыслов в СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	393
5.4. НАПРАВЛЕННАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ смыслов: ОБУЧЕНИЕ и МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ	407
5.5. КУЛЬТУРА КАК ПОЛЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ СМЫСЛОВ	412
5.6. ИСКУССТВО КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСЛЯЦИИ СМЫСЛОВ	419
5.7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ГЛАВЕ 5	438

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Что ЗА СМЫСЛОМ?	440
-----------------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРА	445
------------------	-----

ОБ АВТОРЕ

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор факультета психологии Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, специалист в области психологии личности, психологии искусства, психологии рекламы, теории и истории психологии, психодиагностики. Он автор более 300 публикаций, в том числе книг «Очерк психологии личности» (М., 1993; 1997), «Введение в психологию искусства» (М., 1998), «Тематический апперцептивный тест» (М., 1998; 2000), редактор коллективных монографий «Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы» (М., 1990), «Искусство и эмоции» (Пермь, 1991), «Психология с человеческим лицом» (М., 1997), «Современная психология мотивации» (М., 2002).

103009 Москва, Моховая ул., 8, корп. 5, факультет психологии МГУ. E-mail: dleon@smysl.ru

Научное издание

Леонтьев Дмитрий Алексеевич
Психология смысла: природа,
строение и динамика смысловой реальности

2-е, исправленное издание

Редакторы О.В.Квасова, Т.П.Толстова

Корректор Т.П.Толстова

Художник А.Ф.Малаховский

Компьютерная верстка О.В.Кокоревой

Издательство «Смысл», 103050, Москва, 50, а/я 158

Тел./факс (095) 195-3713, 195-0308

e-mail: smysl@smysl.ru

<http://www.smysl.ru>

Лицензия ИД № 04850 от 28.05.2001.

Подписано в печать 27.12.2002. Печать офсетная. Формат 60х90/16.

Гарнитура TimesET. Усл.печ.л. 30,5. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука».

121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ № 7503

ISBN 3-89357-082-0

9 785893 570823